Учреждение образования Федерации профсоюзов Беларуси
«Международный университет «МИТСО»

И. А. Маньковский

НОРМАТИВНАЯ МОДЕЛЬ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ: ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ, ТОЛКОВАНИЯ И ПРИМЕНЕНИЯ

Монография

Минск
Международный университет «МИТСО»
2017

УДК 347(476)
ББК 67.404(4Беи)
М24

Рекомендовано
к изданию научно-методическим советом Учреждения образования Федерации профсоюзов Беларуси «Международный университет «МИТСО»
(протокол № 1 от 28.09.2017)

Автор:
И. А. Маньковский, кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник центра частноправовых и социально-экономических исследований НИИ ТиСО Международного университета «МИТСО»

Рецензенты:
В. А. Витушко, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры адвокатуры юридического факультета Международного университета «МИТСО»;
Л. В. Щенникова, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права юридического факультета Кубанского государственного университета

Маньковский, И. А.
М24 Нормативная модель гражданско-правового регулирования: проблемы формирования, толкования и применения : моногр. / И. А. Маньковский. – Минск : Междунар. ун-т «МИТСО», 2017. – 486 с.
ISBN 978-985-6421-69-6.

Монография представляет собой комплексное исследование процессов формирования, толкования и применения норм гражданского права, процедуры построения на основе норм закона сложных условных суждений импликативного типа о правах и обязанностях субъектов гражданского права.

Адресована научным работникам, преподавателям учреждений образования, обеспечивающих получение высшего образования, аспирантам, студентам магистратуры, студентам, обучающимся по юридическим и экономическим специальностям, практическим работникам.

УДК 347(476)
ББК 67.404(4Беи)

ISBN 978-985-6421-69-6

© Маньковский И. А., 2017
© Международный университет «МИТСО», 2017

ВВЕДЕНИЕ

Начиная с 90-х гг. XX в., с момента образования самостоятельного белорусского государства становление и дальнейшее развитие Республики Беларусь проходит в новых политических и экономических условиях, соответствующих выбранному демократическому политическому режиму, допускающему участие в экономических процессах как государственных, так и частных средств производства. Таким образом, в постсоветский период белорусской государственности «материальной основой стабильного функционирования Республики Беларусь… является экономическая система… состоящая… из двух сегментов: государственного и частного» [63-А, с. 327], гибкое сочетание которых следует признать основой динамично развивающейся экономики.

Выбранный Беларусью независимый путь развития, смена политических и, как следствие, экономических приоритетов в начале 90-х гг. XX в., введение в действие Конституции Республики Беларусь от 15 марта 1994 г. (с учетом изменений, принятых на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.) [1] (далее − Конституция) обусловили необходимость разработки качественно новой модели правового регулирования экономических отношений, закрепленной в Гражданском кодексе Республики Беларусь, который был принят 7 декабря 1998 г. и введен в действие в основной части 1 июля 1999 г. (далее − ГК) [2]. В ГК закрепили нормы гражданского права, составившие правовую основу управления экономическими процессами в новых геополитических условиях функционирования Беларуси.

По сути в ГК закреплена правовая модель экономического уклада Республики Беларусь, от обоснованности и стабильности которой, от ее способности создать правовые условия эффективного участия в экономических отношениях, соответствия потребностям белорусского общества и современным, в том числе и мировым тенденциям в экономике, зависят такие составляющие успешного экономического развития Беларуси, как наличие у населения предпринимательской активности и деловой инициативы, перманентное увеличение рабочих мест, увеличение объемов и ассортимента продукции, выпускаемой как государственными, так и частными субъектами хозяйствования, повышение благосостояния каждого отдельного человека и в целом эффективность государственной экономики.

Более чем семнадцатилетний период применения ГК можно признать достаточным:

– для проведения анализа эффективности воздействия на участников экономических отношений закрепленной в ГК и применяемой в Беларуси модели гражданско-правового регулирования, ее способности создать максимально благоприятные правовые условия для развития предпринимательской деятельности, раскрепощения деловой инициативы и творческого потенциала граждан, что предусмотрено нормами Директивы Президента Республики Беларусь от 31 декабря 2010 г. № 4 «О развитии предпринимательской инициативы и стимулировании деловой активности в Республике Беларусь» [3] (далее − Директива № 4) и является одним из основных стратегических факторов устойчивого социально-экономического развития белорусского государства;

– выявления имеющихся несоответствий действующей модели гражданско-правового регулирования современным реалиям экономического развития, разработки и внесения предложений по совершенствованию (изменению) парадигмы гражданско-правового регулирования.

Необходимо отметить, что во втором десятилетии XXI в. экономика Республики Беларусь показывает невысокие результаты, что следует из доклада миссии Международного валютного фонда, а также из оценок эффективности белорусской экономики, сделанных высшими должностными лицами нашего государства, и тех решений, которые сегодня принимаются с целью повышения результативности экономической деятельности.

Так, согласно данным миссии Международного валютного фонда «вследствие внутренних структурных недостатков и негибкости, а также внешних потрясений экономика (Беларуси. – *Примеч. авт.*) сократилась на 3,9 % в 2015 году, аналогичная ситуация наблюдалась и в первой половине 2016 года» [4].

Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко, выступая 21 апреля 2016 г. с ежегодным Посланием к белорусскому народу и Национальному собранию Республики Беларусь, отметил, что 2016 год «…должен стать переломным в преодолении негативных тенденций в экономической сфере» [5]. А. Г. Лукашенко также отметил, что необходимо сделать ставку на эффективные методы управления, прагматичный подход в хозяйствовании, поддержку частной инициативы, отвел особую миссию законодателям, от которых ожидают принятия эффективных законов [5]. 23 февраля 2016 г. был принят Указ Президента Республики Беларусь № 78 «О мерах по повышению эффективности социально-экономического комплекса Республики Беларусь» [6], в соответствии с нормами которого необходимы своевременные меры по обеспечению экономической безопасности, социальной стабильности

и формированию дополнительных условий для возобновления устойчивого экономического роста.

На необходимость решения задач в сфере экономики в процессе принципиального преобразования общественных отношений в свое время обращал внимание В. В. Путин, который к актуальным задачам, решение которых необходимо, отнес такие, как уменьшение ограничения экономических свобод граждан, создание условий для «зарабатывания» ими денег и вкладывания в экономику собственной страны, формирование надлежащей предпринимательской среды, освобожденной от излишнего административного давления [7], что вполне актуально и для современного состояния экономики Республики Беларусь.

Приведенные высказывания и введенные в действие нормативные правовые акты, включая принятую в 2010 г. и, исходя из анализа ситуации, сложившейся сегодня в экономике, нереализованную в должной мере Директиву № 4, свидетельствуют о назревшей в Беларуси необходимости совершенствования процедуры осуществления экономической деятельности, что невозможно без разработки и введения в действие соответствующей духу времени правовой основы или модели правового регулирования экономической деятельности которая, начиная с Великой Французской революции 1792 г. в государствах, избравших демократический путь развития традиционно закрепляется в Гражданском кодексе.

Руководствуясь тем, что ГК как базовый нормативный правовой акт системы гражданского законодательства служит для закрепления норм гражданского права, определяющих правовые условия осуществления экономической деятельности, последние следует признать основным средством гражданско-правого регулирования и, следовательно, предметом научного познания в процессе совершенствования парадигмы гражданского права. При этом ГК должен служить базой для развития гражданского законодательства, его центральным, стержневым нормативным правовым актом [3-А, с. 221], должен быть признан «экономической конституцией государства», нормативным правовым актом, занимающим ведущее положение в иерархической системе гражданского законодательства Республики Беларусь, подчиненным единственно нормам Конституции [16-А, с. 69–73; 63-А, с. 327–331].

На основании проведенного нами анализа места ГК в системе гражданского законодательства [5-А, с. 12–19; 6-А, с. 31–39; 14-А, с. 61–64; 16-А, с. 69–73], можно с уверенностью утверждать, что указанный нормативный правовой акт на территории Республики Беларусь не выполняет функции «экономической конституции», не может

служить стержневым нормативным правовым актом и, соответственно, стабильной правовой основой экономической деятельности, что негативно отражается на ее результативности. При этом согласно утверждению В. А. Дозорцева, «кодекс имеет смысл только как достаточно стабильный акт. Издание его – важнейший фактор стабилизации законодательства» [8, с. 35], что особенно актуально для сферы экономического оборота и, соответственно, для ГК.

Исходя из того, что белорусская экономика в настоящий момент не обладает необходимой степенью эффективности, а основная часть общественных отношений, в том числе и экономических, развивается в соответствии с установленным в Беларуси правопорядком, следует вывод о несоответствии правовой основы осуществления экономической деятельности современным потребностям белорусского государства и, следовательно, о необходимости ее модернизации.

Учитывая тот факт, что правовая основа развития гражданско-правовых (экономических) отношений закреплена в ГК, следует вывод о необходимости проведения исследования процессов формирования массива гражданско-правовых норм, закрепленных в первую очередь в ГК и составляющих принятую в государстве модель гражданско-правового регулирования, процедуры их толкования и применения, а также места ГК в системе гражданского законодательства, его взаимодействия с другими нормативными правовыми актами, содержащими нормы гражданского права и непосредственно способности ГК и, соответственно, закрепленных в нем норм оказывать регулирующее воздействие на гражданско-правовые (экономические) отношения, развивающиеся на территории Республики Беларусь. По сути именно ГК как нормативный правовой акт, в котором закреплена модель гражданско-правового регулирования (парадигма гражданского права), должен определять условия осуществления экономической деятельности, выступать гарантом стабильности развития гражданско-правовых (экономических) отношений, служить правовым ориентиром в сфере производства, обмена и потребления товаров, работ, услуг производимых на территории Республики Беларусь как для внутреннего (личного, семейного и т. п.) потребления, так и для реализации третьим лицам.

Учитывая изложенное, исходя из невысоких показателей белорусской экономики и на основании того, что на территории Беларуси полного комплексного исследования закрепленной в ГК совокупности гражданско-правовых норм, составляющих модель гражданско-правового регулирования, процессов их формирования, методики толкования и процедуры применения не проводилось, следует вывод об акту-

альности темы, выбранной для исследования, целесообразности его проведения и приоритете такого исследования в Беларуси.

На актуальность исследования косвенно указывает В. А. Белов, согласно утверждению которого «за полтора десятка лет предреволюционной истории, почти три четверти века советского прошлого и десять лет существования независимой российской государственности учение о толковании законодательных норм пришло в состояние стагнации, а представление о толковании законов стало связываться с печально известной поговоркой про закон и дышло. Из судейской же практики понятие о толковании закона вовсе исчезло; максимум, на что сегодня хватает российских судей − так это на уяснение буквального значения законодательной нормы» [9, с. 8]. Приведенное утверждение применимо и к состоянию учения о толковании и применении норм гражданского права в белорусской цивилистической науке и судебной практике.

Исследование основано на преемственности научных знаний, в нем отражено большинство наиболее значимых научных результатов, полученных учеными досоветского, советского и постсоветского периодов развития юридической науки. «Отсутствие преемственности научных знаний, накопленных предшествующими поколениями, или их использование без дальнейшего совершенствования, соответствующего уровню политического и экономического развития общества, может, по нашему мнению, стать непреодолимым препятствием как для дальнейшей эволюции правовой мысли человечества» [13-А, с. 21], так и для получения научно обоснованных и достоверных результатов любого исследования.

Проведенные отдельные исследования в указанной области были направлены на решение некоторых проблемных аспектов классификации и видов правовых норм, процедуры их применения, предназначения и роли системы принципов гражданского права для регулирования экономических отношений, исследование отдельных методов толкования. Вместе с тем решение отдельных вопросов вне системной связи процессов формирования, толкования и практического применения гражданско-правовых норм не привело к формированию парадигмы гражданско-правового регулирования, способной создать правовые условия эффективного управления экономикой, повышения предпринимательской активности и деловой инициативы в экономической сфере и стабилизации экономического развития как государственного, так и частного сектора экономики.

Последовательный анализ понятия и структуры гражданско-правовой нормы, процедуры их толкования, практических аспектов применения и в конечном итоге подходов к формированию системы гражданско-правовых норм, закрепленных в ГК и составляющих модель гражданско-правового регулирования, позволит сделать выводы, соответствующие виду научного исследования, внести предложения по дальнейшему развитию цивилистической науки и, как следствие, совершенствованию учебной дисциплины и системы гражданского права, что в целом направлено на построение новой парадигмы гражданско-правового регулирования, изменение роли ГК в системе гражданского законодательства и повышение эффективности государственного управления процессами экономического взаимодействия, т. е. на решение актуальной для белорусского государства научной и практической проблемы.

ГЛАВА 1
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ, ТОЛКОВАНИЯ И ПРИМЕНЕНИЯ НОРМ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

1.1 ДОСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОЦЕССОВ ФОРМИРОВАНИЯ, ТОЛКОВАНИЯ И ПРИМЕНЕНИЯ НОРМ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

С момента активного развития системы права как средства государственного воздействия на участников общественных отношений нормы права, являясь основным элементом механизма правового регулирования, неизменно выступают в качестве предмета внимания ученых, исследовавших как нормы права в целом, с точки зрения науки «теория права», так и нормы гражданского права в частности. Кроме исследования непосредственно норм гражданского права, их структуры, изучалась методика толкования правовых норм и процедура их применения.

Интерес ученых к исследованию правовых норм в целом и гражданско-правовых в частности обусловлен, по нашему мнению, тем обстоятельством, что в качестве объекта государственного управления, в том числе осуществляемого с помощью правовых норм, выступает человек, представляющий собой высшую ценность современного демократического общества. Качество жизни человека в обществе зависит в том числе от качества правовых норм, понуждающих человека к тому или иному варианту поведения.

Учитывая, что на современном этапе государственного развития основой управления субъектами экономических и других общественных отношений выступают нормы права, процессы их формирования, толкования и применения представляют повышенный интерес и подлежат детальному научному исследованию и обоснованию.

На то обстоятельство, что нормы права являются одним из определяющих элементов системы государственного управления, а нормы гражданского права – одним из основных правовых средств управления экономикой, указывает неизменный интерес ученых к методологии применения и толкования правовых норм, в том числе гражданско-правовых, которые изучались учеными царской России, отдельными

учеными советского периода и рядом современных российских и белорусских ученых. Результаты этих исследований нашли отражение в монографиях и диссертациях, выполненных на соискание ученой степени кандидата и доктора юридических наук.

В досоветский период развития цивилистической науки исследование процедур толкования и применения норм непосредственно гражданского права, которое следует признать наиболее значимым в указанной области, было проведено Е. В. Васьковским (монография «Цивилистическая методология: учение о толковании и применении гражданских законов», впервые опубликована в г. Одессе в 1901 г.). В постсоветский период издание Е. В. Васьковского, представляющее собой докторскую диссертацию, защищенную более ста лет назад, не потеряло актуальности: оно было переиздано в 2001 г., что указывает на значимость процедуры толкования и применения норм гражданского права.

Кроме того, Е. В. Васьковским подготовлено и выпущено в свет «Руководство к толкованию и применению законов», опубликованное в 1913 г., предназначенное для практических работников и имеющее целью «служить пособием для молодых юристов, желающих овладеть искусством применения источников действующего права на практике» [10, с. 5]. В своих трудах ученый рассмотрел следующие приемы толкования: критика правовой нормы, направленная на установление подлинности норм гражданского права, правильности их текста, статуса принявшего нормы лица (органа), наличия у него соответствующих полномочий; словесное (грамматическое) толкование, в рамках которого исследованы такие элементы толкования, как лексический, синтаксический, логический, стилистический; реальное толкование; логическое развитие смысла правовой нормы; догматическая переработка гражданско-правовой нормы.

Наряду с указанными Е. В. Васьковский обращался и к таким аспектам толкования норм гражданского права, как устранение неясности правовой нормы и восполнение пробелов в системе гражданского права.

В целом названые научные труды посвящены исключительно вопросам толкования гражданско-правовых норм, раскрытых достаточно полно с учетом степени развития цивилистической науки того времени и, соответственно, подлежат переосмыслению и дальнейшему развитию с учетом реалий современной общественной и правовой действительности.

Основной заслугой Е. В. Васьковского следует признать то, что ученый одним из первых систематизировал способы толкования, научно обосновал необходимость и последовательность применения каж-

дого из них. Его труды дали толчок развитию теории толкования гражданско-правовых норм, сделав акцент на специфике построения гражданских законов, на особенностях толкования и применения норм гражданского права.

Отдельные аспекты толкования и применения правовых норм в целом в указанный период рассматривались и другими учеными. В качестве примеров исследований процессов толкования и применения правовых норм с точки зрения науки «теория права», проведенных в досоветский период развития цивилистической науки, можно назвать труды таких ученых, как И. Оршанский [11], А. Д. Градовский [12], П. П. Пуцилло [13], Г. Ф. Шершеневич [14], Н. И. Лазаревский [15] и некоторых других, исследовавших процедуры применения (действия) правовых норм и приемы их толкования судебными органами с позиции общетеоретической юридической науки [4-А, с. 9–11].

1.2 ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ, ТОЛКОВАНИЯ И ПРИМЕНЕНИЯ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ НОРМ В СОВЕТСКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Советский период развития юридической науки в целом и исследования норм права как одной из центральных категорий правоведения ознаменован в части исследования норм права как одной из центральных категорий правоведения появлением ряда научных трудов, подготовленных специалистами в области цивилистики и в области науки «теория права» и нашедших свое выражение в опубликованных монографиях и защищенных диссертациях. В качестве примера наиболее известных научных трудов, посвященных исследованию отдельных аспектов предназначения, структуры и применения норм гражданского права можно назвать статью Н. П. Томашевского «О структуре правовой нормы и классификации ее элементов» (опубликована в 1960 г. в сборнике статей «Вопросы общей теории советского права») [16], монографии Ю. С. Жицинского «Санкция нормы советского гражданского права» [17] (опубликована в 1968 г.), Ю. Х. Калмыкова «Вопросы применения гражданско-правовых норм» [18] (опубликована в 1976 г.), Д. Г. Хецуриани «Значение моральных норм в советском гражданском праве» [19] (опубликована в 1980 г.).

В названной статье Н. П. Томашевский рассмотрел структуру пра-

вовой нормы с позиции общей теории права, провел различие между нормой права и статьей закона (нормативного правового акта), отметил тот факт, что анализ норм права возможен «только путем анализа тех нормативных актов, в частности статей законов, в которых эти нормы фактически получили свое воплощение» [16, с. 198].

В ходе исследования Н. П. Томашевский обосновал двухэлементную структуру правовой нормы, привел примеры анализа гражданско-правовых норм на предмет определения в них гипотезы и диспозиции, назвал причины закрепления в советской юридической науке учения о трехэлементной структуре правовой нормы.

Ю. С. Жицинский в своем исследовании проанализировал структуру нормы гражданского права, сопоставил такие понятия, как «санкция» и «ответственность», критично рассмотрел теорию двухэлементного строения нормы гражданского права на примере научной статьи Н. П. Томашевского «О структуре правовой нормы и классификации элементов», опубликованной в 1960 г. в сборнике «Вопросы общей теории советского права», и попытался обосновать необходимость применения трехэлементной теории и, соответственно, трехэлементной структуры правовой нормы.

Кроме того, Ю. С. Жицинский рассмотрел особенности санкций норм гражданского права, сделав акцент на их имущественном характере и возможности реализации непосредственно нарушителем норм гражданского права. Ученый также провел классификацию гражданско-правовых санкций.

Не умаляя достоинств научного труда Ю. С. Жицинского, следует отметить, что в основу его рассуждений и, следовательно, полученных ученым выводов положены идеи строительства коммунистического общества, взгляды «вождей пролетариата» на то, какой должна быть наука, стремление показать отличия и превосходство советской науки гражданского права от науки «буржуазной», что лишило исследование необходимой научной преемственности с работами ученых дореволюционного периода и предопределило его выводы рамками, установленными коммунистической идеологией.

В частности, Ю. С. Жицинский «ставил перед собой задачу изучить достижения советской юридической науки в исследовании гражданско-правовой ответственности и гражданско-правовых санкций… и, по возможности, дать конкретные рекомендации по совершенствованию гражданского законодательства… что, в свою очередь, предопределено Директивами XXIII съезда КПСС, предусматривающего «повышение материальной ответственности предприятий за выполнение плановых и договорных обязательств…» [17, с. 4−6]. За рамками научного

труда Ю. С. Жицинского остались достижения цивилистической науки дореволюционной эпохи, что не могло не сказаться на достоверности полученных выводов.

Вопросы применения гражданско-правовых норм рассмотрел Ю. Х. Калмыков, исследовавший процедуру применения норм гражданского права, непосредственно нормы, закрепленные в Общей части ГК, и вопросы их практической реализации. Ученый разграничил анализ процедуры применения гражданско-правовых норм, регламентирующих отношения с участием граждан, и гражданско-правовых норм, регламентирующих отношения между хозяйственными и иными организациями. Содержание и выводы научного труда Ю. Х. Калмыкова также основаны на коммунистических лозунгах, программах, решениях съездов Коммунистической партии СССР. В частности, ученый указывал на то, что гражданское право призвано сыграть важную роль «в осуществлении задач, сформулированных в новом программном документе нашей партии − «Основных направлениях развития народного хозяйства СССР на 1976−1980 годы» [18, с. 3], чем предопределил ход своего исследования и его выводы взглядами коммунистической партии на роль гражданского права в процессе развития экономики.

В своей работе он, как и другие ученые советского периода, активно опирался на высказывания лидеров коммунистического движения, чем также обусловил его ход и в определенной степени предопределил полученные результаты, что с точки зрения чистоты научного исследования является неприемлемым. Ю. Х. Калмыков разграничил процедуру применения норм гражданского права в процессе воздействия на отношения с участием граждан и с участием организаций, что свойственно системе гражданского права советского периода в силу установленного для граждан запрета самостоятельного участия в экономических отношениях, усеченного объема правоспособности граждан.

Как установленный в период СССР гражданский правопорядок, так и сделанные ученым выводы не соответствуют современной правовой действительности.

По нашему мнению, не наука должна идти за складывающимися общественными отношениями, обосновывать выбранный органами государственного управления путь общественного развития, что мы видим в советский период, а общественное развитие и государственное управление должны опираться на прогрессивные научные достижения, особенно в области государственного управления, в сфере социального взаимодействия на эффективность, результативность которого самое непосредственное влияние оказывает качество системы права и, следовательно, различные отрасли юридической науки.

Значение моральных норм в советском гражданском праве изучал Д. Г. Хецуриани, который, рассмотрев в ходе исследования соотношение гражданского права и морали с точки зрения их взаимодействия в процессе воздействия на участников общественных отношений, провел анализ моральных норм и определил их роль в формировании и реализации норм гражданского права, установил степень влияния моральных норм на процедуру применения норм гражданского права.

В основу исследования, проведенного Д. Г. Хецуриани, так же, как и в основу научных трудов, названных выше, положены решения соответствующих съездов КПСС и высказывания бессменных лидеров коммунистической партии, что свойственно науке, развивающейся в условиях коммунистической идеологии, не терпящей инакомыслия, и соответствующей ей жесточайшей цензуры. Так, исследование Д. Г. Хецуриани обусловлено решениями XXV съезда КПСС, в соответствии с которыми в СССР «осуществляется ускоренный процесс наращивания экономического, социально-политического и духовного потенциала советского строя», а также дальнейшее совершенствование всей системы общественных отношений. В нем изобилуют такие словосочетания, как «эксплуататорские формации», «антагонистическое противоречие», «буржуазная мораль» и т. п. [19, с. 5]. В нем изобилуют такие словосочетания, как «эксплуататорские формации», «антагонистическое противоречие», «буржуазная мораль» и т. п. [19, с. 14–17], что свойственно трудам К. Маркса и Ф. Энгельса и, как следствие, работам советских теоретиков права.

Исследование Д. Г. Хецуриани, имевшее место в советский период развития догмы гражданского права и направленное на установление места моральных норм в системе гражданского права применительно к содержанию действующего Гражданского кодекса, потеряло актуальность в силу того, что современный ГК содержит только одно словосочетание с корнем «мораль», а именно «моральный вред», а гражданско-правовые отношения строятся исключительно в условиях действия норм позитивного права с учетом экономических интересов участников гражданско-правовых отношений.

Гражданский правопорядок, установленный в СССР, в отличие от современного гражданского правопорядка, основывался в первую очередь не на учете экономических интересов независимых участников экономических отношений, а на том, что согласно нормам, закрепленным в ст. 5 ГК РСФСР 1965 г., при осуществлении прав и исполнении обязанностей граждане и организации должны соблюдать законы, уважать правила социалистического общежития и моральные принципы общества, строящего коммунизм.

Таким образом, коммунистическая мораль (коммунистическая идеология) была положена в основу участия в гражданско-правовых отношениях, что неприемлемо в современных политических и экономических условиях демократического государственного развития. Вместе с тем исследование Д. Г. Хецуриани, так же как и исследования других ученых советского периода, имеет научное значение в качестве исторического наследия цивилистической науки, научного свидетельства того пути, по которому развивается наука в условиях навязывания идеологии отдельной группы всему обществу, жесточайшей цензуры, присущей обществу, в основу динамики которого положены не экономические законы развития, максимальный учет интересов не только всего общества, но и отдельных его членов, а образ мышления (определенная идеология), принудительно навязываемый гражданам под страхом применения мер государственного принуждения.

Наряду с монографическими исследованиями норм гражданского права необходимо отметить диссертацию В. И. Акимова «Аналогия в советском гражданском праве», защищенную в 1970 г. в Ленинградском университете.

В своей работе ученый рассмотрел вопросы преодоления пробелов в гражданском праве посредством применения аналогии, указав на то, что «необходимость сохранения аналогии в советском гражданском праве диктуется объективными причинами, вытекающими из самого характера этой отрасли советского права» [20, с. 3].

В рамках исследования В. И. Акимов классифицировал методы восполнения пробелов «в зависимости от того, осуществляется ли восполнение пробелов самим законодателем путем издания новых правовых норм или же непосредственно в процессе правоприменительной деятельности… на нормотворческие и нормоприменительные» [20, с. 6].

В. И. Акимов дал критическую оценку взглядам, «согласно которым допускается возможность применения по аналогии закона целого комплекса норм, входящих в один институт (аналогия института), а аналогия права расценивается как “правотворческая деятельность” судебных органов.

Отвергается также применимость по аналогии норм одной отрасли к отношениям, составляющим предмет другой отрасли» [20, с. 7].

В заключении исследования ученый указал на то, что «в гражданском праве следует различать два вида аналогии закона: аналогию, целиком связанную с нормоприменительной деятельностью (аналогия практики), и аналогию, которая в процессе этой деятельности реализуется как прямо предусмотренная конкретным законом (легальная аналогия)» [20, с. 13].

В целом диссертационное исследование, проведенное В. И. Акимовым, внесло вклад в развитие цивилистической науки и, несмотря на направленность гражданского права на создание материально-технической базы коммунизма, является прогрессивным для своего времени.

Следует отметить тот факт, что учеными СССР в большей степени исследовались не нормы гражданского права, а нормы «советского права» в целом и методы толкования «нормативных правовых актов», что было обусловлено достаточно ограниченным применением гражданского права в силу преобладания с 1917 г. в СССР административно-командных методов управления экономикой и, как следствие, незначительным по сравнению с современным объемом правоспособности граждан СССР, которые были лишены возможности участия в экономической деятельности, направленной на систематическое получение прибыли, а также возможности иметь на праве собственности средства производства.

В области исследований правовых норм как таковых, безотносительно к их отраслевой принадлежности и способам толкования правовых норм, проведенных в рамках науки «общая теория права», наиболее известными являются научные работы таких ученых, как Б. В. Шейндлин («Сущность советского права», 1959 г.), П. Е. Недбайло («Применение советских правовых норм», 1960 г.), А. С. Пиголкин («Толкование нормативных актов в СССР», 1962 г.), В. С. Основин («Нормы советского государственного права», 1963 г.), А. Ф. Черданцев («Вопросы толкования советского права», 1972 г.), В. В. Лазарев («Применение советского права», 1972 г.), И. Я. Дюрягин («Применение норм советского права», 1973 г.), В. В. Лазарев («Пробелы в праве и пути их устранения», 1974 г.), Н. Н. Вопленко («Официальное толкование норм права», 1976 г.), В. Н. Карташов («Институт аналогии в советском праве», 1976 г.), О. Э. Лейст («Санкции и ответственность по советскому праву (теоретические проблемы)», 1981 г.), И. Н. Сенякин («Специальные нормы советского права», 1987 г.), Т. Я. Насырова («Телеологическое (целевое) толкование советского закона», 1988 г.).

Несмотря на то что названные научные работы не имеют прямого отношения к исследованию проблем формирования, толкования и применения непосредственно гражданско-правовых норм, они носят общетеоретический характер, направлены на уяснение понятия правовой нормы как таковой, ее структуры, места правовой нормы в механизме правового регулирования, процедуры ее применения, способов толкования и выявление действительного смысла правовой нормы, вложенного в нее законодателем.

Изложенное является основанием к анализу их содержания в рам-

ках исследуемой темы и способствует выявлению понятия, структуры, способов толкования и процедуры применения непосредственно норм гражданского права.

Необходимо отметить, что рассматриваемые труды имеют один значительный недостаток − огромную идеологическую составляющую и, как следствие, направленность на обоснование преимуществ социалистического строя и социалистического права перед строем и системой права буржуазных государств, что во многом повлияло на качество полученных научных результатов. Вместе с тем приведенные выше научные работы являются прогрессивными для своего времени и тех условий социального развития, в которых проводились исследования, и как научное наследие должны отражаться в современных научных трудах, которые без учета достижений юридической науки советского периода будут неполными, так же как и без учета достижений дореволюционных ученых.

Исследование сущности советского права проведено Б. В. Шейндлиным, который дал характеристику общего понятия и сущности советского права, специфику его содержания и формы, рассмотрел основные принципы права.

Анализируемая работа носит общетеоретический характер и направлена на обоснование тезиса о том, что «советское социалистическое право − это впервые в истории полностью сложившаяся, всесторонне развитая система права нового, высшего типа, права социалистического общества» [21, с. 3].

В монографии рассмотрены общее понятие права, его содержание, основные принципы советского права, закономерности его развития в связи с пролетарской революцией, предмет и специфика правового регулирования общественных отношений, сделан акцент на особом характере регулирующей роли советского права. Работа изобилует коммунистическими лозунгами, направленными на обоснование достижения социалистического пути развития. В частности, Б. В. Шейндлин отмечает: «Классовые цели советского права всегда открыто и прямо формулируются в законах, указах и других правовых актах Советской власти. Политика социалистического государства − принципиальная, правдивая, в интересах народа, поэтому и правовая форма выражения целей и задач такой политики вполне ей адекватна. Яркой иллюстрацией этого являются простые, ясные формулировки Конституции СССР» [21, с. 99]. Направленности научных рассуждений ученого соответствуют и сделанные им выводы. «Главная особенность, характеризующая специфику регулирующей роли советского права (его сущность), состоит в способности творчески содействовать развитию и

совершенствованию социалистической экономики. <…> Его подлинный и последовательный демократизм… его воспитательная роль, основанная на ленинском принципе сочетания убеждения с методами правового принуждения на строгой основе социалистической законности… особый, творческий и неизменно прогрессивный характер регулирующей роли советского права…» [21, с. 138–139].

П. Е. Недбайло исследовал советские социалистические нормы. В работе автор изучил понятие социальных норм, выявил специфические признаки советских социалистических правовых норм, позволяющие отличить их от иных социальных норм, провел сравнение правовых и технических норм советского права, проанализировал элементы правовой нормы, дал их характеристику, классифицировал правовые нормы на основные виды, определил назначение и роль советских правовых норм в регулировании поведения участников общественных отношений, исследовал вопросы правовых норм и законности в «буржуазной реакционной правовой науке».

Значительную часть своего исследования П. Е. Недбайло посвятил критике взглядов буржуазных, в том числе российских дореволюционных ученых на понятие правовой нормы, ее места в системе социальных норм, противопоставлению этих взглядов советской трактовке правовой и иных социальных норм.

«Все социальные нормы имеют много общего между собой. <…> В любом классовом обществе различают четыре основных вида социальных норм. <…> В советском обществе единство всех социальных норм обусловлено общей их социалистической и экономической основой. Все они выражают волю единого в моральном и политическом отношении народа и отвечают его интересам. Все они пронизаны принципами социализма, имеют общую цель, заключающуюся в построении коммунизма, взаимно влияют и способствуют друг другу в достижении этой цели» [22, с. 21].

В соответствии с логикой проведенного исследования сделаны выводы. В частности, П. Е. Недбайло констатирует: «В настоящее время, когда в нашей стране полностью победил социализм и страна вступила в период развернутого строительства коммунизма, роль и значение права, его норм и законности все более возрастает. <…> До полного слияния государственной собственности… и кооперативно-колхозной… в единую коммунистическую собственность право исходит из специфических особенностей каждой из этих форм собственности. <…> Право… регулирует распределение продуктов производства в зависимости от количества и качества труда… Укрепление социалистического принципа распределения продуктов производства и его правовая охрана подготав-

ливают условия перехода к коммунистическому принципу распределения… Специальное и важное значение имеют социалистическое право и законность в деле укрепления советского социалистического государства как главного орудия построения коммунизма. <…> Основной заботой марксистско-ленинской науки права о советских правовых нормах является повышение их авторитета в обществе и упрочение их как незыблемых общегосударственных правил. <…> Коммунистическая партия, Советское государство и наш многонациональный народ все время заботятся о повышении роли права и законности в обществе. В исследовании советских социалистических правовых норм в настоящей работе мы исходили именно из этого» [22, с. 160–168].

Вопросы толкования нормативных актов СССР рассмотрены А. С. Пиголкиным, который провел анализ понятия и целей толкования, его социально-политического значения, исследовал значение грамматики и логики в толковании нормативных актов, изучил историко-логический метод толкования, выделил толкование по объему действия нормативного правового акта, а также официальное и неофициальное толкование. В результате исследования ученый сделал вывод, что «необходимость укрепления социалистической законности, совершенствования правовых норм, регулирующих хозяйственно-организаторскую и культурно-воспитательную работу, содействующих решению задач коммунистического строительства и всестороннему расцвету личности, на что нацеливает нас Программа Коммунистической партии Советского Союза, исторические решения XXII съезда КПСС, предполагает в качестве своего обязательного условия высокий уровень законодательной техники, всемерное улучшение формы изложения нормативных актов, четкий порядок и своевременность их изменения и отмены, что служит важнейшей предпосылкой для правильного толкования и применения норм советского права в практике коммунистического строительства» [23, с. 165].

Наряду с обоснованием коммунистической идеологии А. С. Пиголкин внес и положительный вклад в развитие общетеоретической юридической науки, исследовав структуру правовой нормы и описав имеющиеся по этой проблеме точки зрения как советских ученых, так и ученых капиталистических государств, что применительно к исследованию норм гражданского права на современном этапе развития юридической способствует более полному учету знаний имеющихся юридических знаний, их преемственности и в целом направлено на получение достоверных выводов исследования.

Нормы советского государственного права исследовал В. С. Основин, который провел анализ понятия и особенностей государственных

норм, их места в системе советских правовых норм, рассмотрел виды норм государственного права, изучил понятие и основания классификации норм государственного права, а также источники государственных норм и формы их реализации. Идеологической платформой для выбора В. С. Основиным направления исследования послужила Программа Коммунистической партии Советского Союза, в соответствии с которой «в период развернутого строительства коммунизма большое значение приобретает дальнейшее укрепление социалистического правопорядка, совершенствование правовых норм, регулирующих хозяйственно-организаторскую и культурно-воспитательную работу, содействующих решению задач коммунистического строительства и всестороннему расцвету личности» [24, с. 3].

Исследуя нормы социалистического государственного права, В. С. Основин указывает на то, что «вместе с созданием Советского государства… появились и начали развиваться новые общественные отношения, требовавшие их правового регулирования. <…> К числу таких отношений следует отнести… отношения социалистической собственности. <…> Именно отношения социалистической собственности определяют и выражают господство рабочего класса и трудящихся. <…> Примером актов, содержащих нормы, закреплявшие ликвидацию отношений капиталистической частной собственности на орудия и средства производства и превращение их в собственность Советского государства, переход важнейших командных высот в области управления хозяйством в руки пролетариата, могут служить: декрет Второго Всероссийского съезда Советов «О земле», декреты ВЦИК «О национализации банков», «Об аннулировании государственных займов»; декреты СНК «О национализации торгового флота», «О национализации внешней торговли»… и другие многочисленные акты о конфискации имущества фабрикантов, акционерных обществ и компаний, противодействовавших мероприятиям Советской власти…» [24, с. 4–5].

Очевидным является тот факт, что научные исследования, обусловленные рамками Программы Коммунистической партии Советского Союза, так же, как и любой другой программы идеологической направленности, не в состоянии привести их автора к действительно научным, свободно полученным результатам, вынуждают ученого «подгонять» научные исследования под требования «правящего класса», что присуще обществу, основой развития которого являются идеологические догматы, а не экономическая целесообразность, учет интересов отдельной личности, приоритет интересов отдельного человека, отдельной семьи, отдельного частного хозяйства.

Вопросы толкования советского права исследовал А. Ф. Черданцев.

Ученый в рамках своей работы рассмотрел существующие теории толкования, понятие и гносеологическую природу толкования, его диалектику и логику, провел анализ языкового, логического, систематического, исторического и функционального способов толкования. Несмотря на то что монография А. Ф. Черданцева, безусловно, внесла существенный вклад в развитие теории толкования и была достаточно актуальна для своего времени, анализируемое исследование, как и другие труды советского периода развития юридической науки, имеет исключительно идеологическую направленность и в качестве основной цели преследует обоснование политики коммунистической партии в области правового регулирования общественных отношений.

Так, А. Ф. Черданцев отмечает, что «субъективный характер толкования состоит в том, что оно осуществляется определенным субъектом… являющимся носителем определенной идеологии и интересов соответствующего класса. <…> В марксистской теории права общепризнано, что толкование носит классово-политический характер. <…> Современное состояние законодательства… отвечает политическим и иным потребностям нашего общества и государства» [25, с. 183−189].

Таким образом, весь процесс толкования правовых норм ученым сведен не к необходимости уяснения действительного смысла правовой нормы, устранения имеющихся нормативных противоречий, а к выведению из любой нормы права того смысла, который необходим правящей партии в каждый конкретный период «строительства коммунизма».

Вне всякого сомнения, такой подход к толкованию норм не может быть использован в процессе применения норм гражданского права, направленных на опосредование экономических отношений, которые по сути своей не терпят излишнего административного вмешательства, ведущего, как правило, к неэффективности экономики.

Деятельность государственных органов и должностных лиц в области применения советского права исследовал В. В. Лазарев. Ученый рассмотрел место правоприменения в системе форм реализации правовых норм, проанализировал основные стадии правоприменительного процесса, раскрыл методологические, юридические и этические требования к субъектам правоприменительной деятельности. В процессе исследования В. В. Лазарев описал механизм правового регулирования, сущность правоприменительной деятельности, ее субъектный состав, стадии применения правовых норм, вопросы толкования правовых норм, в том числе допустимость расширительного и ограничительного толкования, правоприменительный процесс в случае обнаружения пробелов в праве, методологические, юридические и нравственные требования, предъявляемые к субъектам правоприменительной деятельности.

Основой проведенного исследования послужил тезис о том, что «задачи коммунистического строительства, определенные программой КПСС и решениями XXIII и XXIV съездов… партии, требуют дальнейшего повышения роли права в регулировании социалистических общественных отношений, укрепления социалистической законности и правопорядка во всех сферах общественной жизни. <…> Установление тесной связи исследований в области государства и права с жизнью и совершенствование правовой квалификации специалистов явилось центральным пунктом Постановления ЦК КПСС “О мерах по дальнейшему развитию юридической науки и улучшению юридического образования в стране (1964 г.)“» [26, с. 3].

Исследование В. В. Лазарева в основе своей посвящено деятельности советских государственных органов в области правоприменения и прямого отношения к процессам формирования, толкования и применения норм гражданского права непосредственно участниками экономической деятельности не имеет. Однако в отдельных главах работы дается толкование правовых норм и правоприменительной деятельности в случае обнаружения пробелов в правовом регулировании, что в целом свойственно системе гражданского права.

В частности, В. В. Лазарев рассматривает вопросы расширительного и ограничительного толкования, делает ряд выводов, подлежащих учету в дальнейших исследованиях процедуры толкования правовых норм. Вместе с тем ученый акцентирует влияние КПСС и ее решений на процесс восприятия смысла правовой нормы. Так, В. В. Лазарев указывает, что «правильному пониманию применяемых норм способствует изучение решений съездов нашей партии, пленумов ЦК КПСС и других партийных документов» [26, с. 74], что, по мнению автора, имеет значение при применении историко-политического метода толкования. Исследуя вопросы преодоления пробелов в праве, В. В. Лазарев рассмотрел ряд используемых при этом заключений: заключение от частного к общему, заключение от меньшего основания к большему, заключение от условий к следствию и обратно, заключение по аналогии, заключение о пробеле в праве из «несуществующей» нормы права [26, с. 128–131].

Сделанные при этом выводы направлены на совершенствование процесса правоприменения и подлежат учету в ходе дальнейших научных исследований.

Вопросы применения норм советского права изучал И. Я. Дюрягин. В рамках проведенного исследования автор рассмотрел основные свойства и понятие правоприменительной деятельности, социально-политическую природу, юридическое значение и функции применения норм

советского права, стадии правоприменительной деятельности; проанализировал сущность, содержание и юридическую силу правоприменительных актов, разграничил правоприменительные и нормативные правовые акты, изучил юридические гарантии законного применения норм советского права.

На основании проведенного исследования И. Я. Дюрягин утверждал, что «правоприменение − не пассивное звено в механизме правового регулирования: правоприменительные органы… осуществляют активное воздействие… на фактические отношения. <…> Все большее число авторов видит “свободу усмотрения” судебных, административных и других органов при решении конкретных дел. <…> Выводы об индивидуально-регулятивной функции применения норм права полностью соответствуют ленинскому пониманию управления в социалистическом обществе, его важнейшему принципу − органическому сочетанию централизованного и децентрализованного (индивидуального) регулирования, принципу конкретности государственного управления» [27, с. 42−43]. Логике исследования соответствуют и сделанные автором выводы, согласно которым «в современной буржуазной юридической литературе грубо извращаются закономерности развития социалистического государства и права, в частности грубо извращается суть участия советской общественности в осуществлении функций государственных органов. <…> Буржуазная клевета на советскую действительность убедительно опровергается подчинением всей деятельности органов общественности требованиям социалистической законности и гарантиями законного применения норм права. <…> В условиях подлинного демократизма и справедливости советского строя все государственные органы и общественные организации осуществляют свою деятельность в строгом соответствии с требованиями социалистической законности и неуклонно проводят в жизнь партийно-государственную политику» [27, с. 242−245].

Очевидно, что исследование И. Я. Дюрягина направлено на прикрытое коммунистическими лозунгами о советской демократии обоснование произвола государственных органов, имевшего место в советский период государственного управления, на обоснование свободы усмотрения государственных служащих, которое могло идти вразрез с нормами права, но соответствовать идее скорейшего построения коммунистического общества.

Наряду с изучением вопросов применения советского права отдельное исследование пробелов в праве и путей их устранения провел В. В. Лазарев. В рамках исследования, в основе своей лишенного мощной идеологической составляющей, присущей большинству трудов со-

ветских юристов, В. В. Лазарев изучил проблемы происхождения пробелов в праве и их виды, рассмотрел общие вопросы установления пробелов, формально-юридический и конкретно-социологический методы установления пробелов, выявил пути их устранения, провел анализ процедуры преодоления пробелов права в правоприменительной деятельности.

Несмотря на отсутствие цитат апологетов коммунизма и высокую научную составляющую, исследование В. В. Лазарева не лишено марксистско-ленинской основы, приведшей к некоторым ложным выводам. В частности, ученый указывает на то, что «марксистская теория отвергает деление права на позитивную и внепозитивную, надзаконную системы норм. <…> По своей сущности всякое право выступает как государственная воля господствующего класса. В условиях полной победы социализма сущностью права становится государственная общенародная воля. <…> Советское законодательство − это и есть советское право, поскольку остальные источники, помимо нормативных актов, не имеют такой юридической силы» [28, с. 7−8].

Очевидным сегодня является то обстоятельство, что такие категории юридической науки, как «система законодательства» и «система права», представляют разные, хотя и взаимосвязанные явления правовой действительности. Их смешение в советский период развития юридической науки, обусловленное высказываниями К. Маркса, нашло отражение и в современный период формирования норм гражданского права, привело к смешению указанных понятий как в ныне действующем ГК, так и в современных научных и учебных публикациях.

Вопросы официального толкования норм права исследовались Н. Н. Вопленко. Ученый изучил общие вопросы официального толкования, его понятие и виды, рассмотрел праворазъяснительный процесс, процедуру официального толкования и конкретизации правовых норм, выявил основные признаки актов официального толкования, описал виды актов официального толкования, предварительно классифицировав их.

В отличие от исследования, проведенного В. В. Лазаревым, в основу труда Н. Н. Вопленко положены идеи преимущества социалистического строя и коммунистической идеологии над строем «буржуазным».

Так, Н. Н. Вопленко указывает на то, что «в условиях господства буржуазии толкование правовых норм выступает в качестве активного средства, обеспечивающего защиту интересов эксплуататорского меньшинства. <…> В условиях социалистической государственности толкование норм социалистического права служит важным политико-юридическим инструментом выявления точного смысла советского

социалистического права, выражающего возведенную в закон волю трудящихся во главе с рабочим классом и его коммунистическим авангардом. <…> Поэтому в настоящей работе ставится задача на основе выяснения основных юридических свойств актов официального толкования проанализировать праворазъяснительную практику органов Советского государства и общественных организаций. Решение этой задачи должно служить дальнейшему совершенствованию системы социалистической демократии, усилению законности и правопорядка в социалистическом обществе» [29, с. 3−4].

Приведенные высказывания ученого свидетельствуют о направленности исследования на обоснование деятельности государственных органов по толкованию правовых норм исключительно с целью поддержания коммунистического режима и политического курса СССР на построение коммунистического общества, что, вне всякого сомнения, не может служить основой получения истинно научных результатов.

Теоретические и практические вопросы применения института аналогии в советском праве рассмотрены В. Н. Карташовым.

Ученый исследовал пробелы в праве, определил пути их устранения, изучил логическую основу института аналогии, его социальное назначение и условия применения, провел сравнительный анализ института аналогии с другими правовыми явлениями и, в частности, с толкованием права, конкретизацией права, «соответственным» применением права, субсидиарным применением правовых норм.

Исследование В. Н. Карташова, в отличие от большинства работ советских авторов, не перегружено цитатами классиков марксизма-ленинизма (но не лишено их) и направлено, по сути, исключительно на рассмотрение выбранной для исследования темы, что является несомненным достоинством работы, в конце которой автор сделал ряд выводов обобщающего характера.

Так, в заключении ученый указывает на то, что «аналогия закона и аналогия права составляют единый институт казуального восполнения пробелов в законодательстве, объективно присущий правовому регулированию общественных отношений. Его существование обусловлено неполнотой, несовершенством права и необходимостью оперативного восполнения пробелов в процессе правоприменительной деятельности» [30, с. 57]. Приведенная цитата свидетельствует о том, что исследование В. Н. Карташова проведено в рамках общей направленности советской юридической науки, основой которой является марксистская теория, отождествляющая такие категории, как «система права» и «система законодательства», что нельзя признать верным.

Подтверждением классовой (не научной) основы исследования

В. Н. Карташова выступает его утверждение о том, что «использование института аналогии носит ярко выраженный классовый характер. Социальное назначение, сущность, служебная роль, задачи этого института определяются исходя из того, волю какого класса выражает действующее в данном обществе право, какой класс, каким образом и в каких целях организует правовое регулирование, реализацию юридических предписаний» [30, с. 10].

Несмотря на некоторую идеологическую зашоренность, исследование, проведенное В. Н. Карташовым, служит цели уяснения роли института аналогии в процессе применения правовых норм, позволяет достаточно полно уяснить процедуру применения аналогии закона и аналогии права, направлено на восполнение научных знаний об исследуемом явлении правовой действительности и в этом качестве актуально и применительно к современным условиям развития как юридической доктрины, так и догмы гражданского права [4-А, с. 27].

Исследование сущности такого элемента структуры советской правовой нормы, как «санкция», провел О. Э. Лейст. В качестве первоочередной задачи ученый определил «углубленное изучение правовой реальности, раскрытие содержания, структуры, закономерностей и тенденций развития санкций и ответственности по советскому праву, их места в механизме правового регулирования, функций и роли в развитом социалистическом обществе» [31, с. 8].

В процессе исследования ученый определил место санкций в советском праве, рассмотрел законодательное определение санкций, сопоставил понятие «санкция» с понятием «правонарушение», провел классификацию санкций с учетом имеющихся в теории права дискуссионных проблем, исследовал порядок применения и реализации санкций, классифицировал ответственность на виды, проанализировал нормативные конструкции ответственности и правоотношения, изучил вопросы позитивной ответственности по советскому праву.

Исследование санкций и юридической ответственности, выполненное О. Э. Лейстом, имеет существенное научное значение, в том числе с точки зрения развития юридической науки; являясь юридическим научным наследием советского периода, оно может служить ориентиром для проведения дальнейших исследований, в том числе анализа структуры правовой нормы вообще и гражданско-правовой нормы в частности, определения места санкции применительно к структуре гражданско-правовой нормы. Однако в основу исследования, проведенного О. Э. Лейстом, положены материалы XXV съезда коммунистической партии, который «поставил задачу укрепления правовой основы государственной и общественной жизни как составную часть всесто-

роннего развития политической системы советского общества» [31, с. 3].

Опираясь в своем исследовании на решения съездов коммунистической партии и коммунистическую идеологию, О. Э. Лейст утверждал, что «разработка теоретических проблем санкций и ответственности должна быть твердо ориентирована на действующее законодательство, практику его применения, тенденции развития. Такая ориентация имеет социально-политическое значение, поскольку иначе нельзя документально раскрыть правовую природу государственного принуждения в социалистическом обществе, демократические и гуманные принципы осуществления ответственности по советскому праву» [31, с. 5].

Приведенное утверждение наглядно демонстрирует направленность научных изысканий советского периода не на разработку новых научно обоснованных подходов к построению системы права как средству государственного управления обществом с целью их практической реализации, а на обоснование эффективности, истинности деятельности коммунистической партии, легализованной в действующих нормативных правовых актах СССР.

Такой подход к научным исследованиям не способен гарантировать их результативности, обусловливает результаты научного исследования одной единственной целью − доказыванием превосходства административно-командной системы управления обществом над системой буржуазной, обоснованием коммунистических идей и применяемых правящей партией средств их достижения. На исключительно идеологический подход к научным исследованиям указывает высказывание Л. И. Брежнева, приведенное О. Э. Лейстом: «Знание своих прав, умение применять их в интересах строительства нового общества… важнейшая черта активной жизненной позиции советского человека, его высокой политической культуры, формирование и развитие которой было и остается в центре внимания нашей партии» [31, с. 236].

В качестве следующего по хронологии исследования норм права, выполненного в советский период, можно назвать работу И. Н. Сенякина «Специальные нормы советского права», в которой изучаются специальные правовые нормы, что было обусловлено «развитием и совершенствованием социалистических общественных отношений в условиях научно-технической революции, углублением процесса их специализации и связанной с этим потребностью в дифференциации правового регулирования, особенно в сфере экономической жизни общества» [32, с. 4]. Ученый рассмотрел понятие и назначение специальных норм, считая их особой разновидностью норм советского права, классифицировал специальные нормы на виды, определил специфику правоотношений, возникающих на основе специальных правовых норм.

Исследование проведено в свете того, что «специальные нормы советского права как общеобязательные государственные предписания, устанавливаемые с целью детализации, конкретизации видовых общественных отношений, род которых регулируется теми или иными общими нормами, представляют собой важное и эффективное средство регулирования общественных отношений в различных социальных сферах» с учетом возрастания «роли правового регулирования общественных отношений в условиях развитого социализма, повышения эффективности экономики… » [32, с. 7].

Квинтэссенцией исследования И. Н. Сенякина является то, что в свете задач, сформулированных XXVII съездом КПСС, особая роль в коренных преобразованиях в социально-экономической, политической и управленческой сферах советского общества отводится советскому законодательству, которое «…должно еще активнее помогать внедрению экономических методов управления, действенному контролю за мерой труда и потребления, проведению в жизнь принципов социальной справедливости» [32, с. 3].

Проблемы толкования закона исходя из его целей рассмотрела Т. Я. Насырова, которая определила исходные позиции изучения телеологического способа толкования, исследовала понятие телеологического толкования и провела его сравнение с другими способами интерпретации правовых норм, раскрыла конкретные средства и приемы установления целей принятия нормативного правового акта. В ходе исследования автор уделила особое внимание понятию телеологического способа толкования, его содержанию, месту телеологического толкования в правотворческом процессе, определила значение разъяснения целей принятия советского закона в процессе реализации его воспитательного воздействия.

Несмотря на безусловные положительные стороны анализируемого труда, актуального для своего времени, оно, как и исследования, проведенные ранее другими учеными СССР, основывается на решениях, но уже XXVII съезда КПСС, чем предопределены его направление, пределы и цели. Исходя из этого, в работе указывается на то, что «телеологическое толкование, раскрывая ценностную характеристику закона, служит обеспечению воспитательного воздействия советского права, способствует формированию социалистического правосознания граждан и тем самым содействует укреплению морально-идеологических и социально-психологических гарантий реализации правовых требований» [33, с. 5].

Раскрывая цели правового регулирования, «суд способствует разъяснению социальной ценности социалистического права, причем не

только всеобщей его ценности, а именно для этого субъекта», что является предпосылкой «дальнейшего сознательного соблюдения правовых норм…», − отмечает Т. Я. Насырова.

Раскрывая цели правового регулирования, «суд, – согласно утверждению Т. Я. Насыровой, – способствует разъяснению социальной ценности социалистического права, причем не только всеобщей его ценности, а именно для этого субъекта», что является предпосылкой «дальнейшего сознательного соблюдения правовых норм» [33, с. 5].

Приведенная библиография наиболее значимых трудов, выполненных в области исследования правовых норм советскими учеными, а также полученные ими результаты позволяют сделать вывод о том, что в советский период развития юридической науки комплексного исследования процессов формирования, толкования и применения норм гражданского права не проводилось. Это обусловлено приниженным значением гражданского права как правового средства регулирования экономических отношений, которые в советский период развивались на основе командно-административных методов управления.

Кроме того, научные результаты, полученные советскими учеными в ходе исследования процедуры толкования норм гражданского права, вопросов их применения, в том числе по аналогии, а также результаты исследования норм права в целом (безусловно, они тоже являются научным наследием, подлежащим учету в ходе развития цивилистической науки) следует признать относительно применимыми в современных условиях общественного развития в силу того, что содержание научных исследований того периода, их направленность и, как следствие, сделанные в ходе исследования выводы были обусловлены мощнейшей коммунистической идеологией, в принципе не допускавшей возможности развития в научных трудах идей, противоречащих коммунистическим воззрениям, содержащимся в трудах К. Маркса, Ф. Энгельса, В. Ленина, И. Сталина и других лидеров коммунистического движения.

Идеологическая зашоренность юридической науки, вне всякого сомнения, оказала влияние на ее результаты, направленные, как правило, на доказательство преимуществ советской системы права и, соответственно, системы государственного управления перед системой права и государственного управления капиталистических государств. При этом факт краха коммунистической системы управления, экономический кризис конца 1980-х гг., закончившийся развалом СССР, выступают ярким свидетельством неэффективности, порочности государственного управления и применяемой для этого системы права в условиях идеологического давления на сознание народных масс, идущего вразрез с действительными экономическими интересами как каждого

отдельного человека, так и всего общества [27-А, с. 69−77].

Исследования норм права в целом и норм гражданского права в частности интенсивно проводились в постсоветский, современный период, что в первую очередь обусловлено изменением политического режима, установленного на территориях бывших республик СССР, а ныне самостоятельных государств, сменой направления экономического развития и, как следствие, подхода к формированию системы права в целом и системы гражданского права в частности как совокупности правовых норм, применяемых государством в процессе государственного воздействия на участников экономической деятельности.

Новые подходы к управлению экономикой и формированию системы гражданского права предопределили необходимость проведения научных исследований с целью выработки рекомендаций по формированию, толкованию и применению норм права в целом и гражданского права в частности, соответствующих потребностям современного уровня развития социальных связей.

1.3 ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ, ТОЛКОВАНИЯ И ПРИМЕНЕНИЯ НОРМ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА В ТРУДАХ СОВРЕМЕННЫХ УЧЕНЫХ

В постсоветский период развития науки гражданского права на территории Республики Беларусь в области научной разработки непосредственно гражданско-правовых норм проведен ряд специальных исследований, которые можно признать наиболее значимыми [28-А, с. 67–72]. В этом аспекте выделим научные труды А. В. Каравая («Действие гражданско-правовых норм во времени», 1999 г.), В. А. Витушко («Курс гражданского права. Общая часть», 2001 г.), Н. Л. Бондаренко («Принцип свободы договора в гражданском праве», 2003 г.; «Принципы гражданского права Республики Беларусь», 2007 г.).

Кроме того, указанными авторами опубликован цикл научных статей, посвященных отдельным проблемам гражданско-правового регулирования.

А. В. Каравай рассмотрел один из аспектов применения норм гражданского права в соответствии с пределами действия нормативных правовых актов, содержащих нормы гражданского права, во времени. В рамках исследования ученый определил юридическое значение пра-

вил, касающихся действия гражданских законов во времени, изучил юридическую силу гражданско-правовых норм, особенности и способы их применения, осветил вопрос об определении применимой гражданско-правовой нормы к договорным обязательственным правоотношениям, провел анализ процедуры применения коллизионных норм гражданского права.

Исследование А. В. Каравая носит системный характер, его содержание дает полное представление о процедуре применения норм гражданского права в соответствии с временными пределами действия соответствующих нормативных правовых актов. Отличительной особенностью его научного труда, проведенного в постсоветский период, является полное отсутствие идеологической составляющей, присущей исследованиям советского периода, и, как следствие, логичность и обоснованность сделанных выводов. В частности, А. В. Каравай отмечает, что «в отличие от гражданско-процессуальных, уголовно-правовых и административно-правовых норм, применение гражданско-правовой нормы определяется не моментом появления тех или иных фактических действий или событий, составляющих лишь предпосылку возникновения гражданского правоотношения, а моментом возникновения их правового последствия…» [34, с. 216].

Отдельные теоретико-прикладные вопросы применения норм гражданского права, систему гражданского права и систему гражданского законодательства исследовал В. А. Витушко. В частности, ученый определил системоформирующую роль принципов в современном гражданском праве, рассмотрел принципы в качестве источников гражданского права, провел анализ системы гражданского законодательства [35, с. 162–169, 229–291]. Автор указал, что «современное гражданское право в основе своей системы содержит идею единства и взаимосвязи всех его институтов. На этой основе определяются общие принципы построения системы гражданского права. К ним следует относить принципы комплексности и относительности, многоуровневого и многомерного регулирования общественных отношений» [35, с. 162].

В. А. Витушко также рассмотрел механизм правового регулирования экономических отношений, что нашло отражение в защищенной в 2001 г. докторской диссертации [36].

Систему принципов гражданского права Республики Беларусь исследовала Н. Л. Бондаренко, которая рассмотрела основные этапы становления принципов гражданского права, их роль в условиях социального правового государства, понятие и характерные черты принципов гражданского права, их функции, провела анализ системы принципов гражданского права и поиск системообразующего критерия. Н. Л. Бон-

даренко также проанализировала конституционные и отраслевые принципы гражданского права, рассмотрела механизм и проблемы реализации принципов гражданского права.

В процессе исследования автор пришла к выводу, что «под реализацией принципов гражданского права следует понимать осуществление содержащихся в них предписаний в процессе нормотворческой и правоприменительной деятельности, а также в поведении субъектов гражданского права» [37, с. 111].

Результаты исследования Н. Л. Бондаренко нашли отражение в докторской диссертации, защищенной в 2009 г. [38].

Наряду с исследованиями непосредственно гражданско-правовых норм на уровне принципов гражданского права, пределов действия норм гражданского права во времени, в пространстве и по кругу лиц, исследованиями отдельных вопросов применения норм гражданского права, проведенными указанными выше учеными, различные аспекты гражданско-правового регулирования исследовали такие белорусские цивилисты, как В. Н. Годунов [39], В. С. Каменков [40], В. В. Подгруша [41, 42], Е. А. Салей [43], Я. И. Функ [44], В. Ф. Чигир [45]. Отдельные вопросы применения правовых норм с точки зрения конституционного права и теории права рассматривали такие ученые, как Г. А. Василевич [46], С. Г. Дробязко, В. С. Козлов [47], В. А. Кучинский [48], Н. В. Сильченко [49].

На территории Российской Федерации в постсоветский период развития цивилистической науки в области исследования различных аспектов гражданско-правовых норм были защищены диссертации:

по теории права: И. С. Лапшин «Диспозитивные нормы российского права», 1999 г.; Ю. С. Ващенко «Филологическое толкование норм права», 2002 г.; Д. Н. Горшунов «Нормы частного права и их реализация», 2003 г.; А. В. Астанин «Гипотеза как элемент правовой нормы», 2004 г.; Г. Н. Надеждин «Доктринальное толкование норм права», 2005 г.; М. А. Занина «Коллизии норм права равной юридической силы», 2008 г.;

по проблематике гражданско-правовых норм: А. В. Михайлов «Роль императивных норм в правовом регулировании отношений между лицами, осуществляющими предпринимательскую деятельность или с их участием», 2001 г.; В. И. Бородянский «Механизм взаимодействия принципов и норм гражданского права», 2002 г.; О. А. Чаусская «Применение норм гражданского права: вопросы теории и практики», 2002 г.; А. В. Слесарев «Специально-юридическое толкование норм гражданского права», 2003 г.; С. И. Карпова «Нормы гражданского права (юридико-технический аспект)», 2005 г.; С. И. Орешкин «Компен-

сационные нормы российского гражданского права», 2006 г.; Р. Б. Брюхов «Диспозитивность в гражданском праве России», 2006 г.; О. А. Кузнецова «Специализированные нормы гражданского права: теоретические проблемы», 2007 г.; Е. В. Пронникова «Юрисдикционное обеспечение реализации норм гражданского права», 2007 г.; Н. В. Степанюк «Толкование гражданско-правового договора», 2008 г.; Д. А. Муратова «Признание норм гражданского права не соответствующими нормативным правовым актам, имеющим большую юридическую силу», 2009 г.; Т. Н. Прохорко «Диспозитивность как принцип российского гражданского права», 2010 г.; Ю. В. Грушевская «Императивность в российском гражданском праве», 2010 г.; Ю. В. Ковалева «Императивность в договорном праве», 2011 г.

Необходимость учета достижений общетеоретической юридической науки в ходе исследования процессов формирования, толкования и применения норм гражданского права обусловлена тем местом, которое общая теория права как общеотраслевая системообразующая наука занимает в системе юридических наук.

Так, И. С. Лапшин исследовал диспозитивные нормы российского права. Автор рассмотрел методологические основы анализа природы диспозитивных норм права, изучил понятие диспозитивной нормы и особенности ее структуры, классифицировал диспозитивные нормы на виды, выявил средства реализации диспозитивных норм, очертил пределы их реализации, рассмотрел проблемные вопросы эффективности реализации диспозитивных норм [50]. Диссертация И. С. Лапшина посвящена рассмотрению общих вопросов диспозитивных норм. В частности, ученый утверждает, что диспозитивные нормы присущи всем отраслям права, в том числе и публичным, но в определенных пределах.

Ю. С. Ващенко провел теоретическое осмысление проблем толкования норм права как важнейшего элемента механизма правового регулирования. Ученый рассмотрел понятие правовой нормы, обосновал необходимость применения текстуального подхода к ее изучению, проанализировал категорию «язык правовых норм», пояснил точку зрения о том, что «понятие язык правовой нормы по своему содержанию не тождественно понятию язык закона, а является более широким по объему, так как включает в себя, помимо языка закона, язык тех правовых предписаний, которые зафиксированы не только в законах, но и в подзаконных нормативных правовых актах» [51, с. 8].

На основании проведенного исследования Ю. С. Ващенко сделал вывод, что «филологическое толкование норм права выступает как средство, прием в познании нормативных правовых предписаний, ибо воля законодателя находит свое воплощение в формально установлен-

ных письменных документах, имеющих официальный властно-распорядительный характер и оформленных как государственное выражение воли законодателя» [51, с. 5].

Исследование норм частного права и процедуры их практической реализации провел Д. Н. Горшунов, который описал основные теории деления права на частное и публичное, изучил теоретические проблемы интереса как критерия деления права на частное и публичное и вопросы частного права в современной российской теории права, провел сравнительный анализ особенностей восприятия идеи частного права в романо-германской, англо-американской и мусульманской правовых семьях, рассмотрел механизм реализации норм частного права, а также процедуру реализации субъективных прав и законных интересов как основного компонента реализации норм частного права. В качестве одного из выводов исследования ученый приводит то, что «реализация субъективных прав и законных интересов представляется основными компонентами правореализации в сфере частного права. <…> Существующие проблемы, которые действительно связаны с проблемами в законодательстве, в ряде частных случаев возможно решить, прибегнув к категории “законный интерес” и воспользовавшись ее средствами для удовлетворения правомерных интересов» [52, с. 9].

А. В. Астанин провел достаточно полное исследование одного из элементов правовой нормы − гипотезы. В рамках своего труда он рассмотрел понятие и признаки норм права, структуру правовой нормы и способы изложения норм права в нормативных правовых актах, уяснил место и роль гипотезы в структуре правовой нормы, сопоставил гипотезу с юридическими фактами, рассмотрел гипотезы правовых норм различной отраслевой принадлежности.

Основной посылкой диссертации А. В. Астанина является то, что автор, разделяя мнение сторонников трехчленной структуры, подчеркивает, что только в результате системного объединения гипотезы, диспозиции и санкции как структурных элементов, обладающих относительной самостоятельностью и специфическими особенностями, образуется качественно новое правило поведения − юридическая норма [53], с чем нельзя согласиться.

Г. Н. Надеждин исследовал доктринальное толкование норм права, в рамках которого дал общую характеристику доктринального толкования, рассмотрел его понятие, принципы и функции, привел структурную характеристику доктринального толкования, проанализировал основания и виды доктринального толкования, обосновал его эффективность.

Ученый предложил классифицировать доктринальное толкование

норм права на виды «по следующим основаниям: сфера общественной жизни; отраслевая принадлежность, место в правовой системе общества; характер связи с правом; юридическая сила; субъекты; компетенция правоведов; объекты; используемые средства и способы; время; место; результаты» [54, с. 8].

М. А. Занина изучила случаи коллизии норм права равной юридической силы. Автор рассмотрела понятие и причины возникновения коллизий норм права, привела классификацию коллизий, случаи коллизий норм права равной юридической силы, проанализировала процедуру разрешения внутриотраслевых и межотраслевых коллизий норм права.

В ходе проведенного исследования М. А. Занина выделила три группы причин возникновения коллизий норм права: «Первую группу составляют нарушения правил законодательной техники (логических, грамматических) и др. Вторая группа обусловлена недостаточным учетом при конструировании норм права социальной реальности, в условиях которой они функционируют, а также социальных и юридических закономерностей, действующих в различных сферах общественных отношений. Третью группу составляют дефекты, обусловленные структурой системы права и законодательства, ее функционированием во взаимодействии иерархической (вертикальной), отраслевой (горизонтальной) и федеративной структур» [55, л. 9].

Роль императивных норм в правовом регулировании отношений между лицами, осуществляющими предпринимательскую деятельность или с их участием, изучал А. В. Михайлов. В ходе исследования ученый рассмотрел процесс развития научных взглядов об императивном регулировании, историю применения императивных норм в регулировании хозяйственных и предпринимательских отношений, проанализировал соотношение императивных и диспозитивных норм в гражданском праве, установил значение императивных норм, определяющих правоспособность субъектов предпринимательских отношений, а также роль императивных норм отдельных институтов гражданского права в регулировании предпринимательских отношений, исследовал ряд других вопросов, связанных с императивным регулированием предпринимательской деятельности.

В результате исследования А. В. Михайлов пришел к выводу, что «целями императивных норм в гражданском праве являются: защита публичных интересов, в том числе защита слабой стороны в договоре, защита третьих лиц, защита кредиторов, предотвращение злоупотребления правом; реализация структурирующей функции императивных норм; минимизация предпринимательского риска (применительно к

предпринимательским отношениям)» [56, с. 9].

Механизм взаимодействия принципов и норм гражданского права исследовал В. И. Бородянский. Ученый рассмотрел понятийный, генетический и социальный аспекты механизма взаимодействия принципов и норм гражданского права, структуру механизма взаимодействия принципов и норм гражданского права, функциональную роль правовых принципов в механизме их взаимодействия с нормами гражданского права, а также функциональную роль правовых норм в механизме их взаимодействия с принципами гражданского права [57].

О. А. Чаусская изучала процедуру практического применения норм гражданского права. В диссертации рассмотрены понятие и сущность применения гражданско-правовых норм, дана юридическая квалификация гражданских правоотношений, возникающих в ходе осуществления правоприменительной деятельности, исследован процесс применения норм гражданского права в нетипичных ситуациях правоприменительного процесса.

Автор сделала акцент на том, что «в цивилистической науке нет целостного учения о гражданско-правовой квалификации, не изучена проблема соответственного применения, не получили комплексной оценки коллизионные нормы гражданского права» [58, с. 4]. Соглашаясь с О. А. Чаусской, следует отметить, что, очертив круг неразрешенных цивилистической наукой вопросов, она не внесла предложения по их разрешению в своей диссертации, что следует из положений, выносимых на защиту [58, с. 7–8].

А. В. Слесарев исследовал процедуру специально-юридического толкования норм гражданского права, рассмотрев при этом нормативную основу механизма гражданско-правового регулирования, понятие, виды и значение неопределенности нормативной основы механизма гражданско-правового регулирования, понятие толкования норм гражданского права, проанализировал специально-юридический метод толкования, определил его место в системе способов толкования норм гражданского права, выделил толкование норм гражданского права с учетом общих начал и смысла гражданского законодательства, а также толкование с учетом юридико-технических особенностей их изложения. В ходе исследования ученый сделал вывод, что «специально-юридическое толкование как уяснение правовых норм с использованием юридических знаний о содержании и форме прав рассматривается как необходимый элемент комплексного процесса (механизма) толкования правовых норм. Способствуя уяснению содержания нормативных предписаний, изложенных с помощью средств юридической техники (терминов, конструкций и т. п.), специально-юридическое толко-

вание по сути является обособившейся стороной (моментом) традиционных способов толкования» [59, с. 7].

Юридико-технический аспект норм гражданского права изучала С. И. Карпова. В рамках научного труда она рассмотрела понятие и функциональное назначение норм гражданского права, виды норм гражданского права и их структуру, провела критический анализ юридико-технических способов законодательного закрепления гипотезы, диспозиции и санкции гражданско-правовых норм.

В процессе исследования норм гражданского права автор приходит к выводу, что «норма гражданского права − это установленная или санкционированная государством типизированная, социально значимая, содержащая конкретные права и обязанности логическая модель поведения участников экономического оборота, имеющая целью обеспечить его позитивное развитие» [60, с. 7−8].

Исследование компенсационных норм российского гражданского права провел С. И. Орешкин, который рассмотрел социально-экономические и юридические предпосылки компенсационных норм гражданского права, провел анализ компенсационных норм как особой разновидности норм современного российского гражданского права, раскрыл их функции, классифицировал компенсационные нормы гражданского права на виды, определил место и роль гражданско-правовых компенсационных установлений в деятельности правоприменительных органов, отдельно проанализировал компенсационные нормы в договорных обязательствах и действие компенсационных норм в некоторых обязательствах, возникающих вследствие причинения вреда.

Проводя исследование компенсационных норм, С. И. Орешкин определил их сущность, которая, согласно его утверждению, «выражается в том, что их действие направлено на возмещение ущерба (вреда), который причинен гражданам и организациям противоправными или правомерными действиями (бездействием), событиями» [61, с. 7].

Диспозитивность в гражданском праве Российской Федерации исследовал Р. Б. Брюхов. Автор рассмотрел философские основы понятия «диспозитивность», непосредственно категорию «диспозитивность» как черту метода гражданско-правового регулирования и как принцип гражданского права, раскрыл нормативные основы диспозитивности, сопоставил диспозитивность с правосубъектностью и юридическими фактами, выявил проявление диспозитивности на стадии защиты субъективных гражданских прав и на стадии привлечения к гражданско-правовой ответственности, определил пределы и ограничения диспозитивности. Ученый сделал вывод, что «диспозитивность как принцип гражданского права организует его структуру, а как черта метода

гражданско-правового регулирования − обеспечивает его действие. К числу существенных черт диспозитивности как принципа права относятся фундаментальность, стабильность, универсальность, межотраслевой характер и множественность форм проявления» [62, с. 6].

Специализированные гражданско-правовые нормы анализировала О. А. Кузнецова. В рамках исследования автор рассмотрела юридическую природу специализированных норм, провела их специализацию, определила понятие, признаки и виды специализированных норм, проанализировала нормы-принципы и нормы-дефиниции, охарактеризовала систему норм-принципов и систему норм-дефиниций, исследовала нормы-презумпции и нормы-фикции, раскрыла понятие указанных норм, систематизировала их и классифицировала на виды. Кроме того, О. А. Кузнецова изучила оперативно-распространительные и коллизионные нормы, раскрыла их понятие, систематизировала и классифицировала оперативно-распространительные и коллизионные нормы на виды. В результате автор сделала ряд выводов, в том числе дала понятие специализированных гражданско-правовых норм: «Специализированные гражданско-правовые нормы − это нормы-предписания, имеющие двучленную структуру (гипотезу и диспозицию), не содержащие конкретных моделей поведения и выполняющие специфические функции в системе гражданского права» [63, с. 5−6].

Вопросами юрисдикционного обеспечения реализации норм гражданского права занималась Е. В. Пронникова, которая описала понятие реализации норм гражданского права, изучила юрисдикционную деятельность как публично-правовое средство обеспечения реализации норм гражданского права, проанализировала виды юрисдикционного обеспечения процедуры реализации норм гражданского права, рассмотрела нормативно-правовые основы юрисдикционного обеспечения реализации норм гражданского права, содержание указанного процесса и акты юрисдикционного обеспечения реализации норм гражданского права. В ходе исследования автор сделала ряд выводов, в том числе о том, что «юрисдикционная деятельность в механизме реализации норм гражданского права представляет собой публично-правовое средство обеспечения его функционирования путем выполнения особого процессуального порядка осуществления субъектами прав и обязанностей, а также их охраны и защиты» [64, с. 8].

Исследованию процедуры толкования гражданско-правового договора посвящена научная работа Н. В. Степанюк, в которой с философской и юридической точек зрения рассмотрена процедура толкования, изучена история развития толкования как способа уяснения действительного смысла правовой нормы, проведено исследование значения

воли и волеизъявления для формирования договорных условий, раскрыто понятие договора и проанализированы элементы его содержания, описаны способы и правила толкования договора. В результате автор приходит к выводу, что «толкование договора представляет собой особый вид деятельности, включающий три направления: деятельность, направленную на уяснение смысла договора, определение совместного намерения контрагентов и той правовой цели, которую стремились достичь стороны; деятельность по восполнению пробелов в содержании договора; деятельность по устранению противоречий в содержании договора» [65, с. 7].

Д. А. Муратова провела исследование процедуры признания норм гражданского права не соответствующими нормативным правовым актам, имеющим большую юридическую силу, рассмотрев понятие, существенные признаки, систему и виды нормативных правовых актов, содержащих нормы гражданского права, юридическую природу способа защиты гражданских прав, классифицировала способы защиты гражданских прав, предусмотренных ГК Российской Федерации и иными федеральными законами, выявила правовые основания признания норм гражданского права не соответствующими нормативным правовым актам, имеющим большую юридическую силу, определила правовые последствия такого признания, проанализировала процедуру восстановления гражданских прав, нарушенных в результате издания нормативных правовых актов, нормы которых признаны не соответствующими нормативным правовым актам, имеющим большую юридическую силу.

На основании перечисленного автор сделала ряд выводов, в том числе о том, что «признание норм гражданского права не соответствующими нормативным правовым актам, имеющим большую юридическую силу, является самостоятельным способом защиты гражданских прав, направленным на пресечение нарушения прав и (или) восстановление нарушенных гражданских прав» [66, с. 9].

В ходе исследования диспозитивности как одного из принципов российского гражданского права Т. Н. Прохорко рассмотрела элементы содержания категории «диспозитивность», провела анализ диспозитивности как черты метода гражданско-правового регулирования и как принципа гражданского права, изучила понятие и систему принципов гражданского права и определение принципа диспозитивности, уяснила место принципа диспозитивности в системе принципов гражданского права, проанализировала элементы содержания (юридические императивы) принципа диспозитивности. Автор заключила, что «к охранительным элементам содержания принципа диспозитивности отно-

сятся следующие: невозможность ограничения приобретения и осуществления гражданских прав, кроме как на основании федерального закона и только в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства; возможность воздерживаться от реализации имеющегося права вместе с гарантией того, что отказ от осуществления права не влечет отказ от самого права, кроме случаев, прямо предусмотренных законом; усмотрение в использовании (выбор или отказ от использования) способов и форм защиты нарушенного права вместе с выбором объема защищаемого права; усмотрение в выборе формы и размера ответственности, а также иных мер защиты гражданских прав и обязанностей» [67, с. 10].

Вопросы императивности в российском гражданском праве исследовала Ю. В. Грушевская, которая в рамках научного труда провела поиск «оптимальных путей повышения эффективности применения всего комплекса юридических средств и способов воздействия на общественные отношения, входящие в предмет гражданского права, в целях наиболее полного использования регулятивного и охранительного потенциала современного российского гражданского права» [68, с. 3]. Ю. В. Грушевская рассмотрела понятие императивности в гражданском праве, соотношение публичного и частного начала в гражданском праве, провела общую классификацию императивных норм гражданского права, проанализировала императивность в содержании права собственности и иных вещных прав, а также в обязательствах, основанных на договоре и в деликтных обязательствах. Автор сделала вывод, что «императивность представляет собой феномен присутствия в гражданском праве категоричных повелений (запретов и позитивных обязываний), заключенных в нормах-принципах, дефинитивных нормах и нормах, устанавливающих юридические обязанности и закрепляющих основные юридические права, как результат воздействия императивного метода правового регулирования на общественные отношения путем установления юридических (правовых) ограничений в широком смысле» [68, с. 7–8].

Вопросам императивности непосредственно в договорном праве посвящена научная работа Ю. В. Ковалевой. Автор рассмотрела теоретические аспекты, непосредственно связанные с методологией изучения императивности в договорном праве, понятие и функциональное назначение императивности в договорном праве, классифицировала императивные нормы договорного права, проанализировала содержание императивности в отдельных договорах, направленных на передачу имущества в собственность, в частности в договоре розничной куп-

ли-продажи, поставки товаров, контрактации, энергоснабжения. В результате автором был сделан вывод, что «императивность договорного права представляет собой сформулированные в гражданско-правовых нормах строго определенные предписания, устанавливающие правовые ограничения в форме категорического запрета или позитивного обязывания, исключающие возможности иного варианта формирования и исполнения обязательств в границах возникшего договорного правоотношения, в части, прописанной нормами гражданского права, которые не допускают возможности их изменения» [69, с. 7−8].

В процессе исследования использовались научные труды советских, российских и зарубежных ученых, посвященные анализу правовых систем иностранных государств и, в частности, Японии (С. Вагацума, Т. Ариидзуми [70]), Англии (Э. Джэнкс, А. К. Романов [71; 72]), Германии (Л. Эннекцерус [73]), Нидерландов (В. В. Бойцова и др. [74]), США (В. М. Шумилов, У. Бернам, Г. Ласк [75– 77]), Австралии (Д. Д. Джиффорд [78]), Франции (Л. Жюллио де ла Морандьер [79]), Республики Казахстан (З. К. Аюпова, Ю. Г. Басин и др. [80; 81]), Грузии (Л. Л. Чантурия [82]), Республики Польша (Ф. Быдлински [83]).

Наряду с научными и учебными работами, посвященными анализу правовых систем иностранных государств в процессе подготовки диссертации были использованы научные и учебные источники, посвященные анализу гражданских кодексов либо непосредственно гражданские кодексы таких государств, как Российская Федерация (далее – ГК России) [84], Республика Казахстан (далее – ГК Казахстана) [85], Грузия (далее – ГК Грузии) [86], Германия (далее – ГГУ) [87], Франция (далее – ГК Франции) [88], Украина (далее – ГК Украины) [89], Республика Узбекистан (далее – ГК Узбекистана) [90] и др. государств.

Изложенное позволяет сделать следующие выводы.

1. Приведенная библиография научных работ, выполненных как в области исследования отдельных вопросов толкования и применения норм гражданского права, так и норм права в целом, свидетельствует о том, что на территории Республики Беларусь и Российской Федерации комплексного исследования проблемных вопросов формирования, толкования и применения норм гражданского права не проводилось, что отразилось на их результатах, носящих фрагментарный (частный) характер, не направленных на формирование парадигмы гражданско-правового регулирования, отвечающей потребностям современного демократического общества.

Вместе с тем современный уровень развития общества, системы гражданского права как инструмента государственного воздействия на

участников экономических отношений, динамика которых поставлена в зависимость от содержания правовых норм, указывает на необходимость научного обоснования подходов к формированию норм гражданского права, исследования методов толкования норм гражданского права с точки зрения современного уровня развития социальных связей и восприятия гражданского права как правового механизма воздействия на участников экономических отношений, анализа процедуры применения норм гражданского права как участниками гражданско-правовых (экономических) отношений, так и органами государственной власти и управления.

2. За пределами исследований, проведенных как в досоветский, советский, так и постсоветский период развития юридической науки в целом и цивилистической науки в частности, остался ряд проблемных вопросов, возникающих в процессе толкования и применения норм гражданского права. При этом современный период правоприменения характеризуется развитием подходов, в том числе среди лиц судейского корпуса, к процедуре толкования и применения норм гражданского права, свойственных публично-правовым отраслям, что отражается как на содержании принятых судебных решений, так и на процедуре формирования отдельных норм гражданского права, отдельных гражданско-правовых институтов и отрасли гражданского права в целом.

3. Дальнейшее исследование указанной сферы, в рамках которого будут учтены достижения цивилистической науки применительно к современному уровню развития общественных отношений, позволит выработать новые научные подходы к процессам формирования, толкования и применения норм гражданского права, что, в свою очередь, будет способствовать:

– установлению разумного баланса государственных и частных экономических интересов;

– созданию правовых предпосылок повышения эффективности экономической деятельности, осуществляемой на территории Беларуси, в том числе в рамках государственно-частного партнерства, а также эффективности и полноты разрешения споров о праве гражданском.

Комплексное исследование норм гражданского права как основного правового средства механизма правого регулирования, методов их толкования и процедуры применения, включая логическую структуру гражданско-правовой нормы, будет способствовать выработке предложений по совершенствованию системы гражданского права и формированию новой парадигмы гражданско-правового регулирования, соответствующей современному пути экономического развития Республики Беларусь в условиях демократического политического управ-

ления государством и обществом.

В ходе исследования использовались общенаучные и частнонаучные методы познания:

– диалектический;

– исторический;

– системного анализа;

– юридической герменевтики;

– формально-юридический;

– сравнительного анализа.

В основе исследования лежит диалектический метод познания, применение которого позволило в рамках научной дискуссии учесть наиболее значимые точки зрения, высказанные учеными досоветского, советского и постсоветского периодов развития юридической науки в области понятия и признаков норм права, их логической структуры, методологии толкования гражданско-правовых норм, а также по проблеме метода правового регулирования, применяемого при формировании системы гражданского права.

Достижению цели исследования способствовали следующие принципы диалектического метода: всесторонности рассмотрения объекта изучения; рассмотрения взаимосвязи между элементами в их совокупности; детерминизма; изучения в развитии. В соответствии с принципом всесторонности рассмотрения были исследованы основные виды норм гражданского права, выделены их классификационные группы, проведен анализ существующих точек зрения относительно двухэлементной и трехэлементной логической структуры правовой нормы, исследовано влияние всей совокупности методов толкования на процедуру уяснения действительного смысла правовой нормы.

Принцип рассмотрения взаимосвязи между элементами позволил исследовать влияние диспозитивных и императивных правовых норм на модель гражданско-правового регулирования в их взаимосвязи и взаимодействии, выявить состав принципов гражданского права, необходимый для построения парадигмы гражданского права в соответствии с исключительно диспозитивным методом правового регулирования, выявить взаимосвязь и последовательность применения системы методов толкования для достижения наиболее достоверного результата в процессе интерпретации норм гражданского права.

Принцип детерминизма позволил выявить причинно-следственные связи между количеством диспозитивных норм, включенных в ГК, и допускаемой государством свободой усмотрения субъектов гражданского права, а также выявить те правовые нормы, которые непосред-

ственно сдерживают частную предпринимательскую инициативу.

В соответствии с принципом изучения в развитии знания о нормах гражданского права, их логической структуре и методике толкования гражданско-правовых норм, существующие в юридической науке к моменту проведения исследования проанализированы в их развитии начиная от времен Е. В. Васьковского до знаний, полученных современными учеными, что позволило учесть опыт предшествующих поколений и получить достоверные научные выводы, отвечающие современным потребностям экономического развития.

Применение исторического метода познания позволило в хронологической последовательности углубленно исследовать понятие и признаки правовой нормы, ее логическую структуру, выявить и проанализировать высказанные учеными противоположные точки зрения в исследуемой области, что способствовало получению новых достоверных выводов и достижению цели диссертации.

В рамках методики системного анализа применялись такие методы, как анализ и синтез. В процессе анализа система гражданского права была выделена из системы права Беларуси, в рамках системы гражданского права были выделены два основных вида гражданско-правовых норм: императивные и диспозитивные, а в процессе синтеза указанные виды норм были классифицированы на группы и в рамках групп – на типы, что позволило создать единую модель гражданско-правового регулирования, способную обеспечить максимально благоприятные условия для развития частной предпринимательской инициативы.

Метод юридической герменевтики позволил на основе интерпретации правовых норм, закрепленных в ГК:

– выявить их влияние на развитие гражданско-правовых отношений;

– определить основной смысл гражданского права;

– установить перечень гражданско-правовых норм, ограничивающих свободу усмотрения субъектов гражданского права, вводящих излишние императивные начала в парадигму гражданско-правового регулирования, что дало возможность внести предложения по их совершенствованию и построению модели гражданского права, соответствующей демократическим принципам управления обществом, применяемым в Республике Беларусь.

На основе формально-юридического метода были систематизированы признаки норм гражданского права, выявлено предназначение гражданско-правовой нормы, дано ее новое определение, проведена классификация диспозитивных и императивных правовых норм, выяв-

лены их новые свойства, дано определение диспозитивной нормы гражданского права, исследована логическая структура правовой нормы, что позволило обосновать необходимость применения исключительно двухэлементной концепции структуры гражданско-правовой нормы.

ГЛАВА 2
ФОРМАЛЬНО-СОДЕРЖАТЕЛЬНАЯ ОСНОВА ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА: НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДЕЙСТВУЮЩЕЙ МОДЕЛИ

2.1 СИСТЕМООБРАЗУЮЩАЯ РОЛЬ ГРАЖДАНСКОГО КОДЕКСА КАК КЛЮЧЕВОЙ ФАКТОР ЭФФЕКТИВНОСТИ НОРМ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

Правовую основу осуществления экономической деятельности составляет совокупность гражданско-правовых норм, закрепленных в первую очередь в ГК, который в соответствии с нормами ст. 2 Закона Республики Беларусь от 10 января 2000 г. № 361-З «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» [91] (далее – Закон о НПА)[1] определяется как закон, обеспечивающий полное системное регулирование определенной области общественных отношений. В этой связи исследование современного состояния парадигмы гражданско-правового регулирования следует начинать с определения места ГК в системе гражданского законодательства, установления его возможностей по обеспечению полного системного регулирования экономических отношений, определения необходимого состава нормативных правовых актов, включение которых в систему гражданского законодательства будет способствовать созданию эффективной модели гражданско-правового регулирования, способной обслуживать современные потребности экономического оборота.

Необходимость исследования системы гражданского законодательства и места в ней ГК обусловлена тем, что «система гражданского законодательства» как категория гражданско-правовой науки тесно взаимосвязана с такой категорией, как «система гражданского права», состоящая из совокупности гражданско-правовых норм, представляющих модель гражданско-правового регулирования, и обе системы служат единой цели – «наиболее полного и рационального регулирования

[1] *Статья 2 Закона о НПА*:

Кодекс Республики Беларусь (кодифицированный нормативный правовой акт) – закон, обеспечивающий полное системное регулирование определенной области общественных отношений.

общественных отношений, возникающих в гражданско-правовой сфере» [5-А, с. 14]. Система гражданского законодательства и система гражданского права соотносятся между собой как форма и содержание, из чего логически следует вывод о том, что первая как форма служит для внешнего выражения второй как ее содержания. Непосредственно указанное соотношение систем является необходимым условием, обеспечивающим возможность доведения правовых норм, составляющих систему гражданского права, до всеобщего сведения и упрощения их практической реализации [64-А, с. 22]. По сути, модель гражданско-правового регулирования, выраженная правовыми нормами, не в состоянии оказывать регулирующее воздействие на участников экономической деятельности вне ГК как нормативного правового акта, в котором нормы гражданского права закреплены, и способна оказывать это воздействие в тех пределах, которые допускает ГК в соответствии со своим положением в иерархической системе нормативных правовых актов гражданского законодательства.

Как следует из фактов, приведенных во введении к настоящему исследованию, на современном этапе развития белорусская экономика показывает невысокие результаты, что является основанием для предположения о некотором несоответствии совокупности гражданско-правовых норм, в первую очередь закрепленных в ГК, современному уровню развития общественных отношений. При этом в постсоветский период развития белорусского государства «перед людьми, обществом, государством объективно стоят новые экономические… иные жизненно важные задачи… одним из основных средств решения которых является право», на что обращает внимание В. П. Шиенок [92, с. 8], одновременно отмечая «неоправданно высокую степень динамичности действующего законодательства, его внутреннюю и внешнюю противоречивость и непредсказуемость» [92, с. 9].

На необходимость стремиться к стабильному законодательству указал Д. А. Медведев, согласно утверждению которого «стабильное законодательство, оно и есть стабильное законодательство. В пример приведу кодекс Наполеона… по которому экономика Франции развивается… 200 лет» [93].

Приведенные высказывания в полной мере следует экстраполировать на гражданское законодательство Республики Беларусь и в первую очередь на ГК. В частности, немногим более чем за семнадцатилетний период действия ГК в него не менее 50 раз вносились изменения. Достаточно большое количество изменений за незначительный с точки зрения исторического и экономического развития государства период свидетельствует о несоответствии закрепленной в Кодексе моде-

ли гражданско-правового регулирования действительным потребностям экономического оборота, а с учетом того, что первые изменения в ГК были внесены через год после вступления в силу его основной части, а именно 14 июля 2000 г. Законом Республики Беларусь № 415-З, можно утверждать о непродуманности закрепленной в ГК парадигмы гражданского права, что следует признать одним из совокупности факторов, обусловивших перманентный процесс внесения в него изменений.

Согласно верному утверждению В. А. Дозорцева, «гражданское право обслуживает товарную экономику и поэтому должно соответствовать специфике экономической системы» [8, с. 26], учитывать тенденции перспективного экономического развития, а стабильность норм, закрепленных в ГК, следует признать одним из условий поступательного эффективного развития экономических отношений, носящих, как правило, длительный характер.

На основании изложенного, а также исходя из того, что гражданско-правовые нормы, обеспечивающие правовую основу осуществления экономической деятельности, закреплены не только в ГК, но и в других нормативных правовых актах, составляющих в соответствии со ст. 3 ГК систему гражданского законодательства, и при этом ГК в соответствии с нормами, закрепленными в ст. 2 Закона о НПА, характеризуется как нормативный правовой акт, предназначенный для полного системного регулирования экономических отношений, считаем целесообразным в качестве первоочередной задачи совершенствования модели гражданско-правового регулирования провести анализ системы гражданского законодательства с целью определения места в ней ГК, его взаимодействия с иными нормативными правовыми актами системы гражданского законодательства, выявления их влияния на содержание ГК и развитие гражданско-правовых отношений и в целом соответствия ГК его определению, закрепленному в ст. 2 Закона о НПА.

При этом необходимо учитывать то, что «объективно оценить… ГК можно не в год его принятия, а … когда в стране сложатся достаточно стабильные социально-экономические условия, на которые кодекс рассчитан…» [94, с. 21].

Так, в соответствии с нормами ст. 3 ГК система гражданского законодательства Республики Беларусь включает в свой состав практически весь перечень нормативных правовых актов, предусмотренных нормами ст. 2 Закона о НПА, начиная от Конституции и заканчивая нормативными правовыми актами местных органов управления и самоуправления [6-А, с. 31–39], «вследствие чего может быть признана структурно сложной и перегруженной, что не способствует эффективной реализации норм гражданского права, создает предпосылки умыш-

ленного либо по неосторожности нарушения установленного на территории Республики Беларусь гражданского правопорядка».

В отличие от системы гражданского законодательства Республики Беларусь система гражданского законодательства Российской Федерации включает в свой состав непосредственно Гражданский кодекс и принятые в соответствии с ним федеральные законы. Конституция Российской Федерации не включена в систему гражданского законодательства [84, ст. 3]. Конституция не включена в систему гражданского законодательства Республики Казахстан [85, ст. 3], которая наряду с ГК и законами включает в свой состав указы Президента Республики Казахстан, имеющие силу закона, постановления Парламента, постановления Сената и Мажилиса Парламента (законодательные акты), а также указы Президента Республики Казахстан, постановления Правительства Республики Казахстан. Гражданское законодательство Грузии состоит исключительно из Гражданского кодекса и иных законов частного права [86, ст. 2]. Из Гражданского кодекса и законов состоит гражданское законодательство Франции [88, ст. 1]. Гражданское законодательство Украины состоит из Гражданского кодекса и других законов, принятых в соответствии с Гражданским кодексом [89, ст. 4]. Гражданское законодательство Узбекистана состоит из Гражданского кодекса, других законов и иных актов законодательства, содержание которых (других законов и иных актов законодательства. – *Примеч. авт.*) должно соответствовать нормам Гражданского кодекса Узбекистана [90, ст. 3].

Конституции названных государств также не включены в их системы гражданского законодательства.

Из анализа состава систем гражданского законодательства указанных выше государств следует, что практически в каждом Гражданском кодексе, за исключением Гражданского кодекса Казахстана и отчасти Узбекистана, система гражданского законодательства состоит из Гражданского кодекса и принятых в соответствии с ним законов. При этом непосредственно Гражданский кодекс обладает высшей юридической силой по отношению к другим нормативным правовым актам, а его содержание подчинено единственно Конституции соответствующего государства, которая не включается в систему гражданского законодательства, что предопределено надсистемным характером Основного Закона. Таким образом, следует отметить тот факт, что иерархия нормативных правовых актов в приведенных системах гражданского законодательства в большинстве случаев построена таким образом, чтобы достичь наибольшей стабильности в регулировании экономических отношений.

Применительно, например, к Российской Федерации узкий подход к определению состава системы гражданского законодательства Российской Федерации предопределен п. «о» ст. 71 Конституции Российской Федерации от 12 декабря 1993 г., согласно нормам которой гражданское законодательство составляет предмет исключительной федеральной компетенции, на что обращает внимание Е. А. Суханов, согласно утверждению которого «никакие нормативные акты, содержащие нормы гражданского права, не вправе принимать ни органы субъектов Российской Федерации, ни органы местного самоуправления. Любые содержащиеся в нормах ГК отсылки к "закону" (или к "законодательству") означают отсылки только к федеральному закону» [95, с. 92]. Приведенную точку зрения разделяет В. А. Белов, который также отмечает, что «сведение термина "гражданское законодательство" исключительно к ГК и федеральным законам, принятым "в соответствии с ним", является новым не только для российского законодательства, но и для науки гражданского права» [96, с. 159].

В Республике Казахстан, согласно утверждению М. К. Сулейменова, «гражданский кодекс… охватывает и систематизирует все важные гражданско-правовые нормы. <…> Именно это дает возможность развивать гражданское право как единую, внутренне согласованную правовую отрасль. Это, в свою очередь, требует, чтобы гражданско-правовые нормы, содержащиеся в других, кроме ГК, законодательных актах, ему не противоречили, о чем прямо говорит п. 2 ст. 3 ГК (Республики Казахстан. – *Примеч. авт.*)» [81, с. 52]. Из приведенного утверждению следует, что в Республике Казахстан несмотря на то, что система гражданского законодательства включает в свой состав ряд иных кроме Гражданского кодекса и законов нормативных правовых актов, нормами ст. 3 Гражданского кодекса Казахстана установлен его приоритет над другими законодательными актами.

Ограниченный состав системы гражданского законодательства, примененный в Гражданских кодексах большинства названных стран, либо, при более широком подходе к системе гражданского законодательства, как, например, в Республике Казахстан, установленный приоритет Гражданского кодекса над иными законодательными актами, во-первых, подчеркивает особое место гражданского права как совокупности правовых средств, предназначенных для регулирования наиболее важных общественных отношений – экономических, во-вторых, придает Гражданскому кодексу статус «экономической конституции» – нормативного правового акта, содержание которого может быть изменено не иначе как внесением изменений непосредственно в указанный нормативный правовой акт – Гражданский кодекс. Такой подход к со-

ставу системы гражданского законодательства способствует его исключительной стабильности, что придает устойчивость правилам участия в экономической деятельности и, следовательно, является государственной гарантией неизменности прав и обязанностей субъектов хозяйствования как участников гражданско-правовых отношений.

Согласно утверждению В. С. Якушева, ГК не только должен обеспечивать единство гражданского законодательства, но и формировать гражданское право как отрасль права, «подчиняя тем самым содержание гражданско-правовых норм, находящихся в иных… законах, правилам кодекса» [94, с. 26], непосредственно ГК «…служит показателем национальной экономики, признается экономической конституцией страны» [94, с. 22].

Приведенное положение ГК, т. е. нормативного правового акта, обладающего на государственной территории высшей после Конституции юридической силой в области правового регулирования экономических отношений свойственно развитым демократическим государствам, которым, в соответствии с Конституцией, признает себя Республика Беларусь.

Применительно к системе гражданского законодательства Республики Беларусь, исходя из вышеизложенного, а также из исследований, проведенных нами ранее [14-А], необходимо выделить несколько факторов, оказывающих негативное влияние на стабильность правовой основы экономической деятельности и, как следствие, на ее эффективность.

Первым и наиболее значимым фактором, по нашему мнению, негативно отражающемся на стабильности правового регулирования экономических отношений, следует признать место ГК в иерархической системе гражданского законодательства и непосредственно его подчиненное положение по отношению к указам и декретам Президента Республики Беларусь.

Так, согласно нормам, закрепленным в ст. 137 Конституции и, как следствие, в ст. 3 ГК, в системе гражданского законодательства Беларуси второе по юридической силе место после Конституции занимают временные декреты и указы Главы государства, принятые в соответствии с Конституцией, что существенно изменяет положение ГК в иерархической системе гражданского законодательства и, соответственно, негативно влияет на стабильность закрепленных в нем норм гражданского права, содержание которых может быть изменено нормами, закрепленными в декрете или указе [16-А, с. 69].

Сделанный нами вывод подтверждается нормами ст. 28–30 Закона Республики Беларусь от 21 февраля 1995 г. № 3602-XII «О Президенте

Республики Беларусь» [97] (далее – Закон о Президенте Республики Беларусь), согласно нормам ст. 28 которого декреты и указы Президента, если иное не предусмотрено Конституцией, имеют верховенство над актами иных государственных органов и должностных лиц.

Кроме того, в соответствии с нормами ст. 30 названного Закона «отношения, возникшие или приобретшие качественно новое состояние со вступлением в силу временного декрета, после его отмены (но не в период действия) могут регулироваться законом», что также указывает на подчиненное положение закона по отношению ко временному декрету. Таким образом, на что указывает Г. А. Василевич, «можно сделать вывод о приоритете над ГК временных декретов и тех указов, издание которых базируется непосредственно на Конституции» [98].

Так, к наиболее значимым декретам, содержащим нормы гражданского права и, следовательно, оказавшим влияние на процедуру участия в том или ином сегменте гражданско-правовых (экономических) отношений, можно отнести:

– Декрет Президента Республики Беларусь от 25 марта 2003 г. № 10 «О предоставлении юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям во временное пользование торговых площадей в пунктах продаж» – утратил силу 1 января 2010 г. в соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 14 января 2010 г. № 19 «О признании утратившими силу Декрета Президента Республики Беларусь от 25 марта 2003 г. № 10 и отдельных положений Указа Президента Республики Беларусь от 4 января 1996 г., № 9» [99];

– Декрет Президента Республики Беларусь от 20 октября 2004 г. № 10 «Об очередности погашения требований по денежному обязательству» [100] – утратил силу 13 февраля 2007 г. в соответствии с Указом Президента Республики Беларусь № 78 «О признании утратившими силу некоторых правовых актов (их отдельных положений) Президента Республики Беларусь»;

– Декрет Президента Республики Беларусь от 19 декабря 2008 г. № 24 «О некоторых вопросах аренды капитальных строений (зданий, сооружений), изолированных помещений, машино-мест» [101];

– Декрет Президента Республики Беларусь от 16 января 2009 г. № 1 «О государственной регистрации и ликвидации (прекращении деятельности) субъектов хозяйствования» [102];

– Декрет Президента Республики Беларусь от 1 марта 2010 г. № 3 «О некоторых вопросах залога имущества» [103].

К наиболее значимым указам Президента Республики Беларусь, содержащим нормы гражданского права и, следовательно, оказавшим

влияние на процедуру участия в отдельных сегментах гражданско-правовых (экономических) отношений, можно отнести:

– Указ Президента Республики Беларусь от 7 марта 2000 г. № 117 «О некоторых мерах по упорядочению посреднической деятельности при продаже товаров» – утратил силу 1 апреля 2011 г. в соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 11 августа 2011 г. № 358 «О стимулировании реализации товаров» [104];

− Указ Президента Республики Беларусь от 2 февраля 2001 г. № 49 «О некоторых вопросах организационно-правового обеспечения деятельности колхозов» [105];

– Указ Президента Республики Беларусь от 18 июня 2005 г. № 285 «О некоторых мерах по регулированию предпринимательской деятельности» [106];

– Указ Президента Республики Беларусь от 6 июля 2005 г. № 314 «О некоторых мерах по защите прав граждан, выполняющих работу по гражданско-правовым и трудовым договорам» [107];

– Указ Президента Республики Беларусь от 25 августа 2006 г. № 530 «О страховой деятельности» [108];

− Указ Президента Республики Беларусь от 15 октября 2007 г. № 504 «О некоторых мерах по упорядочению сделок по отчуждению транспортных средств» [109];

− Указ Президента Республики Беларусь от 23 февраля 2012 г. № 100 «О мерах по совершенствованию учета и сокращению количества пустующих и ветхих домов в сельской местности» [110].

Необходимо отметить, что 3 февраля 2017 г. на заседании коллегии Министерства юстиции Республики Беларусь по итогам работы системы министерства и задачам на 2017 год было предложено проработать вопрос о директивном ограничении количества разрабатываемых проектов законодательных актов Президента Республики Беларусь либо о введении своего рода квотирования инициативно подготавливаемых госорганами нормативных правовых актов Главы государства [111].

В качестве второго фактора, оказывающего существенное влияние на развитие гражданско-правовых отношений, следует признать факт включения в систему гражданского законодательства нормативных правовых актов Верховного Суда Республики Беларусь (далее – Верховный Суд), изданных в пределах его компетенции по регулированию гражданских отношений (нормативные правовые акты Высшего Хозяйственного Суда – до 1 января 2014 г. – даты вступления в силу Декрета Президента Республики Беларусь от 29 ноября 2013 г. № 6 «О совершенствовании судебной системы Республики Беларусь» [112]).

Постановления Пленума Верховного Суда, во-первых, нормами ст. 2

Закона о НПА признаны нормативными правовыми актами и, во-вторых, в соответствии с нормами ст. 3 ГК включены в систему гражданского законодательства, следовательно, могут содержать нормы гражданского права, в силу чего официально признаются источниками гражданского права Республики Беларусь. В связи с изложенным возникает вопрос об обоснованности придания постановлениям Пленума Верховного Суда юридической силы нормативных правовых актов и правомерности их включения в систему гражданского законодательства. Так, Верховный Суд занимает место в системе государственных органов, определенное в первую очередь нормами ст. 6 Конституции, в соответствии с которыми государственная власть в Республике Беларусь осуществляется на основе разделения ее на законодательную, исполнительную и судебную. «Судебная власть, – согласно утверждению Г. А. Василевича, – представляет собой разновидность государственной власти, осуществляемой судами в рамках установленной законом процедуры по… разрешению уголовных, гражданских, административных и иных споров» [113, с. 719].

В соответствии с нормами ст. 2 Кодекса Республики Беларусь о судоустройстве и статусе судей от 29 июня 2006 г. № 139-З [114] (далее – Кодекс о судоустройстве), судебная власть в Республике Беларусь принадлежит судам, осуществляется только судами. При этом задачи судов общей юрисдикции определены нормами ст. 6 Кодекса о судоустройстве, в соответствии с которыми «суды общей юрисдикции призваны… обеспечивать правильное применение законодательства при осуществлении правосудия, способствовать укреплению законности и предупреждению правонарушений». Исходя из содержания правовых норм, определяющих задачи судов общей юрисдикции, и провозглашенного в Конституции принципа разделения властей, можно сделать обоснованный вывод о том, что в компетенцию органов судебной власти входит деятельность исключительно по осуществлению правосудия, которая не предполагает принятие правовых норм, регулирующих общественные отношения, в том числе составляющие предмет гражданско-правового регулирования. Наш вывод в отношении Верховного Суда подтверждается нормами ст. 46 и ст. 51 Кодекса о судоустройстве, определяющими компетенцию Верховного Суда и Пленума Верховного Суда исключительно в сфере судопроизводства.

Таким образом, ни Конституция, ни Кодекс о судоустройстве не содержат правовых норм, предусматривающих возможность осуществления органами судебной власти нормотворческой деятельности, в том числе и в сфере гражданско-правового регулирования. Вместе с тем Пленум Верховного Суда Республики Беларусь принимает норма-

тивные правовые акты, содержащие нормы, направленные на регулирование различных сфер общественных отношений, на что обращал внимание Конституционный Суд Республики Беларусь [115; 116].

Еще Д. И. Мейер отмечал, что «существует мнение, будто бы решения кассационного департамента Сената имеют обязательное значение для всех судов империи. Мнение это неправильно потому, что кассационному департаменту Сената принадлежит лишь власть судебная, а не законодательная; ст. 69 Основных законов прямо говорит, что судебные решения не могут быть признаваемы законом общим, для всех обязательным, либо служить основанием окончательных решений по делам подобным» [117, с. 69].

Изложенное позволяет сделать вывод о необоснованности включения в систему гражданского законодательства актов Верховного Суда Республики Беларусь как органа, уполномоченного исключительно на осуществление правосудия. «В силу принципа отделения судебной власти от законодательной, – отмечает Е. В. Васьковский, – решения судов должны быть только применением общих, абстрактных норм, установленных законодателем, к частным случаям жизни. Поэтому судья, ограничиваясь “механическим приложением” закона к жизни, должен при всяком сомнении в смысле закона обращаться за разъяснением к законодателю» [9, с. 138].

Вместе с тем в российской юридической литературе на основе анализа норм, недавно принятых нормативных правовых актов и, в частности, на основе Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации» в соответствии со ст. 2 которого «… в его компетенцию входит дача разъяснений по вопросам судебной практики, имеющих обязательное значение для нижестоящих судов… можно, – согласно точке зрения В. Н. Калинина, – утверждать об определенной правотворческой роли высших судебных органов в Российской Федерации. В российском законодательстве, – отмечает В. Н. Калинин, – сформированы правовые основания для отнесения… постановлений Пленума Верховного Суда РФ к источникам права» [118, с. 127].

С приведенной позицией трудно согласиться, несмотря на принятое российским законодателем решение о подчинении нижестоящих судов решениям постановлениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Такой подход приводит к нивелированию принципа разделения властей и вносит неопределенность в систему законодательства, о чем будет указано ниже. При этом следует иметь ввиду, что в соответствии со ст. 3 Гражданского кодекса Российской Федерации постановления

Пленума Верховного Суда Российской Федерации не включены в систему гражданского законодательства и даже не указаны в качестве актов, которые могут содержать нормы гражданского права.

В качестве третьего фактора, влияющего, по нашему мнению, на стабильность гражданско-правового регулирования, можно назвать включение в систему нормативных правовых актов гражданского законодательства распоряжений Президента Республики Беларусь, которые нормами ст. 116 Конституции и ст. 3 Закона о НПА отнесены к правовым актам, не являющимся нормативными. При этом в соответствии с нормами указанной статьи иное может быть предусмотрено Президентом Республики Беларусь, что отразилось на практике издания указанных актов. В частности, согласно утверждению В. И. Реута, «стала складываться практика включения в отдельные распоряжения нормативных предписаний». «Подобная практика вряд ли является оптимальной», – отмечает В. И. Реут [119, с. 141], с чем следует согласиться.

Несмотря на то что в настоящее время Президент Республики Беларусь не принимал распоряжений, существенно отразившихся на развитии гражданско-правовых отношений, сам факт включения в систему гражданского законодательства анализируемых актов, которые в случае, предусмотренном Президентом Республики Беларусь, могут иметь нормативный характер, представляет угрозу для стабильности системы гражданского права и, в частности, правовых норм, закрепленных непосредственно в ГК. По сути, в любой момент развития экономических отношений может быть принято распоряжение Президента Республики Беларусь, которое изменит установленный нормами ГК гражданско-правовой режим и, с учетом развитой системы исполнительной власти, будет исполняться независимо от того, что противоречит нормам ГК.

Четвертым фактором, наличие которого негативно сказывается на развитии гражданского законодательства и, соответственно, на стабильности правовой основы экономических отношений, следует признать то обстоятельство, что во исполнение актов Президента Республики Беларусь, включая распоряжения, принимаются постановления Совета Министров Республики Беларусь и постановления иных республиканских органов государственного управления.

Так, если был принят Указ Президента Республики Беларусь, нормы которого не соответствуют нормам ГК, регулирующим соответствующие общественные отношение, во исполнение которого должно быть принято постановление Совета Министров Республики Беларусь или постановление одного из республиканских органов государствен-

ного управления, то, соответственно, нормы иного акта законодательства, находящегося изначально, в соответствии с нормами ст. 3 ГК, в подчиненном по отношению к Кодексу положении, но принятого во исполнение Указа Главы государства, будут соответствовать нормам Указа и, следовательно, противоречить нормам ГК. При этом такое постановление будет применяться несмотря на то, что противоречит ГК, так как содержание такого акта законодательства соответствует содержанию вышестоящего по отношению к ГК законодательного акта.

Таким образом мы получаем порочную систему, в которой содержанию ГК могут противоречить не только законодательные акты, стоящие на более высокой, чем ГК, ступени иерархической лестницы, но и нормативные правовые акты, изначально подчиненные ГК, но принятые во исполнение вышестоящих законодательных актов.

Изложенное позволяет сделать вывод, что положение декретов и указов Президента Республики Беларусь в иерархической системе законодательства в целом, определенное нормами ст. 137 Конституции и, соответственно, место актов Главы государства и ГК в системе гражданского законодательства, определенное нормами ст. 3 ГК, а также включение в систему гражданского законодательства иных актов законодательства, включая акты Верховного Суда Республики Беларусь, лишает участников гражданско-правовых отношений гарантии стабильности условий участия в экономической деятельности, порождает необходимость учета норм, содержащихся не только в ГК, но и в многочисленных нормативных правовых актах, принятых как в соответствии с ГК, так и в соответствии с указами и декретами Президента Республики Беларусь, как нормативными правовыми актами, обладающими большей, чем ГК, юридической силой [58-А]. Причем, что отмечалось выше, нормативные правовые акты, изначально рассматриваемые как подчиненные ГК по юридической силе, но принятые во исполнение временного декрета или указа, основанного на Конституции, могут содержать нормы, изменяющие установленный нормами ГК правопорядок, что также усложняет процедуру правоприменения [79-А, с. 9], предполагает наличие в ГК большого количества отсылочных норм. Так, по состоянию на 1 сентября 2017 г. в ГК содержалось более 35 отсылок к законодательным актам, включая акты Президента Республики Беларусь, и более 105 отсылок к законодательству.

Отсылочные нормы ГК заканчиваются фразой «если иное не предусмотрено законодательными актами» и отсылают к декретам, указам или законам, либо фразой «если иное не предусмотрено законодательством» и отсылают к любому нормативному правовому акту системы законодательства Республики Беларусь. При этом следует иметь в ви-

ду, что нормы с оговоркой «если иное не предусмотрено законом» (применительно к ГК – в том числе и законодательством. – *Примеч. авт.*), на что обращает внимание В. С. Якушев, являются правовым механизмом включения в процесс регулирования экономических отношений публично-правовых элементов, с помощью которых может быть реализована регулирующая роль государства [94, с. 29], причем не во всех случаях положительная.

Большое количество гражданско-правовых норм, отсылающих к иному законодательству и, по сути, допускающих изменение норм ГК практически любым нормативным правовым актом, входящим в систему гражданского законодательства, наряду с местом ГК в иерархической системе гражданского законодательства создает предпосылки для дестабилизации правовой основы экономической деятельности, способствует включению в процесс частноправового регулирования публично-правовых начал, создает предпосылки излишнего вмешательства государства в частные дела. «Многие авторы, хорошо понимания опасность смешения частноправового регулирования с публично-правовым… предупреждали о том, что преобладать в этом случае неизбежно будет публично-правовое начало в силу собственной природы», – отмечает В. Ф. Попондопуло [120, с. 31]. В числе указанных авторов следует назвать Б. Б. Черепахина.

Возможность изменения установленного нормами ГК гражданского правопорядка путем включения гражданско-правовых норм в иные нормативные правовые акты, обладающие большей, чем ГК, юридической силой или принятые во исполнение указанных нормативных правовых актов, по нашему мнению, ставит под сомнение значимость кодификации как одного из способов систематизации норм права. Вместе с тем ГК является (должен являться) не просто законом, «…а крупнейшим явлением нашей жизни, одним из законов, определяющих всю современную правовую систему…» [94, с. 30] государства, что предполагает закрепление за ГК статуса ведущего нормативного правового акта в системе нормативных правовых актов гражданского законодательства, что будет свидетельствовать о развитии на государственной территории демократического управления обществом и складывающимися на государственной территории экономическими процессами.

Изложенное позволяет констатировать тот факт, что достижение цели полного системного регулирования экономических отношений возможно только в том случае, если ГК будет обладать высшей после Конституции юридической силой в области регулирования экономических отношений, что обеспечит полное соответствие содержанию норм ГК содержания норм, закрепленных в иных нормативных правовых актах

системы гражданского законодательства, будет способствовать стабилизации правовой основы управления экономикой, создаст благоприятные условия для развития частной предпринимательской инициативы и стимулировании деловой активности населения. С целью восстановления положения ГК в иерархической системе гражданского законодательства, придания ему качеств экономической конституции, что будет способствовать приведению системы гражданского законодательства и, как следствие, модели гражданско-правового регулирования в соответствие с требованиями экономики демократического государства, необходимо внести изменения в ст. 3 ГК и исключить из системы нормативных правовых актов системы гражданского законодательства:

– во-первых, Конституцию как нормативный правовой акт надсистемного характера, в силу чего нормы любой отрасли права должны соответствовать Основному Закону Республики Беларусь;

– во-вторых, акты Президента Республики Беларусь;

– в-третьих, нормативные правовые акты Верховного Суда.

В соответствии с внесенными изменениями ГК займет надлежащее место в системе гражданского законодательства, что придаст ему необходимый статус «экономической конституции» государства, стабильность закрепленным в нем нормам, создаст предпосылки формирования системы гражданского права в соответствии с принципами гражданско-правового регулирования, нормативно выраженными посредством закрепления в ст. 2 ГК соответствующих императивных гражданско-правовых норм, позволит формировать модель гражданского права, способствующую эффективному развитию экономических отношений. Необходимость внесения соответствующих изменений в ст. 3 ГК с целью придания стабильности гражданско-правовому регулированию обусловлена в том числе и тем, что «первичным элементом законодательства является не норма права… а те правовые формы (закон, указ…), в которых выражены нормы права [120, с. 28].

Проведенное исследование места ГК в системе гражданского законодательства позволяет сделать ряд выводов.

Во-первых, следует отметить, что реформирование модели гражданско-правового регулирования, а по сути системы гражданского права, не представляется возможным без первоначального реформирования действующей системы гражданского законодательства. При этом важным представляется тот факт, что без пересмотра парадигмы гражданского права, простыми точечными изменениями норм ГК, что происходит более семнадцати лет, получить значимый результат стабилизации правовой основы экономической деятельности и, соответ-

ственно, самой экономической деятельности, вряд ли представляется возможным.

Во-вторых, после внесения изменений в ст. 3 ГК, приведения системы гражданского законодательства в состояние, соответствующее требованиям современной экономики демократического государства, интегрированной в мировые экономические процессы, и придания ГК юридической силы «экономической конституции» последующий процесс совершенствования модели гражданско-правового регулирования связан с формированием нормативного массива, закрепленного в ГК посредством подбора такого сочетания гражданско-правовых норм, совокупность которых:

– составит стабильную модель гражданско-правового регулирования, гарантирующую долгосрочный характер предусмотренных нормами гражданского права условий осуществления экономической деятельности, в связи с чем будет признана адресатами правового регулирования эффективной правовой моделью, вызывающей доверие, стимулирующей к исполнению определенных государством условий участия в экономических процессах, развивающихся на государственной территории, и в целом направленной на повышение деловой активности и предпринимательской инициативы частных лиц.

При этом под эффективностью правового регулирования понимается «…его (правового регулирования. – *Примеч. авт.*) действенность, результативность, т. е. способность оказывать влияние на общественные отношения…» [121, с. 3], а непосредственно «эффективность норм права зависит… от того, в какую форму они облечены, в каком источнике права выражены» [122, с. 31];

– позволит частным лицам участвовать в экономических отношениях на основе самоопределения, но в пределах, установленных нормами гражданского права. «Практическая составляющая общедозволительного порядка регулирования, – утверждает В. Ф. Попондопуло, – заключается в том, что… не требуется, чтобы каждое юридически значимое действие частного лица… имело нормативную правовую регламентацию. Задача законодателя состоит не в том, чтобы регламентировать права частных лиц, а в том, чтобы как можно точнее установить необходимые границы этих прав…» [120, с. 29], с чем следует согласиться;

– максимально исключит необходимость судебного усмотрения в процессе разрешения споров о праве гражданском в силу определенности и логичности массива гражданско-правовых норм, что будет способствовать наиболее точному их разрешению, основанному на установленном в государстве гражданском правопорядке.

Достижение предложенных свойств модели гражданско-правового регулирования возможно посредством: исследования понятия нормы гражданского права, выявления признаков, присущих гражданско-правовым нормам, позволяющим отграничить нормы гражданского права от норм публично-правовых отраслей; проведения классификации норм гражданского права на группы и типы, выявления видов и отдельных норм гражданского права, выполняющих конституирующую роль в процессе правового воздействия на участников экономической деятельности; последующего формирования массива норм гражданского права, способного установить рациональный баланс публичных и частных интересов при котором будут учтены интересы отдельного частного лица, отдельного частного хозяйства, что в целом будет способствовать учету экономических интересов всей совокупности частных субъектов, т. е. экономических интересов общества.

На современном этапе общественного развития, согласно утверждению С. В. Полениной, очередной раз возникла необходимость «восстановления рационального соотношения в экономической… жизни частного и публичного, т. е. государственного и общественного» [123, с. 8], что особенно актуально для Беларуси в управлении экономикой которой превалируют публичные начала.

При этом исследование норм гражданского права в указанных выше пределах необходимо проводить на основе исследования общетеоретического подхода к понятию и признакам норм права в целом безотносительно их отраслевой принадлежности, что позволит на основе имеющихся общетеоретических знаний выявить сущностные характеристики непосредственно норм гражданского права, провести их классификацию и определить степень влияния каждой из классификационных групп гражданско-правовых норм на развитие гражданско-правовых и, как следствие, экономических отношений.

2.2 ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ НОРМЫ ПРАВА: ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Изложенное выше предопределило необходимость в ходе исследования норм гражданского права учета знаний о понятии, признаках и структуре правовой нормы, полученных в рамках науки «общая теория права», что позволит в процессе анализа совокупности гражданско-

правовых норм выявить имманентные им признаки, выделяющие нормы гражданского права из массива правовых норм и, в дальнейшем, определить свойства отдельных групп, типов и видов норм гражданского права с целью подбора их совокупности, позволяющей сформировать модель гражданско-правового регулирования, соответствующую требованиям современного экономического оборота. Так, общее понятие, признаки и структура правовой нормы подробно исследованы наукой «теория права», которая также детально дифференцирует правовые нормы на виды. По сути, ни один учебник по теории права не обошел стороной вопросы понятия, структуры, признаков и классификации правовых норм по видам, чего нельзя сказать о цивилистической науке, в рамках которой понятие, признаки и предназначение непосредственно гражданско-правовых норм практически не рассматривались. При этом, согласно утверждению О. Н. Садикова, «при анализе отраслевого законодательства и оценке механизма его действия весьма важным является уяснение системы составляющих его норм …» [124, с. 13].

Учеными-теоретиками приводятся различные определения понятия «норма права», отличающиеся друг от друга в некоторой степени как текстуально, так и по смысловому содержанию. При этом «понятие “юридическая норма”, − согласно утверждению Л. И. Спиридонова, − выражает одно из фундаментальных свойств права − его нормативность − и поэтому является одним из важнейших» [125, с. 150].

Так, С. А. Голунский отмечает, что «определение правовой нормы, являющееся у нас почти общепринятым, исходит из такого положения: правовая норма − это имеющее юридический характер предписание, которое представляет собой общее правило, рассчитанное на многократное применение» [126, с. 22]. О. С. Иоффе и М. Д. Шаргородский, рассматривая норму права в качестве вида социальных норм, определяют ее как «объективно предопределяемое сознательно-волевое общее правило поведения людей, установленное для обеспечения определенной целенаправленности их практической деятельности» [127, с. 127], что, по нашему мнению, является в целом верным.

Однако далее, выделяя нормы права из совокупности социальных норм, названные ученые указывают на то, что «норма права есть установленная или санкционированная государством и охраняемая им норма общеобязательного поведения людей как участников регулируемых ею повторяющихся общественных отношений» [127, с. 132], с чем в полной мере согласиться нельзя. Дефиницию правовой нормы, аналогичную применительно к двум приведенным составляющим формулировки правовой нормы, предложенной О. С. Иоффе и М. Д. Шаргородским, приводит А. Ф. Вишневский, определяющий пра-

вовую норму как «санкционированное государством правило поведения, регулирующее определенную разновидность общественных отношений, реализация которого обеспечивается компетентными государственными органами» [128, с. 155].

Схожее по смыслу с дефиницией О. С. Иоффе и М. Д. Шаргородского в части регулирования общественных отношений определение правовой нормы предлагает В. К. Бабаев, согласно мнению которого норма права представляет собой «общеобязательное веление, выраженное в виде государственно-властного предписания и регулирующее общественные отношения» [129, с. 369]. Аналогичная по смыслу с определением О. С. Иоффе и М. Д. Шаргородского в той его части, что норма является правилом поведения, дефиниция правовой нормы сформулирована О. Э. Лейстом, согласно утверждению которого «правовой нормой называется установленное или санкционированное государством правило поведения, охраняемое от нарушений с помощью мер государственного принуждения» [130, с. 559].

Н. В. Сильченко, рассматривая понятие нормы права с точки зрения науки «Общая теория права», отмечает, что норма права представляет собой абстрактное правило поведения общего характера, являющееся общеобязательным, формально определенным, имеющим представительно-обязывающий характер, связанное с государством [131, с. 37–39]. М. И. Байтин определяет норму права как «исходящее от государства и им охраняемое общеобязательное, формально-определенное предписание, выраженное в виде правила поведения или отправного установления и являющееся государственным регулятором общественных отношений» [132, с. 184].

По сути, каждое из приведенных выше определений правовой нормы, предлагаемое В. К. Бабаевым, М. И. Байтиным, О. Э Лейстом, представляет собой одну из частей дефиниции, сформулированной О. С. Иоффе и М. Д. Шаргородским, и в случае объединения двух определений в одно они содержательно повторяют формулировку первого, что присуще и определению правовой нормы, предложенному белорусскими правоведами. Определяя норму права в качестве юридико-логической модели позитивного права и особого нормативного регулятора внешнего поведения людей, В. С. Нерсесянц под нормой права понимает «общее правило регулирования общественных отношений, согласно которому его адресаты должны при определенных условиях… действовать как субъекты определенных прав и обязанностей… иначе последуют определенные невыгодные для них последствия…» [133, с. 391]. Как «формализованное общезначимое и общеобязательное правило поведения, имеющее представительно-обязывающий

характер и установленное (санкционированное) государством», определяет правовую норму А. В. Поляков [134, с. 466]. Точку зрения О. Э. Лейста и А. В. Полякова, рассматривающих норму права как установленное государством правило поведения, поддерживает В. М. Сырых [135, с. 122], а точку зрения В. К. Бабаева, определяющего норму права как государственное веление, регулирующее общественные отношения, разделяет В. Н. Протасов [136, с. 171].

Дефиницию правовой нормы, предложенную в советский период развития науки «теория права» О. С. Иоффе и М. Д. Шаргородским, рассматривающими в одном ряду норму права как правило поведения и как регулятор общественных отношений, в постсоветский период развития юридической науки поддерживают А. Ф. Черданцев [137, с. 208] и А. Б. Венгеров [138, с. 360−361].

Таким образом, можно условно выделить следующие подходы к пониманию нормы права, сложившиеся в рамках науки «теория права». В соответствии с первым подходом норма права – это общеобязательное правило поведения, согласно второму – это правило поведения, которое регулирует общественные отношения; исходя из третьего подхода к пониманию нормы права, предложенного В. С. Нерсесянцем, норма права представляет собой правило регулирования общественных отношений, а согласно утверждению О. С. Иоффе и М. Д. Шаргородского − это общее правило поведения людей, регулирующее общественные отношения, в которых они участвуют.

Безусловно, в других многочисленных учебниках и учебных пособиях, изданных по теории права как в советский, так и в постсоветский период развития общетеоретической юридической науки, возможно, предлагаются и несколько другие варианты дефиниции одного из ключевых понятий юридической науки, каковым является норма права, но все они в целом сводятся к тому, что норма права представляет собой общеобязательное правило поведения, что и является квинтэссенцией любого определения анализируемого понятия.

Несмотря на то что в каждом из приведенных выше определений понятия «норма права» использован термин «правило», все точки зрения, высказанные учеными-теоретиками, существенно отличаются друг от друга по своему смысловому содержанию и, следовательно, требуют их детального анализа с целью выбора одного определения, в наибольшей степени отражающего место и роль нормы права в процессе государственного управления обществом. Применительно к межотраслевому понятию правовой нормы, которое, собственно, и предлагается учеными-теоретиками, и уж тем более к понятию правовой нормы, являющейся элементом какой-либо отрасли права, определе-

ние, предложенное В. С. Нерсесянцем, рассматривающим правовую норму как общее правило регулирования общественных отношений, следует признать вызывающим наибольшие сомнения. Так, проводя детальный анализ определения понятия «норма права», предложенного В. С. Нерсесянцем, следует учитывать, что, согласно утверждению О. С. Иоффе и М. Д. Шаргородского, норма права как государственно-властное веление может исходить только от государства [127, с. 127]. На возможность применения государственного принуждения для обеспечения исполнения норм права и, следовательно, государственно-властную природу правовых норм указывает Ф. И. Калинычев, согласно утверждению которого «…одним из основных признаков права, отличающим его от норм морального и всякого другого порядка, является обеспечение исполнения правовых норм принудительной силой государства» [139, с. 40].

На основе анализа определения понятия «норма права», сформулированного В. С. Нерсесянцем, и приведенного выше утверждению О. С. Иоффе и М. Д. Шаргородского можно сделать вывод о том, что норма права, являясь правилом регулирования общественных отношений, устанавливает какие-то закономерности либо последовательность деятельности государственных органов, направленной на осуществление социального регулирования (регулирования общественных отношений), под которым С. С. Алексеев понимает процедуру определения поведения людей и их коллективов, разработки направлений их функционирования и развития, деятельность по целеустремленному упорядочению такого поведения [140, с. 30].

Таким образом, на основании определения правовой нормы, предложенного В. С. Нерсесянцем, можно сделать вывод, что правовые нормы принимаются с целью закрепления каких-то правил деятельности государственных органов по регулированию общественных отношений. Такой подход нельзя признать соответствующим действительности, типичным для всей совокупности правовых норм, особенно применительно к отраслевым правовым нормам.

Определение нормы права как общеобязательного государственно-властного предписания, регулирующего общественные отношения, поддерживаемое большинством ученых, включая В. К. Бабаева, М. И. Байтина, А. Ф. Вишневского, С. Г. Дробязко, В. С. Козлова, В. А. Кучинского, В. Н. Протасова, частично А. Б. Венгеровым, А. Ф. Черданцевым и другими учеными-теоретиками, по нашему мнению, также является дискуссионным. Применительно к его содержанию возникает вопрос о том, способно ли предписание, которое также можно назвать нормой права, правилом поведения, государственным велением и т. п., регу-

лировать общественные отношения, а именно поведение людей и их коллективов, на что обращает внимание С. С. Алексеев.

Термин «регулировать» означает «упорядочивать… направлять… приводить» [141, с. 672], «подчинять… воздействовать» [142, с. 1111], т. е. осуществлять какую-то деятельность. Под термином «деятельность», в свою очередь, понимается «специфическая человеческая форма отношения к окружающему миру, содержание которой составляет его целесообразное изменение в интересах людей» [143, с. 348].

На основании значений анализируемых слов можно сделать вывод, что осуществлять какую-либо деятельность, в том числе и по регулированию общественных отношений, может только человек, но не норма, правило, веление и т. п., которые сами являются результатом активности человека, направленной на упорядочение (регулирование) поведения людей в определенной сфере социального взаимодействия. «Норма права… − отмечает В. А. Белов, − суть субстанция идеального свойства. Идея… не может оказать преобразовательного воздействия на реальную действительность – такое воздействие способны оказать только люди…» [144, с. 106−107].

Учитывая, что на современном этапе развития государственности любое социально допустимое воздействие на процесс развития общественных отношений возможно исключительно в рамках установленного на государственной территории правопорядка, можно сделать обоснованный вывод о том, что деятельность по упорядочению поведения людей осуществляется посредством правового регулирования, под которым С. С. Алексеев понимает «осуществляемое при помощи системы правовых средств (юридических норм, правоотношений, индивидуальных предписаний и др.) результативное, нормативно-организационное воздействие на общественные отношения с целью их упорядочения, охраны, развития в соответствии с общественными потребностями» [140, с. 145].

На основании изложенного также можно сделать вывод о том, что определение нормы права и как регулятора общественных отношений, и как правила регулирования общественных отношений не соответствует действительному предназначению правовых норм. Исходя из того, что государственное управление осуществляется только государственными органами и только в рамках правового регулирования, норму права следует рассматривать как правовое средство, используя которое государство в лице уполномоченных государственных органов оказывает регулятивное воздействие на участников общественных отношений.

Следовательно, наиболее точно с точки зрения науки «общая теория права» норму права определяют белорусские правоведы А. Ф. Вишнев-

ский, Н. В. Сильченко и отдельные российские ученые – М. И. Байтин, О. Э. Лейст, А. В. Поляков, В. М. Сырых и др., являющиеся сторонниками такого подхода, согласно которому под нормой права понимается формально-определенное, установленное государством и поддерживаемое его принудительной силой общеобязательное правило поведения в определенной сфере социального взаимодействия людей.

Норма права имеет логико-семантическую природу и, согласно утверждению А. Ф. Черданцева, с языковой точки зрения находит свое выражение в грамматических предложениях правового текста, а с логической точки зрения – представляет собой определенную мысль законодателя [145, с. 6]. «Норма права, − отмечает Ю. С. Ващенко, − может быть представлена как текстовая единица правовой коммуникации. При текстуальном подходе… норма права рассматривается в качестве специального текста…» [146, л. 6].

Наряду с исследованием нормы права как формально-определенного правила поведения, исполнение которого поддерживается принудительной силой государства, т. е. законодательной нормы (нормы закона) в широком смысле термина «закон», обозначающего всю совокупность нормативных правовых актов, в которых закреплено текстуальное выражение смысла правовой нормы, правовые нормы также рассматриваются юридической наукой как сложные условные логические суждения импликативного типа.

Первые называются нормами-предписаниями[2], а вторые – нормами-суждениями импликативного типа, сконструированными при помощи условного союза «если… то», т. е. логическими умозаключениями (подчиняющимися законам формальной логики) о поведенческих возможностях субъектов системы права [96, с. 206; 129, с. 372].

Термин «импликация» обозначает «способ связи двух простых высказываний в сложное с помощью конструкции *если… то…*» [142, с. 390].

Предназначение норм-предписаний, согласно обоснованному утверждению А. В. Полякова, состоит в том, что, являясь системным элементом права, правовые нормы служат основанием наличия у субъектов прав и обязанностей, в рамках реализации которых действия субъекта получают обоснованность, становятся нормальными. Кроме того, нормы-предписания заключают такие действия в определенные границы, указывая на возможность совершения одних действий и на необходимость совершения других [134, с. 453].

[2] Для целей настоящего исследования термином «норма-предписание» обозначается норма права, выраженная графическими символами русского языка и закрепленная в статье (части, пункте, абзаце) нормативного правового акта, − законодательная норма (юридическая норма).

Следует отметить, что норма права, являясь главным предметом научного познания в рамках юридического позитивизма, имеет ряд признаков, исследование которых позволяет выделить нормы права из ряда других социальных норм, определить место и роль норм права в механизме правового регулирования. Под последним С. С. Алексеев понимает совокупность правовых средств, при помощи которых обеспечивается результативное правовое воздействие, правовой эффект которого выражается в процессе решения экономических и иных социальных задач [140, с. 150−155].

Юридической наукой на современном этапе ее развития предлагается определенная совокупность общих признаков, присущих всем правовым нормам-предписаниям безотносительно к их отраслевой принадлежности.

Так, в юридической литературе к общим признакам нормы-предписания, вытекающим из рассмотренных выше определений, относят:

– *формальную определенность*, выраженную в точности нормативного предписания и его закрепленности в нормативных правовых актах системы законодательства, принимаемых уполномоченными государственными органами, что отличает правовую норму от иных социальных норм, не подлежащих закреплению в нормативных правовых актах. «Формальная определенность нормы права, − отмечает В. М. Сырых, − прежде всего означает факт закрепления ее содержания письменным документом (нормативным правовым актом), принятым компетентным органом государства, должностным лицом или иным уполномоченным органом» [135, с. 121], на что также обращает внимание В. С. Козлов, отмечающий, что «нормы права формулируются в официальных документах в виде точных и достаточно детализированных правил…» [47, с. 198–199]. Согласно утверждению А. Ф. Черданцева, «формальность права – необходимое качество права как регулятора общественных отношений, определяющее повышение роли и социальной ценности права в правовом государстве» [145, с. 19];

– вытекающую из формальной определенности *нормативность* правовой нормы, указывающую на то, что правовая норма является предлагаемой государством моделью поведения, закрепляющей основные признаки, черты, особенности общественных отношений, подлежащей обязательному соблюдению. «С помощью норм права, − утверждает А. Ф. Черданцев, − многочисленные ситуации приводятся к единой юридической формуле, устанавливается единообразная модель поведения неопределенного числа субъектов в количественно неопределенных ситуациях» [145, с. 21]. «Государство, – отмечает В. Ф. Чигир, – посредством правовых норм устанавливает… определенные модели

общения людей и тем самым заставляет их действовать определенным образом. Участники общественно-производственных отношений… обязаны сознательно соизмерять свое поведение с этими моделями…» [45, с. 512];

– основанный на двух приведенных выше признаках *общеобязательный характер* правовой нормы, заключающийся, на что указывает В. К. Бабаев, в обязательности ее исполнения и соблюдения, предполагающей обязательную реакцию государства на поведение субъекта [129, с. 371]. Общеобязательный характер как признак непосредственно гражданско-правовой нормы, по нашему мнению, является наследием советской юридической науки. Так, в частности, Л. С. Галесник отмечает, что «в области экономических отношений нормы социалистического права выполняют свое основное назначение: они служат осуществлению контроля со стороны общества и государства над мерой труда и мерой потребления… определяют путем предписаний, дозволений и запретов условия трудовой и государственной дисциплины…» [147, с. 17];

– *представительно-обязывающий характер*, выраженный в предоставлении субъектам прав и возложении на них социально необходимых обязанностей.

Далее необходимо установить точное предназначение правовых норм, цель их разработки и закрепления в нормативных правовых актах. Так, исследования, проведенные нами ранее, позволили установить, что политическое управление определенной совокупностью людей, находящихся на государственной территории, на современном этапе развития государственности возможно только в рамках правового регулирования, основанного на использовании правовых средств, в совокупности составляющих механизм правового регулирования, применение которого позволяет осуществлять необходимое государству правовое воздействие на участников общественных отношений и достигать желаемого социального результата. При этом правовое воздействие на участников соответствующих общественных отношений могут оказывать только люди, объединенные в рамках уполномоченных государственных органов, но не нормы права, представляющие собой идеальную конструкцию, объект целенаправленной активности человека.

Одним из видов правовых средств, входящих в состав механизма правового регулирования, на что указывалось выше, являются нормы права, посредством закрепления которых в нормативных правовых актах, подлежащих обязательному обнародованию, государство доводит до сведения лиц, находящихся на государственной территории, ин-

формацию о том, какие деяния и в какой области социального взаимодействия признаются государственной властью социально безопасными (позитивными) и, следовательно, допустимыми, а какие – социально опасными (негативными, асоциальными) и, соответственно, недопустимыми. В случае совершения деяний, признанных социально опасными, государство оставляет за собой право применения к лицам, совершившим такие деяния, помимо их воли мер государственного принудительного воздействия, содержание которых поставлено в зависимость от степени социальной опасности негативного деяния (преступление, административный проступок, гражданско-правовой деликт или дисциплинарный проступок). Перечень деяний, совершение которых признается допустимым или запрещается, зависит от политического направления развития общества, степени связанности государственного управления с религией, что отчетливо проявляется в странах мусульманского права, выбранного государством курса экономического развития и от некоторых других факторов объективного и субъективного свойства.

Вместе с тем непосредственная разработка правовых норм, их закрепление в нормативных правовых актах, доведение до всеобщего сведения и даже установление мер юридической ответственности за нарушение разработанных государством правил участия в общественных отношениях не являются фактическим препятствием к совершению деяний, негативно оцениваемых государством, не служат гарантией надлежащего поведения участников общественных отношений. Физические лица неизменно совершают деяния, именуемые правонарушениями, руководствуясь различными мотивами, осознавая при этом опасность государственного преследования, влекущего порой применение достаточно серьезных мер государственного реагирования, вплоть до исключительной меры наказания, которому подвергается лицо, совершившее особо тяжкое преступление (в странах, отменивших смертную казнь, в качестве высшей меры государственного преследования применяется пожизненное содержание под стражей).

Основываясь на том, что люди, осознавая возможность наступления неблагоприятных последствий совершаемого деяния, нарушают установленные государством правила поведения, можно предположить, что положительные факторы, достижение которых предполагается вследствие совершения правонарушения, оцениваются нарушителем правовых предписаний выше, чем возможные негативные последствия противоправного поведения.

Исходя из того, что разработка и придание юридической силы правовым нормам, в том числе предусматривающим применение к субъ-

ектам права мер государственного принуждения, не являются гарантией поведения, которое допускается в соответствии с содержанием правовых норм, последние следует рассматривать не как государственно-властные предписания, обязательные для исполнения, а как разработанные государством и доведенные до сведения субъектов правоприменения модели поведения, позитивно или негативно оцениваемые уполномоченными государственными органами [55-А, с. 78].

«В нормах, − отмечает А. Ф. Черданцев, − фиксируется ценностное отношение законодателя к тем или иным общественным явлениям, отношениям» [145, с. 14]. «Каждая правовая норма, независимо от отраслевой принадлежности, в той или иной степени выполняет в механизме правового регулирования такие функции, как функцию государственной ориентации участников общественной жизни и функцию государственной оценки разработанных вариантов поведения субъектов права. <…> Каждая из норм права ориентирует участников общественных отношений, но в зависимости от характера предписания ориентация имеет различную социально-правовую значимость» [148, с. 212]. Модели поведения, содержащиеся в нормах уголовного права, подлежат негативной оценке государством, которое, применяя механизм государственного принуждения, как правило, изолирует от общества лицо, поступившее в соответствии с закрепленной в Уголовном кодексе Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. [149] (далее − УК) моделью поведения. Следовательно, государство запрещает такое поведение под угрозой применения мер уголовного преследования.

Модели поведения, предлагаемые нормами гражданского права, наоборот, в основе своей подлежат положительной оценке государством, которое поощряет такое поведение посредством придания действиям участников экономических отношений юридического значения и закрепления за ними соответствующих субъективных прав.

Еще Ф. Энгельс отмечал тот факт, что предназначение гражданского права «…в сущности, сводится к тому, что оно санкционирует существующие при данных обстоятельствах нормальные экономические отношения. <…> Нормы гражданского права представляют лишь юридическое выражение экономических условий общественной жизни» [150, с. 376]. «Юридическая норма, − отмечает В. К. Бабаев, − моделирует не только правила поведения, но и состояние общественных отношений, их особенности, объектный и субъектный состав. В этом случае она несет информацию о признаках правовых явлений и понятий, пределах, методах, принципах правового регулирования, о правомерном и противоправном, о правовом и неправовом» [129, с. 370].

Непосредственно процесс выбора модели поведения следует отне-

сти к эмоционально-волевой психической деятельности физических лиц, самостоятельно принимающих решение о совершении либо несовершении того или иного деяния в процессе сознательно-волевой оценки предусмотренных правовыми нормами позитивных либо негативных последствий своего поведения и возможной реакции государства на такое поведение.

«…Сама норма права, – отмечает С. А. Трахименок, – предписывая тот или иной вариант поведения, никоим образом не воздействует на выбор этого варианта поведения субъектом правоотношения» [151, с. 25].

«Исходное ценностное начало права, − отмечает В. В. Лазарев, – способность оказывать воздействие на волю и сознание людей» [129, с. 443]. Следовательно, правы О. С. Иоффе и М. Д. Шаргородский, определяющие правовую норму как сознательно-волевое общее правило поведения людей, из чего следует, что правовая норма представляет собой предлагаемую государством общую модель поведения, реализация которой основана на осознанном волевом решении человека, сопоставляющего для себя в процессе принятия решения положительные и отрицательные стороны своего правомерного либо противоправного поведения. Правовые нормы выполняют «функцию государственной ориентации участников общественных отношений и функцию государственной оценки их поведения…» [148, с. 215]. «…Любая норма, − утверждает В. М. Баранов, − выполняет в механизме правового регулирования две основные функции − функцию государственной ориентации участников общественной жизни в социальной действительности и функцию государственной оценки разнообразных вариантов поведения субъектов права» [152, с. 73].

Так, например, каждый человек самостоятельно решает для себя вопрос о том, что для него является более целесообразным:

– приобретение в фактическое экономическое владение необходимой вещи по правилам, закрепленным в главе 30 ГК «Купля-продажа», с уплатой определенной денежной суммы, потеря которой может рассматриваться субъектом как негативная сторона правомерного поведения;

– совершение запрещенного деяния, именуемого кражей, положительной стороной которого для физического лица является сохранение денежной суммы, а отрицательной – возможность применения мер государственного принуждения, предусмотренных нормами ст. 205 УК.

При этом фактический экономический эффект, т. е. получение необходимого имущества во владение и пользование с целью извлечения его полезных свойств либо дальнейшей реализации, будет достигнут как в результате участия в гражданско-правовых отношениях купли-

продажи, так и в случае совершения кражи. Сопоставляя возможные положительные и отрицательные результаты правомерного и противоправного поведения, т. е. в процессе сознательно-волевой деятельности по оценке последствий своего деяния, человек принимает решение о выборе модели разрешенного или запрещенного поведения в соответствии с мотивацией, выработанной у него во время психического взаимодействия с окружающей действительностью. В силу того, что возможность фактического (физического) ограничения такого выбора до момента совершения правонарушения в современных демократиях отсутствует, государство в рамках превентивных мероприятий вынуждено заниматься правовым просвещением, повышать правовое сознание граждан, развивать их правовую культуру, пропагандировать позитивные стороны правомерного поведения и негативные – противоправного.

Таким образом, изложенное позволяет сделать вывод, что правовая норма представляет собой разработанную государством модель разрешенного или запрещенного поведения, посредством закрепления которой в нормативном правовом акте государственная власть оповещает находящихся на подчиненной территории физических лиц о возможных положительных или отрицательных последствиях поведения, предусмотренного той или иной правовой нормой [18-А, с. 62].

Как модели поведения рассматривает нормы права Ю. В. Кудрявцев, утверждающий, что «с одной стороны, это веления государства, модели требуемого (допускаемого, поощряемого или запрещенного) государством поведения людей, характеризующиеся долженствованием, с другой − модели, носящие как бы описательный характер: они выражают связь между обстоятельствами, поведением и действиями государства» [153, с. 71].

«Важность оценочной функции правовых норм состоит в том, что в ней находит отражение законодательная политика государства» [148, с. 214]. «Норма права, − указывает М. И. Байтин, − …выступает одновременно и как модель, мера, эталон, масштаб соответствующего выраженной в ней государственной воле должного или возможного поведения людей, и как критерий, определитель правомерного и неправомерного, законного и противозаконного поведения» [132, с. 184].

Это относится ко всем без исключения правовым нормам, и если, например, нормы уголовного права представляют модели запрещенного поведения и предупреждают о негативной реакции государства в случае совершения предусмотренных (запрещенных) ими деяний, то гражданско-правовые нормы в основе своей – модели разрешенного поведения, указывающие на тот положительный правовой и экономический эффект, который может быть достигнут в результате соверше-

ния предусмотренных ими деяний. «…Позитивное юридическое признание, – отмечает В. А. Кучинский, – неразрывно связано с государственным обеспечением для субъектов правоотношений дополнительных возможностей, связанных с конкретным видом правомерного поведения…» [48, с. 189] и, в частности с возможностью обращения к государству за защитой нарушенного гражданского права или законного интереса.

В силу того, что все правовые нормы, включая и нормы гражданского права, как правила поведения, исходящие от государства, неизменно закреплены в нормативных правовых актах, можно констатировать факт соответствия всех юридических норм такому признаку, как формальная определенность. Обязательное закрепление правовых норм в нормативных правовых актах различной юридической силы, на что указывалось выше, позволяет выделить их из всей совокупности социальных норм и использовать в качестве средства нормативного регулирования.

«Закрепленные в нормативном правовом акте правовые нормы как модели общественных отношений, − отмечает В. К. Бабаев, − дают довольно цельную картину социальной действительности, опосредованной правом» [129, с. 370].

На основании того, что правовые нормы рассматриваются в качестве средства нормативного регулирования, можно утверждать о том, что всем правовым нормам присущ такой общий признак, как нормативность. В этой связи следует констатировать, что норма права, являясь источником информации, способна создавать эффект правового регулирования только посредством социально-психологического воздействия на участников общественных отношений в процессе их сознательно-волевой деятельности. Последняя состоит в оценке текста правовой нормы, закрепленного в статье нормативного правового акта, и сопоставлении позитивных и негативных последствий выбранной субъектом права модели поведения.

«Нормы права, − утверждает Ю. С. Ващенко, − это социально апробированные и социально закрепленные оценки: на их основе все действия представляются либо обязательными, либо запрещенными, либо нормативно безразличными» [51, с. 11].

До реализации, отмечает А. Ф. Черданцев, норма права должна пройти через сознание и волю своих адресатов, должна быть осознана, воспринята ими и таким образом оказать влияние на волю субъекта, склонить его к поведению, предусмотренному правовой нормой [137, с. 208]. При этом возможные позитивные или негативные последствия выбранной модели поведения могут выражаться либо в приобретении

вместе с имуществом прав на него, либо в отсутствии прав на приобретенное имущество и, как следствие, в возможности применения к нарушителю правовых предписаний, принудительных мер государственного воздействия. Непосредственно возможность применения государственного принуждения в виде штрафа, пени, признания оспоримой сделки недействительной, установления факта недействительности ничтожной сделки, лишения свободы, конфискации имущества, лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью создает тот социально-психологический эффект, с помощью которого государство в большинстве случаев добивается правомерного поведения лиц, находящихся на государственной территории. Причем социально-психологический эффект правомерного поведения в сфере гражданского оборота достигается как возможным применением мер гражданско-правового воздействия, так и посредством мер, предусмотренных нормами уголовного права за совершение преступлений против собственности и порядка осуществления экономической деятельности, преступлений против экологической безопасности и природной среды и др.

Вывод о том, что нормам права наряду с формальной определенностью присущ такой признак, как нормативность, основан в том числе и на значении термина «норма», под которой в общем понимается (от лат. *norma* – руководящее начало, правило, образец): 1) узаконенное установление, признанный обязательным порядок (например, норма времени, норма накопления, норма прибыли и т. п.) [154, с. 166−167].

На основании проведенного анализа точек зрения ученых, сделанных в рамках науки «общая теория права», относительно понятия, признаков и предназначения правовой нормы, можно сделать ряд выводов. В частности, согласно взглядам большинства ученых под правовой нормой со времен советского периода развития юридической науки понимается обязательное для исполнения, формально-определенное абстрактное правило поведения, установленное государством, предназначенное для многократного применения, рассчитанное на неопределенный круг лиц, исполнение которого поддерживается принудительной силой государства, что, как указывалось выше, не в полной мере соответствует действительному предназначению норм права. При этом практически все ученые указывают на четыре стандартных признака, характеризующие норму как правовую, позволяющие отграничить правовые нормы от иных норм, например, норм морали.

Приведенный подход имманентен научному направлению, именуемому правовым этатизмом (юридическим позитивизмом, юридической догматикой), рассматривающим право как совокупность правовых

норм, поддерживаемых принудительной силой государства и, согласно верному утверждению А. М. Байкова «…по меньшей мере, сомнителен…», что ученый связывает с «…отождествлением нормы права и нормы закона…» [155, с. 30].

Правовой этатизм с конца 30-х гг. XX в. являлся официальной советской правовой доктриной, основным идеологом которой выступал А. Я. Вышинский [134, с. 122] и, соответственно, основной научной школой в СССР. Правовой этатизм (юридический позитивизм) остается ведущей научной школой в постсоветский период развития юридической науки и представлен такими известными учеными-теоретиками, как С. С. Алексеев, В. К. Бабаев, М. И. Байтин, В. В Лазарев, А. Ф. Черданцев и др.

На доминирование юридического позитивизма на современном этапе развития правопонимания и на узость такого подхода к правопониманию указывает В. А. Витушко [156, с. 50].

2.3 НОРМЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА: СОВРЕМЕННЫЙ ДОКТРИНАЛЬНЫЙ ПОДХОД К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ

Проведенный выше анализ правовых норм, в том числе их специфических признаков, с позиции науки «общая теория права» позволил нам сделать вывод, что применительно к нормам гражданского права определение правовой нормы как установленного государством и обеспечиваемого его принудительной силой общеобязательного правила поведения людей не соответствует действительному предназначению гражданско-правовых норм, не отражает их роль в процессе правового регулирования экономических отношений. Сделанный вывод указывает на необходимость научной разработки определения понятия «норма гражданского права», соответствующего современному уровню развития цивилистики, который характеризуется, на что обращалось внимание выше, активным применением юридического позитивизма в ходе проведения научных исследований, ограничивающихся описанием гражданско-правовых норм, разработанных законодателем, их анализом, в отдельных случаях критикой и предложениями о необходимости внесения изменений в нормативные правовые акты. Юридический позитивизм, применяемый в ходе проведения цивилистичес-

ких исследований, предопределяет узко догматический подход к определению понятия «норма гражданского права», что, по нашему мнению, приводит к некоторому искажению научных результатов.

На современном этапе развития цивилистической науки юридический позитивизм как основа научных исследований гражданско-правовой сферы применяется широкими кругами научного сообщества Республики Беларусь [157, с. 4–15; 158, с. 129–133; 159, с. 100–105], России [160, с. 58–62; 161, с. 53–57], Украины [162, с. 286–295], Узбекистана [163, с. 346–352], Таджикистана [164, с. 46–54] и других республик бывшего СССР, что, как отмечалось выше, обусловлено советской правовой традицией, выработанной в соответствии с ролью советского государства как единственного источника права, единственного центра управления как государственной, так и частной (в период СССР – личной) экономической сферой жизнедеятельности людей.

Так, согласно верному утверждению Д. И. Степанова, в настоящее время «всепроникающим духом, неким довлеющим императивом для большей части исследователей в рассматриваемой сфере (гражданско-правовой. – *Примеч. авт.*) является стремление к решению отдельных (в большей или меньшей степени частных) практических проблем, установка на отыскание и освещение решений конкретных, казуистических ситуаций либо раскрытие смысла и содержания норм действующего позитивного права» [165, с. 1]. Приведенную точку зрения поддерживает Н. Л. Бондаренко, указывающая, что «…сегодня в работах… ученых преобладает узкодогматический подход, который предполагает всестороннее исследование законодательства, регулирующего гражданско-правовые отношения» [166, с. 97], а это, по мнению ученого, негативно влияет на конечный результат научных изысканий.

Исследование, ограниченное «…только нормативно-правовым материалом, изначально бесперспективно, – утверждает А. М. Байков, – поскольку анализ норм права, представляющих импликативные логические суждения… ничего не может дать для понимания сущности права, закономерностей его осуществления и развития» [155, с. 29]. Приведенное утверждение подтверждается обоснованным рассуждением И. А. Покровского, который еще в начале XX в. отмечал негативное влияние юридического позитивизма на развитие цивилистической науки. «Воспитанные на позитивистской боязни перед всяким подобием “метафизических естественно-правовых фантазий”, – указывает ученый, – погруженные в повседневную и кропотливую догматическую работу, мы окончательно отвыкли от широкой теоретической трактовки наших проблем и потеряли всякую связь с глубокими идейными течениями нашего времени. Можно ли удивляться при таких

условиях тому, что наука гражданского права стала казаться какой-то отторженной от жизни, засохшей схоластикой, а цивилисты – какой-то замкнутой отживающей кастой?» [167, с. 34–35].

Описанное И. А. Покровским состояние гражданско-правовой науки актуально и для современных условий развития цивилистики, в которых, согласно утверждению Н. В. Разуваева, «…юриспруденция… сохраняет… ярко выраженный догматизм и нормативизм, входящие в явное противоречие с… представлениями о специфике научного дискурса» [168, с. 62].

Учитывая изложенное, а также те политические и экономические условия развития доктрины и догмы гражданского права, при которых, согласно утверждению А. М. Хужина, «…гражданское законодательство переживает период глобального реформирования» [169, с. 37], характеризующиеся значительным усложнением общественных отношений, детализацией и дифференциацией гражданско-правового регламентирования, существенной модернизацией гражданского законодательства, на что обращает внимание Е. В. Лунева [170, с. 117], необходимостью стимулирования частной предпринимательской инициативы и деловой активности граждан с целью повышения эффективности экономической деятельности, что вытекает из выступлений высших должностных лиц нашего государства и отражено в нормативных правовых актах, принимаемых в последнее время в Беларуси [3–6; 111; 171–178 и др.], следует констатировать назревшую необходимость выработки новых подходов к модели гражданско-правового регулирования и в первую очередь к определению понятия первичного элемента системы гражданского права – нормы гражданского права.

«Любое социальное явление … – отмечает Ю. П. Боруленков, – требует осмысления и определения посредством понятия» [179, с. 188].

В ходе разработки понятия и исследования роли норм гражданского права в государственном регулировании экономики следует учитывать то обстоятельство, что в современных политических условиях развития цивилистической науки, согласно верному утверждению Б. М. Гонгало, «…отпала необходимость сверять свои идеи с тем или иным высказыванием К. Маркса, В. И. Ленина, указаниями очередного съезда Коммунистической партии Советского Союза или Пленума ЦК КПСС и т. д. и т. п.» [180, с. 5], что констатировалось нами выше.

Сложившиеся политические условия развития общества позволяют на современном этапе совершенствования доктрины и догмы гражданского права отклониться от общепринятого подхода к определению понятия «норма права», выработанного учеными советского периода в соответствии с воззрениями на анализируемую категорию правоведения

классиков марксизма-ленинизма, поддерживающими в качестве основной научной школы юридический позитивизм, что, как отмечалось выше, отражается и в трудах современных цивилистов.

В частности, В. В. Васильев, исследуя нормы гражданского права, указывает, что «гражданско-правовая норма представляет собой исходящее от государства или санкционированное им правило поведения или базовое правовое предписание, имеющее обязательный или относительно обязательный характер…» [181, с. 5], в чем прослеживается применяемый в рамках советской этатистской школы права подход к определению понятия «норма права», не отражающий, по нашему мнению, действительной сути гражданско-правового регулирования, функций и предназначения гражданского права демократического государства, поддерживающего на конституционном уровне общечеловеческие ценности. При этом В. В. Васильев в дальнейших своих исследованиях отмечает «…дискуссионный характер вопроса о возможности рассмотрения и обоснования определения нормы гражданского права исключительно посредством понятий “правило поведения” или “правило регулирования”» [182, л. 253], с чем следует согласиться. Как «…общие правила поведения, которые распространяются на неопределенный круг лиц… и обеспечиваются государством» норму гражданского права рассматривает С. С. Алексеев [183, с. 40; 184, с. 15] в определении которого также прослеживается подход, свойственный правовому этатизму, поддерживаемому ученым и на современном этапе развития юридической науки.

Наряду с определениями, выработанными в рамках позитивистского подхода к проведению научных исследований, учеными предлагаются и иные определения понятия «норма гражданского права», в большей степени соответствующие фактическому предназначению анализируемой категории цивилистики. В частности, как логическую модель поведения определяет нормы гражданского права С. И. Карпова, согласно утверждению которой «…норма гражданского права – это установленная и санкционированная государством типизированная, социально значимая, содержащая конкретные права и обязанности логическая модель поведения участников экономического оборота, имеющая целью обеспечить его позитивное развитие» [185, л. 7].

Приведенное определение можно признать оправданным в части определения нормы гражданского права как модели поведения, но применение в отношении анализируемой категории словосочетания «логическая модель» вызывает некоторые сомнения и указывает на отождествление С. И. Карповой норм-предписаний и норм-суждений, с чем согласиться нельзя. Определение понятия «норма гражданского

права» как предлагаемой государством модели поведения, подлежащего государственной оценке, предлагалось в исследованиях В. А. Белова [96, с. 206] и в наших исследованиях [18-А, с. 62].

По нашему мнению, в ходе разработки подхода к определению понятия «норма гражданского права» необходимо учитывать:

– во-первых, точку зрения Е. Х. Хондиуса, согласно утверждению которого «гражданское право является краеугольным камнем юриспруденции…» [74, с. 237], что является абсолютно верным. Утверждение Е. Х. Хондиуса отражает ведущее место гражданского права в системе права государства, указывает на то, что гражданское право как базовая отрасль частного права имеет определяющее значение для развития как государственной экономики, состояние которой для существования государства имеет решающее значение, так и для становления на государственной территории гражданского общества и правового государства;

– во-вторых, отраслевое предназначение гражданского права в конкретный исторический период государственного развития, его социальную ценность и роль в процессе государственного управления экономикой;

– в-третьих, представления государственной власти об экономической системе государства, допускаемой государством степени вмешательства в частные дела, ту степень индивидуальной экономической свободы, которую государство готово предоставить частным лицам в процессе участия в экономических отношениях, в том числе объем правоспособности в области вещных прав и степень защиты права собственности каждого отдельного гражданина;

– в-четвертых, то, что гражданско-правовая норма лежит в основе системы гражданского права, которая, в свою очередь, выступает как основа частного права [186, с. 115–117], служит базой для развития блока частноправовых отраслей.

Разрабатывая понятие «норма гражданского права», необходимо определить специфические признаки норм гражданского права, позволяющие отграничить их от иных правовых норм.

В частности, В. В. Васильевым предлагаются следующие признаки, присущие непосредственно нормам гражданского права: «…гражданско-правовые нормы не всегда носят исчерпывающий и безоговорочный характер… предоставляют участникам гражданского оборота определенную свободу, очерчивая лишь границы должного и возможного поведения… одной из отличительных черт гражданско-правовых норм является частота применения… возможность использования самозащиты как особого способа защиты субъективных прав…» [182, л. 260–261].

Если первых два признака, предложенные В. В. Васильевым, условно можно признать соответствующими реальной действительности, то относительно того, что третий и четвертый признаки имманентны непосредственно нормам гражданского права и позволяют выделить их из всей совокупности правовых норм, следует возразить.

Наряду с определением признаков норм гражданского права необходимо установить их предназначение в современных условиях регулирования экономики, что, по нашему мнению, следует делать через исследование функций, возлагаемых государством на гражданское право как совокупность гражданско-правовых норм в процессе их разработки, принятия и введения в действие. Так, в качестве основных функций гражданского права С. С. Алексеев выделяет «…такое направление в регулировании имущественных и личных неимущественных отношений, которое обеспечивает и реализует экономическую свободу субъектов, их автономию и самостоятельность в рамках закона. <…> Вторая функция – это полная и действенная защита правового положения и прав субъектов, при которой обеспечивается восстановление и судебная защита нарушенных прав субъектов» [183, с. 23], с чем в целом можно согласиться. Вместе с тем, определяя признаки норм гражданского права с учетом возложенных на него функций, следует иметь в виду утверждение Е. В. Васьковского, согласно которому: «Не от способа защиты зависит характер прав, а от характера прав – способ их защиты» [187].

А. М. Мамаев указывает на наличие у гражданского права социальных функций, к которым относит воспитательную, экономическую, восстановительную и компенсационную [188]. А. Я. Рыженков к основным функциям гражданского права относит «регулятивную, охранительную, правозащитную, воспитательную, компенсационную, восстановительную, карательную функции» [189, с. 48].

Необходимость разработки определения понятия «норма гражданского права» через исследование функций гражданского права обусловлена тем, что «функции гражданского права являются непосредственными выразителями свойств самого гражданского права, которые находят свое отражение в результате регулирования правом общественных отношений. <…> Функции гражданского права находят наиболее концентрированное выражение в процессе воздействия на общественные отношения [182, л. 191].

Согласно утверждению В. А. Рыбакова, «гражданско-правовая функция – это обусловленное товарно-денежной формой и задачами государства воздействие гражданско-правовых норм на имущественные отношения и связанные с ними личные неимущественные отношения в определенных направлениях» [190, с. 17].

При разработке определения понятия «норма гражданского права», опираясь на функции гражданского права на современном этапе развития общества, доктрины и догмы гражданского права, следует также учитывать нравственные начала, которые, согласно утверждению В. Ф. Мартынова, должны быть присущи современному праву [191, с. 37], в том числе и гражданскому, что убедительно доказано Л. В. Щенниковой [192, с. 22–27] и В. С. Каменковым [193, с. 73–77].

Таким образом, в процессе разработки определения понятия «норма гражданского права» необходимо, во-первых, раскрыть предназначение гражданского права как базовой отрасли частного права в современных политических и экономических условиях развития государства в целом и его экономики в частности, опираясь на функции гражданского права, соответствующие его предназначению, и, во-вторых, наряду с общими признаками, присущими всем правовым нормам, определить признаки, присущие непосредственно нормам гражданского права, позволяющие отграничить их от иных правовых норм.

Определяя предназначение гражданского права на современном этапе государственного развития, необходимо исходить из того, что «…главной функцией… гражданского права, – согласно утверждению Д. Г. Хецуриани, – является организация имущественных отношений, обусловленных товарно-денежной формой. <…> Имущественные отношения… являются одной из разновидностей… экономических отношений. В силу этого… экономическая функция является для него ведущей» [194, с. 73–75], что подтверждает А. В. Золотухин, согласно точке зрения которого «гражданское право опосредует повседневную экономическую жизнь гражданского общества» [195, с. 53].

Таким образом, основное предназначение гражданского права как базовой отрасли частного права, вне всякого сомнения, заключается в правовом опосредовании имущественных отношений, возникающих в области производства, обмена и потребления материальных благ, что следует из воспринятого цивилистической наукой предмета гражданско-правового регулирования [13-А, с. 18–21; 29-А, с. 37–40], и указывает на доминирование экономической функции гражданского права, которая является неизменно ведущей для анализируемой отрасли независимо от существующего в государстве политического режима.

Однако содержание экономической функции гражданского права и, следовательно, предназначение составляющих его гражданско-правовых норм может меняться в зависимости от тех требований, которые предъявляет к экономике государственная власть в каждый конкретный исторический период развития государства. Так, на современном этапе экономического развития Республики Беларусь как самостоя-

тельного независимого государства, в отличие от периода социалистической экономики XX в. экономическая функция гражданского права как отрасли права и, соответственно, гражданско-правовых норм как базовой структурной единицы системы гражданского права [196, с. 39] должна быть направлена:

– на эффективную интеграцию государственной экономики в мировое экономическое пространство и поддержание понятных, в том числе для иностранных участников, и стабильных в долгосрочной перспективе правил осуществления экономической деятельности;

– предоставление равных правовых гарантий развития экономических отношений как в государственном, так и в частном секторе экономики;

– установление разумного баланса частных и государственных экономических интересов;

– стимулирование частной предпринимательской инициативы и деловой активности граждан;

– минимизацию государственного вмешательства в частные экономические отношения;

– поддержание правовых гарантий осуществления права собственности частными субъектами экономической деятельности;

– стабилизацию экономики и ее дальнейшее эффективное развитие, способствующее росту благосостояния каждого отдельного гражданина и государства в целом.

Обобщая содержание экономической функции совокупности гражданско-правовых норм в современных геополитических условиях государственного развития, следует отметить, что нормы гражданского права должны быть направлены на создание максимально благоприятных условий для эффективного развития частной предпринимательской инициативы при минимальном государственном вмешательстве в частную экономическую сферу. В качестве одной из приоритетных задач государства в процессе государственного управления экономикой, согласно верному утверждению В. А. Мальцева, выступает «достижение устойчивого экономического роста и высокого уровня занятости при постоянном укреплении социальных основ существующего конституционного строя» [197, с. 75], что возможно, как указывалось выше, при условии совершенствования модели гражданско-правового регулирования в направлении предоставления участникам гражданско-правовых отношений максимальной свободы собственного усмотрения, снижения степени государственного вмешательства в частные дела до минимально необходимого и придания Гражданскому кодексу Республики Беларусь статуса нормативного правового акта, обладаю-

щего после Конституции высшей юридической силой в области регулирования экономических отношений – статуса экономической конституции государства. Применительно к Российской Федерации указанное положение Гражданского кодекса в иерархии нормативных правовых актов предусмотрено Концепцией гражданского законодательства Российской Федерации, в соответствии с которой «…одной из центральных идей современной концепции построения гражданско-правовой системы является определение места ГК как основного… рыночного закона…» [198, с. 65].

Именно такой подход к определению места ГК в системе нормативных правовых актов и, следовательно, к определению юридической силы закрепленных в ГК гражданско-правовых норм придаст экономическим отношениям правовую стабильность, что, в свою очередь, является одним из обязательных условий эффективности экономической деятельности.

Исследование понятия и признаков нормы права с позиции науки «общая теория права», проведенное нами выше, позволило получить некоторые выводы, необходимые для анализа свойств и признаков, имманентных непосредственно нормам гражданского права. В частности, мы получили вывод, что нормы гражданского права не могут рассматриваться как государственно-властные предписания, регулирующие поведение людей и их коллективов. Указанный подход обусловлен тем, что норма гражданского права представляет собой идею, мысль законодателя, которая не может сама по себе осуществлять деятельность по регулированию поведения человека и, следовательно, способна оказывать на субъектов экономической деятельности исключительно психологическое воздействие в процессе прочтения гражданско-правовой нормы, уяснения ее содержания и сопоставления последствий следования варианту поведения, предлагаемому нормами гражданского права с последствиями выбора иного варианта поведения в ходе участия в экономических отношениях.

В реальной действительности мысль законодателя (гражданско-правовая норма) представлена в виде набора букв русского алфавита, выраженных вовне посредством размещения в нормативном правовом акте, что делает ее содержание доступным для восприятия заинтересованными субъектами гражданского права. Следовательно, гражданско-правовым нормам присущ такой общий для всех норм права признак, как формальная определенность, а исходя из того, что при помощи гражданско-правовых норм государство создает типизированные модели поведения, предназначенные для неоднократного применения неопределенным кругом субъектов, можно констатировать соответствие

норм гражданского права такому общему признаку, как нормативность.

Следует признать несоответствие норм гражданского права такому признаку правовых норм, как общеобязательный характер исполнения, и условное соответствие такому признаку, как представительно-обязывающий характер. Наш вывод основан на том, что, согласно верному утверждению М. Ф. Лукьяненко, «…дозволительный характер норм гражданского права ориентирует на преимущественное использование права самими субъектами… гражданское законодательство предусматривает некоторые способы принуждения к соблюдению гражданских прав, такие как самозащита, удержание…» [199, с. 30].

Дозволительный характер гражданского права в целом и, следовательно, составляющих его норм отражен в первую очередь в ст. 2 ГК, закрепляющей при помощи императивных правовых норм принципы построения модели гражданско-правового регулирования и, в частности, принципы свободы договора, юридического равенства субъектов гражданского права, недопустимости произвольного вмешательства в частные дела и др., а также устанавливающей презумпцию добросовестности и разумности участников гражданских отношений. Кроме того, в рамках дозволительной направленности гражданско-правового регулирования в ст. 7 ГК закреплена возможность моделирования субъектами экономических отношений своих прав и обязанностей посредством заключения договоров, не предусмотренных разделом IV ГК «Отдельные вида обязательств». В статье 8 ГК закреплена возможность осуществления субъектами своих прав по собственному усмотрению, а ст. 11 и 13 ГК предоставляют участникам экономической деятельности возможность самозащиты нарушенных гражданских прав.

Несоответствие норм гражданского права такому признаку, как общеобязательный характер исполнения, переводит гражданско-правовые нормы из разряда государственно-властных велений, обязательных для исполнения, в разряд разработанных государством и предложенных к реализации моделей возможного поведения, позволяющих достичь необходимого экономического и правового эффекта наиболее удобным с точки зрения государства способом, но допускающих альтернативное поведение участников гражданско-правовых отношений [26-А, с. 35]. Так, согласно утверждению Е. А. Крашенинникова, «регулируя общественные отношения, норма права устанавливает модели поведения каждой стороны отношения и определяет условия, при которых они должны руководствоваться данными моделями» [200, с. 6].

Наш вывод следует в том числе из закрепленного в ст. 8 ГК права субъектов на собственное усмотрение при осуществлении предоставленных им правовых возможностей, в том числе по реализации импе-

ративных правовых норм и процедуры защиты нарушенных гражданских прав и законных интересов, которая возбуждается исключительно по воле лица, чье право нарушено. В частности, согласно абз. 10 ч. 2 ст. 2 ГК *граждане и организации со статусом юридического лица вправе осуществлять защиту гражданских прав в суде и иными способами, предусмотренными нормами гражданского права, а также самозащиту гражданских прав с соблюдением установленных пределов*. Предоставление участникам экономических отношений права и отсутствие обязанности по защите нарушенных прав и законных интересов как у субъектов, чье право нарушено, так и у государства соответствует общедозволительному характеру гражданско-правового регулирования и делает возможным наше утверждение об отсутствии у норм гражданского права общеобязательности исполнения, переводя нормы гражданского права из разряда государственно-властных велений в предлагаемые государством модели поведения, имеющие, в большей своей части, рекомендательный характер.

Необходимость исследования норм гражданского права на предмет соответствия признакам, присущим всем правовым нормам, обусловлена тем, что «для развития понимания нормы гражданского права… необходимо, не отказываясь от признания ее специфичности, видеть назначение этого явления, его обусловленность внешними факторами и связь с другими правовыми феноменами», на что обращает внимание О. М. Родионова [201, с. 218]. Кроме того, выявление тех общих для правовых норм признаков, которые имманентны нормам гражданского права, и выделение из общих признаков таких, которые нормам гражданского права не присущи, позволит определить специфические признаки непосредственно гражданско-правовых норм и предложить определение понятия «норма гражданского права», соответствующее современным представлениям о содержании цивилистической доктрины.

Несмотря на то что нормам гражданского права присущи такие признаки, как формальная определенность и нормативность, гражданско-правовые нормы отличаются от норм публично-правовых отраслей своим предназначением, целью разработки, закрепления в нормативных правовых актах системы гражданского законодательства и, как следствие, процедурой формирования системы гражданско-правовых норм, своей конструкцией и уровнем социально-психологического воздействия, оказываемого на субъектов гражданского права в процессе принятия ими соответствующих мотивированных решений.

Нормы гражданского права являются в основе своей моделями разрешенного, рекомендуемого поведения, ориентируют граждан на совершение таких действий в процессе производства, обмена и потреб-

ления продукции, которые позволяют достичь не только положительного экономического, но и необходимого правового эффекта, что является гарантией дальнейшего нормального развития гражданско-правовых отношений, в том числе возникающих в процессе извлечения полезных свойств из имущества и последующего определения его юридической судьбы.

Нормы гражданского права, представляющие собой модели разрешенного поведения, сконструированы таким образом, что не являются обязательными для исполнения, во многом позволяют субъектам гражданского права изменять содержание установленного гражданского правопорядка, но в пределах, ограниченных как конкретными диспозитивными нормами в отдельных случаях участия в гражданско-правовых отношениях, так и императивными нормами, выражающими принципы формирования гражданского права как отрасли права и отражающими общий дозволительный характер гражданско-правого регулирования. Несоблюдение норм гражданского права, в том числе имеющих императивную конструкцию (исключение составляют нормы, закрепленные в ст. 2, 3 и некоторых других статьях ГК), и даже совершение деяний, противоречащих содержанию гражданско-правовых норм либо прямо запрещенных ими, не влечет обязательного применения мер государственного принудительного воздействия, что предопределено формами, способами и средствами защиты нарушенных гражданских прав, хотя предполагает (допускает, не исключает) их применение, что отмечалось как в наших исследованиях, так и в исследованиях других ученых.

В частности, согласно утверждению С. В. Курылева, «гражданское правонарушение − причинение вреда − влечет последствие − обязанность возместить причиненный вред, однако это правонарушение совсем не обязательно влечет применение мер государственного принуждения к правонарушителю, ибо обязанность по возмещению вреда может быть исполнена добровольно» [202, с. 48]. Более того, следует отметить, что причиненный вред вообще может остаться невозмещенным в том случае, если потерпевший не заявит требование о его возмещении. «Гражданское право, – отмечает Н. В. Южанин, – стимулирует участников правоотношений, предоставляя условия для их саморегуляции в связи с фактом нарушения» [203, с. 123].

В гражданском праве отсутствует механизм обязательного (по воле уполномоченных государственных органов) применения мер гражданско-правовой ответственности к нарушителям установленных государством общих правил поведения (исключение составляет факт причинения имущественного вреда интересам государства) и, следовательно,

в отношении нарушителей гражданско-правовых норм неприменим принцип неотвратимости наказания.

«…Принуждение в гражданском праве, – утверждает В. Ф. Яковлев, – включается в общую цепь правонаделительного регулирования… состоит в том, что… использование средств защиты зависит от воли потерпевшего лица и представляет собой установленную законом возможность этого лица, т. е. его право» [204, с. 118].

В силу специфики процедуры применения мер гражданско-правовой ответственности к нарушителям норм гражданского права, их имущественного, компенсационного характера, а также применяемого в гражданском праве диспозитивного метода правового регулирования, в рамках общей концепции которого сформулированы даже императивные гражданско-правовые нормы, конструкция которых позволяет субъектам гражданского права правомерно игнорировать их предписания [80-А, с. 259–260], можно утверждать, что нормы гражданского права также не соответствуют такому признаку, как государственно-властный характер правовой нормы, что отмечалось выше.

Тот факт, что нормы гражданского права сами по себе, вне рамок сознательно-волевой деятельности физических лиц, неспособны гарантировать надлежащее поведение субъектов экономической деятельности и, как следствие, достижение необходимого социального эффекта правового регулирования указывает на идеальную природу норм гражданского права, отсутствие у них возможности оказывать какое-либо воздействие на участников гражданско-правовых отношений, за исключением психологического, и подтверждает наш вывод, что норма гражданского права является моделью поведения, облеченной в правовую форму, придающую модели формальную определенность и нормативность, способствующую доведению содержания гражданско-правовой нормы до неопределенного круга заинтересованных лиц.

Приведенная точка зрения находит подтверждение в трудах белорусских ученых.

Так, согласно утверждению Н. В. Сильченко, «создавая формы… законодатель как бы устанавливает в обществе те незримые барьеры… перешагнуть через которые никто не имеет права» [49, с. 228], что соответствует предназначению императивных норм гражданского права, закрепленных в ст. 2 ГК и отражающих принципы построения модели гражданско-правового регулирования, а также императивных норм, закрепленных в ст. 3 ГК, устанавливающих систему гражданского законодательства, иерархию входящих в нее нормативных правовых актов и, соответственно, последовательность применения норм гражданского права в случае их конкуренции.

Совокупность гражданско-правовых норм сконструирована таким образом, что, предоставляя одной нормой гражданского права какому-то из участников гражданско-правовых отношений определенные права, второй нормой на другого участника в обязательном порядке возлагаются соответствующие обязанности, исполнение которых обязанным лицом позволяет управомоченному лицу реализовать предоставленные ему права. Гражданско-правовые отношения, возникающие на основании норм гражданского права, по общему правилу построены на основе полной корреляции прав и обязанностей, именуемых взаимообусловленными, что указывает на системную связь гражданско-правовых норм.

«Системность норм гражданского права… состоит в том, – отмечает В. Ф. Яковлев, – что все нормы гражданского права представляют собой определенное единство и действуют во взаимосвязи… каждой отдельной норме присущ признак системности» [205, с. 716]. Указанное обстоятельство предопределяет необходимость изучения и соблюдения большого количества взаимосвязанных и взаимообусловленных норм гражданского права в каждом случае участия в гражданско-правовых отношениях, указывает на соответствие норм гражданского права такому признаку, как представительно-обязывающий характер правовой нормы. Однако с учетом предоставленной субъектам гражданского права возможности собственного усмотрения, в том числе в части требования от контрагента по договору исполнения возложенной на него обязанности, такой признак, как представительно-обязывающий характер в отношении норм гражданского права, следует признать условно применимым, на что мы обращали внимание выше.

Таким образом, нами доказано, что нормам гражданского права непременно присущи такие признаки правовых норм, как формальная определенность и нормативность, и к ним условно применим такой признак, как представительно-обязывающий характер правовой нормы.

Далее необходимо выявить специфические признаки норм гражданского права, позволяющие отграничить их от правовых норм других и в первую очередь публично-правовых отраслей, на основе чего разработать определение понятия «норма гражданского права». При этом следует учитывать обоснованную точку зрения П. А. Батайкина о том, что «гражданское право, составляя во всяком правопорядке основу частного права, регулирует различные отношения граждан и их организаций с учетом их частных интересов» [206, с. 199], а нормы гражданского права, согласно утверждению С. С. Алексеева, должны служить критерием, определяющим «…какими должны быть человеческие поступки с точки зрения… общества» [207, с. 7] исходя из того, что «право – это регламентированная общественная жизнь, эво-

люции которой соответствует эволюция права», на что обращает внимание Е. Годэмэ [208, с. 19].

Таким образом, специальные признаки норм гражданского права обусловлены эволюцией общества, воззрениями общества на поведение субъекта экономической деятельности и частными интересами членов общества, реализация которых допускается государством в конкретный исторический период общественного развития. Например, нормами примечания к ст. 21 Гражданского кодекса РСФСР 1922 г. были внесены коррективы в классификацию вещей, разработанную досоветской цивилистической доктриной. Согласно указанным нормам «с отменой частной собственности на землю деление имуществ на движимые и недвижимые упразднено».

Наряду с землей нормами ст. 22 ГК 1922 г. из «частного» оборота были выведены «национализированные и муниципализированные предприятия, их оборудование, железные дороги и их подвижной состав, национализированные суда, а равно национализированные и муниципализированные строения». Гражданский кодекс 1922 г. допускал ограниченную частную хозяйственную инициативу посредством закрепления в ст. 5 содержания правоспособности граждан, разрешающей организовывать промышленные и торговые предприятия [209, ст. 3, 5, 22]. В советский период развития цивилистической науки А. Я. Вышинский указывал, что «советское социалистическое гражданское право мы определяем как систему правил поведения (норм), установленных государственной властью в целях регулирования тех имущественных отношений граждан между собой, граждан с государственными и общественными учреждениями, предприятиями и организациями и этих последних (учреждений, предприятий и организаций) между собой, которые не регулируются в порядке административного управления» [210, с. 22]. ГК РСФСР 1964 г. в содержание правоспособности граждан СССР были внесены изменения – из правоспособности граждан было исключено право на осуществление хозяйственной деятельности [211, ст. 10], а по сути, запрещена частная предпринимательская инициатива.

Исходя из представлений о гражданском праве высокопоставленных должностных лиц СССР и содержания ГК 1922 и 1964 г., можно утверждать, что нормы гражданского права того периода соответствовали всем признакам норм права, указанным советскими учеными в соответствии с высказываниями классиков марксизма-ленинизма и господствующей на просторах СССР коммунистической идеологией, в том числе таким, как государственно-властный характер и общеобязательность исполнения правовой нормы, поддерживаемые принудительной силой государства. Такой подход к признакам и понятию

определения «норма права» соответствовал применяемому на территории СССР (в том числе и в экономической сфере) административно-командному методу управления, патерналистскому подходу к правоустановлению.

Несмотря на то что после выхода из состава СССР и принятия Конституции 1994 г. Республика Беларусь развивается в соответствии с демократическими принципами, а белорусская экономика в соответствии с нормами Конституции и ГК состоит из двух сегментов: государственного и частного, что, в свою очередь, изменило роль государства в управлении экономикой, «считать, что идеология, как механизм воздействия на гражданские отношения, и вовсе утратила свое значение, – по мнению А. Н. Левушкина, – было бы слишком категорично… так как все постсоветское правовое пространство в целом … формировалось под влиянием советского союзного законодательства в соответствии с его принципами и иерархией» [212, с. 137].

Однако государственная идеология, воздействующая на содержание гражданского права, «…претерпела изменения в своей основе в связи с развитием… частного права, на идеологических основах которого и формировалось современное отечественное гражданское законодательство» [213, с. 26–27]. Однако, несмотря на изменение государственной идеологии на современном этапе развития цивилистики, влияние советской цивилистической науки и советской системы гражданского права отчетливо проявляется в современном ГК, в направленности гражданско-правового регулирования на поддержание приоритета государственных интересов, что проявляется в том числе в определенном ограничении собственного усмотрения участников гражданско-правовых (экономических) отношений.

В настоящее время, согласно утверждению М. А. Егоровой, «значение государственного регулирования… сводится к установлению в императивном порядке ограничений в отношении регулирования предпринимательской деятельности… государственное регулирование следует рассматривать как разновидность вмешательства государства в частноправовую инициативу…» [214, с. 17]. Государственное вмешательство в частную экономическую деятельность на современном этапе экономического развития должно быть минимизировано и осуществляться, согласно утверждению Ю. В. Романца, с соблюдением этической стороны ограничения частноправовой свободы, которая базируется на таких принципах, как справедливость, добросовестность, разумность [215, с. 250–260], что должно быть отражено в специфических признаках норм гражданского права.

При этом следует учитывать, что, согласно верному утверждению

О. А. Воробьевой, «гражданское право представляет собой отрасль частного права, совокупность норм которой регулирует инициативную деятельность участников общественных… отношений, направленную на удовлетворение их собственных (частных) интересов» [216, с. 37], а качественное гражданское законодательство, согласно верному утверждению Л. В. Щенниковой, «…является самым главным в обеспечении хорошо устроенной жизни человека…» [217, с. 208].

Произошедшая трансформация общественных отношений обусловила изменение содержания экономической функции гражданского права, предназначение гражданско-правовых норм, а также метод правового регулирования, применяемый в процессе воздействия на участников экономических отношений, и предопределило необходимость переосмысления признаков, присущих нормам гражданского права на современном этапе развития цивилистической доктрины, с целью формирования парадигмы гражданского права, соответствующей современным потребностям экономического оборота при условии обеспечения правопорядка в частной жизни, ее защиты от произвола и принуждений [218, с. 21]

Таким образом, в рамках проведенного исследования нами установлено, что нормы гражданского права (нормы-предписания), составляющие действующую модель гражданско-правового регулирования, соответствуют таким признакам, присущим всем правовым нормам, как:

– формальная определенность правовой нормы;

– нормативность правовой нормы;

– частично, исходя из воли лица, заинтересованного в применении нормы гражданского права, – представительно-обязывающий характер правовой нормы.

В качестве специальных признаков, которым должны соответствовать законодательные нормы (нормы-предписания), составляющие модель гражданско-правового регулирования экономических отношений в демократическом обществе, можно назвать следующие:

– особая сфера применения – общественные отношения, возникающие между отдельными субъектами на основе их инициативы в сфере производства, обмена и потребления материальных благ;

– условная определенность модели поведения, выраженной нормой-предписанием, возможность ее применения (неприменения) по воле заинтересованного субъекта;

– восполнительная направленность норм-предписаний, выраженная в возможности их применения по аналогии;

– общий дозволительный характер определенной совокупности гражданско-правовых норм (субинститут, институт, подотрасль, от-

расль в целом), направленных на минимизацию государственного вмешательства в частную экономическую сферу;

– направленность норм-предписаний на учет частных (индивидуальных) интересов, реализуемых в условиях справедливости, добросовестности и разумности субъектов при соблюдении баланса частных и публичных интересов;

– направленность норм-предписаний на опосредование, как правило, длительных правовых связей.

На основании общих и специальных признаков, которым должны соответствовать нормы-предписания, составляющие современную парадигму гражданско-правового регулирования, можно сформулировать определение понятия «норма гражданского права», характеризующее норму-предписание системы гражданского права.

Норма гражданского права (норма-предписание) представляет собой предлагаемую государством формально-определенную, нормативную, условно применимую, общедозволительную и логически завершенную единичную модель инициативного поведения в экономической сфере, направленную на формирование, как правило, длительных правовых состояний отдельных субъектов в условиях добросовестности и разумности их поведения при соблюдении баланса частных и публичных интересов, предназначенную для многократного применения.

Из совокупности единичных моделей поведения (норм-предписаний) в результате последовательно проведенных логических операций составляется одно сложное условное логическое суждение импликативного типа (норма-суждение) о поведенческих возможностях субъектов гражданского права – целостная модель поведения.

Необходимость изменения подходов к управлению экономикой, в том числе посредством придания нормам гражданского права указанных выше признаков, с целью модернизации модели гражданско-правового регулирования обусловлена, как уже неоднократно отмечалось, невысокими результатами белоруской экономики в последние годы и подтверждается решениями, принимаемыми государственной властью. В частности, согласно официальной информации Белстата «реальные располагаемые денежные доходы населения в прошлом году составили 92,7 % к уровню 2015 года. <…> Падение, которое показали реальные доходы за 2016 год, оказалось самым большим за последнее десятилетие. Например, в 2015 году белорусы победнели на 5,9 %, в кризисный 2011 – на 1,1 %» [219]. «ВВП Беларуси в январе 2017 года снизился на 0,5 % к аналогичному периоду прошлого года, составив 7,8 млрд рублей в текущих ценах, – сообщили TUT.BY в органах госуправления, – в 2016 году падение составляло 2,6 %» [220].

2.4 СТАТЬИ НОРМАТИВНОГО ПРАВОВОГО АКТА, НОРМЫ-ПРЕДПИСАНИЯ И НОРМЫ-СУЖДЕНИЯ: ТЕОРЕТИКО-ПРИКЛАДНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ

Исследование, проведенное выше, позволило выявить конституирующие признаки, которым должны соответствовать нормы-предписания системы гражданского права современного демократического государства, и на их основе предложить определение понятия «норма гражданского права», которая представляет собой единичную модель поведения участников экономической деятельности (норму-предписание), рассматриваемую как минимальное правовое веление [221, с. 37], выраженное в статье (ее пункте, части, абзаце) ГК и иных нормативных правовых актов системы гражданского законодательства и, согласно утверждению Т. С. Запорожца, имеющее логическую завершенность [222, с. 11]. Норма-предписание, согласно утверждению М. Л. Давыдовой, может быть определена «…как минимальная смысловая часть текста…» нормативного правового акта [223, с. 52] и, в соответствии с точкой зрения Е. В. Пузыревой, «…является исходным элементом, основной структурной единицей, составной частью…» [224, с. 340] системы гражданского права. Из определенной совокупности норм-предписаний посредством проведения логических операций составляется сложное условное логическое суждение импликативного типа о поведенческих возможностях субъектов экономической деятельности или целостная модель поведения (норма-суждение), имеющая логическую структуру [3-А, с. 53].

Например, две нормы-предписания, закрепленные в ч. 1 и 2 п. 1 ст. 9 ГК выражают единичные модели поведения, следование которым государством запрещается и, соответственно, оценивается негативно. При этом содержание негативной оценки деяний, предусмотренных указанными единичными моделями поведения, определено другими нормами-предписаниями, выражающими самостоятельные единичные модели поведения, закрепленные в п. 2 и 3 ст. 9 ГК. Кроме того, в структуру ст. 9 ГК включен п. 4 в котором закреплена единичная модель поведения, устанавливающая презумпцию добросовестности и разумности участников гражданских правоотношений, подлежащую применению в определенных анализируемой моделью случаях.

Таким образом, в процессе правоприменения мы рассматриваем:

– во-первых, статью ГК, состоящую из четырех пунктов, один из которых включает две части;

– во-вторых, пять моделей поведения, две из которых описывают варианты запрещенного государством поведения, две определяют последствия следования такому поведению и одна определяет поведение суда в процессе защиты субъективных гражданских прав при определенных условиях;

– в-третьих, сложное условное логическое суждение импликативного типа о правах и обязанностях субъектов экономической деятельности, складывающееся из некоторой совокупности единичных моделей поведения, закрепленных в ст. 9 и других статьях ГК в зависимости от фактических обстоятельств дела.

Изложенное свидетельствует об одновременном использовании в процессе применения норм гражданского права таких категорий, как статья нормативного правового акта системы гражданского законодательства, гражданско-правовая норма-предписание и норма-суждение, что обусловлено анализируемыми юридической наукой в качестве исходных признаков права его формальность и нормативность [225, с. 191], одновременным использованием в процессе нормотворчества и правоприменения таких категорий цивилистики, как «система права» и «система законодательства», и подтверждается цивилистическими исследованиями, рассматривающими норму гражданского права в двух значениях:

– во-первых, как норму-предписание или норму закона (законодательную норму);

– во-вторых, как норму-суждение, т. е. сложное условное логическое суждение импликативного типа [96, с. 206], построенное по формуле «если… то…».

В частности, для того чтобы составить целостную модель поведения субъектов гражданского права по передаче права собственности на единый имущественный комплекс, необходимо полностью или частично в определенной логической последовательности учесть нормы-предписания (единичные модели поведения), закрепленные в трех субинститутах гражданско-правового института «купля-продажа» (§ 1, 7, 8), структурно размещенного в главе 30 ГК, включенной в подотрасль гражданского права «Обязательственное право», а также нормы-предписания, закрепленные в ст. 17, 44, 132, 159–166, 404 ГК, нормы-предписания, определяющие процедуру государственной регистрации договора и государственной регистрации перехода права собственности на приобретаемую недвижимую вещь.

На основе последовательного применения указанных выше норм-предписаний (единичных моделей поведения), каждая из которых закреплена в соответствующей статье ГК и в статьях иных нормативных

правовых актов системы гражданского законодательства, составляется одно сложное условное логическое суждение импликативного типа, т. е. одна целостная модель поведения покупателя и продавца в процессе осуществления фактических действий по передаче права собственности на единый имущественный комплекс. Такое же большое число единичных моделей поведения необходимо переработать в случае возникновения спора о праве гражданском, вытекающего из анализируемого обязательственного правоотношения, с целью выработки единственной нормы-суждения, определяющей поведенческие возможности сторон в спорной ситуации, и содержание государственной оценки такого поведения.

При этом основная часть единичных моделей поведения, применяемых при передаче права собственности на единый имущественный комплекс (§ 1, 7 главы 30 ГК, ст. 17, 44, 132, 159–166, 404 ГК и др.) подлежит применению при моделировании поведенческих возможностей субъектов в ходе их участия в других гражданско-правовых отношениях, в частности во всех видах купли-продажи, при заключении любого гражданско-правового договора, совершении односторонних сделок и др., что указывает на самостоятельное юридико-техническое значение каждой единичной модели поведения.

Исходя из того, что нормы-предписания закреплены в ГК и других нормативных правовых актах системы гражданского законодательства, элементом которой является нормативный правовой акт [226, с. 175], состоящий из отдельных статей, а также из того, что знание о поведенческих возможностях субъектов гражданского права мы получаем из соединения единичных моделей поведения (норм-предписаний) в сложное условное логическое суждение импликативного типа (норму-суждение), нам необходимо провести разграничение таких понятий, как «статья нормативного правового акта» системы гражданского законодательства, «норма-предписание» и «норма-суждение».

Указанная необходимость, что отмечалось выше, обусловлена параллельным существованием двух систем – системы гражданского права и системы гражданского законодательства, а также тем обстоятельством, что, согласно утверждению О. В. Староверовой «в юридической литературе многие ученые фактически отождествляют термины “гражданское право“ и “гражданское законодательство”… О. Н. Садиков… В. П. Мозолин… Е. В. Богданов… С. В. Ротко… Д. А. Тимошенко…» [227, с. 217–218], что не является верным. Приведенное утверждение подтверждается нашими исследованиями [98-А, с. 85–109].

Необходимость разграничения указанных понятий следует из существования теоретической и практической юриспруденции. Так, со-

гласно верному утверждению Р. Г. Валиева «значение нормы права как проблемы теоретической и практической юриспруденции сложно недооценить или переоценить. Нормы права выступают институциональной основой процесса юридической формализации права как социального регулятора» [228, с. 13].

Разграничение указанных понятий позволит наиболее точно воспринимать значение гражданско-правовой нормы как правового средства психологического воздействия на участников экономических отношений, верно определять ее место в механизме правового регулирования экономических отношений, правильно конструировать из отдельных норм-предписаний, закрепленных в ГК, логические суждения импликативного типа о правах и обязанностях субъектов гражданского права. Проводя разграничение анализируемых понятий, необходимо учитывать точку зрения В. Д. Рузановой, в соответствии с которой «…с одной стороны, законодательство в целом как система и нормативный правовой акт как ее элемент действуют не сами по себе, а через содержащиеся в актах правовые нормы, с другой стороны, право “проявляется” только через свои источники» [229, с. 111].

Так, основным системообразующим нормативным правовым актом системы гражданского законодательства (до момента принятия законодательного акта Главы государства по конкретному вопросу) является ГК, заканчивающийся ст. 1153. Вместе с тем утверждение о том, что ГК включает в свой состав 1153 нормы-предписания, не будет соответствовать действительности, так как одна статья ГК, как правило, содержит несколько норм-предписаний гражданского права. Более того, даже один пункт статьи ГК может содержать две, три и более нормы-предписания. Например, п. 1 ст. 1 ГК состоит из пяти частей, каждая из которых содержит как минимум одну норму-предписание, выражающую одну единичную модель поведения, что является для статей ГК скорее правилом, чем исключением.

«…Нельзя отождествлять правовую норму со статьей закона, − утверждают С. А. Галунский и М. С. Строгович, − статья закона выражает, формулирует правовую норму, но не совпадает с ней. Иногда одна статья закона выражает одну норму права, но часто дело обстоит сложнее: одна статья закона может выражать несколько правовых норм и, наоборот, одна норма может быть выражена в нескольких статьях закона» [230, с. 251].

Приведенное утверждение актуально и в постсоветский период развития юридической науки в целом и цивилистической науки в частности, однако утверждение о том, что одна норма-предписание может содержаться в нескольких статьях закона для гражданского

права является скорее ложным, чем истинным. При этом можно с полной уверенностью утверждать, что в нескольких (и более) статьях нормативного правового акта системы гражданского законодательства может содержаться логическое суждение о поведенческих возможностях субъектов гражданского права, складывающееся из совокупности единичных моделей поведения, выраженных некоторым количеством норм-предписаний, закрепленных в некотором количестве статей ГК и иных нормативных правовых актов системы гражданского законодательства, например, при приобретении товаров в организации розничной торговли.

Следовательно, статья нормативного правового акта, норма-предписание и норма-суждение являются отдельными категориями цивилистики, каждая из которых имеет свое предназначение, но служащими единой цели правового регулирования. «Норма права и статья нормативного правового акта, – утверждает А. В. Малько, – не тождественны, нередко они могут не совпадать. Норма права − это правило поведения… а статья законодательного акта − форма выражения государственной воли, средство воплощения нормы права» [231, с. 168].

Норма гражданского права, как следует из научной литературы [232, с. 90–96], представляет собой первичный элемент системы гражданского права, а статья нормативного правового акта системы гражданского законодательства наряду с преамбулой, разделами, главами, параграфами, пунктами, подпунктами, частями и абзацами является структурным элементом нормативного правового акта. При этом нормативный правовой акт, содержащий нормы гражданского права, входит в систему гражданского законодательства, которая структурно отличается от системы гражданского права, имеет иное предназначение, хотя и служит вместе с системой права достижению единой цели правового опосредования экономических отношений. «…Система права как его внутреннее строение и система законодательства как строение его форм, – утверждает В. Д. Рузанова, – являются одноуровневыми тесно связанными между собой и одновременно обладающими относительной самостоятельностью системами» [233, с. 220]. При этом непосредственно система гражданского законодательства, согласно утверждению А. А. Диденко – «это объективно существующая, иерархически организованная и взаимосвязанная совокупность нормативно-правовых актов…» [234, с. 93], с чем следует согласиться.

Статья нормативного правового акта системы гражданского законодательства и, в частности, статья ГК может состоять из пунктов, частей, абзацев. Например, ст. 1 ГК структурно состоит из 4 пунктов. Пункт 1 включает 5 частей, п. 3 – 2 части. Кроме того, часть 4 п. 1 ст. 1 ГК вклю-

чает 31 абзац, в каждом из которых закреплена норма-предписание, имеющая самостоятельное юридической значение и логическую завершенность, т. е. являющаяся единичной моделью поведения.

Приведенная сложная структура ст. 1 ГК указывает на то огромное значение, которое имеет для правоприменительной деятельности достоверная информация о разграничении статьи ГК и нормы-предписания, закрепленной в ГК, что обусловлено участием норм-предписаний в формировании сложных условных логических суждений импликативного типа о поведенческих возможностях субъектов гражданского права, т. е. в формировании норм-суждений.

В свою очередь, норма гражданского права как сложное условное логическое суждение импликативного типа (норма-суждение), в отличие от нормы-предписания представляет собой целостную (состоящую из ряда единичных) модель поведения участников экономических отношений, предлагаемую, требуемую или запрещаемую государственной властью, содержащую сведения о государственной оценке такого поведения и, соответственно, о том правовом положении, которое возникнет у субъекта гражданского права в случае совершения им деяния, разрешенного, требуемого или запрещенного совокупностью норм-предписаний.

Норма-суждение состоит из определенного набора логически взаимосвязанных между собой элементов, т. е. имеет логическую структуру [46-А, с. 13−18], которая, согласно утверждению С. И. Карповой, «…может не совпадать со структурой статьи нормативно-правового акта…» [60, с. 8−9]. Более того, по нашему мнению, логическая структура нормы гражданского права практически в 100 % случаев не совпадает со статьей ГК, что обусловлено особенностями формирования норм гражданского права, пандектной системой построения ГК и логикой экономического оборота.

Нормы-предписания, закрепленные в ГК, выражают государственную волю, направленную на создание наиболее благоприятных условий участия субъектов экономической деятельности в процессе производства, обмена и потребления продукции, а нормы-предписания, закрепленные в гражданско-правовом договоре, – частную волю, направленную на самостоятельное моделирование участниками экономической деятельности наиболее удобных для себя условий участия в экономическом обороте в пределах, разрешенных государством. Являясь государственной либо частной волей, норма-предписание должна найти свое выражение вовне, что сделает государственную волю доступной для восприятия окружающими, создаст надлежащие условия психологической оценки государственной воли частными субъектами

правоприменения либо уполномоченными государственными органами и, в частности, органами судебной власти, в случае возникновения спора о праве гражданском и обращения в суд за его разрешением.

Свое внешнее выражение норма-предписание как государственная или частная воля находит по общему правилу в письменных текстах, выполненных на государственном языке и размещенных в нормативных правовых актах системы гражданского законодательства и в первую очередь в ГК, если это воля государства, или в договорах, если это индивидуальная воля конкретных участников гражданско-правовых отношений.

Изложенное позволяет констатировать, что статья нормативного правового акта, отдельный нормативный правовой акт, их совокупность, составляющая систему гражданского законодательства, предназначены для текстуального закрепления государственной воли посредством использования символов государственного языка, направленной на создание определенных правовых условий развития экономических отношений, что позволяет сделать такую волю доступной для восприятия субъектами гражданского права (участниками гражданско-правовых (экономических) отношений). Следовательно, в первую очередь норма-предписание отличается от статьи нормативного правового акта системы гражданского законодательства тем, что гражданско-правовая норма-предписание представляет собой государственную волю, направленную на оказание регулятивного (психологического) воздействия на субъектов гражданского права, а статья нормативного правового акта служит цели текстуального закрепления государственной воли вовне посредством использования символов государственного языка, что позволяет довести ее содержание до участников экономических отношений.

Специфика построения системы гражданского права состоит в практически полном несовпадении норм-предписаний, представляющих собой единичные модели поведения, каждая из которых закреплена в одной статье (ее пункте, части, абзаце) нормативного правового акта, и норм-суждений, представляющих собой целостные модели поведения субъектов гражданского права, состоящие из определенной совокупности единичных моделей. Таким образом, текстуальное выражение правила поведения, закрепленного в одной статье нормативного правового акта системы гражданского законодательства, и сложное условное логическое суждение импликативного типа, подлежащее применению в процессе правового воздействия на участников экономической деятельности, не совпадают. В статье нормативного правового акта системы гражданского законодательства текстуально выра-

жены нормы-предписания, необходимая совокупность которых, выстроенная в определенной логической последовательности, позволяет вывести одну норму-суждение, т. е. целостную модель поведения субъектов гражданского права в конкретном гражданском правоотношении. При этом в одном пункте статьи ГК, структурно состоящем из нескольких частей, могут быть закреплены несколько норм-предписаний, что отмечалось выше.

Такое построение системы гражданского права в первую очередь обусловлено спецификой общественных отношений, возникающих в процессе производства, обмена и потребления материальных благ, выраженной:

– относительно большим количеством правовых связей субъектов гражданского права, участие в которых необходимо для достижения единого правового результата;

– разнонаправленностью социальных (экономических) связей, возникающих в одном гражданско-правовом отношении;

– наличием подлежащей учету развитой системы взаимообусловленных прав и обязанностей, приобретаемых субъектами в процессе участия в одном гражданском правоотношении;

– практической невозможностью учета всех возможных вариантов поведения участников экономической деятельности, в том числе в одном гражданско-правовом отношении, невозможностью определения всего спектра прав и обязанностей, которые могут приобрести участники определенной социальной связи.

Кроме того, построение системы гражданского права, закрепленной в ГК, при котором одна норма-суждение вырабатывается на основе последовательной логической обработки группы норм-предписаний, обусловлено требованиями нормотворческой техники, необходимостью такого расположения норм-предписаний, которое будет способствовать удобству применения нормативных правовых актов в процессе осуществления правоприменительной деятельности.

«Вопрос о соотношении нормы права − правила поведения и статьи нормативного акта тесно связан с правилами законодательной техники, − отмечает М. И. Байтин, − такими ее требованиями, как ясность, краткость и компактность изложения нормативного материала, удобство его изучения, толкования и применения» [132, с. 201], что ярко выражено в системе гражданского права, системообразующие нормы которой размещены в ГК, являющемся ярким примером закрепления норм-предписаний по принципу удобства их применения в соответствии с пандектной системой расположения нормативного материала.

Изложенное позволяет сформулировать определение понятия «нор-

ма-суждение» гражданского права, в соответствии с которым под гражданско-правовой нормой-суждением понимается *сложное условное логическое суждение импликативного типа, построенное по формуле «если… то», представляющее собой целостную модель поведения участников индивидуализированной правовой связи, возникающей в процессе участия в экономических отношениях, состоящую из ряда норм-предписаний, выстроенных в определенную логическую цепочку в процессе последовательного проведения совокупности логических операций*.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие обобщающие выводы.

1. Достижение цели полного системного регулирования экономических отношений возможно только в том случае, если ГК будет обладать высшей после Конституции юридической силой в области регулирования экономических отношений, что обеспечит полное соответствие содержанию норм ГК содержания норм, закрепленных в иных нормативных правовых актах системы гражданского законодательства, будет способствовать стабилизации правовой основы управления экономикой, создаст благоприятные условия для развития частной предпринимательской инициативы и стимулировании деловой активности населения.

Приведенное утверждение находит поддержку в цивилистических исследованиях.

Так, согласно утверждению А. А. Ткаченко, «сохранение и обеспечение системности действия всего гражданского законодательства требует приоритета норм ГК… в отношении норм гражданского права, находящихся за его пределами, в каком бы нормативном правовом акте они ни находились…» [235, с. 127].

На необходимость признания приоритета ГК над иными нормативными правовыми актами, содержащими нормы гражданского права, указывает В. Д. Рузанова [236, с. 163], согласно точке зрения которой «концепция приоритета кодекса в регулировании отраслевых отношений является не только плодотворной с точки зрения теории, но весьма важной с позиции практики» [237, с. 71].

2. Исходя из того, что норма гражданского права (норма-предписание) является первичным элементом системы гражданского права, отличающейся по своему предназначению и процедуре применения входящих в ее состав правовых норм от публично-правовых отраслей и входящих в их состав правовых норм, а также в соответствии с тем, что, согласно утверждению З. К. Аюповой, правовая норма является ядром правовой системы [80, с. 16], проведено исследование соответствия норм гражданского права общим признакам нормы права.

Выделены специальные признаки, позволяющие отграничить норму гражданского права от иных правовых норм.

В качестве специальных признаков норм гражданского права предложены следующие:

– особая сфера применения – общественные отношения, возникающие между отдельными субъектами на основе их инициативы в сфере производства, обмена и потребления материальных благ;

– условная определенность модели поведения, выраженной нормой-предписанием, возможность ее применения (неприменения) по воле заинтересованного субъекта;

– восполнительная направленность норм-предписаний, выраженная в возможности их применения по аналогии;

– общий дозволительный характер определенной совокупности гражданско-правовых норм (субинститут, институт, подотрасль, отрасль в целом), направленных на минимизацию государственного вмешательства в частную экономическую сферу;

– направленность норм-предписаний на учет частных (индивидуальных) интересов, реализуемых в условиях справедливости, добросовестности и разумности субъектов при соблюдении баланса частных и публичных интересов;

– направленность норм-предписаний на опосредование, как правило, длительных правовых связей.

На основании общих и специальных признаков, которым должны соответствовать нормы-предписания, составляющие современную парадигму гражданско-правового регулирования, сформулировано определение понятия «норма гражданского права», характеризующее норму-предписание системы гражданского права, в соответствии с которым *норма гражданского права (норма-предписание) представляет собой предлагаемую государством формально-определенную, нормативную, условно применимую, общедозволительную и логически завершенную единичную модель инициативного поведения в экономической сфере, направленную на формирование, как правило, длительных правовых состояний отдельных субъектов в условиях добросовестности и разумности их поведения при соблюдении баланса частных и публичных интересов, предназначенную для многократного применения.*

Из совокупности единичных моделей (норм-предписаний) в результате последовательно проведенных логических операций составляется одно сложное условное логическое суждение импликативного типа (норма-суждение) о поведенческих возможностях субъектов гражданского права.

3. Исходя из того, что в процессе нормотворчества и правоприменения используются три гражданско-правовые категории: «статья нормативного правового акта», «норма-предписание», «норма-суждение», проведено их разграничение, что будет способствовать процессу модернизации модели гражданско-правового регулирования, эффективному с точки зрения экономии нормативного материала построению структуры ГК, повысит эффективность процедуры построения сложных условных логических суждений импликативного типа о поведенческих возможностях субъектов гражданского права.

В частности, установлено, что статья нормативного правового акта, содержащего нормы гражданского права, во-первых, является структурным элементом как отдельного нормативного правового акта (например, ГК), так и системы гражданского законодательства в целом, и, во-вторых, служит для текстуального закрепления государственной воли в целях доведения ее до конечного пользователя – участника гражданско-правовых (экономических) отношений.

Норма-предписание гражданского права представляет собой единичную логически завершенную модель поведения субъекта гражданского права, закрепленную в абзаце, части, пункте или статье нормативного правового акта системы гражданского законодательства.

Предложено определение понятия «норма-суждение» гражданского права, в соответствии с которым под гражданско-правовой нормой-суждением понимается *сложное условное логическое суждение импликативного типа, построенное по формуле «если… то», представляющее собой целостную модель поведения участников индивидуализированной правовой связи, возникающей в процессе участия в экономических отношениях, состоящую из ряда норм-предписаний, выстроенных в определенную логическую цепочку в процессе последовательного проведения совокупности логических операций*.

Норма-суждение содержит юридически значимую информацию о поведенческих возможностях участников конкретной правовой связи, указывающую на пределы изменения их правового положения в результате реализации (отказа в реализации) предоставленных им прав и (или) возложенных на них обязанностей.

ГЛАВА 3
НОРМЫ-ПРЕДПИСАНИЯ КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ ПАРАДИГМЫ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

3.1 КЛАССИФИКАЦИЯ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ НОРМ КАК НЕОБХОДИМАЯ ПРЕДПОСЫЛКА ФОРМИРОВАНИЯ ЭФФЕКТИВНОЙ МОДЕЛИ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Исследование, проведенное выше, позволило сделать вывод, что систему гражданского права составляют нормы-предписания, представляющие собой единичные логически завершенные [238, с. 13] модели поведения, закрепленные в абзацах, частя, пунктах, статьях нормативных правовых актов системы гражданского законодательства, в том числе ГК. Нормы-предписания служат основой формирования норм-суждений, представляющих собой сложные условные логические суждения импликативного типа о поведенческих возможностях субъектов гражданского права или целостные модели поведения о правах и обязанностях участников конкретной правовой связи. Исходя из того, что основой системы гражданского права являются нормы-предписания, последние подлежат научно-практической классификации, необходимость проведения которой, согласно утверждению В. К. Бабаева, обусловлена тем, что «позволяет, во-первых, определить место каждого вида юридических норм в системе права, во-вторых, лучше уяснить функции и роль правовых норм в регулировании общественных отношений, в-третьих, точнее определить границы и возможности регулирующего воздействия права на общественные отношения…» [129, с. 374], что в целом будет способствовать формированию системы гражданско-правовых норм, способных создать правовую основу эффективного управления экономикой.

Следует отметить, что в современных литературных источниках по учебному курсу «Гражданское право» и вполне обоснованно претендующих на роль ведущих учебных изданий как в Российской Федерации [95, с. 105−108; 239, с. 58−64], так и в Республике Беларусь [240, с. 73−76], а также в научной юридической литературе вопросы гражданско-правовых норм в целом и их классификации в частности комплексно не исследуются. Как правило, авторы учебных и научных

изданий ограничиваются рассмотрением стандартных вопросов о соотношении императивных и диспозитивных норм гражданского права, о толковании и применении норм гражданского права по аналогии либо рассматривают отдельные аспекты гражданско-правовых норм и их виды [27-А, с. 69−77; 28-А, с. 68−72].

Такая ситуация, по всей вероятности, обусловлена неизменным интересом к вопросам классификации норм права науки «общая теория права». Вместе с тем классификации правовых норм, проведенные в рамках общей теории права, во-первых, являются общими, не адаптированными к системе норм гражданского права, во-вторых, содержательно неоднородными, что предопределяет необходимость проведения самостоятельной классификации норм гражданского права, направленной на выявление основных и вспомогательных классификационных групп, но с учетом общетеоретических классификаций.

В литературных источниках, выпущенных по теории права в разные периоды развития юридической науки, приводятся в определенной степени схожие классификации, содержащие некоторые общие сведения, позволяющие составить единое представление о видах правовых норм и применить общетеоретические подходы к нормам гражданского права. Разнообразие классификаций норм права, предлагаемое общей теорией права, указывает на то, что «…учение о норме права не потеряло свою актуальность, – согласно утверждению В. К. Самигулина, – и сегодня оно нуждается в дальнейшей углубленной разработке…» [241, с. 72].

Обзор общетеоретических классификаций представлен В. М. Шамаровым, который на основании проведенного исследования делает общий вывод о классификационных группах норм права. Так, согласно утверждению ученого «научно апробированными основаниями классификации норм права необходимо считать их деление: по функциональной роли норм права в механизме правового регулирования; по характеру общеобязательности методов правового регулирования; по форме предписания; характеру веления; по кругу лиц (субъектов), на которые нормы права распространяются; по характеру воздействия юридических функции права; по действию в пространстве; в зависимости от юридической силы; по времени действия; от способа их выражения и закрепления» [242, с. 104].

Очевидным является то, что В. М. Шамаровым смешаны классификации норм права и нормативных правовых актов. В частности, такие характеристики, как действие в пространстве и во времени, а также по юридической силе, не присущи нормам права и применяются исключительно к нормативным правовым актам.

Существуют и иные классификации, разработанные отдельными учеными:

– О. С. Иоффе, М. Д. Шаргородский выделяют регулятивные и дефинитивные, общие, специальные, исключительные, императивные и диспозитивные правовые нормы [127, с. 169−172];

– В. К. Бабаев правовые нормы классифицирует на: исходные правовые нормы, нормы-дефиниции, нормы – правила поведения, общие, специальные, императивные, диспозитивные, рекомендательные, управомочивающие, запрещающие и обязывающие нормы [129, с. 375−380];

– В. М. Сырых выделяет: «1) предписания-принципы, 2) предписания-дефиниции, 3) предписания-гипотезы, 4) предписания-диспозиции, 5) предписания-санкции, 6) оперативные предписания, 7) отсылочные предписания, 8) бланкетные предписания, 9) диспозитивные предписания, 10) императивные предписания» [135, с. 129];

– В. С. Нерсесянц правовые нормы классифицирует на запрещающие, обязывающие, управомочивающие, поощрительные, императивные, диспозитивные, дефинитивные, абсолютно-определенные, относительно-определенные и бланкетные [243, с. 397−399];

– В. М. Горшенев выделяет нетипичные нормативные предписания, к которым относит принципы, дефиниции, презумпции [244, с. 113–118];

– А. О. Шакаров предлагает нормы права классифицировать на материальные и процессуальные, нормы-дефиниции, нормы-понятия, нормы-предписания [245, с. 20–22];

– А. П. Скорик и С. Е. Чуб выделяют относительно определенные нормы, которые, в свою очередь, классифицируют на ситуационные, альтернативные и факультативные [246, с. 17].

– на регулятивные и охранительные нормы права классифицирует Д. М. Азми [247, с. 8].

В юридической литературе приводят и другие аналогичные общетеоретические классификации, содержащие вышеназванные элементы [248–250].

Необходимо отметить, что многие ученые неизменно включают в свои классификации два вида правовых норм − императивные и диспозитивные, что, по нашему мнению, обусловлено ведущей ролью указанных правовых норм в формировании действующей модели правового регулирования и в настоящее время предопределено двумя основными методами правового регулирования − императивным, применяемым в процессе формирования публично-правовых отраслей, и диспозитивным, применяемым в процессе формирования отраслей права, составляющих частноправовой блок, и в первую очередь гражданского права. Именно посредством придания правовой норме свойств импе-

ративной или диспозитивной законодатель применительно к современному уровню развития юридической науки определяет варианты поведения участников правовых отношений, степень их собственного усмотрения, обеспечивает соблюдение государственных и общественных интересов.

Применительно к действующей системе гражданского права следует отметить, что посредством использования императивных и диспозитивных норм государство определяет пределы государственного вмешательства в частные дела, степень обязательности гражданско-правовых предписаний, очерчивает пределы собственного усмотрения сторон гражданско-правового отношения. Именно при помощи указанных норм законодатель создает модель гражданско-правового регулирования либо присущую тоталитарному политическому режиму, как, например, ГК СССР, определенно устанавливающую правовые возможности граждан и ограничивающую их собственное усмотрение предусмотренными ГК вариантами поведения, либо модель гражданского права, присущую демократическим обществам, предлагающую некоторый набор правовых форм и допускающую полное собственное усмотрение сторон гражданского правоотношения, ограниченное лишь принципами построения гражданско-правовой модели государства, выраженными императивными нормами ГК.

Изложенное применительно к действующей модели гражданского права:

– позволяет сделать вывод о существенной значимости классификации норм гражданского права на императивные и диспозитивные и ее (классификации) первоочередное функциональное значение в процессе формирования модели гражданско-правового регулирования;

– указывает, что любая норма гражданского права в первую очередь должна быть классифицирована как императивная либо диспозитивная, после чего к ней могут быть применены другие виды классификаций, в том числе предлагаемые теоретиками права.

При этом некоторое разнообразие подходов, использованных учеными в ходе проведения общетеоретической классификации правовых норм, указывает на необходимость их адаптации к системе гражданско-правовых норм. Так, В. А. Белов, в принципе допуская применение общетеоретической классификации к нормам гражданского права, проводит дополнительно специальную гражданско-правовую классификацию, в соответствии с которой нормы гражданского права выделяются «…по тем социальным функциям, которые эти нормы выполняют… 1) нормы, определяющие правовое положение участников гражданского оборота… 2) нормы о предпосылках и условиях возник-

новения, существования, изменения и прекращения гражданских правоотношений… 3) нормы о содержании, основаниях возникновения и прекращения, порядке осуществления и защиты абсолютных прав… 4) нормы о содержании, основаниях возникновения и прекращения, порядке осуществления и защиты относительных прав…» [96, с. 210].

В качестве комментария к приведенной классификации следует отметить, что нормы любой из предложенных классификационных групп могут быть классифицированы либо как императивные, либо как диспозитивные, что подтверждает наш вывод о первичности классификации норм гражданского права на императивные и диспозитивные и указывает на факультативное (второстепенное) значение классификации, предложенной В. А. Беловым.

Наряду с общетеоретической классификацией цивилистами гражданско-правовые нормы классифицируются на виды, присущие системе гражданского права. В частности, С. И. Орешкин выделяет компенсационные нормы гражданского права, под которыми понимает «общеобязательное государственное предписание, регулирующее общественные отношения в сфере гражданского права, связанное с возмещением вреда и иных потерь материального и нематериального характера, наступивших в результате событий, правомерных или неправомерных деяний, путем представления субъекту материальных благ взамен утраченного или уступленного» [61, с. 4].

В целом указанные нормы закреплены в главе 58 ГК «Обязательства вследствие причинения вреда».

О. А. Кузнецова выделяет специализированные нормы гражданского права, которые классифицирует на «системообразующие (нормы-принципы и нормы-дефиниции), системоупрощающие (нормы-презумпции и нормы-фикции), системосохраняющие (оперативно-распространительные и коллизионные нормы)» [63, с. 6]. Из приведенной цитаты также следует классификация норм гражданского права на нормы-принципы и нормы-дефиниции [251, с. 82], нормы-презумпции и нормы-фикции, оперативно-распространительные и коллизионные нормы. Нормы-принципы и нормы-дефиниции к специализированным нормам гражданского права относят В. В. Кожевников, М. В. Мартыненко [252, с. 7], А. В. Баранов [253, с. 6].

Нормы гражданского права «…на две большие группы: общие нормы… и специальные нормы…» подразделяют О. Н. Садиков [254, с. 38], В. В. Васильев [255, с. 62; 256, с. 28], А. С. Еременко [257, с. 110].

А. В. Михайлов нормы гражданского права классифицирует на «статические и динамические; обязывающие и констатирующие; выделяет нивелирующие нормы и относительно императивные нормы» [258,

л. 65−66]. При этом под относительно императивными нормами ученый понимает такие нормы, которые сочетают в себе «признаки и диспозитивных, и императивных норм» [258, л. 67], приводя в качестве примера норму, закрепленную в п. 2 ст. 332 Гражданского кодекса Российской Федерации, согласно которой «*размер законной неустойки может быть увеличен соглашением сторон, если закон этого не запрещает*».

Следует отметить, что приведенный пример является неудачным в силу того, что в п. 2 ст. 332 Гражданского кодекса Российской Федерации закреплена не одна «относительно императивная правовая норма», а две самостоятельные нормы-предписания. Первая норма-предписание указывает на возможность изменения размера законной неустойки по соглашению сторон и является диспозитивной и управомочивающей, а вторая определяет случаи, когда увеличение законной неустойки по соглашению сторон запрещено, и является императивной и запрещающей, или, согласно классификации, приведенной А. В. Михайловым, − нивелирующей, т. е. отменяющей действие стоящей перед ней диспозитивной нормы.

Л. В. Терентьева выделяет сверхимперативные нормы гражданского права, в качестве которых рассматривает нормы-предписания, закрепленные в ст. 1192 Гражданского кодекса Российской Федерации [259, с. 41]. Сверхимперативные нормы выделяет О. Ф. Засемкова [260, с. 2341; 261, с. 156; 262, с. 61], Т. В. Подшивалов [263, с. 147] и др.

Нормы гражданского права на регулятивные и охранительные классифицирует М. А. Григорьева [264, с. 183].

В целом, соглашаясь с приведенными классификациями, еще раз отметим, что, по нашему мнению, нормы гражданского права, и в первую очередь закрепленные в ГК, изначально необходимо классифицировать на диспозитивные и императивные и только потом рассматривать как общие, специальные, исключительные, регулятивные, охранительные, управомочивающие, обязывающие, запрещающие, отсылочные, бланкетные и т. п. [30-А, с. 20][3].

Наше утверждение основано на том, что именно императивные и диспозитивные нормы гражданского права в действующей системе гражданского права обусловливают пределы правовых возможностей субъектов, способствуют достижению необходимого баланса частных и публичных интересов в экономической сфере. «…разграничивая сталкивающиеся интересы, – отмечает С. И. Котлова, – право выступа-

[3] Подробный анализ императивных и диспозитивных правовых норм в силу первостепенной значимости указанной классификации для формирования действующей модели гражданского права и процедуры гражданско-правового регулирования экономических отношений будет проведен ниже.

ет главным средством социального контроля, цель которого… сбалансировать сталкивающиеся интересы…» [265, с. 34].

Следует отметить, что Б. Б. Черепахиным высказана точка зрения, согласно которой «в действительности всякая норма содержит в себе приказ, повеление, все нормы повелительны, принудительны. Не повелительная норма − не норма. Но там, где в диспозиции нормы стоит то или иное волеизъявление человека, там создается впечатление отсутствия принудительности, но это кажущееся отсутствие принудительности свойственно и принудительным нормам…» [266, с. 108].

Б. Б. Черепахин утверждает, что все нормы являются обязательными для исполнения, публичными, т. е., по сути, императивными. Точку зрения Б. Б. Черепахина разделяет А. С. Пиголкин, согласно утверждению которого «даже если норма права и дает конкретному субъекту возможность действовать так или иначе, управомочивает его на совершение тех или иных действий, то и тогда она является велением, так как этой возможности соответствует властное указание по отношению к другим лицам обеспечить своими действиями… осуществление этой возможности» [267, с. 161].

С приведенным подходом к определению конструкции правовой нормы применительно к системе гражданского права согласиться нельзя. В частности, К. К. Лебедев отмечает, что «мнение ряда авторов… отрицающих правильность противопоставления диспозитивных норм нормам императивным, представляется противоречивым. С одной стороны, названные авторы признают большое значение выделения диспозитивных норм в гражданском праве, а с другой − не считают диспозитивные нормы самостоятельным видом правовых норм, ибо диспозитивные нормы, с их точки зрения, также являются категорическими предписаниями (императивами)» [268, с. 37].

Соглашаясь с утверждением К. К. Лебедева, следует отметить, что наличие непосредственно диспозитивных норм в системе гражданского права является неоспоримым фактом, как и то, что конструкция и регулятивное воздействие императивных правовых норм, в том числе входящих в систему гражданского права, и диспозитивных норм гражданского права существенно отличаются.

Существующие отличия указывают на классификационную самостоятельность диспозитивных и императивных правовых норм, а с учетом того, что в сфере гражданско-правового регулирования пересекаются частные и публичные интересы, – на самостоятельное значение указанных групп гражданско-правовых норм в механизме гражданско-правового регулирования.

При этом, согласно утверждению А. В. Баркова, «в общем виде механизм правового регулирования представляет собой использование различных вариаций обязываний, запретов и дозволений» [269, с. 59], что применительно к действующей модели гражданско-правового регулирования невозможно обеспечить без соответствующего сочетания императивных и диспозитивных норм гражданского права.

Деление норм гражданского права на императивные и диспозитивные констатирует М. М. Агарков, согласно утверждению которого «…неправильно указание… что с точки зрения объективного права, всякая норма публична. Указание на то, что она издается для блага всех, не имеет значения. <…> Законодательство относится к публичному праву, но нормы как результат этой деятельности могут относиться и к частному праву» [270, с. 33].

Утверждение М. М. Агаркова следует признать наиболее соответствующим современной системе права, составу входящих в нее отраслей, их делению на отрасли публичного и частного права.

Таким образом, повторяя уже высказанную нами точку зрения, отметим, что всякая норма гражданского права применительно к действующей модели гражданско-правового регулирования изначально должна быть классифицирована как императивная или диспозитивная, после чего к ней могут быть применены другие классификации, что обусловлено диаметрально противоположным воздействием указанных норм на участников экономической деятельности.

На тот факт, что правовые нормы «…отличаются друг от друга в механизмах воздействия на социальных субъектов», указывает Н. В. Сильченко [271, с. 57]. Более того, именно посредством подбора определенной совокупности императивных и диспозитивных норм в гражданском праве достигается необходимый баланс частных и публичных интересов.

При этом любой императивной или диспозитивной норме гражданского права, на что указывалось выше, присущи признаки и других, в том числе общетеоретических классификаций правовых норм.

Так, например, норма права, закрепленная в ч. 2 п. 1 ст. 1 ГК[4] одно-

[4] Предпринимательская деятельность − это самостоятельная деятельность юридических и физических лиц, осуществляемая ими в гражданском обороте от своего имени, на свой риск и под свою имущественную ответственность и направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи вещей, произведенных, переработанных или приобретенных указанными лицами для продажи, а также от выполнения работ или оказания услуг, если эти работы или услуги предназначаются для реализации другим лицам и не используются для собственного потребления.

временно является нормой императивной[5], подлежащей буквальному толкованию и точному применению, нормой-дефиницией, определяющей понятие «предпринимательская деятельность», общей нормой, подлежащей применению ко всем случаям осуществления предпринимательской деятельности, управомочивающей нормой, предоставляющей субъектам гражданского права возможность осуществления предпринимательской деятельности.

Аналогичная характеристика применима, например, к гражданско-правовым нормам, закрепленным в п. 1 ст. 143 ГК[6], ст. 154 ГК[7] и др.

Правовые нормы, закрепленные в ст. 2 ГК, в юридической литературе характеризуются как нормы-принципы, с помощью которых в гражданском праве закрепляются руководящие начала, создается основа построения системы гражданского права, устанавливаются пределы воздействия гражданско-правовых норм на участников экономической деятельности [272, с. 57; 273, с. 41; 274, с. 87]. Указанные нормы следует классифицировать как императивные правовые нормы, специализированные нормы, часть из которых является управомочивающими[8], а часть обязывающими[9)].

Применительно к нормам, закрепленным в ст. 2 ГК, следует отметить, что они представляют собой не принципы гражданского права как таковые. В отличие от норм права «…принципы права, – указывает В. В. Васильев, – выполняют первичную роль по отношению к системе права, поскольку… призваны быть фундаментом для построения системы» [275, с. 45].

«…Принципы гражданского права, – отмечает А. С. Александрова, – были и продолжают оставаться критерием… ответа на вопрос… каким идейным установкам должно отвечать содержание отраслевого регу-

---

[5] Классифицируя нормы действующей модели гражданского права как императивные либо диспозитивные, мы используем выработанный советскими учеными подход, в соответствии с которым в качестве диспозитивных рассматриваются нормы, из содержания которых прямо следует, что они могут быть изменены по воле сторон правоотношения. Гражданско-правовые нормы, не содержащие подобного указания, рассматриваются в диссертации как императивные.

[6] Ценной бумагой является документ, удостоверяющий с соблюдением установленной формы и (или) обязательных реквизитов имущественные права, осуществление или передача которых возможны только при его предъявлении. С передачей ценной бумаги переходят все удостоверяемые ею права в совокупности.

[7] Сделками признаются действия граждан и юридических лиц, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей.

[8] Граждане и юридические лица свободны в заключении договора.

[9] Осуществление гражданских прав не должно противоречить общественной пользе и безопасности, наносить вред окружающей среде, историко-культурным ценностям, ущемлять права и защищаемые законом интересы других лиц.

лирования…» [276, с. 63], с чем следует согласиться. Принципы гражданского права являются руководством к действию, в первую очередь для законотворческого органа в процессе создания модели гражданско-правового регулирования и, во вторую – для субъектов правоприменения, в том числе органов судебной власти в процессе определения границ правовых возможностей участников гражданско-правовых отношений. При этом в ст. 2 ГК закреплены гражданско-правовые нормы, что отмечается в юридической литературе [181, с. 53], содержательно отражающие принципы (идеи) построения (формирования) модели гражданско-правового регулирования, очерчивающие границы собственного усмотрения субъектов гражданского права.

Принципы гражданского права, согласно верному утверждению О. А. Кузнецовой, выражаются вовне через гражданско-правовую норму [277, с. 320], с чем соглашается А. Э. Енилеева, рассматривающая принципы в качестве норм права, хотя и разграничивающая нормы права на нормы-правила и нормы-принципы [278, с. 26–33]. Как законодательные предписания нормы-принципы рассматривает С. В. Башно [279, с. 53]. В качестве позитивных норм гражданского права принципы гражданского права рассматривает Е. Г. Кришалович [280, с. 19].

Таким образом, в дальнейшем исследовании нормы права, закрепленные в ст. 2 ГК, содержательно выражающие принципы гражданско-правового регулирования, мы будем рассматривать не как принципы права, а как нормы-предписания, классифицируемые как императивные, закрепляющие пределы собственного усмотрения субъектов гражданского права в процессе моделирования гражданско-правовых отношений, и восполнительные, позволяющие разрешить спор о праве гражданском в случае отсутствия прямой нормы, регулирующей спорные отношения.

Следует отметить, что в основной своей части гражданско-правовые нормы, составляющие действующую модель гражданского права, являются императивными и управомочивающими, а также нормами – правилами поведения, как, например, норма, закрепленная в ч. 3 ст. 2 ГК[10], п. 1 ст. 8 ГК[11] и др.

Приведенные императивные нормы однозначно указывают на безусловное право граждан осуществлять принадлежащие им гражданские права исключительно своей волей, в своем интересе и по своему усмотрению.

---

[10] Участники гражданских правоотношений приобретают и осуществляют свои гражданские права своей волей и в своих интересах.

[11] Граждане и юридические лица по своему усмотрению осуществляют принадлежащие им гражданские права.

Анализируемые правила не подлежат принудительному изменению.

Наряду с императивными управомочивающими в систему норм гражданского права включены и императивные запрещающие нормы, например, норма, закрепленная в п. 1 ст. 9 ГК[12].

В ГК наряду с императивными закреплено определенное количество диспозитивных норм, которые представляют собой нормы – правила поведения, управомочивающие либо обязывающие, как общего действия, так и специальные, или исключительные правовые нормы, что предопределено диспозитивной направленностью гражданско-правового метода. При этом под диспозитивностью в гражданском праве, согласно утверждению О. А. Красавчикова, следует понимать «…основанную на нормах данной отрасли права юридическую свободу (возможность) субъектов гражданских правоотношений осуществлять свою правосубъектность и свои субъективные права… по своему усмотрению» [281, с. 64].

Понятие диспозитивности согласно общепринятой концепции цивилистической науки развивают следующие ученые:

– И. С. Лапшин, в соответствии с точкой зрения которого «диспозитивность − это основанная на нормах права юридическая свобода (возможность) осуществлять субъективные права… по своему усмотрению в границах закона» [50, л. 24];

– Р. Б. Брюхов, согласно утверждению которого диспозитивность − «это основанная на нормах права юридическая свобода субъектов гражданского права выбирать вариант поведения в гражданском обороте, то есть правомерно, в установленных пределах приобретать субъективные гражданские права и юридические обязанности, определять структуру субъективных гражданских прав, осуществлять субъективные гражданские права, использовать формы (порядок) и способы защиты нарушенных прав, а также выбирать размер, формы привлечения к гражданско-правовой ответственности» [282, л. 24].

Аналогичной точки зрения к содержанию понятия «диспозитивность» придерживаются и другие ученые [283, с. 11].

В качестве примера правовых норм, отражающих общую диспозитивную направленность гражданско-правового регулирования, являющихся нормами общего действия и управомочивающими, можно привести нормы, закрепленные в ст. 7 ГК, предусматривающие примерный перечень оснований возникновения гражданских прав и обязанно-

[12] Не допускаются действия граждан и юридических лиц, осуществляемые исключительно с намерением причинить вред другому лицу, а также злоупотребление правом в иных формах.

стей[13]. Приведенные нормы следует считать императивными, устанавливающими безусловное право субъектов совершать иные, не предусмотренные ГК действия, направленные на возникновение гражданских прав и обязанностей. Примером обязывающих диспозитивных правовых норм специального действия может служить норма, закрепленная в п. 2 ст. 426 ГК[14].

Примером исключительных правовых норм, имеющих императивную конструкцию, являющихся при этом регулятивными и управомочивающими, являются нормы, закрепленные в ст. 209 ГК, определяющие перечень требований, на которые не распространяет свое действие исковая давность[15].

При этом применительно к гражданско-правовому институту «исковая давность» императивной правовой нормой общего действия, классифицируемой как регулятивная и управомочивающая, является норма, закрепленная в ст. 197 ГК, устанавливающая общую продолжительность давностного срока (*общий срок исковой давности устанавливается в три года*), а аналогичными нормами, но специального действия – нормы, закрепленные в ст. 198 ГК, определяющие возможность изменения продолжительности общей исковой давности в специально установленных случаях[16].

Приведенные выше примеры классификации гражданско-правовых

---

[13] Гражданские права и обязанности возникают из оснований, предусмотренных законодательством, а также из действий граждан и юридических лиц, которые хотя и не предусмотрены им, но в силу основных начал и смысла гражданского законодательства порождают гражданские права и обязанности.

[14] Если иное не предусмотрено договором, продавец обязан одновременно с передачей товара передать покупателю его принадлежности, а также относящиеся к нему документы (технический паспорт, сертификат качества, инструкцию по эксплуатации и т. п.), предусмотренные законодательством или договором.

[15] Исковая давность не распространяется:

1) на требования, вытекающие из нарушения личных неимущественных прав и других нематериальных благ, кроме случаев, предусмотренных законодательными актами;

2) требования вкладчиков к банку или небанковской кредитно-финансовой организации о возврате банковских вкладов (депозитов);

3) требования о возмещении вреда, причиненного жизни или здоровью гражданина. Однако требования, предъявленные по истечении трех лет с момента возникновения права на возмещение вреда, удовлетворяются не более чем за три года, предшествовавшие предъявлению иска;

4) требования собственника или иного законного владельца об устранении всяких нарушений его права, хотя бы эти нарушения и не были соединены с лишением владения (статья 285);

5) другие требования в случаях, установленных законодательными актами.

[16] Для отдельных видов требований настоящим Кодексом и иными законодательными актами могут устанавливаться специальные сроки исковой давности, сокращенные или более длительные по сравнению с общим сроком.

норм на виды показывают сложность процесса классификации норм гражданского права, необходимость применения различных видов классификации к одной норме-предписанию, указывают на важное значение правильного определения вида правовой нормы в системе классификации гражданско-правовых норм, что позволит точно определить место каждой отдельной нормы-предписания в системе норм гражданского права, выявить особенности ее применения в процессе построения единой модели поведения участников конкретной гражданско-правовой связи, необходимой для точного определения субъективных гражданских прав и юридических обязанностей участников экономической деятельности, своевременного и верного с точки зрения норм гражданского права разрешения спора о праве гражданском. «…Классификация… норм в зависимости от различных классификационных оснований, − согласно утверждению Ю. В. Грушевской, − выступает необходимым условием для формирования оптимального механизма применения достижений правовой науки в законотворчестве…» [284, л. 90], с чем следует согласиться.

Гражданское право является основной отраслью частного права, регулирующее воздействие которой на участников гражданско-правовых отношений основано на применении диспозитивного метода правового регулирования, возможность и необходимость использования которого предопределены функциями, возложенными государством на гражданское право, вытекающими из тех принципов, на основе которых построена модель гражданского права.

Используемый государством в процессе гражданско-правового регулирования диспозитивный метод, применительно к современной модели гражданского права, предполагает наличие в системе гражданского права присущих этому методу средств правового регулирования – диспозитивных правовых норм, наряду с которыми в качестве средства гражданско-правового регулирования активно используются и императивные (перцептивные) нормы, включенные в систему гражданского права. При этом применение в одном ряду диспозитивных и императивных правовых норм связано с пересечением в гражданско-правовых отношениях частных и публичных (государственных, общественных) интересов, разумный баланс которых необходим для динамичного и эффективного развития экономики.

«Единство гражданско-правового метода, − указывает В. Ф. Яковлев, − имеет две стороны. Первая состоит в том, что все его черты, приемы находятся в сущностной связи между собой. <…> Вторая в том, что метод является общим для всех составных частей институтов отрасли…» [204, с. 169].

Изложенное не позволяет согласиться с утверждением Н. В. Разуваева, согласно которому «…не существует отрасли, для которой был бы характерен лишь один какой-нибудь метод регулирования, точно также не существует отрасли, целиком состоящей из норм какой-то одной разновидности − дозволительных, обязывающих или запретительных» [285, с. 36].

Аналогичную, не соответствующую роли метода правового регулирования в процессе государственно-правового управления общественными отношениями точку зрения высказывает Н. В. Александрова, согласно утверждению которой, «являясь ведущей отраслью права, гражданское право использует два метода правового регулирования: императивный и диспозитивный» [286, с. 289]. При этом, согласно верному утверждению С. В. Полениной, «…природа отрасли права как категория социальной действительности исключает возможность существования комплексных отраслей права» [123, с. 7–8], т. е. отраслей, применяющих одновременно два метода правового регулирования (императивный и диспозитивный), с чем следует согласиться.

«…Такой путь, – отмечает С. В. Артеменков, – ведет к лишению права одной из его главных черт – системности и стабильности, что негативно скажется на эффективности правового регулирования» [287, с. 620].

Применительно к приведенным высказываниям необходимо отметить, что диспозитивный метод правового регулирования является таковым не потому, что основывается исключительно на применении диспозитивных (дозволительных) норм. В состав диспозитивного метода правового регулирования включены в том числе и императивные (запретительные и обязывающие) правовые нормы, характеризующиеся спецификой их применения в рамках диспозитивного метода правового регулирования, состоящей, согласно утверждению В. Ф. Яковлева, в том, что «…императивные нормы в гражданском праве попадают в общий… диспозитивный режим и поэтому выполняют в системе правового регулирования иные функции, нежели, например, в налоговом или уголовном праве» [205, с. 687].

Изложенное находит подтверждение в цивилистических исследованиях. Так, Р. Б. Брюхов указывает, что «…нормативной основой диспозитивности… являются все нормы гражданского права, поскольку все они очерчивают ее пределы» [282, л. 55]. «…Очевидным является то, – отмечает А. Г. Демиева, – что материя частного права состоит не только из диспозитивных норм: они уравновешиваются нормами императивными…» [288, с. 393]. Основой применения в действующей системе гражданского права как диспозитивных, так и императивных

гражданско-правовых норм является принцип диспозитивности, под которым Т. Н. Прохорко понимает «…закрепленное в нормах права основное начало, выражающее заинтересованность лица в инициативном приобретении прав и обязанностей своей волей, а также осуществлении приобретенных прав по своему усмотрению» [289, л. 167].

Непосредственно с тем, что основой применения как императивных, так и диспозитивных гражданско-правовых норм, закрепленных в ГК и иных нормативных правовых актах системы гражданского законодательства, является принцип диспозитивности, следует согласиться. Выступая наряду с другими принципами гражданско-правового регулирования отправной точкой построения системы гражданского права, принцип диспозитивности определяет процедуру взаимодействия субъектов экономической деятельности, их возможности в процессе установления своих субъективных прав и юридических обязанностей, очерчивает пределы собственного усмотрения субъектов в процессе принятия решений, в том числе о целесообразности применения тех или иных норм гражданского права, использовании юрисдикционной или неюрисдикционной формы защиты нарушенных прав и законных интересов, а также способов и средств защиты в рамках выбранной формы либо об отказе от защиты.

«Диспозитивность как принцип гражданского права, − отмечает Ю. К. Толстой, − означает закрепление за гражданами и организациями юридически обеспеченной возможности по своему усмотрению распоряжаться принадлежащими им гражданскими правами, в том числе правом на защиту. <…> Действие принципа диспозитивности прослеживается и там, где от лица зависит, воспользоваться ли ему возражением против предъявленного к нему требования или нет. <…> Диспозитивность проявляется, с одной стороны, в том, что в гражданском праве много диспозитивных норм, а с другой − в том, что субъектам гражданского права предоставлена широкая возможность осуществления принадлежащих им прав по их усмотрению и за пределами диспозитивных норм» [290, с. 52].

Предоставленная гражданско-правовым методом возможность собственного усмотрения за пределами диспозитивных норм гражданского права, по нашему мнению, является квинтэссенцией принципа диспозитивности, императивы которого должны распространять свое действие на всю систему гражданского права, на всю совокупность входящих в гражданское право правовых норм, что отличает гражданское право и возникающие на основе гражданско-правовых норм правоотношения от иных и, в частности, публичных отраслей права и применяемых в их рамках правовых форм. «…Неправильно было бы гово-

рить, что диспозитивность проявляется в присутствии в законодательстве диспозитивных норм, – отмечает Т. Н. Прохорко, – …у диспозитивной нормы в отличие от диспозитивности есть свое конкретное содержание… содержание категории диспозитивности намного шире. <…> Это проявляется в том, что диспозитивность действует на любого субъекта в ходе правоотношения, а также вне его, она действует на субъекта, на правоотношение, она действует там, где субъект хочет защитить свое нарушенное право и там, где он может, но не хочет воспользоваться мерами защиты и т. д.» [289, л. 80−81].

Если абстрагироваться от некоторых стилистических и терминологических неточностей, допущенных Т. Н. Прохорко, то приведенное высказывание достаточно верно отражает принцип действия диспозитивного метода правового регулирования, предоставляющего субъектам гражданского права значительную свободу собственного усмотрения, в том числе и в ходе применения императивных правовых норм, что будет обосновано ниже.

«Диспозитивность как принцип гражданского права организует его структуру в духе нормативного признания и закрепления свободы частных лиц, а также необходимости закрепления иных частноправовых идей…» [282, л. 45], − указывает Р. Б. Брюхов.

Используемые в рамках единого метода правового регулирования диспозитивные и императивные нормы гражданского права отличаются друг от друга предназначением, содержанием и порядком приложения к экономическим отношениям, чем обусловлена необходимость точного определения вида правовой нормы с целью ее правильного применения во избежание нарушения гражданского правопорядка, установленного нормами, закрепленными как в ГК, так и в иных источниках гражданского права. Кроме того, один из видов общественных отношений, составляющих предмет гражданского права, именуемых предпринимательскими (хозяйственными), опосредован как диспозитивными и императивными нормами гражданского права, так и императивными нормами административного права, закрепленными в комплексных нормативных правовых актах, составляющих комплексную отрасль хозяйственного законодательства, таких как указы и декреты Президента Республики Беларусь, законы, постановления Совета Министров Республики Беларусь, нормативные правовые акты иных республиканских органов государственного управления.

Однако императивные нормы гражданского права отличаются от императивных норм административного права и иных публично-правовых отраслей как предназначением, так и порядком применения, чем и вызвана необходимость отграничения не только диспозитивных норм

от императивных норм гражданского права, но и последних от императивных норм публично-правовых отраслей. Таким образом, в состав действующей системы гражданского права включены две основные группы правовых норм: диспозитивные и императивные, которые отличаются друг от друга набором присущих каждой группе признаков, позволяющих выделить существенные отличия в процессе их реализации, целями включения каждой из групп в систему гражданского права, а также направлением регулирующего воздействия, оказываемого нормами каждой из названных групп на субъектов гражданского права. Кроме того, непосредственно соотношение в системе гражданского права норм императивных и диспозитивных позволяет применительно к действующей системе гражданского права создать модель гражданско-правового регулирования, необходимую государству.

Рассматривая диспозитивные и императивные нормы, входящие в систему гражданского права, мы будем исследовать непосредственно нормы-предписания (единичные модели поведения), определенная совокупность которых, расположенная в необходимой логической последовательности, и составляет одну норму-суждение, являющуюся целостной моделью поведения участников гражданско-правовых отношений. В процессе исследования каждой из двух групп правовых норм необходимо учитывать, что одна норма-суждение может включать в свой состав как диспозитивные, так и императивные нормы-предписания.

Обе группы правовых норм в совокупности составляют ту модель поведения, которую государство предлагает субъектам гражданского права в том или ином случае участия в гражданско-правовых отношениях. При этом государство допускает посредством использования диспозитивных правовых норм некоторую степень самостоятельности участников гражданско-правовых социальных связей и одновременно предоставляет определенные гарантии реализации и защиты их нарушенных прав и законных интересов при помощи императивных правовых норм.

Учитывая, что одним из принципов построения системы гражданского права является принцип приоритета общественных интересов, в соответствии с которым осуществление гражданских прав не должно противоречить общественной пользе и безопасности, ущемлять права и защищаемые законом интересы других лиц, большинство норм-предписаний системы гражданского права имеет императивную конструкцию, что позволяет государству обеспечить реализацию императивов названного принципа, но не переводит предлагаемые государством модели поведения в разряд публично-правовых.

В частности, согласно утверждению М. И. Брагинского, «в первой и второй частях нового ГК в составе норм, регулирующих отдельные виды договоров, оказалось около 1600 императивных и только 200 диспозитивных…» норм [291, с. 91]. В связи с этим нельзя согласиться с утверждением А. В. Михайлова о том, что «в частном праве… при признаваемом равенстве сторон, воздействии субъектов на общественные отношения в зависимости от частных интересов, наиболее распространенными являются нормы диспозитивные» [258 110, л. 64].

Аналогичную точку зрения высказывает Ю. В. Ковалева, согласно утверждению которой «диспозитивные нормы, несомненно, в наибольшей степени соответствуют сущности отрасли гражданского права, созданной для регулирования рыночных отношений» [292, л. 43−44]. Названные ученые, по всей вероятности, не провели элементарного арифметического подсчета количества императивных и диспозитивных норм, закрепленных в Гражданском кодексе Российской Федерации, что делает их утверждению голословными.

Основой гражданско-правового регулирования следует признать не диспозитивные правовые нормы, а диспозитивный метод правового регулирования, квинтэссенцией которого является принцип диспозитивности участников гражданско-правовых отношений, допускающий использование в составе действующей системы гражданского права как отрасли права как диспозитивных, так и императивных правовых норм, что отмечалось выше. Применительно к приведенным утверждениям необходимо отметить, что и в ГК РСФСР 1964 г. (с изменениями по состоянию на 24 декабря 1992 г.) преобладали императивные нормы, что было предопределено административно-командным методом управления экономикой, активно применяемым в СССР.

В частности, согласно утверждению И. С. Перетерского, «если буржуазное гражданское право исходит из принципа “дозволено все, что не воспрещено”, то советское гражданское право более соответствует, по общему правилу, противоположному тезису: “Запрещено все, что не разрешено”» [293, с. 16].

Приведенное М. И. Брагинским соотношение императивных и диспозитивных норм Гражданского кодекса Российской Федерации применимо и к ГК Беларуси, в котором, включая раздел VIII «Заключительные положения», по состоянию на 2 апреля 2017 г. было закреплено около 299 диспозитивных норм-предписаний, содержащихся примерно в 224 статьях ГК и, соответственно, около 900 статей содержат императивные нормы гражданского права. При этом статьи ГК, содержащие диспозитивные нормы, как правило, также содержат и императивные гражданско-правовые нормы, что еще больше увеличивает

разрыв в количественном соотношении диспозитивных и императивных норм, закрепленных в действующем ГК.

Несмотря на преобладающее количество императивных норм, в процессе формирования современного (постсоветского) гражданского права применен, с некоторой оговоркой, диспозитивный метод правового регулирования, что в целом способствует развитию частной хозяйственной инициативы, соответствует принципам экономического и политического развития государства, закрепленным в Конституции, а также нормам Директивы № 4, согласно которым одним из приоритетных направлений социально-экономического развития Беларуси является развитие человеческого потенциала, инициативы и предпринимательства.

Это означает формирование полноценного партнерства частной и государственной форм собственности, что достигается совершенствованием делового климата для всех субъектов предпринимательской деятельности (государственных и частных, отечественных и иностранных) и в конечном итоге – созданием безбарьерной деловой среды.

«Главное… − согласно утверждению В. Ф. Яковлева, − не в количественном соотношении разных норм, а в механизме их взаимодействия, в той роли, которую они выполняют в системе (режиме) регулирования» [294, с. 19], с чем в полной мере следует согласиться. Непосредственно используемый метод правового регулирования определяет порядок применения правовых норм, составляющих соответствующую отрасль права, предопределяет правовые возможности участников общественных отношений, опосредованных такой отраслью права.

Изложенное следует учитывать в процессе исследования каждой из указанных основных групп гражданско-правовых норм, что поможет наиболее точно определить место конкретной группы правовых норм в системе норм гражданского права, выявить условия и пределы их применения, а также необходимость включения императивных и диспозитивных правовых норм в систему гражданского права в процессе его модернизации. Это, в свою очередь, будет способствовать формированию системы гражданско-правовых норм, наиболее полно отвечающей современным условиям развития белорусского государства и общества, в наибольшей степени соответствующей белорусской модели экономического развития.

С точкой зрения М. И. Брагинского и В. Ф. Яковлева не согласен О. Н. Садиков, в соответствии с утверждением которого вопрос о том, является норма императивной или диспозитивной, следует решать на основе ее толкования с «использованием широкого круга правовых критериев» [295, с. 4−9], а также А. Н. Дудина, рассматривающая все

нормы, включая и те, которые имеют явно выраженный признак диспозитивности, как императивные [296, с. 20]

Мы не разделяем подход к классификации норм гражданского права, предложенный О. Н. Садиковым и А. Н. Дудиной. Он направлен на расширение судебного усмотрения, что не способствует стабилизации гражданско-правовых отношений, может повлечь принятие судебного решения, не соответствующего основному смыслу и принципам гражданско-правового регулирования.

В частности, в соответствии с примером из практики арбитражных судов Российской Федерации, приведенным Е. М. Тужилово-Орданской «…в Постановлении ФАС Волго-Вятского округа от 15 марта 2012 года по делу № А43-11012/2011 статья 210 ГК Российской Федерации, определяющая, что собственник несет бремя содержания принадлежащего ему имущества, если иное не предусмотрено законом или договором, была определена как императивная» [297, с. 156], что не способствует стабилизации гражданского и, как следствие, экономического оборота. Более того, 14 марта 2014 г. в Российской Федерации было принято Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации № 16 «О свободе договора и ее пределах» [298] (далее – постановление № 16) в соответствии с которым «…стало возможным признание норм, имеющих явную атрибутику диспозитивности… императивными», на что обращает внимание А. Р. Алимгафарова [299, с. 31].

На негативные последствия возможностей расширительного судебного толкования, в том числе закрепленных в Постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 14 марта 2014 г. № 16 «О свободе договора и ее пределах» указывает О. А. Поротикова, согласно верному утверждению которой «за несколько последних лет почти все постановления Пленума ВАС РФ, а затем и Пленума Верховного Суда РФ в области частного права не только разъясняют содержание действующего гражданского законодательства… но и формулируют правила новые, отсутствующие в законе… он (Пленума Верховного Суда Российской Федерации. – *Примеч. авт.*)… выходит за пределы своей компетенции, подменяя собой законодателя» [300, с. 461], чем нарушается закрепленный как в Конституции Республики Беларусь, так и в Конституции Российской Федерации принцип разделения властей, составляющий основу демократического политического режима.

Таким образом, проведенная доктринальная классификация гражданско-правовых норм позволяет сделать вывод, что правовые нормы (нормы-предписания, или законодательные нормы), составляющие систему гражданского права, цивилистами классифицируются на различные виды. Наряду с этим установлено, что первоочередное значе-

ние для процесса формирования массива норм гражданского права, составляющих действующую модель гражданско-правового регулирования, имеет подразделение гражданско-правовых норм на диспозитивные и императивные.

В связи с этим дальнейшее исследование проблем формирования, толкования и применения норм гражданского права предполагает необходимость осуществления классификации диспозитивных и императивных норм, закрепленных в ГК, определения предназначения каждой из групп правовых норм в действующей модели гражданско-правового регулирования, степени их влияния на развитие гражданско-правовых связей между участниками фактических экономических отношений, соотношения исследуемых норм и целесообразности их включения в систему гражданского права.

При этом необходимо учитывать, что «…диспозитивные и императивные нормы играют исключительную роль в современной системе правовых норм» [301, с. 9], с чем применительно к действующей модели гражданско-правового регулирования следует согласиться. Тот факт, что с диспозитивными правовыми нормами, которые, как указывалось выше, находятся в ГК в меньшинстве, ученые и практики связывают возможность субъектов гражданского права отступать от установленного ГК правопорядка [302, с. 36; 303, с. 46; 304, с. 177 и др.], обусловливает необходимость их первоочередного исследования.

3.2 ДИСПОЗИТИВНЫЕ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ НОРМЫ: НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ, ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ И ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ

Исследование диспозитивных норм, закрепленных в ГК, проведение их классификации, определение предназначения анализируемых норм и проблем их применения необходимо начинать с выявления признаков, позволяющих классифицировать норму как диспозитивную, что позволит отграничить диспозитивные нормы от императивных, установить действительный состав диспозитивных норм, провести их классификацию и определить пределы диспозитивности норм, включенных нами в каждый из установленных классификационных типов.

Так, классическим признаком диспозитивной нормы, выделяющим ее из совокупности норм гражданского права, воспринятым учеными в

советский период развития цивилистической науки, что отмечалось выше, является предусмотренная нормой возможность изменения ее содержания соглашением сторон конкретной правовой связи.

«О диспозитивном характере правовых норм, – согласно утверждению А. Н. Романович, – свидетельствуют содержащиеся в них оговорки типа “если иное не установлено договором”» [305, с. 35]. Теория деления норм права на императивные и диспозитивные, на что указывает А. Н. Дудина, поддерживалась М. П. Каревой и А. М. Айзенбергом [306], а также другими советскими учеными [307, с. 75; 308, с. 46; 309, с. 36; 310, с. 38].

Следует отметить, что в период СССР управление экономикой основывалось на административных началах, обусловленных приоритетом государственной воли и государственных интересов в экономике, что предопределило презумпцию императивности норм гражданского права, закрепленных в ГК СССР. «Единственным источником советского социалистического права является диктатура пролетариата», – отмечалось в учебной литературе [311, с. 15].

«Любая норма советского гражданского права, – утверждает В. Г. Вердников, – должна быть признана императивной, поскольку иное не установлено ей самой…» [312, с. 54].

Классификация и признаки императивных и диспозитивных норм исследуются на современном этапе развития юридической науки. Так, согласно утверждению А. Н. Дудиной, «…существенное значение имеет подразделение норм гражданского права на императивные… и диспозитивные… Названная классификация имеет важное теоретическое и практическое значение для процессов законотворчества и правоприменения» [313, с. 5]. Наличие и, следовательно, определяющее значение диспозитивных и императивных норм в системе гражданского права отмечается и другими современными учеными [314, с. 36; 315, с. 35].

Необходимо отметить, что применение в процессе гражданско-правового регулирования императивных и диспозитивных норм нельзя признать достижением советской юридической науки. В частности, в досоветский период законы непременные (абсолютные) и диспозитивные или предположительные выделял К. Малышев [316, с. 123], а нормы принудительные и диспозитивные – Ю. С. Гамбаров [317, с. 274]. При этом, согласно утверждению Г. С. Захаровой, «…проблема разграничения норм на императивные и диспозитивные уходит своими корнями еще в римское право» [318, с. 84].

Изложенное позволяет утверждать, что в досоветский и советский периоды развития цивилистики устоявшимся признаком диспозитивной нормы признавалось наличие в норме специфической конструк-

ции, указывающей на возможность сторон изменять норму гражданского права своим соглашением, что применительно к современной модели гражданско-правового регулирования закреплено в ч. 2 п. 3 ст. 391 ГК[17], ч. 2. п. 4 ст. 421 ГК России, ч. 2 п. 1 ст. 382 ГК Казахстана, п. 5 ст. 437 ГК Республики Армения (далее – ГК Армении) [319].

Иное содержание имеет соответствующая норма ст. 6 Гражданского кодекса Украины, предоставляющая сторонам право «*отступить от положений актов гражданского законодательства и урегулировать свои отношения на собственное усмотрение*» без указания на вид нормы и условия ее изменения, что, по нашему мнению, в большей степени соответствует принципу свободы договора и диспозитивному методу правого регулирования. Таким образом, согласно подходу, воспринятому в советский период и закрепленному в ГК, диспозитивными признаются нормы, снабженные окончанием:

1) «*…если иное не предусмотрено соглашением сторон (участников, между ними), (договором)*»; «*… иное не вытекает из соглашения*»; «*…иное не предусмотрено условиями обязательства*»; «*…иное не оговорено в оферте*»; «*…если иное прямо не указано в предложении*»; «*…если иное не предусмотрено учредительными документами (уставом*)», указывающим на возможность изменения правовой нормы участниками договорного гражданско-правового отношения безотносительно содержания нормы и без установления конкретных пределов такого изменения (например, ст. 132, 136, 211, 221, 251, 252, 256, 257, 292, 293, 318 ГК и многие др.);

2) «*…если больший (более длительный) срок (размер и т. п.) не предусмотрен соглашением сторон (договором»); «в течение иного срока, не превышающего»,* предусматривающим возможность изменения правовой нормы участниками договорного гражданско-правового отношения в рамках содержания нормы с прямым установлением пределов такого изменения (например, ст. 563, 568 ГК);

3) иным указанием на возможность выбора другого варианта пове-

[17] В случаях, когда условия договора предусмотрены нормой, которая применяется постольку, поскольку соглашением сторон не установлено иное (диспозитивная норма), стороны могут своим соглашением установить условие, отличное от предусмотренного в ней.

Соответствующие нормы ГК Казахстана, России, Армении указывают как на возможность изменения диспозитивной нормы соглашением сторон, так и на возможность исключения ее применения ничем не обусловливая действия сторон. В отличие от указанных норма, закрепленная в ч. 2 п. 3 ст. 391 ГК, во-первых, не предусматривает возможность исключения применения диспозитивной нормы и, во-вторых, допускает возможность ее изменения соглашением сторон, если это не противоречит установленному гражданскому правопорядку.

дения, но в рамках содержания диспозитивной нормы, без определения конкретных пределов изменения[18].

Следовательно, в соответствии со сложившейся традицией диспозитивной признается норма, представляющая собой *предлагаемую государством единичную модель поведения, содержащую указание на возможность ее изменения по соглашению сторон гражданско-правового отношения, но в пределах, определенных диспозитивной нормой или гражданским правопорядком, либо в неизмененном виде применяемую участниками экономического отношения по умолчанию сторон*. По сути, диспозитивная норма гражданского права в неизмененном виде подлежит применению по общему правилу (по умолчанию участников экономического отношения), что указывает на ее восполнительный характер.

Выше отмечалось, что около 299 диспозитивных норм закреплено примерно в 224 статьях ГК.

При этом по разделам ГК диспозитивные нормы распределены следующим образом:

– Раздел I «Общие положения» содержит около 25 диспозитивных норм;

– Раздел II «Право собственности и другие вещные права» включает примерно 18 диспозитивных норм;

– Раздел III «Общая часть обязательственного права» содержит около 55 диспозитивных норм;

– Раздел IV «Отдельные виды обязательств» содержит более 185 диспозитивных норм, при том что глава 58 «Обязательства вследствие причинения вреда» диспозитивных норм не содержит, а в главе 59 «Обязательства вследствие неосновательного обогащения» закреплена 21 диспозитивная норма;

– Раздел V «Интеллектуальная собственность» включает 3 диспозитивные нормы;

– Раздел VI «Наследственное право» – 10 диспозитивных норм;

– в Разделе VII «Международное частное право» закреплено 3 диспозитивные нормы;

– в Разделе VIII «Заключительные положения» диспозитивные нормы не содержатся.

Из приведенных данных следует, что основная часть диспозитив-

[18] Например: «…договором может быть установлен иной срок для предупреждения о прекращении договора …» (ст. 581); «…стороны могут предусматривать в договоре иные формы оплаты…» (ст. 585 ГК); «…если иной порядок не предусмотрен договором…».

ных норм, закрепленных в ГК, размещена в Разделе IV «Отдельные виды обязательств», что направлено на реализацию закрепленного в ст. 2 ГК принципа свободы договора.

Исследование диспозитивных норм, закрепленных в ГК, позволяет сделать вывод, что анализируемая группа включает в свой состав как минимум три основных типа норм, имеющих определенные отличительные характеристики, влияющие на процесс правоприменения.

1. Диспозитивные нормы, включенные нами в первый тип, обладают ярко выраженным общеприменимым окончанием «*…если иное не предусмотрено договором (соглашением сторон)…*» и составляют бóльшую часть диспозитивных норм, закрепленных в ГК.

В общей части ГК в 423 статьях закреплено около 89 диспозитивных норм, отнесенных нами к первому типу, и примерно 9 норм относятся к двум другим типам.

В Разделе IV «Отдельные виды обязательств» около 180 норм классифицированы нами как нормы первого типа и остальные – как нормы двух других типов.

В Разделах V–VIII содержатся диспозитивные нормы только первого типа.

Нормы первого типа предоставляют субъектам наибольшую свободу собственного усмотрения, ограниченную единственно императивными нормами, закрепленными в ст. 2 и 9 ГК, а также общим требованием правомерности (например, п. 2 ст. 426 ГК[19]).

Анализ приведенной нормы показывает, что субъекты экономических отношений при заключении договора купли-продажи имеют юридически обеспеченную возможность заключить договор как на условиях, предусмотренных нормой, закрепленной в п. 2 ст. 426 ГК, т. е. применить предлагаемую государством единичную модель поведения, так и с условием, например, о том, что товар передается без принадлежностей либо без документов[20], либо с частью принадлежностей, с неисправными принадлежностями (возможны любые вариации, не противоречащие гражданскому правопорядку).

Аналогичные по сути возможности собственного усмотрения предоставляют и другие диспозитивные нормы первого типа, закрепленные в ГК, что, как уже отмечалось, обусловлено построением дей-

[19] Если иное не предусмотрено договором, продавец обязан одновременно с передачей товара передать покупателю его принадлежности, а также относящиеся к нему документы (технический паспорт, сертификат качества, инструкцию по эксплуатации и т. п.), предусмотренные законодательством или договором.

[20] При условии, что наличие документов, относящихся к товару не является обязательным условием его правомерной эксплуатации (например, автотранспортные средства).

ствующей модели гражданского права с учетом принципа свободы договора и в соответствии с диспозитивным методом правового регулирования, правда, в его современном ограниченном применении в действующей модели гражданского права.

Таким образом, диспозитивные нормы первого типа, во-первых, направлены на создание условий реализации договорной свободы участников экономической деятельности в рамках, допускаемых действующей моделью гражданского права, во-вторых, выполняют восполнительную функцию включаясь в правовое регулирование в неизменном виде по умолчанию сторон. При этом наличие у анализируемых норм восполнительной функции понуждает участников экономических отношений либо одобрить предлагаемый государством вариант поведения, либо принимать иное решение в урегулированной диспозитивной нормой части их взаимоотношений, но в общих пределах гражданского правопорядка.

Следовательно, диспозитивные нормы первого типа служат гарантией того, что урегулированный государством с их помощью определенный сегмент экономических отношений не останется без внимания его участников либо государства.

В российской юридической литературе высказывается противоположная точка зрения, согласно которой диспозитивная норма позволяет сторонам своим соглашением исключить ее применение [320, с. 359; 321, с. 178], что соответствует содержанию норм, закрепленных в ч. 2. п. 4 ст. 421 ГК России, ч. 2 п. 1 ст. 382 ГК Казахстана, п. 5 ст. 437 ГК Армении, но, по нашему мнению, является неверным, противоречит предназначению диспозитивных норм действующей модели гражданского права, а также, применительно к Республике Беларусь, содержанию норм, закрепленных в ч. 2 п. 3. ст. 391 ГК

Так, диспозитивные нормы первого типа наряду с тем, что предоставляют сторонам возможность изменения их содержания в рамках установленного гражданского правопорядка, направлены на устранение правового вакуума во взаимоотношениях сторон, что, в свою очередь, является гарантией эффективной судебной защиты нарушенных прав и законных интересов участников экономических отношений в случае их обращения в суд за защитой.

«…Диспозитивная норма, − отмечает А. С. Пиголкин, − это сложная норма, где органически сочетаются два самостоятельных правила поведения. Одно правило − это предоставление правомочия сторонам действовать в конкретных условиях по собственному усмотрению, другое же правило, имеющее самостоятельное значение, − это предписание

действовать определенным образом в случае, если стороны правоотношения сами не определили свои права и обязанности» [322, с. 6].

Применительно к анализируемой норме (п. 2 ст. 426 ГК) исключение ее применения по соглашению сторон в случае возникновения спора в суде будет являться препятствием к надлежащему разрешению судом спорного правоотношения[21], из чего следует, что стороны могут изменить диспозитивную норму, т. е. создать модель поведения, необходимую им в конкретной правовой связи, указав на состав и качество принадлежностей и документов либо на их отсутствие и т. п., но не могут исключить применение диспозитивной нормы[22].

Аналогичный вывод применим ко всем диспозитивным нормам первого типа, закрепленным в ГК. При этом следует еще раз отметить, что нормы, закрепленные в ч. 2 п. 3 ст. 391 ГК «Свобода договора», в отличие от аналогичных норм ГК России, Казахстана и Армении предоставляют сторонам возможность изменения диспозитивной нормы своим соглашением и не предусматривают возможность исключения ее применения, что, по нашему мнению, в большей степени соответствует предназначению диспозитивных норм. В заключение следует отметить, что диспозитивные нормы, отнесенные нами к первому типу предоставляют субъектам гражданского права наибольшие возможности моделирования правил участия в возникающем между ними правоотношении, т. е. обладают наибольшей диспозитивностью, ограниченной общими требованиями гражданского правопорядка.

2. Диспозитивные нормы второго типа так же, как и нормы первого типа предусматривают возможность их изменения, но, во-первых, в отличие от последних ограничивают пределы собственного усмотрения сторон закреплением минимально необходимого требования к содержанию правоотношения и, во-вторых, обусловливают возможность изменения норм непосредственно их содержанием (например, п. 2. ст. 563 ГК[23]). В приведенном примере стороны могут увеличить

---

[21] Например, одна из сторон будет требовать передачи вещи с принадлежностями и документами, а вторая настаивать на том, что товар должен быть передан без принадлежностей и документов. При отсутствии права применять диспозитивную норму по умолчанию и соответствующего соглашения сторон, определяющего иную модель поведения, разрешение спора по существу становится затруднительным.

[22] Соответствующие статьи ГК России (ст. 456), ГК Казахстана (ст. 408) и ГК Армении (ст. 472) имеют аналогичное содержание и, следовательно, их применение в названных правопорядках несмотря на наличие нормы, предусматривающей такой вариант поведения сторон, также не может быть исключено соглашением сторон во избежание возникновения непреодолимого правового пробела в их взаимоотношениях.

[23] Такой отказ действителен при условии, что он заявлен плательщиком ренты в письменной форме не позднее чем за три месяца до прекращения выплаты ренты или за более длительный срок, предусмотренный договором постоянной ренты.

срок предупреждения об отказе от выплаты ренты, но не могут изменить форму предупреждения (письменная), исключить необходимость предупреждения как таковую либо установить срок предупреждения меньший, чем предусмотрен анализируемой нормой.

Наряду с нормой, закрепленной в п. 2. ст. 563, в ГК содержатся и некоторые другие нормы аналогичного действия, допускающие собственное усмотрение сторон (ч. 2 п. 3 ст. 563[24], п. 2 ст. 568[25], п. 2 ст. 573[26], п. 3 ст. 585[27] ГК) и направленные на создание минимально необходимых с позиции государства требований к организации соответствующих правоотношений, не предполагающие возможность их исключения по соглашению сторон[28].

Нормы анализируемого типа в целом направлены на защиту интересов слабой стороны соответствующего договорного правоотношения. При этом допустимые пределы изменения указанных диспозитивных норм (пределы диспозитивности) ограничены как самой нормой, так и императивными нормами, закрепленными в ст. 2 и 9 ГК, а также общим требованием соответствия правоотношения установленному правопорядку (например, недействительным по требованию заинтересованного субъекта будет признано следующее договорное условие: «*отказ от выплаты ренты путем ее выкупа не допускается в период жизни плательщика ренты*»).

Таким образом, диспозитивные нормы, включенные нами во второй тип, обладают меньшим объемом диспозитивности, чем нормы первого типа, т. е. ограничивают собственное усмотрение сторон правоотношения закрепленными в норме минимальными или максимальными пределами, что служит цели предоставления правовых гарантий определенного развития соответствующего экономического отношения с учетом минимальных экономических интересов слабой стороны гражданско-правовой связи.

3. Диспозитивные нормы, включенные нами в третий тип, наряду с тем, что допускают собственное усмотрение сторон, в отличие от норм

---

[24] Договором может быть предусмотрено, что право на выкуп постоянной ренты не может быть осуществлено при жизни получателя ренты либо в течение иного срока, не превышающего тридцати лет с момента заключения договора.

[25] Размер пожизненной ренты, определяемый в договоре, в расчете на месяц должен быть не менее размера базовой величины, установленного законодательством.

[26] При этом стоимость общего объема содержания в месяц не может быть менее двукратного размера базовой величины, установленного законодательством.

[27] Если иное не предусмотрено договором, размер арендной платы может изменяться по соглашению сторон в сроки, предусмотренные договором, но не чаще одного раза в год.

[28] Аналогичные диспозитивные нормы закреплены, например, в ГК Казахстана (п. 2. ст. 526, ч. 2. п. 3 ст. 526, п. 2 ст. 531, п. 2 ст. 536); Узбекистана (ст. 521, 526); России (ст. 592, 597, 602); Армении (п. 4 ст. 581).

первого типа ограничивают свободу собственного усмотрения участников правоотношения содержанием диспозитивной нормы, но в отличие от норм второго типа не ограничивают пределы такого усмотрения, определяемые исключительно императивными нормами, закрепленными в ст. 2 и 9 ГК, а также общим требованием правомерности поведения субъектов гражданского права.

В качестве примера диспозитивных норм третьего типа может служить норма ч. 2 п. 2 ст. 581 ГК[29] (ст. 610 ГК России; ст. 540 ГК Узбекистана; ст. 612 ГК Армении)[30], допускающая изменение установленного срока предупреждения о дате расторжения договора аренды, но непосредственно не устанавливающая пределов такого изменения. При этом анализируемая норма сконструирована таким образом, что не допускает возможность исключения ее применения по соглашению сторон, равно как не предусматривает возможность заключения договора аренды с условием о его расторжении без определенного сторонами срока предупреждения о дате расторжения. Следовательно, анализируемая норма ограничивает собственное усмотрение сторон обязательным указанием на срок предупреждения, т. е. своим содержанием[31].

Приведенный пример указывает, что в целях создания наиболее благоприятных правовых условий осуществления экономической деятельности законодатель использовал такую конструкцию правовой нормы, которая гарантирует определенные условия участия в гражданско-правовом отношении даже в том случае, когда участники такого отношения в силу, например, юридической безграмотности не определят порядок взаимодействия друг с другом в предусмотренных диспозитивной нормой обстоятельствах.

Следовательно, диспозитивные правовые нормы анализируемого типа снабжены своеобразным правовым механизмом, в любом случае гарантирующим определенный минимально необходимый государству ход развития договорного правоотношения.

---

[29] Законодательством или договором может быть установлен иной срок для предупреждения о прекращении договора аренды, заключенного на неопределенный срок.

[30] Норма, регулирующая анализируемые отношения, закрепленная в ГК Казахстана (ч. 2. п. 2 ст. 545) сформулирована как норма первого типа, указывающая «… если законодательными актами или договором не установлено иное», чем предоставляет сторона большую свободу выбора вариантов развития их правовой связи, ограниченную общими условиями правомерности поведения.

[31] Исключает возможность заключения договор аренды с юридически действительным условием, согласно которому договор будет подлежать расторжению немедленно по заявлению любой из сторон без какого-либо срока предупреждения о дате его расторжения. В случае включения в договор подобного условия оно по заявлению заинтересованной стороны будет признано судом противоречащим установленному гражданскому правопорядку и, соответственно, недействительным согласно нормам ст. 169 ГК.

Наряду с указанной выше к третьему типу нами отнесены диспозитивные нормы, закрепленные в следующих статьях ГК:

– ст. 94 ГК[32] (ч. 2. п. 2 ст. 84 ГК Казахстана, ст. 105 ГК Армении; ст. 63 ГК Узбекистана), нормы которой допускают возможность изменения установленного порядка распределения ответственности между участниками общества, но указывают на то, что такой порядок обязательно должен быть установлен и, соответственно, не предусматривают возможность исключения применения анализируемой нормы соглашением сторон, так же как не предусматривают возможность отстранения от ответственности кого-либо из участников общества, не исключая при этом возможности установления иных пропорций такой ответственности.

Аналогичные нормы закреплены в п. 3 ст. 109, п. 1 ст. 238 ГК;

– ст. 259 (п. 1)[33] ГК (ст. 256 ГК России, ст. 223 ГК Казахстана)[34], нормы которой устанавливают возможность супругов изменять режим общей совместной собственности имущества, нажитого в браке, исключают возможность использования имущества без установленного ГК или соглашением сторон правового режима и, соответственно, не допускают возможность исключения применения анализируемых норм соглашением между супругами;

– ст. 295 (ч. 2 п. 2)[35] ГК (ст. 314 ГК России; ст. 277 Казахстана; ст. 352 ГК Армении), нормы которой определяют безусловную необходимость либо применения сроков исполнения обязательства, установленных анализируемыми нормами, либо установления иного срока в обязательстве, т. е. по соглашению сторон, и не допускающие исключения их применения, т. е. существования обязательства без закрепления в нем обязанности исполнения в иной (отличный от уста-

[32] При экономической несостоятельности (банкротстве) одного из участников его ответственность по обязательствам общества распределяется между остальными участниками пропорционально их вкладам, если иной порядок распределения ответственности не предусмотрен уставом общества.

[33] Имущество, нажитое супругами во время брака, находится в их совместной собственности, если договором между ними не установлен иной режим этого имущества.

[34] Аналогичная норма, закрепленная в ст. 201 ГК Армении, относится к нормам первого типа и, соответственно, указывает не на возможность установления иного режима имущества, а на возможность установления соглашением сторон «…иного», ограничивающая усмотрение сторон общими требованиями гражданского правопорядка, но не содержанием соответствующей нормы.

[35] Обязательство, не исполненное в разумный срок, а равно обязательство, срок которого определен моментом востребования, должник обязан исполнить в семидневный срок со дня поступления письменного требования кредитора о его исполнении, если обязанность исполнения в другой срок не вытекает из акта законодательства, условий обязательства или существа обязательства.

новленного анализируемыми нормами) срок. Аналогичные условия применения предусмотрены нормами, закрепленными в ч. 2 п. 1 ст. 298, ч. 2 п. 1 ст. 366 ГК.

Таким образом, диспозитивные нормы третьего типа обладают меньшим объемом диспозитивности, чем нормы первого типа, т. е. в отличие от последних ограничивают собственное усмотрение сторон правоотношения непосредственно содержанием нормы, но большим объемом, чем нормы второго типа, закрепляющие одностороннее действие диспозитивности с установленным минимальным или максимальным требованием к содержанию правоотношения.

Изложенное позволяет констатировать факт, что, применительно ко всем трем типам диспозитивных норм, конструкция диспозитивных правовых норм ГК, а также ГК Армении, Казахстана, России, как стран, являющихся ближайшими экономическими партнерами Республики Беларусь и членами ЕАЭС, не предполагает возможности их полного правомерного игнорирования, т. е. исключения применения по соглашению сторон, что указывает на необходимость обязательного применения закрепленных в ГК диспозитивных норм либо в неизменном виде, предложенном законодателем, либо в измененном виде, согласованном сторонами договорного правоотношения, но в пределах диспозитивности, присущей каждому типу диспозитивных норм[36].

При этом стороны договора на основании своего соглашения не могут:

– применительно к нормам первого типа выходить за пределы гражданского правопорядка, определенного императивными нормами, закрепленными в ст. 2 и 9 ГК, а также общих требований правомерности гражданских правоотношений;

– второго типа – выходить за пределы содержания нормы, игнорировать минимальные или максимальные пределы изменения, закрепленные в норме, и обязаны учитывать общие требования правомерности гражданских правоотношений;

– третьего типа – выходить за пределы содержания нормы и обязаны учитывать общие требования правомерности гражданских правоотношений.

Изложенное позволяет утверждать, что диспозитивные нормы:

– всех трех типов выполняют восполнительную функцию, выра-

[36] Изложенное позволяет констатировать, что закрепленные в ГК Армении, Казахстана, России нормы (ч. 2. п. 4 ст. 421 ГК России, ч. 2 п. 1 ст. 382 ГК Казахстана, п. 5 ст. 437 ГК Армении), указывающие на возможность сторон исключить диспозитивную норму своим соглашением, нельзя признать соответствующими действующей модели гражданско-правового регулирования.

женную в обязательности их применения в том случае, если стороны соответствующей правовой связи не согласуют иные условия участия в гражданском правоотношении и, следовательно, направлены на устранение правового вакуума в конкретном сегменте гражданско-правовых отношений;

– второго и третьего типов наряду с восполнительной функцией наделены функцией, позволяющей государству ограничить пределы изменения диспозитивной нормы ее содержанием (нормы второго и третьего типа), а также устанавливают пределы собственного усмотрения сторон минимальными (п. 2 ст. 568, п. 2 ст. 573 ГК) или максимальными (ч. 2 п. 3 ст. 563 ГК) пределами (нормы второго типа).

Таким образом, нормы анализируемых типов наряду с тем, что способствуют устранению правового вакуума в случае умолчания сторон правоотношения, гарантируют выполнение участниками экономических отношений минимально необходимых с позиции государства требований к содержанию правоотношения, т. е. наряду с восполнительной функцией в рамках применяемого, в целом диспозитивного метода правового регулирования выполняют гарантийную функцию[37].

Приведенная трихотомия диспозитивных гражданско-правовых норм, в свою очередь, дифференцируется на две формы диспозитивности – абсолютную и относительную, на что указывает О. А. Красавчиков [323, с. 47]. Применительно к предложенной нами классификации абсолютную форму диспозитивности представляют нормы первого типа, непосредственно не ограничивающие собственное усмотрение сторон какими-либо вариантами поведения, которое определяется нормами, закрепленными в ст. 2 ГК, а также смыслом гражданского права. Относительная форма диспозитивности выражена нормами второго и третьего типов, изначально ограничивающими варианты их изменения либо содержанием диспозитивной нормы (нормы третьего типа), либо содержанием нормы и установлением границ возможного изменения (нормы второго типа).

Предложенная классификация диспозитивных норм предоставляет юридически значимую информацию, использование которой в ходе совершенствования действующей системы гражданского права будет способствовать установлению необходимого баланса частных и публичных интересов в процессе осуществления экономической деятельности и моделирования субъектами гражданского права своих право-

[37] Например, норма п. 2 ст. 563 ГК гарантирует минимальный срок предупреждения об отказе от выплаты ренты; п. 2 ст. 568 – минимальный размер рентных платежей по договору пожизненной ренты; п. 2 ст. 573 – минимальный размер рентных платежей по договору пожизненного содержания с иждивением.

отношений в рамках условно применяемого диспозитивного метода правового регулирования.

Далее встает вопрос, могут ли признаваться диспозитивными иные нормы гражданского права, не наделенные указанными выше формальными признаками, и все ли нормы, обладающие необходимым формальным признаком, являются диспозитивными?

В частности, Э. А. Евстигнеев высказывает предположение, что «…наличие оговорки “если иное не предусмотрено договором”… не всегда означает диспозитивность нормы. Например, подобное может иметь место, когда одной из сторон договора выступает гражданин-потребитель и противоположная сторона использует диспозитивность нормы для ухудшения его положения» [324, л. 133].

С таким предположением нельзя согласиться. В приведенном примере следует вести речь не о признании нормы, позволяющей сторонам договора изменять ее своим соглашением (диспозитивной нормы), императивной, что, по мнению Э. А. Евстигнеева, необходимо для защиты слабой стороны договора, а о применении других правовых механизмов защиты. В частности, если профессиональный участник хозяйственной деятельности (предприниматель), определяя условия договора, применит диспозитивную норму в целях ухудшения правового положения гражданина-потребителя, следует ставить вопрос о добросовестности поведения субъекта, которая предписывается нормами п. 3 и 4 ст. 1 ГК Российской Федерации, а также рассматривать вопрос о применении норм, закрепленных в п. 1 ст. 10 ГК Российской Федерации, запрещающих заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав (см. ст. 9 ГК, ст. 8 ГК Казахстана, ст. 12 ГК Армении).

Наряду с примером применения диспозитивной нормы по правилам императивной Э. А. Евстигнеев приводит и обратный пример. В частности, в качестве одного из случаев применения нормы, являющейся формально императивной, но, по мнению ученого, подлежащей применению по правилам диспозитивной, Э. А. Евстигнеев называет правило, закрепленное в п. 2 ст. 615 ГК Российской Федерации, указывая следующее: «…сама судебная практика… складывается таким образом, что… свидетельствует о необходимости воспринимать исследуемое положение как диспозитивное» [324, л. 142], приводя в качестве подтверждения своего вывода выдержку из информационного письма ВАС Российской Федерации от 11 января 2002 г. № 66. Так, Э. А. Евстигнеев отмечает: «Наряду с признанием п. 2. ст. 615 ГК императивным, ВАС РФ указывает, что данная норма “не устанавливает порядок и форму дачи арендодателем согласия на совершение арендатором сделок субаренды… Следовательно, по воле сторон договора аренды

согласие арендодателя может быть выражено в самом договоре, что освобождает арендатора от обязанности получать такое согласие на каждую конкретную сделку”» [324, л. 142; 325, п. 19], что не вызывает возражений. Дальнейшие рассуждения ученого сводятся к тому, что если сторонам разрешено фиксировать в договоре заранее выраженное согласие арендодателя на совершение арендатором в будущем неограниченного количества сделок субаренды, то это, по мнению Э. А. Евстигнеева, равнозначно закреплению в договоре условия о праве арендатора совершать указанные сделки без согласия арендодателя. «В такой ситуации, – отмечает Э. А. Евстигнеев, – когда оба механизма приводят к идентичному результату, запрет на согласование такого условия (условия о праве арендатора совершать сделки субаренды без согласия арендодателя. – *Примеч. авт.*) объясним исключительно формальным подходом к разделению норм [324, л. 142].

С выводами Э. А. Евстигнеева согласиться нельзя. Комментируя приведенные рассуждения, следует отметить, что закрепление в договоре согласия арендодателя на заключение арендатором в период действия договора аренды неограниченного количества договоров субаренды, так же как и закрепление в договоре права арендатора заключать договоры субаренды без согласия арендодателя, имеют абсолютно равное юридическое значение, а именно выражают предварительное генеральное (применимое ко всем последующим случаям) согласие арендодателя на распоряжение его имуществом арендатором в период действия договора аренды и, соответственно, не предполагают изменение подходов к применению императивной нормы, закрепленной в п. 2 ст. 615 ГК Российской Федерации.

При этом нельзя отождествлять запрет распоряжения арендованным имуществом арендатором без согласия арендодателя, косвенно установленный императивной нормой, закрепленной в п. 2 ст. 615 ГК Российской Федерации, со случаем закрепления в договоре аренды условия, позволяющего арендатору распоряжаться арендованным имуществом без согласия арендодателя. Это, как уже отмечалось, юридически равно выраженному арендодателем согласию на совершение таких сделок в период действия договора, что не запрещено анализируемой нормой.

Далее следует отметить, что в ГК наряду с нормами, обладающими названными выше ярко выраженными признаками диспозитивности, закреплен ряд правовых норм, отсылающих к законодательству или договору, заключенному между сторонами, либо только к договору, либо предоставляющих сторонам иной вариант выбора поведения.

Например, ст. 7[38], 17[39], 28[40], 426[41], 428[42], 439[43], 590[44] ГК и многие др. Встает вопрос, можно ли рассматривать приведенные и другие аналогичные нормы в качестве диспозитивных либо они являются императивными и подлежат применению по соответствующим правилам.

Приведенные нормы можно классифицировать на две группы:

1) первая группа норм предоставляет дополнительные возможности, предусмотренные законодательством (ст. 10[45], ст. 11[46] ГК и др.);

2) вторая группа – предусмотренные договором (ч. 3. п. 2 ст. 47-1[47], п. 1 ст. 68[48], п. 1 ст. 69[49] ГК и др.). В статьях, закрепляющих нормы второй группы как правило наряду с указанными содержатся и нормы первой группы (ч. 3. п. 2 ст. 47[1]).

Из содержания указанных и иных аналогичных норм ГК (ГК Армении, Казахстана, России) следует, что они допускают некоторую вариативность поведения субъектов гражданского права, но не устанавливают возможность участников правоотношения изменить содержание конкретной нормы своим соглашением в пределах, допускаемых соответствующим типом диспозитивной нормы, а предоставляют субъектам дополнительные возможности по отношению к стандартно уста-

---

[38] Гражданские права и обязанности возникают… *из договоров и иных сделок*, предусмотренных законодательством, а также из договоров и иных сделок, *хотя и не предусмотренных законодательством*, но не противоречащих ему…

[39] Граждане могут в соответствии с законодательством иметь… иные имущественные и личные неимущественные права.

[40] Банковскими вкладами (депозитами), внесенными кем-либо на имя малолетних, распоряжаются их родители… а также вкладчик (в случаях, предусмотренных законодательством или договором).

[41] …продавец обязан… одновременно с передачей товара передать покупателю… относящиеся к нему документы… предусмотренные законодательством или договором.

[42] …обязанность продавца передать товар покупателю считается исполненной в момент:

1) вручения товара покупателю… если договором предусмотрена обязанность продавца по доставке товара;

[43] По соглашению между продавцом и покупателем может быть передан товар, соответствующий повышенным требованиям к качеству…

[44] Договором аренды могут быть установлены и другие основания досрочного расторжения договора…

[45] …а в предусмотренных законодательством случаях – в соответствии с договором.

[46] …иными способами, предусмотренными законодательством.

[47] В уставный фонд коммерческой организации не может быть внесено имущество, если право на отчуждение этого имущества ограничено собственником, законодательством или договором.

[48] Учредительным договором товарищества могут быть предусмотрены случаи, когда решение принимается большинством голосов участников.

[49] Каждый участник полного товарищества вправе действовать от имени товарищества, если учредительным договором не установлено, что все его участники ведут дела совместно либо ведение дел поручено отдельным участникам.

новленным и применительно к действующей модели гражданского права должны рассматриваться как императивные[50].

Приведенная норма предоставляет сторонам право самостоятельно определять указанные нормой параметры отступного, является императивной исходя из общепризнанных цивилистикой признаков диспозитивности нормы, не устанавливает возможность сторон своим соглашением изменить смысл норм, закрепленных в ст. 380 ГК, например, установить запрет на достижение соглашения об отступном, и косвенно устанавливает запрет кому-либо вмешиваться в деятельность сторон договора об определении параметров отступного. Однако на территории Российской Федерации в соответствии с нормами постановления № 16 арбитражные суды применяют другие подходы к определению императивности и диспозитивности норм гражданского права, что, по нашему мнению, негативно сказывается на стабильности гражданского оборота, получило соответствующее освещение в российской науке гражданского права [326–329 и др.] и может оказать негативное влияние на развитие цивилистики и судебной практики Республики Беларусь как ближайшего соседа Российской Федерации и члена ЕАЭС.

Так, арбитражным судам России нормами постановления № 16 предписано рассматривать любую норму, не содержащую указания на возможность изменения ее содержания соглашением сторон (не обладающую указанным выше классическим признаком диспозитивности) в качестве диспозитивной, за исключением тех норм, которые:

– содержат явно выраженный запрет на их изменение соглашением сторон[51];

– если исходя из целей правового регулирования признание нормы императивной необходимо[52]:

а) для защиты особо значимых охраняемых законом интересов;

б) недопущения грубого нарушения баланса интересов сторон;

– императивность нормы вытекает из существа правового регулирования соответствующего вида договора [298].

Согласиться с таким подходом применительно к действующей модели гражданского права, по нашему мнению, нельзя в связи с тем, что

---

[50] *Например*, ст. 380 ГК: «Размер, сроки и порядок предоставления отступного устанавливаются сторонами».

[51] *Например*, ст. 199 ГК: «Сроки исковой давности и порядок их исчисления не могут быть изменены соглашением сторон».

[52] Две ниже приведенные нормы содержат оценочные понятия, токование которых основано исключительно на субъективном усмотрении судьи, рассматривающего дело, что не способствует стабильному, единообразному применению одной и той же нормы при разрешении дел разными судами.

«…во-первых, при составлении договора субъекты права никогда не могут быть уверены в том, что впоследствии при необходимости обращения в суд он будет признан корректным и действительным; во-вторых, слишком большая ответственность возлагается на суд, тем более что подобные решения могут впоследствии браться за образец в качестве прецедентов и формировать соответствующие обыкновения при разрешении аналогичных дел» [330, с. 69].

По сути, предоставленная судам Российской Федерации возможность изменения классического, сформированного учеными не одного поколения и закрепленного в ГК (ст. 391; ст. 421 ГК России) подхода к определению императивных и диспозитивных норм и к порядку их применения в действующей модели гражданского права подрывает стабильность гражданского оборота, препятствует договорной работе, создает предпосылки недобросовестного обращения в суд с требованием о признании диспозитивной нормы императивной и наоборот, т. е. с требованием об изменении подхода к согласованию условий договора, примененного сторонами на стадии его заключения, по причинам спекулятивного свойства.

«Нельзя ставить в зависимость от сторон договора, их юридических познаний определение характера нормы. В таком случае одна и та же норма может по-разному трактоваться сторонами, исходя из своей выгоды, что не способствует стабильности оборота» [331, л. 29]

Изложенный в постановлении № 16 подход, отмечает Г. А. Ожегова, «…излишне идеализирует принцип свободы договора и при недобросовестности участников гражданских правоотношений может быть направлен на нарушение иных принципов… многие положения носят оценочный характер, дают право суду выбора различных вариантов решения, толкования условий договора и норм права… сложно однозначно сказать относительно положительного влияния этих положений на гражданский оборот» [332, с. 75].

Кроме того, как указывалось выше, в настоящее время в теории права и теории цивилистики, в том числе и в учебной литературе, применяется подход, согласно которому «диспозитивная норма права – норма права, содержащая относительно определенные диспозиции, т. е. правила поведения, которые подлежат конкретизации и уточнению по соглашению сторон, регулируемых этими нормами отношений или по выбору субъекта права. Термин “диспозитивный”… букв. означает “допускающий выбор”» [333].

Изложенное позволяет нам принять позицию, согласно которой диспозитивными мы признаем только нормы, обладающие соответствующим общепринятым цивилистикой признаком, закрепленным

в ч. 2 п. 3 ст. 391 ГК, т. е. нормы, содержащие прямое указание на возможность изменения их содержания соглашением сторон будущей правовой связи. Такой подход применительно к действующей модели гражданского права в большей степени способствует стабильному развитию гражданско-правовых отношений, начиная со стадии заключения договора, минимизирует применение в случае разрешения спора в суде субъективного оценочного подхода суда к содержанию условий договора и, следовательно, позволяет субъектам еще на стадии вступления в договорные отношения предполагать, что воспринимаемые ими нормы как диспозитивные, т. е. нормы, позволяющие изменять их содержание, также будут восприниматься судом на стадии судебного разбирательства.

Проведенное исследование позволяет утверждать, что предназначение диспозитивных норм состоит в том, что государство на основании использования существующего опыта возникновения, развития и прекращения гражданско-правовых отношений (правоприменительной практики) вырабатывает наиболее оптимальную модель их динамики и предлагает ее в качестве альтернативной. Диспозитивная конструкция альтернативной модели поведения не является обязательной для применения субъектами гражданского права и может быть изменена ими с учетом субъективных интересов каждого в пределах, установленных либо диспозитивной нормой, либо основными началами и смыслом гражданского права.

Конструкция диспозитивной нормы, наряду с предоставлением субъектам гражданского права определенной возможности моделирования своих правоотношений, выполняет восполнительную функцию, а нормы второго и третьего типа, наряду с этим, обладают гарантийным механизмом, направленным на недопущение их полного игнорирования. В связи с изложенным можно констатировать, что диспозитивная норма подлежит обязательному применению либо в том виде, который предложен законодателем, либо в виде, измененном сторонами гражданского правоотношения, но в пределах, допустимых диспозитивной нормой или императивными нормами, закрепленными в ст. 2 ГК, а также смыслом гражданского права. Таким образом, учитывая приведенную конструкцию диспозитивных правовых норм второго и третьего типов, а также пределы их регулятивного воздействия на участников гражданско-правовых отношений, за указанными нормами наряду с восполнительной следует признать гарантийную функцию [34-А, с. 96]. При этом восполнительная и гарантийная функции диспозитивных норм являются правовым инструментом, используемым государством в рамках «либертарного патернализма», применяемого с целью на-

правления (подталкивания) субъектов гражданского права к желаемому государством результату [334, л. 52].

Проведенное исследование диспозитивных правовых норм, их классификация на три типа и выявление наряду с восполнительной гарантийной функции диспозитивных правовых норм второго и третьего типов позволяют нам предложить определение диспозитивной нормы гражданского права, под которой следует понимать *разработанную государством, законодательно закрепленную, обязательную для применения единичную модель разрешенного поведения, применяемую по умолчанию в неизмененном виде, допускающую ее изменение в пределах, установленных диспозитивной нормой, и гарантирующую минимально необходимый государству вариант поведения субъектов.*

3.3 НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ, ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ И ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ИМПЕРАТИВНЫХ НОРМ

Цели гражданско-правового регулирования экономических отношений, необходимость поддержания гражданского правопорядка, соответствующего направлению политического и экономического развития государства и общества, неизменно присутствующий в экономических отношениях публичный интерес обусловили необходимость включения в систему гражданского права императивных правовых норм. При этом, как отмечалось выше, императивные нормы находятся в ГК в большинстве, что предопределено построением модели гражданского права в соответствии с принципами приоритета общественных интересов и социальной направленности экономической деятельности и, по нашему мнению, обусловлено наследием советской административно-командной системы управления экономикой.

Предназначение и процедура применения императивных норм, закрепленных в ГК, существенно отличаются от предназначения и процедуры применения норм диспозитивных. Это послужило основанием выделения в нашем исследовании императивных норм в самостоятельную группу правовых средств, включенных в состав гражданского права, используемого государством в процессе регулятивного воздействия на участников экономической деятельности. При этом обеспечение условий эффективного развития экономики следует признать одной из приоритетных государственных задач, решению которой и спо-

собствуют императивные нормы ГК. «Императивность, – утверждает Т. И. Илларионова, – обусловливает охранительное воздействие, обеспечивает возможность осуществления контрольных функций государства в сфере реализации договорных и иных отношений» [335, с. 89–90].

Факт включения в состав гражданского права норм, имеющих императивную конструкцию, по нашему мнению, обусловлен наличием двух основных обстоятельств:

– во-первых, тем, что в общественных отношениях, выступающих в качестве предмета гражданско-правового регулирования, сталкиваются частные и публичные (государственные) интересы, требующие обязательной реализации;

– во-вторых, тем, что на государство возложена функция поддержания правопорядка и защиты прав и законных интересов своих граждан. Причем интерес государства в надлежащем развитии общественных отношений, регулируемых нормами гражданского права, занимает не меньшую долю, чем интерес частный, интерес отдельных субъектов, которые, в свою очередь, заинтересованы в эффективной деятельности государства по защите их прав и законных интересов. Следовательно, во вмешательстве государства в частные дела посредством включения в состав гражданского права императивных правовых норм заинтересовано как государство, общество, так и отдельные его члены, их коллективы. «…Публичный интерес, − отмечает К. И. Скловский, − это не что-то глубоко священное и бесконечно важное, безусловно подавляющее все иные формы социальности… Публичный интерес отличается от частного не качественно, а количественно, выражая известный общий интерес, совокупность частных интересов того или иного коллектива или социума» [336, с. 35].

Необходимость и целесообразность учета публичного интереса в процессе гражданско-правового регулирования экономических отношений обосновывается в юридической литературе [337–341 и др.].

«…Категория императивности, – указывает Ю. В. Грушевская, – представляет собой феномен присутствия в гражданском праве категоричных повелений (запретов и позитивных обязываний), заключенных в нормах-принципах, дефинитивных нормах и нормах, устанавливающих юридические обязанности и закрепляющих основные юридические права, как результат воздействия императивного метода правового регулирования на общественные отношения путем установления юридических ограничений» [284, л. 21].

«Преимущественно через ограничения в широком смысле слова как совокупности запретов и позитивных обязываний, императивный ме-

тод и воздействует на общественные отношения, входящие в предмет гражданского права» [284, л. 40].

Если с присутствием в гражданском праве категоричных повелений, выраженных через императивные правовые нормы, содержащие запреты и позитивные обязывания, можно согласиться, то утверждение Ю. В. Грушевской, что на гражданско-правовые отношения воздействует императивный метод правового регулирования, не представляется бесспорным. Так, согласно точке зрения, высказанной С. С. Алексеевым, под методом правового регулирования следует понимать совокупность «…приемов юридического воздействия, их сочетаний, характеризующих использование в данной области общественных отношений того или иного комплекса юридического инструментария, средств юридического воздействия» [342, с. 294], с чем следует согласиться. При этом необходимо отметить, что в соответствии с разработанной советскими учеными [343–348] и применяемой в настоящее время предметно-методологической концепцией деления права на отрасли каждой совокупности правовых норм, составляющих самостоятельную отрасль правового регулирования, присущ один из двух основных методов правового регулирования − императивный или диспозитивный. Это не исключает возможности применения в рамках одного метода «того или иного комплекса юридического инструментария, средств юридического воздействия», на что указывает С. С. Алексеев, в том числе одновременного применения как императивных, так и диспозитивных правовых норм, что, в частности, реализовано в системе гражданского права. Использование двух методов в ходе формирования одной отрасли права следует признать синкретичным и, следовательно, недопустимым, что обусловлено абсолютно противоположными подходами к правовому воздействию на участников соответствующих общественных отношений, которые (подходы) выражены двумя абсолютно противоположными по значению формулами:

– для императивного метода применяется формула «запрещено все, что прямо не разрешено правовыми нормами»;

– для диспозитивного метода применяется формула «разрешено все, что прямо не запрещено правовыми нормами». «Общественный принцип – дозволено все, что не запрещено законом – фундамент частного права» [86, с. 66].

Очевидно, что использование двух противоположных по смыслу формул одновременно в рамках одной отрасли права и, следовательно, построение общей модели правового регулирования, именуемой гражданским правопорядком, с использованием двух кардинально противоположных методов − метода координации и метода субординации

(диспозитивного и императивного методов) − не представляется возможным. «Императивный метод… − отмечает С. П. Маврин, − применяется для воздействия на отношения, строящиеся на началах власти и подчинения их субъектов, он характерен для публичных отраслей… Диспозитивный метод предполагает равенство сторон и применяется в сфере действия отраслей частного права» [349, с. 206]. Согласно утверждению С. П. Маврина, вывод о применении двух методов правового регулирования в процессе формирования одной отрасли права либо о наличии диспозитивно-императивного метода правового регулирования «является… как теоретически, так и практически бесполезным, в том числе и для определения места конкретной отрасли права в системе… права. Его бесполезность состоит в том, что, фактически являясь смесью частноправовых и публично-правовых приемов регулирования, он сам не может служить хотя бы сколько-нибудь четким, надежным и эффективным критерием для отграничения предмета одной отрасли от смежных общественных отношений» [349, с. 207−208]. «Отраслевой метод, – отмечает В. Ф. Яковлев, – концентрирует в себе основные юридические свойства отрасли, предопределенные социальным содержанием регулируемых отношений» [350, с. 44]. При этом, согласно утверждению Т. И. Илларионовой, общими отраслевыми целями гражданско-правового регулирования являются «…обеспечение правового равенства субъектов, их диспозитивности… и т. п.» [351, с. 34].

Приведенные высказывания известных цивилистов также свидетельствуют о едином, диспозитивном, методе правового регулирования, подлежащем применению при построении современной модели гражданского права. На применение единого дозволительного метода в гражданском праве указывает И. О. Обиход [352, с. 385].

Таким образом, при условно применяемом в действующей модели гражданского права диспозитивном методе гражданско-правового регулирования нормативными предписаниями, побуждающими субъектов гражданского права к определенному варианту поведения, являются императивные гражданско-правовые нормы, которые, по сравнению с императивными нормами публично-правовых отраслей, имеют некоторые отличительные особенности по регулятивному воздействию и процедуре применения, что обусловлено спецификой общей направленности гражданско-правового регулирования и его целями.

Императивные нормы гражданского права отличаются от диспозитивных используемыми в них формулировками и предоставляемыми субъектам гражданского права возможностями. Так, если диспозитивная норма, что отмечалось выше, заканчивается указанием на возможность изменения ее содержания субъектами гражданского права и, по

сути, информирует субъекта о возможном правомерном поведении [353, с. 59], то императивная норма гражданского права предлагает единственный вариант поведения и, как таковая, не предоставляет субъектам гражданского права возможности изменения своего содержания их соглашением. Для императивных норм характерно категорическое, строго обязательное предписание на исполнение каких-либо действий или воздержание от них [131, с. 48].

Содержательно императивная норма представляет собой установленную государством единичную модель поведения, не содержащую каких-либо дополнительных указаний по ее применению, свойственных диспозитивным нормам. Непосредственно в силу отсутствия в самой норме указания на возможность ее изменения соглашением сторон правоотношения правовая норма признается императивной и подлежит неукоснительному исполнению, что отмечается в юридической литературе [354, с. 340]. Следовательно, отличительной особенностью императивных норм является то, что субъекты гражданского права, вступившие в гражданско-правовое отношение, либо, когда это необходимо, принявшие решение о применении императивной правовой нормы, включенной в нормативный правовой акт системы гражданского законодательства, обязаны в точности соблюдать ее предписания. При этом какое-либо самостоятельное моделирование процедуры участия в гражданском правоотношении, опосредованном императивной нормой гражданского права, не допускается.

Таким образом, императивные гражданско-правовые нормы используются, когда необходимо направить поведение субъектов гражданского права в нужном государству и обществу русле, создать правовые условия участия в экономической деятельности, гарантирующие желаемый правовой и фактический (экономический) результат [4-А, с. 109]. «…Оптимального баланса интересов государства, общества и личности возможно достигнуть только при ограничении… определенных возможностей…» [355, с. 20]. «…В основе природы императивных норм гражданского права лежит публичность, вернее направленность на защиту и охрану публичного интереса» [356, с. 160]. Однако в процессе исследования, включения в систему гражданского права в процессе формирования модели гражданско-правового регулирования и применения императивных норм необходимо учитывать не только их обязательный характер, но и те функции, которые возложены на указанные нормы государством при осуществлении регулятивного воздействия на участников экономических отношений, направленность и цели такого воздействия, а также применяемый при этом метод правового регулирования.

В частности, согласно нашим исследованиям [73-А, с. 19–22; 74-А, с. 210–214], в состав гражданского права включено несколько типов императивных норм, которые отличаются друг от друга в первую очередь направленностью регулятивного воздействия, на что указывает М. И. Брагинский, согласно справедливому утверждению которого императивные правовые нормы используются в гражданском праве для защиты: слабой стороны договорных правоотношений; интересов третьих лиц; действующего правопорядка и иных ценностей, имеющих особую общественную значимость [291, с. 92].

Утверждение М. И. Брагинского, а также содержание нашего исследования позволяют не согласиться с утверждением Ю. В. Грушевской о том, что «роль основного регулятора общественных отношений… исполняет именно императивный метод» [284, л. 32]. Это утверждение также опровергает В. Ф. Яковлев, по мнению которого, «не следует диспозитивность как прием регулирования связывать лишь с диспозитивными нормами. Императивные нормы гражданского права, предписывающие поведение в категорической форме, также обеспечивают действие диспозитивности» [204, с. 86]. Особенностью диспозитивного метода является то, что «обязывающие и запретительные нормы в гражданском праве включаются в общую цепь правонаделительного регулирования» [204, с. 73].

При этом общей целью включения императивных норм в систему гражданского права можно считать создание правовой основы необходимого государству гражданского правопорядка, гарантирующей приемлемую с точки зрения государства правовую модель поведения субъектов и предоставляющей соответствующие установленной модели правового регулирования гарантии правовой защищенности слабой стороне гражданско-правовых отношений, на что также указывается в научных исследованиях.

Так, А. В. Михайлов отмечает, что «…императивные нормы являются своеобразным правовым каркасом, структурирующим нормы гражданского права, определяющим рамки, внутри которых стороны и способны, реализуя свою правосубъектность, регулировать отношения по своему усмотрению» [258, л. 57−58]. В некоторой степени аналогичную точку зрения высказывает Ю. В. Грушевская, согласно утверждению которой «…в гражданско-правовом методе диспозитивность и императивность находятся в таком сочетании, в котором диспозитивность является определяющим началом координации поведения субъектов…» [284, л. 53] и при этом «…сосуществует с диспозитивностью в качестве ее границы…» [284, л. 54].

Кроме направленности регулятивного воздействия императивные нормы гражданского права необходимо отличаются друг от друга по обязательности их исполнения субъектами гражданского права, а также по процедуре применения.

В частности, по указанным критериям нами выделены императивные нормы, применяемые:

1) независимо от воли субъектов гражданского права во всех случаях участия в гражданско-правовых отношениях;

2) независимо от воли субъектов, на поведение которых направлено действие соответствующей нормы, но в определенных случаях и определенными субъектами, уполномоченными на применение нормы, которые, в свою очередь, могут отказаться от ее применения;

3) по воле субъектов, в отношении которых применяются и могут не применяться (игнорироваться) заинтересованными субъектами посредством добровольного отказа от реализации предоставленных такими нормами субъективных гражданских прав.

Таким образом, императивные нормы гражданского права, объединенные в самостоятельную группу в рамках группы, дифференцируются нами на три типа.

Юридической науке известны и другие классификации императивных норм гражданского права.

Так, Ю. В. Грушевская предлагает следующую классификацию императивных гражданско-правовых норм.

1. По характеру определенности: абсолютно-императивные и относительно-императивные.

2. По месту в системе гражданского права: общие и специальные.

3. По юридической технике закрепления: четкие и определяемые путем толкования.

4. По способу правового регулирования: нормы-запреты и нормы-предписания (позитивные обязывания).

5. По времени действия: постоянные и временные.

6. В зависимости от наличия или отсутствия в диспозиции императивной нормы материально-обязывающих правил: статические и динамические.

7. По результату действия: регулятивные и охранительные [284, л. 90−108].

Применительно к вышеприведенной классификации императивных правовых норм следует отметить, что она ничего нового в классификацию норм права, предлагаемую общей теорией права, не вносит и повторяет известные юридической науке классификационные группы, приведенные выше со ссылкой на источники опубликования.

Далее необходимо провести анализ императивных норм, отнесенных нами к каждому из трех типов, с целью установления пределов их регулятивного воздействия и предназначения в системе гражданского права, что «…может дать ясное представление о необходимом объеме и пределах экономической свободы для участников рыночных отношений, а также их законодательных гарантиях с целью обеспечения оптимального сочетания и гармонизации частных и публичных интересов» [357, с. 96].

1. *Первый тип* составляют императивные нормы, применение которых является обязательным для всех участников гражданско-правовых отношений вне зависимости от их воли.

К анализируемому типу нами отнесены нормы общего действия, служащие цели создания определенной, обязательной для субъектов гражданского права модели поведения, т. е. направленные на установление границ гражданского правопорядка. Указанные нормы не содержат запретов, не направлены непосредственно на защиту слабой стороны правоотношения и используются законодателем, например, с целью:

– закрепления определения понятия «предпринимательская деятельность» – ст. 1 ГК[53] (ст. 2 ГК Армении, ст. 10 ГК Казахстана, ст. 2 ГК России);

– определения состава нормативных правовых актов системы гражданского законодательства, закрепления их иерархического соотношения – ст. 3 ГК[54] (ст. 1 и 4 ГК Армении, ст. 3 ГК Казахстана, ст. 3 ГК России).

Подход законодателя, примененный к формированию указанных норм следует признать закономерным и направленным на исключение произвольного восприятия правоприменительными органами и участниками экономической деятельности соответствующих категорий, что способствует выработке единообразного подхода к процессу формирования условий будущего гражданского правоотношения, его исполнению и применению законодательства в случае возникновения спора в суде. Например, в случае обнаружения коллизии норм двух нормативных правовых актов, направленных на урегулирование одного и того же сегмента экономических отношений, закрепленные в ст. 3 ГК правила иерархического соподчинения нормативных правовых актов по

[53] Предпринимательская деятельность – это самостоятельная деятельность юридических и физических лиц, осуществляемая ими в гражданском обороте от своего имени, на свой риск и под свою имущественную ответственность…

[54] Гражданское законодательство – система нормативных правовых актов, которая включает в себя содержащие нормы гражданского права...

юридической силе гарантируют верный и единообразный выбор акта, подлежащего применению, так как не могут быть изменены соглашением сторон правоотношения, судом, а также не могут быть проигнорированы названными субъектами.

Императивные нормы первого типа по порядку применения схожи с императивными нормами публично-правовых отраслей и служат цели создания общей обязательной модели поведения субъектов гражданского права в рамках установленного государством гражданского правопорядка, основанного на диспозитивном методе правового регулирования, вследствие чего их следует квалифицировать как регулятивные.

Так, к императивным нормам первого типа следует отнести нормы, закрепленные:

– в ст. 6 ГК[55] (ст. 6 ГК Армении, п. 8 ст. 3 ГК Казахстана, ст. 7 ГК России), определяющие порядок применения норм гражданского права, содержащихся в международных договорах Республики Беларусь;

– п. 2 ст. 16 ГК[56] (п. 2 ст. 20 ГК Армении, п. 2 ст. 13 ГК Казахстана, п. 2 ст. 17 ГК России), устанавливающие момент возникновения и прекращения гражданской правоспособности;

– п. 2 ст. 19 ГК[57] (п. 2 ст. 23 ГК Армении, п. 2 ст. 16 ГК Казахстана, п. 2 ст. 20 ГК России), определяющие место жительства гражданина, не достигшего четырнадцати лет или находящегося под опекой;

– п. 1 ст. 20 ГК[58] (п. 1 ст. 24 ГК Армении, п. 1 ст. 17 ГК Казахстана, п. 1 ст. 21 ГК России), определяющие момент возникновения дееспособности гражданина в полном объеме;

– ч. 1 ст. 23 ГК[59] (ст. 27 ГК Армении, п. 1 ст. 20 ГК Казахстана, ч. 1

---

[55] Нормы гражданского права, содержащиеся в международных договорах Республики Беларусь, вступивших в силу, являются частью действующего на территории Республики Беларусь гражданского законодательства, подлежат непосредственному применению, кроме случаев, когда из международного договора следует, что для применения таких норм требуется издание внутригосударственного акта, и имеют силу того правового акта, которым выражено согласие Республики Беларусь на обязательность для нее соответствующего международного договора.

[56] Способность иметь гражданские права и нести обязанности (гражданская правоспособность) признается в равной мере за всеми гражданами.

[57] Местом жительства несовершеннолетних в возрасте до четырнадцати лет или граждан, находящихся под опекой, признается место жительства их родителей, усыновителей или опекунов.

[58] Способность гражданина своими действиями приобретать и осуществлять гражданские права, создавать для себя гражданские обязанности и исполнять их (гражданская дееспособность) возникает в полном объеме с наступлением совершеннолетия, т. е. по достижении восемнадцатилетнего возраста.

[59] Гражданин отвечает по своим обязательствам всем принадлежащим ему имуществом, за исключением имущества, на которое в соответствии с законодательством не может быть обращено взыскание.

ст. 24 ГК России), закрепляющие пределы имущественной ответственности гражданина;

– п. 1 ст. 165 ГК[60] (ст. 301 ГК Армении, п. 1 ст. 155 ГК Казахстана, п. 1 ст. 164 ГК России), устанавливающие случаи обязательной государственной регистрации сделок;

– ст. 197 ГК[61] (ст. 332 ГК Армении, п. 1 ст. 178 ГК Казахстана, п. 1. ст. 196 ГК России), устанавливающие общий срок для защиты нарушенного права;

– ряд других норм, закрепленных в ГК (в ГК Армении, Казахстана, России) и направленных на установление общих правил участия в гражданско-правовых отношениях.

Очевидным является тот факт, что применение диспозитивных норм вместо указанных императивных существенно затруднило бы процедуру участия в экономических отношениях, не способствовало бы эффективному разрешению судом спора о праве гражданском.

Отличительной чертой императивных норм первого типа является необходимость их применения и, соответственно, неукоснительного соблюдения всеми субъектами гражданского права во всех случаях участия в гражданско-правовых отношениях. Конструкция императивных норм первого типа, направленность регулятивного воздействия и цели принятия не допускают их правомерного игнорирования по воле участников соответствующего правоотношения, что, как уже отмечалось, служит цели создания и поддержания стабильного гражданского правопорядка.

2. *Второй тип* составляют императивные нормы, устанавливающие различного рода запреты и ограничения в гражданских правах и возлагающие определенные обязанности, вытекающие из противоправного поведения.

К указанным нами отнесены, например, нормы, закрепленные:

− в п. 3 ст. 5 ГК[62], запрещающие применение по аналогии норм, ограничивающих гражданские права и устанавливающих ответственность;

− п. 1 ст. 9 ГК[63], устанавливающие общий запрет злоупотребления

---

[60] Сделки с недвижимым имуществом подлежат государственной регистрации в порядке, предусмотренном настоящим Кодексом и законодательством о государственной регистрации недвижимого имущества, прав на него и сделок с ним.

[61] Общий срок исковой давности устанавливается в три года.

[62] Не допускается применение по аналогии норм, ограничивающих гражданские права и устанавливающих ответственность.

[63] Не допускаются действия граждан и юридических лиц, осуществляемые исключительно с намерением причинить вред другому лицу, а также злоупотребление правом в иных формах. Не допускается использование гражданских прав в целях ограничения конкуренции, а также злоупотребление своим доминирующим положением на рынке.

правом и использования гражданских прав в целях ограничения конкуренции, злоупотребления своим доминирующим положением на рынке;

− п. 3 ст. 9 ГК[64], налагающие на лицо, злоупотребившее своим правом, обязанность по возмещению причиненного этим ущерба;

− п. 4 ст. 18 ГК[65], запрещающие приобретать права и (или) обязанности под именем другого лица;

− п. 1 ст. 21 ГК[66], запрещающие ограничение субъектов гражданского права в правоспособности и дееспособности;

− ч. 1 ст. 199 ГК[67], запрещающие изменять по соглашению сторон срок для защиты нарушенного права (исковую давность) и порядок его исчисления;

а также ряд других императивных норм аналогичной направленности.

В ГК Армении, Казахстана и России, являющихся наряду с Республикой Беларусь членами ЕАЭС, содержатся императивные нормы аналогичного действия, создающие такие же условия участия в экономических отношениях.

Особенностью императивных норм анализируемого типа является то, что они направлены на предупреждение асоциального поведения участников гражданско-правовых отношений, которым может быть причинен вред другим лицам, обществу, государству, и наряду с превенцией асоциального поведения субъектов гражданского права применяются для создания правовых условий надлежащей защиты нарушенных прав и законных интересов.

Выполняя превентивную функцию нормы анализируемого типа предоставляют суду легальную возможность ограничения субъектов гражданского права в реализации принадлежащих им субъективных прав, как, например, нормы:

− п. 2 ст. 9 ГК[68], позволяющие суду отказать субъекту в защите принадлежащего ему права;

− ч. 1 ст. 31 ГК[69], предоставляющие суду возможность ограниче-

---

[64] Лицо, злоупотребляющее правом, обязано восстановить положение лица, потерпевшего от злоупотребления, возместить причиненный ущерб.

[65] Приобретение прав и обязанностей под именем другого лица не допускается.

[66] Никто не может быть ограничен в правоспособности и дееспособности иначе как в случаях и порядке, установленных законом.

[67] Сроки исковой давности и порядок их исчисления не могут быть изменены соглашением сторон.

[68] В случае несоблюдения требований, предусмотренных пунктом 1 настоящей статьи, суд, третейский суд могут отказать лицу в защите принадлежащего ему права.

[69] В случаях, предусмотренных законодательными актами, предпринимательская деятельность гражданина (индивидуального предпринимателя, учредителя, участника, собственника имущества или руководителя юридического лица и др.) может быть ограничена в судебном порядке на срок до трех лет.

ния права гражданина на осуществление предпринимательской деятельности.

Отличительной особенностью анализируемых норм является их направленность на охрану установленного при помощи норм первого типа правопорядка, что дает основание классифицировать нормы второго типа как охранительные.

Наряду с различной направленностью правового воздействия нормы второго типа, в отличие от норм первого типа, подлежат применению не во всех случаях участия в гражданско-правовых отношениях и не всеми субъектами гражданского права, а только в случае нарушения непосредственно указанных или иных норм, но при обстоятельствах, предусмотренных указанными нормами. Так, например, нормы п. 1 ст. 9 ГК могут быть применены:

1) если участник экономических отношений злоупотребит принадлежащим ему субъективным гражданским правом;

2) чем причинит вред другому лицу;

3) только судом;

4) только по заявлению лица, чье право нарушено.

Исходя из концепции нашего исследования, приведенные нормы рассматриваются нами как модель поведения, негативно оцениваемого государством, вследствие чего сами по себе не могут фактически воспрепятствовать субъекту гражданского права в совершении в целом правомерных действий, но совершаемых исключительно с целью причинения вреда другому субъекту экономической деятельности[70].

При этом указанные нормы не могут быть применены в отношении лица, злоупотребившего своим субъективным гражданским правом, в том числе и судом при отсутствии на то воли потерпевшего лица. Однако на субъекта, чье право нарушено, нормы гражданского права не возлагают обязанность по защите своих нарушенных прав, в том числе и посредством обращения в суд, что, в случае отсутствия такого обра-

[70] *Например*, член садоводческого товарищества преднамеренно, без цели полива, выкачивает воду из своего колодца, чем доводит колодец, расположенный на соседнем дачном участке до осушения и, соответственно, препятствует использованию колодца его собственником для полива ягодных и овощных культур, произрастающих на дачном участке. Сами по себе действия по выкачиванию воды из собственного колодца являются правомерными. Однако в совокупности с тем фактом, что в результате их совершения собственник соседнего дачного участка лишается возможности полива своего огорода, а лицо, совершающее такие действия, в добываемой воде не нуждается, указанные действия кфалифицируются как действия совершаемые исключительно с намерением причинить вред другому лицу, и запрещаются нормами гражданского права. При этом фактический запрет может иметь место только в том случае, когда лицо, чье право нарушено, обратится с соответствующим заявлением в суд и только после вынесения решения, которое будет исполнено.

щения со стороны потерпевшего, приведет к неисполнению анализируемых императивных гражданско-правовых норм, которые будут проигнорированы как причинителем вреда, так и потерпевшим без наступления негативных правовых последствий для обеих заинтересованных сторон.

Следует отметить, что в отличие от охранительных императивных норм гражданского права, отнесенных нами ко второму типу, охранительные императивные нормы публично-правовых отраслей, например налогового, финансового, административного права, в случае их нарушения применяются уполномоченными государственными органами самостоятельно и в обязательном порядке, что неотвратимо влечет для правонарушителя наступление негативных правовых и иных (например, экономических) последствий.

Еще одной отличительной чертой императивных норм второго типа является, как правило, принудительный порядок применения, т. е. только судом и только по заявлению заинтересованной стороны гражданско-правового отношения.

Необходимо акцентировать внимание на том, что участники гражданско-правовых отношений имеют возможность по взаимному соглашению игнорировать требования императивных норм второго типа[71]. Применительно к приведенной ситуации следует отметить, что юридически изменение установленного срока является недействительным, в связи с чем каждая из сторон такого соглашения может в любой момент отказаться от выполнения его условий и обратиться за защитой нарушенного права, руководствуясь сроком для защиты, закрепленным в ГК. Вместе с тем исполнение договорного условия, являющегося юридически недействительным, возможно, но только на уровне так называемого «джентльменского соглашения» и его исполнение не связано с применением мер юридической ответственности к сторонам такого договора, если обе стороны добровольно исполнят договорное условие, не соответствующее требованиям императивных норм второго типа. Однако приведенная модель поведения субъектов фактически допустима и не влечет для них негативных юридических последствий только в том случае, если их поведение не затрагивает интересы иных,

[71] *Например*, стороны гражданско-правового договора могут установить для себя в договоре, вопреки требованию нормы, закрепленной в п. 1 ст. 199 ГК, сокращенный по сравнению с установленным императивными нормами срок для защиты нарушенных прав по договору. При этом каждая из сторон договора имеет возможность в добровольном порядке исполнить достигнутую договоренность, что не противоречит общим началам и смыслу гражданского права в силу того, что защита нарушенных гражданских прав и законных интересов осуществляется государством только по заявлению лица, право которого нарушено.

кроме участвующих в договоре, субъектов гражданского права, в том числе государства.

Таким образом, нормы второго типа отличаются от норм первого типа, во-первых, направленностью своего действия, во-вторых, процедурой применения и, в-третьих, возможностью их правомерного игнорирования субъектами правоприменения.

3. *К третьему типу* нами отнесены императивные нормы, направленные непосредственно на защиту прав и законных интересов слабой стороны гражданского, как правило договорного, правоотношения. Примером указанных может служить, в частности, норма, закрепленная в п. 2 ст. 8 ГК[72], предоставляющая участникам экономической деятельности безусловную возможность реализации принадлежащих им субъективных прав, в том числе и права на защиту, даже в случае первоначального отказа от их реализации, в том числе и посредством указания на это в заключенном между сторонами договоре. Из содержания приведенной нормы следует, что в случае, когда одна из сторон заключенного договора по каким-либо причинам откажется, например, от права на судебную защиту своих нарушенных прав и законных интересов, то такой отказ независимо ни от чего будет недействителен, и первоначально отказавшаяся от своих прав сторона в случае их нарушения сможет беспрепятственно обратиться за защитой к компетентным государственным органам. Вместе с тем анализируемая норма не запрещает участнику гражданско-правового отношения добровольно отказаться от защиты своего нарушенного права.

Такой отказ может быть выражен бездействием лица, чье право нарушено, не принимающим мер к его защите.

Примерами императивных норм, направленных на защиту слабой стороны гражданско-правового отношения, могут служить нормы:

– закрепленные в § 2 главы 9 ГК (§ 2 главы 9 ГК России; § 2 главы 18 ГК Армении) «Недействительность сделок», предусматривающие случаи и основания признания совершенных сделок недействительными либо с момента их совершения (абсолютно недействительные), либо с момента вынесения соответствующего решения судом (относительно недействительные). При этом вопрос о признании сделки недействительной или установлении факта ее недействительности решается только судом и только на основании соответствующего заявления, поданного заинтересованной стороной.

В отличие от порядка применения анализируемых норм, за-

[72] Отказ граждан и юридических лиц от осуществления принадлежащих им прав не влечет прекращения этих прав, за исключением случаев, предусмотренных законодательными актами.

крепленных в ГК, в ГК России и Армении, норма, закрепленная в п. 3 ст. 157 ГК[73] Казахстана предоставляет возможность предъявления требования о признании сделки недействительной прокурору, что меняет подход к применению императивных норм ГК Казахстана, о недействительности сделок и переводит их из категории норм, отнесенных нами к третьему типу в категорию императивных норм первого типа, применение которых не зависит от воли сторон гражданского правоотношения;

– п. 1 и 2 ст. 200 ГК[74], возлагающие на суды обязанность принимать к рассмотрению требования о защите нарушенного права независимо от истечения срока, установленного для защиты, и применять исковую давность только по заявлению заинтересованной стороны.

В отличие от ст. 200 ГК в аналогичную по содержанию ст. 199 ГК России Федеральным законом от 7 мая 2013 г. № 100-ФЗ включен дополнительный п. 3, содержащий норму, запрещающую совершать односторонние действия, направленные на осуществление права, срок давности по которому истек[75].

Указанная норма является императивной и так же, как нормы п. 1 и 2 ст. 200 ГК и п. 1 и 2 ст. 199 ГК России, классифицируется как норма третьего типа, стоящая на защите интересов одной из сторон правоотношения;

− п. 2 ст. 431 ГК[76] и другие аналогичные императивные правовые нормы как Общей, так и Особенной части ГК.

Императивные нормы третьего типа отличаются от императивных норм двух других типов в первую очередь целью воздействия на субъектов гражданского права, которая, по нашему мнению, состоит в том, чтобы предоставить участникам гражданско-правовых отношений, особенно их слабой стороне (малолетним, несовершеннолетним, адееспособным, лицам, находящимся под воздействием тяжелых обстоя-

---

[73] Пункт 3 ст. 157 ГК Казахстана: «Требование о признании сделки недействительной может быть предъявлено заинтересованными лицами, надлежащим государственным органом либо прокурором».

[74] Требование о защите нарушенного права принимается к рассмотрению судом независимо от истечения срока исковой давности.

Исковая давность применяется судом только по заявлению стороны в споре, сделанному до вынесения судом решения.

[75] Пункт 3 ст. 1199 ГК России: «Односторонние действия, направленные на осуществление права (зачет, безакцептное списание денежных средств, обращение взыскания на заложенное имущество во внесудебном порядке и т. п.), срок исковой давности для защиты которого истек, не допускаются».

[76] Соглашение сторон об освобождении продавца от ответственности или о ее ограничении в случае истребования приобретенного имущества у покупателя третьими лицами недействительно.

тельств, и т. п., а также кредиторам), максимальные правовые возможности защиты своих нарушенных прав и законных интересов, что указывает на необходимость квалификации анализируемых правовых норм как охранительные. Кроме того, императивные нормы третьего типа отличаются от норм первого типа необязательностью применения, а от норм второго типа – порядком и субъектами применения.

Например, сторона гражданско-правового договора, первоначально отказавшаяся от принадлежащего ей права на защиту посредством фиксации отказа в договоре, юридически такого права не лишается, что следует из содержания императивной нормы, закрепленной в п. 2 ст. 8 ГК и, следовательно, в случае нарушения ее прав контрагентом по договору имеет юридически обеспеченную возможность в любое время обратиться в суд за защитой, которая (возможность) существует в пределах исковой давности. По сути, анализируемая императивная норма сохраняет за участником гражданско-правового отношения, помимо его воли, легитимную возможность осуществления предоставленных ему субъективных гражданских прав, в том числе права на обращение за защитой к государству, выполняя таким образом охранительную функцию гражданского права.

Однако указанная норма не возлагает на лицо, право которого нарушено, обязанность по реализации права на защиту и, следовательно, предоставляет заинтересованному лицу возможность самостоятельного принятия решения о применении или об отказе от применения нормы, закрепленной в п. 2 ст. 8 ГК. Таким образом, как в случае с нормами второго типа, включенное в договор условие об отказе от своих прав может быть исполнено сторонами договора исключительно на уровне «джентльменского соглашения».

Аналогичная процедура применения свойственна и иным нормам анализируемого типа, применяемым непосредственно заинтересованным лицом на основании его добровольно сформированной воли, что отличает императивные нормы третьего типа от норм первого типа, подлежащих неукоснительному применению всеми субъектами гражданского права и органами судебной власти в процессе разрешения спора о праве гражданском, а также от норм второго типа, применяемых судом, но по заявлению заинтересованной стороны гражданского правоотношения.

Из изложенного следует, что императивные нормы анализируемого типа являются гарантом реализации предоставленных ими правовых возможностей, но только в том случае, если участник гражданско-правового отношения добровольно не отказался от их реализации. Причем даже в случае такого отказа императивные нормы третьего типа не

прекращают своего действия, что дает возможность субъекту гражданского права впоследствии беспрепятственно реализовать предоставляемые такими нормами юридические возможности.

Предложенная нами трихотомия охватывает весь спектр императивных норм, закрепленных в действующем ГК, а процедура их применения и степень регулятивного воздействия на участников гражданско-правовых отношений соответствуют общей, в целом диспозитивной направленности гражданско-правового регулирования, предоставляющей участникам гражданско-правовых отношений максимально допустимую с позиции государства свободу выбора вариантов своего поведения, в том числе и в случае нарушения их субъективных гражданских прав и законных интересов. Общая диспозитивная направленность регулирования экономических отношений, участники которых подпадают под воздействие норм гражданского права, предопределила используемую в гражданском праве конструкцию императивных норм, отличающуюся по порядку применения и цели регулятивного воздействия от императивных норм публично-правовых отраслей, допускающую правомерный отказ заинтересованного субъекта от применения императивных норм гражданского права, который возможен по решению лица, чье право нарушено.

Изложенное свидетельствует, что интересы всех участников гражданско-правовых отношений, включая государство, охраняются императивными нормами гражданского права, применение которых в процессе регулятивного воздействия на субъектов экономических отношений является объективной необходимостью, обусловленной отсутствием в арсенале рыночного механизма экономики средств защиты прав и законных интересов участников экономической деятельности.

На указанный факт обращает внимание Р. З. Лившиц, согласно утверждению которого «в природе рынка… социальная защищенность рынка просто не заложена. Чтобы обеспечить подобную защищенность, ее нужно ввести извне. В этом одно из важнейших направлений деятельности государства и права как средства сохранения стабильности общества. Вот почему государственно-правовое вмешательство в экономику необходимо, ибо оно несет в себе социальную защищенность человека. Мера вмешательства государства и права, формы вмешательства здесь различны, они зависят от состояния общества» [358, с. 91].

Экономические отношения, опосредованные нормами гражданского права и квалифицируемые цивилистической наукой как имущественно-стоимостные эквивалентно-возмездные товарно-денежные, представляют собой сложную совокупность социальных взаимосвязей, выстроенных в определенной последовательности в логические цепочки, со-

ставляющие в конечном итоге сложную модель юридически значимого поведения субъектов экономической деятельности, участие в которой приводит к необходимому экономическому (фактическому, имущественному) и правовому результату.

Общее количество вариантов взаимосвязей, которые могут возникнуть в процессе осуществления экономической деятельности, складывающихся из них логических цепочек и в конечном итоге общее количество возможных моделей поведения субъектов гражданского права в процессе их участия в экономических отношениях предвидеть практически невозможно, что послужило основанием подбора и концентрации в ГК совокупности правовых средств, способных создать определенную общую (базовую) модель поведения субъектов гражданского права, именуемую гражданским правопорядком, в рамках которой участникам экономической деятельности предоставляется максимально допустимая с точки зрения государственного управления свобода выбора вариантов своего правомерного поведения.

Вместе с тем следует отметить, что «…норма права социально эффективна, если, соответствуя объективным потребностям прогрессивного развития… общества, она предусматривает оптимальный вариант поведения, требуемого для достижения научно-обоснованной цели, и реально обеспечивает наступление фактического результата, соответствующего этой цели» [359, с. 41].

Изложенное позволяет предложить определение понятия «императивная норма гражданского права», под которой следует понимать *разработанную государством единичную модель поведения, направленную на создание правовой основы необходимого государству гражданского правопорядка, гарантирующую приемлемый с точки зрения государства вариант поведения субъектов, предоставляющую гарантии правовой защищенности слабой стороне правоотношения, не предусматривающую возможность изменения ее содержания соглашением сторон, но допускающую ее правомерное игнорирование заинтересованным в применении субъектом*.

На основании проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

1. В ходе исследования установлено, что ведущую роль в процессе гражданско-правового опосредования экономических отношений играют нормы императивные и диспозитивные, посредством включения которых в систему гражданского права государство определяет пределы государственного вмешательства в частные дела, степень обязательности гражданско-правовых предписаний, очерчивает пределы соб-

ственного усмотрения сторон гражданско-правового отношения, а по сути, создает необходимую государству модель гражданского права.

Следовательно, все нормы гражданского права в первую очередь необходимо классифицировать как императивные или диспозитивные, что имеет первоочередное значение для процесса создания (модернизации) модели гражданско-правового регулирования.

2. Установлено, что в состав гражданского права, в частности в ГК, включено преобладающее количество императивных норм при допускаемой «ограниченной» диспозитивности гражданско-правового регулирования.

3. В процессе исследования норм гражданского права и их классификации на императивные и диспозитивные сделан вывод, что диспозитивными можно считать только те нормы гражданского права, которые прямо указывают на возможность их изменения соглашением сторон гражданско-правового отношения, т. е. имеют специфическое окончание «если иное не предусмотрено соглашением сторон (договором) и т. п.».

Нормы гражданского права, не устанавливающие такую возможность, следует рассматривать как императивные, в том числе и те, которые имеют окончание «иное может быть предусмотрено законодательством».

4. В ходе исследования установлено, что в ГК закреплены три типа диспозитивных норм, составляющих единую группу, отличающихся друг от друга как своими формулировками, так и пределами регулятивного воздействия на участников экономической деятельности, что позволяет государству в максимальной степени учесть потребности экономического оборота.

Предложена новая классификация диспозитивных норм.

Диспозитивные нормы первого типа предоставляют субъектам гражданского права наибольшие возможности собственного моделирования правил участия в возникающем между ними правоотношении, т. е. обладают наибольшей степенью диспозитивности, ограниченной общими требованиями гражданского правопорядка.

Диспозитивные нормы второго типа, так же как и нормы первого типа, предусматривают возможность их изменения, но, во-первых, в отличие от последних ограничивают пределы собственного усмотрения сторон закреплением минимально необходимого требования к содержанию правоотношения и, во-вторых, обусловливают пределы изменения норм непосредственно их содержанием, т. е. обладают меньшим объемом диспозитивности, чем нормы первого типа, ограничивая собственное усмотрение сторон правоотношения закрепленными в норме минимальными или максимальными пределами, что служит цели

предоставления правовых гарантий определенного развития соответствующего экономического отношения с учетом минимально закрепленных экономических интересов слабой стороны гражданско-правовой связи.

Диспозитивные нормы, включенные нами в третий тип наряду с тем, что допускают собственное усмотрение сторон, в отличие от норм первого типа ограничивают свободу собственного усмотрения участников правоотношения содержанием диспозитивной нормы, но в отличие от норм второго типа не ограничивают пределы такого усмотрения, определяемые исключительно императивными нормами, закрепленными в ст. 2 и 9 ГК, а также общим требованием правомерности поведения субъектов гражданского права.

В ходе исследования установлено, что диспозитивные нормы:

– всех трех типов выполняют восполнительную функцию, выраженную в обязательности их применения в том случае, если стороны соответствующей правовой связи не согласуют иные условия участия в гражданском правоотношении и, следовательно, направлены на устранение правового вакуума в конкретном сегменте гражданско-правовых отношений;

– второго и третьего типов наряду с восполнительной функцией наделены функцией, позволяющей государству ограничить пределы изменения диспозитивной нормы ее содержанием (нормы второго и третьего типа), а также устанавливающие пределы собственного усмотрения сторон минимальными или максимальными пределами (нормы второго типа).

Таким образом, нормы анализируемых типов наряду с тем, что способствуют устранению правового вакуума в случае умолчания сторон правоотношения, гарантируют выполнение участниками экономических отношений минимально необходимых с позиции государства требований к содержанию правоотношения, т. е. наряду с восполнительной функцией в рамках применяемого, в целом диспозитивного метода правового регулирования выполняют гарантийную функцию.

Предложенная классификация диспозитивных норм предоставляет юридически значимую информацию о роли и функциях диспозитивных норм в рамках применяемой в действующей модели гражданского права нормативно ограниченной диспозитивности правового регулирования.

На основании анализа диспозитивных норм предложено определение понятия «диспозитивная норма», под которой следует понимать *разработанную государством, законодательно закрепленную, обязательную для применения единичную модель разрешенного поведения,*

применяемую по умолчанию в неизмененном виде, допускающую ее изменение в пределах, установленных диспозитивной нормой, и гарантирующую минимально необходимый государству вариант поведения субъектов.

5. В ходе исследования установлено, что факт включения в состав гражданского права норм, имеющих императивную конструкцию, обусловлен наличием двух основных обстоятельств: во-первых, тем, что в общественных отношениях, выступающих в качестве предмета гражданско-правового регулирования, сталкиваются частные и публичные (государственные) интересы, требующие обязательной реализации; во-вторых, тем, что на государство возложена функция поддержания правопорядка и защиты прав и законных интересов своих граждан.

В процессе исследования императивных норм опровергнут имеющий место в цивилистической литературе вывод о том, что система гражданского права основана на применении одновременно двух методов правового регулирования – императивном и диспозитивном. Доказано, что императивные нормы системы гражданского права используются в рамках общего «правонаделительного регулирования».

Доказано, что императивные гражданско-правовые нормы включаются в систему гражданского права в случаях, когда необходимо направить поведение субъектов гражданского права в нужном государству и обществу русле, создать правовые условия участия в экономической деятельности, гарантирующие желаемый правовой и фактический (экономический) результат.

В результате анализа императивных норм, включенных в систему гражданского права, установлено, что в состав гражданского права включены три типа императивных правовых норм, составляющих единую группу, отличающихся друг от друга по порядку применения и направленности регулятивного воздействия.

Предложена новая классификация императивных норм.

Первый тип составляют нормы, применение которых является обязательным для всех участников гражданско-правовых отношений вне зависимости от их воли. Отличительной чертой императивных норм первого типа является необходимость их применения и, соответственно, неукоснительного соблюдения всеми субъектами гражданского права во всех случаях участия в гражданско-правовых отношениях. Конструкция императивных норм первого типа, направленность регулятивного воздействия и цели принятия не допускают их правомерного игнорирования по воле участников соответствующего правоотношения, что соответствует цели создания и поддержания стабильного гражданского правопорядка.

Второй тип составляют императивные нормы, устанавливающие различного рода запреты и ограничения в гражданских правах и возлагающие определенные обязанности, вытекающие из противоправного поведения. Нормы второго типа, в отличие от норм первого типа, подлежат применению не во всех случаях участия в гражданско-правовых отношениях и не всеми субъектами гражданского права, а только в случае нарушения непосредственно указанных или иных норм, но при обстоятельствах, предусмотренных указанными нормами. Следовательно, нормы второго типа отличаются от норм первого типа, во-первых, направленностью своего действия, во-вторых, процедурой применения и, в-третьих, возможностью их правомерного игнорирования субъектами правоприменения.

К третьему типу нами отнесены императивные нормы, направленные непосредственно на защиту прав и законных интересов слабой стороны гражданского, как правило, договорного, правоотношения. Императивные нормы третьего типа отличаются от императивных норм двух других типов в первую очередь целью воздействия на субъектов гражданского права, которая, по нашему мнению, состоит в том, чтобы предоставить участникам гражданско-правовых отношений, особенно их слабой стороне, максимальные правовые возможности защиты своих нарушенных прав и законных интересов, что указывает на необходимость квалификации анализируемых правовых норм как охранительные. Кроме того, императивные нормы третьего типа отличаются от норм первого типа необязательностью применения, а от норм второго типа порядком и субъектами применения.

Предложенная нами трихотомия охватывает весь спектр императивных норм, закрепленных в действующем ГК, а процедура их применения и степень регулятивного воздействия на участников гражданско-правовых отношений соответствуют общей, в целом диспозитивной направленности гражданско-правового регулирования, предоставляющей участникам гражданско-правовых отношений максимально допустимую с позиции государства свободу выбора вариантов своего поведения, в том числе и в случае нарушения их субъективных гражданских прав и законных интересов.

Общая дозволительная направленность регулирования экономических отношений, участники которых подпадают под воздействие норм гражданского права, предопределила используемую в гражданском праве конструкцию императивных норм, отличающуюся по порядку применения и цели регулятивного воздействия от императивных норм публично-правовых отраслей, допускающую правомерный отказ заин-

тересованного субъекта от применения императивных норм гражданского права, который возможен по решению лица, чье право нарушено.

Исследование императивных норм, закрепленных в ГК, позволило предложить определение понятия «императивная норма», гражданского права под которой следует понимать *разработанную государством единичную модель поведения, направленную на создание правовой основы необходимого государству гражданского правопорядка, гарантирующую приемлемый с точки зрения государства вариант поведения субъектов, предоставляющую гарантии правовой защищенности слабой стороне правоотношения, не предусматривающую возможность изменения ее содержания соглашением сторон, но допускающую ее правомерное игнорирование заинтересованным в применении субъектом*.

Таким образом, применение в системе гражданского права двух основных групп правовых норм, дифференцированных внутри групп на типы, позволяет государству создать модель гражданского правопорядка, в рамках которой в необходимой степени сочетаются публичные и частные интересы, что позволяет предоставить субъектам определенную степень свободы поведения, в ходе реализации которой остаются максимально защищенными государственные и общественные интересы [34-А, с. 97].

ГЛАВА 4
ЛОГИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ НОРМЫ: СОВРЕМЕННЫЙ НАУЧНЫЙ ПОДХОД

4.1 КОНЦЕПЦИИ ЛОГИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ НОРМЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА: РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

Исследование, проведенное выше, позволило нам сделать вывод, что все нормы, закрепленные в ГК и составляющие правовую основу действующей модели гражданско-правового регулирования, подразделяются на две группы: императивные и диспозитивные; в каждую из двух групп нами включено по три типа норм. Кроме того, нами было установлено, что цивилистической наукой нормы права рассматриваются, во-первых, как законодательные нормы (единичные модели поведения), во-вторых, как логические суждения импликативного типа о поведенческих возможностях участников экономических отношений, или нормы суждения, которые имеют определенное строение, выраженное логической структурой правовой нормы. При этом «…знания о строении правовой нормы… объективно необходимы и для эффективного правотворческого процесса, и для правильного анализа и толкования норм в правоприменительной практике» [360, с. 10]. Изложенное свидетельствует о необходимости исследования логической структуры гражданско-правовой нормы с целью достоверного определения количества составляющих ее элементов, процессов их взаимодействия, что «…всегда играло важную роль в ходе познания механизма нормативного конструирования, а также взаимодействия правовых регуляторов между собой» [361, с. 207].

Кроме того, необходимость исследования логической структуры норм гражданского права обусловлена тем, что структура нормы права «…показывает связи ее строения, которые и порождают регулятивный эффект… отражает объективную логическую основу социальной нормы… имеет непосредственное значение в правореализационной и правоинтерпретационной практике» [362, с. 15].

Так, правовая норма представляет собой специфическую систему, состоящую из нескольких логически связанных между собой элемен-

тов, совокупность которых, рассмотренная с точки зрения единства существующих между ними связей, по мнению А. В. Полякова, называется структурой правовой нормы [134, с. 468]. Под последней, по утверждению Ю. С. Жицинского, «обычно понимается логическая формула, способствующая лучшему пониманию права в целом и отдельных правовых норм, ясному их изложению в… нормативных правовых актах, правильному применению в жизни» [17, с. 8].

Структура нормы права, согласно утверждению А. Ф. Черданцева, – «это способ организации ее содержания…» [145, с. 49].

Выше мы обращали внимание на тот факт, что термин «норма права» в правоведении используется в двух значениях [35-А, с. 61; 46-А, с. 14]. В первом значении термином «норма права» обозначают норму-предписание, или норму «закона», представляющую собой формально-определенное единичное правило поведения, имеющее представительно-обязывающий характер, отвечающее признаку нормативности и выраженное грамматическими предложениями, размещенными в статьях, пунктах, абзацах и нормативного правового акта. Во втором значении под термином «норма права» понимают норму-суждение импликативного типа, представляющую собой сложное условное логическое умозаключение о поведенческих возможностях субъектов системы права при различных фактических обстоятельствах, возникновение (наступление) которых допускается государством посредством закрепления в нормативных правовых актах норм «закона» (норм-предписаний).

В своем первом значении термин «норма закона» используется практической юриспруденцией и представляет собой руководство к действию для практикующих юристов, содержание которого не подлежит научному изучению, не может быть предметом научной дискуссии об его истинности или ложности. Норма «закона» может оцениваться с точки зрения справедливости или несправедливости, однако результаты такой оценки не могут повлиять на процедуру ее обязательного применения (принуждения к исполнению при помощи аппарата государственного принуждения), которое основано на принципе *dura lex, sed lex* («суров закон, но это закон»).

Приведенный принцип можно также интерпретировать как «плох закон, но он закон», что в целом означает одно и то же, а именно: каково бы ни было содержание нормативного правового акта, его нормы необходимо исполнять во избежание применения государством мер принудительного воздействия, что в полной мере относится к нормативным правовым актам, содержащим нормы публичных отраслей права.

Во втором значении термин «норма права» используется цивилис-

тической наукой и понимается как логическое умозаключение о правах и обязанностях субъектов, являющееся основой для создания различных юридических конструкций, которые составляют предмет научного изучения, в том числе научной критики, в рамках юридической догматики, на что обращает внимание В. А. Белов [144, с. 96–97].

Исходя из того что норма «закона» представляет собой набор символов государственного языка, она объективно не может иметь логическую структуру, состоящую из взаимосвязанных элементов, безусловно, имманентную только логическому суждению импликативного типа, связывающему между собой определенные фактические обстоятельства (юридические факты), которым государство при помощи норм «закона» придает юридическое значение, и те юридические последствия, которые будут иметь место для субъектов вследствие наступления указанных фактических обстоятельств.

Применительно к общественным отношениям, составляющим предмет гражданско-правового регулирования, и к гражданскому праву как совокупности предназначенных для этого правовых средств следует вести речь, во-первых, о фактических экономических отношениях, складывающихся между субъектами в процессе удовлетворения их материальных потребностей, и, во-вторых, о юридических последствиях участия в таких отношениях, а точнее, о юридической оценке государственной властью поведения участников гражданско-правовых отношений. По сути, для любого обывателя первичны не юридические последствия своего поведения в сфере гражданского оборота, а факт поступления в его фактическое владение необходимой продукции, т. е. последствия поведения в сфере экономического оборота, в сфере реальной действительности, но не в сфере правовых фикций. Так, большинство людей, совершая покупки в организациях розничной торговли, на рынке, пользуясь услугами общественного транспорта, сферы бытового обслуживания населения и т. п., вообще не задумываются о юридической составляющей своего поведения и руководствуются исключительно желанием наиболее полного удовлетворения своих материальных потребностей.

В связи с этим гражданско-правовые отношения следует рассматривать в двух логически связанных между собой аспектах: во-первых, как фактическое поведение людей (фактическое проявление природных явлений) и, во-вторых, как государственную правовую оценку такого поведения, вследствие чего люди признаются субъектами гражданского права, у которых возникают юридические последствия фактического поведения. Поведение человека (проявление природных явлений) в целях правового опосредования фактических отношений при-

знается юридическим фактом, наступление которого влечет за собой государственную правовую оценку юридически значимого поведения.

Ничего другого, кроме юридических фактов и их правовой оценки со стороны государства, применительно к гражданско-правовому опосредованию экономических отношений, по нашему мнению, не существует.

Следовательно, можно констатировать тот факт, что норма гражданского права как логическое суждение импликативного типа служит для связи фактического поведения людей с предусмотренными государством юридическими последствиями, а норма-предписание, закрепленная в нормативном правовом акте, – для доведения до участников экономических отношений модели юридически значимого поведения, допускаемого или запрещаемого государством в процессе удовлетворения экономических интересов, возможных юридических последствиях такого поведения и пределах изменения правового положения лиц, осуществляющих экономическую деятельность в целях применения к ним указанных юридических последствий.

В соответствии с выводами, сделанными в многочисленных научных исследованиях, проведенных в рамках науки «теория права», в настоящее время можно констатировать существование двух основных концепций логической структуры правовой нормы: концепции двухэлементной («двухзвенной») структуры и концепции трехэлементной («трехзвенной») структуры правовой нормы, что отмечается в юридической литературе [363, с. 295]. Согласно концепции двухэлементной структуры правовая норма состоит из гипотезы и диспозиции, а согласно концепции трехэлементной структуры – из гипотезы, диспозиции и санкции, которые рассматриваются в качестве взаимосвязанных элементов, составляющих логическую структуру правовой нормы.

В настоящее время в теории права и, как следствие, в цивилистической науке, преобладающей является концепция трехэлементной структуры правовой нормы, получившая свое развитие в советский период, на что обращают внимание О. С. Иоффе и М. Д. Шаргородский, согласно утверждению которых «по общепринятому в советской юридической литературе мнению всякая правовая норма состоит из трех частей: гипотезы, диспозиции и санкции» [127, с. 152−160].

Вместе с тем названные ученые все же отмечают тот факт, что обязательными элементами правовой нормы следует считать только гипотезу и диспозицию, обосновывая свою точку зрения тем, что отдельные нормы права не имеют своих санкций, а их исполнение поддерживается либо санкциями, содержащимися в других нормах, либо всей системой права [127, с. 160].

Трехэлементную концепцию структуры правовой нормы поддерживают И. С. Лапшин [50, л. 43], А. В. Астанин [53, л. 35−37], А. С. Пиголкин [322, с. 5] и др.

На тот факт, что учение о трехэлементной логической структуре правовой нормы, построенной по формуле «если − то − иначе», является порождением советской юридической науки, указывает Н. П. Томашевский, согласно мнению которого «это утверждение, сформулированное М. С. Строговичем еще в 1940 году, с тех пор неизменно повторяется в качестве аксиомы до настоящего времени: "Как известно, каждая правовая норма состоит из следующих неразрывно связанных элементов: гипотеза, диспозиция и санкция"» [16, с. 203].

При этом Н. П. Томашевский отмечает, что «это учение, несмотря на широкое признание его, покоится на существенном заблуждении. В действительности состав правовой нормы независимо от формы ее выражения исчерпывается двумя элементами» [16, с. 203], указывая на наличие в гражданско-правовой норме гипотезы и диспозиции, признавая при этом тот факт, что в уголовно-правовых нормах первый элемент называется диспозицией, а второй − санкцией.

Факт доминирования на современном этапе развития юридической науки концепции трехэлементной структуры правовой нормы констатирует О. Г. Филимонова [364, с. 150], Т. М. Рассолова [365, с. 102], В. И. Леушин [366, с. 7], Е. А. Петрова [367, с. 85].

Изложенное позволяет утверждать, что концепция трехэлементной структуры правовой нормы в настоящий период развития юридической мысли является преобладающей, а применительно к учебной литературе − единственно применяемой на территории России и Беларуси. Это следует признать наследием советского периода развития юридической науки, на содержание которой самое непосредственное влияние оказала марксистско-ленинская теория понимания права, что отмечалось учеными еще советского периода. В частности, А. Ф. Черданцев указывает, что «многие дореволюционные юристы исходили из двучленного строения правовых норм и в связи с этим признавали наличие норм, не обеспеченных санкциями… Последнее обстоятельство, противоречащее марксистско-ленинскому пониманию права как системы норм, обеспеченных государственным принуждением, предопределило критический подход к указанной точке зрения» [368, с. 41].

Непременная критика большинством советских ученых любой точки зрения, не соответствующей марксистско-ленинскому пониманию права, в том числе подтверждаемой неопровержимыми доказательствами, и, как следствие, ее провал в советский период развития юридической науки были обусловлены огромным влиянием коммунистиче-

ской идеологии на все составляющие социального взаимодействия и, соответственно, отрицание советскими учеными всего «старорежимного», в том числе и разработанной учеными досоветского периода концепции двухэлементной структуры правовой нормы.

Так, В. С. Явич указывает на то, что «критика современной идеологии империализма в области права составляет одну из задач, которые стоят перед учеными-марксистами…» [369, с. 147].

На широкое признание юридической наукой концепции трехэлементной структуры правовой нормы указывает В. К. Бабаев [129, с. 382], называя в качестве ее авторов С. А. Голунского и М. С. Строговича, приводя получившую распространение точку зрения названных ученых, опубликованную в 1940 г. в учебнике по теории государства и права (со ссылкой на названный учебник), согласно которой «в правовой норме содержится прежде всего указание на условие, при котором норма подлежит применению, затем изложение самого правила поведения, наконец, указание на последствия невыполнения этого правила» [230, с. 251].

«В советской литературе это предположение впервые изложили С. А. Голунский и М. С. Строгович в учебнике “Теория государства и права”. М., 1940. С. 251, и др.», − отмечает О. Э. Лейст [130, с. 558], поддерживающий предложенную названными учеными концепцию трехэлементной структуры правовой нормы.

М. С. Строговича как родоначальника концепции трехэлементной структуры правовой нормы называет В. А. Белов, предполагающий, что основанием разработки такой концепции является тезис В. И. Ленина, согласно которому «право есть ничто без аппарата, способного принуждать к соблюдению норм права» [144, с. 101].

Допущение В. А. Белова, по нашему мнению, не лишено оснований в свете отношения в советский период развития юридической науки к изречениям В. И. Ленина, которые рассматривались как руководство к неукоснительному соблюдению, истинность их содержания не подвергалась сомнению, по сути, признавалась аксиоматичной, и все научные исследования, проводимые в области правоведения, должны были в обязательном порядке опираться на его труды, что безоговорочно выполнялось.

Аналогичную точку зрения относительно причины введения в теоретическую науку трехэлементной структуры правовой нормы высказывает А. Ф. Черданцев, согласно утверждению которого С. А. Голунский и М. С. Строгович «очевидно, исходили из того, что, коль скоро существуют три термина, обозначающих элементы нормы права, то должно быть и три элемента нормы, а поэтому следует подправить

взгляды буржуазных юристов на структуру нормы права» [145, с. 50], что в советский период развития юридической науки, по нашему мнению, было одним из факторов успеха научных работ, но, к сожалению, не имело под собой действительно научного обоснования. Изложенное подтверждается содержанием приведенных цитат из трудов ученых советского периода.

На современном этапе развития юридической науки среди сторонников разработанной в советский период концепции трехэлементной структуры правовой нормы можно выделить В. К. Бабаева, А. Б. Венгерова, А. Ф. Вишневского, С. Г. Дробязко, В. С. Козлова, В. М. Корельского, О. Э. Лейста, В. С. Нерсесянца, В. Д. Перевалову, Н. В. Сильченко, В. М. Сырых, В. Н. Хропанюка и многих других ученых-теоретиков.

Несмотря на всеобщее на территории России и Беларуси признание концепции трехэлементной структуры правовой нормы, сформированной в советский период и поддерживаемой современными учеными в юридической литературе как советского, так и постсоветского периода наряду с трехэлементной поддерживается концепция двухэлементной структуры правовой нормы, разработанная в досоветский период и, соответственно, являющаяся исторически первой, на что обращает внимание В. А. Белов, приводя цитату Д. Д. Гримма, опубликованную в книге «Энциклопедия права: лекции».

Так, согласно утверждению Д. Д. Гримма, «каждая юридическая норма представляет собой условное веление, которое может быть сведено к форме: “если – то“. Соответственно с этим в составе каждой юридической нормы надо различать два элемента: гипотезу, или предположение, и диспозицию, или распоряжение. Гипотеза, или предположение, определяет условия применения данного правила. Диспозиция или распоряжение излагает содержание правила» [370, с. 121]. Аналогичную по содержанию точку зрения высказывает Н. М. Коркунов, согласно утверждению которого «все юридические нормы суть условные правила. Поэтому юридическая норма состоит, естественно, из двух элементов: из определения условий применения правила и изложения самого правила. Первый элемент называется гипотезой, или предположением, второй – диспозицией или распоряжением» [371, с. 128].

В ряду ученых досоветского периода, поддерживающих концепцию двухэлементной структуры правовой нормы, следует назвать таких, как Д. Д. Гримм, Н. М. Коркунов, Ф. В. Тарановский. Согласно утверждению Е. В. Шевченко, «в последующем эта концепция была интерпретирована в том или ином ее вариантах и представлялась в виде связи (а) гипотезы и диспозиции (В. Г. Смирнов, В. М. Коган), (б) диспозиции, слитой с гипотезой, и санкции (Я. М. Брайнин), (в) гипотезы и

диспозиции, слитой с санкцией (Ю. В. Баулин, С. Н. Братусь), (г) диспозиции и санкции (А. А. Герцензон, А. Н. Трайнин), (д) гипотезы и санкции (Б. Т. Базылев)» [372, с. 136].

В советский период развития правоведения концепции двухэлементной структуры правовой нормы придерживались С. С. Алексеев, Ю. В. Кудрявцев, С. В. Курылев, Н. П. Томашевский, А. А. Ушаков, А. Ф. Черданцев, Б. В. Шейндлин и некоторые другие ученые. Так, в частности, Ю. В. Кудрявцев отмечает, что «…все нормы права выражаются логически в описании условий и действий (гипотез и диспозиций)» [153, с. 70]. С. В. Курылев указывает на то, что «элементами любой юридической нормы являются гипотеза (указание на юридические факты) и диспозиция или санкция (указание на последствия, связываемые правом с предусмотренными в норме юридическими фактами)» [202, с. 50].

Согласно утверждению, С. С. Алексеева, «в норме-предписании следует различать два элемента:

а) гипотезу − часть нормы, указывающую на условия (фактические обстоятельства), при наступлении или ненаступлении которых норма вступает в действие…

б) диспозицию (санкцию) − часть нормы, указывающую на юридические последствия, которые наступят при наличии предусмотренных нормой условий…

Эти две части нормы-предписания являются ее обязательными элементами. Их единство выражает тот закон связи, который присущ внутренней организации юридической нормы, придает ей качество цельного первичного звена правовой системы…» [373, с. 95−96].

Отдельные исследователи, и в частности В. С. Основин, указывают на то, что «…при решении вопроса о структуре… правовой нормы нельзя допускать крайностей. Действительно, многие правовые нормы состоят из трех элементов, но из этого нельзя делать вывод, что трехэлементная структура строго обязательна для каждой нормы» [24, с. 40]. Высказанную В. С. Основиным точку зрения поддерживает А. В. Поляков, который считает, что «количество элементов правовой нормы зависит от ее конкретного функционального и ценностного значения в механизме действия права» [134, с. 479].

Наличие в юридической науке достаточного количества ученых, поддерживающих двухэлементную концепцию логической структуры правовой нормы, существующая по этому поводу полемика указывают на необходимость проведения дополнительного исследования анализируемой проблемы применительно к современному уровню развития цивилистической науки, освобожденной от необходимости обращения в научных трудах к коммунистической идеологии и приведения полу-

ченных результатов в соответствие с воззрениями классиков марксизма-ленинизма на экономические отношения и процедуру их правового регулирования.

На необходимость пересмотра трехэлементной модели правовой нормы на современном этапе развития юридической науки указывает А. И. Илалутдинов [374, с. 98].

Кроме того, исследование логической структуры норм гражданского права на современном этапе развития цивилистической науки, выявление действительного состава элементов логической структуры гражданско-правовой нормы будет способствовать формированию каждой гражданско-правовой нормы в отдельности и их совокупности, закрепленной в ГК в соответствии с требованиями современного гражданского (экономического) оборота.

4.2 ЭЛЕМЕНТЫ ЛОГИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ НОРМЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

Анализ содержания названных выше и других учебных и научных работ по теории права, а также научных трудов, выполненных в области цивилистической науки, позволяет констатировать тот факт, что применительно к рассматриваемой проблеме дискуссионными остаются два вопроса: сколько элементов включает в себя структура нормы гражданского права как логического суждения импликативного типа – два или три и каковы место и предназначение санкции в системе норм гражданского права. При этом для теоретической юриспруденции вопрос о структуре нормы права остается дискуссионным, что отмечает Я. В. Гуменюк [375, с. 45].

Разрешение поставленных вопросов имеет исключительно научное значение и не влияет на процедуру применения норм «закона», в том числе содержащих гражданско-правовые меры принудительного воздействия, которые могут быть использованы государственным аппаратом в определенных случаях асоциального поведения человека.

Так, вне зависимости от того, какой концепции структуры правовой нормы придерживается тот или иной ученый, во всех научных и учебных юридических источниках, рассматривающих элементы структуры правовой нормы, во-первых, саму структуру называют логической, что указывает на ее связь с наукой логикой, во-вторых, включают в струк-

туру нормы-суждения два ее неизменных элемента: гипотезу и диспозицию, отмечая наличие между ними логической связи, представленной логической импликативной формулой «если – то», разработанной в рамках науки логики, и, в-третьих, абсолютно одинаково раскрывают понятие гипотезы и диспозиции.

Рассматривая вопрос о месте и предназначении такого элемента структуры правовой нормы, как санкция, сторонники двух концепций также идентично определяют ее понятие.

Сторонники концепции трехэлементной структуры правовой нормы к разработанной логикой и воспринятой дореволюционными юристами импликативной логической формуле «если – то» добавили в советский период развития юридической науки, на что указывалось выше, окончание «иначе», искусственно получив таким образом трехэлементную структуру правовой нормы «если – то – иначе».

«Мы полагаем, − указывает О. Э. Лейст, − что так называемая «логическая структура» правовой нормы представляет собой приложение к норме права общетеоретической, философской формулы… Согласно этой формуле лицо, находящееся в определенных условиях (гипотеза), должно действовать сообразно законам, действующим в этих условиях (диспозиция), во избежание определенных отрицательных для лица последствий (санкция)» [376, с. 20].

«Любая правовая норма, − отмечает А. С. Пиголкин, − содержит в себе ответ на три вопроса… а) при каких жизненных обстоятельствах необходимо осуществить требования данной нормы? б) каким должно быть поведение участников регулируемого данной нормой общественного отношения? в) каковы должны быть последствия, если требования данной нормы будут нарушены?» [267, с. 169]. При этом А. С. Пиголкин указывает, что «элементы правовой нормы не всегда прямо формулируются в статьях нормативных правовых актов, но во всех случаях обязательно логически подразумеваются, так как без любого из них норма не сможет быть регулятором поведения индивида» [267, с. 5−6].

Оппонируя приведенной выше точке зрения, А. Ф. Черданцев отмечает: «Тогда в зависимости от количества вопросов (если принять данный критерий за основу) будут меняться и требования к логической структуре нормы. Придется защищать уже не трехчленную, а, например, вслед за А. С. Пиголкиным ее четырехчленную структуру (А. Ф. Черданцев ссылается на страницу 5 автореферата кандидатской диссертации А. С. Пиголкина. − *Примеч. авт.*)» [368, с. 42].

На четырехчленную структуру правовой нормы указывают и отдельные современные ученые [377, с. 292]. Так, например, В. Н. Протасов отмечает, что «юридически целостная правовая норма состоит не

из трех, а из четырех элементов, а точнее − из двух двухэлементных нормативно-правовых предписаний…» [136, с. 174].

С приведенной концепцией логической структуры правовой нормы, предложенной А. С. Пиголкиным и поддерживаемой В. Н. Протасовым, согласиться нельзя.

Если идти по пути увеличения элементов логической структуры правовой нормы, что теоретически возможно в силу фиктивности системы права в целом и отдельных юридических категорий в частности, то логика гражданско-правового регулирования может зайти в тупик, вслед за чем усложнится и в конечном счете зайдет в тупик практика применения норм гражданского права. По сути, можно предложить бесконечное множество элементов правовой нормы, задавая, на что указывает А. Ф. Черданцев, новые вопросы, на которые должна давать ответ правовая норма. Так, в частности, О. В. Берг предлагает «…норму права… считать состоящей из пяти элементов…» [378, с. 19]

Основанием, позволившим советским ученым механически добавить к логической конструкции правовой нормы третий, не свойственный ей элемент наряду с приведенными выше высказываниями классиков марксизма-ленинизма, послужило, по нашему мнению, то обстоятельство, что «учение о трехчленной структуре нормы права исходит из признания того, что отдельные структурные части целого могут находиться не только в разных статьях нормативного правового акта, но и в разных нормативных актах, в различных отраслях права, могут прямо не формулироваться, не получать словесного выражения (подразумеваться), сливаться и т. п.», на что обращает внимание А. Ф. Черданцев [368, с. 42].

Так, например, Ю. Г. Ткаченко указывает, что «… санкция не обязательно формулируется именно в той статье правового акта или даже в том правовом акте, в которых изложено само правило поведения» [379, с. 20], подтверждая утверждение А. Ф. Черданцева. Аналогичную точку зрения высказывает А. С. Пиголкин: «Не во всех случаях санкцию правовой нормы легко найти в статье нормативного акта. Существуют такие правовые нормы, санкцию которых можно обнаружить лишь путем логического анализа» [267, с. 179].

Независимо от подхода к структуре правовой нормы и наличия или отсутствия идеологической подоплеки в его обосновании, во всех вышеперечисленных и других литературных источниках как досоветского, так советского и постсоветского периодов общественного развития содержание элементов структуры правовой нормы-суждения определяется в целом одинаково. Вместе с тем в называемых совокупностях элементов логической структуры в отдельных случаях допускаются

некоторые отличия, порой существенно меняющие ход дальнейших научных исследований.

Так, *гипотеза* понимается как предположение об условиях применения правила поведения, предусмотренного диспозицией, как условие, при котором применяется норма. Из изложенного следует, что гипотеза содержит указание на те жизненные обстоятельства, при наступлении которых у определенных субъектов возникают субъективные права и обязанности, указанные в диспозиции нормы-суждения, а, по сути, на юридические факты. Таким образом, гипотеза правовой нормы определяет условия действия ее диспозиции.

Под *диспозицией* понимается правило поведения субъекта в условиях, предусмотренных гипотезой.

Применительно к такому пониманию диспозиции следует уточнить, что правило, содержащееся в диспозиции, называет перечень субъективных прав и обязанностей, которые возникнут у субъектов в случае наступления фактических обстоятельств, предусмотренных гипотезой. По сути, в диспозиции определяются те юридические последствия, которые будут иметь место для субъектов при наступлении жизненных обстоятельств, указанных в гипотезе и именуемых юридическими фактами.

При этом под названными диспозицией правовыми последствиями следует рассматривать то правовое положение, которое возникнет (изменится) у конкретного субъекта права в случае наступления фактических обстоятельств, указанных гипотезой правовой нормы.

Изложенное позволяет констатировать тот факт, что на современном этапе развития юридической науки понимание значения таких терминов, как «гипотеза» и «диспозиция», в целом является абсолютно идентичным тому, как их описывал Д. Д. Гримм, Н. М. Коркунов и другие ученые, работавшие в досоветский период развития юридической науки.

Учитывая использованный выше подход к пониманию правовой нормы как модели поведения, допускаемого или запрещаемого государственной властью посредством позитивной или негативной оценки такого поведения, выраженной в установленных государством юридических последствиях совершенного деяния, которые в зависимости от принадлежности отрасли права к группе публично-правовых или частноправовых отраслей могут наступить или обязательно наступят для совершившего его лица, гипотезу и диспозицию можно определить следующим образом.

Под *гипотезой* следует понимать первую часть нормы-суждения, определяющую совокупность жизненных обстоятельств (какое-то одно обстоятельство), именуемых юридическими фактами, с наступлением

которых государство связывает возможность возникновения определенных юридических последствий у участников конкретного гражданско-правового отношения. Непосредственно указанные в гипотезе жизненные обстоятельства, получившие связь с предметной деятельностью (бездействием) субъекта (юридические факты), подвергаются государственной оценке, которая находит свое выражение в изменении правового положения субъекта гражданского права, вызванном распространением в его отношении определенных юридических последствий, предусмотренных диспозицией гражданско-правовой нормы.

Под *диспозицией* следует понимать вторую часть нормы-суждения, определяющую совокупность юридических последствий, наступление которых государство допускает или навязывает субъекту, в отношении или с участием которого возникли и получили свое развитие предусмотренные гипотезой гражданско-правовой нормы фактические жизненные обстоятельства (юридические факты).

Изложенное выше позволяет согласиться с мнением, высказанным А. Ф. Черданцевым, согласно которому «одна часть нормы представляет собой информацию о фактах, с которыми норма права связывает наступление юридических последствий, или, как обычно пишется, указывает на юридические факты. Вторая часть нормы представляет собой информацию о юридических последствиях, наступающих при наличии юридических фактов, очерченных нормой, т. е. указывает на права и обязанности адресатов нормы. Никаких других юридических последствий нормы права не предусматривают» [145, с. 52].

Аналогичную точку зрения, подтверждающую выдвинутое нами предположение, высказывает В. А. Белов: «часть суждения, открываемая словом “если”, содержит сведения о тех фактических обстоятельствах (общественных отношениях), которые подвергаются оценке (являются ее предметом) и называются гипотезой нормы. Часть нормы-суждения, отделяемая словом “то” и содержащая сведения о сути государственно-властной оценки описанных в гипотезе общественных отношений, называется диспозицией нормы» [96, с. 243].

Схожую содержательно точку зрения высказывает Ян Шапп, согласно мнению которого «правовые нормы состоят, как правило, из состава и правового последствия. Тем самым правовая норма имеет структуру “если – то”, в которой можно выразить практически любую юридическую норму. Элемент “если” обозначает состав, а элемент “то” – правовое последствие» [380, с. 24].

Таким образом, согласно утверждению Н. Г. Александрова, «по своей логической структуре всякая правовая норма должна давать ответ прежде всего на два основных вопроса. Во-первых, на какой вид

жизненных фактов рассчитана данная норма. Во-вторых, какое поведение предписывается данной нормой. Ответ на первый вопрос принято условно называть «гипотезой» данной нормы. Ответ на второй вопрос принято называть «диспозицией» [381, с. 105−106]. При этом, согласно утверждению Ю. В. Кудрявцева, «…велением государства… в известном смысле “управляющим приказом”, являются… гипотеза и диспозиция нормы в их неразрывной связи и единстве. Они совместно ориентируют адресата и дают программу поведения. Именно эта информация, выраженная во фразе “при таких-то обстоятельствах поступай так-то”, является моделью поведения…» [153, с. 81]. Согласно верному утверждению Г. Т. Чернобеля, «логическая формула любой правовой нормы выражает мысль: такому-то адресату предписывается такое-то поведение с таким-то модусом нормативности» [382, с. 42].

Санкция рассматривается учеными-теоретиками, придерживающимися концепции трехэлементной структуры правовой нормы, как третий элемент нормы-суждения, определяющий содержание негативной реакции государства на поведение субъекта, не соответствующее модели, предусмотренной в диспозиции правовой нормы. «Санкцией правовой нормы, − указывает О. Э. Лейст, − называется нормативное определение мер государственного принуждения, применяемых в случае правонарушения и содержащих его итоговую правовую оценку» [31, с. 7].

При этом О. Э. Лейст отмечает, что «словом “санкция” как в литературе, так и в законодательстве обозначают различные понятия. В законодательстве “санкцией” иногда именуется утверждение, одобрение, разрешение какого-либо акта» [376, с. 11]. Е. В. Дьяченко определяет санкцию как «…особый вид юридических последствий, в которых законодатель определяет вид, форму либо меру…» [383, с. 66], применительно к нашему исследованию – наказания. Как меру принуждения санкцию рассматривает Д. А. Матанцев [384, с. 44].

Если можно условно согласиться с определением санкции как предусмотренной государством меры принудительного воздействия на человека, итоговой негативной оценки его поведения, то относительно ее места в логической структуре правовой нормы следует возразить. Точка зрения, согласно которой санкция является неизменным третьим элементом правовой нормы, основывается на преобладающем среди приверженцев концепции трехэлементной структуры правовой нормы понимании ее диспозиции как некоего правила поведения, несоблюдение которого ведет к применению санкции, т. е. третьей обязательной части правовой нормы, без которой правило поведения, закрепленное в диспозиции, останется неисполненным. В частности, С. Н. Братусь утверждает, что «норма без санкции перестает быть мерой, масштабом

поведения, поскольку нарушение этой меры, выход за указанные рамки не повлечет за собой надлежащую реакцию, государственное осуждение и государственное принуждение, обеспечивающее в порядке "обратной связи" регулирование нарушенных отношений» [385, с. 68].

Н. П. Томашевский утверждает: «Такое определение понятия санкции, наиболее распространенное в нашей юридической литературе, как учебной, так и специальной, является продуктом канонизации известного определения понятия права, сформулированного А. Я. Вышинским еще в 1938 году. Из определения права как "совокупности норм, применение которых обеспечивается принудительной силой государства" (или даже "применяемых в принудительном порядке", как гласила первоначальная формулировка этого определения), делается вывод, что всякая правовая норма неразрывно связана с государственным принуждением или с угрозой такого принуждения, необходимо получающего свое выражение в санкции каждой нормы» [16, с. 203].

Опровергая эту точку зрения, сторонник трехэлементной структуры правовой нормы О. Э. Лейст указывает, что многочисленные высказывания В. И. Ленина «достаточно ясно показывают, что важное положение марксистско-ленинской теории государства и права о необходимости охраны правовых норм государственным принуждением базируется отнюдь не на "одном-единственном" высказывании, "взятом вне контекста"… Охрану правовых норм государственным аппаратом, способным принуждать к соблюдению правовых норм, В. И. Ленин, несомненно, рассматривал как такую специфическую черту права, которая присуща каждой правовой норме» [376, с. 15].

В обоснование трехэлементной структуры правовой нормы и, следовательно, необходимости включения в ее состав такого элемента, как санкция, советские ученые указывали на то, что «в условиях социалистической экономики действие закона планомерного развития народного хозяйства требует реального исполнения гражданско-правовых обязанностей… Поэтому в советском гражданском праве в принципе недопустима замена исполнения этой обязанности ее суррогатом – возмещением убытков. <…> Ошибочность выводов о двухэлементном строении нормы права, следовательно, вызвана тем, что не учитываются требования закона диалектики о взаимообусловленности явлений действительности применительно к взаимосвязи общественных отношений и регулирующих их норм права» [17, с. 50].

Санкция, утверждает Ю. С. Жицинский, «воспитывает граждан в духе уважения к советскому закону и строгого соблюдения установленных им правовых обязанностей, уважения к правам и интересам других лиц и всего общества в целом. Тем самым санкция служит юри-

дическим средством предотвращения и искоренения правонарушений в советском обществе…» [17, с. 44].

«Может ли существовать субъективное право, не опирающееся на принудительную санкцию со стороны органов государства? Нет, не может», − считает Д. М. Генкин [386, с. 255].

«Соблюдение правовых норм, − согласно утверждению Г. А. Шмигельского, − обеспечивает государственный аппарат. Нарушение их влечет за собой применение различных форм принуждения, которые в юридической науке называют санкциями» [387, с. 5].

«В определении юридических обязанностей санкции играют подсобную… но необходимую роль (без обеспеченности санкцией обязанность перестает быть правовой)», − отмечает О. Э. Лейст [31, с. 24].

Из приведенных цитат следует, что факт включения в состав правовой нормы ее третьего элемента, именуемого санкцией, и непосредственно сама трехэлементная структура правовой нормы, созданная в советский период развития юридической мысли, не имеют ничего общего с логической формулой, изначально положенной в основу конструкции правовой нормы, а необходимость использования трехэлементной структуры правовой нормы обосновывается исключительно идеями социалистического пути развития.

Необходимо отметить, что в гражданском праве СССР термин «обязательство» был подменен термином «обязанность», что свойственно императивному методу правового регулирования, применяемому в советский период в рамках административно-командного подхода к управлению экономическими процессами, а по сути гражданско-правовой сферой социального взаимодействия. Наряду с заменой гражданско-правового обязательства административной обязанностью также было изменено содержание гражданско-правовой ответственности, которая с момента создания гражданского права основывалась на полном возмещении причиненных убытков, что имеет место в современных условиях развития гражданского правопорядка.

В частности, в советский период, в отличие от современного периода развития цивилистической науки, содержание ответственности за нарушение гражданско-правовой «обязанности» заключалось в обязательном применении к социалистическим хозяйственным организациям мер государственного принудительного воздействия вместо возмещения убытков и в принуждении к последующему реальному исполнению обязанностей перед другими социалистическими организациями – контрагентами по договору, что было обусловлено плановыми заданиями и глубочайшей кооперацией субъектов хозяйствования в рамках единой экономической системы СССР.

При подходе к организации гражданского правопорядка, применяемом в советский период, безусловно, существовала теоретическая возможность обоснования необходимости включения в состав логической структуры правовой нормы третьего элемента, именуемого санкцией, даже вопреки законам логики. Особенно если такое обоснование основывалось на цитатах В. И. Ленина и других апологетов коммунистической модели государственного устройства, являющихся обязательной «научной» основой всех изысканий, больше всего в гуманитарной сфере. «Законы, не устанавливающие наказания за их неисполнение, – писал В. И. Ленин, – не дают гарантий исполнения и не исполняются вовсе, оставаясь пустой бумажкой» [26, с. 127], при том что одной из целей социалистического и, как следствие, коммунистического пути государственного развития была цель воспитания высокоморальной личности, способной соблюдать правила социалистического общежития исходя из глубокого осознания необходимости правомерного поведения, а не из боязни применения мер государственного принудительного воздействия. В рамках достижения указанной цели учеными предлагались и соответствующие изменения теории права.

В частности, Г. И. Федькин предлагал изменить предложенное А. Я. Вышинским определение права посредством включения в него указания на то, что обеспеченность исполнения норм советского права строится не на единственно государственном принуждении, а предопределена природой социалистического строя, огромной культурно-воспитательной деятельностью Советского государства [388, с. 17–23].

В современный период развития юридической науки в целом и науки гражданского права в частности необходимо учитывать изменившийся путь политического развития и новые подходы общества к коммунистическим идеям, отвергающие навязанные Коммунистической партией СССР идеологические принципы общественного устройства, оказавшие в свое время самое непосредственное (по нашему мнению, негативное) влияние на развитие юридической науки, построение основанного на ее выводах советского правопорядка и, как следствие, на содержание научных исследований, выполненных советскими учеными. В силу огромного негативного влияния коммунистической идеологии на содержание советской юридической науки в современный период развития цивилистической мысли необходимо осторожно подходить к советскому юридическому наследию и брать за основу дальнейших научных исследований только такие их результаты, которые свободны от идеологических догм и имеют под собой действительно научное обоснование. К выводу о необходимости наличия в структуре правовой нормы третьего элемента, содержащего меры государствен-

ного воздействия, подлежащие применению к лицам, не выполняющим правило поведения, содержащееся в диспозиции правовой нормы-суждения, привело, по нашему мнению, в том числе понимание диспозиции правовой нормы как обязательного для исполнения правила поведения, получившее массовое признание в советский период развития юридической науки, что, согласно нашей точке зрения, не соответствует предназначению анализируемого элемента в логической структуре правовой нормы.

Согласно точке зрения автора, на что указывалось выше, под диспозицией следует понимать не обязательное для исполнения правило поведения, нарушение которого ведет к применению санкции, а набор определенных прав и (или) обязанностей, возможное или обязательное применение которых к субъекту, выполнившему (не выполнившему) условия гипотезы правовой нормы, изменит его правовое положение как участника соответствующих общественных отношений. Кроме того, следует отметить, что термин «санкция» в первом своем значении раскрывается как «утверждение чего-либо высшей инстанцией, разрешение» [141, с. 696], из чего следует, что под санкцией можно понимать совокупность разрешенных, санкционированных государством мер воздействия, применение которых является итогом негативной оценки государственной властью поведения субъекта. Факт применения таких мер и есть закрепленная в диспозиции правовой нормы реакция государства на совершение (несовершение) фактических действий, указанных в диспозиции, направленная на принудительное изменение правового положения субъекта.

Относительно подхода к понятию и структуре правовой нормы, воспринятого в нашем исследовании, *санкцию* можно определить как юридическое средство, используемое для психологического понуждения субъектов к поведению, предлагаемому государством, не являющееся самостоятельным элементом логической структуры правовой нормы, размещенное в ее диспозиции и содержащее указания на правовые последствия поведения субъекта, на то, каким образом изменится правовое положение лица, совершившего деяние, предусмотренное гипотезой правовой нормы [21-А, с. 47].

Редкие утверждения о том, что санкция не является самостоятельным элементом правовой нормы, а закрепляется в диспозиции (выступает как разновидность диспозиции), высказывались еще в советский период развития юридической науки, но по причине зависимости содержания научных исследований того времени от коммунистической идеологии, необходимости следования массово поддерживаемым в науке теориям, услышаны не были. Так, Б. Т. Базылев еще в 1975 г.

высказал точку зрения, согласно которой «…по своему внутреннему строению норма права выступает как сочетание гипотезы и диспозиции, особой разновидностью которой является санкция» [389, с. 112]. «…Санкция, – отмечает Ю. В. Кудрявцев, – всегда есть диспозиция самостоятельной нормы, вступающей в действие в случае нарушения "предыдущего"… предписания» [153, с. 87].

По сути, санкцией следует называть совокупность обязанностей (одну обязанность), которые государство возлагает на лицо, совершившее деяние, запрещенное гипотезой, и заставляет исполнять при помощи аппарата государственного принуждения. Непосредственно в ходе принудительного исполнения возложенных на лицо обязанностей, именуемых санкцией и закрепленных в диспозиции правовой нормы, изменяется его правовое положение (субъект лишается права собственности на часть своего имущества (конфискация), лишается одного из элементов содержания правоспособности: права осуществлять предпринимательскую деятельность, занимать определенные должности, выступать в качестве учредителя коммерческой организации).

«…Санкция, − отмечает С. В. Курылев, − не указание на меру государственного принуждения… а указание на юридические последствия правонарушения …» [202, с. 49].

Необходимость санкционирования изменения правового положения субъекта посредством применения определенных мер государственного принуждения обусловлена тем, что принудительные меры, применяемые к человеку в процессе государственного реагирования на поведение субъекта, противны естественным правам человека и в случае их применения лицами, во-первых, не уполномоченными на это государством, и, во-вторых, в неустановленных (несанкционированных) государством случаях, факт их применения признается правонарушением и подлежит негативной оценке государственной властью. «Права человека в силу естественного характера их происхождения принадлежат человеку от рождения, являются высшей ценностью, и в силу этого обеспечение и защита являются основной обязанностью государственных органов», − утверждает Г. А. Василевич [390, с. 248].

Так, например, убийство человека является уголовным преступлением, совершение которого влечет изменение правового положения субъекта в пределах, определенных нормой ст. 139 УК, лишение человека свободы признается преступлением нормой ст. 183 УК. Вместе с тем лишение человека свободы в качестве меры государственного принудительного воздействия санкционировано государством посредством закрепления соответствующего правила в ст. 57 УК, а лишение человека жизни, по сути его убийство, – в ст. 59 УК.

Применительно к гражданско-правовым отношениям следует указать, например, что неприкосновенность собственности гарантирована нормами ст. 44 Конституции, но вместе с тем в соответствии с нормами ст. 244 ГК собственность может быть изъята в случаях, предусмотренных законодательными актами в виде санкции за совершенное преступление или иное правонарушение. При этом изъятие имущества у субъекта помимо его воли в иных (несанкционированных государством) случаях запрещается нормами ст. 205–215 УК (преступления против собственности), соответственно, признается уголовным преступлением, совершение которого негативно оценивается государством, что отражено в диспозициях указанных правовых норм.

Таким образом, можно сделать обобщающий вывод о том, что термином «санкция» следует называть не третий элемент правовой нормы, а набор разрешенных (санкционированных) к применению мер государственного воздействия, направленных на изменение правового положения субъекта гражданского права, несущих для субъекта применения негативные последствия, перечень которых закрепляется в диспозиции правовой нормы. «В целом, − отмечает В. Ф. Яковлев, − санкция понимается как неблагоприятное последствие для субъекта, допустившего противоправное поведение» [204, с. 113].

Предусмотренные государством меры принудительного воздействия противны естественным правам человека, но могут быть применены к нему в установленных государством случаях определенными государством органами (должностными лицами) и в установленном государством порядке.

Во всех остальных случаях применение таких мер рассматривается как правонарушение, подлежащее негативной государственной оценке.

Например, из фактического владения субъекта помимо его воли выбыл велосипед (совершена кража из принадлежащего субъекту гаража). Впоследствии собственник велосипеда обнаружил его в фактическом владении другого лица, купившего велосипед у входа в организацию розничной торговли продовольственными товарами по явно заниженной цене. Исходя из обстоятельств приобретения велосипеда, его фактического владельца можно признать незаконным недобросовестным владельцем. При этом не владеющий велосипедом собственник, действуя правомерно, может вернуть велосипед в свое фактическое владение либо предложив фактическому владельцу вернуть велосипед добровольно, либо посредством использования такого средства защиты, как виндикационный иск, применяемый в рамках юрисдикционной формы защиты. Если же собственник изымет принадлежащий ему на праве собственности велосипед другим способом, совершит кра-

жу, применит физическую силу (грабеж, разбой) и т. п., он сам будет привлечен к юридической ответственности соответствующего вида.

На убедительность предлагаемого нами подхода косвенно указывает приверженец трехэлементной концепции структуры правовой нормы О. Э. Лейст, согласно утверждению которого санкция в определенном аспекте становится диспозицией, и это не противоречит тому, что она (санкция) – атрибут правовой нормы. «Противоречия нет, так как пока санкция выступает как угроза (на случай правонарушения), она ни для кого не является диспозицией: ею она становится при решении дела о конкретном правонарушении» [31, с. 19]. «…В науке прямо или косвенно высказывалось суждение о том, что санкция правовой нормы может выступить как диспозиция применительно к тем или иным субъектам» [391, с. 40]; «…санкция запрещающей нормы для правоприменителя предстает как диспозиция» [392, с. 164].

На основании высказывания О. Э. Лейста и других ученых можно сделать вывод о том, что санкция в первую очередь служит для оказания психологического воздействия на субъектов, выступая, согласно утверждению ученого, «как угроза (на случай правонарушения)», и, следовательно, направлена на превенцию совершения запрещенных деяний, на предупреждение потенциальных правонарушителей о содержании негативной оценки государства и пределах изменения правового положения субъекта в случае нарушения установленного запрета. При этом в ходе разрешения дела о конкретном правонарушении санкция, согласно точке зрения О. Э. Лейста, становится диспозицией правовой нормы. Таким образом, ученый, считая структуру правовой нормы трехэлементной, все же указывает на то, что санкция трансформируется в диспозицию в тот момент, когда предусмотренные ею меры воздействия следует применить к конкретному правонарушителю.

В описанных О. Э. Лейстом метаморфозах, которые, по его мнению, должны произойти с санкцией, необходимость отсутствует, если признать искусственность (не связанную с юридической наукой идеологическую предопределенность) концепции трехэлементной структуры правовой нормы и констатировать тот факт, что гипотезой является модель разрешенного или запрещенного государством поведения (юридический факт или их совокупность (юридический состав)), а диспозицией – совокупность позитивных или негативных правовых последствий такого поведения (совокупность субъективных прав и обязанностей), возникновение которых у субъекта санкционировано государством.

Согласно утверждению Ю. В. Кудрявцева, «с формально-логической точки зрения формулировка санкции отлична от предыдущих двух элементов нормы − гипотезы и диспозиции. Между санкцией и преды-

дущими элементами нет логической связи. <…> Представляется, что логическая разнородность санкции и иных элементов не позволяет считать санкцию составной частью, элементом структуры конкретной, отдельно взятой нормы права» [153, с. 80−81].

На искусственность конструкции трехэлементной структуры правовой нормы, ее несоответствие действительному содержанию норм права косвенно указывает Р. З. Лившиц. По мнению ученого, структура правовой нормы «включает согласно принятому пониманию три части: диспозицию, гипотезу и санкцию. По этой классической схеме, − продолжает Р. З. Лившиц, − правовая норма должна выглядеть примерно так: если имеют место какие-то обстоятельства (гипотеза), то участники отношений должны поступать так-то и так-то (диспозиция), в противном случае они подлежат такой-то ответственности (санкция). Но в законодательной практике нормы, построенные по этой классической схеме, почти не встречаются» [358, с. 104].

Более того, согласно утверждению О. Э. Лейста, норма права состоит из одной диспозиции, а гипотеза и санкция являются не составными частями нормы, а ее атрибутами. «Санкцию, − указывает О. Э. Лейст, − имеет любая норма права, но это вовсе не означает, что санкция включается в состав данной, отдельно взятой нормы» [376, с. 21]. «В систему права, − продолжает ученый, − входят целые отрасли права, имеющие правоохранительный характер (уголовное право, уголовный и гражданский процесс); в пределах самих отраслей права выделяются в особый вид нормы, определяющие санкции за правонарушения» [376, с. 22].

Если придерживаться точки зрения, высказанной О. Э. Лейстом и другими теоретиками советской юридической науки относительно того, что санкция не содержится в одной норме с гипотезой и диспозицией, а может содержаться в других отраслях права, то тогда необходимо нивелировать теорию отраслевого деления норм права, отменить классификацию отраслей права на отрасли публичного и частного права, по сути, пересмотреть положения общей теории права.

Так, согласно приведенной точке зрения санкции гражданско-правовых норм, размещенных в разделе II ГК «Право собственности и другие вещные права», закреплены в главе 24 Уголовного кодекса «Преступления против собственности», что не может быть признано верным по отношению к современному уровню развития юридической науки. При этом если применительно к нормам уголовного или административного права наличие санкции как третьего элемента правовой нормы все же можно каким-то образом обосновать, указывая на бездейственность охранительных норм, не имеющих санкции, на то, что без действенных мер принуждения невозможно заставить субъектов

воздерживаться от запрещенных нормами уголовного права деяний, то относительно норм гражданского права все эти доводы являются абсолютно безосновательными, особенно после изменения политического курса государственного развития, выбора новых принципов осуществления экономической деятельности, законодательного включения в круг лиц, осуществляющих экономическую деятельность, субъектов частной формы собственности.

В современных условиях экономического развития гражданский правопорядок допускает значительную самостоятельность субъектов в моделировании своих взаимоотношений и предусматривает исключительно имущественные меры гражданско-правовой ответственности, которые, во-первых, носят компенсационно-восстановительный характер [393, с. 73; 394, с. 119; 395, с. 29; 396, с. 132] и, во-вторых, подлежат применению только на основании свободно сформированного и добровольно выраженного вовне волеизъявления второй стороны правоотношения, права́ и законные интересы которой нарушены. Вряд ли можно именовать санкцией обязанность одной стороны гражданского правоотношения вернуть другой стороне денежные средства, которые эта сторона обязана была заплатить при нормальном развитии гражданского правоотношения, или восстановить своими силами испорченное имущество, или компенсировать имущественные потери, причиненные второй стороне в результате действий (бездействия) ее контрагента. Вне всякого сомнения, возмещение причиненных убытков, восстановление правового положения лица, существовавшее до нарушения его прав и законных интересов, удержание как мера оперативного реагирования на поведение субъекта, не соответствующее условиям договорного обязательства, применение к недобросовестной стороне гражданско-правового отношения зачетной и даже штрафной неустойки носят исключительно компенсационный характер и направлены на восстановление правового положения участников экономической деятельности, которое должно было существовать при нормальном развитии гражданско-правовых отношений.

Согласно утверждению Н. П. Томашевского, «мнимое обнаружение третьего элемента в структуре правовой нормы является результатом неправильного анализа законов по нормам и в особенности норм по элементам, в результате чего диспозиция одной нормы принимается за санкцию (третий элемент) другой нормы. Правильный анализ неизменно обнаруживает в составе каждой нормы только гипотезу и диспозицию… вследствие чего всякая правовая норма может быть выражена в форме условного суждения: в таком-то случае… следует поступать так-то» [16, с. 207].

В отличие от мер гражданско-правового воздействия, применяемых на основании решения, принятого частным лицом, меры принудительного воздействия, используемые в уголовном или административном праве и именуемые приверженцами трехэлементной логической структуры правовой нормы санкцией, применяются специально уполномоченными государственными органами, направлены на принудительное изменение правового положения субъекта, которое при нормальном развитии общественных отношений никогда бы не произошло. Такие меры связаны не с восстановлением правового положения потерпевшего, что в принципе невозможно в случае причинения телесного повреждения, убийства, изнасилования и в иных подобных случаях, а используются в качестве государственного возмездия за совершение лицом деяний, запрещенных и признанных государством наиболее общественно опасными.

Изложенное позволяет констатировать, что санкция не может рассматриваться в качестве самостоятельного элемента гражданско-правовых норм [55-А, с. 84], а формула «если − то – иначе», на что обращает внимание Ю. В. Кудрявцев, «представляется теоретической конструкцией, отражающей, так сказать, принцип действия права на поведение, но не структуру нормы» [153, с. 87], с чем следует согласиться. «…Структура нормы права является двучленной. Она всегда содержит гипотезу и диспозицию и не включает в себя санкцию», – отмечает В. В. Попов [397, с. 14]. Приведенную точку зрения разделяет Д. А. Смирнов, согласно утверждению которого «…авторы, являющиеся сторонниками трехчленной структуры нормы права, путают должное и сущее… каждая регулятивная норма должна обладать определенным охранительным механизмом… Однако это вовсе не означает, что если указанный механизм отсутствует, то норма права перестает быть таковой. Таким образом, норма права представляет собой разновидность нормативного предписания, которое состоит из гипотезы… и диспозиции…» [398, с. 271]. Вместе с тем следует еще раз отметить, что в настоящее время на постсоветском пространстве распространенной является концепция трехзвенной логической структуры правовой нормы [399, с. 287], что, как указывалось выше, не имеет под собой научного обоснования.

4.3 ЛОГИЧЕСКОЕ СУЖДЕНИЕ ИМПЛИКАТИВНОГО ТИПА КАК ОСНОВА ЛОГИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ НОРМЫ

В ходе исследования концепций двухэлементной и трехэлементной структуры гражданско-правовой нормы в первую очередь, по нашему мнению, следует исходить из того, что представляет собой норма гражданского права, структура которой подлежит анализу, и во вторую очередь − из того, что составляет основу построения структуры гражданско-правовой нормы.

Как отмечалось выше, гражданско-правовая норма, имеющая структуру, т. е. норма-суждение, представляет собой сложное условное логическое суждение импликативного типа о поведенческих возможностях субъектов гражданского права и их государственной оценке, выраженной в возможности наступления положительных или отрицательных для субъекта последствий юридического и фактического свойства. Названный подход к пониманию нормы-суждения поддерживается представителями двух концепций. Впрочем, следует отметить тот факт, что разграничение правовых норм на нормы-предписания и нормы суждения проводится не всеми учеными-правоведами. Отсутствие такого разграничения, по нашему мнению, принижает значимость исследования норм гражданского права, лишает его существенной информации, необходимой как для юриста-практика, так и для ученого-правоведа, которые в своей деятельности должны не только уметь применять нормы-предписания, соединять их отдельные части в единые правила, определяющие субъективные права и обязанности в конкретном правоотношении, что особенно важно для гражданско-правовых отношений, но и проводить научные исследования нормативного материала с целью дальнейшего совершенствования системы гражданского права.

Представителями обеих концепций не отрицается тот факт, что в основу построения структуры правовой нормы положена логическая импликация, понимаемая И. И. Дубининым как сложное высказывание, состоящее из простых, соединенных между собой логическим союзом «если… то» [400, с. 125].

Таким образом, импликативное суждение, именуемое в логике сложным и условным, состоит из двух простых суждений – двух частей. Согласно утверждению В. И. Бартона, «часть со словом “если” называется основанием, или антецедентом, а часть со словом “то” – следствием, или консеквентом» [401, с. 91].

На основании приведенного утверждения можно сделать вывод о том, что поведенческие возможности субъекта гражданского права и результат их государственной оценки взаимообусловлены и логично следуют друг за другом. В начале поведение субъекта, после – его государственная оценка, что не отрицается представителями как концепции двухэлементной, так и концепции трехэлементной структуры правовой нормы и находит свое подтверждение в высказываниях представителей науки логики.

Так, В. И. Кириллов и А. С. Старченко утверждают, что «в условном суждении антецедент выполняет функцию фактического или логического основания, обусловливающего принятие в консеквенте соответствующего следствия» [402, с. 83].

Анализируемый подход, безусловно, характерен для конструкции норм-суждений, в которых вторая часть, именуемая диспозицией, следует из первой части, именуемой гипотезой, обусловлена ей. Указанная взаимообусловленность двух частей гражданско-правовой нормы-суждения свидетельствует о влиянии логических конструкций, в частности, конструкции импликативного (условного) суждения, на структуру нормы гражданского права, называемую в правоведении логической, что также подчеркивает ее связь с логическими формами. «Неполнота и неточность учения о логической структуре правовой нормы могут быть преодолены только при обращении к основам логической науки», – отмечает Т. В. Гурова [403, с. 53].

Связь структуры правовой нормы с логическими формами:

– констатирует Н. М. Коркунов, согласно утверждению которого «юридическая норма выполняет роль большой посылки; данное фактическое отношение людей, выражающее столкновение регулируемых нормой интересов, – роль малой посылки, а определение соответствующих прав и обязанностей есть заключение» [371, с. 122];

– подтверждают В. И. Кириллов и А. С. Старченко, согласно точке зрения которых «в форме условных суждений в языке могут быть представлены такие виды объективных связей, как… правовые…» [402, с. 83].

Изложенное позволяет констатировать тот факт, что структура гражданско-правовой нормы-суждения суть условная логическая форма, именуемая импликацией, где гипотеза является антецедентом (основанием (причиной)), а диспозиция – консеквентом, или следствием.

Приведенные выше подходы к созданию логических форм и указание на то, что к объективным правовым связям применяется только одна из них, а именно сложное условное логическое суждение импликативного типа, позволяют утверждать, что правовая норма-суждение,

структура которой, безусловно, основана на логической импликации, состоит из двух простых суждений, двух элементов – основания (антецедента) и следствия (консеквента), получивших в юриспруденции название гипотезы и диспозиции [23-А, с. 13].

В качестве основания (гипотезы правовой нормы), по нашему мнению, могут выступать как модели разрешенного (положительного) поведения, предусмотренные нормами гражданского права, так и модели запрещенного (асоциального) поведения, предусмотренные, например, нормами уголовного права, что обусловлено общим предназначением правовых норм, входящих как в отрасли публичного, так и в отрасли частного права, заключающимся в создании наиболее благоприятных с точки зрения государства условий взаимодействия людей в различных сферах социальной жизни. Содержание гипотезы (основания), по нашему мнению, зависит от социального предназначения соответствующей отрасли права в целом и отдельных норм (их групп) в частности.

Так, гражданское право как базовая отрасль частного права предназначено для создания наиболее благоприятных правовых условий участия в общественных отношениях, возникающих в процессе производства, обмена и потребления продукции. Посредством норм гражданского права государство предлагает субъектам экономической деятельности наиболее оптимальные с государственной точки зрения модели поведения, предоставляя при этом участникам экономических отношений юридически обеспеченную возможность самостоятельного моделирования своих гражданско-правовых связей. Сообразно с предназначением гражданского права сформулированы гипотезы гражданско-правовых норм.

Однако следует отметить, что конструкция системы гражданского права как отрасли права и, соответственно, конструкция входящих в ее состав правовых норм не позволяют выделить гипотезу так же однозначно, как, например, в нормах уголовного права. Дело в том, что уголовное право и, в частности, его Особенная часть построены по принципу «одна статья – одна норма – одно запрещенное деяние и последствия его совершения». Таким образом, в уголовном праве одной норме-предписанию, как правило, соответствует одна норма-суждение.

Гражданское право в целом и его отдельные нормы в частности сформированы по другому принципу. Так, на процесс приобретения, например, зубной щетки в организации розничной торговли оказывают влияние многие правовые нормы-предписания, совокупность которых определяет поведенческие возможности продавца и покупателя. Во-первых, это нормы § 2 главы 30 ГК, во-вторых, в части, не урегулированной указанными нормами, − нормы § 1 главы 30 ГК, в-третьих, общие нормы, закрепленные в главе 27 ГК, а также нормы, стоящие на

защите прав потребителей, закрепленные в специальных нормативных правовых актах [404; 405].

Исходя из специфики построения системы гражданского права в целом и отдельных гражданско-правовых норм в частности, для выделения гипотезы и диспозиции в нормах гражданского права необходимо применить соответствующий специальный подход, предложенный Н. П. Томашевским, согласно утверждению которого для выделения элементов логической структуры нормы гражданского права необходимо изменить редакцию нормы без изменения ее содержания. В качестве примера ученый приводит норму ст. 9 ГК РСФСР: «Несовершеннолетние, достигшие 14 лет, могут совершать сделки с согласия своих законных представителей» и указывает на то, что «для выделения гипотезы и диспозиции в этой норме ее следует выразить в условной форме: если несовершеннолетний достиг четырнадцати лет (гипотеза), то он может совершать сделки с согласия своих законных представителей (диспозиция)» [16, с. 208].

С предложенной Н. П. Томашевским методикой выделения гипотезы и диспозиции в нормах гражданского права следует согласиться. Вместе с тем приведенный ученым пример является самым простым из возможных. Например, применительно к уже упомянутому выше договору розничной купли-продажи выделение гипотезы и диспозиции является более сложным процессом. Так, согласно нормам, закрепленным в п. 1 ст. 462 ГК, «*по договору розничной купли-продажи продавец, осуществляющий предпринимательскую деятельность по продаже товаров в розницу, либо лицо, осуществляющее ремесленную деятельность или разовую реализацию товаров на рынке, обязуется передать покупателю товар, предназначенный для личного, семейного, домашнего или иного использования, не связанного с предпринимательской деятельностью*».

Приведенные нормы-предписания в совокупности можно рассматривать как гипотезу одной нормы-суждения (условного сложного логического суждения импликативного типа), составляющей правовую модель поведения сторон договора розничной купли-продажи. Причем если детализировать текст приведенной статьи по субъектам, то можно выделить три гипотезы, определяющие юридический факт, с которым другие нормы ГК связывают изменение правового положения лица, осуществляющего:

– предпринимательскую деятельность по продаже товаров в розницу;

– ремесленную деятельность;

– разовую реализацию товаров на рынке.

Кроме того, анализируемые нормы-предписания также определяют юридический факт, с которым иные нормы гражданского права связывают возникновение прав и обязанностей (изменение правового положения) у лица, приобретающего товар у каждой из указанных категорий продавцов.

Для упрощения исследования мы сформулируем одну гипотезу применительно ко всем указанным категориям продавцов.

Гипотеза. Если товар, который предназначен для личного, семейного, домашнего или иного использования, не связанного с предпринимательской деятельностью, продавец, осуществляющий предпринимательскую деятельность по продаже товаров в розницу, либо лицо, осуществляющее ремесленную деятельность или разовую реализацию товаров на рынке (розничная купля-продажа) обязуется передать покупателю на возмездной основе, то… (*далее следует диспозиция, т. е. права и обязанности, которые возникнут у названных продавцов в том случае, если с ними по указанному поводу вступят в договорные отношения иные субъекты гражданского права, которые в таком случае приобретут правовое положение покупателя с соответствующими правами и обязанностями*).

Диспозиция комментируемой нормы-суждения гражданского права содержится в совокупности норм-предписаний, закрепленных в статьях как § 2 главы 30 ГК «Розничная купля-продажа», так и в иных статьях ГК, содержащих права и обязанности продавца и покупателя.

Диспозиция. Продавец обязан передать покупателю товар, определенный соглашением сторон, в согласованном количестве и ассортименте, надлежащего качества, упакованным или затаренным (если товар подлежит затариванию или упаковке), со всеми принадлежностями и документами, в соответствующем комплекте или комплектности, пригодным для использования по назначению, свободным от прав третьих лиц, сопроводить товар необходимой и достоверной о нем информацией и имеет право требовать своевременной и полной оплаты товара[77] [99-А, с. 61−66].

Приведенный порядок формирования нормы-суждения, состоящей из гипотезы и диспозиции, которая, в свою очередь, включает совокупность норм-предписаний, закрепленных в ряде статей ГК, применим практически ко всем договорным конструкциям, закрепленным в ГК. Вместе с тем следует отметить, что в гражданском праве существует

[77] Нормы-предписания, составляющие содержание диспозиции моделируемой нами нормы-суждения, закреплены в ряде статей § 1 и 2 главы 30 ГК (ст. 426, п. 1 ст. 430, п. 1 ст. 435, п. 1 ст. 437, ст. 439, п. 1 ст. 440, п. 2 ст. 440, п. 1 ст. 448, п. 1 ст. 449, ст. 451, п. 1 и 2 ст. 454, п. 1 ст. 455, п. 1 ст. 456, ст. 465, ст. 470).

достаточное количество норм-суждений, гипотезу и диспозицию которых составляют нормы-предписания, закрепленные в одной статье (пункте, части) ГК, на что, в частности, указывает Н. П. Томашевский. При этом, в отличие от норм-суждений уголовного или административного права, элементы которых по порядку расположения практически совпадают с расположением гипотезы и диспозиции соответствующих норм-суждений, для выделения гипотезы и диспозиции из норм предписаний гражданского права необходимо применить методику, указанную Н. П. Томашевским, т. е., как правило, нужно изменять редакцию норм-предписаний без изменения их содержания.

Например, для того чтобы выделить гипотезу и диспозицию из норм-предписаний, закрепленных в п. 3 ст. 5 ГК, согласно которым «*не допускается применение по аналогии норм, ограничивающих гражданские права и устанавливающих ответственность*», следует изменить редакцию приведенных норм без изменения смысла, вложенного в них законодателем.

Гипотеза: если *нормы гражданского права ограничивают гражданские права и устанавливают ответственность*, то… **диспозиция:** *такие нормы не могут быть применены по аналогии*.

Без применения указанной методики выделить гипотезу и диспозицию в названных нормах-предписаниях представляется затруднительным (следует отметить, что в п. 3 ст. 5 ГК закреплены две нормы-предписания, из которых можно было бы выделить две гипотезы − применительно к нормам, ограничивающим гражданские права, и применительно к нормам, устанавливающим ответственность).

Редакцию приведенной нормы без изменения смысла, вложенного в нее законодателем, можно изменить более кардинально, например: **гипотеза**: если *при разрешении спора о праве гражданском по аналогии применены нормы, ограничивающие гражданские права и устанавливающие ответственность*, то… **диспозиция**: *принятое судебное решение считается противоречащим установленному гражданскому правопорядку (противоправным) и подлежит отмене в установленном порядке*.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что, независимо от содержания основания (антецедента) гражданско-правовой нормы, которое, на что указывалось выше, может включать как модель разрешенного (предлагаемого государством) поведения, так и модель запрещенного либо необходимого государству поведения, антецедент всегда является первой частью нормы гражданского права, именуемой гипотезой, содержащей указание на юридический факт (юридический состав), т. е. те фактические обстоятельства, с которыми государство

связывает наступление (возможность наступления) положительных или отрицательных юридических последствий для определенного субъекта. При этом возможные юридические последствия, содержащиеся во второй части гражданско-правовой нормы − консеквенте (диспозиции), выражены в добровольном либо принудительном изменении правового положения участника гражданско-правового отношения.

В зависимости от содержания гипотезы (основания) в качестве диспозиции (следствия) гражданско-правовой нормы может выступать либо перечень положительных субъективных прав и обязанностей, приобретаемых субъектом гражданского права в случае социально допустимого поведения, либо перечень мер государственного принуждения (обязанностей отрицательного свойства), которые, будучи санкционированы государством, могут быть применены к лицу, совершившему социально недопустимое деяние в сфере гражданского оборота, обязанному под принуждением претерпеть предусмотренные диспозицией гражданско-правовой нормы меры государственного воздействия, применяемые к субъекту в рамках возлагаемой на него юридической ответственности.

При этом под юридической ответственностью в гражданско-правовой сфере следует понимать возлагаемую на правонарушителя субъективную обязанность претерпеть предусмотренные диспозицией гражданско-правовой нормы, санкционированные государством и принудительно применяемые неблагоприятные последствия совершенного деяния морального (ограничение правоспособности) или имущественного (штраф, конфискация) свойства, направленные на изменение правового положения виновного лица, в пределах, соразмерных вреду, причиненному охраняемым экономическим отношениям, соответствующие социальным качествам нарушителя [2-А, с. 131].

Санкцией применительно к изложенному выше определению понятия «юридическая ответственность» следует именовать содержание применяемых государством мер принудительного воздействия, которые предназначены для оказания мотивационного воздействия [406, с. 236] на участников экономической деятельности с целью стимулирования [407, с. 49; 408, с. 207] их правомерного поведения с учетом интереса второй стороны правоотношения. При этом следует отметить, что на взаимообусловленность интереса субъекта и его поведения указывается в юридической литературе [409, с. 3].

Как отмечает А. Ф. Черданцев, норма права «…складывается из двух взаимосвязанных частей. Первая часть описывает в обобщенном плане ситуацию, условия, факты, на которые распространяется ее действие. Вторая часть указывает на юридические последствия… насту-

пающие при наличии условий, указанных в первой части» [137, с. 214]. Указывая исключительно на двухэлементную структуру правовой нормы и отмечая тот факт, что «трехчленная структура – это структура нормы, реально не существующей, созданной путем искусственного соединения двух норм – регулятивной и охранительной», А. Ф. Черданцев классифицирует правовые нормы на регулятивные и охранительные, отмечая, что в регулятивных нормах их части называются гипотезой и диспозицией, а в охранительных – диспозицией и санкцией [137, с. 214]. Позицию А. Ф. Черданцева разделяет А. С. Пиголкин, который также настаивает на двухэлементной структуре правовой нормы и поддерживает утверждение, согласно которому регулятивные нормы состоят из гипотезы и диспозиции, а охранительные – из диспозиции и санкции [410, с. 156].

Соглашаясь с точкой зрения названных ученых о двухэлементной структуре правовой нормы, следует возразить относительно поддерживаемого ими названия ее частей. По нашему мнению, независимо от классификации правовых норм на регулятивные и охранительные и, следовательно, их предназначения в механизме правового регулирования, логическая структура правовой нормы и, соответственно, названия ее элементов должны оставаться неизменными.

Изменяется лишь наполняющее такие элементы содержание:

– либо разрешенная модель поведения и его позитивная государственная оценка, выраженная в необходимом субъекту изменении его правового положения в сфере гражданского оборота;

– либо запрещенная модель поведения и его негативная государственная оценка, выраженная в принудительном изменении правового положения субъекта гражданского права в сторону ухудшения по сравнению со стандартно допускаемым государством.

При этом классификацию правовых норм на регулятивные и охранительные следует проводить исключительно по содержанию их гипотезы и диспозиции. Закрепленная в правовой норме модель разрешенного поведения и положительные юридические последствия такого поведения указывают на то, что норма является регулятивной, а модель запрещенного поведения и его негативные последствия (негативная оценка такого поведения государством) указывают на то, что норма гражданского права является охранительной.

Таким образом, изложенное позволяет сделать вывод, что гражданско-правовые нормы-суждения состоят из двух элементов, что соответствует структуре используемого при их построении сложного условного логического суждения импликативного типа, образованного по модели «если – то», которое «учеными всего мира… составляется из двух эле-

ментов: 1) основания, или антецедента… суждения; 2) следствия, или консеквента, суждения. Суждения типа “если – то – иначе санкция”, – на что обращает внимание В. А. Белов, – науке логике незнакомы, поскольку таковое представляет собой объединение элементов двух различных импликативных суждений…» [96, с. 242−243].

«Из четырех элементов двух норм, − отмечает Н. П. Томашевский, − искусственно конструируются три элемента одной нормы, так как оба элемента второй нормы (гипотеза и диспозиция) искусственно превращаются в санкцию первой нормы» [16, с. 219].

Анализ правовых норм-предписаний, закрепленных в ГК, УК, КоАП, и иных норм-предписаний показывает, что все они, как правило, имеют двухэлементную структуру. Сделанный нами вывод подтверждается и в том случае, когда одна норма-суждение составляется из нескольких и даже из многих норм-предписаний, закрепленных в разных статьях нормативного правового акта, что особенно ярко выражено в системе гражданского права.

В заключение следует привести высказывание А. Ф. Черданцева, согласно которому «учение о двухчленной норме исходит из того, что отдельная норма – это часть системы, она регулирует общественные отношения во взаимосвязи с другими нормами. По этому учению норма права с логико-языковой точки зрения – это высказывание, мысль о должном или возможном поведении, выраженное вовне с помощью языка» [145, с. 51].

«Учение о двухчленной структуре, − продолжает А. Ф. Черданцев, − просто, естественно, удобно, не вызывает затруднений у истолкователя нормы, ибо соответствует реальным нормам права» [145, с. 52].

Изложенное выше с убедительностью доказывает необходимость возврата к двухэлементной конструкции правовой нормы как конструкции, соответствующей не только науке логике, но и логике правового регулирования.

В соответствии с проведенным исследованием можно сделать следующие выводы.

1. На основании изучения и анализа научных работ, выполненных в исследуемой области в досоветский, советский и постсоветский периоды развития юридической науки, можно утверждать, что в настоящее время учеными рассматриваются две основные концепции логической структуры правовой нормы: концепция двухэлементной и концепция трехэлементной логической структуры правовой нормы. Причем преобладающей является концепция трехэлементной логической структуры правовой нормы, состоящей из гипотезы, диспозиции и санкции, т. е. логической структуры, построенной по формуле «если − то − иначе».

2. Установлено, что трехэлементная концепция логической структуры правовой нормы получила свое развитие в 1940-х гг. вследствие приложения к существующей до указанного периода двухэлементной структуре правовой нормы утверждений апологетов марксизма-ленинизма о безжизненности, бездейственности права без государственного принуждения, а обязанность всемерной поддержки коммунистической идеологии всеми гражданами СССР послужила основой, по сути, массового признания предложенной концепции советскими учеными.

3. На основании исследования норм гражданского права установлено, что в процессе формирования системы права в целом и системы гражданского права в частности используется двухэлементное строение правовой нормы, что коррелирует с достижениями науки логики и соответствует разработанному указанной наукой сложному условному логическому суждению импликативного типа, построенному по формуле «если − то».

Определено, что правовые нормы, сформированные согласно трехэлементной концепции логической структуры, в нормативных правовых актах не встречаются. Это наряду с политизированным основанием введения трехэлементной структуры свидетельствует об искусственности и, соответственно, правовой безжизненности разработанной советскими учеными конструкции.

Вместе с тем довлеющая на юридическую науку коммунистическая идеология требовала неуклонного следования идеям марксизма-ленинизма, что породило достаточно большое количество научных публикаций, направленных на обоснование «идеологически верной», трехэлементной концепции логической структуры правовой нормы, с надуманными, не имеющими под собой научного обоснования теориями «отрыва» санкции от правовой нормы, ее размещения не только в другой правовой норме, но в другом нормативном правовом акте и даже в другой отрасли права.

4. Исследование действующей системы гражданского права и некоторых других отраслей, изучение строения, предназначения и способов применения сложного условного логического суждения импликативного типа, построенного по модели «если − то», предлагаемого наукой «логика», позволили сделать вывод, что все правовые нормы представляют собой логические конструкции, выраженные при помощи символов русского языка.

Умозаключения о правах и обязанностях субъектов гражданского права представляют собой логические суждения, вытекающие одно из другого и логически взаимосвязанные между собой, что является основанием для приложения логической модели к системе гражданско-

правовых норм и утверждения, что все нормы гражданского права имеют двухэлементную логическую структуру, построенную по модели, разработанной в рамках науки «логика» по формуле «если – то».

5. На основе того, что гражданско-правовые нормы имеют двухэлементную логическую структуру, сделан вывод, что санкция не является элементом логической структуры гражданско-правовой нормы и представляет собой юридическое средство, используемое для психологического понуждения субъектов к поведению, предлагаемому государством, не являющееся самостоятельным элементом логической структуры правовой нормы, размещенное в ее диспозиции и содержащее указания на правовые последствия поведения субъекта, на то, каким образом изменится правовое положение лица, совершившего деяние, предусмотренное гипотезой нормы гражданского права.

6. Исходя из понятия и места санкции в системе гражданско-правовых средств, диспозицию следует классифицировать на имеющую положительное (позитивное) и отрицательное (негативное) содержание. Как позитивная, так и негативная диспозиции содержат информацию о правовом результате, которого достигнет субъект гражданского права в случае совершения (несовершения) деяния, указанного в гипотезе. Причем гипотезы могут содержать как модели разрешенного (рекомендуемого), так и модели запрещенного, не рекомендуемого государством поведения.

7. Анализ норм, закрепленных в ГК, процедура выделения в них гипотезы и диспозиции показали, что нормы, составляющие систему гражданского права, находятся в глубокой системной взаимосвязи друг с другом, чем обусловлена необходимость применения специальных приемов юридической техники для выделения из норм-предписаний, закрепленных в ГК, гипотезы и диспозиции, а также поиска диспозиции одной нормы-суждения в нескольких нормах-предписаниях.

8. Указанные обстоятельства предопределяют особую значимость процедуры толкования норм гражданского права.

ГЛАВА 5
ТОЛКОВАНИЕ И ПРИМЕНЕНИЕ НОРМ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

5.1 ПОНЯТИЕ, ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ И МЕТОДЫ ТОЛКОВАНИЯ НОРМ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА: ДОКТРИНАЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

5.1.1 Догматические предпосылки применения юридической герменевтики в процессе уяснения смысла гражданско-правовых норм

Современная система гражданского права, стабильность которой является одним из условий построения гражданского общества и правового государства [411, с. 175], смоделирована таким образом, что применение гражданско-правовых норм в ходе участия в экономических отношениях, опосредованных гражданским правом, сопряжено с необходимостью уяснения того смысла, который вкладывал в правовую норму законодатель в процессе ее разработки, принятия и в определенных случаях разъяснения этого смысла другим участникам экономических отношений. «Применение правовых норм… начинается с уяснения их содержания» [412, с. 14]. Таким образом, процесс применения норм гражданского права непосредственно связан с необходимостью их изучения, адаптации к экономическим отношениям, фактически складывающимся в конкретный период экономического и политического развития государства и общества, и в первую очередь уяснения действительного (точного) смысла гражданско-правовых норм [413, с. 172], подлежащих применению для разрешения возникшего казуса, что является важной задачей практической (догматической) цивилистики.

«Проблема применения правовых норм, − отмечает П. Е. Недбайло, − весьма многогранна для исследования и обобщения. Она охватывает собой не только понятие применения правовых норм, но и вопросы установления фактических обстоятельств, требующих юридического

решения, порядок выбора (отыскания) норм для применения, правила проверки их подлинности и юридической силы действия, толкование… вопросы средств и гарантий правильного применения правовых норм» [414, с. 334].

Практическая необходимость уяснения действительного смысла гражданско-правовой нормы в процессе ее применения обусловлена тем:

– что субъекту правоприменительной деятельности норма гражданского права представлена в виде некоторого набора символов государственного языка, совокупность которых, соединенных в грамматические предложения, имеет определенное смысловое значение, подлежащее уяснению в ходе осуществления правоприменительной деятельности. «Норма права, облеченная в языковую (письменную) форму, является особой разновидностью литературной формы», – указывает Э. Х. Губайдуллина [415, с. 51];

– буквальное словесное выражение гражданско-правовой нормы не всегда соответствует ее действительному смысловому содержанию [416, с. 130], что может быть обусловлено различными факторами, в том числе общими историческими условиями разработки нормы гражданского права, которые к моменту ее применения могли измениться, сменой экономических или политических условий развития общества, новыми подходами общества к пониманию того или иного экономико-общественного явления и многими другими факторами, включая значительное количество оценочных понятий [417–421], что особенно отчетливо проявляется в нормах системы гражданского права в целом и закрепленных непосредственно в ГК в частности. «Именно в момент соотнесения обстоятельств дела и абстрактных нормативных правил, − по мнению А. Шмагина, − неизбежно встает вопрос о смысле использованных в законе понятий» [422, с. 248].

Следовательно, возникает необходимость уяснения действительного смысла, вложенного в правовую норму законодателем, и приложения уясненного смысла к фактически складывающимся общественным отношениям. «Для приложения закона к случаям действительным, − отмечает Д. И. Мейер, − толкование его существенно: сам закон не ложится на случай, следовательно, чтобы приложение его было сообразно выраженной в нем воле законодателя, лица, применяющие закон, должны его понимать» [117, с. 66].

В приведенном высказывании известный русский цивилист, по нашему мнению, подчеркивает особенности построения системы гражданского права, заключающиеся в том, что составляющие ее правовые нормы представляют собой общие модели поведения, предлагаемые для всех случаев участия в экономических отношениях безотноситель-

но к специфическим особенностям, присущим каждому отдельному гражданско-правовому отношению. Кроме того, «…неопределенность содержания правовой нормы допускает возможность неограниченного усмотрения в процессе правоприменения и ведет к произволу» [423].

Названные обстоятельства, соответственно, предполагают необходимость уяснения смысла применяемых гражданско-правовых норм с целью их адаптации к специфическим особенностям того общественного отношения, которое фактически сложилось между конкретными участниками экономической деятельности по определенному поводу. Согласно утверждению П. Е. Недбайло, «в целях правильного, то есть законного и обоснованного, применения правовых норм необходимо не только знание закона, но и изучение конкретных фактов и обстоятельств их реализации. Правильное применение правовых норм имеет место там и тогда, где и когда фактическая сторона дела отвечает законной стороне, а законная сторона отвечает фактическому положению вещей» [414, с. 310];

– в нормативных правовых актах системы гражданского законодательства, в том числе и в ГК, закреплены нормы-предписания (законодательные нормы), а споры о правах и обязанностях субъектов гражданского права разрешаются посредством применения норм-суждений, которые вырабатываются на основе подбора и анализа необходимой в конкретном случае совокупности законодательных норм.

Следовательно, конкретный спор о праве гражданском разрешается путем подбора и установления юридической силы подлежащих использованию норм-предписаний, расположения их в необходимой логической последовательности, уяснения действительного смысла каждой отдельно взятой нормы-предписания и последующего построения на их основе одной нормы-суждения, которая и представляет собой модель поведения субъектов гражданского права, подлежащую применению.

«Приступая к практическому изучению права, − отмечает Е. В. Васьковский, − нужно… собрать все действующие в данный момент времени на данной территории юридические нормы. Затем следует… удостовериться, что они… снабжены юридической силой… Собрав и очистив таким образом материал действующего права, необходимо овладеть его содержанием, т. е. истолковать смысл норм… подвергнуть этот материал догматической обработке и придать ему форму научной системы» [9, с. 53].

Таким образом, Е. В. Васьковский указывает на четыре процесса, из которых слагается деятельность практической цивилистики:

– собирание правовых норм, подлежащих применению;

– критика или проверка подлинности применяемых правовых норм;
– толкование правовых норм;
– догматическая переработка правовых норм [9, с. 53].

Обозначенные Е. В. Васьковским процессы, составляющие, по мнению ученого, содержание юридической догматики, в целом реализуются современными участниками правоприменительной деятельности [424, с. 38], что указывает на актуальность его выводов и на современном этапе развития цивилистической науки. Собирание норм гражданского права, необходимых для разрешения конкретной ситуации, представляет собой механический процесс отбора содержащих такие нормы нормативных правовых актов в целом и требуемых для разрешения казуса правовых норм в частности, что происходит в процессе практического исследования системы гражданского законодательства.

Следует отметить, что со времен Е. В. Васьковского процесс собирания нормативных правовых актов и критики содержащихся в них правовых норм существенно упростился.

В период деятельности известного ученого процесс собирания и критики правовых норм был сопряжен со следующими трудностями:

− во-первых, необходимо было переработать определенное количество разрозненных бумажных носителей правовой информации, содержащих необходимые нормативные правовые акты, возможно, фактически находящихся в разных местах, что, в свою очередь, сопрягалось с дополнительными затратами времени на их поиск и отбор;

− во-вторых, юридическая сила отобранных актов не обязательно следовала непосредственно из закрепленных в них норм, что было обусловлено возможным изменением или отменой нормативных правовых актов, подлежащих применению;

− в-третьих, указание на изменение или отмену акта содержалось не в самом нормативном правовом акте, а в акте о внесении изменений или отмене отобранного нормативного правового акта, а это усложняло процесс отбора подлежащей использованию правовой информации в связи с необходимостью отбора и изучения нормативных правовых актов, нормами которых вносились изменения в нормативные правовые акты, отобранные для применения.

В настоящее время вследствие технического развития человечества, ознаменованного, в частности, разработкой персональных компьютеров и различного рода компьютерных баз данных правовой информации, содержащих в себе полные собрания всех нормативных правовых актов, составляющих систему законодательства государства, деятельность юристов по подбору необходимых нормативных правовых актов стала значительно эффективнее. Кроме того, что компью-

терные базы данных правовой информации содержат все существующие в государстве и предназначенные для свободного доступа нормативные правовые акты, они включают в себя гиперсвязи между различными нормативными правовыми актами, их статьями, пунктами и т. п., а также все изменения и дополнения, внесенные в подлежащие применению нормативные правовые акты, содержащиеся непосредственно в применяемом нормативном правовом акте, который, соответственно, размещен в базе данных в «контрольном состоянии», т. е. является актуальным на дату применения.

Таким образом, в настоящее время, подбирая подлежащие применению правовые нормы, субъект правоприменительной деятельности одновременно убеждается в том, что содержащие такие нормы нормативные правовые акты являются действующими, т. е. обладают необходимой юридической силой и включают в себя все внесенные в них изменения и дополнения.

Следовательно, субъект правоприменения одновременно с подбором правовых норм, согласно Е. В. Васьковскому, осуществляет их критику − проверку как подлинности текста правовых норм, так и юридической силы нормативных правовых актов, содержащих необходимые правовые нормы.

Безусловно, главным процессом юридической догматики (практической цивилистики) выступает процесс уяснения смысла правовых норм, основой реализации которого является их толкование, под которым В. М. Сырых понимает познавательную деятельность, осуществляемую с целью установления содержания нормы права, изложенной в тексте нормативного правового акта [135, с. 276], с чем следует согласиться. Вне всякого сомнения, процесс толкования правовой нормы, во-первых, является необходимым условием применения правовых норм [425, с. 103] и, во-вторых, указанный процесс можно рассматривать как познавательную деятельность, т. е. деятельность, направленную на получение знаний о содержании правовой нормы, необходимых для ее правильного применения.

Под процессом толкования правовых норм, отмечает Т. Я. Хабриева, следует понимать «совершение определенным субъектом совокупности действий в строгом их наборе, последовательности и системе, соответствующим образом оформленных и доведенных до сведения адресатов правовых предписаний» [129, с. 459].

«Юридическое толкование, − указывает Е. А. Березина, − представляет собой осуществляемую с помощью системы особых способов специфическую юридическую интеллектуально-волевую деятельность субъектов права, направленную на познание смысла правовых явлений

в целях наиболее правильной и эффективной реализации правовых предписаний…» [426, л. 9].

Применительно к описанию процедуры толкования приведенное утверждение можно признать соответствующим ее содержанию, выраженному в определенной совокупности действий, последовательно совершаемых в рамках четырех процессов, обозначенных Е. В. Васьковским. Однако приведенная цитата не способствует пониманию сути процесса толкования, не объясняет его целей, предназначения, что в значительной степени лишает ее познавательной ценности. Вместе с тем в совокупности с мнением, высказанным В. М. Сырых, определившим понятие толкования и цель его осуществления, описание процессов толкования, предложенное Т. Я. Хабриевой, дает определенное представление о том, что, с какой целью и в какой последовательности происходит в ходе толкования правовых норм.

«Толкование, − отмечает А. С. Пиголкин, − неотъемлемая часть процесса применения права… Целью толкования… как правило, является не просто абстрактное понимание смысла правовой нормы ради чисто академических целей, а познание ее для того, чтобы правильно на ее основе решать конкретные жизненные случаи» [23, с. 26−27].

Непосредственно Е. В. Васьковский под толкованием, или интерпретацией, понимает «совокупность приемов, применяемых к произведениям человеческого духа с целью понять их» [9, с. 80], а к задачам толкования относит необходимость «…воспроизвести те представления и понятия, которые связывал с данной нормой ее создатель» [9, с. 83].

«Цель толкования норм права, − отмечает И. А. Иванников, − это правильное применение содержащихся в них предписаний к конкретным случаям жизни, устранение неопределенностей положений норм права, перевод смысла толкуемой нормы на язык конкретных высказываний и предупреждение появления иного истолкования юридических норм» [427, с. 208], что, в частности, особенно актуально для системы гражданского права.

На основе точек зрения, высказанных названными и другими учеными в разные периоды развития юридической науки, можно сделать вывод, что процесс толкования правовых норм представляет собой мыслительную деятельность субъекта, применяющего правовую норму, и в силу этого является неотъемлемой частью правоприменительной деятельности, способствует наиболее точному восприятию (уяснению) смысла гражданско-правовой нормы, вложенного в нее законодателем, позволяет разрешить возникший спор о праве гражданском в полном соответствии с установленным гражданским правопорядком.

Таким образом, процесс толкования заключается в познавательной

деятельности человека, направленной на уяснение действительного смысла правовой нормы посредством применения разработанных юридической наукой способов толкования и в случае необходимости разъяснения смысла правовой нормы иным участникам гражданских правоотношений [26-А, с. 60], на что, в частности, обращает внимание А. Б. Венгеров. Согласно утверждению ученого, «толкование правовой нормы − это всегда процесс мышления, и состоит он из двух этапов. Первый − это уяснение смысла и содержания норм "для себя"… Второй этап − разъяснение смысла и содержания нормы "вовне", для адресатов правоприменения…» [138, с. 452]. При этом, согласно утверждению Н. А. Абжапарова, «толкование гражданско-правовой нормы является единым процессом, в ходе которого необходимо использовать выработанные в науке и сложившиеся на практике способы толкования …» [428, с. 229].

Вне рамок процесса толкования не представляется возможным процесс применения норм гражданского права, что обусловлено как минимум необходимостью прочтения гражданско-правовой нормы с целью уяснения ее содержания, построения на этой основе предлагаемой государством модели поведения участников экономической деятельности и ее адаптации к конкретно сложившимся общественным отношениям.

«…Абстрактно-общее содержание статичной нормы права, − согласно точке зрения, высказанной В. С. Нерсесянцем, − в процессе ее реализации (и применения) конкретизируется применительно к соответствующей конкретной ситуации с конкретными обстоятельствами и взаимоотношениями персонально-конкретных лиц по конкретному основанию, в конкретном месте и конкретном времени» [243, с. 492].

Наряду с термином «толкование» для обозначения процесса уяснения действительного смысла правовых норм в юридической науке используются такой термин, как «юридическая герменевтика», представляющая «…собой самостоятельную науку, предметом которой являются знания о способах уяснения и разъяснения смысла правовой нормы (воли) (толкование), а также знания о способах изложения правовой нормы, воли в юридическом тексте…» [429, с. 85].

Методика толкования правовых норм, под которой следует понимать «совокупность приемов выполнения чего-либо (например, научного исследования)» [142, с. 538], наиболее тщательным образом разработана в рамках науки «общая теория права», что объясняется межотраслевым значением процедуры толкования правовых норм и универсальным значением используемых для этого приемов юридической техники. При этом, согласно утверждению Е. Н. Тонкова, «для уясне-

ния смысла и содержания нормативных текстов используются различные подходы к толкованию…» [430, с. 94].

Непосредственно процесс применения методов (способов) толкования, составляющих методику толкования, используемую постсоветской юридической наукой, согласно утверждению Л. Л. Чантурии, основывается на определенных принципах, к наиболее важным из которых относятся такие, как:

– принцип объективности, согласно которому интерпретация должна опираться на текст закона и на его основании стремиться наиболее точно установить смысл закона;

– единства, означающий, что каждая правовая норма должна быть прочитана в совокупности с полным текстом закона;

– генетического толкования, предполагающий учет происхождения, объективных, языковых, культурных и общественных условий возникновения закона при его толковании;

– толкования посредством сравнения, согласно которому предполагается осуществление толкования правовых норм посредством их сравнения с правовыми нормами, принятыми в данной области, но в другое время [82, с. 84−85].

Принципы толкования, названные Л. Л. Чантурией, достаточно точно отражают суть и последовательность процессов толкования гражданско-правовых норм, определяют те пределы, в рамках которых должен действовать интерпретатор, а их практическое применение способствует созданию условий наиболее полного и обоснованного уяснения смысла правовых норм в рамках применяемых методов толкования.

Необходимо отметить, что во многих современных литературных источниках по теории права, выпущенных на постсоветском пространстве, указываются четыре метода (способа) толкования правовых норм:

– грамматическое толкование;

– логическое толкование;

– систематическое толкование;

– историческое толкование [133, с. 494−495; 134, с. 591−595 и др.], с которыми корреспондируют названные Л. Л. Чантурией принципы толкования, используемые постсоветской юридической наукой. В частности, принцип объективности отражает процесс грамматического толкования, принцип единства − процесс систематического толкования, принцип генетического толкования и принцип толкования посредством сравнения определяют процедуру исторического толкования. Основой практически единодушного определения перечня методов толкования

современными учеными, работающими на постсоветском пространстве, являются, по нашему мнению, положения теории права, разработанные в советский период развития юридической науки, что следует из литературных источников того периода. Так, рассматривая вопросы преодоления пробелов в праве, В. В. Лазарев отмечает, что «уяснению содержания правовых норм служат прежде всего следующие приемы толкования: грамматический, логический, систематический и историко-политический» [28, с. 58], указывая при этом, что «логический прием толкования охватывает собой и так называемое «телеологическое толкование» (в той части, в какой оно не охватывается историко-политическим толкованием)» [28, с. 66−67].

На основе сравнения названий четырех методов толкования, применяемых в период существования СССР, с методами, используемыми в настоящее время, можно констатировать тот факт, что в силу изменившихся политических условий развития государственности и, как следствие, содержания юридической науки метод толкования, называемый ранее историко-политическим, в настоящее время во многих литературных источниках именуется историческим, что в целом не исключает использования названия, имевшего место в период существования СССР. Факт изменения названия исторического метода толкования указывает на произошедшее отграничение современными учеными юридической науки от политики, безусловная связь которых и предопределенность содержания научных выводов политическими представлениями об общественном и государственном устройстве имели место в советский период.

Идеологизация (политизация) науки вообще и юридической науки в частности в советский период ее развития зачастую приводила, по нашему мнению, к искажению научных результатов, которое особенно отчетливо проявлялось в сфере гуманитарных наук. Так, например, отсутствие в перечне методов толкования, применяемых советскими учеными, такого метода, как телеологический[78], обосновывалось его отождествлением с религиозными учениями, что противоречило политическому направлению развития СССР и, следовательно, являлось основным аргументом против включения названного метода в методику толкования, применяемую советскими учеными [431, с. 103], с чем были согласны не все правоведы СССР.

В частности, В. В. Лазарев, утверждающий о необходимости использования телеологического толкования, отмечает: «Телеологию

[78] Телеологическое толкование заключается в уяснении смысла норм права исходя из той цели, которую преследует законодатель в процессе разработки нормативного правового акта, содержащего правовые нормы, смысл которых подлежит уяснению.

нужно понимать как учение о целесообразности и целях жизни. Существует идеалистический (религиозный и светский вариант) и материалистический подходы к изучению целесообразности. <…> Издавая нормативные акты, законодатель ставит вполне определенные цели, которые выясняются в процессе толкования, но не подвергаются сомнению относительно их целесообразности. Последнее обстоятельство существенно уточняет содержание понятия «телеологическое толкование» [28, с. 66−67].

Необходимо отметить, что термин «телеология» составлен из двух слов: *teleos* − «цель» и *logos* − «учение», т. е. учение о цели [142, с. 1311], на что и обращает внимание В. В. Лазарев.

Несмотря на выводы некоторых прогрессивных советских ученых и отдельные научные работы, посвященные исследованию непосредственно телеологического метода толкования [33; 432], можно констатировать тот факт, что он не получил всеобщего научного признания ни учеными периода СССР, ни современными учеными Республики Беларусь [47, с. 369–372; 128, с. 250–254; 271, с. 242–244], что, как уже отмечалось, следует считать идеологическим наследием советской юридической науки, преодоление которого, по всей видимости, является сложным и длительным процессом.

Вместе с тем необходимо признать тот факт, что цель правового регулирования вообще и правового регулирования отдельной группы общественных отношений в частности имеет существенное значение в процессе правоприменения, чем, следовательно, предопределена необходимость уяснения действительной цели разработки и введения в действие применяемого нормативного правового акта в процессе толкования входящих в его состав правовых норм.

Неприятие телеологического толкования советскими учеными под предлогом его связи с религиозными учениями было обусловлено, по нашему мнению, тем обстоятельством, что многие советские законы, особенно в сфере гражданско-правового регулирования, преследовали не экономические цели, не цели создания наиболее благоприятных условий осуществления хозяйственной деятельности, способствующих росту благосостояния каждого отдельного человека, отдельного частного хозяйства и, как следствие, государства в целом, а цели политические, связанные с потребностью коммунистической идеологии в подчинении себе народных масс.

Именно такими целями можно обосновать ограничения, установленные в отношении имущества, которое могло находиться в собственности граждан, изъятие из гражданского оборота земель, полного

запрета частной предпринимательской инициативы, установления всеобщей трудовой «повинности» и т. п.

Вне всякого сомнения, в рамках телеологического толкования гражданско-правовых норм названные выше политические цели их введения в действие могли быть раскрыты, что не соответствовало содержанию коммунистической пропаганды, объявляющей советского человека самым социально защищенным и свободным человеком в мире.

В настоящее время основания, по которым телеологическое толкование массово не использовалось советскими учеными, отпали. Это указывает на возможность и, по нашему мнению, на необходимость его обязательного включения в современную методику, что отражается в юридической литературе [433, с. 128; 434, с. 204; 435, с. 11; 436, с. 23].

Следует отметить тот факт, что «дореволюционная отечественная юридическая литература, − согласно утверждению А. Б. Венгерова, − основное внимание уделяла грамматическому и логическому толкованию, сводя к этим двум способам и такие, как систематическое и историческое толкование» [138, с. 452], и также не оперировала телеологическим толкованием.

«В немецкой теории права, − констатирует А. Шмагин, − выделяют четыре классических метода толкования. Критериями для интерпретации выступают: текст, история создания закона, его система и преследуемые им цели» [422, с. 252], из чего следует, что немецкая юридическая наука оперирует такими методами толкования, как грамматический, исторический, систематический, телеологический, и не использует в качестве метода толкования применяемый со времен дореволюционной России логический метод толкования.

Таким образом, три метода толкования: грамматический, систематический и исторический − используются как немецкими, так и постсоветскими учеными, в связи с чем названные методы (способы) толкования можно считать общепризнанными, на что, в частности, указывает А. Ф. Черданцев, называя в качестве иных методов толкования телеологический (целевой), специально-юридический, функциональный [137, с. 270].

5.1.2 Отдельные способы толкования норм гражданского права: научно-практическая характеристика

Применяемые на постсоветском пространстве три основных метода (способа) толкования правовых норм содержательно сводятся к следующему.

Грамматическое толкование, согласно точке зрения В. В. Лазарева, «охватывает собой уяснение значения отдельных слов и терминов, а также смысла всего предложения или их группы в целом» [28, с. 60] и по праву занимает первое место по порядку применения среди остальных методов толкования. Положение грамматического метода толкования как метода, подлежащего первоочередному использованию в процессе уяснения смысла гражданско-правовой нормы, предопределено тем обстоятельством, что нормы гражданского права, на что указывалось выше, находят свое выражение в словах, словосочетаниях и предложениях, состоящих из букв, представляющих собой графические символы, входящие в русский алфавит, изначально предполагающие их прочтение для уяснения выраженного в них смысла.

«Грамматическое толкование, − отмечает В. С. Нерсесянц, − это способ учета и использования особенностей грамматических (морфологических) форм и средств составления текста нормативного источника, его языковых, стилистических и структурных характеристик…» [133, с. 494]. Непосредственно в процессе прочтения текста, состоящего из графических символов, составляющих русский алфавит, субъект правоприменительной деятельности осуществляет первоочередное ознакомление с содержанием гражданско-правовой нормы, которое подлежит дальнейшему уяснению в процессе применения других методов толкования.

«Грамматическое толкование, – отмечает Е. А. Волосюк, – являясь способом уяснения буквального содержания выраженной в… законе воли законодателя, состоит как в выяснении смысла употребленных в нормах… слов, терминов, так и в установлении между ними синтаксической связи» [437, с. 154]. «Юристы, продолжает ученый, – не могут игнорировать концептуальные положения языкознания...» [438, с. 137] и в первую очередь должны принимать во внимание общеупотребимое значение слов русского языка учитывая при этом то обстоятельство, что одно слово в русском языке может иметь несколько значений.

В соответствии с немецкой методикой толкования грамматическое толкование «означает прежде всего исследование текста нормы, т. е. уяснение значения слова в соответствии с его общим или специальным

употреблением, в том числе использованием данного слова в конкретном законе. При отсутствии законодательного определения термина, − отмечает А. Шмагин, − для установления его общего значения используются словари и общие правила грамматики» [422 149, с. 253].

В качестве примера применения грамматического толкования, связанного с необходимостью уяснения общего значения термина, определяемого в толковом словаре, можно привести норму п. 2 ст. 32 Закона Республики Беларусь от 17 мая 2011 г. № 262-З «Об авторском праве и смежных правах» [439], в соответствии с которой допускается воспроизведение отрывков из правомерно обнародованных произведений (цитирование) в оригинале и переводе в исследовательских, образовательных, полемических, критических или информационных целях в том объеме, который оправдан целью цитирования. При этом в соответствии с нормой п. 1 ст. 55 названного Закона действия, совершаемые в противоречие с требованиями анализируемого закона, признаются нарушениями авторского права, и, следовательно, лица, их совершившие, подлежат соответствующей юридической ответственности.

Разрешая вопрос о том, является ли опубликование отрывка из правомерно обнародованного произведения нарушением прав его автора, необходимо установить, было ли совершено нарушение правил цитирования, содержание которых может быть раскрыто только на основании того, как термин «цитирование» толкуется в русском языке.

Приведенный подход указывает на необходимость использования толкового словаря русского языка, в котором анализируемый термин означает точную дословную выдержку из какого-нибудь текста, высказывания [141, с. 876]. При этом также необходимо изучить правила оформления цитат, определяемые грамматикой русского языка, в соответствии с которой дословная выдержка из произведения заключается в кавычки с указанием фамилии имени и отчества (если имеется) автора, названия произведения, из которого была заимствована цитата, и страниц, на которых заимствованный текст размещен. Грамматический метод состоит в том, что «посредством применения грамматических и этимологических средств отыскивается буквальное значение слов, изучаемых по отдельности или в контексте предложения» [440, с. 144].

Ярким примером первоочередной необходимости и значимости применения грамматического способа толкования может служить информационное письмо Президиума ВАС Российской Федерации от 11 января 2002 г. № 66 «Обзор практики разрешения споров, связанных с арендой», п. 3 которого установлено: «Срок действия договора аренды здания (сооружения), определенный с 1-го числа какого-либо месяца текущего года до 30-го (31-го) числа предыдущего месяца следующего

года, в целях применения пункта 2 статьи 651 Кодекса признан равным году». При этом в качестве примера приводится судебное решение, в котором указано: «Между истцом и ответчиком был заключен договор аренды здания, в котором срок его действия определен с 1 июня 2000 года по 31 мая 2001 года. Срок действия договора составляет ровно один год, поэтому данный договор в силу пункта 2 статьи 651 ГК РФ подлежал государственной регистрации и из-за отсутствия таковой не может считаться заключенным» [441].

В приведенном судебном решении использовался предлог «по», который указывает на включение последней указанной даты в срок исполнения, а в информационном письме № 66 сделано указание на предлог «до», который используется в значении временного предела действия и не включает последнюю указанную дату в срок исполнения, что подтверждается выводами специалистов. «В словосочетании “в срок до 27.11.2009 г.” предлог “до” используется в значении временного предела действия. Существительное “предел” в русском языке реализует целый спектр значений, основным из которых является черта, граница чего-либо. Таким образом, временной границей для подачи документов служит 27.11.2009 года. Это означает, что последним днем подачи документов для общества нужно считать 26.11.2009 года» [442].

На основании информационного письма № 66, в котором вместо предлога «по» ошибочно указан предлог «до» было приято неверное судебное решение, что отражено в постановлении Президиума ВАС Российской Федерации от 14 января 2003 г. № 9523/02: «…Суд первой инстанции при разрешении спора исследовал все обстоятельства по делу и доводы сторон и установил следующее. Указанный в договоре срок аренды (с 17.09.01 до 16.09.02) действует по 15.09.02 включительно. При этом суд исходил из того, что предлог “до” используется здесь стороной в значении “не включая дату, следующую после этого предлога”.

Данный вывод суда подтверждается материалами дела… суд кассационной инстанции принял постановление об удовлетворении иска без учета волеизъявления сторон при заключении договора аренды, ошибочно истолковав пункт 11.1 договора, как заключенный на срок не менее одного года…» [443]. Изложенное свидетельствует о необходимости внесения изменений в ГК в части применения в текстах гражданско-правовых договоров и последующего толкования предлогов «до» и «по» в сочетании с календарными датами.

Отмечая необходимость и первоочередность использования грамматического способа толкования, М. П. Пронина рекомендует не огра-

ничиваться только этим способом [444, с. 184], что, по нашему мнению, является абсолютно верным.

Дальнейший процесс уяснения смысла гражданско-правовой нормы, подлежащей применению, связан с необходимостью применения *систематического метода толкования*, в процессе применения которого, согласно точке зрения А. Б. Венгерова, «каждая норма должна рассматриваться в связи со всей системой правовых положений» [138, с. 453]. «Смысл статьи правового акта, − утверждает А. В. Поляков, − иногда может быть раскрыт только после обращения к другим статьям, в которых содержатся, например, искомые определения юридических терминов» [134, с. 593]. На необходимость использования систематического метода в процессе уяснения действительного смысла норм права указывается в юридической литературе [445; 446].

Систематический метод толкования приобретает особое значение в процессе толкования и применения норм гражданского права, что обусловлено их большой системной взаимосвязью внутри как соответствующих институтов, так и подотраслей и отрасли гражданского права в целом. По сути, практически ни одну норму гражданского права невозможно применить вне связи с другими нормами гражданского права, так же как и нельзя разрешить спор о праве гражданском на основании одной правовой нормы. Каждый факт участия в гражданско-правовых отношениях связан с применением совокупности правовых норм соответствующего института или субинститута Особенной части ГК и определенной совокупности норм Общей части ГК.

Например, для того чтобы ответить на вопрос, может ли унитарное предприятие быть заемщиком по договору займа, если в соответствии с нормами ст. 760 ГК займодавец передает денежные средства заемщику в собственность, а унитарное предприятие является субъектом права хозяйственного ведения, необходимо наряду с нормами ст. 760 ГК в определенной последовательности, т. е. системно, исследовать следующие правовые нормы.

Во-первых, нормы ст. 113 ГК, определяющие понятие унитарного предприятия и то вещное право, на основании которого названный субъект гражданского права владеет, пользуется и распоряжается закрепленным за ним имуществом.

Во-вторых, нормы ст. 276 ГК, определяющие содержание права хозяйственного ведения.

В-третьих, императивные нормы ст. 2 ГК, закрепляющие содержание принципа равенства участников гражданско-правовых отношений.

В-четвертых, нормы ст. 424 ГК, определяющие процедуру применения термина «собственность» в рамках раздела IV ГК «Отдельные

виды обязательств», что в совокупности позволит сделать вывод о том, что унитарное предприятие, как и любой другой правосубъектный участник экономической деятельности, имеет право участвовать на стороне заемщика в договоре займа, что предопределено в том числе и равным правовым положением субъектов гражданского права.

Нарушение указанной последовательности толкования правовых норм в ходе разрешения поставленного вопроса в практической деятельности приводит к выводам, не соответствующим содержанию правовых норм, правовому положению унитарного предприятия как субъекта гражданского права и, как следствие, к принятию ошибочных судебных решений.

Пример.

«*Вопрос* 3. В соответствии с пунктом 1 статьи 760 ГК по договору займа одна сторона (заимодавец) передает в собственность другой стороне (заемщику) деньги или другие вещи, определенные родовыми признаками, а заемщик обязуется возвратить заимодавцу такую же сумму денег (сумму займа) или равное количество других полученных им вещей того же рода и качества.

Правомерно ли предоставление займа учредителем учрежденному им унитарному предприятию либо учреждению?

Ответ. Исходя из существа договора займа, приведенного пунктом 1 статьи 760 ГК, следует, что деньги или другие вещи, определенные родовыми признаками, передаются заемщику в собственность. В соответствии с положениями пункта 1 и 2 статьи 113 ГК унитарным предприятием признается коммерческая организация, не наделенная правом собственности на закрепленное за ней собственником имущество. При этом имущество унитарного предприятия находится в государственной собственности либо частной собственности физического или юридического лица и принадлежит такому предприятию, в частности, на праве хозяйственного ведения. Согласно статье 277 ГК за учреждением имущество закрепляется на праве оперативного управления. Способы приобретения права хозяйственного ведения и оперативного управления закреплены в статье 280 ГК, согласно положениям пункта 2 которой имущество, приобретенное унитарным предприятием или учреждением по договорам или иным основаниям, поступает в хозяйственное ведение или оперативное управление предприятия или учреждения в порядке, установленном законодательством для приобретения права собственности.

Таким образом, с правовой точки зрения, природа договора займа (поступление денежных средств или других вещей в собственность заемщика) противоречит правовому режиму имущества, принадлежащего

унитарному предприятию или учреждению на праве хозяйственного ведения или оперативного управления. В связи с чем полагаем, что для использования договора займа в правоотношениях юридических лиц с указанной организационно-правовой формой нет оснований» [447].

В приведенном примере Высший Хозяйственный Суд своим разъяснением попытался вывести из заемных отношений таких субъектов гражданского права, выступающих в качестве заемщиков, как унитарные предприятия и учреждения, ссылаясь на то, что по договору займа, согласно нормам ст. 760 ГК, имущество передается заемщику в собственность, а унитарное предприятие или учреждение принять предмет договора займа в собственность не в состоянии, так как являются субъектами ограниченных вещных прав.

Однако в приведенном разъяснении не учтены нормы, закрепленные в п. 1 ст. 424 ГК, согласно которым под словосочетанием «передать в собственность» в разделе IV ГК «Отдельные виды обязательств», куда входят и нормы о договоре займа, также следует понимать передачу имущества в хозяйственное ведение или оперативное управление, если это следует из существа обязательства или правового статуса стороны обязательства, т. е. в комментируемом случае правового статуса унитарного предприятия либо учреждения [100-А, с. 51−52].

Примененный законодателем и закрепленный в ст. 424 ГК подход обусловлен необходимостью экономии нормативного материала и позволяет в дальнейшем в статьях, размещенных в разделе IV ГК «Отдельные виды обязательств» применять словосочетание «в собственность» и при этом подразумевать под ним в том числе и ограниченные вещные права, если стороной обязательственного правоотношения выступает субъект одного из ограниченных вещных прав.

Приведенный пример наглядно демонстрирует большую практическую значимость знания и соблюдения методики толкования норм гражданского права.

Систематическое толкование, согласно точке зрения В. В. Лазарева, представляет собой «уяснение содержания правовых норм в связи с их местом и значением в данном нормативном акте, институте, отрасли…», при котором «исследователю необходимо убедиться, не имеется ли в системе права нормы, дополняющей и конкретизирующей исследуемый нормативный акт (исследуемую норму)» [28, с. 69].

Немаловажной является процедура систематического толкования в ходе определения перечня существенных условий заключаемого гражданско-правового договора, необходимость определения которых обусловлена, во-первых, определяющим значением факта согласования всех существенных условий договора для признания такового заклю-

ченным и, во-вторых, возможным закреплением существенных условий в иных, кроме ГК, нормативных правовых актах, что предусмотрено нормами п. 1 ст. 402 ГК. Так, например, для определения существенных условий договора поставки товаров необходимо изучить как нормы § 3 главы 30 ГК, так и нормы постановления Совета Министров Республики Беларусь от 8 июля 1996 г. № 444 «Об утверждении Положения о поставках товаров в Республике Беларусь» [448].

Для установления существенных условий договора подряда, заключаемого субъектом предпринимательской деятельности, выступающим в роли заказчика, с физическим лицом, выступающим в качестве подрядчика, наряду с нормами § 1 главы 37 ГК необходимо исследовать нормы Указа Президента Республики Беларусь от 6 июля 2005 г. № 314 «О некоторых мерах по защите прав граждан, выполняющих работу по гражданско-правовым и трудовым договорам» [449].

Для определения существенных условий договора страхования конкретного вида наряду с нормами главы 48 ГК следует проанализировать нормы Указа Президента Республики Беларусь от 25 августа 2006 г. № 530 «О страховой деятельности» [450].

Приведенные примеры необходимости применения систематического толкования в ходе уяснения действительного смысла гражданско-правовых норм и, соответственно, исследования всей совокупности нормативных правовых актов, входящих в систему гражданского законодательства, в процессе заключения гражданско-правовых договоров, можно продолжить.

«…От правоприменителя требуется понимание, что необходимое правило поведения определяется не только тем положением, которое он непосредственно наблюдает в том или ином пункте (статье, части…), а исходя из оценки множества элементов правовой системы, где бы они не находились. При применении систематического толкования именно этот аспект играет ключевую роль», – отмечает Э. А. Евстигнеев [324, л. 181].

Применительно к методике толкования, используемой юридической наукой Германии, согласно утверждению А. Шмагина, «одной из разновидностей систематического толкования является толкование в соответствии с Конституцией», которое состоит в том, что «при наличии нескольких вариантов интерпретации нормы, один из которых ведет к противоречию с нормой Конституции, должен быть выбран тот вариант, который позволит сохранить действие нормы» [422, с. 262].

Приведенное утверждение абсолютно точно отражает процедуру применения нормативных правовых актов в соответствии с их иерархией по юридической силе и тому месту, которое занимает Конститу-

ция в иерархической системе нормативных правовых актов. Являясь, по сути, надсистемным нормативным правовым актом, Конституция содержит правовые нормы, определяющие направления развития системы права в целом и системы гражданского права в частности. Конституция как Основной Закон Республики Беларусь обладает высшей юридической силой на территории Беларуси, в связи с чем правовые нормы, содержащиеся в нормативных правовых актах системы гражданского законодательства и противоречащие нормам Конституции, не могут применяться в процессе управления экономическими отношениями, опосредованными нормами гражданского права.

Подход к толкованию норм гражданского права в соответствии с конституцией, воспринятый цивилистической наукой Германии, закреплен в ст. 6 ГК Казахстана, согласно которой в случае различного понимания терминов, составляющих правовую норму, предписывается отдавать предпочтение пониманию, отвечающему положениям Конституции Республики Казахстан и основным принципам гражданского права Казахстана [85, с. 108].

Исторический, или согласно юридической доктрине советского периода историко-политический, *метод* толкования, по утверждению В. В. Лазарева, состоит в исследовании экономико-социального и политического содержания норм. Историческое толкование предполагает уяснение цели издания нормативных правовых актов, социально-политической обстановки и конкретных причин, обусловивших их появление, места, времени и практики применения нормативных правовых актов [28, с. 75]. «…Языковой анализ юридического текста с учетом историко-политических условий создания и действия нормы» к «…методологической основе юридической интерпретации…» относит С. Г. Пишина [451, с. 68].

Необходимо отметить, что в современных условиях перехода Беларуси на демократический путь развития и построения наряду с демократическими политическими институтами соответствующей им экономической системы, политическая составляющая в процессе проведения научных исследований практически не имеет места. Отграничение цивилистической науки от политики, развитие демократических институтов политического управления и капитализация экономической системы, в ходе развития которой учитываются основные законы рыночной экономики, в том числе законы спроса и предложения, указывают на то, что учет политической обстановки времени принятия нормативного правового акта, содержащего гражданско-правовые нормы, подлежащие уяснению, в настоящее время не требуется. Система гражданского права в качестве правового средства опосредования эко-

номических отношений, в современных условиях политического и экономического развития должна формироваться с учетом экономической целесообразности, создания максимально благоприятных условий развития частной предпринимательской инициативы, безусловно, с учетом государственных и общественных интересов, в том числе интересов национальной безопасности различного уровня (экономической, экологической, продовольственной, энергетической и т. п.).

Изложенное позволяет утверждать, что исторический метод толкования применительно к системе гражданского права Республики Беларусь может использоваться с достаточной степенью условности по причине того, что сама система гражданского права и система источников (форм) выражения норм гражданского права вовне созданы недавно, а применительно к ходу исторического развития общественных отношений − буквально «вчера». На слабые позиции исторического метода в современной методологии толкования указывает А. Ю. Мордовцев [452, с. 76].

С момента принятия Конституции как основы системы права прошло чуть более двадцати лет, а ГК как платформы развития системы гражданского права и законодательства − более восемнадцати, что с точки зрения исторического развития является незначительным. При этом в течение указанного периода на территории Республики Беларусь не произошло каких-либо исторически значимых перемен, таких, например, как смена политического режима, изменение направления экономического развития, иных аналогичных социальных явлений.

По сути, с момента провозглашения Республики Беларусь самостоятельным независимым государством [453] и принятия Конституции и основанных на ней кодексов, в том числе ГК, и иных нормативных правовых актов Беларусь идет по своему пути политического и экономического развития, определенному в Конституции, провозгласившей наше государство унитарным демократическим социальным правовым. В связи с этим исторические условия разработки правовых норм, принятия нормативных правовых актов в целом и нормативных правовых актов системы гражданского законодательства в частности практически не изменились.

Вместе с тем историческое толкование как один из методов уяснения смысла правовой нормы, согласно утверждению В. С. Нерсесянца, представляет собой «приемы выявления конкретно-исторической обусловленности толкуемой нормы, уяснения роли социальных, политических и иных факторов, оказавших влияние на ее содержание, осуществления сравнительно-правового анализа воли законодателя времени принятия данной нормы (так называемой “исторической воли

законодателя") и воли законодателя времени ее реализации в данной конкретной регулятивной ситуации» [133, с. 495].

Стабильное политическое и, как следствие, поступательное экономическое развитие белорусского государства практически исключает необходимость проведения «сравнительно-правового анализа воли законодателя времени принятия данной нормы и воли законодателя времени ее реализации» вследствие того, что эта воля, являясь стабильной, кардинально не менялась и весь период существования системы гражданского права и гражданского законодательства Республики Беларусь направлена на достижение конституционных целей создания на географической территории Беларуси действительно демократического правового социального государства с экономикой, развивающейся в соответствии с принципами, закрепленными в Конституции.

Следовательно, перед современным белорусским субъектом правоприменительной деятельности стоит более легкая задача толкования, в процессе которого исключена необходимость изучения смысла гражданско-правовых норм, принятых пятьдесят, сто и более лет назад, как, например, действующий во Франции Гражданский кодекс Наполеона, ГГУ, Гражданский кодекс Швейцарии, принятый 10 декабря 1907 г. и вступивший в силу с 1912 г. [454], Гражданский кодекс Японии, вступивший в силу в 1898 г. [455] и ряда других стран, входящих в романо-германскую правовую семью, что во многом исключает историческую составляющую из процесса толкования норм гражданского права. Вместе с тем, согласно верному утверждению Н. Г. Хомяка, «толкование не может проводиться в отрыве от экономической и социально-политической жизни в стране, от проходящих в обществе процессов» [456, с. 37], что указывает на некоторую необходимость учета исторического толкования и на современном этапе развития белорусской системы гражданского права.

Историческое толкование как метод интерпретации, безусловно, является необходимым в процессе уяснения действительного смысла норм гражданского права, принятых в политических и экономических условиях развития общества, отличных от условий, при которых правовая норма применяется, что, в частности, актуально для юридической науки Германии, в которой, в отличие от Республики Беларусь, действующее и в настоящее время ГГУ вступило в силу с 1 января 1900 г. [457]. С момента принятия ГГУ и по настоящее время политические и экономические условия развития Германии изменялись не один раз, чем и обусловлена необходимость использования исторического метода толкования, в рамках которого, согласно утверждению А. Шмагина, «изучается история принятия закона, его предшествую-

щие редакции, исторический контекст с целью получения новой информации для выбора правильного варианта толкования» [422, с. 255].

Далее следует провести анализ методов толкования, не получивших единодушного признания на постсоветском пространстве, но, по нашему мнению, имеющих не менее важное значение для процесса интерпретации норм гражданского права в целом и содержания условий гражданско-правовых договоров, в частности. К указанным относится логическое и телеологическое толкование.

Логическое толкование как один из наиболее часто рассматриваемых в юридической литературе «неосновных» методов толкования, согласно утверждению В. М. Сырых, «основывается на приемах, требованиях логики, характерных для логически правильного мышления. Благодаря логическим приемам, − продолжает ученый, − удается правильно понять мысль правотворческого органа в ситуациях, когда грамматический метод оказывается бессильным» [135, с. 298]. Таким образом, В. М. Сырых косвенно указывает на отсутствие самостоятельного значения логического способа толкования и признает за ним второстепенную роль как способа, призванного дополнить грамматическое толкование.

Отрицание самостоятельности логического метода толкования имело место в советский период развития юридической науки, что обосновывалось необходимостью применения законов логики в процессе любого мыслительного акта, в том числе и в процессе применения грамматического толкования [23, с. 43; 458, с. 44−45] и поддерживается отдельными учеными постсоветского периода [459, с. 8]. «Представляется неправильным утверждение о том, что существует так называемое логическое толкование, в котором в отличие от грамматического толкования, где якобы применяются правила грамматики, применяются правила и законы логики. Процесс уяснения содержания правовой нормы всегда есть логический процесс, поэтому все приемы толкования являются логическими приемами» [322, с. 13].

С таким подходом к месту логического толкования в системе методов толкования согласиться нельзя, особенно применительно к процессу уяснения смысла норм гражданского права, которые принимаются (должны приниматься) исключительно в соответствии с логикой осуществления экономической деятельности. Это обусловлено тем обстоятельством, что экономическая деятельность может получить эффективное развитие только при условии учета в процессе ее правового опосредования основных экономических законов.

Таким образом, логика экономического развития должна предопределять соответствующую ей логику содержания норм гражданского

права как основного правового средства воздействия на участников экономической деятельности, что, в свою очередь, требует использования логического толкования, основанного на приемах формальной логики, в процессе уяснения смысла гражданско-правовых норм.

На отсутствие единства подходов к пониманию места логического метода толкования в методике толкования, применяемой на постсоветском пространстве, указывает А. Шмагин, согласно утверждению которого на постсоветском пространстве нет единства понимания в отношении применения логического метода толкования, «так как, по мнению одних авторов, он представляет собой одну из разновидностей грамматического толкования в виде логического анализа текста закона, а по мнению других, он больше напоминает разновидность систематического толкования, но в любом случае не направлен на устранение пробелов в законодательстве» [422, с. 274].

Точку зрения А. Шмагина разделяет А. В. Маркин, который отмечает, что «существование логического толкования права в качестве самостоятельного *способа* интерпретации нормативных высказываний является вопросом дискуссионным в юриспруденции» [460, с. 105]. Вместе с тем отдельные ученые на современном этапе развития юридической науки признают за логическим методом толкования самостоятельное значение [134, с. 593−594], что, по нашему мнению, соответствует современному уровню развития юридической науки.

Логическое толкование, вне всякого сомнения, наряду с грамматическим и систематическим методами следует признать одним из основных в методике толкования, подлежащей применению цивилистической наукой, методом, позволяющим соотнести содержание и смысл гражданско-правовой нормы с логикой экономического оборота, что способствует адекватному восприятию действительного смысла правовой нормы и ее надлежащему применению.

Пример.

В пункте 1 ст. 412 ГК закреплена норма, согласно которой в случаях, когда своевременно направленное извещение об акцепте получено с опозданием, акцепт не считается опоздавшим, если сторона, направившая оферту, немедленно уведомит другую сторону о получении акцепта с опозданием.

Изучив текст анализируемой правовой нормы в рамках применяемого грамматического метода толкования, мы можем прийти к следующим выводам:

1) акцептант направил извещение об акцепте оферты своевременно и, следовательно, полагает, что имеет право требовать от оферента выполнения условий оферты;

2) оферент при этом получил извещение об акцепте позже установленного офертой срока и, следовательно, с момента пропуска срока для акцепта имеет право считать себя свободным от обязательств, принятых на себя офертой;

3) анализируемая норма предоставляет оференту право выбора одного из двух вариантов поведения: либо вступить в договорные правоотношения с акцептантом вне зависимости от опоздания акцепта, либо отказаться от вступления в договорные правоотношения;

4) в случае выбора второго варианта поведения возникает конфликт интересов сторон, при котором одна сторона считает себя участником договорного правоотношения, а вторая − нет.

На основании грамматического толкования анализируемой нормы мы получаем вывод о том, что:

− *в случае желания заключить договор с акцептантом независимо от того, что акцепт пришел с опозданием, оферент обязан немедленно сообщить своему контрагенту о том, что направленный им акцепт пришел позже установленного срока*.

Однако, используя логический метод толкования, мы установим, что приведенная норма противоречит логике экономического и опосредующего его гражданского оборота по той причине, что акцептант, своевременно отправивший акцепт, вполне обоснованно полагает, что оферент получил его своевременно и, следовательно, обязан выполнить условия оферты. Возникает вопрос о том, с какой целью анализируемая норма возлагает на оферента обязанность по уведомлению акцептанта о том, что его акцепт опоздал, для того чтобы вступить с акцептантом в договорные отношения, если последний и так предполагает, что имеет на это право;

− *в случае нежелания заключить такой договор оферент должен молчать об опоздании акцепта*.

Логическое толкование показывает, что вторая часть анализируемой нормы является еще более нелогичной и обязательно приведет к возникновению конфликта между участниками анализируемого общественного отношения в силу того, что молчание оферента об опоздании акцепта оставляет акцептанта в добросовестном заблуждении относительно его права на заключение договора.

В приведенной ситуации акцептант абсолютно уверен в том, что оферент обязан вступить с ним в договорные отношения и выполнить условия оферты, а оферент, в свою очередь, руководствуясь анализируемой нормой, молчит об опоздании акцепта, считает себя свободным от обязательств перед акцептантом и заключает договор с другим субъектом гражданского права. Надлежащее исполнение оферентом,

не желающим вступить в договорные отношения с акцептантом, нормы, закрепленной в п. 1 ст. 412 ГК, может повлечь для последнего убытки, что противоречит основным началам и смыслу гражданского права и следует из систематического толкования норм гражданского права, в том числе норм, закрепленных в ст. 2 и 9 ГК. Использование приемов логического толкования показывает, что для предотвращения конфликтной ситуации оферент, получивший своевременно отправленный акцепт с опозданием и желающий воспользоваться сложившейся ситуацией для того, чтобы отказать акцептанту в заключении договора, должен не молчать об этом, а немедленно заявить акцептанту об опоздании его акцепта и о прекращении с ним гражданско-правовых отношений.

В частности:

– норма, регулирующая соответствующие общественные отношения, закрепленная в п. 3 ст. 397 ГК Казахстана, гласит: «В случаях, когда своевременно направленное извещение об акцепте получено с опозданием, акцепт не считается опоздавшим, если сторона, направившая оферту, немедленно не уведомит другую сторону о получении акцепта с опозданием».

Норма аналогичного содержания закреплена в ч. 1 ст. 442 России, в ст. 458 ГК Армении;

– норма, закрепленная в ст. 332 ГК Грузии, устанавливает: «Если акцепт поступил с запозданием и из акцепта явствует, что он выслан своевременно, акцепт только тогда может быть сочтен запоздавшим, если оферент без промедления сообщит об этом другой стороне»;

– норма п. 2 ст. 645 ГК Украины гласит: «Если ответ о принятии предложения заключить договор был отправлен своевременно, но получен с опозданием, лицо, сделавшее предложение заключить договор, освобождается от соответствующих обязательств, если оно немедленно сообщило лицу, которому было направлено предложение, о получении ответа с опозданием»;

– согласно норме, закрепленной в § 149 ГГУ, «если заявление о принятии предложения, полученное с опозданием лицом, сделавшим предложение, было отослано таким образом, что при обычной доставке оно должно было быть получено своевременно, и если лицу, сделавшему предложение, это обстоятельство стало известно, то оно должно немедленно по получении заявления уведомить об опоздании лицо, принявшее предложение, если оно не сделало этого раньше. Если оно промедлит с отсылкой такого уведомления, то предложение не считается принятым с опозданием» [461].

Аналогичная по содержанию норма закреплена в § 1743 Граждан-

ского кодекса Чешской Республики от 3 февраля 2012 г. (далее – ГК Чехии) [462].

В соответствии с ч. 2 ст. 2:207 Принципов Европейского договорного права «если письмо или иное письменное сообщение, содержащее извещение об акцепте и полученное с опозданием, указывает на то, что оно было отправлено при таких обстоятельствах, при которых, если бы условия его передачи были нормальными, оно было бы получено оферентом в надлежащий срок, то такой акцепт, полученный с опозданием, имеет силу акцепта, кроме случаев, когда оферент незамедлительно информирует адресата оферты о том, что считает свою оферту утратившей силу» [463].

Таким образом, содержание соответствующих норм ГК Армении, Грузии, Казахстана, России, Украины, Германии, Чехии, а также Принципов Европейского договорного права соответствует логике экономического оборота, а сами нормы, в отличие от нормы, закрепленной в п. 1 ст. 412 ГК, направлены на предотвращение возможной конфликтной ситуации между оферентом и акцептантом, для чего требуют от оферента, получившего с опозданием своевременно направленный акцепт и не желающего вступать в договорные отношения с акцептантом, немедленного уведомления последнего о получении акцепта с опозданием.

Важную роль в уяснении действительного смысла правовой нормы играет понимание того, с какой целью принималась та или иная правовая норма, что особенно актуально в ходе участия в экономических отношениях, опосредованных нормами гражданского права.

Применительно к случаю, описанному выше, очевидным является тот факт, что нормы ст. 412 ГК имеют целью:

– предотвращение возможного конфликта между оферентом и акцептантом в том случае, когда акцептант добросовестно выполнил условия оферты, но по не зависящим от сторон причинам акцепт пришел с опозданием;

– предотвращение возможных убытков акцептанта, когда оферент воспользуется своим правом и сразу же после пропуска срока для акцепта заключит договор с другим субъектом гражданского права, после чего получит опоздавший акцепт;

– предоставление оференту в случае опоздания акцепта возможности совершения сделки с новым контрагентом, предложившим более выгодные условия, поступивших к оференту после того, как была отправлена оферта.

Таким образом, анализируемая норма имеет целью равновесный учет экономических интересов обеих сторон правоотношения.

Непосредственно определение цели принятия анализируемой нормы, наряду с ее грамматическим, логическим и систематическим толкованием, позволяет прийти к выводу о том, что норма п. 1 ст. 412 ГК противоречит логике экономического оборота, а ее применение может служить причиной убытков одной из сторон правоотношения. Изложенное свидетельствует о необходимости приведения содержания анализируемой нормы в соответствие с целью ее принятия и логикой экономического оборота:

«*Если своевременно направленный акцепт получен с опозданием, акцепт не считается опоздавшим, за исключением случая, когда сторона, направившая оферту, немедленно после получения акцепта уведомит другую сторону о получении акцепта с опозданием*».

Таким образом, наряду с указанными выше методами толкования: грамматическим, систематическим и логическим одним из важных методов уяснения действительного смысла гражданско-правовой нормы следует признать толкование телеологическое, позволяющее субъекту, применяющему нормы гражданского права, наиболее точно и полно выявить их действительный смысл через цели введения нормативного правового акта в действие и, соответственно, принять наиболее верное, взвешенное и обоснованное решение.

Телеологическое толкование, согласно утверждению В. С. Нерсесянца, представляет собой «ценностно-целевое толкование, целенаправленное на реализацию нормы права как юридико-ценностного регулятора, сочетающего в себе регулятивную силу и правовые ценности» [133, с. 497], с чем в целом можно согласиться. Действительно, каждая гражданско-правовая норма как элемент системы гражданского права оказывает определенное регулятивное (психологическое) воздействие на участников экономических отношений, в чем, собственно, и заключается основная ценность каждой отдельной нормы гражданского права и системы гражданского права в целом как совокупности отдельных правовых норм, способных оказывать необходимое государству влияние на развитие экономических отношений и достигать поставленных государством целей правового регулирования исключительно в рамках своей системы в непосредственной связи с другими правовыми нормами, входящими в систему.

Очевидным является тот факт, что каждое социальное явление, в том числе и система гражданского права, формируется в определенных социальных условиях и, соответственно, направлено на достижение целей, обусловленных политическими воззрениями, согласно которым развивается общество и государство в конкретный исторический период времени, существующими в обществе принципами общежития, мо-

рали и нравственности. Таким образом, гражданское право как основная отрасль частного права, являясь системным образованием, предназначено, по нашему мнению, для легализации политической воли, сформированной соответствующими институтами государства как политической системы управления обществом [7-А, с. 41–45]. Возводя политическую волю в ранг закона, обязательного для исполнения всеми лицами, находящимися на государственной территории, под страхом применения принудительных мер государственного воздействия государство реализует возложенные на него функции государственного управления определенным сообществом людей.

На то, что законодатель при издании законов преследует определенные цели, указывает С. А. Голунский, согласно утверждению которого «…при применении норм… нельзя упускать из виду цели, преследовавшиеся законодателем при издании данной нормы» [126, с. 27].

Следовательно, для правильного установления целей принятия гражданско-правовых норм и их эффективного применения необходимо точно знать цели, стоящие перед государством в момент принятия соответствующей правовой нормы и их совокупности, что возможно посредством применения телеологического толкования в первую очередь к нормам Конституции, а также к нормам программных законов и директив Президента Республики Беларусь, как указов, имеющих программный характер и издаваемых Главой государства в целях системного решения вопросов с приоритетным политическим и экономическим значением.

В качестве оснований использования телеологического метода толкования в процессе применения норм различных отраслей права, согласно утверждению Т. Я. Насыровой, выступают следующие обстоятельства: «а) право представляет собой целенаправленную систему… в) цель имеет важное значение для обеспечения стабильности и функционирования правовой системы… д) выяснение целей закона охватывается назначением процесса толкования права и входит в его основные функции… ж) без познания целей закона не может быть плодотворной практической деятельности по его реализации» [33, с. 33]. Кроме того, «правовое определение цели – важнейшее условие обеспечения эффективности правового регулирования» [121, с. 3].

Так, применяя телеологический метод толкования в процессе уяснения действительного смысла норм, закрепленных в Конституции, можно определить цели разработки норм гражданского права и, следовательно, выявить основной смысл гражданского права как основной отрасли частного права. В частности, на основании телеологического метода толкования норм ст. 13 Конституции можно установить, что

нормы гражданского права приняты для создания надлежащих правовых условий развития государственной и частной собственности.

Определение цели разработки системы норм гражданского права, предопределенной нормами Конституции, исключает возможность восприятия норм гражданского права в процессе применения других методов толкования в смысле создания условий приоритетного развития одной формы собственности в ущерб развитию другой ее формы. Также из норм ст. 13 Конституции следует, что целью разработки системы гражданского права является создание равных правовых возможностей участия в экономической деятельности для всех лиц, находящихся на государственной территории, что исключает возможность понимания норм гражданского права в смысле создания приоритетных правовых условий участия в экономической деятельности для отдельных субъектов гражданского права, отдельных социальных групп.

На основании телеологического толкования норм Конституции можно вывести ряд положений, раскрывающих смысл (цели) гражданско-правового регулирования. Это, по нашему мнению, является определяющим для применения других методов толкования, что косвенно подтверждается нормами, закрепленными в ст. 5 ГК, согласно которым в случае невозможности применения к гражданско-правовым отношениям конкретной гражданско-правовой нормы права́ и обязанности сторон такого правоотношения определяются исходя из основных начал и смысла гражданского права. Приведенная норма устанавливает границы применения, в том числе толкования норм гражданского права, которое не должно выходить за пределы, определенные императивными нормами ст. 2 ГК и смысла гражданского пава, т. е. целей его разработки и введения в действие.

О необходимости учета целей принятия нормативного правового акта в процессе толкования закрепленных в нем норм свидетельствует ч. 1 ст. 1:106 Принципов Европейского договорного права, согласно нормам которой, «настоящие Принципы должны толковаться и развиваться в соответствии с их целями…» [463]

В связи с этим можно констатировать тот факт, что грамматический, логический и систематический методы толкования не могут иметь в качестве своих результатов такой смысл правовой нормы, который выходит за рамки смысла гражданского права, т. е. не соответствует цели разработки гражданского права в целом и отдельного нормативного правового акта системы гражданского законодательства, в частности, как системы, предназначенной для опосредования экономических отношений таким образом, чтобы они получили направление своего развития, предусмотренное нормами Конституции.

«При разъяснении правил толкования договора в Постановлении Пленума ВАС Российской Федерации № 16 (от 14 марта 2014 г. «О свободе договора и ее пределах». – *Примеч. авт.*) разъясняется, что при систематическом толковании условий договора суды должны учитывать помимо иных указанных в ст. 431 обстоятельств… не только цель договора, но и цель законодательного регулирования договора», – отмечает Л. В. Андреева [464, с. 7]. На необходимость использования телеологического метода толкования в процессе применения норм договорного права указывают А. Г. Крапетов и Р. С. Бевзенко [465, с. 34].

Телеологический метод толкования, по нашему мнению, должен применяться в неразрывном единстве с историческим методом, способствующим выявлению действительных целей принятия того или иного нормативного правового акта в конкретный исторический период развития государства и общества в соответствии со складывающимися политическими, экономическими и иными социальными условиями государственного и общественного развития, в том числе и в свете развития экономических и политических процессов в мире.

«…Значение телеологического толкования в судебном правоприменении весьма существенно. Вместе с тем использование только этого метода толкования недостаточно для уяснения реального смысла нормы», отмечает К. М. Сулейманова [466, с. 189]

Необходимость использования телеологического метода толкования в неразрывном единстве с историческим обусловлена в первую очередь тем, что система права представляет собой правовое средство, служащее цели легализации политической воли, возведения ее в ранг закона. Указанный подход к пониманию предназначения системы гражданского права дает возможность применения к нарушителям политической воли принудительных мер государственного воздействия, в том числе и таких, которые противны естественным правам человека.

Исторический метод толкования как раз и направлен на выявление действительной политической воли соответствующих институтов государственного управления, сформированной в конкретный исторический период развития государства и общества, для легализации которой был принят тот или иной нормативный правовой акт, что, безусловно, будет способствовать наиболее адекватному восприятию целей разработки правовых норм, закрепленных в таком нормативном правовом акте. Историческое толкование, отмечает В. С. Козлов, «предполагает учет конкретно-исторических условий, причин и повода для принятия нормативного правового акта…» [47, с. 372].

Следовательно, совместное применение исторического и телеологического методов толкования направлено на повышение эффективно-

сти последнего, способствует точному установлению целей разработки правовых норм применительно к конкретным историческим условиям государственного и общественного развития.

Однако относительно системы гражданского права Республики Беларусь исторический метод толкования, на что указывалось выше, может применяться в некоторой степени условно по причине «молодости» Республики Беларусь как самостоятельного государства и его системы гражданского права.

На ограниченное в целом факультативное значение исторического метода указывает В. М. Сырых, согласно утверждению которого «мало что даст изучение истории создания нормативного правового акта, действующего один или два года, когда условия его принятия и применения практически остаются одинаковыми» [135, с. 305], с чем следует согласиться, особенно применительно к системе гражданского права и системе гражданского законодательства Республики Беларусь.

Вместе с тем исключительно факультативное, второстепенное значение исторического метода толкования не должно являться основанием для его устранения из методики толкования гражданско-правовых норм.

Исторический метод как вспомогательное средство уяснения цели разработки гражданско-правовых норм и принятия содержащего их нормативного правового акта подлежит обязательному использованию хотя бы для того, чтобы субъект правоприменительной деятельности мог убедиться, что с момента принятия нормативного правового акта и до момента применения содержащихся в нем правовых норм не произошло существенных изменений в политическом и экономическом развитии государства, и уж тем более исторический метод толкования необходимо применять, если такие изменения произошли.

В частности, к изменениям условий экономического развития Беларуси можно отнести факт включения 27 ноября 2009 г. в систему нормативных правовых актов Беларуси Таможенного кодекса таможенного союза [467], нормы которого, безусловно, оказали влияние на процесс осуществления экономической деятельности и процедуру применения соответствующих гражданско-правовых норм.

«Целевой способ, − отмечает Т. Я. Насырова, − наряду с историческим позволяет преодолеть ограниченность формально-логических средств интерпретации права, проникнуть не только в формальное содержание закона, но и познать социально-классовую природу законодательной воли, выраженной в норме» [33, с. 67].

Таким образом, можно прийти к выводу, что телеологический метод толкования правовых норм, поддерживаемый результатами исто-

рического толкования, является методом, который определяет границы интерпретационной деятельности, способствует созданию того рубежа, преодоление которого может привести к ложным выводам, применению правовых норм вразрез с их предназначением и, как следствие, к нарушению прав и законных интересов субъектов гражданского права, в том числе их конституционного права на равную защиту прав и законных интересов, закрепленного в ст. 22 Конституции.

В отличие от юридической науки, получившей свое развитие на территории СССР и позже на территории независимых постсоветских государств, юридическая наука Германии рассматривает телеологическое толкование наряду с грамматическим, историческим и систематическим в качестве метода, определяющего результаты интерпретации правовых норм. При этом «в немецкой теории… выделяют два основных подхода к вопросу определения целей закона: субъективный и объективный. <…> Современная теория пытается объединить два этих подхода…», на что указывает А. Шмагин [422, с. 265−269].

Пристальное внимание юридической науки Германии к телеологическому (целевому) методу толкования, свидетельствует о его существенном значении в процессе уяснения действительного смысла правовой нормы. В связи с этим можно отметить особенную актуальность использования телеологического метода толкования в процессе применения норм гражданского права, теоретической основой развития которого с уверенностью можно признать цивилистическую науку Германии, что достаточно убедительно показано в трудах цивилистов дореволюционного периода развития российской науки гражданского права.

Описанные методы толкования в совокупности составляют методику толкования, подлежащую использованию в ходе осуществления правоприменительной деятельности с целью уяснения действительной воли законодателя, выраженной текстуально в гражданско-правовых нормах, в процессе уяснения смысла которых необходимо в указанной последовательности использовать каждый из описанных методов, что позволит достичь желаемого результата интерпретации. «Способы толкования, − отмечает А. С. Пиголкин, − всегда дополняют и обусловливают друг друга, к ним всегда приходится прибегать одновременно в одном и том же случае толкования» [322, с. 12]. «…Следует учесть, – констатирует А. Ф. Вишневский, – что ни один из приемов (способов толкования. – *Примеч. авт.*) немыслим изолированно вне связи с другими» [128, с. 251]. Приведенные утверждения ученых-теоретиков подтверждают наш вывод о необходимости последовательного использования совокупности методов толкования в процессе каждой интерпретации, что особенно актуально в современных усло-

виях развития гражданского права и опосредованных ими разнообразных экономических отношений, имеющих сложную структуру.

Изложенное позволяет сделать вывод о необходимости законодательного закрепления процедуры интерпретации как норм гражданского права в целом, так и условий заключенных гражданско-правовых договоров, в частности, что позволит создать правовые гарантии единообразного подхода к применению норм гражданского права в процессе разрешения споров о праве гражданском и, соответственно, повысить уровень судебных решений по гражданским делам.

В частности, ГК необходимо дополнить статьей 5^1 «Толкование норм гражданского законодательства» со следующим содержанием:

«***Статья 5^1. Толкование норм гражданского законодательства***

1. Толкование норм должно осуществляться в соответствии с Конституцией Республики Беларусь, основами гражданско-правового регулирования (статья 2) и целями принятия нормативного правого акта, отдельной правовой нормы, либо их логически объединенной совокупности.

2. Разрешая спор о праве гражданском, суду необходимо исследовать слова и выражения применяемой нормы в значении, которое они имеют в русском (белорусском) языке, определить место применяемой нормы в системе гражданского права и ее взаимосвязь с другими нормами системы, соотнести текст нормы с логикой экономического оборота и установить цель принятия нормы применительно к конкретным историческим условиям.

3. Не допускается отказ в осуществлении правосудия по мотивам неясности или отсутствия применимых норм, наличия неразрешимых сомнений в отношении фактических обстоятельств, выступающих предметом спора, безнравственности или несправедливости нормативного правового акта, подлежащего применению.

4. Правила, закрепленные в пунктах 1, 2 и 3 настоящей статьи, применяются при толковании условий договора».

Также следует изменить название ст. 5 ГК на «Применение норм гражданского законодательства по аналогии», что продиктовано разделением таких понятий, как «система гражданского права» и «система гражданского законодательства» [5-А; 6-А].

5.1.3 Толкование по объему как вспомогательное средство уяснения действительного смысла норм гражданского права

В рамках методики толкования, анализ содержания которой проведен выше, в процессе уяснения действительного смысла гражданско-правовой нормы применяют приемы толкования по объему, которые описанной методикой не охватываются и, следовательно, могут быть признаны специальными приемами толкования. К указанным относятся буквальное, расширительное и ограничительное толкование [468, с. 130; 469, с. 78; 470, с. 19], использование которых позволяет уяснить волю законодателя, выраженную в гражданско-правовой норме, в тех случаях, когда ее текстуальное выражение не совпадает с действительным смыслом нормы гражданского права, т. е. когда не совпадает «буква и дух закона». При этом Е. Ю. Тихонравов предлагает расширительное толкование относить к одному из способов преодоления пробелов в праве [471, с. 6], с чем в целом можно согласиться.

Приемы толкования правовых норм по объему охватываются рассмотренными выше методами толкования и в силу этого самостоятельного значения в методике толкования не имеют, на что указывает Е. А. Суханов, согласно точке зрения которого «уяснение смысла нормы путем “ограничительного” или “расширительного” толкования… всегда сводится либо к логическому, либо к систематическому или иным известным способам толкования (или к их сочетанию). <…> Выделение названных… способов толкования представляется не вполне обоснованным и даже опасным, ибо способно исказить прямую волю законодателя, выраженную в тексте закона» [95, с. 107].

В практике нормотворчества возможны два варианта несовпадения текстуального выражения гражданско-правовой нормы с действительным смыслом, вложенным в норму законодателем.

Первый вариант состоит в том, что буквальное восприятие текста нормы гражданского права не позволяет определить вложенный в нее смысл вследствие того, что законодатель текстуально изложил свою волю таким образом, что текст правовой нормы не выражает ее действительного содержания. В таком случае применению подлежит расширительное (распространительное) толкование, позволяющее установить волю законодателя, заложенную в гражданско-правовой норме, но не выраженную текстуально, а, по сути, расширить границы применения нормы гражданского права, определенные ее текстом.

В соответствии со вторым вариантом разработки гражданско-правовых норм правовая норма текстуально сформулирована таким образом, что в процессе ее буквального восприятия создается впечатление о возможности применения нормы гражданского права к случаям, которые ее действительным смыслом не охвачены. К такой норме гражданского права в процессе уяснения ее действительного смысла следует применять ограничительное толкование, позволяющее сузить границы применения нормы гражданского права к определенным случаям, к которым такая норма должна применяться исходя из буквального восприятия ее текста, но эти случаи не охватываются действительным смыслом правовой нормы.

Используя названные приемы толкования гражданско-правовых норм в рамках грамматического, систематического, логического и телеологического методов толкования следует руководствоваться определенными правилами их применения, которые сводятся к тому, что общие и специальные нормы гражданского права могут толковаться распространительно или применяться по аналогии, а исключительные нормы гражданского права могут применяться только буквально, на что обращает внимание Ю. Х. Калмыков [472, с. 7].

К исключительным гражданско-правовым нормам, т. е. к нормам, содержащим исключение из общего правила, не подлежащим, согласно общетеоретическому подходу, воспринятому юридической наукой СССР и постсоветских государств, таких как Россия и Беларусь, расширительному толкованию и применению по аналогии, можно отнести, например, нормы, закрепленные в п. 2 ст. 25 ГК, определяющие объем частичной дееспособности несовершеннолетних, нормы, закрепленные в п. 2 ст. 27 ГК, определяющие объем частичной дееспособности малолетних. Исключительность приведенных норм состоит в том, что они предоставляют определенный (частичный) объем дееспособности лицам, не достигшим 18 лет, т. е. возраста полной дееспособности, что является исключением из общеустановленного гражданского правопорядка.

Недопустимость применения расширительного толкования в процессе уяснения действительного смысла названных правовых норм означает, что лица до 14 лет и от 14 до 18 лет могут принимать участие в экономических отношениях только тем способом, который предусмотрен анализируемыми нормами. В частности, если в соответствии с нормой, закрепленной в ч. 1 п. 2 ст. 25 ГК, несовершеннолетний имеет право самостоятельно распоряжаться своим заработком, стипендией и иными собственными доходами, то это не означает, что такое лицо, например в случае приобретения на свои доходы на праве собственно-

сти компьютера, получает в последующем право на его отчуждение без согласия своих родителей (попечителя).

В качестве примера гражданско-правовых норм, подлежащих расширительному толкованию, можно привести нормы, закрепленные в п. 1 ст. 16[79], ст. 17[80], п. 1 ст. 20[81] и другие нормы ГК. Буквальное восприятие указанных норм в рамках грамматического способа толкования неизбежно приведет к ложному выводу о том, что на территории Беларуси гражданской правосубъектностью наделяются только граждане Республики Беларусь. Однако, используя всю совокупность методов толкования в ходе уяснения действительного смысла приведенных норм ГК, последует вывод о необходимости их распространения и на иностранных граждан, а также на лиц без гражданства.

Примером необходимости применения ограничительного толкования может служить норма, закрепленная в п. 1 ст. 86 ГК, в соответствии с которой «*обществом с ограниченной ответственностью признается учрежденное… лицами (лицом) общество…*». Норма аналогичного содержания закреплена в ст. 13 Закона Республики Беларусь от 9 декабря 1992 г. «О хозяйственных обществах»[82] [473]. Буквальное восприятие приведенной нормы способно привести к ложному выводу о том, что в качестве учредителей общества с ограниченной ответственностью могут выступать любые физические лица независимо от возраста и психического состояния, что является неверным. Применив систематическое толкование и исследовав смысл анализируемой нормы в неразрывном единстве с другими нормами гражданского права, в частности в совокупности с нормами, закрепленными в ст. 20 ГК (*Дееспособность граждан*), ст. 26 ГК (*Эмансипация*), ст. 29 ГК (*Признание гражданина недееспособным*), можно прийти к выводу, что право на создание общества с ограниченной ответственностью имеют не любые физические лица, а только лица, обладающие правосубъектностью в полном объеме.

«Ограничительное толкование можно рассматривать как способ создания умышленно “мертвых” юридических правил в ходе осуществления правоприменительными органами своих функций», отмечают в юридической литературе [474, с. 32].

---

[79] Способность иметь гражданские права и нести обязанности (гражданская правоспособность) признается в равной мере за всеми гражданами.

[80] Граждане могут в соответствии с законодательством иметь имущество на праве собственности…

[81] Способность гражданина своими действиями приобретать и осуществлять гражданские права…

[82] Учредителями хозяйственного общества являются граждане (физические лица) и (или) юридические лица, принявшие решение о его учреждении.

В качестве правовых норм, подлежащих буквальному толкованию, можно привести нормы, закрепленные в п. 1 ст. 26[83] и п. 2 ст. 27 ГК[84], а также многие другие, имеющие такую конструкцию, при которой «буква и дух закона» полностью совпадают, что существенно упрощает правоприменительную деятельность.

В отличие от белорусской и российской цивилистики, юридическая наука Германии допускает применение расширительного толкования, в том числе и к исключительным правовым нормам, на что обращает внимание А. Шмагин, согласно утверждению которого «немецкая методика отрицает данное правило во всей его абсолютности, указывая на то, что исключения в рамках их цели не только могут толковаться расширительно, но и даже быть доступны аналогии» [422, с. 258], что указывает на существенное значение телеологического способа толкования в немецкой методике интерпретации норм гражданского права.

Научную основу подхода к расширительному толкованию правовых норм, являющихся исключительными, воспринятому цивилистикой Германии, составляет то убеждение, что, во-первых, не все правовые нормы, ограничивающие те или иные права, обязанности или юридические возможности субъекта гражданского права, являются исключительными и, во-вторых, в процессе создания исключительных норм и норм-исключений могут иметь место неточные формулировки, необоснованно ограничивающие применение правовой нормы в случае ее буквального восприятия. В качестве примера ошибочного восприятия правовой нормы как исключительной, недопущения ее расширительного толкования, нарушения порядка применения указанной выше методики толкования и, как следствие, неверного судебного решения можно привести Информационное письмо Президиума ВАС Российской Федерации от 25 июня 2009 г. № 131.

Пример.

«*Акционер закрытого акционерного общества… обратился в суд с иском о переводе на себя прав и обязанностей приобретателя акций данного общества по договору мены, заключенному другим акционером с третьим лицом.*

---

[83] Несовершеннолетний, достигший шестнадцати лет, может быть объявлен полностью дееспособным, если он работает по трудовому договору (контракту) или с согласия родителей, усыновителей или попечителя занимается предпринимательской деятельностью.

[84] Несовершеннолетние в возрасте до четырнадцати лет вправе самостоятельно совершать: 1) мелкие бытовые сделки; 2) сделки, направленные на безвозмездное получение выгод, не требующие нотариального удостоверения или оформления либо государственной регистрации; 3) сделки по распоряжению средствами, предоставленными законным представителем или с согласия последнего третьим лицом для определенной цели или свободного распоряжения.

Решением суда первой инстанции в удовлетворении иска отказано со ссылкой на то, что пункт 3 статьи 7 Федерального закона от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах»... предусматривает преимущественное право приобретения акций ЗАО при их отчуждении третьим лицам только по договору купли-продажи и не упоминает о договоре мены.

По мнению суда, при отчуждении акций по договору мены невозможно применить предусмотренный абзацем седьмым пункта 3 статьи 7 Закона об акционерных обществах способ защиты преимущественного права приобретения акций. <...> Суд апелляционной инстанции в удовлетворении апелляционной жалобы отказал и оставил решение суда без изменения, указав следующее.

Согласно пункту 1 статьи 6 ГК РФ аналогия закона применяется в случаях, когда отношения прямо не урегулированы законодательством или соглашением сторон и отсутствует применимый к ним обычай делового оборота. В отношении спорного правоотношения пробел в правовом регулировании отсутствует. Из толкования положений пункта 3 статьи 7 Закона об акционерных обществах следует, что законодатель, определяя отношения, в рамках которых применимо преимущественное право приобретения акций, не предусмотрел возможности реализации этого права при отчуждении акций по договору мены. <...> В данном случае недопустимо также и расширительное толкование пункта 3 статьи 7 Закона об акционерных обществах, поскольку установление преимущественного права приобретения акций является исключением из общего правила о допустимости свободного отчуждения акционерами своих акций (пункт 1 статьи 129 ГК РФ и абзац четвертый пункта 1 статьи 2 Закона), которое не может толковаться расширительно» [475].

Примененный судом подход закреплен в подп. 9 п. 14 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 18 ноября 2003 г. № 19 «О некоторых вопросах применения Федерального закона “Об акционерных обществах”» [476].

С приведенными доводами, безусловно, согласиться нельзя. В ходе интерпретации анализируемой нормы судом не была учтена цель ее принятия, норма была исследована вне системы гражданского права, вне логики экономического оборота. При интерпретации указанной нормы и принятии решения, очевидно, был использован один метод толкования – грамматический, а норма была воспринята в соответствии с буквальным значением составляющих ее слов и выражений.

Таким образом, интерпретация нормы, закрепленной в п. 3 ст. 7 Федерального закона от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционер-

ных обществах», вне методики толкования, предложенной выше, т. е. с использованием в указанной нами логической последовательности всей совокупности методов толкования: грамматического, систематического, логического и телеологического с учетом исторического метода, привела к принятию решения, нарушающего право акционеров на преимущественное приобретение акций.

При этом следует констатировать тот факт, что теоретиками и практиками в настоящее время наиболее удачным признается такой вариант конструирования правовых норм, при котором текст правовой нормы и вложенный в нее смысл совпадают, что позволяет с наименьшими временными затратами и наиболее качественно применить нормы права, в силу чего буквальное толкование является наиболее распространенным приемом толкования правовых норм по объему, на что обращают внимание ученые [128, с. 254].

Правило буквального толкования слов и выражений, составляющих текст правовой нормы являлось самым применим правилом толкования в Великобритании на протяжении более одного столетия, однако повсеместного одобрения так и не получило [477, с. 113–14].

Применительно к толкованию текстов гражданско-правовых договоров необходимость первоочередного применения буквального толкования в ходе уяснения смысла их содержания закреплена в ч. 1 ст. 401 ГК (п. 1 ст. 447 ГК Армении, п. 1 ст. 392 ГК Казахстана, ч. 1 ст. 431 ГК России) и подтверждается выводами, сделанными в доктринальных источниках.

В частности, согласно верному утверждению В. С. Каменкова, «конструкция правовых норм, содержащихся в ст. 401 ГК, позволяет прийти к решению, что законодатель отдает предпочтение первому способу толкования (буквальное толкование. – *Примеч. авт.*)» [193, с. 74]. Аналогичные утверждения высказываются и в отношении ч. 1 ст. 431 ГК России.

Так, согласно утверждению И. П. Малиновой, «…в российском гражданском праве приоритет отдается выяснению буквального значения слов и выражений текста договора… выяснение действительной общей воли сторон в процессе толкования договора вторично и… носит вспомогательный… характер» [478, с. 119, 120].

Приоритет буквального толкования над остальными способами толкования по объему поддерживался учеными советского периода развития юридической науки, на что обращает внимание Ю. А. Гаврилова, согласно утверждению которой «в правовой мысли советского периода считалось, что нормы права подлежат преимущественно буквальному толкованию…» [479, с. 40].

Следует отметить, что буквальное толкование, безусловно, должно применяться в первоочередном порядке, но к нормам публично-правовых отраслей, основой регулятивного воздействия которых выступает императивный метод правового регулирования. В частности, необходимость применения буквального толкования к нормам международных договоров, заключаемых в рамках публично-правовых отношений, закреплена в ст. 31 Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 г. (Белорусская Советская Социалистическая Республика присоединилась Указом Президиума Верховного Совета Белорусской ССР от 10 апреля 1986 г. № 754-XI «О присоединении Белорусской Советской Социалистической Республики к Венской конвенции о праве международных договоров»).

Буквальное толкование особенно важно в процессе применения публично-правовых норм, устанавливающих административную и уголовную ответственность, которая должна применяться в точном соответствии с «буквой закона», а нормы, ее устанавливающие, во избежание злоупотреблений не могут подлежать расширительному либо ограничительному толкованию и применению по аналогии.

Первоочередное использование буквального толкования гражданско-правовых норм требовала советская модель гражданского права, закрепленная в ГК 1922 г. и далее в ГК 1964 г., что было обусловлено императивным методом правового регулирования, применяемым в процессе управления административно-командной экономикой СССР.

В современный период развития цивилистики подход к регулированию экономических отношений изменился, а это ставит под сомнение эффективность узаконенной в ГК необходимости первоочередного применения буквального толкования текстов гражданско-правовых договоров. На тот факт, что закрепленный в ГК приоритет буквального толкования договоров не соответствует системе гражданского права как основной отрасли частного права, основанной на диспозитивном методе правового регулирования, указывает норма, закрепленная:

– в п. 1 ст. 9 Гражданского кодекса Португалии 1966 г. (далее – ГК Португалии) [480], согласно которой *толкование не должно сводиться лишь к букве закона, но воссоздавать, опираясь на текст закона, намерение законодателя, имея прежде всего в виду единство правовой системы, обстоятельства, в которых разрабатывался закон, и специфику условий того времени, когда применялся закон*;

– § 133 ГГУ, согласно которой *при толковании волеизъявления необходимо следовать действительной воле, не придерживаясь при этом буквального смысла выражений*, а также норма, закрепленная в

§ 157 ГГУ, согласно которой *договоры следует толковать добросовестно, принимая во внимание обычаи гражданского оборота*.

Приведенные нормы указывают, что в процессе интерпретации положений гражданско-правовых договоров необходимо исходить не из буквального смысла слов и выражений, составляющих текст договора, что присуще отраслям, применяющим императивный метод правового регулирования, а из намерений законодателя, т. е. цели принятия нормативного правового акта и действительной воли сторон договора, соответствующей обычаям делового оборота.

Нормы, аналогичные по содержанию нормам ГГУ, закреплены в ГК Грузии. В частности, согласно нормам ст. 52 ГК Грузии *при толковании выражения воли она должна быть установлена в результате разумного суждения, а не только в буквальном смысле выражения*. Наряду с указанной, ГК Грузии содержит ряд статей, нормы которых направлены на создание единообразных условий толкования текстов гражданско-правовых договоров в случае неясности и многовариантности примененных в них формулировок.

К указанным относятся:

– статья 337 «Толкование отдельных выражений договора»;

– статья 338 «Взаимоисключающие и многозначительные выражения в договоре»;

– статья 339 «Торговые обычаи и традиции»;

– статья 340 «Толкование смешанных договоров»;

– статья 345 «Толкование неясного текста в пользу другой стороны»;

– статья 350 «Толкование договора, заключенного в пользу третьих лиц»

и некоторые другие статьи, содержащие правила применения стандартных условий договора.

Таким образом, в отличие от ГК, нормы ГГУ и ГК Грузии устанавливают в процессе толкования условий договора приоритет действительной воли сторон, а не буквального значение текста договора, а ГК Грузии наряду с этим закрепляет достаточно обширные правила толкования договоров, позволяющие упростить и унифицировать процедуру разрешения спора о праве гражданском, возникшего из гражданско-правового договора.

Приоритет воли сторон над буквальным значением слов и выражений, составляющих условия договора, закрепляют:

– Гражданский кодекс Франции, в состав которого включена Часть V «О толковании соглашений», в которой закреплены ст. 1156–1164, содержащие правила толкования гражданско-правовых договоров.

В частности, в соответствии с нормами ст. 1156 *при рассмотрении соглашений в первую очередь необходимо исследовать, каково было обоюдное намерение договаривающихся сторон, а не останавливаться на буквальном смысле выражений*;

– Принципы Европейского договорного права, содержащие главу 5 «Толкование», согласно нормам ч. 1 ст. 5:101 которой *договор толкуется в соответствии с общим намерением сторон, даже если оно расходится с буквальным значением слов* [463];

– Гражданский кодекс Италии 1942 г., нормы ст. 1362 которого предписывают *при толковании договора исследовать общее намерение сторон посредством общей оценки их поведения после заключения договора, а не ограничиваться буквальным значением текста договора* [481];

– Швейцарский обязательственный закон, нормы ст. 18 которого гласят: *при оценке формы и содержания договора следует установить истинную обоюдную волю сторон, не придавая значения неточным терминам или выражениям, которые использовались сторонами по ошибке или с намерением прикрыть истинную природу сделки* [482];

– Закон о договорах (общая часть) Израиля (опубликован 19 апреля 1973 г.), п. 25 «Толкование договора» которого устанавливает: *договор толкуется в соответствии с волеизъявлением сторон, выраженным в договоре. В случаях, когда из содержания договора невозможно установить действительное волеизъявление сторон, договор толкуется исходя из обстоятельств дела* [483, с. 269].

Приведенные нормы очевидно указывают на необходимость выяснения действительной воли сторон соглашения, даже если воля не соответствует буквальному значению слов и выражений, составляющих условия договора.

Таким образом, в проверенных временем системах гражданского права, относящихся к романо-германской правовой семье, – в системе гражданского права Франции и Германии, а также в относительно новом европейском нормативном правовом акте, принятом Комиссией по европейскому договорному праву Европейского союза, в процессе толкования договоров отдается приоритет содержанию воли сторон, а не буквальному выражению условий договора, что присуще системам гражданского права демократических государств, основой построения которых служит диспозитивный метод правового регулирования, а залогом стабильной государственности – охраняемая нормами гражданского права частная собственность.

Изложенное позволяет сделать вывод, что действующая модель гражданского права, закрепленная в ГК, унаследовала советскую пра-

вовую традицию, в большей степени присущую системам права, основанным на императивном методе правового регулирования, что не стимулирует частную предпринимательскую инициативу, способно сдерживать развитие экономики.

Проведенное исследование свидетельствует о необходимости включения в состав ГК наряду с правилами толкования гражданско-правовых норм правил толкования условий гражданско-правовых договоров, устанавливающих в том числе приоритет действительной воли сторон над буквальным значением терминов, составляющих условия договора.

Применительно к проведенному исследованию следует отметить, что особое значение процесс толкования гражданско-правовых норм приобрел в связи со «… снижением действия основополагающего принципа диспозитивности в регулировании предпринимательских отношений и, соответственно, нарастанием значения юридических процедур, не имеющих полноценного механизма реализации», – отмечает М. Н. Илюшина [484, с. 16], что свидетельствует о некотором регрессе системы гражданского права и ее движении в сторону системы гражданского права СССР, снабженной, в большей степени, механизмами обязывания и принуждения, не свойственными системам гражданского права демократических государств, отдающим приоритет в гражданско-правовом регулирования частной воле сторон гражданско-правового отношения.

На основании изложенного можно сделать обобщающий *вывод* о том, что действительный смысл как применяемой гражданско-правовой нормы, так и договорных условий в процессе интерпретации можно установить только в результате последовательного использования всей совокупности методов толкования с учетом логики развития экономического оборота [22-А, с. 51−58].

На необходимость «совместного и сбалансированного применения в каждом акте толкования минимум двух способов толкования» указывает В. А. Витушко [485, с. 27].

Сложность процесса толкования норм гражданского права и, как следствие, условий заключенных на их основе гражданско-правовых договоров, необходимость последовательного применения всей совокупности указанных выше методов толкования обусловлена глубокой системностью гражданско-правовых норм, под которой в юридической литературе понимается «…такое свойство, отражением которого является наличие всего многообразия прямых и обратных связей между юридическими нормами, реализация которых имеет общую для всех этих норм направленность» [486, с. 140]. На основании изложенного

можно констатировать, что в современных условиях экономического развития Республики Беларусь, последовательной интеграции экономики Беларуси в мировое экономическое пространство содержание ГК в части толкования условий заключенных гражданско-правовых договоров не соответствует современным потребностям экономического оборота и требует соответствующей корректировки.

Проведенное исследование позволяет нам предложить некоторые изменения главы 27 ГК, название которой следует изложить в следующей редакции: «*Понятие, условия и толкование договора*», что в полной мере будет отражать содержание закрепленных в ней норм и упростит использование непосредственно ГК.

В целях приведения содержания главы 27 ГК в соответствие с логикой правового регулирования экономического оборота закрепленные в ней нормы, по нашему мнению, целесообразно разделить на 2 параграфа:

– § 1 «Понятие и условия договора»;

– § 2 «Толкование условий договора».

В § 1 необходимо закрепить ст. 392–400 действующей редакции ГК, а в § 2 – ст. 401 ГК и ряд статей с номером 401 и индексом (^{1}, ^{2}, ^{3}…).

При этом ст. 401 в действующей редакции из ГК необходимо исключить как не соответствующую логике гражданского оборота современного демократического государства и включить ст. 401 с новым содержанием. Таким образом, § 2 главы 27 ГК необходимо дополнить рядом статей следующего содержания.

Статья 401. Общие правила толкования условий договора

1. Условия договора необходимо толковать в соответствии с требованиями добросовестности, разумности, справедливости, честной деловой практики, в контексте договора в целом, с учетом цели его заключения.

2. Словам договора необходимо придавать общеупотребимое значение русского (белорусского) языка, за исключением случаев, когда слову законодательством или соглашением сторон придано специальное значение.

Статья 401^1. Приоритет волеизъявления сторон

1. Договор толкуется сторонами в соответствии с их общим волеизъявлением либо судом по ходатайству одной или обеих сторон договора.

2. При судебном толковании общее намерение сторон договора имеет приоритет над буквальным значением слов и выражений, в том числе и в случае расхождения с буквальным смыслом условий договора.

3. Общее намерение сторон выясняется судом посредством оценки

их поведения как в процессе заключения договора, так и после вступления его в силу, с учетом обстоятельств заключения договора.

4. При выявлении намерения одной из сторон придать договору определенное значение, о котором в момент заключения договора знала или должна была знать вторая сторона, договор толкуется в соответствии с намерением первой стороны.

5. В случае разногласия сторон договора относительно специально не согласованного условия, значение которого трудно установить, такому условию придается значение, противоположенное интересам предложившей его стороны, но в интересах стороны, принявшей на себя обязательство по такому условию.

Статья 401[2]. Правомерность условий договора

В случае двусмысленности какого-либо условия (слова, выражения) договора ему необходимо придавать смысл, в соответствии с которым такое условие (слово, выражение) можно признать действительным, правомерным и порождающим юридические последствия, максимально соответствующие существу договора.

Статья 401[3]. Дополнение договора

Если в ходе толкования договора будут выявлены не включенные в договор условия, которые подразумеваются исходя из существа договора и цели его заключения, такие условия подлежат включению в договор.

Статья 401[4]. Толкование в пользу потребителя[85]

В случае разногласия сторон договора, заключенного между профессиональным участником экономического оборота (юридическим лицом, индивидуальным предпринимателем) и гражданином-потребителем относительно условия договора, спорное условие толкуется в пользу гражданина-потребителя.

Статья 401[5]. Толкование условия договора о сроке его действия

Если в договоре срок его действия определен календарной датой с использованием предлогов «до» или «по», то условие о сроке действия договора с использованием предлога «до» толкуется как срок, в который не включается календарная дата, определяющая предел действия договора, а условие о сроке действия договора с использованием предлога «по» толкуется как срок, в который включается календарная дата, определяющая предел действия договора.

---

[85] Необходимость закрепления указанного правила наряду с практической целесообразностью и учетом положения потребителя как слабой стороны договора, заключенного с профессиональным участником экономической деятельности продиктована подп. 9.1 п. 9 Директивы № 4.

5.2 НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРАКТИЧЕСКОГО ПРИМЕНЕНИЯ МЕТОДОВ ТОЛКОВАНИЯ НОРМ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ ЦИВИЛИСТИКИ

Несмотря на то что методика толкования в основе своей разрабатывается в рамках науки «теория права», она (методика толкования), согласно верному утверждению А. Шмагина, «представляет собой тот инструментарий, который должен помогать правоприменителю при решении правовых проблем в любой области права» [422, с. 248], в том числе и в процессе применения гражданско-правовых норм. В связи с этим необходимо отметить, что непосредственно в ходе разрешения спора о праве гражданском процесс толкования норм права приобретает особое значение. «Цель юридической деятельности, − отмечает Ф. Быдлински, − состоит в выявлении наилучшим образом обоснованного юридического правила, которое ближе к проблемному фактическому составу, чем первоначально подобранная исходная норма положительного права, и которое способно решить установленную проблему данного конкретного случая» [83, с. 192].

Необходимость толкования норм гражданского права с применением всей совокупности методов толкования в процессе разрешения спора о праве гражданском обусловлена сильной динамической составляющей экономических отношений, которые постоянно развиваются, порождая при этом новые социальные связи, большим массивом гражданско-правовых норм, закрепленных в многочисленных нормативных правовых актах различной юридической силы, развитой системной связью норм гражданского права, возможностью их применения по аналогии закона или аналогии права (ст. 5 ГК).

Так, в ГК по состоянию на 1 сентября 2017 г. содержалось более 190 отсылок к законодательным актам (см., например, ст. 4, 57, 59, 92, 113, 168, 226, 272, 311 и др.) и более 790 отсылок к законодательству (см., например, ст. 420, 424, 441, 445 и др.).

Правовая норма, отмечает Б. В. Шейндлин, представляет собой составную часть целостной и единой системы права. Она действует в общественной жизни в тесной, неразрывной связи с другими правовыми нормами в составе юридических институтов и других элементов системы права [21, с. 9]. Приведенное высказывание особенно актуально для системы гражданского права, нормы которого, закрепленные в первую очередь в ГК, состоят в тесной системной взаимосвязи

друг с другом и не могут применяться в отрыве от системы гражданского права, без учета ее принципов и смысла гражданского права как основной отрасли частного права [16-А, с. 71−72].

Кроме того, особая роль толкования в процессе применения норм гражданского права предопределена тем обстоятельством, что русский язык, используемый в качестве носителя правовой мысли законодателя, обладает большим количеством омонимов − слов, одинаковых по звучанию, но разных по смысловому значению, а также синонимов – слов, различающихся по звучанию, но имеющих одинаковое значение, что в определенной степени присуще и гражданскому праву как базовой отрасли частного права.

На этот факт обращают внимание ученые.

Так, в частности, О. А. Кузнецова констатирует, что синонимия является «…настоящим бедствием для понятийного аппарата ГК РФ…» [487, с. 86]. При этом следует учитывать так называемое золотое правило толкования, суть которого, согласно утверждению А. Ф. Черданцева, состоит в том, что «словам и выражениям закона следует придавать то значение, которое они имеют в соответствующем литературном языке, если нет основания для иной их интерпретации» [145, с. 220], с чем применительно к нормам гражданского права следует согласиться.

Следовательно, применительно к гражданско-правовым нормам в каждом случае возможной многовариантности терминов, используемых в нормах гражданского права, необходимо не только выяснить значение термина, которое он имеет в русском языке, но и установить наличие или отсутствие оснований для его иного толкования.

Таким образом, в процессе толкования норм гражданского права (условий договора) первоочередная задача интерпретатора, по нашему мнению, состоит в выявлении возможного иного смысла слов и выражений, используемых при построении гражданско-правовых норм, во избежание искажения действительного смысла, вложенного в норму законодателем.

Наряду с этим, согласно утверждению Д. И. Мейера, «…до́лжно принимать в соображение и употребление слов в общежитии: иногда слово, означающее лицо мужского пола, распространяется в общежитии и на лицо женского пола. Например, слова мужского рода: должник, веритель, займодавец и другие употребляются в общежитии без отношения к полу, потому и определения законодательства о должнике, верителе, займодавце до́лжно относить и к должнице, верительнице, займодавице» [117, с. 70−71].

Приведенный пример, сформулированный известным русским цивилистом, безусловно, в настоящее время не является актуальным в

силу того, что лица мужского и женского пола уравнены в гражданских правах, но может представлять теоретический интерес как образец возможного более узкого или широкого восприятия смысла слов и выражений русского языка, используемых при построении норм гражданского права (условий договора).

Таким образом, в процессе применения норм гражданского права субъекту правоприменительной деятельности необходимо уяснить действительный смысл правовой нормы, вложенный в нее законодателем, учитывая общеупотребимое значение толкуемых терминов, но при этом в первую очередь иметь в виду и их специально-юридическое (техническое, медицинское и т. п.) значение, если таковое имеется.

Например, в соответствии с нормами ст. 1 Закона Республики Беларусь от 14 декабря 1990 г. № 462-XII «О предприятиях»[86] предприятием признавался самостоятельный хозяйствующий субъект, обладающий правами юридического лица. В настоящее время (с момента вступления в силу ГК 1998 г.), в соответствии с нормами ст. 132 ГК[87] термином «предприятие» обозначается объект гражданских прав, представляющий собой имущественный комплекс, используемый для осуществления предпринимательской деятельности.

Кроме того, термином «предприятие» в сочетании с термином «унитарное», согласно нормам ст. 113 ГК[88], обозначается коммерческая организация, не наделенная правом собственности на закрепленное за ней собственником имущество и владеющая таким имуществом на праве хозяйственного ведения, а термином «казенное предприятие», согласно нормам ст. 115 ГК[89], − коммерческая организация, наделенная правом оперативного управления на закрепленное за ней собственником имущество.

Следовательно, в настоящее время одним и тем же термином обозначают объект гражданских прав и два вида субъектов гражданских

---

[86] Утратил силу в связи с принятием Закона Республики Беларусь от 30 июля 2004 г. № 307-З.

[87] *Статья 132. Предприятие:*

1. Предприятием как объектом прав признается имущественный комплекс, используемый для осуществления предпринимательской деятельности.

[88] Статья 113. Унитарное предприятие:

1. Унитарным предприятием признается коммерческая организация, не наделенная правом собственности на закрепленное за ней собственником имущество.

[89] *Статья 115. Унитарное предприятие, основанное на праве оперативного управления (казенное предприятие)*:

1. Унитарное предприятие, основанное на праве оперативного управления (казенное предприятие), учреждается, если иное не определено Президентом Республики Беларусь, по решению Правительства Республики Беларусь на базе имущества, находящегося в собственности Республики Беларусь.

прав, наделенных нормами гражданского права разным правовым статусом. При этом в соответствии с толковым словарем русского языка термин «предприятие» понимается в двух значениях. Во-первых, как «производственное или хозяйственное учреждение: завод, фабрика, мастерская», т. е. применительно к современной гражданско-правовой терминологии − имущественный комплекс, и, во-вторых, как «задуманное, предпринятое кем-нибудь дело» [141, с. 581].

Неверное восприятие действительного смысла термина «предприятие», которое вкладывает в него законодатель, на практике приводит к тому, что участники гражданского оборота процесс отчуждения единых имущественных комплексов, т. е. объектов гражданских прав, в определенных случаях связывают с «продажей» субъектов гражданских прав, а именно организаций со статусом юридического лица, созданных в правовой форме унитарного предприятия, являющихся титульными владельцами отчуждаемых имущественных комплексов.

Пример. Е. Трущенко, описывая пошаговую схему продажи единого имущественного комплекса, именуемого в соответствии с нормами ст. 132 ГК предприятием, указывает следующее: «*В п. 3 ст. 530 ГК говорится о невозможности передачи прав продавца на занятие соответствующей деятельностью, полученных им на основании разрешения (лицензии). Однако в приведенном выше примере продавцом предприятия как имущественного комплекса выступает учредитель УП «К» − ООО «КМ». Если УП «К» занималось, скажем, розничной торговлей, лицензия на осуществление розничной торговли была получена самим унитарным предприятием «К», а не его учредителем, который по договору продажи предприятия является продавцом. То есть в данном случае у продавца отсутствует право на осуществление розничной торговли, поэтому ограничение, предусмотренное п. 3 ст. 530 ГК, в данной ситуации неприменимо*» [488, с. 32].

Очевидно, что в приведенном примере речь идет о продаже унитарного предприятия, являющегося субъектом гражданского права, а не находящегося на его балансе единого имущественного комплекса, т. е. объекта гражданских прав.

Рассмотренный случай не является единичным.

Так, В. Шапошников описывает следующую ситуацию: «*Собственник унитарного предприятия решил его продать. Покупатель нашелся достаточно быстро, о цене договорились, осталось только оформить сделку в соответствии с законодательством. Вот здесь, как правило, и выясняется, что существуют определенные проблемы, препятствующие немедленному совершению сделки*» [489, с. 55−60].

С. Л. Коротаев рассматривает следующий случай: «*Юридическое ли-*

цо (общество с ограниченной ответственностью (ООО)) – учредитель унитарного предприятия (УП) продает УП другому юридическому лицу (обществу с дополнительной ответственностью (ОДО)). <...> Полагаем также необходимым законодательно установить, что операции купли-продажи предприятий возможны только в отношении УП» [490].

Из приведенных примеров следует, что в каждом из описанных случаев речь идет о продаже унитарного предприятия, т. е. субъекта гражданского права.

Следует отметить, что лицо, выступающее в качестве учредителя унитарного предприятия, является не собственником зарегистрированного субъекта гражданского права (унитарного предприятия), обладающего самостоятельной, отличной от учредителя гражданской правосубъектностью, а собственником имущества, находящегося на балансе унитарного предприятия, что имеет существенное отличие, в том числе и в правовых возможностях учредителя.

На ошибочность подхода, использованного в приведенном примере, указал Высший Хозяйственный Суд в своем письме от 22 декабря 2003 г., в котором было отмечено, что нормы гражданского права Республики Беларусь не предусматривают возможности продажи субъектов права. По договору продажи предприятия реализации подлежит объект гражданских прав, именуемый единым имущественным комплексом, что по общему правилу не должно отражаться на самом факте существования организации со статусом юридического лица − собственника (иного титульного владельца) реализуемого единого имущественного комплекса.

Еще одним примером разного понимания слова может служить используемый в ГК термин «вещь», который в русском языке имеет несколько смысловых значений. Так, под вещью понимается «отдельный предмет, изделие. То, что принадлежит к личному движимому имуществу». Еще одно значение − «обстоятельство, явление *(например, произошла странная вещь)*». Наряду с этим, термин «вещь» используется в переносном смысле: «называть вещи своими именами (*говорить прямо, не скрывая истины*)» [141, с. 78].

При этом в ГК термин «вещь» используется как в его прямом значении, т. е. для обозначения движимых предметов материального мира, так и в ином, не присущем русскому языку (например, в словосочетании «недвижимая вещь» под вещью в том числе понимается водный объект (озеро)).

Кроме названных в ГК применены и другие термины, гражданско-правовое значение которых не соответствует их общеупотребительному, например:

– «жизнь», понимаемая нормами ГК (ст. 151 ГК[90]) как нематериальное благо, принадлежащее человеку с рождения и защищаемое нормами гражданского права. В русском языке термин «жизнь» понимается как «совокупность явлений, происходящих в организме, особая форма существования материи; деятельность общества и человека в тех или иных ее проявлениях; реальная действительность; оживление, проявление энергии» [141, с. 194];

– «сделка», признаваемая нормами ст. 154 ГК[91] действиями граждан и организаций, направленными на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей, в толковых словарях определяется как «неблаговидный, предосудительный сговор» [141, с. 707].

Аналогичные примеры можно продолжить. На различное понимание значения, придаваемого одному и тому же слову в русском языке и в гражданском праве, указывает А. В. Васьковский: «Слово “владение” означает в обыденной жизни всякое отношение власти и господства. Мы говорим: “владение своими руками и ногами, владение домом, владение государством, подданными. Не таков технический смысл слова “владение”. Оно употребляется в юриспруденции для обозначения фактического господства лица над вещью, в отличие от юридического господства, каковым является право собственности» [9, с. 102].

Определенные сложности в ходе участия в гражданско-правовых отношениях и разрешения спора о праве гражданском вызывает использование в нормах гражданского права большого количества оценочных категорий. К таковым, в частности, относятся: «добросовестность и разумность» (ст. 2 ГК); «разумное ведение дел» (ст. 69 ГК); «разумный срок» (п. 2 ст. 295 ГК); «по цене, которая при сравнимых обстоятельствах обычно взимается» (п. 3 ст. 394 ГК); «мелкая бытовая сделка» (ст. 25 ГК и ст. 27 ГК); «примерные условия» (ст. 397 ГК) и др.

В целом в нормах ГК по состоянию на 1 сентября 2017 г. термин «разумный» в различных словосочетаниях употребляется более 70 раз;

---

[90] *Статья 151. Нематериальные блага*:

1. Жизнь и здоровье, достоинство личности, личная неприкосновенность, честь и доброе имя, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна, право свободного передвижения, выбора места пребывания и жительства, право на имя, право авторства, иные личные неимущественные права и другие нематериальные блага, принадлежащие гражданину от рождения или в силу акта законодательства, неотчуждаемы и непередаваемы иным способом. В случаях и порядке, предусмотренных законодательством, личные неимущественные права и другие нематериальные блага, принадлежавшие умершему, могут осуществляться и защищаться другими лицами, в том числе наследниками правообладателя.

[91] Статья 154. Понятие сделки:

Сделками признаются действия граждан и юридических лиц, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей.

термин «добросовестный; недобросовестный» − более 35; термин «система», «систематически» − 30 раз.

Следует отметить, что в ГК не содержится каких-либо пояснений в отношении значения используемых в нем терминов, а это, в свою очередь, указывает на особую роль методики толкования в процессе уяснения действительного смысла гражданско-правовых норм (условий договора).

В ходе применения норм гражданского права и уяснения их действительного смысла, на что указывалось выше, необходимо в определенной последовательности использовать названную нами совокупность методов толкования. При этом нельзя выходить за пределы той цели, которую преследовал законодатель, принимая ту или иную правовую норму, отдельную их совокупность, всю систему гражданского права в целом, т. е. нельзя нарушать границы, определенные основными началами и смыслом гражданского права.

Несоблюдение процедуры применения методов толкования, преимущественное использование одних методов вместо других, игнорирование телеологического метода толкования правовых норм может привести к принятию необоснованного решения, в том числе в процессе разрешения спора о праве гражданском, общим (экономическим) судом.

Проиллюстрируем изложенное выше на примере того, как в правоприменительной практике понимается правовая норма, закрепленная в п. 3 ст. 49 ГК, и рассмотрим, какие практические последствия имеет факт ее неверного толкования и, как следствие, применения.

Так, в соответствии с нормой п. 3 ст. 49 ГК *лицо, которое в силу акта законодательства или учредительных документов юридического лица выступает от его имени, должно действовать в интересах представляемого им юридического лица добросовестно и разумно*.

Анализируемая норма, по нашему мнению, включена в ст. 49 ГК для того, чтобы акцентировать внимание участников гражданского оборота на необходимости соблюдения органом управления организации гражданско-правовых принципов в процессе выражения воли организации как участника гражданско-правовых отношений. При этом в указанной норме законодатель применил словосочетание «представляемое лицо», буквальное грамматическое толкование которого, проведенное в отрыве от других методов толкования, дает основания отдельным ученым и практикам утверждать, что орган управления организации со статусом юридического лица является ее представителем, правовое положение которого определяется нормами главы 10 ГК «Представительство. Доверенность» [491, с. 29; 492; 493].

Приведенный подход, на первый взгляд, является вполне обоснованным в силу того, что термины «представитель» и «представляемый» применены в главе 10 ГК для обозначения сторон правоотношения, возникающего в процессе физического замещения одного субъекта гражданского права другим в гражданском обороте. Исходя из содержания анализируемой нормы в цивилистической литературе и в хозяйственной практике Республики Беларусь сложилось мнение, что исполнительный орган организации является ее представителем, действующим в рамках правовых норм, закрепленных в главе 10 ГК.

На основании этого следует вывод, что в силу норм, закрепленных в п. 3 ст. 183 ГК[92], руководитель организации (если предположить, что он действительно является ее представителем в значении этого термина, установленного нормами, закрепленными в главе 10 ГК) не имеет права совершать сделки от имени представляемой организации (организации, органом управления которой он является) в отношении себя лично.

Например, одно и то же лицо является руководителем двух организаций, или руководитель организации является одновременно индивидуальным предпринимателем, или руководитель организации решил вступить со своей организацией в договорные правоотношения как частное лицо.

Таким образом, в силу сложившегося в теоретической и практической юриспруденции Беларуси подхода к определению места органа управления организации в системе гражданско-правовых отношений директор организации не сможет заключить договор с управляемой им организацией, если второй стороной этого договора выступает этот же гражданин, но в статусе индивидуального предпринимателя либо физического лица, не обладающего указанным статусом. Кроме того, вследствие сложившейся судебной практики на территории Беларуси невозможно возникновение договорного правоотношения между двумя организациями в том случае, когда директором каждой из них является одно и то же физическое лицо.

Пример 1 (*извлечение).*

В ходе судебного разбирательства было установлено следующее. При проведении налоговой проверки финансово-хозяйственной деятельности организации «А» был выявлен факт заключения между

---

[92] *Статья 183. Представительство*:

3. Представитель не может совершать сделки от имени представляемого в отношении себя лично. Он не может также совершать сделки в отношении другого лица, представителем которого он одновременно является, за исключением случаев коммерческого представительства.

организацией в лице ее директора Иванова И. И. и индивидуальным предпринимателем Ивановым И. И. (одно и то же лицо) договора на оказание услуг по перевозке грузов автотранспортом. Налоговый орган в заявлении суду указал, что выявленная сделка в силу требований п. 3 ст. 183 ГК и согласно ст. 169 ГК является ничтожной, т. к. законодатель запрещает представителю (Иванов И. И. являлся представителем организации «А») совершать сделки от имени представляемого (т. е. от имени организации «А») в отношении себя лично. Представитель также не может совершать сделки в отношении другого лица, представителем которого он одновременно является, за исключением случаев коммерческого представительства. Заявитель, требуя осуществления реституции, просил суд взыскать с предпринимателя Иванова И. И. в пользу организации «А» сумму оплаченных транспортных услуг, а с организации «А» взыскать в доход бюджета сумму стоимости полученных услуг.

Решением суда первой инстанции сделка была признана ничтожной по названным заявителем основаниям [494, с. 46–48].

Пример 2.

Хозяйственный суд рассмотрел дело по иску налоговой инспекции к ОДО «Е» и индивидуальному предпринимателю «Б» об установлении факта ничтожности двух договоров купли-продажи от 03.01.2003 и от 01.10.2003 по основаниям норм ст. 170 ГК.

Как установлено судом, налоговый орган в ходе выездной проверки правильности исчисления, полноты и своевременности уплаты налоговых платежей предпринимателем «Б» выявил факт заключения проверяемым субъектом с первым ответчиком договоров купли-продажи. Согласно первому договору ОДО «Е» в лице гражданина «Б» (он же индивидуальный предприниматель Б.) являлся продавцом товара, а предприниматель «Б» – покупателем товара, согласно второму – его участниками были предприниматель «Б» и ОДО «Е» в его же лице (гражданина «Б»). Оба договора подписаны одним и тем же лицом – «Б». Первый ответчик отгрузил товары в адрес второго ответчика на сумму 33 млн руб. В свою очередь, второй ответчик отгрузил первому ответчику товары на сумму 2 млн руб.

Суд установил факт ничтожности этих договоров, сославшись на ст. 170 ГК. Согласно указанной статье сделка, совершение которой запрещено законодательством, ничтожна. В соответствии с п. 3 ст. 183 ГК представитель не может совершать сделки от имени представляемого в отношении себя лично, он не вправе также совершать сделки в отношении другого лица, представителем которого он одновременно является.

Оба договора подписаны с одной и другой стороны одним и тем же лицом – вторым ответчиком, который, будучи предпринимателем, одновременно является и директором первого ответчика. Так как совершение подобных сделок запрещено законодателем, оба договора признаны судом ничтожными.

В судебном заседании представитель ответчиков обратил внимание суда на то обстоятельство, что имеются два других договора, в которых от имени первого ответчика их подписал заместитель директора ОДО «Е», что препятствует признанию договоров ничтожными. Однако суд не принял во внимание этот довод, поскольку второй ответчик в ходе налоговой проверки представил проверяющим должностным лицам именно те экземпляры договоров, судебная проверка которых позволила признать их ничтожными по изложенному выше основанию [495, с. 72–78].

Пример 3.

Вопрос*: Принимая во внимание положения ст. 183 ГК, просим разъяснить: имеет ли право физическое лицо, не зарегистрированное в качестве индивидуального предпринимателя, однако являющееся руководителем двух коммерческих организаций, подписывать договоры и иные документы от имени таких коммерческих организаций, т. е. если в договоре поставки в качестве поставщика и покупателя выступает одно и то же лицо.*

Будет ли в таком случае названный договор поставки признан ничтожным, недействительным?

Ответ*: В силу положений п. 1 ст. 49 ГК юридическое лицо приобретает гражданские права и принимает на себя гражданские обязанности через свои органы, действующие в соответствии с законодательством и учредительными документами. Порядок назначения или избрания органов юридического лица определяется законодательством и учредительными документами. Исходя из содержания ч. 3 ст. 33 Закона Республики Беларусь от 9 декабря 1992 г. «О хозяйственных обществах», следует, что руководитель коммерческой организации является единоличным исполнительным органом хозяйственного общества.*

В свою очередь, п. 3 ст. 49 ГК конкретизирует, что лицо, которое в силу акта законодательства или учредительных документов юридического лица выступает от его имени, должно действовать в интересах представляемого им юридического лица добросовестно и разумно, т. е. данная норма констатирует наличие института представительства в случаях, когда лицо выступает от имени юридического лица и действует в интересах последнего. Одновременно следует отметить, что согласно ч. 1 ст. 53 Закона единоличный исполнитель-

ный орган хозяйственного общества в пределах своей компетенции без доверенности действует от имени этого общества, в том числе представляет его интересы и совершает сделки от его имени.

Принимая во внимание вышеизложенное, полагаем, что не зарегистрированное в качестве индивидуального предпринимателя физическое лицо, занимающее должность руководителя коммерческой организации (единоличного исполнительного органа), выступая в гражданском обороте от имени такого юридического лица, в силу законодательства, является его законным представителем.

Как следствие, к правовому статусу данного лица (руководителя) применяются положения ГК, регламентирующие представительство, в том числе правила ст. 183 ГК.

В силу п. 3 ст. 183 ГК представитель не может совершать сделки от имени представляемого в отношении себя лично. Он не может также совершать сделки в отношении другого лица, представителем которого он одновременно является, за исключением случаев коммерческого представительства.

В соответствии с ч. 1 ст. 170 ГК сделка, совершение которой запрещено законодательством, является ничтожной.

Таким образом, представляется, что сделка, условия совершения которой обозначены в Вашем обращении, может быть квалифицирована по признаку, указанному в ч. 1 ст. 170 ГК [496].

Пример 4.

Экономическим судом удовлетворено требование налогового органа об установлении факта ничтожности договора купли-продажи, заключенного индивидуальным предпринимателем и унитарным предприятием, директором которого являлся тот же индивидуальный предприниматель, поскольку данный договор в нарушение норм статьи 183 Гражданского кодекса Республики Беларусь заключило одно и то же физическое лицо, выступавшее от имени разных субъектов хозяйствования. В последующем при обращении налогового органа с требованием о применении последствий недействительности договора купли-продажи суд согласился с позицией истца о наличии умысла на совершение запрещенной законодательством сделки у обеих сторон, удовлетворил заявленный иск и взыскал в доход государства с индивидуального предпринимателя полученные им денежные средства, а с предприятия – стоимость полученного товара ввиду отсутствия самого товара [497].

Изложенное в приведенных примерах позволяет констатировать тот факт, что позиция хозяйственных (с 1 января 2014 г. − экономических) судов Республики Беларусь сводится к тому, что орган организа-

ции со статусом юридического лица (единоличный орган управления – директор либо руководитель коллегиального органа управления – председатель совета директоров, председатель правления) является представителем организации в силу закона, который при осуществлении своих полномочий должен руководствоваться нормами главы 10 ГК «Представительство. Доверенность».

С таким подходом нельзя согласиться в первую очередь в силу того, что в процессе применения нормы, закрепленной в п. 3 ст. 49 ГК, ее толкование, исходя из приведенных судебных решений, было основано исключительно на применении грамматического метода, который, безусловно, является первичным в методике толкования, но не единственным. Устранение других методов толкования, в частности систематического, логического и, что самое важное, телеологического, от процесса уяснения действительного смысла, вложенного законодателем в норму п. 3 ст. 49 ГК, а по сути, неверное применение методики толкования, по нашему мнению, привело к ошибочному результату. Наряду с этим в процессе применения указанной нормы не были учтены положения цивилистической науки, обосновывающие сущность теоретико-правовой конструкции «юридическое лицо» и то правовое положение, которое занимает в ней орган управления организации со статусом юридического лица.

В частности, С. И. Климкин отмечает, что «…орган юридического лица не может представлять собой большую реальность, чем само юридическое лицо… орган – это условная юридическая конструкция, создаваемая правом с целью дать возможность формировать и выразить волю юридического лица…» [498, с. 168].

Кроме того, сложившаяся судебная практика не соответствует логике гражданского оборота, в частности логике хозяйственной и, как ее разновидности, предпринимательской деятельности. Такое положение наводит на мысль о некотором несовершенстве гражданско-правовых норм в части определения правового положения органа управления организации со статусом юридического лица.

Российская судебная практика, в отличие от белорусской, является эклектичной − в одних случаях применяющей нормы о представительстве к договорам, подписанным от имени двух организаций одним физическим лицом и, как следствие, признающей их недействительными, а в других – нет.

Пример 5.

БРО МОФЛПЧС обратилось с иском к ООО «Интерарм» об устранении препятствий в пользовании имуществом. Было установлено, что между истцом и Белгородской фабрикой культтоваров был

заключен договор безвозмездного пользования имуществом. Впоследствии фабрика культтоваров продала имущество, сданное по договору ООО «Интерарм», которое в настоящее время препятствует пользованию им. Выяснилось, что в свое время генеральный директор фабрики культтоваров, назовем его И. И. Иванов, одновременно был и директором БРО МОФЛПЧС, т. е. организации, являющейся в настоящее время истцом. Договор о безвозмездном пользовании имуществом был подписан одним и тем же лицом: за Белгородскую фабрику культтоваров – генеральным директором И. И. Ивановым, за БРО МОФЛПЧС – директором И. И. Ивановым.

Суд первой инстанции арбитражного суда Белгородской области, оценивая данный договор, отметил, что, поскольку договор подписан одним и тем же лицом – И. И. Ивановым, что противоречит п. 3 ст. 182 ГК Российской Федерации, согласно которому представитель не может совершать сделки в отношении другого лица, представителем которого он одновременно является, за исключением коммерческого представительства, и пришел к выводу о ничтожности договора в связи с тем, что он не соответствует закону (ст. 168 ГК Российской Федерации).

Кассационная коллегия Федерального арбитражного суда Центрального округа оставила данное решение без изменений, указав, что единоличный орган юридического лица в пределах своих полномочий действует как его законный представитель, т. е. без доверенности. На указанные отношения распространяются нормы о представительстве.

Примечательно, что до рассмотрения указанного дела БРО МОФЛПЧС дважды обращалось в арбитражный суд Белгородской области с исками о взыскании задолженности. Требования истца по обоим искам основывались на договоре уступки права требования, подписанном за цедента и цессионария И. И. Ивановым, который в то время также являлся директором двух юридических лиц. Суд удовлетворил оба иска, решения вступили в силу и были исполнены [3-А, с. 159−160; 4-А, с. 210].

Несмотря на существующую в Беларуси и России судебную практику и основанное на ее результатах мнение отдельных ученых, не все правоведы как Российской Федерации, так и Республики Беларусь согласны с применением норм о представительстве (глава 10 ГК, глава 10 ГК Российской Федерации) к деятельности исполнительного органа организации со статусом юридического лица.

Так, В. А. Витушко обоснованно считает отношения, возникающие в процессе деятельности исполнительного органа организации, отношениями, смежными с представительством, указывая на то, что «орга-

ны юридического лица действуют от имени и в интересах юридического лица, но их действия закон рассматривает как действия самого юридического лица» [499, с. 245].

На невозможность возникновения гражданско-правовых отношений представительства между исполнительным органом организации и самой организацией со статусом юридического лица указывает Я. И. Функ, обосновывая свою позицию тем, что «дееспособность юридического лица проявляется через его органы, поскольку действия органов являются действиями самого юридического лица. <…> Между органами юридического лица и указанным лицом невозможны никакие правовые отношения, так как органы юридического лица не являются самостоятельными субъектами права, они − составляющая часть юридического лица, его организация» [500, с. 32−36]. Орган организации со статусом юридического лица предлагает отличать от представителя И. Ш. Файзутдинов, который отмечает, что отношения представительства предполагают наличие двух лиц, каждый из которых является субъектом права и выражает свою волю, а орган организации со статусом юридического лица является его частью, что исключает наличие двух субъектов гражданского права [314, с. 257].

Отличие между органом организации со статусом юридического лица и ее представителем, выступающим от имени организации по доверенности, проводит В. М. Малинкович [501, с. 58].

Указывая на то, что организация проявляет себя в гражданском обороте как юридическое лицо − дееспособный участник гражданского оборота, через свои исполнительные органы, В. А. Белов отмечает следующее: «От органов необходимо отличать представителей юридических лиц − граждан и организации, которые уполномочены к совершению собственных действий, но не от своего, а от чужого имени − имени уполномочивших их юридических лиц. В отличие от органов, рассматриваемых как составная часть, элемент юридического лица, представители не теряют своей гражданско-правовой самостоятельности по отношению к представляемым лицам» [502, с. 155].

На ошибочность применения норм о представительстве (глава 10 ГК, глава 10 ГК Российской Федерации) к деятельности единоличного органа управления организации со статусом юридического лица указывает практика внесения изменений в главу 4 ГК Российской Федерации «Юридические лица». Так, в соответствии с Федеральным законом от 5 мая 2014 г. № 99-ФЗ «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» норма п. 1 ст. 53 ГК Российской Федерации была

изложена в следующей редакции: «*Юридическое лицо приобретает гражданские права и принимает на себя гражданские обязанности через свои органы, действующие от его имени (пункт 1 статьи 182) в соответствии с законом, иными правовыми актами и учредительным документом*» [503, с. 26].

Как следует из приведенной нормы в п. 1 ст. 53 ГК Российской Федерации изначально было сделано указание на то, что к деятельности органа юридического лица применяется п. 1 ст. 182 ГК Российской Федерации «Представительство».

Однако, комментируя приведенную норму Гражданского кодекса, Б. М. Гонгало и П. В. Крашенинников отмечают: «Орган юридического лица не является субъектом гражданского права (он часть юридического лица). <…> Ссылка в п. 1 ст. 53 ГК РФ на п. 1 ст. 182 Кодекса является юридико-технической ошибкой. Указание должно было относиться конечно же к представителям» [504, с. 59].

Впоследствии в нормы ст. 53 ГК Российской Федерации Федеральным законом от 29 июня 2015 г. № 210-ФЗ внесены соответствующие изменения и указанная юридико-техническая ошибка устранена, что свидетельствует о безосновательности подхода к органу юридического лица как к его представителю. В настоящее время абзац 1 п. 1 ст. 53 ГК Российской Федерации звучит следующим образом: «*Юридическое лицо приобретает гражданские права и принимает на себя гражданские обязанности через свои органы, действующие в соответствии с законом, иными правовыми актами и учредительным документом»* [505].

Пример практического применения методики толкования.

Далее с целью практической демонстрации работоспособности предложенной выше совокупности методов толкования и последовательности их применения проведем интерпретацию нормы, закрепленной в п. 3 ст. 49 ГК. Так, для точного и соответствующего требованиям гражданского оборота определения правового положения исполнительного органа организации со статусом юридического лица в гражданском праве и согласования теории и практики применения гражданско-правовых норм необходимо интерпретировать норму п. 3 ст. 49 ГК посредством использования всей совокупности методов толкования с учетом:

– непосредственного смысла правовой нормы, следующего из символов русского языка, с помощью которых анализируемая гражданско-правовая норма получила свое внешнее выражение;

– места анализируемой нормы в системе гражданско-правовых норм;

– логики развития гражданского оборота;

– целей введения указанной нормы в систему гражданского права.

При этом необходимо дополнительно к анализируемой норме исследовать гражданско-правовой институт «Представительство. Доверенность» и возможность его применения к исполнительному органу организации со статусом юридического лица. В частности, согласно норме, закрепленной в п. 3 ст. 49 ГК, «*лицо, которое в силу акта законодательства или учредительных документов юридического лица выступает от его имени, должно действовать в интересах представляемого им юридического лица добросовестно и разумно*».

С целью получения достоверного научного результата в процессе интерпретации приведенной нормы необходимо в определенной последовательности применить все методы толкования, составляющие методику толкования, в их совокупности: грамматический, систематический, логический, телеологический с элементами исторического.

Первым методом толкования, подлежащим применению в процессе уяснения буквального смысла правовой нормы, выраженной посредством использования символов русского языка, на что указывалось выше, является грамматический метод. Применение грамматического метода толкования, по мнению В. С. Нерсесянца, является важным «в том плане, что язык правового текста − это одновременно и тот официальный правовой язык, на котором осуществляется соответствующее нормативно-правовое осмысление, также и регулятивной ситуации в ее соотнесении с толкуемой нормой» [133, с. 494].

Следовательно, в соответствии с грамматическим методом толкования интерпретатор в процессе уяснения смысла правовой нормы в первую очередь должен воспринимать составляющие ее слова в том значении, которое они имеют в русском языке. Грамматическая интерпретация используемого в анализируемой норме словосочетания «представляемое лицо», как указывалось ранее, является основанием для утверждения о том, что единоличный исполнительный орган организации является ее представителем, чем, в свою очередь, обосновывается применение к деятельности исполнительного органа юридического лица норм главы 10 ГК и, в частности, ст. 183 ГК.

Однако, на что указывалось выше, получение достоверного результата на основании одного метода толкования не представляется возможным, что является основанием для дальнейшей интерпретации нормы п. 3 ст. 49 ГК с использованием других методов толкования.

Следующим методом толкования, подлежащим применению в процессе интерпретации нормы п. 3 ст. 49 ГК в соответствии с описанной выше методикой, является систематический метод, согласно которому, как утверждает А. Б. Венгеров, «каждая норма права должна рассматриваться в связи со всей системой правовых положений» [138, с. 453].

На необходимость систематического метода толкования указывается в белорусской юридической литературе [506, с. 314–316].

Систематический подход, позволяющий определить место правовой нормы в системе норм гражданского права, ее взаимосвязь с другими правовыми нормами (элементами системы), взаимообусловленность содержания правовой нормы и содержания других правовых норм предоставляет наряду с грамматическим толкованием возможность получить более достоверные результаты. Невыполнение требований в первую очередь систематического метода толкования и уяснение смысла нормы п. 3 ст. 49 ГК в отрыве от системы правовых норм, опосредующих процедуру создания и деятельности организаций со статусом юридического лица, и в целом в отрыве от всей системы гражданского права привели к тем результатам, которые в настоящее время воспринимаются правоприменительной практикой как истинные, хотя, с нашей точки зрения, таковыми не являются.

Применение систематического метода толкования позволяет нам установить, что норма п. 3 ст. 49 ГК закреплена в ст. 49 ГК § 1 «Основные положения» главы 4 ГК «Юридические лица». Нормы § 1 главы 4 ГК посвящены нормативному определению понятия «юридическое лицо» (п. 1 ст. 44 ГК), установлению вещных и обязательственных прав, которые приобретают субъекты гражданского права, выступая учредителями организаций в той или иной правовой форме (п. 2 и п. 3 ст. 44 ГК), определению объема правоспособности организаций со статусом юридического лица и момента ее возникновения (ст. 45 ГК), закреплению в ГК классификации организаций на коммерческие и некоммерческие (ст. 46 ГК), закреплению иных правовых свойств, которые приобретает организация в процессе государственной регистрации в качестве юридического лица.

Глава 4 ГК, в свою очередь, расположена в подразделе 2 ГК «Лица», который является составной частью раздела 1 «Общие положения». Наряду с главой 4 ГК подраздел 2 включает главу 3 ГК «Граждане (физические лица)». Факт включения глав 3 и 4 в один подраздел ГК позволяет утверждать о том, что указанные главы содержат нормы, определяющие правовой статус юридически идентичных (равных) категорий гражданского права. Юридическая идентичность двух категорий − «юридическое лицо» и «физическое лицо» − подтверждается нормами, закрепленными в ст. 1 ГК, в соответствии с которыми участниками общественных отношений, регулируемых нормами гражданского права, являются граждане и юридические лица.

Следовательно, и граждане, и юридические лица признаются участниками гражданско-правовых отношений и, соответственно, субъекта-

ми гражданского права, участвующими в гражданских правоотношениях на равных (ст. 2 ГК).

Изложенное позволяет констатировать тот факт, что организация со статусом юридического лица, так же, как и правосубъектный гражданин, является самостоятельным участником гражданско-правовых отношений, юридически способным от собственного имени приобретать права и исполнять обязанности. Приведенное утверждение в цивилистической науке не оспаривается и подтверждается как выводами ученых [507–509], так, например, и нормами статьи:

– 7 ГК, согласно которым «гражданские права и обязанности возникают… из действий граждан и юридических лиц»;

– 8 ГК, в соответствии с которыми «граждане и юридические лица по своему усмотрению осуществляют принадлежащие им гражданские права»;

– 9 ГК, на основании которых «…действия граждан и юридических лиц, осуществляемые исключительно с намерением причинить вред другому лицу, а также злоупотребление правом в иных формах», не допускаются и, как следствие, признаются противоправными.

В подтверждение того, что организации со статусом юридического лица являются самостоятельными субъектами гражданского права и полноправными участниками гражданско-правовых отношений, можно привести большое количество норм, закрепленных в ГК, в том числе нормы ст. 44 ГК, в соответствии с которыми организация со статусом юридического лица непосредственно осуществляет свои права, исполняет обязанности и несет самостоятельную имущественную ответственность по своим обязательствам, для чего нормами ст. 45 ГК организация наделяется таким элементом правосубъектности, как правоспособность, которая возникает с момента государственной регистрации организации в качестве юридического лица.

Систематический анализ приведенных норм позволяет констатировать тот факт, что организация со статусом юридического лица рассматривается нормами гражданского права в качестве полноправного самостоятельного и независимого от иных лиц субъекта гражданского права, юридически способного самостоятельно, от собственного имени и в своих интересах принимать участие в гражданско-правовых отношениях, в том числе нести имущественную ответственность по своим обязательствам (по совершенным организацией сделкам). Право указанных субъектов принимать самостоятельное участие в гражданско-правовых отношениях предопределено в том числе нормами ст. 8 ГК, закрепляющими за гражданами и юридическими лицами юридически обеспеченную возможность по своему усмотрению осуществлять гражданские права.

В соответствии с тем, что юридическое лицо является субъектом фиктивным, вымышленным, введенным в гражданский оборот исключительно для целей создания наиболее приемлемых условий участия граждан в предпринимательской деятельности, и, как следствие, субъектом, не имеющим психического сознания, воли и, соответственно, способности самостоятельно формировать и выражать свою волю вовне, в конструкцию юридического лица был включен такой его элемент, как исполнительный орган управления организации, что отражено в п. 1 ст. 49 ГК. Так, согласно нормам названной статьи «юридическое лицо приобретает гражданские права и принимает на себя гражданские обязанности через свои органы, действующие в соответствии с законодательством и учредительными документами».

В результате применения грамматического метода толкования в ходе уяснения действительного смысла приведенной нормы можно сделать вывод, что органы юридического лица являются частью теоретико-правовой конструкции, именуемой «юридическое лицо», которое, как утверждает И. П. Грешников, реализует свою правосубъектность через деятельность своего органа управления [510, с. 206]. Посредством применения систематического метода толкования и анализа содержания норм, закрепленных в п. 1 ст. 49 ГК, в совокупности с нормами, названными выше, можно констатировать тот факт, что юридическое лицо, являясь независимым субъектом гражданского права, способным к самостоятельному осуществлению своих прав и исполнению обязанностей, имеет определенную структуру, включающую в свой состав как единого целого орган управления, посредством которого реализует свою правосубъектность в качестве участника гражданско-правовых отношений.

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что исполнительный орган управления организации не имеет самостоятельной правосубъектности и вне рамок организации в гражданско-правовых отношениях участвовать не в состоянии, что подтверждается в том числе отсутствием в ст. 1 и других статьях ГК указания на такого самостоятельного участника гражданско-правовых отношений, как исполнительный орган «юридического лица» [98-А, с. 439−444].

Далее проанализируем нормы, закрепленные в главе 10 ГК, с целью установления их предназначения, условий применения и исследуем возможность экстраполяции полученных результатов на деятельность исполнительного органа организации со статусом юридического лица. Так, в соответствии с нормами, закрепленными в п. 1 ст. 183 ГК, под представительством понимаются действия одного лица (представителя), совершаемые от имени и в интересах другого лица (представляе-

мого) на основании полномочия, основанного на доверенности, правовых нормах либо акте уполномоченного на то государственного органа или органа местного управления и самоуправления, в результате совершения которых права и обязанности возникают у представляемого.

Грамматический способ толкования, примененный в процессе уяснения действительного смысла приведенных норм, позволяет сделать следующие выводы:

1) представительство по своей сути является гражданским правоотношением, что находит подтверждение в юридической литературе [511];

2) со свойственной правоотношению структурой;

3) возникающим между двумя самостоятельными субъектами гражданского права: представителем и представляемым;

4) в результате участия в котором представитель, являясь правосубъектным лицом, лично совершает предусмотренные в доверенности, акте законодательства или акте уполномоченного государственного органа фактические и юридические действия в интересах представляемого, руководствуясь его указаниями, и в процессе своей деятельности приобретает гражданские права и обязанности для представляемого. При этом представляемый обладает собственной волей и способностью ее самостоятельного выражения вовне;

5) в случае превышения представителем своих полномочий совершенные им действия порождают права и обязанности непосредственно у представителя, что также указывает на его юридическую самостоятельность как субъекта, отличного от представляемого лица.

На основании результатов систематического метода толкования применим изложенные выше тезисы к отношениям, возникающим в процессе деятельности исполнительного органа организации со статусом юридического лица.

1. Вступление в свои полномочия исполнительного органа организации со статусом юридического лица, а точнее, ее директора, основано:

а) на решении общего собрания участников хозяйственного общества (на решении собственника имущества (учредителя) унитарного предприятия), которое принимается в рамках гражданского правоотношения и носит предварительный характер, так как непосредственно прав и обязанностей директора организации у физического лица, указанного в решении общего собрания участников организации, не порождает;

б) на нормах Трудового кодекса и, в частности, на нормах главы 18 Трудового кодекса «Особенности регулирования труда руководителя организации и членов коллегиального исполнительного органа», что переводит гражданское правоотношение в разряд трудового правоотношения.

При этом единоличным органом управления организации, т. е. ее директором, может быть исключительно физическое лицо, у которого полномочия директора возникают только после заключения с ним трудового договора (контракта) в соответствии с нормами главы 18 Трудового кодекса. Следовательно, правовой основой возникновения полномочий физического лица как исполнительного органа организации со статусом юридического лица являются нормы трудового права Республики Беларусь, а возникающие при этом правоотношения будут трудовыми, а не гражданско-правовыми. Вместе с тем указанные отношения могут возникнуть и на основании гражданско-правового договора, если функции органа управления передаются управляющей организации или индивидуальному предпринимателю, которые, не будучи органом управления организации, выполняют его функции. «Между человеком, составляющим сущность органа, и юридическим лицом, − отмечает Я. И. Функ, − могут возникать лишь трудовые отношения, если речь идет об исполнительном органе» [500, с. 32−36].

Исключение составляют случаи, когда участники хозяйственного товарищества осуществляют предпринимательскую деятельность от имени товарищества в соответствии с заключенным между ними гражданско-правовым договором, а также когда учредитель унитарного предприятия осуществляет функции его органа управления на основании самостоятельно принятого решения.

Однако, во-первых, хозяйственные товарищества в Республике Беларусь в настоящее время фактически не существуют в силу их недостаточной привлекательности как правовой формы участия в предпринимательских отношениях, а во-вторых, данная правовая форма осуществления предпринимательской деятельности, в принципе, по своему предназначению и конструкции не ориентирована на присвоение ей статуса юридического лица, и во многих иностранных правопорядках такого статуса не имеет. Что же касается выполнения функций исполнительного органа унитарного предприятия его учредителем, то данный факт следует признать исключением из общего правила.

В названном случае правовой основой деятельности учредителя унитарного предприятия действительно являются нормы гражданского права и, в частности, нормы, закрепленные в п. 4 ст. 113 ГК.

2. В процессе реализации полномочий единоличного исполнительного органа организации со статусом юридического лица не возникают свойственные представительству гражданско-правовые отношения между двумя лицами: представителем и представляемым. Это связано с тем, что исполнительный орган управления организации, в качестве которого выступает физическое лицо, и организация, деятельностью

которой он управляет, не являются двумя самостоятельными субъектами гражданского права, а представляют собой единое целое – организацию и входящий в ее структуру орган управления. Как организация не может участвовать в гражданском обороте без органа управления, так и орган управления вне рамок организации таковым не является, не обладает собственной правосубъектностью непосредственно как орган управления юридического лица.

3. В отношениях представительства как представляемый, так и представитель имеют собственную волю, а во взаимосвязи организации и ее исполнительного органа управления организация со статусом юридического лица, являясь образованием фиктивным, собственной воли не имеет, чем и обусловлена необходимость введения в состав любой организации со статусом юридического лица такого ее структурного элемента, как исполнительный орган управления, в качестве которого, как верно отмечает Я. И. Функ, фактически выступают люди, вырабатывающие и осуществляющие волю организации [500, с. 32–36]. Именно директор организации формирует ее волю и выражает ее вовне в отношениях с другими субъектами гражданского права. По большому счету воля организации зависит от воли физического лица – ее директора − и фактически является не чем иным, как волей этого физического лица, которая (воля) в результате применения юридических фикций доводится до иных участников гражданского оборота как воля самой организации со статусом юридического лица.

Изложенное позволяет сделать вывод об отсутствии возможности существования двух самостоятельных воль, отличных друг от друга и сформированных организацией и ее органом управления в силу того, что орган управления входит в состав организации, является ее структурным элементом и, следовательно, в рамках деятельности организации не имеет юридически обеспеченной возможности формирования и выражения самостоятельной воли, отличной от воли возглавляемой им организации.

Как верно указывает Г. В. Цепов, «процесс формирования и выражения воли юридического лица можно представить следующим образом:

1) первый этап составляет выражение субъектами управления воли, которую они полагали бы выдать за волю юридического лица;

2) второй этап – допущение, что данная воля является волей юридического лица;

3) третий этап – выражение этой воли перед третьими лицами уже как воли юридического лица.

И в первом, и в третьем случаях фактически действуют только указанные субъекты, однако если на первом этапе это непосредственно их

воля, то на последнем признается, что это уже воля юридического лица» [512, с. 89–93], что позволяет сделать юридическая техника, а вынуждают потребности в нормальном развитии гражданско-правовых отношений.

4. В том случае, если полномочия органа юридического лица ограничены его учредительными документами по сравнению с тем, как они определены в законодательстве либо каковыми они могут считаться из обстановки, в которой совершается сделка, и при ее совершении исполнительный орган организации вышел за пределы этих ограничений, такая сделка в соответствии с нормами ст. 175 ГК может быть признана судом недействительной по иску лица, в интересах которого установлены ограничения. При этом изначально совершенная сделка порождает права и обязанности у организации, являющейся стороной сделки, а не у исполнительного органа, который в процессе ее совершения вышел за пределы своих полномочий.

Если бы ко взаимоотношениям исполнительного органа с организацией применялись нормы главы 10 ГК «Представительство. Доверенность», то права и обязанности из договора, совершенного представителем с превышением им своих полномочий, возникли бы непосредственно у представителя, т. е. у конкретного физического лица, назначенного директором организации.

Факт возникновения непосредственно у организации прав и обязанностей по сделке, совершенной ее исполнительным органом даже с превышением имеющихся у органа полномочий, обусловлен тем обстоятельством, что исполнительный орган управления организации не обладает самостоятельной правосубъектностью и действует в рамках правосубъектности организации.

По сути, юридически считается, что такую сделку совершила сама организация, но с превышением предоставленных ей возможностей, которые могут быть ограничены как решением учредителей, так и правовыми нормами.

Негативное последствие, которое может наступить в рамках гражданско-правовых отношений в случае совершения организацией со статусом юридического лица сделки, выходящей за пределы ее правоспособности, предусмотрено нормами, закрепленными в ст. 174 ГК.

Согласно названным нормам такая сделка может быть признана недействительной судом по иску учредителя (участника) организации или государственного органа, осуществляющего контроль или надзор за деятельностью организации, при том условии, что другая сторона в сделке знала или в силу правовых норм обязана была знать о ее неправомерности, но совершила такую сделку умышленно или по неосторожности.

В случае признания сделки, совершенной организацией, недействительной для нее могут наступить иные, предусмотренные другими отраслями права и отраслями законодательства негативные последствия имущественного характера (например, применение административной ответственности в соответствии с нормами налогового права). Факт признания судом сделки недействительной не рассматривается нормами гражданского права в качестве основания для перевода прав и обязанностей по такой сделке на фактически совершившее ее лицо, т. е. на директора, но является основанием для ее аннулирования, бремя возможных негативных последствий которого опять-таки ложится в первую очередь непосредственно на организацию.

Далее следует использовать логический метод толкования, и в частности такой входящий в его состав прием толкования правовых норм, как анализ. На основании его применения представляется возможным констатировать тот факт, что гражданско-правовой договор, подписанный физическим лицом, занимающим на момент его подписания должность директора организации (выступающим в качестве ее органа управления), будет существовать в неизменном виде, например, в случае смерти физического лица, подписавшего такой договор.

Это возможно только в силу того, что физическое лицо, подписавшее договор от имени организации, само участником возникших договорных отношений не является и, как следствие, не может самостоятельно действовать ни в отношении себя лично, ни в отношении другой организации, директором которой оно одновременно является. В противном случае, такой договор в случае смерти одной из его сторон, и отсутствия у него наследников должен быть прекращен по основаниям, закрепленным в ст. 388 ГК.

Сделанный вывод находит подтверждение в цивилистической литературе. Так, согласно утверждению И. П. Грешникова, «нельзя отождествлять первого руководителя организации (ее… директора) с конкретным человеком, занимающим данный пост в тот или иной промежуток времени. Первый руководитель − это функциональное место, именно поэтому смена конкретного человека на административной должности сама по себе не влечет прекращения либо изменения тех прав и обязанностей, которые уже приобретены юридическим лицом в ходе деятельности его прежнего руководителя» [510, с. 207; 513; 514].

Для завершения анализа нормы п. 3 ст. 49 ГК и подтверждения всех вышеприведенных аргументов необходимо интерпретировать текст названной нормы при помощи телеологического метода толкования с использованием исторического метода. Приемы названных методов позволят определить цель введения в гражданский оборот фиктивного

субъекта гражданского права, именуемого юридическим лицом в конкретных исторических условиях.

Исторический анализ разработки теорий юридического лица и, в частности, теории фикции, разработанной Фридрихом Карлом фон Савиньи, содержание которой сводится к тому, что юридическое лицо выделяется как самостоятельный субъект права, отличный от физических лиц, вводится такой признак юридического лица, как наличие обособленного от физических лиц имущества и «…ограничение ответственности пайщиков-акционеров…» [98-А, с. 380–385; 515, с. 166], а также телеологический анализ норм, закрепленных в разделе I ГК «Общие положения», позволяют сделать ряд вывод. В частности, вывод о том, что конструкция «юридическое лицо» введена в гражданский оборот для юридического замещения фактического участника гражданско-правовых отношений, в качестве которых, как правило, выступает директор организации (учредитель, учредители), и переложения на организацию юридической ответственности за результаты предпринимательской деятельности, которые в силу обычного предпринимательского риска могут оказаться неудовлетворительными.

Переложение гражданско-правовой ответственности с фактически участвующих в экономическом обороте физических лиц на юридически участвующую в экономическом обороте организацию возможно только в одном случае, когда действия ее органа управления − конкретного физического лица − юридически будут восприниматься как действия, совершенные непосредственно организацией. В том случае, если к процессу участия в гражданском обороте исполнительного органа управления организации применить нормы главы 10 ГК, то при неисполнении или ненадлежащем исполнении обязательств от имени организации гражданско-правовую ответственность должна нести не организация, а ее представитель − орган управления, чем подрывается теория сущности юридического лица и нивелируются цели введения указанной конструкции в гражданский оборот.

Таким образом, на основе приведенных аргументов, полученных в процессе применения совокупности методов толкования и компетентных мнений специалистов, выработанных в рамках теоретических исследований сущности и предназначения теоретико-правовой конструкции «юридическое лицо», можно сделать вполне обоснованный и соответствующий логике исследования вывод, что правовые нормы, закрепленные в главе 10 ГК «Представительство. Доверенность», не могут применяться к отношениям, возникающим в процессе осуществления исполнительным органом управления организации со статусом юридического лица своих полномочий.

Приведенные выше примеры судебной практики показывают, что она складывается вопреки развитию теории гражданского права, сущности института представительства и его предназначения в гражданско-правовом регулировании, а также вопреки сущности теоретико-правовой конструкции «юридическое лицо» и логике ее применения в гражданском обороте.

Анализируемые отношения носят специфический характер в силу фиктивности самой организации со статусом юридического лица как субъекта гражданского права, а также по причине отсутствия у нее своей воли и, следовательно, способности самостоятельно, вне рамок действий исполнительного органа управления, выражать ее вовне в отношениях с иными субъектами гражданского права. Вместе с тем, основываясь на нормах п. 3 ст. 49 ГК, определяющих организацию со статусом юридического лица, от имени которой действует исполнительный орган управления, как представляемого, многие ученые и практики пришли к выводу о возможности и необходимости применения норм главы 10 ГК к отношениям, возникающим в процессе осуществления исполнительным органом организации со статусом юридического лица функций управления.

В целях предотвращения неоднозначного развития науки гражданского права, а также во избежание казусных ситуаций, возникающих в процессе участия организаций в гражданско-правовых отношениях и в практике рассмотрения соответствующих споров экономическими судами, необходимо изменить закрепленную в п. 3 ст. 49 ГК формулировку посредством замены в указанных нормах термина «представляемой» на иной, отражающий фактически складывающиеся общественные отношения, соответствующие сущности организации со статусом юридического лица и ее предназначению как участника гражданского оборота. Изменение формулировки норм п. 3 ст. 49 ГК исключит возможность возникновения дискуссии о необходимости применения норм главы 10 ГК к действиям исполнительного органа управления организацией со статусом юридического лица и предотвратит в будущем принятие неверных судебных решений [10-А, с. 47].

Изложенное позволяет сделать вывод о необходимости последовательного применения указанной совокупности методов толкования: грамматического, систематического, логического и телеологического с учетом исторического метода в процессе практического применения норм гражданского права и разрешения споров о праве гражданском.

5.3 НОРМЫ-ПРЕДПИСАНИЯ КАК ОСНОВА ПОСТРОЕНИЯ КАТЕГОРИЧЕСКОГО СИЛЛОГИЗМА И ПРАКТИЧЕСКОГО ПРИМЕНЕНИЯ НОРМ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

Проведенное выше исследование понятия, предназначения, видов и логической структуры гражданско-правовых норм показало, что в процессе осуществления правоприменительной деятельности, понимаемой нами в широком смысле (как деятельности по реализации (применению, использованию, соблюдению, исполнению) норм гражданского права всеми субъектами, включая участников гражданско-правовых отношений и государственные органы, в компетенцию которых входит право рассмотрения и разрешения споров, вытекающих из гражданско-правовых отношений), субъектам гражданского права и соответствующим государственным органам в ходе участия в гражданско-правовых отношениях, а также при разрешении споров о праве гражданском приходится иметь дело с двумя видами правовых норм – нормами-предписаниями и нормами-суждениями.

Нормы-предписания, на что указывалось выше, составляют содержание нормативных правовых актов системы гражданского законодательства (их статей, глав, разделов) и не имеют логической структуры, состоящей из гипотезы (антецедента, или основания) и диспозиции (консеквента, или следствия). Конструкция и расположение норм-предписаний обусловлены единственно системой правил подготовки нормативных правовых актов и удобством их применения, а также принципами нормотворческой деятельности. Расположение норм-предписаний не связано с логикой гражданско-правового регулирования, но обусловлено логикой построения системы гражданского права и гражданского законодательства в целом и логикой построения Гражданского кодекса в частности.

Нормы-суждения, в отличие от норм-предписаний, имеют двухэлементную логическую структуру, включающую в свой состав гипотезу и диспозицию, содержание и взаимообусловленность которых основаны на логике гражданско-правового регулирования, вытекают непосредственно из используемого гражданским правом метода правового регулирования и принципов построения системы гражданского права. Нормы-суждения представляют собой ту модель поведения, которую используют субъекты гражданского права в процессе участия в граж-

данско-правовых отношениях, приобретая соответствующие права и исполняя соответствующие обязанности, вследствие чего изменяется содержание правового положения участников конкретного гражданско-правового отношения. Нормы-суждения, необходимые субъектам гражданского права для определения модели своего взаимодействия и разрешения спора о праве гражданском в случае его возникновения, вырабатываются на основе норм-предписаний в процессе их применения в определенной логической последовательности посредством построения цепочки логических рассуждений, основанных на содержании норм-предписаний. Следует отметить, что общетеоретическая юридическая наука рассматривает процесс участия в общественных отношениях, опосредованных правовыми нормами, как реализацию права, включающую в свой состав, на что указывалось выше, такие формы реализации, как соблюдение, исполнение, использование и применение. При этом под применением учеными, работающими в области теории права, понимается властная организующая деятельность, осуществляемая уполномоченными государственными органами [129, с. 446−456].

Вместе с тем непосредственно слово «применить» в русском языке имеет следующее значение: «осуществить на деле, на практике» [141, с. 594], что указывает на возможность использования термина «применение» в том числе и к деятельности субъектов гражданского права по моделированию своих правоотношений и фактическому участию в них, а не только к деятельности уполномоченных государственных органов, т. е. в узком понимании анализируемого термина.

Кроме того, на что обращает внимание В. А. Белов, «с дореволюционного времени применение гражданско-правовых норм понимается как процесс получения (вывод) некоторого категорического суждения из двух других категорических суждений, т. е. логическую операцию, именуемую простым категорическим силлогизмом» [96, с. 247].

Непосредственно в этом значении мы будем в дальнейшем использовать словосочетание «применение норм гражданского права», что означает логическую операцию, в результате проведения которой субъекты правоприменительной деятельности (субъекты гражданского права) из двух категорических суждений (посылок) получают третье категорическое суждение, именуемое выводом.

Применение норм-предписаний гражданского права с целью получения необходимого вывода о правах и обязанностях участников конкретного гражданско-правового отношения связано:

– с необходимостью выбора из массива норм гражданского права отдельных норм-предписаний, подлежащих применению в конкретном случае участия в гражданско-правовых отношениях;

– изучением содержащихся в них отдельных правил поведения;

– толкованием подобранных правовых норм, т. е. выявлением действительного смысла правовой нормы, вложенного в нее законодателем с последовательным использованием четырех методов толкования, рассмотренных выше;

– получением вывода о правах и обязанностях участников гражданско-правового отношения посредством построения на основании норм-предписаний сложного условного логического суждения импликативного типа.

Однако в процессе осуществления экономической деятельности между осуществляющими ее субъектами могут возникнуть такие социальные связи, процедура участия в которых не будет урегулирована нормами гражданского права и, соответственно, невозможно будет отобрать нормы-предписания, подлежащие непосредственному применению в силу их отсутствия в ГК и иных нормативных правовых актах системы гражданского законодательства. Отсутствие правовых норм, опосредующих возникшее общественное отношение, лишает его участников возможности построения сложного условного логического суждения импликативного типа о своих правах и обязанностях, основанием построения которого, на что указывалось выше, является анализ содержания норм-предписаний и их последовательное применение. Указанная ситуация в юридической науке называется пробелом в праве, понятие которого в теоретическую юриспруденцию впервые ввел Е. Цительман в начале XX в. в научной работе, подготовленной в связи со вступлением в силу Германского гражданского уложения.

Возможность возникновения пробелов в гражданском праве обусловлена, как уже отмечалось выше, огромным спектром различных видов социальных связей, возникающих в процессе осуществления деятельности по производству, обмену и потреблению продукции, и, соответственно, отсутствием возможности полного урегулирования имущественных отношений, составляющих предмет гражданско-правового регулирования нормами объективного права. Многообразие возможных вариантов, по сути, правомерного поведения субъектов гражданского права в процессе осуществления экономической деятельности, направленность указанных отношений, как правило, на удовлетворение частных имущественных интересов непосредственно участвующих в них лиц, преобладающая экономическая составляющая таких отношений, выраженная в личной (персональной) материальной заинтересованности участников гражданско-правовых отношений в их результативности, присутствие большой динамической составляющей в структуре экономических отношений и, как следствие, отсутствие объ-

ективной возможности полного их урегулирования нормами-предписаниями объективного права, по нашему мнению, предопределили применение в процессе урегулирования анализируемых отношений диспозитивного метода правового регулирования.

Указанный метод, в свою очередь, допускает широкое усмотрение сторон в процессе моделирования своих взаимоотношений и наличие пробелов в гражданско-правовом регулировании, подлежащих преодолению в ходе правоприменительной деятельности.

Таким образом, применение норм-предписаний связано:

– с уяснением смысла каждой применяемой гражданско-правовой нормы в ходе ее толкования;

– построением на их основе категорического силлогизма (умозаключения);

– преодолением пробелов в гражданско-правовом регулировании в случае отсутствия правовых норм, прямо опосредующих возникшие между субъектами гражданского права экономические отношения.

В целях наиболее полного уяснения процедуры применения норм-предписаний, закрепленных в нормативных правовых актах системы гражданского законодательства и в первую очередь в ГК, всю их совокупность следует разделить на некоторые классификационные группы.

1. В зависимости от структуры содержания норм-предписаний их следует классифицировать на нормы-предписания:

а) с простой структурой содержания;

б) со сложной структурой содержания.

2. По порядку применения нормы-предписания необходимо классифицировать:

а) на прямо применяемые (нормы прямого применения);

б) применяемые от противного, или, на что указывает В. А. Белов, применяемые «по противоположности» [96, с. 215−217].

В случае конкуренции норм-предписаний, подлежащих прямому применению и применению от противного (по противоположности), приоритет, по нашему мнению, следует отдавать нормам-предписаниям прямого действия как нормам, непосредственно предлагающим вариант поведения субъектов гражданского права в конкретных фактических условиях развития общественных отношений.

Наш вывод обусловлен тем, что нормы гражданского права, применяемые от противного, могут служить основанием для выработки субъектом правоприменения злоупотребительного суждения, т. е. такого вывода, который в действительности не следует из применяемой нормы гражданского права. В частности, согласно утверждению А. В. Волкова «злоупотребительное заключение от противного образуется в результа-

те “логического” отталкивания от существующей в силлогизме большой посылки» [516, с. 49].

Нормы-предписания могут быть с простой структурой содержания и подлежать прямому применению, со сложной структурой содержания и подлежать прямому применению, а также с простой либо сложной структурой содержания, но подлежать применению от противного.

К нормам-предписаниям с простой структурой содержания следует отнести правовые нормы, состоящие из однозначного утверждения, не предполагающего двусмысленности его толкования, предлагающие одну модель поведения. К таковым относится, например, норма, закрепленная в абз. 1 ст. 6 ГК, согласно которой Республика Беларусь признает приоритет общепризнанных принципов международного права и обеспечивает соответствие им норм системы гражданского права. Приведенная норма-предписание однозначно указывает на то, что общепризнанные принципы международного права на территории Республики Беларусь имеют приоритет над нормами национального права и что уполномоченные государственные органы осуществляют деятельность по обеспечению соответствия содержания норм национального гражданского права общепризнанным принципам международного права. Сделать из текста приведенной нормы какие-либо другие выводы не представляется возможным. Нормы-предписания с простой структурой содержания, как правило, имеют императивную конструкцию, а их толкование и соединение в условную сложную логическую импликацию не вызывают особых затруднений.

К анализируемым, в частности, относятся нормы-предписания, закрепленные:

− в п. 1 ст. 426 ГК, согласно которой «*продавец обязан передать покупателю товар, предусмотренный договором купли-продажи*»;

− ч. 1 п. 2 ст. 427 ГК, в соответствии с которой «*договор купли-продажи признается заключенным с условием о его исполнении к строго определенному сроку, если из договора ясно вытекает, что при нарушении срока его исполнения покупатель утрачивает интерес к договору*»;

− ч. 2 п. 2 ст. 427 ГК, в соответствии с которой «*продавец вправе исполнять такой договор до наступления или после истечения определенного в нем срока только с согласия покупателя*»;

а также многие другие нормы-предписания, закрепленные в ГК.

Все вышеперечисленные и иные аналогичные нормы-предписания гражданского права с простой структурой содержания следует классифицировать как правовые нормы, подлежащие прямому применению.

Наряду с гражданско-правовыми нормами, подлежащими прямому применению и заключающими в себе единый смысл, в ГК закреплено достаточно большое количество норм-предписаний, которые подлежат прямому применению, но несут в себе сложную смысловую нагрузку, допускают разные варианты развития гражданско-правовых отношений в зависимости от фактических условий взаимодействия субъектов гражданского права.

К нормам-предписаниям со сложной структурой содержания, классифицируемым как нормы прямого применения, следует отнести, например, нормы-предписания, закрепленные в п. 2 ст. 381 ГК, содержащем четыре правила, согласно которым «*не допускается зачет требований:*

1) если по заявлению другой стороны к требованию подлежит применению срок исковой давности и этот срок истек;

2) о возмещении вреда, причиненного жизни или здоровью;

3) о взыскании алиментов;

4) о пожизненном содержании», а также одно (пятое) правило, согласно которому перечень случаев запрета прекращения обязательства зачетом встречного требования признается открытым, допускающим возможность установления подобного ограничения в отношении иных обязательств как нормами-предписаниями любых нормативных правовых актов системы гражданского законодательства, так и соглашением сторон соответствующего договорного обязательства.

Еще одним примером нормы-предписания со сложной структурой содержания может служит норма, закрепленная в п. 1 ст. 430 ГК, согласно которой «*продавец обязан передать покупателю товар свободным от любых прав третьих лиц, за исключением случая, когда покупатель согласился принять товар, обремененный правами третьих лиц*».

Норма-предписание, закрепленная в п. 1 ст. 430 ГК, предусматривает два варианта развития гражданско-правовых отношений. В соответствии с первым вариантом предполагается, что во всех случаях продавец обязан передать покупателю товар, свободный от прав третьих лиц, и это условие не подлежит согласованию сторонами договора. Более того, покупатель без дополнительного уточнения у продавца вправе рассчитывать на то, что передаваемый ему товар будет свободным от всяких обременений, что предопределено закрепленной в ст. 2 ГК презумпцией добросовестности участников гражданско-правовых отношений, согласно которой добросовестность участников гражданско-правового отношения предполагается и, следовательно, каждый из субъектов гражданского права может рассчитывать на добро-

совестное (соответствующее нормам гражданского права) поведение второй стороны договора.

Такой вариант поведения участников гражданско-правового отношения в цивилистической науке называется общим правилом, т. е. правилом, действующим по умолчанию сторон или при стандартном развитии взаимоотношений участников экономической деятельности (применительно к договорному праву правило, закрепленное в ч. 1 п. 1 ст. 430 ГК, называется обычным условием договора).

Второй вариант поведения участников того же гражданско-правового отношения может иметь место лишь в том случае, когда предлагаемый к продаже товар обременен, например, правом залога, правом аренды и т. п., и на его приобретение с указанными обременениями покупатель добровольно выразит свою свободно сформированную волю. По сути, второй вариант передачи товара является исключением из общего правила и, следовательно, допускается только по согласованию с покупателем (применительно к договорному праву правило, закрепленное в ч. 2 п. 1 ст. 430 ГК, называется случайным условием договора).

Нормы-предписания со сложной структурой содержания в процессе их применения для построения сложного условного логического суждения импликативного типа требуют точного определения фактических обстоятельств соответствующего гражданско-правового отношения, выявления действительной воли сторон такого правоотношения, изучения норм-предписаний, содержащихся в других нормативных правовых актах системы гражданского законодательства.

К указанным нормам-предписаниям также следует отнести, например, нормы, закрепленные в ч. 2 п. 1 ст. 402 ГК, предусматривающие три правила определения существенных условий договора.

Так, согласно анализируемым нормам «*существенными являются* 1) *условия о предмете договора,* 2) *условия, которые названы в законодательстве как существенные, необходимые или обязательные для договоров данного вида,* 3) *а также все те условия, относительно которых по заявлению одной из сторон должно быть достигнуто соглашение*».

В соответствии с первым правилом, закрепленным в ст. 402 ГК, существенным является условие о предмете договора, что предполагает наличие у договаривающихся сторон точных знаний о том, что выступает предметом заключаемого ими договора и какие условия необходимо согласовать для того, чтобы условие о предмете считалось согласованным.

Например, для договора купли-продажи в качестве предмета рассматривается вещь (товар), право собственности на которую подлежит передаче от продавца к покупателю в рамках заключаемого договора, а условиями о предмете, подлежащими согласованию, являются наименование и количество товара, право собственности на который подлежит передаче, что отмечается в юридической литературе [99-А, с. 25].

Согласно второму правилу следующую группу составляют условия, которые названы как существенные, необходимые или обязательные для договоров данного вида в законодательстве. Такая формулировка предопределяет при получении умозаключения о правах и обязанностях участников конкретного договорного правоотношения необходимость изучения всего массива нормативных правовых актов системы гражданского законодательства с целью поиска иных, кроме указанных в ГК, существенных, необходимых или обязательных условий для договора, подлежащего заключению.

Досконального изучение всей совокупности нормативных правовых актов системы гражданского законодательства, относящегося к сфере общественных отношений, в рамках которых заключается гражданско-правовой договор с целью поиска его существенных условий, особенно актуально для Республики Беларусь с ее достаточно развитой системой гражданского законодательства, включающей в свой состав, в отличие от системы гражданского законодательства Армении, Грузии, Российской Федерации, Украины практически весь перечень нормативных правовых актов, которые в принципе могут составлять систему законодательства Беларуси (согласно нормам ст. 3 ГК, начиная с Конституции Республики Беларусь и заканчивая актами местных органов управления и самоуправления).

Третье правило, содержащееся в анализируемой норме-предписании, определяет в качестве существенных все те условия, относительно которых по заявлению одной из сторон гражданско-правового отношения должно быть достигнуто соглашение. Закрепленная в ГК формулировка нормы-предписания в процессе получения логического суждения импликативного типа требует детального изучения действительной воли сторон с целью определения тех условий договора, по которым фактически должно быть достигнуто соглашение, что является особенно актуальным в случае, когда одна сторона спора о праве гражданском считает, что у нее со вторым субъектом существует действующий гражданско-правовой договор, а вторая сторона спора утверждает, что указанный договор не может считаться заключенным.

Приведенные примеры применения норм-предписаний гражданского права наглядно показывают отличительные особенности, присущие

процессу построения сложных условных логических суждений импликативного типа о правах и обязанностях участников гражданско-правовых отношений на основании норм-предписаний с простой структурой содержания и на основании норм-предписаний со сложной структурой содержания. При этом следует констатировать тот факт, что одна логическая импликация, как правило, строится на основе анализа содержания совокупности норм-предписаний, относящихся к двум видам анализируемой классификационной группы, что отражает особенности процесса применения норм гражданского права, отличающие его от процесса применения норм-предписаний, например, уголовного или административного права, подчеркивает сложность применения норм гражданского права, указывает на необходимость наличия у субъекта правоприменительной деятельности глубоких знаний не только догмы гражданского права, но и цивилистической доктрины.

Определенную сложность в правоприменительной деятельности, особенно для лиц, не имеющих достаточных знаний в области юридических наук в целом и в области цивилистической науки в частности, представляют нормы-предписания, входящие во вторую группу и классифицируемые как нормы-предписания, применяемые от противного. Указанные нормы-предписания могут иметь простую или сложную структуру содержания.

К нормам-предписаниям, применяемым от противного и имеющим простую структуру содержания, относится, например, норма, закрепленная в ч. 1 п. 1 ст. 402 ГК, в соответствии с которой «*договор считается заключенным, если между сторонами в требуемой в подлежащих случаях форме достигнуто соглашение по всем существенным условиям договора*».

Анализ содержания рассматриваемой гражданско-правовой нормы указывает на необходимость, во-первых, согласования сторонами договора всех его существенных условий и, во-вторых, придания достигнутому соглашению формы, требуемой гражданским законодательством для того, чтобы соглашение было признано юридическим фактом, с которым нормы гражданского права связывают возникновение обязательственного договорного правоотношения. Содержание приведенной нормы-предписания однозначно указывает на те условия, выполнение которых необходимо для того, чтобы достигнутое субъектами гражданского права соглашение было признано гражданско-правовым договором, порождающим у его сторон соответствующие права и обязанности, а по сути, предусматривает совокупность действий субъектов гражданского права, которые они должны совершить в процессе заключения гражданско-правового договора.

Однако применение анализируемой нормы-предписания, закрепленной в ГК, не ограничивается одним лишь ее включением в состав умозаключения о признании соглашения субъектов гражданского права гражданско-правовым договором, т. е. юридическим фактом, на основании которого между ними возникает гражданско-правовое отношение, квалифицируемое как обязательственное договорное, в рамках которого субъекты гражданского права наделяются соответствующими правами и обязанностями.

Смоделируем ситуацию, при которой субъекты гражданского права, желающие вступить в обязательственное договорное правоотношение, пришли к соглашению о взаимных правах и обязанностях и при этом не достигли соглашения по одному из существенных условий, согласование которых, в соответствии с нормой п. 1 ст. 402 ГК, является обязательным для того, чтобы гражданско-правовой договор, выступающий в качестве правового основания возникновения соответствующего обязательственного договорного правоотношения, считался заключенным. Возникает вопрос о том, как квалифицировать действия сторон, на основании каких норм-предписаний строить умозаключение и каким будет содержание сложного условного логического суждения импликативного типа о возникшей либо не возникшей между сторонами такого соглашения гражданско-правовой связи, если учесть то обстоятельство, что в ГК и иных нормативных правовых актах системы гражданского законодательства отсутствует норма-предписание, прямо содержащая правило развития взаимоотношений сторон при указанных обстоятельствах.

В приведенной ситуации для составления умозаключения о правах и обязанностях сторон такого соглашения необходимо использовать ту же норму-предписание, т. е. норму, закрепленную в п. 1 ст. 402 ГК, но применяемую от противного, рассуждая следующим образом: если в соответствии с нормой, закрепленной в п. 1 ст. 402 ГК, договор считается заключенным в том случае, когда между сторонами в требуемой в подлежащих случаях форме достигнуто соглашение по всем его существенным условиям, то договор, хотя бы одно из существенных условий которого его сторонами не согласовано, не может считаться заключенным.

Таким образом, применяя от противного норму-предписание, предусматривающую определенные требования, соблюдение которых необходимо для заключения гражданско-правового договора, можно сделать вывод об отсутствии между субъектами гражданского права обязательственного договорного правоотношения по причине отсутствия юридического факта (договора), являющегося правовым основанием

его возникновения, и, следовательно, об отсутствии коррелятивных правовых связей между сторонами такого соглашения, выраженных в наличии взаимообусловленных прав и обязанностей.

Более трудными в использовании представляются нормы-предписания, подлежащие применению от противного и имеющие сложную структуру правовых связей. К таковым, например, относится норма-предписание, закрепленная в п. 1 ст. 163 ГК, в соответствии с которой «*несоблюдение простой письменной формы сделки лишает стороны права в случае спора ссылаться в подтверждение сделки и ее условий на свидетельские показания, но не лишает их права приводить письменные и другие доказательства, не являющиеся свидетельскими показаниями*».

Из содержания названной нормы-предписания можно сделать следующие три вывода прямого действия:

– вывод о том, что государство негативно оценивает поведение субъектов гражданского права, вследствие которого сделка совершается с нарушением требований правовых норм к ее простой письменной форме;

– вывод о тех отрицательных последствиях, которые могут наступить для участников сделки, совершенной с нарушением требований правовых норм к ее простой письменной форме. В частности, стороны лишаются права в случае возникновения спора ссылаться в подтверждение факта совершения сделки и ее условий на свидетельские показания;

– вывод о тех доказательствах, которые при названных обстоятельствах стороны такой сделки могут приводить в подтверждение факта совершения сделки и ее условий.

Но содержание анализируемой нормы-предписания позволяет сделать и два вывода от противного. Первый, главный вывод состоит в том, что по общему правилу сделка, совершенная с нарушением требований гражданско-правовых норм к ее форме, является действительной и, следовательно, совершенная устно сделка, для которой нормами гражданского права предусмотрена простая письменная форма, признается юридическим фактом, являющимся основанием возникновения между ее сторонами коррелятивных правовых связей.

Сделанный от противного вывод основан на следующем рассуждении: если норма п. 1 ст. 163 ГК в случае совершения сделки с нарушением требования к ее простой письменной форме и возникновения в суде спора, вытекающего из совершенной сделки, оставляет за ее сторонами право приводить письменные и иные доказательства в подтверждение факта совершения сделки и содержания ее условия, то та-

кая сделка признается нормами гражданского права действительной. Второй вывод, который можно сделать в случае применения анализируемой нормы-предписания от противного, состоит в том, что предусмотренные указанной нормой негативные последствия несоблюдения простой письменной формы сделки для ее сторон не наступят в случае надлежащего исполнения ими достигнутого соглашения и, как следствие, отсутствия между сторонами спора о правах и обязанностях, вытекающих из совершенной сделки.

Вместе с тем возможность применения нормы-предписания, закрепленной в п. 1 ст. 163 ГК, допускается по общему правилу и ограничивается нормами, закрепленными в п. 2 и 3 ст. 163 ГК, определяющими виды сделок, несоблюдение простой письменной формы которых влечет их безусловную недействительность.

Так, согласно:

– п. 2 ст. 163 ГК *в случаях, прямо указанных законодательными актами или в соглашении сторон, несоблюдение простой письменной формы сделки влечет ее недействительность*;

– п. 3 ст. 163 ГК *несоблюдение простой письменной формы внешнеэкономической сделки влечет недействительность сделки*.

Вернемся к содержанию нормы-предписания, закрепленной в п. 1 ст. 402 ГК, из которой следует, что договор считается заключенным не только с момента согласования всех его существенных условий, но и с момента придания ему требуемой правовыми нормами формы. Если вторую часть анализируемой нормы применить от противного, то получится следующее умозаключение: *если в соответствии с нормой п. 1 ст. 402 ГК договор считается заключенным с момента придания соглашению сторон требуемой правовыми нормами формы, то в случае нарушения требований к форме договора он не может считаться заключенным*, что было бы верным, но в том случае, если бы не существовало других правовых норм, определяющих, наряду с нормой п. 1 ст. 402 ГК, модель поведения субъектов гражданского права в момент заключения договора.

К таковым, в частности, относятся нормы, закрепленные в ст. 163 ГК, определяющие последствия несоблюдения простой письменной формы сделки, а также норма, закрепленная в ст. 169 ГК, устанавливающая последствия совершения сделки, не соответствующей требованиям законодательства.

Так, в случае несоблюдения требуемой формы сделки:

1) в соответствии с нормой п. 1 ст. 402 ГК, применяемой от противного, договор не может считаться заключенным;

2) совершение сделки с нарушением требований законодательства

(ст. 169 ГК), т. е. совершение договора с нарушением требований правовых норм к его форме, влечет абсолютную недействительность такой сделки;

3) по общему правилу, закрепленному в п. 1 ст. 163 ГК, договор, совершенный с нарушением требований к простой письменной форме, считается действительным, что следует из выше проведенного анализа указанной нормы.

Таким образом, налицо конкуренция трех норм-предписаний, которые могут быть применены к одному случаю – совершению договора с нарушением требований к его простой письменной форме. Применяя названные нормы, нужно выстроить следующий ход рассуждений.

Во-первых, определить, какую из норм применить к указанному случаю – норму п. 1 ст. 402 ГК или норму ст. 169 ГК.

Исходя из того, что норма ст. 402 ГК подлежит применению от противного, а норма ст. 169 ГК – прямому применению, по нашему мнению, следует применить норму ст. 169 ГК, указывающую на абсолютную недействительность договора, заключенного с нарушением требований законодательства, в частности требований к форме договора.

Следует отметить, что последствия несоблюдения требуемой простой письменной формы договора, предусмотренные нормой п. 1 ст. 402 ГК и нормой ст. 169 ГК, абсолютно разные. В соответствии с первой нормой договор не считается заключенным, что указывает на отсутствие какой-либо правовой связи между его сторонами и, следовательно, возможности наступления каких-либо правовых последствий их действий, а согласно второй – абсолютно недействительным, что указывает на возможность применения к сторонам такого договора юридических последствий, связанных с недействительностью договора, предусмотренных нормами ст. 168 ГК «*Общие положения о последствиях недействительности сделок*».

Однако, применяя норму п. 1 ст. 169 ГК, необходимо учитывать вторую часть составляющего ее предложения, в соответствии с которой недействительность сделки наступает только в том случае, если иные последствия не предусмотрены нормами-предписаниями законодательных актов, к которым в первую очередь относится Гражданский кодекс. Так, нормы-предписания, закрепленные в ст. 163 ГК, как раз и предусматривают иные последствия, прямо применяемые к случаям несоблюдения требуемой правовыми нормами простой письменной формы договора.

При этом для применения норм ст. 163 ГК необходимо точно определить тип и (при наличии) вид договора с целью выявления факта наличия или отсутствия правовых норм:

1) прямо предусматривающих недействительность конкретного договора в случае несоблюдения требований к его простой письменной форме (см., например, ст. 521, 531, 622 ГК);

2) требующих нотариального удостоверения договора (см., например, ст. 555 ГК).

Кроме того, необходимо выяснить, не классифицируется ли правоотношение, возникшее между сторонами такого договора, как внешнеэкономическая сделка, которая, в случае нарушения требований к ее форме, является недействительной согласно норме, закрепленной в п. 3 ст. 163 ГК. Наряду с указанным необходимо изучить действительную волю сторон такого соглашения с целью выявления факта наличия или отсутствия между сторонами договоренности о признании договора недействительным в случае нарушения требований к его простой письменной форме.

В случае отсутствия специальных указаний и соглашения сторон применению подлежит норма, закрепленная в п. 1 ст. 163 ГК.

В том случае, если существует специальная правовая норма, закрепленная в соответствующей главе раздела IV ГК «Отдельные виды обязательств», предусматривающая недействительность конкретного договора в случае нарушения требований к его письменной форме, либо соглашение сторон о признании такого договора недействительным, применению подлежит норма п. 2 ст. 163 ГК и, далее, специальная норма о недействительности конкретного договора.

Например, в соответствии с нормой, закрепленной в п. 1 ст. 531 ГК, *договор продажи предприятия заключается в письменной форме путем составления одного документа, подписанного сторонами*... При этом согласно п. 2 ст. 531 ГК *несоблюдение формы договора продажи предприятия влечет его недействительность*.

В том случае, если будет установлен внешнеэкономический характер правовой связи, применению подлежит норма, закрепленная в п. 3 ст. 163 ГК, а если будет выявлена правовая норма, предусматривающая нотариальное удостоверение договора либо аналогичное соглашение сторон договора, возможность достижения которого предопределена нормами, закрепленными в ст. 165 ГК, необходимо применить норму п. 1 ст. 166 ГК, устанавливающую абсолютную недействительность договора, совершенного с нарушением требований к его нотариальному удостоверению.

Приведенные отдельные примеры применения правовых норм и построения на их основе умозаключений, необходимых для участия в гражданско-правовых отношениях, показывают процедуру построения отдельных суждений, но не дают полной характеристики всего про-

цесса построения одного сложного условного логического суждения импликативного типа, строящегося на основе выстроенной в определенной последовательности цепочки отдельных приведенных выше суждений о правах и обязанностях субъектов гражданского права.

Так, для того чтобы установить наличие между двумя субъектами гражданского права взаимообусловленных прав и обязанностей, т. е. определенной коррелятивной правовой связи (обязательственного договорного правоотношения), в соответствии с которой каждая из сторон обязана совершить в отношении второй стороны определенные действия и, соответственно, каждая из сторон имеет право требовать совершения в свою пользу таких действий от второй стороны, необходимо установить наличие между такими субъектами действующего гражданско-правового договора (юридического факта, являющегося основанием возникновения правовой связи).

Пример. *Одна сторона перечислила на расчетный счет второй стороны определенную денежную сумму и требует передачи индивидуально-определенной вещи, а вторая сторона утверждает, что между ней и плательщиком отсутствует договорное правоотношение и в силу этого отказывается передать товар, а также вернуть деньги, мотивируя свой отказ тем, что перевод денежных средств осуществлен первой стороной добровольно и, следовательно, является дарением (благотворительным пожертвованием) и не подлежит возврату согласно норме, закрепленной в п. 4 ст. 978 ГК.*

Для разрешения указанной ситуации необходимо, во-первых, отобрать подлежащие применению нормы-предписания, во-вторых, в определенной последовательности провести процедуру их толкования, сделать соответствующие выводы, выстроить их в необходимой логической последовательности и, в-третьих, получить одно сложное условное логическое суждение импликативного типа о наличии или отсутствии заключенного (действительного) гражданско-правового договора между определенными субъектами.

Необходимое для разрешения спора импликативное суждение может быть двух видов:

1) если между субъектами гражданского права заключен договор поставки и он является действительным, то между ними существует соответствующее договорное правоотношение, в соответствии с которым его участникам предоставлены в отношении друг друга определенные права и на них возложены определенные обязанности, а именно, если одна сторона по договору уплатила деньги, то вторая сторона обязана передать указанную в договоре вещь и возместить причиненные задержкой исполнения убытки;

2) если между субъектами гражданского права не заключен договор поставки или заключенный договор является недействительным, то между ними не существует соответствующего договорного правоотношения и, следовательно, ответчик не обязан передавать требуемую истцом вещь.

Однако во втором случае возникает вопрос о наличии или отсутствии у ответчика обязанности по возврату полученных от истца денежных средств, отвечая на который, также можно получить два умозаключения, содержание которых будет зависеть от фактических обстоятельств дела и, в частности, от правового положения сторон спора.

Разрешая возникший между сторонами спор о праве гражданском, необходимо выяснить правовое положение его участников, определить объем их правосубъектности, изучить доказательства наличия между ними соглашения, определить его предмет и цену, что в совокупности со сведениями о правовом положении истца и ответчика позволит получить сведения о типе (виде) договора и форме, в которой он должен быть совершен.

Далее необходимо выяснить, все ли существенные условия договора данного типа (вида) согласованы и соблюдена ли требуемая простая письменная, форма. Если простая письменная форма не соблюдена, то необходимо выяснить, существует ли норма-предписание, прямо указывающая на недействительность договора данного типа (вида) в случае несоблюдения простой письменной формы его совершения.

Таков далеко не полный перечень вопросов, подлежащих выяснению в процессе получения одного сложного условного логического суждения импликативного типа. В зависимости от содержания ответов, полученных на каждый отдельно поставленный вопрос, их количество, подлежащее разрешению, может увеличиваться.

Например, если в процессе выяснения правового положения сторон будет установлено, что в качестве продавца выступает унитарное предприятие, а предметом договора является недвижимое имущество, то встанет вопрос о наличии или отсутствии согласия собственника имущества на его отчуждение.

Если будет определено, что одной из сторон спора выступает некоммерческая организация, то возникнет вопрос о ее правовой форме и соответствии ее действий правоспособности, определенной правовыми нормами и уставом организации.

В процессе анализа могут возникать и иные вопросы, подлежащие разрешению.

Таким образом, приведенные примеры показывают, во-первых, огромную взаимосвязь норм-предписаний, закрепленных в нормативных

правовых актах системы гражданского законодательства, и, во-вторых, необходимость проведения сложной цепочки логических рассуждений, основанной на большом количестве норм-предписаний, с целью получения умозаключения о модели допустимого поведения субъектов конкретного гражданско-правового отношения и, соответственно, о содержании их прав и обязанностей относительно друг друга.

Необходимо отметить, что от противного могут быть применены многие нормы гражданского права, что обусловлено спецификой применяемого в гражданском праве диспозитивного метода правового регулирования.

Например, если в соответствии с нормой ст. 44 ГК юридическим лицом признается организация, обладающая закрепленным в п. 1 ст. 44 ГК набором признаков (прямое применение анализируемой нормы), то организация, не обладающая указанным набором признаков, юридическим лицом признана быть не может (применение анализируемой нормы от противного). Если в соответствии с нормами, закрепленными в ст. 390 ГК, договором признается соглашение двух или нескольких лиц об установлении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей, то соглашение об установлении прав и обязанностей вне рамок гражданского права, в том числе обязанностей противоправного характера, гражданско-правовым договором признано быть не может.

Аналогичный подход можно использовать и в процессе применения некоторых других норм гражданского права.

Далее рассмотрим процедуру получения сложного условного логического суждения импликативного типа в случае обнаружения пробелов в гражданско-правовом регулировании, наличие которых вызвано отсутствием необходимой правовой нормы, что, согласно верному утверждению Н. Л. Бондаренко, «…чаще всего является свидетельством недостатков правовой системы, поскольку снижает эффективность правового регулирования общественных отношений» [517, с. 6].

«Ни одно законодательство, – отмечает Т. В. Яковлева, – не в состоянии учесть все многообразие общественных отношений, которые требуют правового регулирования, поэтому в практике правоприменения может оказаться, что определение обстоятельств, имеющих юридический характер, не находится в сфере правового регулирования» [518, с. 8].

При этом, согласно верному утверждению Г. А. Василевича, «пробелы, противоречия, неопределенность, неясность актов законодательства… оказывают негативное влияние на регулируемые общественные отношения» [46, с. 4].

Применительно к гражданско-правовому регулированию наличие пробелов, т. е. отсутствие правовой нормы, подлежащей непосредст-

венному применению к общественным отношениям, фактически сложившимся между участниками экономической деятельности и отвечающим признакам гражданско-правовых отношений, по нашему мнению, в большей степени обусловлено эволюционными изменениями общественных отношений, нежели просчетами законодателя и возможно по причине большого разнообразия экономических отношений, составляющих предмет гражданско-правового регулирования, отсутствия возможности закрепления их исчерпывающего перечня и, соответственно, полного урегулирования [519, с. 141–142].

«Ввиду стремительного развития имущественных и корпоративных отношений и изменения в правовом регулировании личных неимущественных отношений, законодатель, – отмечает М. А. Саркисова, – по объективным причинам не может урегулировать все отношения, входящие в предмет гражданского права» [520, с. 38].

При этом, согласно обоснованному утверждению А. В. Волкова, наличие пробелов в гражданском праве может служить предпосылкой для злоупотребления субъектом правоприменения своим субъективным правом, которое понимается как «недобросовестное правоприменение в условиях правовой неопределенности» [521, с. 222].

Необходимо отметить, что наличие пробелов в гражданско-правовом регулировании изначально предопределено применяемым методом правового регулирования, допускающим существенное усмотрение субъектов гражданского права в процессе моделирования своих правовых связей, в том числе возможность возникновения гражданских прав из оснований, не предусмотренных нормами ГК [522, с. 133–134], что следует из содержания норм ст. 7 ГК (ст. 1 ГК Армении, ст. 7 ГК Казахстана, ст. 8 ГК России). Примененный законодателем подход к опосредованию экономических отношений и используемые при этом гражданско-правовые средства допускают интенсивное развитие регулируемых отношений вне связи с принятыми нормами гражданского права. Так, согласно утверждению Д. И. Романенко, «аналогия в гражданском праве… обеспечивает самостоятельное регулятивное воздействие на определенный участок…» [523, с. 77] экономических отношений. Единственным требованием динамики экономических отношений, не подлежащим изменению, является соответствие общественных отношений, складывающихся между субъектами экономической деятельности, основным началам и смыслу гражданского права как базовой отрасли частного права.

«Нередко общая правовая идея закона, − отмечает Я. Шапп, − оказывается подходящей для целой группы случаев, но в дословном перечне закона сама эта группа не упоминается. Поскольку дословный

текст закона устанавливает границу его толкования, а общая правовая идея закона тем не менее подходит для данного случая, такой закон вопреки замыслу является неполным, он обнаруживает пробел» [380, с. 30]. Так, на что обращалось внимание выше, в процессе участия в общественных отношениях, возникающих по поводу производства, обмена и потребления материальных благ, между субъектами гражданского права может возникнуть такая социальная связь, процесс взаимодействия участников которой не будет прямо опосредован нормами-предписаниями, закрепленными в ГК или иных нормативных правовых актах системы гражданского законодательства.

«Ни один закон, − согласно утверждению Л. Л. Чантурии, − не в силах полноценно ответить на все те вопросы, которые порождает реальная жизнь. Потому в современной юриспруденции не вызывает сомнения тот факт, что закон, даже самый совершенный, обязательно будет грешить пробелами» [82, с. 88].

«Границы правового регулирования и рамки действующих нормативных актов перекрещиваются, − отмечает В. В. Лазарев, − но не совпадают. Всегда имеется какая-то часть общественных отношений, жизненных ситуаций и обстоятельств, которые, находясь в сфере правового регулирования, не регламентированы нормами права…» [28, с. 13].

В том случае, когда взаимодействие субъектов гражданского права будет происходить в соответствии с принципами добросовестности и разумности и, следовательно, участники такой социальной связи будут удовлетворены действиями друг друга, а реализуемые ими субъективные права не будут затрагивать права и законные интересы третьих лиц, включая государство и общество, отсутствие норм-предписаний, направленных на определение их взаимных прав и обязанностей, по сути, никак не отразится на развитии таких общественных отношений и процессе применения норм гражданского права.

Обратная ситуация возникнет в том случае, когда между сторонами анализируемого общественного отношения возникнет спор о праве гражданском, за разрешением которого участники экономической деятельности, используя юрисдикционную форму защиты, обратятся в компетентный государственный орган – общий (экономический) суд в зависимости от правового положения сторон гражданско-правового отношения. В процессе разрешения возникшего спора суду будет необходимо отыскать подлежащие применению нормы материального права с целью получения на основе их анализа (толкования) сложного условного логического суждения импликативного типа о правах и обязанностях участников спорного правоотношения.

Отсутствие норм материального права, подлежащих прямому применению к спорному правоотношению, в цивилистической науке, на что указывалось выше, называется пробелом в правовом регулировании, который преодолевается путем применения норм гражданского права по аналогии. При этом, как указывает В. В. Подгруша, «если существует возможность правового регулирования путем толкования норм права, – нет нужды прибегать к аналогии закона» [41, с. 101], с чем следует согласиться.

Согласно точке зрения, высказанной А. С. Пиголкиным, «пробел в праве в собственном смысле имеет место, когда с очевидностью можно констатировать, что определенный вопрос входит в сферу правового регулирования, должен решаться юридическими средствами, но конкретное его решение в целом или в какой-то части не предусмотрено или предусмотрено не полно» [524, с. 56].

«Пробел в праве, − утверждает С. А. Комаров, − это отсутствие конкретного нормативного предписания в отношении фактических обстоятельств, находящихся в сфере правового регулирования…» [525, с. 223]. При этом, по мнению А. В. Слесарева, «пробел в гражданском праве определяется как отсутствие конкретного правового регулирования соответствующей жизненной ситуации, которая объективно требует регламентации в виде конкретного нормативного предписания» [526, л. 7].

Наряду с названными понятие пробела в праве рассматривали и другие ученые [527, с. 92−96; 528, с. 110−113; 529, с. 85–95].

Следует отметить тот факт, что, согласно утверждению В. В. Лазарева, наиболее распространенным средством преодоления пробелов в праве является аналогия, которая «как логический прием означает перенесение некоторых качеств, свойственных одним явлениям, на другие, сходные с первыми в остальных существенных признаках» [26, с. 135].

«Необходимость обращения к аналогии, − отмечает В. В. Ровный, − возникает при пробелах, а именно – когда то или иное отношение, имеющее гражданско-правовую природу, требует правового регулирования в условиях отсутствия нормы законодательства, соглашения сторон и обычая делового оборота» [530, с. 71]. При этом, продолжает В. В. Ровный, «аналогия – это “запасной” и “худший” регулятор гражданских отношений, который применяется в крайнем случае, за отсутствием других (“более лучших”) регуляторов» [530, с. 71], с чем в целом можно согласиться.

Легальная возможность применения норм гражданского права по аналогии на территории Республики Беларусь предусмотрена нормами, закрепленными в ст. 5 ГК, которые указывают на два вида анало-

гии – аналогию закона и аналогию права. Аналогия закона как способ преодоления пробелов в правовом регулировании в соответствии с нормами, закрепленными в п. 1 ст. 5 ГК, применяется в тех случаях, когда:

– имеется общественное отношение, по своим признакам подпадающее под понятие предмета гражданско-правового регулирования, т. е. по своей сути являющееся гражданско-правовым;

– отсутствуют как нормы гражданского права, предлагающие определенную модель поведения субъектов экономической деятельности в складывающихся фактических обстоятельствах, так и не противоречащее нормам гражданского права соглашение субъектов об установлении права и обязанностей;

– существуют закрепленные в нормативных правовых актах системы гражданского законодательства нормы-предписания, опосредующие сходные общественные отношения.

Применительно к гражданскому правопорядку, установленному на территории Российской Федерации, в соответствии с нормами, закрепленным в п. 1 ст. 6 ГК России, в процессе принятия решения о разрешении спорной ситуации на основании аналогии закона необходимо также исключить наличие обычая делового оборота, применимого к общественным отношениям, фактически складывающимся между субъектами гражданского права. На необходимость отыскания обычая делового оборота указывают нормы ст. 9 ГК Армении, а правового обычая – нормы ст. 5 ГК Казахстана.

Исходя из выводов, сделанных нами в процессе анализа неосновных (неспецифических) источников гражданского права, и, в частности, вывода о том, что наряду с нормативными правовыми актами в состав системы источников гражданского права Республики Беларусь входит обычай делового оборота, на что также указывает В. Н. Годунов [39], можно констатировать, что закрепленный в ГК Армении, Казахстана и России подход применим, по нашему мнению, и к гражданско-правовым отношениям, возникающим на территории Беларуси. Таким образом, в процессе принятия решения о разрешении возникшего спора о праве гражданском на основании применения аналогии закона необходимо установить следующие обстоятельства, на которые стандартно указывается в юридической литературе:

– определить соответствие спорного общественного отношения признакам гражданско-правовых отношений;

– исключить наличие в системе нормативных правовых актов гражданского законодательства правовых норм, опосредующих спорное общественное отношение;

– исключить наличие соглашения, действующего между сторонами спорного правоотношения и направленного на установление их прав и обязанностей в отношении друг друга;

– выявить отсутствие обычая делового оборота, применимого к спорному правоотношению (если учесть сделанные нами выводы о том, что обычай делового оборота как модель поведения, санкционированная правовыми нормами, является источником гражданского права Республики Беларусь);

– выявить закрепленные в нормативных правовых актах системы гражданского законодательства правовые нормы, опосредующие другое общественное отношение, возникающее в процессе производства, обмена и потребления материальных благ, схожее со спорным правоотношением в существенных признаках;

– установить, что применение подобранных норм-предписаний к участникам спорного отношения не противоречит его существу.

Например, применение к возмездным гражданско-правовым отношениям норм о дарении противоречит существу таких отношений.

Процедуру применения норм гражданского права по аналогии закона следует отличать от их расширительного толкования, применяемого в том случае, когда текстовое выражение гражданско-правовой нормы ỳже действительного смысла, вложенного в нее законодателем. В частности, согласно утверждению Р. Л. Хачатурова, «…в то время как распространительное толкование, раскрыв действительную мысль законодателя, расширяет согласно с нею словесный смысл нормы, аналогия идет дальше и применяет норму к случаям, которые не обнимаются действительной мыслью…» законодателя [531, с. 129].

Кроме того, аналогию необходимо отличать от применения гражданско-правовых норм к сходным общественным отношениям по прямому указанию специальных норм, закрепленных в нормативном правовом акте системы гражданского законодательства.

Например, в соответствии с нормой, закрепленной в п. 5 ст. 424 ГК, к отдельным видам договора купли-продажи (розничная купля-продажа, поставка товаров, энергоснабжение, контрактация, продажа недвижимости, продажа предприятия) нормы, закрепленные в § 1 главы 30 ГК, применяются, если иное не предусмотрено нормами ГК и иных актов законодательства об этих видах договоров.

В качестве еще одного примера можно привести нормы-предписания, закрепленные в п. 2 ст. 556 ГК, согласно которым в случаях, когда договором ренты предусматривается передача имущества за плату, к отношениям сторон по передаче и оплате применяются нормы о купле-продаже (глава 30 ГК), а в случаях, когда такое имущество переда-

ется бесплатно, – нормы о договоре дарения (глава 32 ГК) постольку, поскольку иное не установлено нормами главы 33 ГК и не противоречит существу договора ренты.

Приведенный прием нормотворческой техники использован во многих институтах Особенной части ГК, что позволило в ходе его разработки избежать ненужного дублирования правовых норм, сократить объем нормативного материала, закрепленного в ГК, и, как следствие, упростить его использование в правоприменительной деятельности. Однако такое использование норм гражданского права аналогией закона не является в силу того, что правовые нормы, необходимые для опосредования того или иного факта участия в экономических отношениях, подлежат применению к участвующим в них субъектам в силу прямого указания специальных норм, закрепленных в соответствующих главах и параграфах ГК.

Применение норм гражданского права по аналогии закона отличается от их применения в указанном выше порядке тем, что аналогия закона используется тогда, когда отсутствует как норма, прямо опосредующая возникшие фактические общественные отношения, так и норма, закрепляющая возможность (устанавливающая обязанность) применения к возникшим общественным отношениям иных, указанных специальной нормой, нормативных предписаний.

В соответствии с прямым указанием нормы, закрепленной в п. 1 ст. 5 ГК, поиск правовой нормы, регулирующей сходные общественные отношения, необходимо проводить в нормативных правовых актах системы гражданского законодательства, что исключает возможность применения по аналогии закона правовых норм иных отраслей права, включая другие отрасли, относящиеся к отраслям частного права (семейное, природоресурсное, земельное, трудовое и др.), а также правовых норм, закрепленных в индивидуальных актах (договорах, уставах, иных внутренних правовых актах), опосредующих общественные отношения, подпадающие под признаки гражданско-правовых и возникающие между двумя (или более) конкретными субъектами.

«…Любое восполнение пробелов в праве, − отмечает Л. С. Явич, − должно осуществляться в рамках действующей в стране законности, не нарушать действующего законодательства и его принципов…» [532, с. 144]. При этом поиск необходимой правовой нормы, согласно формулировке, закрепленной в п. 1 ст. 5 ГК, возможно осуществлять во всех нормативных правовых актах системы гражданского законодательства, начиная с Конституции и заканчивая решениями органов местного управления и самоуправления.

В связи с этим, по нашему мнению, целесообразно установить правило, в соответствии с которым поиск правовой нормы, подлежащей применению по аналогии закона, необходимо проводить последовательно, начиная с анализа вышестоящих по юридической силе нормативных правовых актов системы гражданского законодательства, что позволит избежать конкуренции гражданско-правовых норм, каждую из которых возможно применить по аналогии закона, но закрепленных в нормативных правовых актах разной юридической силы и при этом противоречащих друг другу [20-А, с. 51−54; 44-А, с. 81].

В приведенной ситуации применение по аналогии закона нормы гражданского права, закрепленной в нижестоящем нормативном правовом акте и противоречащей гражданско-правовой норме, регулирующей аналогичные общественные отношения, но закрепленной в вышестоящем нормативном правовом акте, приведет к принятию неверного решения.

Использованный законодателем подход к подбору правовых норм, подлежащих применению в рамках аналогии закона, следует признать оправданным, обусловленным такими основополагающими понятиями юридической науки, как предмет правового регулирования и метод правого регулирования, предполагающими применение определенной совокупности правовых средств, входящих в состав механизма правового регулирования, присущего методу гражданско-правового регулирования, применяемому к общественным отношениям, составляющим предмет гражданского права.

Таким образом, к общественным отношениям, составляющим предмет гражданско-правового регулирования (а именно на такие отношения указывает норма, закрепленная в п. 1 ст. 5 ГК), должны применяться правовые средства, используемые в рамках диспозитивного метода правового регулирования, являющегося основой построения гражданского права как основной (базовой) отрасли частного права. Вместе с тем применение норм гражданского права как основной отрасли частного права в рамках аналогии закона к общественным отношениям, составляющим предмет правового регулирования иных отраслей частного права, следует признать допустимым, что прямо предусмотрено нормой, закрепленной в ч. 5 п. 1 ст. 1 ГК. Так, согласно указанной норме семейные, трудовые, земельные отношения, отношения по использованию других природных ресурсов и охране окружающей среды, отвечающие признакам, указанным в ч. 1 и 2 п. 1 ст. 1 ГК, регулируются нормами гражданского права, если правовыми нормами, закрепленными в нормативных правовых актах системы законодатель-

ства о браке и семье, о труде и занятости населения, об охране и использовании земель и других специальных нормативных правовых актах, не предусмотрено иное.

Следовательно, нормы, закрепленные в ГК, применяются к указанным общественным отношениям при отсутствии правовой нормы семейного, трудового, земельного, природоресурсного (экологического), банковского права.

Возможность применения норм ГК к иным имущественным отношениям, подпадающим под признаки гражданско-правовых, но входящим в предмет правового регулирования семейного, трудового, земельного, природоресурсного права, предусмотрена также нормой, закрепленной в ст. 10 Закона о НПА. Определяя порядок применения норм гражданского права по аналогии, белорусский законодатель пошел по пути установления прямого запрета на применение по аналогии закона правовых норм, ограничивающих гражданские права и устанавливающих ответственность, что предусмотрено нормами, закрепленными в п. 3 ст. 5 ГК. Согласно приведенным нормам, например, не допускается применение по аналогии норм-предписаний, закрепленных в ст. 366 ГК и устанавливающих ответственность за неисполнение денежного обязательства.

Избранный белорусским законодателем подход к применению норм гражданского права по аналогии является абсолютно оправданным, способствующим применению мер юридической ответственности в строго установленных государством случаях, исключающим правовой произвол, выступающим гарантией правовой защищенности участников экономической деятельности, надлежащей реализации принципов гражданско-правового регулирования.

До вступления в силу ГК 1998 г. процедура применения норм гражданского права по аналогии нормами ГК урегулирована не была и это приводило к применению на практике норм, устанавливающих гражданско-правовую ответственность, по аналогии, что следует считать недопустимым. Случаи применения в 1994 г. норм, устанавливающих юридическую ответственность граждан, к юридическим лицам по аналогии описывает И. Э. Мартыненко [533, с. 45–47].

Наряду с общественными отношениями, возникающими в процессе осуществления экономической деятельности и подлежащими правовому опосредованию нормами гражданского права, регулирующими сходное общественное отношение, между субъектами гражданского права могут установиться такие правовые связи, которые хотя и подпадают под признаки гражданско-правовых, но не имеют аналогов и,

как следствие, правовых норм, опосредующих сходные общественные отношения. Возможность возникновения таких отношений, как отмечалось выше, предусмотрена нормами, закрепленными в ст. 7 ГК, согласно которым *гражданские права и обязанности возникают из оснований, предусмотренных законодательством, а также из действий граждан и юридических лиц, которые хотя и не предусмотрены им, но в силу основных начал и смысла гражданского законодательства порождают гражданские права и обязанности*, а также следует из применяемого в гражданском праве, хотя и в достаточно усеченном объеме, диспозитивного метода правового регулирования.

Необходимо отметить, что в случае возникновения спора о праве гражданском и передачи его на разрешение суда такой спор должен быть разрешен независимо от того, что отсутствует как прямая норма, так и норма, регулирующая сходные общественные отношения. «История права свидетельствует, − утверждает А. В. Поляков, − что уже давным-давно и в разных правовых системах утвердился принцип, в соответствии с которым судья не может отказать в иске из-за имеющегося в законодательстве пробела» [134, с. 583].

В частности, в ст. 4 ГК Грузии закреплена прямая норма, запрещающая суду отказывать в осуществлении правосудия по гражданским делам по причине отсутствия правовой нормы. В соответствии с утверждением Я. Шаппа, ст. 20 III Основного закона ФРГ закрепляет правило, согласно которому «правопорядок связан не только законом, но также и правом, уполномочивает судью осуществлять поиск права также и за рамками буквального смысла закона» [380, с. 29].

В том случае, когда возникшие между субъектами гражданского права фактические общественные отношения являются гражданско-правовыми и при этом отсутствует как норма-предписание, подлежащая непосредственному применению, так и норма-предписание, опосредующая сходные отношения и, следовательно, подлежащая применению по аналогии закона, спор, возникший между субъектами такого общественного отношения, разрешается в соответствии с нормой, закрепленной в п. 2 ст. 5 ГК, согласно которой при невозможности использования правовых норм по аналогии закона права и обязанности сторон определяются исходя из основных начал и смысла гражданского права.

Приведенная норма-предписание при разрешении спора о праве гражданском закрепляет возможность использования такого приема юридической техники, как аналогия права, под которой понимается разрешение спорного правоотношения в соответствии с основными началами гражданского права и смыслом гражданского права, т. е. леги-

тимирует процесс принятия решения за «рамками закона», но в «границах права». При этом под основными началами понимаются принципы гражданского права, открытый перечень которых выражен императивными нормами, закрепленными в ст. 2 ГК, а под основным смыслом гражданского права − основное предназначение гражданского права как базовой отрасли частного права, нормы которой направлены на опосредование имущественно-стоимостных эквивалентно-возмездных товарно-денежных отношений, возникающих между юридически равными субъектами и основанных на их имущественной самостоятельности и автономии воли, что отражено в предмете и методе гражданско-правового регулирования и находит подтверждение в юридической литературе.

Так, согласно верному утверждению В. В. Подгруши, «под смыслом гражданского законодательства следует понимать его главные особенности, выраженные наиболее полно в предмете и методе гражданского права» [42, с. 92].

В частности, если по аналогии права необходимо будет разрешить спор о наличии или отсутствии между сторонами обязанности по предоставлению встречного возмещения, суд, руководствуясь основным смыслом гражданского права, должен прийти к выводу о возмездности общественных отношений, существующих между истцом и ответчиком, если не будут представлены доказательства обратного.

В процессе принятия решения о разрешении возникшего спора на основании аналогии права следует, во-первых, убедиться в отсутствии правовой нормы, прямо направленной на опосредование спорного общественного отношения, во-вторых, выявить соответствие спорного правоотношения всем признакам, необходимым для применения аналогии закона, и, в-третьих, убедиться, что отсутствует норма-предписание, направленная на опосредование сходного экономического отношения.

Развитие экономических отношений, подпадающих под признаки предмета гражданско-правового регулирования, но не опосредованных как правовой нормой прямого действия, так и правовой нормой, опосредующей сходные общественные отношения, и, следовательно, подлежащих разрешению на основании аналогии права, предопределено, на что указывалось выше, нормой-предписанием, закрепленной в п. 1 ст. 7 ГК, допускающей возникновение гражданских прав и обязанностей из действий физических лиц и организаций со статусом юридического лица, которые хотя и не предусмотрены нормами ГК, но в силу основных начал и смысла гражданского права порождают гражданские права и обязанности.

Таким образом, приведенная норма прямо указывает на возможность возникновения такой гражданско-правовой связи между субъектами гражданского права, основой которой изначально будут основные начала гражданского права (принципы его построения) и смысл гражданского права. Предусмотренная нормами ГК возможность разрешения спора о праве гражданском на основании аналогии права является гарантом того, что любое спорное общественное отношение, подпадающее под признаки, присущие предмету гражданско-правового регулирования, будет разрешено надлежащим образом.

Изложенное позволяет предложить некоторые изменения норм, закрепленных в ст. 5 ГК, направленные на совершенствование процедуры разрешения споров о праве гражданском в случае отсутствия прямых норм гражданского права.

После внесения изменений **нормы ст. 5 ГК будут иметь следующее содержание**:

«1. В случаях, когда предусмотренные статьей 1 настоящего Кодекса отношения прямо не урегулированы правовыми нормами, соглашением сторон или обычаем делового оборота, к таким отношениям, поскольку это не противоречит их существу, применяется норма гражданского права, регулирующая сходные отношения (аналогия закона).» [4-А, с. 252].

Замена в приведенной норме словосочетания «*норма гражданского законодательства*» на словосочетание «*норма гражданского права*» позволит расширить возможности суда в процессе разрешения спора о праве гражданском, выйти за рамки системы гражданского законодательства при поиске гражданско-правовой нормы, регулирующей сходные общественные отношения и проводить ее поиск в рамках других отраслей частноправового блока.

Предложенный подход будет способствовать наиболее полному и эффективному разрешению споров о праве гражданском при отсутствии необходимых для этого правовых норм, регулирующих спорное или сходное общественное отношение.

На основании проведенного исследования можно сделать следующие обобщающие выводы.

1. Процедура применения норм гражданского права, понимаемая для целей настоящего исследования в широком смысле, сопряжена с необходимостью уяснения действительного смысла гражданско-правовых норм, вложенного в них законодателем, что обусловлено рядом обстоятельств, в том числе глубокой системной взаимосвязью норм гражданского права, их взаимообусловленностью и взаимозависимо-

стью. Это не позволяет принять единственно верное решение в ходе разрешения спора о праве гражданском на основании применения одной или двух норм, воспринятых вне рамок системы гражданского права, вне связи применяемых норм с нормами других гражданско-правовых институтов.

2. Основу современной методики толкования гражданско-правовых норм составляет совокупность методов толкования, разработанных цивилистами Германии, воспринятых русской цивилистической школой досоветского периода и совершенствуемых в советский и постсоветский период развития юридической науки.

3. Содержание методики толкования Германии и России, далее советской и постсоветской методики толкования несколько различается. Юридическая наука Германии оперирует такими методами толкования правовых норм, как грамматический, систематический, исторический и телеологический, а методика толкования, используемая в России, а вместе с ней и в Беларуси, состоит из грамматического, систематического, исторического и логического методов. При этом в постсоветской юридической доктрине не прекращается дискуссия относительно места логического метода в методике толкования и его самостоятельного значения в юридической герменевтике.

4. Отсутствие в числе основных методов толкования в постсоветской методике такого метода, как телеологический, следует признать неверным. Указанный недостаток современной методики толкования, применяемой в Беларуси и России, может негативно сказаться на процессе уяснения действительного смысла правовых норм, особенно системы гражданского права, сущность норм которой должна быть предопределена целями экономического развития, стоящими перед государством и обществом на конкретном историческом этапе.

5. В связи с изложенным следует констатировать, что процесс интерпретации норм гражданского права связан с необходимостью применения всех методов толкования, в том числе телеологического метода, в их неразрывном единстве и в определенной последовательности. Применение грамматического метода толкования предопределено необходимостью уяснения смысла правовой нормы, графически выраженной при помощи символов русского языка и является первым этапом интерпретации, способствующим дальнейшему уяснению смысла гражданско-правовой нормы посредством применения других методов, входящих в методику толкования.

Далее интерпретируемую норму гражданского права необходимо рассмотреть в системе гражданско-правовых норм, чему способствуют приемы толкования, составляющие систематический метод, позволяющий определить действительный смысл правовой нормы, наличие в системе гражданского права других связанных с интерпретируемой нормой правовых норм, дополняющих и уточняющих ее.

Следующим этапом уяснения действительного смысла применяемой правовой нормы выступает логический метод толкования, позволяющий соотнести смысл гражданско-правовой нормы с логикой развития экономической деятельности, что способствует получению наиболее достоверного вывода в процессе уяснения смысла гражданско-правовых норм.

Завершающим этапом интерпретации следует признать применение телеологического метода толкования правовых норм, используемого с учетом приемов исторического метода, что в совокупности позволит удостовериться в точности предварительных выводов толкования, полученных на основании использования трех вышеназванных методов, сопоставить полученные выводы с целью разработки конкретных правовых норм, а также с основными началами и смыслом гражданского права как базовой отрасли частного права.

6. В ходе исследования обоснована необходимость внесения изменений в ГК, в частности, предложено включить в состав ГК дополнительную статью.

Статья 5[1]. Толкование норм гражданского законодательства

1. Толкование норм должно осуществляться в соответствии с Конституцией Республики Беларусь, основами гражданско-правового регулирования (статья 2) и целями принятия нормативного правого акта, отдельной правовой нормы, либо их логически объединенной совокупности.

2. Разрешая спор о праве гражданском, суду необходимо исследовать слова и выражения применяемой нормы в значении, которое они имеют в русском (белорусском) языке, определить место применяемой нормы в системе гражданского права и ее взаимосвязь с другими нормами системы, соотнести текст нормы с логикой экономического оборота и установить цель принятия нормы применительно к конкретным историческим условиям.

3. Не допускается отказ в осуществлении правосудия по мотивам неясности или отсутствия применимых норм, наличия неразрешимых сомнений в отношении фактических обстоятельств, выступающих

предметом спора, безнравственности или несправедливости нормативного правового акта, подлежащего применению.

4. Правила, закрепленные в пунктах 1, 2 и 3 настоящей статьи, применяются при толковании условий договора.

Также следует изменить название ст. 5 ГК на «Применение норм гражданского законодательства по аналогии».

7. Проведенное исследование позволяет констатировать, что в ГК установлен приоритет буквального толкования слов и выражений, составляющих условия договора. Также установлено, что в современных условиях экономического развития Республики Беларусь, последовательной интеграции экономики Беларуси в мировое экономическое пространство содержание ГК в части толкования условий заключенных гражданско-правовых договоров не соответствует современным потребностям экономического оборота и требует соответствующей корректировки. На основании полученных выводов предложены некоторые изменения главы 27 ГК, название которой следует изложить в следующей редакции: «*Понятие, условия и толкование договора*», что в полной мере будет отражать содержание закрепленных в ней норм и упростит использование непосредственно ГК.

В целях приведения содержания главы 27 ГК в соответствие с логикой правового регулирования экономического оборота, закрепленные в ней нормы, по нашему мнению, целесообразно разделить на 2 параграфа:

– § 1 «Понятие и условия договора»;

– § 2 «Толкование условий договора».

В § 1 необходимо закрепить ст. 392–400 действующей редакции ГК, а в § 2 – ст. 401 ГК и ряд статей с номером 401 и индексом (^{1}, ^{2}, ^{3}…). При этом содержание ст. 401 действующей редакции ГК необходимо изменить как не соответствующее логике гражданского оборота современного демократического государства.

Предложенные изменения будут способствовать совершенствованию процедуры толкования, что является актуальным на современном этапе правоприменения.

В частности, согласно утверждению Г. А. Василевича, «в настоящее время вновь стала актуальной проблема толкования (разъяснения) нормативных правовых актов. Необходимость упорядочения этой работы, решения ряда спорных и неоднозначно реализуемых на практике вопросов активно поднимают представители субъектов хозяйствова-

ния, специалисты, граждане, которым пришлось в своей жизни столкнуться с исполнением актов законодательства» [534].

Таким образом, § 2 главы 27 ГК необходимо дополнить рядом статей следующего содержания.

Статья 401. Общие правила толкования условий договора

1. Условия договора необходимо толковать в соответствии с требованиями добросовестности, разумности, справедливости, честной деловой практики, в контексте договора в целом, с учетом цели его заключения.

2. Словам договора необходимо придавать общеупотребимое значение русского (белорусского) языка, за исключением случаев, когда слову законодательством или соглашением сторон придано специальное значение.

Статья 401[1]. Приоритет волеизъявления сторон

1. Договор толкуется сторонами в соответствии с их общим волеизъявлением либо судом по ходатайству одной или обеих сторон договора.

2. При судебном толковании общее намерение сторон договора имеет приоритет над буквальным значением слов и выражений, в том числе и в случае расхождения с буквальным смыслом условий договора.

3. Общее намерение сторон выясняется судом посредством оценки их поведения как в процессе заключения договора, так и после вступления его в силу, с учетом обстоятельств заключения договора.

4. При выявлении намерения одной из сторон придать договору определенное значение, о котором в момент заключения договора знала или должна была знать вторая сторона, договор толкуется в соответствии с намерением первой стороны.

5. В случае разногласия сторон договора относительно специально не согласованного условия, значение которого трудно установить, такому условию придается значение, противоположное интересам предложившей его стороны, но в интересах стороны, принявшей на себя обязательство по такому условию.

Статья 401[2]. Правомерность условий договора

В случае двусмысленности какого-либо условия (слова, выражения) договора, ему необходимо придавать смысл, в соответствии с которым такое условие (слово, выражение) можно признать действительным, правомерным и порождающим юридические последствия, максимально соответствующие существу договора.

Статья 401[3]. Дополнение договора

Если в ходе толкования договора будут выявлены не включенные в договор условия, которые подразумеваются исходя из существа договора и цели его заключения, такие условия подлежат включению в договор.

Статья 401[4]. Толкование в пользу потребителя

В случае разногласия сторон договора, заключенного между профессиональным участником экономического оборота (юридическим лицом, индивидуальным предпринимателем) и гражданином-потребителем относительно условия договора, спорное условие толкуется в пользу гражданина-потребителя.

Статья 401[5]. Толкование условия договора о сроке его действия

Если в договоре срок его действия определен календарной датой с использованием предлогов «до» или «по», то условие о сроке действия договора с использованием предлога «до» толкуется как срок, в который не включается календарная дата, определяющая предел действия договора, а условие о сроке действия договора с использованием предлога «по» толкуется как срок, в который включается календарная дата, определяющая предел действия договора.

8. В ходе демонстрации практического применения методики толкования обоснована необходимость изменения нормы, закрепленной в п. 3 ст. 49 ГК, посредством замены термина «представляемой» на иной, отражающий фактически складывающиеся общественные отношения, соответствующие сущности организации со статусом юридического лица и ее предназначению как участника гражданского оборота.

9. Обоснована необходимость внесения изменений в нормы, закрепленные в ст. 5 ГК, что направлено на совершенствование процедуры разрешения споров о праве гражданском в случае отсутствия прямых норм гражданского права.

После внесения изменений нормы ст. 5 ГК будут иметь следующее содержание:

«1. В случаях, когда предусмотренные статьей 1 настоящего Кодекса отношения прямо не урегулированы актами законодательства, соглашением сторон или обычаем делового оборота, к таким отношениям, поскольку это не противоречит их существу, применяется норма гражданского права, регулирующая сходные отношения (аналогия закона).».

10. Установлено, что процесс построения умозаключения (категорического силлогизма), необходимого для разрешения спора о праве

гражданском, основан на подборе и анализе норм-предписаний, что позволяет выработать отдельные умозаключения, соединение которых в необходимую логическую цепочку дает возможность сформулировать единое сложное условное логическое суждение импликативного типа о правах и обязанностях участников конкретного гражданско-правового отношения.

Подлежащие использованию в логических операциях нормы-предписания классифицируются на некоторые группы, в частности на нормы с простой и сложной структурой содержания, а также на нормы прямого действия и нормы, применяемые от противного, что обусловлено спецификой метода гражданско-правового регулирования.

11. Предложенные изменения ГК позволят повысить эффективность судебного разрешения споров, вытекающих из гражданско-правовых договоров, что в целом положительно скажется на динамике экономического развития.

ГЛАВА 6
КОНЦЕПЦИЯ ФОРМИРОВАНИЯ НОРМ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА В СОВРЕМЕННЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ

6.1 ДОКТРИНАЛЬНЫЕ И ДОГМАТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ПРИМЕНЕНИЯ НОВЫХ ПОДХОДОВ К ФОРМИРОВАНИЮ НОРМ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

Современное состояние цивилистической науки, знания, полученные учеными за несколько столетий активного развития гражданского права, включая современные монографии и диссертации, содержание которых описано в рамках нашего исследования, сделанные нами выводы позволяют по-новому подойти к процедуре формирования системы норм гражданского права, закрепленных в ГК как в основном системообразующем нормативном правовом акте, предназначенном для опосредования экономических отношений.

Необходимость модернизации системы гражданского права, по-нашему мнению, обусловлена тем, что:

– в соответствии с нормами Директивы Президента Республики Беларусь от 14 июня 2007 г. № 3 «О приоритетных направлениях укрепления экономической безопасности государства» (в редакции Указа Президента Республики Беларусь от 26 января 2016 г. № 26 «О внесении изменений и дополнений в Директиву Президента Республики Беларусь») (далее – Директива № 3) «…экономика не смогла в полной мере среагировать на современные вызовы, обусловленные общемировыми кризисными явлениями... В сфере экономической безопасности остается ряд проблем, требующих скорейшего решения» [535];

– согласно положениям Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2016–2020 годы (далее – Программа социально-экономического развития) «…в прошедшем пятилетии не решен ряд… структурных проблем, сдерживающих устойчивое и сбалансированное развитие… неразвитость институтов рыночного саморегулирования… высокая административная и контрольная нагрузка на бизнес, неопределенность и изменчивость условий его ведения, включая ценовую, тарифную, валютную политику… низкая доля вкла-

да организаций частного сектора экономики, субъектов малого и среднего предпринимательства в ВВП, что приводит к медленной адаптации экономики к изменяющимся внешним условиям…» [536];

– на основании п. 9 Директивы № 4 необходимо обеспечить однозначное правовое регулирование и стабильность законодательства, повысить качество подготовки нормативных правовых актов, регулирующих предпринимательскую деятельность. При этом начиная с даты принятия Директивы № 4 и до настоящего времени закрепленные в ней цели в полном объеме не достигнуты, на что указывает содержание приведенных выше нормативных правовых актов;

– согласно утверждению В. В. Васильева, «применение нормативного подхода, ограничение понимания гражданского права исключительно областью законодательства… неоправданно. Принятие за последние десятилетия тысяч законов… не смогло создать нового правового качества общества» [537, с. 14].

Бесконечное нормотворчество, выразившееся в принятии огромного количества нормативных правовых актов в области экономического развития, вступивших силу после принятия ГК 1998 г., не привели к желаемым результатам. Правовая основа экономической деятельности, способная создать условия развития экономической активности населения, так и не была создана, на что указывает постоянно снижающееся число действующих в Беларуси индивидуальных предпринимателей. На 1 октября 2016 г. зарегистрированных индивидуальных предпринимателей практически было 250,7 тыс., что на 1,9 % менее, по сравнению с началом года [538]. «На начало года (2017. – *Примеч. авт.*) в Беларуси было почти 236 тысяч индивидуальных предпринимателей... Число ипэшников сокращается уже второй год подряд» [539].

В настоящее время государство в очередной раз принимает точечные меры, направленные на снижение негативных тенденций в экономике, в том числе в ее частном секторе. «Результатом приложенных усилий стала подготовка целого комплекса проектов решений президента Беларуси: о развитии предпринимательства и исключении излишних требований, предъявляемых к бизнесу; о сокращении лицензируемых видов деятельности и их составляющих; о создании благоприятных условий для развития торговли, общественного питания, бытового обслуживания населения; о совершенствовании контрольной (надзорной) деятельности; о введении механизма налогового консультирования; о дополнительных мерах по стимулированию развития отдельных видов предпринимательской деятельности, деятельности агроусадеб и ремесленников» [540].

Однако аналогичные точечные меры в рамках нормативного подхода уже принимались в Республике Беларусь, что, исходя из состояния дел в экономике и мер, принимаемых сегодня, не дало положительного эффекта. В частности, уже принимались вместо действовавших «новые» нормативные правовые акты, направленные на улучшение делового климата и условий осуществления предпринимательской деятельности:

– Указ Президента Республики Беларусь от 16 октября 2009 г. № 510 «О совершенствовании контрольной (надзорной) деятельности в Республике Беларусь» [541];

– Указ Президента Республики Беларусь от 1 сентября 2010 г. № 450 «О лицензировании отдельных видов деятельности» [542];

– Указ Президента Республики Беларусь от 9 марта 2010 г. № 143 «Об отдельных вопросах налогообложения» [543];

– Указ Президента Республики Беларусь от 26 июля 2012 г. № 332 «О некоторых мерах по совершенствованию контрольной (надзорной) деятельности в Республике Беларусь» [544]

и ряд других нормативных правовых актов Президента Республики Беларусь, изменяющих, дополняющих и отменяющих друг друга, что приводило к единственному результату – нестабильности правовой основы осуществления экономической деятельности.

По сути, точечное нормотворчество не приносит декларируемых результатов, достижение которых, по нашему мнению, возможно только посредством кардинального изменения подхода к правовому регулированию экономической деятельности, что возможно на уровне ГК, в рамках которого следует сформировать нормативный массив, способный гарантировать гражданам свободу предпринимательства без излишнего государственного вмешательства.

Таким образом, необходимость совершенствования системы гражданского права обусловлена в первую очередь законодательно закрепленными требованиями интенсификации белорусской экономики, стимулирования частной предпринимательской инициативы, развития в экономике стабильного частного сектора, что предполагает создание через модернизацию модели гражданско-правового регулирования правовых гарантий, обеспечивающих частные экономические интересы, максимальную свободу собственного усмотрения, минимальное государственное вмешательство в частные дела.

Новые подходы к формированию норм гражданского права в первую очередь предполагают трансформацию метода правового регулирования, применяемого в процессе опосредования экономических отношений и, соответственно, изменение совокупности правовых средств (в

первую очередь гражданско-правовых норм), составляющих его содержание, что обусловлено предназначением метода правого регулирования, который «…представляет собой способ воздействия отрасли на поведение людей, способ организации правовой связи участников регулируемых отношений» [204, с. 65]. При этом необходимо отметить, что постсоветский период развития правопонимания вообще и цивилистической мысли в частности характеризуется кардинальным изменением политической системы белорусского общества, заменой авторитарного политического режима демократическим, становлением системы права, соответствующей демократическим взглядам общества, в том числе гражданского права и опосредованной его нормами экономической системы, динамика которой обусловлена сложившимися на современном этапе взглядами общества [25-А, с. 51].

Изменившиеся политические условия, новые взгляды государства на состав имущества, которое может находиться в частной собственности, предоставление права участия в экономических отношениях частным субъектам предопределили необходимость применения новых подходов к правовому воздействию на участников экономической деятельности, а по сути, к содержанию метода гражданско-правового регулирования, что, как следует из примеров, приведенных выше, сделать практически по большому счету не удалось.

«С одной стороны, произошел отказ от прежних идей и постулатов, – отмечает Н. Л. Бондаренко, – а с другой – не были… приняты и новые принципы рыночной экономики. <…> Административно-командные методы управления чередуются с рыночными, что особенно заметно в положениях законодательства, регулирующих деятельность субъектов предпринимательской деятельности» [166, с. 95], в частности, ярко проявляется в Указе Президента Республики Беларусь от 18 июня 2005 г. № 285 «О некоторых мерах по регулированию предпринимательской деятельности» [106].

В указанный нормативный правовой акт с момента его принятия двенадцать раз вносились изменения, в большинстве своем направленные на жесткое государственное администрирование индивидуальной предпринимательской деятельности, введение различных ограничений, в том числе по сокращению количества рабочих мест, создаваемых предпринимателями, что не способствовало развитию частной предпринимательской инициативы, увеличению оборотов реализуемой продукции, повышению благосостояния народа. «Нестабильность актов законодательства, – отмечает Г. А. Василевич, – подрывает доверие к специалистам в области правотворческой деятельности, прежде всего к

инициаторам принятия новых актов законодательства, и в целом к государственным институтам власти» [545].

В период действия ГК 1998 г. принимались и иные нормативные правовые акты Президента Республики Беларусь и, во исполнение актов Главы государства, постановления Совета Министров Республики Беларусь, нормы которых создавали условия административно-командного управления экономикой, что не способствовало ее бурному развитию.

К указанным наряду с вышеперечисленными, в частности, можно отнести:

– Декрет Президента Республики Беларусь от 16 марта 1999 г. № 11 «Об упорядочении государственно регистрации и ликвидации (прекращения деятельности) субъектов хозяйствования» [546];

– Указ Президента Республики Беларусь от 16 января 2002 г. № 40 «О дополнительных мерах по регулированию экономических отношений» [547];

– Декрет Президента Республики Беларусь от 14 июля 2003 г. № 17 «О лицензировании отдельных видов деятельности» [548]

и ряд других нормативных правовых актов аналогичного действия, оказывающих существенное влияние на развитие частной предпринимательской инициативы и деловой активности граждан Беларуси.

Учитывая то обстоятельство, что названные акты отменены либо полностью, либо в основной части, можно сделать вывод о несоответствии их содержания современным требованиям развития экономики.

Из изложенного вытекает ряд вопросов:

– о соответствии действующей системы гражданско-правовых норм, закрепленных в первую очередь в ГК, современным требованиям экономического оборота;

– способности системы гражданского права создать такие правовые условия участия в экономических отношениях, при которых возможно достижение максимального экономического эффекта при условии учета государственных интересов, сохранения максимально возможной свободы усмотрения участников экономической деятельности и обеспечения минимального государственного вмешательства в частные дела, что является залогом эффективности ее осуществления;

– о необходимости выработки рекомендаций по формированию гражданско-правовых норм, составляющих систему гражданского права и закрепленных в первую очередь в ГК, посредством использования новых подходов с целью создания максимально благоприятных условий осуществления экономической деятельности, что предусмотрено нормами Директивы № 4, Директивы № 3, Программы социально-экономического развития.

Исследование, проведенное выше, позволяет констатировать неполное соответствие действующей модели гражданского права указанным выше условиям и, соответственно, утверждать о необходимости ее совершенствования.

В процессе выработки соответствующих рекомендаций следует учитывать, что в ходе формирования норм, составляющих систему гражданского права, закрепленную в ГК, к анализируемой совокупности правовых средств необходимо подходить как к «отрасли, обслуживающей исключительно конкретные экономические потребности и, соответственно, анализируемой, толкуемой и создаваемой преимущественно исходя из соображений практической целесообразности и эффективности», на что указывает Ю. В. Грушевская [284, л. 102].

При этом возможность изменения совокупности норм, составляющих систему гражданского права, подходов к формированию гражданско-правовых норм обусловлена тем, что «гражданское право, − согласно утверждению В. Ф. Яковлева, − представляет собой одновременно стабильную и развивающуюся динамическую систему» [294, с. 41].

Приведенное утверждение актуально применительно к современному уровню динамики гражданско-правовых отношений, перманентному процессу совершенствования белорусской экономики, развивающейся по новому пути, соответствующему предписаниям Конституции и названных выше нормативных правовых актов, согласно нормам которых создание благоприятных условий для предпринимательской деятельности является одним из основных стратегических факторов устойчивого социально-экономического развития страны.

В процессе формирования совокупности правовых норм, составляющих систему гражданского права, также необходимо учитывать предназначение анализируемой отрасли права, тот спектр социального взаимодействия, для воздействия на участников которого предназначено гражданское право как основная отрасль частного права. Кроме того, следует принять во внимание цели гражданско-правового регулирования, тот правовой и, как следствие, экономический эффект, на достижение которого направлено гражданско-правовое опосредование экономических отношений.

«…Гражданские законы, − отмечает С. С. Алексеев, − это как раз те юридические установления, которые, по-видимому, носят наиболее приземленный характер, утилитарно-деловой характер, они касаются всех людей страны, ежедневно, а то и ежечасно воспроизводятся и воспроизводятся в многообразных прозаических делах, в нашей безостановочно повторяющейся повседневности. <…> Непрерывно повторяясь… гражданские законы… способны… стать непреложными

правилами, напрямую входящими… в саму прозу наших жизненных дел» [549, с. 55].

Изложенное позволяет утверждать, что гражданское право как основная отрасль частного права является отражением государственной экономической политики, а совокупность правовых средств, входящих в его состав, и метод правового регулирования, применяемый в процессе опосредования экономических отношений в каждый конкретный период исторического развития, свидетельствуют о той степени экономической свободы, которую государственная власть готова предоставить частным лицам на государственной территории при условии обеспечения государственной защиты публичных и частных интересов в случае их нарушения.

«Главное, что характеризует суть и историческое предназначение гражданского права, проявившееся в современную эпоху, − отмечает С. С. Алексеев, − это в соответствии с заложенными в нем частноправовыми началами *способствовать*, а во многом и прямо *обеспечивать формирование гражданского общества, его важнейших устоев, относящихся к положению граждан*» [549, с. 54].

Приведенное утверждение известного российского правоведа указывает на то, что наличие в системе права государства такой правовой отрасли, как гражданское право, содержание которого способно предоставить максимальную степень свободы участникам экономических отношений и обеспечить максимальную правовую защищенность их экономических интересов и в первую очередь защиту права собственности каждого отдельного субъекта, свидетельствует:

– о построении на государственной территории современного демократического общества;

– стремлении государственной власти построить на своей территории правовое государство и гражданское общество.

Исходя из указанного выше значения гражданского права не только для развития экономических отношений, составляющих основу благосостояния и экономической независимости каждого отдельного гражданина и общества в целом, но и для эффективного формирования полноценной демократической системы управления, способной привести к построению правового государства, гражданское право следует рассматривать как отрасль частного права, определяющую содержание таких правовых образований, как семейное, жилищное, трудовое, банковское, инвестиционное, образовательное, земельное, лесное право и ряд других правовых образований в части норм, опосредующих общественные отношения по выполнению работ, оказанию услуг, передаче в собственность или на условиях временного владения и пользования

(только пользования) материальных благ, в том числе участков леса, рек, водоемов и т. п., а также в части норм, опосредующих применение мер юридической ответственности за причинение вреда личности или имуществу физического лица либо имуществу организации со статусом юридического лица.

«…Земельные, лесные, водные и горные отношения, − указывает Н. Д. Егоров, − могут составлять предметы отдельных институтов или подотраслей, но не самостоятельных отраслей права» [550, с. 14], с чем следует согласиться. Предлагаемый подход в дальнейшем может служить основой для формирования гражданского права как отрасли права посредством дополнительного включения в него в качестве подотраслей семейного, банковского, инвестиционного, образовательного и земельного права с целью унификации частноправовых отношений.

Согласно утверждению С. С. Алексеева, гражданское право является одним из «…узловых звеньев общественного прогресса» [551, с. 3]. «Не случайно, − продолжает ученый, − именно в Гражданском кодексе России… получили прямое, текстуально строгое закрепление начала частного права, имеющие не только отраслевое, но и общеправовое значение и даже, если угодно, концептуально-правовую значимость для современного гражданского общества в целом» [551, с. 39], что в определенной степени применимо и к ГК.

Таким образом, вырабатывая подходы к формированию норм гражданского права, закрепленных в ГК и составляющих основу гражданского права как основной отрасли частного права, необходимо учитывать, что современное гражданское право должно:

– соответствовать нормам, закрепленным в ст. 1 Конституции, согласно которым Беларусь является государством демократическим и государством правовым (стремится стать правовым государством);

– основываться на нормах ст. 2 Конституции, в соответствии с которыми высшей ценностью белорусского общества и государства является человек, его права, свободы и гарантии их реализации;

– учитывать нормы, закрепленные в ст. 13 Конституции, предоставляющие всем равные права для осуществления хозяйственной и иной деятельности, кроме запрещенной правовыми нормами, и гарантирующие равную защиту и равные условия для развития государственной и частной форм собственности;

– базироваться на нормах, закрепленных в ст. 44 Конституции, которыми собственнику имущества предоставляется по сути неограниченное право реализации правомочий владения, пользования и распоряжения законно приобретенным имуществом как единолично, так и совместно с другими лицами;

– учитывать предписания Директивы № 3, Директивы № 4, Программы социально-экономического развития, согласно которым со стороны государства требуется принятие комплекса мер, которые могли бы существенно поднять роль предпринимательства, реально повысить его вклад в формирование темпов экономического роста, обеспечение высокой эффективности функционирования белорусской экономики на основе максимального использования частной инициативы.

Изложенное позволяет утверждать, что совокупность гражданско-правовых норм, закрепленных в ГК, должна обеспечивать:

– создание благоприятных условий для развития и осуществления частной предпринимательской деятельности, что на законодательном уровне признано одним из основных стратегических факторов устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь (см. Директиву № 4);

– высокую эффективность функционирования белорусской экономики на основе максимального использования частной инициативы (см. Директиву № 4), что, в свою очередь, возможно в случае предоставления субъектам гражданского права максимальной свободы в процессе моделирования своих гражданско-правовых отношений;

– минимально необходимое вмешательство государства в частные дела, преимущественно с целью защиты общественных, а также индивидуальных экономических прав и законных интересов;

– обеспечение стабильности, как правило, длительных экономических связей, опосредованных нормами гражданского права;

– построение на государственной территории гражданского общества и правового государства, что предусмотрено нормами ст. 1 Конституции [32-А, с. 51; 72-А, с. 208–209].

Достижение указанных выше условий осуществления экономической деятельности возможно посредством формирования совокупности гражданско-правовых норм, закрепленных в ГК и составляющих основу системы гражданского права, в соответствии с содержанием диспозитивного метода правового регулирования, позволяющих организовать государственно-правовое воздействие на сферу экономических интересов человека таким образом, чтобы предоставить участникам экономической деятельности наибольшие возможности манипулирования гражданско-правовыми нормами с целью выбора для себя экономически наиболее целесообразной модели поведения, но с учетом интересов общества и государства.

При этом «…эффективное юридическое воздействие возможно лишь при использовании правом средств, адекватных природе регулируемых общественных отношений…» [552, с. 161], что подтверждает

необходимость формирования системы норм гражданского права, способных обеспечить вышеназванные показатели при правовом воздействии на участников экономических отношений.

Предложенный подход к формированию совокупности норм гражданского права в рамках процедуры совершенствования метода гражданско-правового регулирования выступает квинтэссенцией правового опосредования современных экономических отношений, способствует созданию наиболее благоприятных правовых условий для эффективного экономического развития [12-А, с. 70].

6.2 ОТКАЗ ОТ ДИХОТОМИИ НОРМ КАК НЕОБХОДИМАЯ ПРЕДПОСЫЛКА МОДЕРНИЗАЦИИ МОДЕЛИ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

Проведенное выше исследование норм гражданского права, их логической структуры, выявленные нами свойства диспозитивных и императивных гражданско-правовых норм, установленная степень их влияния на развитие экономических отношений, а также предложенные классификации позволили прийти к выводу, что формирование системы гражданско-правовых норм с целью создания эффективной парадигмы гражданско-правового регулирования необходимо проводить в первую очередь в рамках реформирования метода, применяемого в действующей модели гражданского права. «…Эффективность правовых норм, – указывает Ф. Н. Фаткуллин, – обусловливается… правильным выбором общественных отношений, подлежащих правовому регулированию. <…> На эффективности нормы права неизбежно сказывается и относительность выбора метода нормативно-правового регулирования» [553, с. 41].

Из изложенного следует, что эффективность совокупности гражданско-правовых норм зависит от выбора метода правового регулирования, применяемого в процессе формирования отрасли права, в том числе составляющих его правовых средств и в первую очередь правовых норм. «…Метод правового регулирования… применительно к отрасли права представляет собой… совокупность специфически-юридических черт отрасли права… отражающих обусловленные прежде всего определенным родом общественных отношений способы, приемы, средства регулирования и юридические процедуры» [554, с. 151].

При этом эффективным, согласно утверждению Н. Л. Бондаренко, можно считать такое гражданское право «…которое регулирует гражданский оборот в соответствии с объективными законами рынка, принципами гражданского права, разумными потребностями и ожиданиями участников гражданского оборота» [555, с. 35].

Таким образом, в процессе формирования совокупности норм гражданского права необходимо руководствоваться логикой экономического оборота, действительными потребностями его участников, необходимостью обеспечения «…сбалансированности социальных интересов и обеспечения максимально возможной меры свободы» [556, с. 64] участников экономических отношений.

В настоящее время гражданское право Республики Беларусь включает в свой состав две основные группы правовых норм, определяющих как пределы самостоятельного усмотрения участников гражданско-правовых отношений в процессе моделирования субъективных прав и обязанностей, так и пределы государственного вмешательства в частные дела − императивные и диспозитивные правовые нормы, т. е. основано на дихотомии правовых норм, что, по нашему мнению, предопределено советской цивилистической традицией, просматривающейся в действующем ГК и поддерживаемой современными учеными.

Так, согласно утверждению А. В. Малько, «…идеи и понятия кибернетики при анализе их применительно к правовым проблемам дают возможность выделить в правовом регулировании два основных информационных средства − правовые стимулы и правовые ограничения, которые… являются определяющими по отношению к целой системе юридических инструментов…» [557, с. 18], с чем применительно к существующей системе гражданского права можно согласиться. В качестве правовых стимулов выступают диспозитивные правовые нормы, а в качестве правовых ограничений − императивные, применение которых в одном ряду в качестве основных, системообразующих элементов в действующей системе гражданского права, по нашему мнению, обусловлено:

– направленностью гражданского права на опосредование экономических отношений, возникающих, как правило, между конкретными субъектами и не оказывающих влияния на правовое положение иных лиц;

– необходимостью учета публичных интересов в процессе участия частных субъектов в экономических отношениях, в том числе интереса государства в выполнении возложенных на него функций.

«Экономические (хозяйственные) отношения, как и экономика в целом, – утверждает В. Н. Годунов, – не могут не испытывать воздей-

ствия со стороны государства. Регулирование государством экономической деятельности предопределяется публичными интересами общества» [39, с. 8];

– сложившимся за советский период развития юридической науки в целом и цивилистической науки в частности и на сегодня вполне устойчивым представлением о том, что в процессе осуществления экономической деятельности диспозитивные правовые нормы можно игнорировать (исключить из правоприменительной практики), чем субъектам гражданского права предоставляется определенная свобода проявления частной инициативы, а императивные – подлежат неукоснительному исполнению под страхом применения мер государственного принудительного воздействия, что способствует учету государственных интересов в экономической сфере.

Как следует из анализа состава гражданско-правовых норм, проведенного выше, в действующем ГК закреплено преобладающее количество норм, имеющих императивную конструкцию, что, согласно выводам А. В. Баркова, Э. В. Талапиной, Д. Е. Богданова является результатом социализации экономики и, как следствие, социализации права, под которой понимается «…нацеленность правового инструментария на обеспечение социальной защищенности граждан и их объединений» [558, с. 8], что невозможно обеспечить без использования императивных гражданско-правовых норм.

Исходя из вышеназванных целей включения императивных правовых норм в систему гражданского права и применяемой модели гражданско-правового регулирования, можно утверждать о превалировании государственных и общественных интересов над интересами отдельной личности (отдельного хозяйства) в процессе гражданско-правового регулирования.

Сделанный вывод подтверждается закрепленными в ст. 2 ГК императивными нормами, содержательно выражающими один из принципов построения действующей модели гражданского права – принцип приоритета общественных интересов. Согласно указанным нормам «*осуществление гражданских прав не должно противоречить общественной пользе и безопасности…*».

Учитывая изложенное, а также утверждение Л. Жюллио де ла Морандьера, в соответствии с которым «…соотношение значения императивных и неимперативных норм определяется тем, исходило ли позитивное гражданское право из индивидуалистических начал, отводя первое место индивиду и его воле, или оно опирается на социальное учение, присваивая государству, во имя коллективных интересов, функцию коллективного управления частных лиц» [79, с. 44], можно кон-

статировать, что действующая модель гражданского права поддерживает приоритет воли государства, выраженный в закрепленных в ГК правовых нормах над индивидуальной волей частных лиц, т. е. «присваивает государству… функцию управления» посредством закрепления презумпции императивности норм гражданского права.

Применительно к действующей модели гражданского права презумпция императивности гражданско-правовых норм закреплена в ст. 169 ГК[93], нормы которой позволяют признавать недействительной любую сделку, не соответствующую требованиям правовых норм, закрепленных в любом из нормативных правовых актов системы гражданского законодательства. Анализ приведенной нормы очевидно свидетельствует об игнорировании действующей в Беларуси модели гражданско-правового регулирования принципа построения гражданского права, выражающегося формулой «разрешено все, что прямо не запрещено», применяемого в развитых демократиях.

Это указывает, что система гражданского права содержательно, в принципиальных вопросах правового регулирования экономической деятельности, унаследовала советскую цивилистическую традицию, когда гражданско-правовое регулирование основывалось на принципе «запрещено все, что прямо не разрешено», соответствующем административно-командной экономике СССР.

Так, согласно утверждению Е. С. Макарчук, «советское гражданское право в условиях плановой экономики не признавало принцип свободы договора и в этот период прочно закрепилась идея о том, что все, что прямо не разрешено, было запрещено» [559, с. 58], и, по сути, применяло в процессе гражданско-правового регулирования экономических отношений, особенно той их части, которая сегодня именуется предпринимательскими (хозяйственными – в период СССР) отношениями, правовые средства, свойственные императивному методу правового регулирования, являющемуся основным в тоталитарных режимах [560, с. 117].

Аналогичный подход закреплен в ст. 168 ГК Российской Федерации, на что указывает Э. А. Евстигнеев, согласно утверждению которого «практическую значимость проблема императивности предписаний норм договорного права и формально-атрибутивного разделения таких норм на императивные и диспозитивные приобретает за счет ст. 168 ГК. <…> В силу выделяемой в доктрине презумпции императивности норм договорного права и их текстуального разделения

[93] Сделка, не соответствующая требованиям законодательства, ничтожна, если законодательный акт не устанавливает, что такая сделка оспорима, или не предусматривает иных последствий нарушения.

подавляющее большинство норм, не содержащих оговорку о том, что иное может быть предусмотрено сторонами, трактуются как императивные, и их нарушение влечет недействительность сделки по ст. 168 ГК» [324, л. 86]. Ситуацию не изменила принятая в 2017 г. новая редакция ст. 168 ГК России[94].

Указанный выше подход применен:

– в ГК Республики Казахстан, нормы п. 1 ст. 158[95] которого позволяют признавать недействительной любую сделку, содержание которой не соответствует требованиям законодательства [561, с. 67];

– ГК Азербайджанской Республики, в соответствии с нормами ст. 337[96] которого недействительной признается сделка, совершенная с нарушением условий, установленных ГК Азербайджанской Республики [562];

– ГК Армении, нормы ст. 305[97] которого признают недействительной сделку, не соответствующую требованиям закона или иных правовых актов [319];

– ГК Кыргызской Республики, в ст. 185[98] которого закреплена норма, устанавливающая недействительность сделки, не соответствующей требованиям закона [563];

---

[94] *Статья 168 ГК России*:

1. За исключением случаев, предусмотренных пунктом 2 настоящей статьи или иным законом, сделка, нарушающая требования закона или иного правового акта, является оспоримой, если из закона не следует, что должны применяться другие последствия нарушения, не связанные с недействительностью сделки.

2. Сделка, нарушающая требования закона или иного правового акта и при этом посягающая на публичные интересы либо права и охраняемые законом интересы третьих лиц, ничтожна, если из закона не следует, что такая сделка оспорима или должны применяться другие последствия нарушения, не связанные с недействительностью сделки.

[95] Статья 158 ГК Казахстана:

1. Сделка, содержание которой не соответствует требованиям законодательства, а также сделка, совершенная с целью, заведомо противоречащей основам правопорядка, является оспоримой и может быть признана судом недействительной, если настоящим Кодексом и иными законодательными актами Республики Казахстан не установлено иное.

[96] Статья 337 ГК Азербайджана:

Сделка, совершенная с нарушением условий, установленных настоящим Кодексом, недействительна.

[97] Статья 305 ГК Армении:

Сделка, не соответствующая требованиям закона или иных правовых актов, недействительна, если закон не устанавливает, что такая сделка ничтожна, или не предусматривает иных последствий нарушения.

[98] Статья 185 ГК Кыргызской Республики:

Сделка, не соответствующая требованиям законодательства, ничтожна, если закон не устанавливает, что такая сделка оспорима или не предусматривает иных последствий нарушения законодательства.

– ГК Республики Молдова, в соответствии с нормами ст. 220[99] которого недействительной признается сделка или ее условие, противоречащие императивным нормам [564];

– ГК Грузии, согласно нормам, ст. 54[100] которого недействительной признается сделка, нарушающая установленные законом правила и запреты [565].

Таким образом, в гражданских кодексах указанных постсоветских республик, так же как в ГК Беларуси и ГК России, официально закреплена презумпция императивности гражданско-правовых норм, при которой создание необходимой государству модели гражданско-правового регулирования, позволяющей направлять деятельность субъектов гражданского права в то или иное русло, устанавливать необходимые пределы государственного вмешательства в частные дела, увеличивая или минимально сокращая присутствие государства в частной экономической сфере, достигается посредством сочетания определенной совокупности императивных и диспозитивных правовых норм.

Изложенное наряду с закрепленным в ГК принципом приоритета общественных интересов свидетельствует о том, что «рационального сочетания частных и общественных интересов на постсоветском пространстве пока нет.

«Это вполне объяснимо, – отмечает В. А. Витушко, – учитывая многовековое феодальное и большевистское притеснение народа, выработавшее соответствующие стереотипы мышления…» [566, с. 4].

Вместе с тем, согласно утверждению В. А. Дозорцева, «одна из основных идей гражданского права как частного права – свобода сторон, невмешательство государства в их взаимоотношения» [8, с. 28], что не в полной мере выдерживается в ГК и к чему следует стремиться в процессе формирования массива гражданско-правовых норм, закрепленных в ГК как в законодательном акте, который должен выполнять роль «экономической конституции» государства, поддерживающего на конституционном уровне демократические принципы управления экономикой, что присуще гражданским кодексам многих государств, закрепляющих приоритет прав личности и автономии частной воли. Так, «основополагающим принципом существующего гражданского права (Японии. – *Примеч. авт.)* является принцип свободы личности, а

---

[99] *Статья 220 ГК Республики Молдова*:

Сделка или ее условие, противоречащие императивным нормам, являются ничтожными, если законом не предусмотрено иное.

[100] *Статья 54 ГК Грузии*:

Недействительна сделка, нарушающая установленные законом правила и запреты, противоречащая публичному порядку или нравственным нормам.

структура этой отрасли права вытекает из прав личности» [70, с. 33], что также нашло свое отражение в ГГУ, в обязательственном праве которого «победоносно проведен великий принцип индивидуализации», в соответствии с которым многое в области заключения и исполнения договоров предоставлено свободному усмотрению сторон [567, с. 186], и в действующем ГК Украины, нормы которого поддерживают приоритет правового положения личности и автономии воли субъектов (см. п. 1 ст. 1, абз. 1 п. 1 ст. 3, ст. 6 ГК).

Изложенное свидетельствует о том, что применяемый в гражданском праве Беларуси с советского периода и по настоящее время метод гражданско-правового регулирования не может быть классифицирован как диспозитивный в силу установленной презумпции императивности гражданско-правовых норм, как следствие, наличия возможности признания гражданско-правовых норм диспозитивными и, следовательно, их изменения по воле сторон только при наличии у правовых норм окончания «если иное не предусмотрено соглашением сторон», что является наследием советской цивилистики [323, с. 46], нормативно ограничивает частную волю и предпринимательскую инициативу.

О несомненном влиянии советской догмы на метод гражданско-правового регулирования, применяемый в действующей модели ГК, свидетельствует содержание правовых норм, закрепленных:

– в ст. 4 Гражданского кодекса РСФСР от 11 июня 1964 г. (далее – ГК РСФСР) [568], ст. 4 Гражданского кодекса БССР от 11 июня 1964 г. (далее – ГК БССР) [569], согласно которым… *гражданские права и обязанности возникают… из сделок, предусмотренных законом, а также из сделок, хотя и не предусмотренных законом, но не противоречащих ему*, и аналогичных по смыслу правовых норм, закрепленных в ст. 7 действующего ГК, в соответствии с которыми *гражданские права и обязанности возникают… из договоров и иных сделок, предусмотренных законодательством, а также из договоров и иных сделок, хотя и не предусмотренных законодательством, но не противоречащих ему*;

– ст. 47 ГК БССР, ст. 48 ГК РСФСР согласно которым *недействительна сделка, не соответствующая требованиям закона* и аналогичных по смыслу норм, закрепленных в ст. 169 ГК, нормативно устанавливающих, что отмечалось выше, недействительность любой сделки, не соответствующей требованиям законодательства, и тем самым предопределяющих презумпцию императивности норм гражданского права.

Приведенные нормы, являясь основополагающими в части установления пределов собственного усмотрения участников экономической

деятельности, имеют идентичное содержание несмотря на то, что с 1964 до 1998 г. (момента принятия действующего ГК) изменилась политическая система и общие подходы государственной власти к экономическому развитию, что нашло свое отражение в Конституции 1994 г. и, как следствие, должно было оказать соответствующее влияние на содержание действующей модели гражданского права (метод правового регулирования, применяемый в процессе построения отрасли), чего глобально в принципиальных подходах к гражданско-правовому воздействию на участников экономических отношений не произошло.

По сути, в действующем ГК закреплено императивное правило административно-командной экономики СССР, в соответствии с которым условия заключаемых гражданско-правовых договоров не могут противоречить правовым нормам ГК и иных нормативных правовых актов системы гражданского законодательства (ст. 3 ГК), или, иначе, должны им соответствовать. Более того, в действующем ГК по отношению к ГК 1964 г. зависимость условий договора от воли государства, закрепленной в гражданско-правовых нормах, еще более ярко выражена.

Так, если нормы ст. 4 ГК 1964 г. ставили зависимость условий договора от содержания закона, то нормы ст. 7 ГК – в зависимость от законодательства. Исходя из буквального толкования анализируемых норм, а также выводов относительно соотношения понятий «система права» и «система законодательства», сделанных в юридической литературе [550, с. 26; 5-А, с. 12−13; 6-А, с. 31−39], неизбежно следует вывод, что под законодательством необходимо понимать совокупность нормативных правовых актов, содержащих нормы гражданского права, перечень которых закреплен в ст. 3 ГК.

Следовательно, условия заключаемых гражданско-правовых договоров должны соответствовать условиям участия в гражданско-правовых отношениях, закрепленным в ГК и иных нормативных правовых актах системы гражданского законодательства, что исключает возможность применения императива «разрешено все, что прямо не запрещено правовыми нормами» в полном объеме и ограничивает диспозитивное правовое регулирование рамками исключительно диспозитивных правовых норм. Приведенный подход был присущ системе гражданского права СССР, опосредующей административно-командную экономику и не соответствует гражданскому праву современного демократического государства, каковым на конституционном уровне признает себя Республика Беларусь.

«Таким образом, новый ГК сохранил преемственность по отношению к ГК 1964 г. в части подхода к последствиям нарушения требований законодательства при совершении сделок. <…> Представляется, что целям гражданско-правового регулирования в большей степени соответствовала бы обратная ситуация, поскольку в этом случае судьба сделки, совершенной с нарушением требований законодательства, оказалась бы по общему правилу поставлена в зависимость от свободного усмотрения тех участников гражданского оборота, чьи права и обязанности затронуты соответствующим нарушением…» [570].

Кроме того, императивная зависимость условий договора от законодательства непосредственно в действующем ГК усилена нормами, закрепленными в п. 2 ст. 392 ГК, согласно которым *если после заключения и до прекращения действия договора принят акт законодательства, устанавливающий обязательные для сторон правила, иные, чем те, которые действовали при заключении договора, условия заключенного договора должны быть приведены в соответствие с законодательством, если иное не предусмотрено законодательством*.

Приведенными нормами придана обратная сила всем нормативным правовым актам, включенным в систему гражданского законодательства, которые устанавливают обязательные для сторон договора правила участия в договорных правоотношениях, что противоречит нормам ст. 104 Конституции, согласно которым закон не имеет обратной силы, за исключением случаев, когда он смягчает или отменяет ответственность граждан, а также нормам подп. 9.3 п. 9 Директивы № 4, запрещающим придание обратной силы нормативным правовым актам, регулирующим предпринимательскую (хозяйственную, экономическую) деятельность. Исключение, согласно указанным нормам, составляют нормативные правовые акты, смягчающие или отменяющие ответственность за правонарушения при осуществлении предпринимательской и иной деятельности или другим образом улучшающие условия такой деятельности.

Согласно приведенным нормам возможность моделирования субъектами экономической деятельности гражданско-правовых отношений (их собственное усмотрение) ограничена не императивными нормами, закрепленными в ст. 2 ГК и устанавливающими основы гражданско-правового регулирования, что присуще системам гражданского права, применяющим диспозитивный метод правового регулирования, а нормами, закрепленными в любом из нормативных правовых актов системы гражданского законодательства. Это указывает на применение в гражданском праве императивных начал, в соответствии с которыми имманентный частному праву принцип «разрешено все, что прямо не

запрещено законом» подменен принципом «дозволено то, что прямо разрешено законом», свойственным публично-правовому регулированию [571, с. 115; 572, с. 304; 573, с. 402; 574, с. 186; 575, с. 239].

Следует отметить, что в отличие от ГК в ГК Армении (ст. 438[101]), ГК Казахстана (ст. 383[102]) и ГК России (ст. 422) закреплены нормы, сохраняющие действие договора в случае принятия закона, устанавливающего для сторон обязательные правила иные, чем те, которые действовали в момент заключения договора, что соответствует общей концепции обратной силы закона и направлено на стабилизацию экономических отношений. В ГК Чехии (§ 1[103]) и ГК Украины (ст. 6[104]) закреплены нормы, позволяющие включать в договор любые условия, в том числе и не соответствующие нормативным правовым актам, за исключением тех, включение которых в договор прямо запрещено, что соответствует диспозитивному методу гражданско-правового регулирования.

Закрепленный в ГК подход к опосредованию экономических отношений способен ограничить частную инициативу, сдержать развитие частного предпринимательства, вносит излишний публично-правовой элемент в гражданско-правовой метод, что может привести к снижению экономической активности граждан и негативно отразиться на динамике экономического развития государства.

«…Коль скоро публичные интересы, выраженные в праве, начинают подавлять частные, превалировать по отношению к ним либо вытеснять, − отмечает Д. И. Горшунов, − обладатели последних либо вынужденно отказываются от участия в частноправовых отношениях, в том числе и в предпринимательстве, связанном с частной инициативой, либо, оставаясь в системе рыночных координат, уходят в сферу неправовых средств реализации своих интересов…» [576, л. 198].

---

[101] *Статья 438 ГК Армении, 422 ГК России*:

2. Если после заключения договора принят закон, устанавливающий обязательные для сторон правила иные, чем те, которые действовали при заключении договора, условия заключенного договора сохраняют силу, кроме случаев, когда в законе установлено, что его действие распространяется на отношения, возникшие из ранее заключенных договоров.

[102] *Статья 383 ГК Казахстана*:

2. Если после заключения договора законодательством устанавливаются обязательные для сторон правила иные, чем те, которые действовали при заключении договора, условия заключенного договора сохраняют силу, кроме случаев, когда законодательством установлено, что его действие распространяется на отношения, возникшие из ранее заключенных договоров.

[103] *Параграф 1 ГК Чехии*:

(2) Если законом не предусмотрен запрет, то лица могут урегулировать свои права и обязанности и иным образом, чем указано в законе.

[104] *Статья 6 ГК Украины*:

3. Стороны в договоре могут отступить от положений актов гражданского законодательства и урегулировать свои отношения по собственному усмотрению.

По сути, в приведенных правовых условиях возникает теневая экономика, что мы имели в период существования СССР, а также можем наблюдать на каждом конкретном этапе введения неоправданных ограничений в экономическую сферу, основанную на частной инициативе, в том числе в момент стремления государства получить максимально возможные поступления в государственный бюджет путем установления дополнительных обязанностей субъектов экономической деятельности перед государством. Вместе с тем следует указать, что полное исключение публичных начал из сферы гражданско-правового регулирования затруднило бы процедуру учета государственных и общественных интересов в ходе организации экономики.

Вместе с тем закрепленная в ст. 4 ГК 1964 г. возможность совершения сделок, прямо не предусмотренных нормами ГК, а также наличие в ГК 1964 г. определенного количества диспозитивных норм при общем императивном подходе к правовому регулированию в условиях административно-командной экономики позволяла советским ученым при описании метода гражданско-правового регулирования отмечать диспозитивность гражданского права без указания на то, что в гражданском праве применяется диспозитивный метод правового регулирования.

В частности, В. Ф. Яковлев констатирует, что «гражданско-правовой метод… является дозволительным, характеризуется наделением субъектов на началах их юридического равенства способностью к правообладанию, диспозитивностью и инициативой, обеспечивает установление правоотношений на основе правовой самостоятельности сторон» [204, с. 69]. При этом известный советский цивилист при описании метода гражданско-правового регулирования избегает его названия. Аналогичный подход применяет О. А. Красавчиков, согласно утверждению которого в гражданском праве применяется «правовой метод, который предполагает юридическое равенство субъектов права, допускает проявление их инициативы и диспозитивности в формировании и реализации гражданских правоотношений…» [323, с. 42].

Описываемый учеными метод в современной теории права называют методом координации (децентрализации, автономным методом) [577, с. 239; 578, с. 257], который, согласно утверждению А. М. Витченко, «…складывается из важнейших составных элементов… правовое положение субъектов, юридические факты, приемы формирования субъективных прав и юридических обязанностей, и меры их защиты» [579, с. 124].

Соглашаясь с утверждением А. М. Витченко, следует отметить, что одной из важнейших составляющих метода гражданско-правового ре-

гулирования является допускаемая системой гражданского права мера свободы усмотрения субъектов в процессе моделирования своих прав и обязанностей, которая (свобода собственного усмотрения) в действующем ГК существенно ограничена.

Определение метода гражданско-правового регулирования через описание его свойств и без указания на то, что в гражданском праве применяется диспозитивный метод, сохранилось и в наши дни, что еще раз подтверждает влияние советской цивилистики на современную цивилистическую науку и систему гражданского права. В частности, согласно точке зрения А. М. Хужина, «гражданско-правовой метод представляет собой такой способ воздействия на общественные отношения, который является дозволительным, характеризуется наделением субъектов на началах их юридического равенства способностью правообладания, диспозитивностью и инициативой…» [580, с. 8].

Аналогичный подход к определению метода гражданско-правового регулирования через описание его свойств применяют и другие белорусские, российские [581, с. 11–18; 582, с. 11; 583, с. 16–18; 584, с. 22–27] и украинские ученые [585, с. 19–20].

Наряду с этим встречаются и некоторые другие подходы.

Так, Н. Д. Егоров указывает, что «…в гражданском праве применяется метод юридического равенства сторон» [239, с. 12] (но не диспозитивный?).

Точку зрения Н. Д. Егорова разделяют ученые Казахстана [81, с. 26].

В. А. Витушко, описывая метод гражданско-правового регулирования, отмечает, что в гражданском праве «…диспозитивность и императивность неразрывно связаны» [499, с. 24]. Л. П. Васильева к особенностям метода гражданско-правового регулирования относит диспозитивность гражданско-правовых норм [586, с. 8],

М. В. Кратенко называет метод гражданского права «…диспозитивным и дозволительным…»[105)] [587, с. 5], а В. А. Богаченко указывает, что «в науке гражданского права вопрос о методе гражданско-правового регулирования остается дискуссионным…» [588, с. 39].

Из приведенных точек зрения можно сделать некоторые выводы, согласно которым, во-первых, ученые не называют метод, применяемый в гражданском праве, что, по нашему мнению, является следстви-

[105] Само по себе применение в одном ряду терминов «диспозитивный» и «дозволительный» вызывает сомнение в силу того, что диспозитивный метод предполагает дозволительное правовое регулирование. Вместе с тем применяемый в действующей модели гражданского права метод в силу наличия диспозитивных норм можно признать дозволительным, но по причине закрепленной в ГК презумпции императивности норм гражданского права нельзя признать диспозитивным.

ем закрепленной в ГК с советских времен презумпции императивности норм гражданского права и, следовательно, достаточно высоким влиянием норм объективного права на поведение участников экономической деятельности (признак императивного метода) и, во-вторых, дружно относят к признакам метода гражданско-правового регулирования наличие диспозитивности (признак диспозитивного метода). При этом в юридической литературе отмечается, что в правоведении существуют два конкретных метода – императивный и диспозитивный, которые применяются в разных группах отраслей права – в группе отраслей публичного и частного права [589, с. 31–32].

Однако, как следует из приведенных выше точек зрения, применение в одной отрасли права одновременно двух методов правового регулирования не представляется возможным [123, с. 7–8; 287, с. 620], с чем следует согласиться.

Таким образом, начиная с периода СССР и до настоящего времени в юридической литературе при описании метода гражданско-правового регулирования, с одной стороны, не применяется, за некоторым исключением, термин «диспозитивный метод», что, исходя из закрепленной в ГК презумпции императивности гражданско-правовых норм и предоставленной субъектам гражданского права возможности совершения только тех сделок, которые не противоречат нормам гражданского законодательства, не представляется возможным, и, с другой – указывают на использование в гражданском праве одновременно двух методов [286, с. 288–292], что противоречит доказавшей свою состоятельность предметно-методологической концепции деления права на отрасли, разработанной советскими учеными.

Вместе с тем наличие определенной, «нормативно ограниченной», диспозитивности как в гражданском праве СССР, так и в современном гражданском праве не отрицается. При этом необходимость формирования совокупности гражданско-правовых норм в процессе модернизации гражданского права на основе единственно применяемого диспозитивного метода правового регулирования, включая такое правовое явление, как диспозитивность, ограниченную исключительно императивными нормами, выражающими основы гражданско-правового регулирования, обусловлена, по нашему мнению, нижеследующими обстоятельствами.

Во-первых, экономические отношения представляют собой динамично развивающийся вид социальных связей, по сути, с неограниченным количеством вариантов поведения их участников. Постоянное развитие экономических отношений, вызывающее к жизни новые основания возникновения гражданских прав и обязанностей, не поддаю-

щийся полному учету состав существующих и возможных, по своей сути правомерных, вариантов поведения участников экономических отношений предопределили объективную невозможность полного и детального урегулирования поведения субъектов гражданского права в принимаемом нормативном правовом акте, в частности в ГК.

Во-вторых, общественные отношения, возникающие по поводу производства, обмена и потребления материальных благ, а также в сфере реализации и защиты личных прав, как правило, затрагивают интересы их непосредственных участников, нарушение прав и законных интересов которых в целом не сопряжено с большой общественной опасностью и выражается в умалении имущественной либо личной сферы одного лица, которому предоставлено право обратиться к государству за защитой либо отказаться от нее.

В-третьих, применение полной диспозитивности как явления современной правовой действительности предоставляет возможность создания модели правового регулирования, допускающей достаточно широкое собственное усмотрение участников экономических отношений, является залогом эффективности экономических отношений, не способных динамично развиваться «по приказу», что убедительно доказано на примере административно-командной экономики СССР.

Указанные выше обстоятельства в совокупности обусловливают необходимость изменения действующей модели гражданского права, несоответствие которой современным потребностям экономического развития, что обосновано выше, предопределено общей императивностью гражданско-правовых норм и при этом использованием в одном ряду диспозитивных и императивных правовых норм, которые, согласно утверждению О. А. Красавчикова, «…также обеспечивают действие диспозитивности» [323, с. 87], что является наследием советской догмы и применительно к существующей системе гражданского права подтверждено нашим исследованием.

Таким образом, в настоящее время (что, как отмечалось выше, было присуще и системе гражданского права СССР) государство, установив в ГК презумпцию императивности норм гражданского права, обеспечивает указанными нормами необходимую государству модель поведения участников экономических отношений, допуская при этом их некоторую «нормативно ограниченную» свободу поведения посредством закрепления в ГК (преимущественно в разделе 4 «Отдельные виды обязательств») некоторого количества правовых норм, включающих в свою конструкцию словосочетание «если иное не предусмотрено соглашением сторон…», именуемых диспозитивными. Применяемая сегодня модель гражданско-правового регулирования, в силу об-

щей императивности норм гражданского права, позволяет государству контролировать частную экономическую деятельность, но при этом не способствует развитию частной предпринимательской активности и деловой инициативы, сдерживает экономическое развитие.

В частности, «за семь лет уровень фактического использования торговых мест и торговых объектов на рынках и в торговых центрах Беларуси сократился на 12,5 процентов. <…> Если в 2010 году уровень фактического использования торговых мест и торговых объектов на рынках и в торговых центрах Беларуси составлял 84,3 процента, то по итогам 2016 года сократился до 71,8 процента. Уровень же фактического использования торговых мест и объектов на рынках и вовсе снизился до 70,3 процентов» [590].

Приведенные здесь и выше статистические данные развития частной предпринимательской инициативы в Беларуси свидетельствуют о некотором несоответствии модели гражданского права, основанной на большой доле государственного вмешательства в частную экономическую сферу современным потребностям экономического развития.

«…История наша, – отмечает Л. В. Щенникова, – свидетельствует, что государство может злоупотреблять своей экономической властью для подавления личности, ее частной сферы и частного интереса» [591, с. 57], что ярко прослеживается на примере экономики СССР и наряду с приведенными данными статистики подтверждается умозаключениями современных ученых.

«…Излишний и подчас тотальный контроль со стороны государственных органов власти отрицательно сказывается на формировании и развитии институтов гражданского общества, которые необходимы для построения правового государства…» [592, с. 44–45], что также невозможно без становления в государстве среднего класса, основой развития которого является охраняемая государством частная собственность и свободное предпринимательство.

Однако направлять поведение участников экономической деятельности по нужному государству и обществу пути можно как посредством использования инструментов государственного принуждения под угрозой применения суровых мер государственного воздействия, что, как показано выше, в сфере экономики не способствует достижению поставленных сегодня целей, так и посредством эффективно подобранной совокупности гражданско-правовых норм, предоставляющих субъектам экономической деятельности право самостоятельного выбора варианта поведения, но сформулированных таким образом, что в большинстве случаев граждане свободно, по собственному убеждению, сделают выбор, необходимый государству.

Яркий пример влияния конструкции нормы гражданского права на поведение субъектов приводит Д. И. Степанов, который отмечает разный уровень добровольного согласия граждан Австрии (99,98 %) и Германии (12 %) на трансплантацию органов в случае смерти и обоснованно связывает это с разными конструкциями правовых норм. Так, в Австрии согласие на трансплантацию органов после смерти гражданина предполагается, если гражданин прямо не заявит об обратном, а в Германии – наоборот, гражданин должен прямо выразить свое согласие на трансплантацию [593, с. 2].

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что применяемый в гражданском праве метод правового регулирования основан на дихотомии норм гражданского права с закрепленной в ГК презумпцией императивности гражданско-правовых норм и допускаемой в прямо установленных случаях «ограниченной диспозитивностью» правового регулирования, в силу чего не может быть признан ни императивным, ни диспозитивным, а «…в Гражданском кодексе, совершенно определенно присутствуют элементы публично-правового регулирования» [594, с. 22].

Примененный в ГК с советских времен подход негативно влияет на развитие экономической деятельности, сдерживает частную предпринимательскую инициативу и деловую активность, что подтверждено приведенными выше статистическими данными, а также выводами, сделанными еще в советский период.

Так, О. А. Красавчиков еще в 1970 г. констатировал, что «…слабость хозяйственной самостоятельности предприятий, узость их прав в решении хозяйственных вопросов, зажим хозяйственной инициативы… отражаются в конечном счете на… темпах развития общественного производства» [323, с. 44].

Ситуацию, описанную ученым, мы наблюдаем в современный период развития, что подтверждается приведенными выше нормативными правовыми актами, принимаемыми сегодня в целях стабилизации экономики.

Таким образом, можно сделать вывод, что модель гражданско-правового регулирования, основанная на дихотомии норм гражданского права с закрепленной презумпцией их императивности, не оправдала себя и требует изменения.

«…Основной проблемой, связанной с дихотомией, является необоснованное ограничение автономии воли сторон в силу формального подхода к определению вида норм, большинство из которых не содержит указание на их диспозитивность» [324, с. 207].

При этом, согласно утверждению А. Н. Дудиной, «…вопрос разграничения диспозитивных и императивных норм в гражданском законодательстве… остается неразрешенным, что порождает множество спорных ситуаций на практике» [595, с. 157], а «…поиски способов и приемов четкого разграничения диспозитивных и императивных норм имеют значение как для выработки предложений по решению этого вопроса путем судебного толкования, так и для подготовки на перспективу предложений по внесению изменений в ГК» [596, с. 236].

Описанную неопределенную ситуацию не изменило и принятое в России постановление № 16, позволяющее судам в процессе разрешения спора о праве гражданском менять формально установленный вид правовой нормы, негативные стороны принятия которого описаны нами выше.

В связи с этим «в свете модернизации гражданского законодательства одним из актуальных и самых дискуссионных стал вопрос о закреплении в Гражданском кодексе… презумпции диспозитивности норм договорного права» [597, с. 86], а «одним из элементов механизма нового концептуального подхода представляется возможным признать основанное на конституционных принципах презюмирование судами договорного регулирования отношений сторон, исключающее субъективное вмешательство и судебное усмотрение» [598, с. 127].

Проведенное выше исследование позволяет нам утверждать, что применительно к современному уровню развития экономических отношений и системы политического управления в Беларуси возникла объективная необходимость модернизации гражданского права посредством установления презумпции диспозитивности гражданско-правовых норм и отказа от правовых норм, имеющих окончание «если иное не предусмотрено соглашением сторон…».

6.3 НОВЫЙ ДОГМАТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ФОРМИРОВАНИЮ НОРМ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

6.3.1 Теоретико-прикладные аспекты модернизации гражданско-правовых норм

Проведенное исследование указывает на необходимость изменения применяемого с советских времен подхода к гражданско-правовому регулированию экономических отношений, основанному на дихотомии норм гражданского права с установленной презумпцией их императивности. В частности, в процессе формирования совокупности гражданско-правовых норм, закрепленных в первую очередь в ГК, целесообразным следует признать отказ от применяемой сегодня презумпции императивности норм гражданского права с целью обеспечения эффективности гражданско-правового регулирования [599, с. 341–346] и установления максимально возможной свободы участников экономической деятельности, что в развитых демократиях достигается через применение в чистом виде диспозитивного метода правового регулирования, не обремененного излишним государственно-нормативным вмешательством в частноправовые отношения.

В юридической литературе обсуждаются три концептуальных пути изменения действующей системы гражданского права, в частности преодоления презумпции императивности гражданско-правовых норм. Первый путь состоит в том, чтобы точно определить, какие нормы являются императивными, а какие диспозитивными, и отразить это непосредственно в ГК, снабдив императивные нормы прямыми запретами на их изменение, а диспозитивные – уже привычной оговоркой «если иное не предусмотрено соглашением сторон» [600, с. 48], что будет напоминать действующую модель гражданского права, но с полной детализацией норм, не допускающих изменение своего содержания соглашением сторон. При таком подходе свободное усмотрение сторон гражданско-правового отношения будет определяться (по сути, ограничиваться) государственной волей, выраженной в момент внесения изменений в ГК.

Однако «свободная деятельность, каковой является деятельность любого частного лица… основана на собственном интересе… свободе воли, на возможности выбора цели, средств ее достижения, результата

деятельности и процесса ее осуществления» [120, с. 18], следовательно, не терпит излишнего государственного вмешательства, сковывающего предпринимательскую инициативу, снижающего интерес частного лица к достижению высоких экономических показателей.

В рамках второго пути предлагается «…однозначно “промаркировать” текстуально все императивные нормы, все же остальные признав однозначно и бесповоротно диспозитивными» [600, с. 48], установить таким образом презумпцию диспозитивности норм гражданского права, что может иметь место. Однако государство и в этом случае будет определяющим центром, изначально, на законодательном уровне ограничивающим свободное усмотрение участников экономической деятельности. Аналогичное предложение высказывали О. Н. Садиков [295], М. Г. Розенберг [601], не указывая при этом путь его реализации.

Следует отметить, что негативное влияние закрепленной в ст. 168 ГК России[106] презумпции императивности норм гражданского права на развитие судебной практики отмечалось в Концепции совершенствования общей части ГК России: «Судебная практика признания сделок ничтожными на основании ст. 168 ГК РФ получила в настоящее время широкое распространение.

Тем самым стабильность и предсказуемость гражданского оборота поставлены под серьезную угрозу» [602, с. 83]. С целью корректировки сложившейся ситуации авторы Концепции предлагали включить в ст. 168 ГК России оговорку следующего содержания: «*если из закона не вытекает, что сделка является оспоримой или должны применяться иные последствия допущенного нарушения*» [602, с. 114], что не получило практической реализации в полном объеме[107].

В соответствии с третьим путем «от законодателя требуется лишь закрепить некие опорные пункты – явные и очевидные случаи, не вызывающие серьезных споров, а работу по детальной демаркации данной границы следует оставить судам» [600, с. 49]. По третьему пути без внесения соответствующих кардинальных изменений в ГК России

---

[106] То же можно экстраполировать на ст. 169 ГК в силу изначальной достаточно высокой идентичности Гражданских кодексов Беларуси и России.

[107] По состоянию на 20 августа 2017 г. в *ст. 168 ГК России* закреплены следующие нормы:

1. За исключением случаев, предусмотренных пунктом 2 настоящей статьи или иным законом, сделка, нарушающая требования закона или иного правового акта, является оспоримой, если из закона не следует, что должны применяться другие последствия нарушения, не связанные с недействительностью сделки.

2. Сделка, нарушающая требования закона или иного правового акта и при этом посягающая на публичные интересы либо права и охраняемые законом интересы третьих лиц, ничтожна, если из закона не следует, что такая сделка оспорима или должны применяться другие последствия нарушения, не связанные с недействительностью сделки.

с 2014 г. пошла Российская Федерация посредством признания за судебной системой права собственного усмотрения при решении вопроса о диспозитивности или императивности гражданско-правовых норм, что нашло отражение в постановлении № 16.

В рамках обоснования необходимости применения судебного толкования для определения императивности или диспозитивности норм гражданского права А. Г. Карапетов и А. И. Савельев указывают, что при установленной презумпции диспозитивности норм гражданского права ее преодоление посредством телеологического толкования спорной нормы судом следует рассматривать как вариант «…наиболее гибкий и адекватный реалиям крайне низкого качества российского законодательства» [600, с. 52].

Некоторый критический анализ отдельных норм постановления № 16 нами проводился выше, а сделанные на этой основе выводы указывают на то, что столь широкое судейское усмотрение при разрешении спора о праве гражданском, допускающее изменение судом подхода к определению вида нормы и предусмотренная постановлением № 16 возможность признания императивными даже тех норм, которые содержат воспринятый наукой и практикой формальный признак диспозитивности (окончание «если иное не предусмотрено соглашением сторон») является не свойственным континентальной системе права и приводит к принятию судебных решений, результаты которых трудно предвидеть в момент заключения договора.

Такой подход присущ системе общего права и в силу того, что гражданское право как России, так и Беларуси (Азербайджана, Армении, Казахстана, Грузии и других республик бывшего СССР) построено по пандектной системе, имманентной романо-германской правовой семье (континентальному праву), зачастую приводит к принятию необоснованных (недостаточно обоснованных) судебных решений и, как следствие, к дестабилизации гражданского правопорядка, что отмечается в юридической литературе. Так, согласно выводам Э. А. Евстигнеева, для континентальной системы права присуща дихотомия предписаний, а системе общего права – доктрина подразумеваемых условий, применение которой заключается в широком усмотрении суда при разрешении конкретного дела. При этом «…специфика применяемых механизмов настолько различна, что говорить о какой-либо их интеграции… не представляется возможным» [324, с. 48–58].

«…В последнее время, – отмечает А. Х. Ульбашев, – российский законодатель активно обращается к английскому и американскому праву, включая в национальное гражданское законодательство некоторые англо-американские институты и нормы, хотя целесообразность

таких заимствований не всегда представляется разумной и обоснованной» [603, л. 5].

Кроме того, допуская широкое судейское усмотрение, как это сделано в России, необходимо учитывать то обстоятельство, что поколения наших юристов, в том числе и действующих судей, воспитывались на юридическом позитивизме, что предполагает применение формального подхода к установлению правового положения субъектов и указания на применимую норму права в мотивировочной части судебного решения. Допущение в таких условиях широкого судейского усмотрения в процессе определения вида нормы гражданского права является преждевременным, но в перспективе, после преодоления юридического позитивизма в подготовке юридических кадров, может быть признано вполне допустимым. В связи с этим в современных реалиях преодоление презумпции императивности норм гражданского права возможно посредством ее замены презумпцией диспозитивности в нормативном порядке, т. е. путем внесения изменений в ряд ключевых норм ГК, определяющих пределы собственного усмотрения субъектов.

Нормативное закрепление презумпции диспозитивности предлагают и названные выше российские ученые. При этом конкретные законодательные (формальные) пути замены презумпции императивности норм гражданского права на презумпцию их диспозитивности не предлагаются за исключением уже введенного в действие постановления № 16, т. е. допущения достаточно широкого судейского усмотрения при сохранении закрепленной в ГК России презумпции императивности норм гражданского права.

Предпринятая российской судебной системой попытка не всегда приводит к положительным результатам, что может негативно отразиться на стабильности гражданского и, как следствие, экономического оборота.

На некоторую неготовность судебной системы России принимать решения в соответствии с нормами постановления № 16, т. е. работать в новых правовых условиях, указывает то, что даже после его принятия «…в большинстве случаев суды подходят к решению вопроса о виде нормы договорного права с формальных позиций: если норма дает сторонам возможность согласовать отличное от закрепленного в законе правило, то считается диспозитивной; если же такого указания нет, то норма признается императивной» [324, с. 156].

Кроме того, как указывалось выше, в компетенцию судебной системы не входит нормотворческая функция, что ставит под сомнение легитимность постановления № 16, по сути, нормативно изменяющего метод гражданско-правового регулирования. Вместе с тем в россий-

ской судебной практике встречаются случаи изменения судами формально установленного вида нормы без объяснения причин, что по меньшей мере должно вызывать недоумение у сторон спора.

Пример 1. Верховный Суд Российской Федерации в своем определении указал: «Соглашение сторон, изложенное в пункте 21.8 договора, о том, что подрядчик не будет иметь прав, предусмотренных статьей 712 Гражданского кодекса, не противоречит статье 9 Гражданского кодекса в силу диспозитивности норм статей 359, 712 Гражданского кодекса» [604].

При этом ст. 712 ГК[108] России, подлежащая первоочередному применению к подрядным отношениям, является формально императивной, а объяснения принятому решению в определении Верховного суда не содержится.

Пример 2. «Не соглашаясь с принятыми решением и постановлением, ответчик подал кассационную жалобу, просит их отменить в связи с неприменением судами императивной нормы специального закона, ошибочное ее толкование как диспозитивной, наличие неучтенных судом оснований для применения статьи 333 Гражданского кодекса Российской Федерации». Впоследствии Арбитражный суд Московского округа постановил отменить решение Арбитражного суда г. Москвы от 14.07.2014 и постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 06.10.2014 по делу № А40-38065/14 [605][109].

Существуют и иные примеры судебных решений, в рамках которых суды Российской Федерации изменяли вид нормы без объяснения причин [606].

Приведенные судебные акты очевидно свидетельствуют о том, что реализованная в постановлении № 16 ВАС Российской Федерации концепция преодоления презумпции императивности норм гражданского права посредством их судебного толкования без внесения необ-

---

[108] Статья 712 ГК России:

При неисполнении заказчиком обязанности уплатить установленную цену либо иную сумму, причитающуюся подрядчику в связи с выполнением договора подряда, подрядчик имеет право на удержание в соответствии со статьями 359 и 360 настоящего Кодекса результата работ, а также принадлежащих заказчику оборудования, переданной для переработки (обработки) вещи, остатка неиспользованного материала и другого оказавшегося у него имущества заказчика до уплаты заказчиком соответствующих сумм.

[109] Соответствующих примеров судебной практики Республики Беларусь обнаружить не удалось, что, по нашему мнению, обусловлено отсутствием в Беларуси аналогичного постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь, позволяющего судам свободное собственное усмотрение в указанной сфере в связи с чем белорусские суды в процессе разрешения спора о праве гражданском, по всей вероятности, руководствуются формально-атрибутивными признаками норм гражданского права и воспринимают в качестве диспозитивных только нормы, снабженные привычным окончанием.

ходимых изменений в ГК имеет существенные недостатки, не способствующие стабильности, как правило, длительных гражданско-правовых связей, затрудняющие процедуру заключения договоров между участниками экономической деятельности.

В связи с изложенным наиболее приемлемым способом преодоления презумпции императивности норм гражданского права представляется модернизация гражданско-правовых норм, закрепленных в ГК, посредством формирования такой их совокупности, которая будет присуща диспозитивному методу правового регулирования, свойственному гражданскому праву демократических государств, обеспечит презумпцию диспозитивности норм гражданского права, основанную на свободе договора [607, с. 6–19], стабильность гражданско-правового регулирования, минимизирует государственное вмешательство в частные дела, систематизирует судейское усмотрение и обеспечит приоритет личности и ее экономических интересов.

«Гражданское право, – отмечает И. А. Покровский, – исконно и по самой своей структуре было правом отдельной человеческой личности, сферой ее свободы и самоопределения. Здесь впервые зародилось представление о человеке как субъекте прав, т. е. представление о личности как о чем-то юридически самостоятельном и независимом даже по отношению к государству и его властям» [167, с. 309].

В качестве примера направленности гражданского права на стабилизацию гражданско-правовых отношений следует привести проект Гражданского кодекса Израиля, в ст. 1 которого в качестве целей гражданско-правового регулирования «…названы: (1) обеспечение законности, справедливости и разумности; (2) повышение стабильности, определенности и эффективности правосудия; (3) недопущение нарушения гарантируемых законом прав; и (4) защита законных ожиданий сторон» [603, л. 137].

Следует отметить, что суть диспозитивного метода гражданско-правового регулирования, по нашему мнению, отражается в предусмотренном ГК правовом положении субъектов гражданского права, в их юридическом равенстве, в установленных нормами гражданского права приемах формирования субъективных прав и юридических обязанностей, в том числе в юридически обеспеченной возможности, позволяющей субъектам гражданского права:

– применять договорные конструкции, как предусмотренные, так и не предусмотренные ГК;

– самостоятельно определять свои субъективные права и принимать на себя юридические обязанности;

– по соглашению участников гражданского правоотношения изме-

нять перечень установленных субъективных прав и юридических обязанностей;

– нивелировать по соглашению сторон установившуюся гражданско-правовую связь независимо от достижения желаемого результата;

– самостоятельно принимать решение о защите или об отказе от защиты нарушенных субъективных прав и законных интересов;

– по собственному усмотрению изменять правила участия в договорных отношениях, закрепленные в ГК.

Предлагаемый нами подход находит свое отражение в научных исследованиях. В частности, согласно утверждению В. Ф. Попондопуло, «в деятельности частных лиц определяющим является саморегулирование… нормативные формы должны определять лишь необходимые требования к частным лицам… оставляя широкий простор для их собственного усмотрения» [120, с. 35], что в должном объеме не нашло закрепления в действующей модели гражданско-правового регулирования.

Следует отметить, что утверждение В. Ф. Попондопуло не является новым. Так, О. А. Красавчиков в еще 1970 г. указывал, что «диспозитивность – черта общего правового положения субъектов гражданского права. Они располагают широким выбором между теми правовыми возможностями, предпосылкой которых служит правоспособность, обладают свободой в осуществлении или неосуществлении этих возможностей» [323, с. 87], а В. Ф. Яковлев в 1972 г. утверждал, что главной особенностью метода гражданско-правового регулирования является обеспечение правовой самостоятельности участников гражданско-правовой связи [204, с. 69].

На основании проведенного исследования можно констатировать, что утверждения двух известных советских ученых реализации в гражданском законодательстве советского периода в достаточной степени не нашли. Это, по нашему мнению, было обусловлено административно-командной экономикой СССР, основанной на исключительной государственной собственности на средства производства и объекты недвижимого имущества (см. ст. 1 и 89 ГК БССР) и исключительном праве государства осуществлять хозяйственную деятельность, приносящую доход. Наш вывод находит подтверждение в трудах:

– В. А. Дозорцева, утверждающего, что «командно-административной экономике… соответствовало… деформированное… гражданское право, содержание которого определялось сильным воздействием административных начал» [8, с. 26], что в целом присуще и современному гражданскому праву;

– Д. И. Горшунова, согласно выводам которого «современная… правовая система имеет советское правовое наследие, в котором на протяжении десятилетий вытравливалось не только существование частного права, но и искоренение цивилистического мировоззрения в принципе…» [576, л. 193−194].

Изложенное указывает, что в процессе формирования совокупности норм гражданского права, соответствующей содержанию диспозитивного метода правового регулирования современного демократического государства, необходимо начинать с корректировки норм, непосредственно определяющих правовые возможности субъектов гражданского права, устанавливающих пределы их собственного усмотрения, в том числе по изменению гражданско-правовых норм своим соглашением, и при этом учитывать тезис о том, что «гражданское право в современном обществе составляет ядро частноправового регулирования… определяющего наиболее широкий простор для свободного волеизъявления участников гражданско-правовых отношений» [608, с. 43].

К таким нормам в действующем ГК следует отнести императивные нормы, закрепленные в ст. 2 ГК, а также императивные нормы ст. 7, 169 и 392 ГК, частичный предварительный анализ которых проведен выше.

Наряду с указанными корректировке должны быть подвергнуты нормы, закрепленные в ст. 391 ГК «Свобода договора», указывающие на наличие в ГК диспозитивных норм, устанавливающие возможность и пределы их изменения по соглашению участников договорного правоотношения.

Статья 2 ГК называется «Основные начала гражданского законодательства» и включает в свой состав императивные гражданско-правовые нормы, содержательно выражающие принципы построения действующей системы гражданско-правового регулирования, а по сути, отражающие содержание гражданско-правового метода с корректировками, установленными нормами ст. 7, 169, 391 и 392 ГК. В частности, закрепленные в ст. 2 ГК императивные нормы определяют основы правового положения участников экономических отношений и устанавливают «приемы формирования субъективных прав и юридических обязанностей», на что обращалось внимание в наших исследованиях [24-А, с. 74–79; 31-А, с. 63–64; 32-А, с. 49–53], а нормы, закрепленные в ст. 7, 169, 391 и 392 ГК, определяют пределы собственного усмотрения участников экономической деятельности, т. е. наряду с отдельными нормами ст. 2 ГК и диспозитивными нормами второго и третьего типов (согласно нашей классификации) устанавливают «ограниченную диспозитивность» гражданско-правового регулирования.

При этом *под нормативно ограниченной диспозитивностью следует понимать установленное нормами гражданского права положение участников гражданско-правовых отношений, в соответствии с которым их инициатива и собственное усмотрение ограничены формально диспозитивными нормами, а правовые возможности подчинены юридической формуле «дозволено только то, что прямо разрешено законодательством»*

Принципы гражданского права как его основные начала, основополагающие идеи рассматривали Н. Л. Бондаренко [38, л. 64; 609 и др.], В. А. Витушко [35, с. 110−111], Ю. Г. Басин [610 с. 34], Е. Г. Комиссарова [611 с. 13−14], О. А. Кузнецова [612 л. 87; 613], В. Н. Годунов [614], В. С. Каменков [40], О. Н. Садиков [615], Г. А. Свердлык [616], Л. В. Щенникова [591; 617; 618], Н. М. Коршунов [619] и ряд других ученых [620, с. 16−30; 621, с. 11−19; 622, с. 123−126; 623, с. 3−9; 70−74; 624, с. 77−80; 625, с. 92−98; 626, с. 14−32; 627, с. 4−16; 628; 629, с. 2−8; 630; 631, с. 108−110; 632; 633, с. 47−58].

Так, в соответствии с точкой зрения В. А. Витушко, «принципы права − это общие правила поведения, составляющие основу системы правового регулирования. <…> Принципами гражданского права называются основополагающие правила поведения в гражданском обороте. <…> Особенно важна роль принципов, когда в нормах законодательства нет прямых ответов на вопросы о правомерности поведения того или иного лица, о его субъективных правах и обязанностях» [35, с. 110−111].

Согласно утверждению Ю. Г. Басина, «под принципами гражданского права следует понимать его основные начала, т. е. основополагающие идеи, сформулированные законом или вытекающие из смысла его предписаний, содействующие правильному пониманию содержания и текстуального выражения гражданско-правовых норм, их адекватному толкованию, разрешению противоречий между ними, помогающие восполнять пробелы законодательства» [610, с. 34].

Н. Л. Бондаренко указывает на то, что «принципы представляют собой основные начала, которые проходят через все гражданское право и предопределяют содержание его норм и институтов. Принципы выражают требования, которые являются общими и обязательными, они служат ориентиром, «отправной идеей» в нормотворческой деятельности при разработке и принятии новых актов гражданского законодательства и внесении изменений и дополнений в действующие» [38, л. 64].

Предназначение принципов в процессе формирования системы гражданского права раскрывает Е. Г. Комиссарова, согласно утверждению которой смысл основных начал гражданско-правового регулирования

состоит в том, чтобы «…придать концептуальный характер праву и законодательству одной отраслевой принадлежности, концентрированно выразить ту правовую основу, на почве которой будут реализовываться все иные нормативные установления. <…> Используя термин “основные начала”, законодатель имел в виду основополагающие правовые идеи как источник, фундамент того, с учетом чего осуществляется правовое регулирование имущественных и личных неимущественных отношений» [611, с. 13−14]. Таким образом, наряду с тем что принципы гражданского права, согласно утверждению Ю. Г. Басина, способствуют правильному толкованию гражданско-правовых норм, правильному разрешению гражданско-правовых споров, принципы, по мнению Е. Г. Комиссаровой, являются «источником правового регулирования» экономических отношений.

«Принципы гражданского права, − как утверждает В. И. Бородянский, − это обусловленные объективными потребностями развития экономических отношений и закрепленные в законодательстве основные начала (идеи), определяющие сущность и содержание гражданско-правового регулирования» [57, л. 7].

Принципы права, в отличие от правовых норм, носят фундаментальный характер и, являясь основой построения гражданского права как отрасли права, предопределяют сущность и содержание гражданско-правовых норм, процедуру их применения и социальную направленность, а также основные отраслевые особенности гражданско-правового регулирования общественных отношений [24-А, с. 74].

Согласно утверждению Н. Л. Бондаренко, принципам гражданского права присуща информационная функция, которая «…обеспечивает получение участниками гражданских правоотношений в концентрированном виде информацию о сущности и специфических особенностях гражданско-правового регулирования» [37, с. 45], что, по нашему мнению, имеет существенное значение в процессе участия в экономических отношениях.

Таким образом, «главное юридическое значение принципов гражданского права, − на что обращает внимание О. А. Кузнецова, − заключается, во-первых, в использовании их как критерия для совершенствования и толкования законодательства, а, во-вторых, в применении норм-принципов в качестве самостоятельной нормативной основы для вынесения судебного решения как формальных источников права» [612, л. 87].

Применительно к категории «принципы гражданского права», активно исследуемой в цивилистической доктрине, следует отметить, что первичное значение принципов состоит не в регулировании экономических отношений, что имманентно нормам гражданского права, а в

их использовании в качестве теоретической (научной) основы, определяющей направление развития гражданско-правового регулирования, применяемой в процессе формирования совокупности норм гражданского права, в связи с чем в нашем исследовании мы рассматриваем закрепленные в ст. 2 ГК нормы не как принципы права, а как императивные нормы первого типа (согласно нашей классификации), закрепленные в ГК и определяющие пределы гражданско-правого регулирования. «Принципы гражданского права, – отмечает А. Н. Климова, – лишь отражают прошедший через сознание людей опыт имущественных и связанных с ними личных неимущественных отношений» [634, с. 192], а «научное формулирование правового принципа, – отмечает В. Ф. Яковлев, – означает лишь констатацию воплощения в нормах права какой-то существенной черты общественных отношений… норма права отражает объективную основу… принципа, заключенную в самих… отношениях» [204, с. 57].

При этом, согласно верному утверждению Н. В. Сильченко, в современных правовых системах принципы права, как правило, закрепляются в нормативных правовых актах [635, с. 20], а «сознательно сформулированный в законе принцип позволяет раскрыть его наименьшим числом нормативных предписаний, значительно сократить физический объем текста закона…» [49, с. 207].

Таким образом, в ст. 2 ГК закреплены императивные гражданско-правовые нормы, отнесенные нами к нормам первого типа, являющиеся нормативной основой, устанавливающей пределы гражданско-правового регулирования, и в силу императивных норм, закрепленных в п. 2 ст. 5 ГК, служащие факультативным нормативным материалом, позволяющим определить права и обязанности участников гражданско-правового отношения в случае отсутствия прямых норм, либо регулирующих сходные отношения.

6.3.2. Нормативная основа «ограниченной диспозитивности» гражданско-правового регулирования: критический анализ

Руководствуясь тем, что в ст. 2 ГК закреплены императивные нормы, устанавливающие основы гражданско-правового регулирования, пределы государственного вмешательства в частные дела и самостоятельного усмотрения участников гражданско-правовых отношений,

название ст. 2 «Основные начала гражданского законодательства» и текст ч. 1 ст. 2 ГК, согласно которому *под основными началами гражданского законодательства понимается система принципов, определяющих и регламентирующих гражданские отношения*, следует признать сформулированными не совсем удачно и порождающими некоторые споры в цивилистике, на что обращает внимание Л. В. Щенникова [591].

Исходя из предназначения императивных норм анализируемой статьи, ее название, по нашему мнению, целесообразно изменить, например, на «Основы гражданско-правового регулирования», изложив ч. 1 ст. 2 ГК в следующей редакции: «*Гражданско-правовое регулирование основывается на признании:*» и далее привести в порядке перечисления императивные нормы, определяющие пределы гражданско-правового регулирования, соответствующие диспозитивному методу правового регулирования и позволяющие сформировать массив гражданско-правовых норм, соответствующий модели гражданского права современного демократического государства[110].

При этом императивные нормы, закрепленные в ст. 2 ГК, не должны подлежать изменению по соглашению сторон гражданско-правового отношения в рамках диспозитивного метода гражданско-правового регулирования, что при установленной презумпции диспозитивности гражданско-правовых норм следует закрепить нормативно.

Применительно к действующей системе гражданско-правового регулирования в ст. 2 ГК закреплен ряд императивных правовых норм, определяющих основы гражданско-правового регулирования, имманентные как диспозитивному, так и императивному методам правового регулирования, что, как уже отмечалось, является наследием советской цивилистической модели, негативно влияет на развитие гражданского и, как следствие, экономического оборота, противоречит предметно-методологической концепции деления права на отрасли, разработанной в конце 40-х – начале 50-х гг. XX в., что констатировалось нами выше и, согласно концепции нашего исследования, подлежит корректировке.

Так, к императивным нормам, закрепленным в ст. 2 ГК, поддерживающим диспозитивность гражданско-правового регулирования и основы частного права, следует отнести предписания, устанавливающие:

– равенство участников гражданских отношений;

– свободу договора;

– право беспрепятственного осуществления гражданских прав;

– неприкосновенность собственности;

[110] В указанном случае соответствующие изменения потребуется внести в ст. 5 ГК.

– запрет произвольного вмешательства в частные дела;

– право на судебную защиту нарушенных гражданских прав и законных интересов.

К правовым нормам, поддерживающим императивность гражданско-правового регулирования, следует отнести предписания, закрепляющие:

– социальную направленность регулирования экономической деятельности;

– приоритет общественных интересов.

Приведенные нормы обусловили предусмотренную в ГК и закрепленную в ст. 169 Кодекса презумпцию императивности норм гражданского права, без которой, на что указывалось выше, было бы невозможно обеспечить социальную направленность гражданско-правового регулирования с установленным приоритетом интересов общества над интересами отдельной личности.

Наряду с названными в ч. 3 ст. 2 ГК закреплены императивные нормы, согласно которым, с одной стороны, *участники гражданских правоотношений приобретают и осуществляют свои гражданские права своей волей и в своих интересах* (соответствует диспозитивному методу), а с другой – *они свободны в установлении своих прав и обязанностей на основе договора и в определении любых* (но) *не противоречащих законодательству условий договора* (имманентно императивному методу или «ограниченной диспозитивности» гражданско-правового регулирования).

Следовательно, свобода собственного усмотрения субъектов гражданского права в части установления своих прав и обязанностей ограничена как императивными, так и диспозитивными[111] нормами второго и третьего типов (согласно нашей классификации), закрепленными в любом из нормативных правовых актов системы гражданского законодательства. С одной стороны, императивные нормы, закрепленные в ст. 2 действующего ГК, устанавливают диспозитивность поведения участников экономической деятельности, а с другой, – изначально ограничивают пределы ее действия нормами, закрепленными в ГК и иных нормативных правовых актах системы гражданского законодательства. Причем следует учитывать, что императивные нормы, закрепленные в ст. 2 ГК, являясь нормами общего действия (первого типа), оказывающими нормативное воздействие на все гражданско-правовые отношения независимо от их вида, определяют дальнейшее развитие системы гражданского права и конкретизируются в соответ-

[111] Влияние диспозитивных норм на свободу собственного усмотрения субъектов гражданского права нами рассмотрено в § 3.2 главы 3 нашего исследования.

ствующих статьях ГК, нормы которых устанавливают «ограниченную диспозитивность», подчиняющую деятельность субъектов экономических отношений принципу «разрешено все, что прямо предусмотрено правовыми нормами».

При этом, согласно справедливому утверждению И. Б. Новицкого, опубликованному еще в 1916 г., «излишние стеснения оборота нежелательны и могут обессилить лучшие намерения законодателя…» [636, с. 147], что мы наблюдаем применительно к современному белорусскому гражданско-правовому регулированию.

Дальнейшее ограничение собственного усмотрения участников гражданско-правовых отношений поддерживается нормами, закрепленными в ст. 7 ГК, которые, с одной стороны, (п. 1 ст. 7 ГК[112]) допускают возникновение гражданских прав и обязанностей из действий, которые хотя и не предусмотрены нормами гражданского законодательства, но в силу его основных начал (согласно нашему предложению – основ гражданско-правового регулирования) порождают гражданские права и обязанности, а с другой – устанавливают нормативное ограничение, согласно которому гражданские права и обязанности могут возникать только из таких сделок, которые не противоречат нормам гражданского законодательства, т. е. нормам, закрепленным в нормативных правовых актах системы гражданского законодательства любой юридической силы.

Такой подход позволяет ограничить собственное усмотрение субъектов гражданского права, установленную в ГК свободу договора и инициативу любым нормативным правовым актом системы гражданского законодательства. Необходимо отметить, что анализируемые императивные правовые нормы (ч. 3 ст. 2 и п. 1 ст. 7 ГК) наряду с императивными нормами ст. 2 ГК являются основополагающими для развития всей системы гражданского права, определяющими суть гражданско-правового регулирования, устанавливающими объем гражданско-правовых возможностей участников экономических отношений, нормативно ограничивая его.

При этом указанные нормы в силу предоставляемой участникам гражданско-правовых отношений нормативно ограниченной вариативности поведения, позволяют теоретикам и практикам утверждать о

---

[112] 1. Гражданские права и обязанности возникают из оснований, предусмотренных законодательством, а также из действий граждан и юридических лиц, которые хотя и не предусмотрены им, но в силу основных начал и смысла гражданского законодательства порождают гражданские права и обязанности.

В соответствии с этим гражданские права и обязанности возникают:

1) из договоров и иных сделок, предусмотренных законодательством, а также из договоров и иных сделок, хотя и не предусмотренных законодательством, но не противоречащих ему…

диспозитивности гражданско-правового регулирования несмотря на то, что отдельные формулировки анализируемых норм, по нашему мнению, не соответствуют диспозитивному методу правового регулирования.

В частности, в рамках диспозитивного метода участникам экономических отношений должно быть предоставлено право устанавливать для себя любые права́ и обязанности, кроме тех, установление которых прямо запрещено нормами гражданского права. Диспозитивный метод правового регулирования предполагает предоставление субъектам гражданского права возможности инициативно действовать в рамках императива «разрешено все, что прямо не запрещено правовыми нормами», что не просматривается в действующей модели гражданско-правового регулирования и указывает на превалирование в современном гражданском праве императивных (публично-правовых) начал, что отмечается в юридической литературе.

Так, «социальная обусловленность использования и назначения публично-правовых начал в гражданском законодательстве, − по мнению В. И. Хавкина, − состоит в объективной необходимости государственной организации эффективного функционирования экономического оборота» [637, л. 8], т. е. обеспечения при помощи императивных правовых норм социальной направленности гражданско-правового регулирования и обеспечения приоритета государственных экономических интересов. При этом «основными видами публично-правового регулирования реализации гражданских прав, − согласно точке зрения В. И. Хавкина, − являются: государственная регистрация прав на недвижимое имущество и сделок с ним; государственная регистрация юридических лиц и индивидуальных предпринимателей…» [637, л. 9]. К указанным также следует отнести лицензирование, стандартизацию и иные формы государственного контроля за экономическим оборотом.

По сути, государственное вмешательство в частные дела в экономической сфере должно ограничиваться регистрацией участников экономической деятельности, организованной по заявительному принципу, лицензированием исключительно тех видов деятельности, в процессе осуществления которых может быть причинен вред государственным и общественным интересам (государственная безопасность, здоровье населения, благоприятная окружающая среда и т. п.)[113], стан-

[113] С 1998 г. с момента принятия действующего ГК в области лицензирования принимались Декрет № 17 (2003 г.), Указ № 450 (2010 г.) До этого действовало постановление Кабинета Министров Республики Беларусь № 456 от 25 августа 1995 г. [638]. В настоящее время готовятся новые изменения в сфере лицензирования. Такое активное нормотворчество свидетельствует о нестабильности законодательства в области лицензирования. При этом сокращения лицензируемых видов деятельности, как было обещано, при принятии каждого нового нормативного правового акта не наблюдается.

дартизацией отдельных видов выпускаемой продукции, в частности продуктов питания, медицинских препаратов, а также иной продукции, использование которой связано с возможностью причинения вреда здоровью или жизни человека, окружающей природной среде и т. п., но в разумных пределах.

Дальнейшее императивное воздействие на участников гражданско-правовых отношений усиливается нормами, закрепленными в ст. 169 ГК, согласно которым *сделка, не соответствующая требованиям законодательства, ничтожна, если законодательный акт не устанавливает, что такая сделка оспорима, или не предусматривает иных последствий нарушения*. Приведенная норма устанавливает общие основания ничтожности сделок [639], т. е. презумпцию императивности норм гражданского права, и, соответственно, может быть применена ко всем гражданско-правовым отношениям в случае несоответствия субъективных прав и юридических обязанностей их участников содержанию норм ГК и иных нормативных правовых актов, если их нормами не определены иные последствия несоответствия.

Исключение составляют формально диспозитивные норм, т. е. нормы, содержащие окончание «если иное не предусмотрено соглашением сторон». Активное государственное воздействие на участников экономических отношений в рамках системы гражданского права посредством установленной в ст. 169 ГК презумпции императивности гражданско-правовых норм требует «…от равноправных сторон договора обязательного согласования своих субъективных воль с волей законодателя…» [640, с. 60], что ограничивает свободу договора и сдерживает предпринимательскую инициативу.

Фактически нормами ст. 169 ГК судам предоставлена возможность признания недействительным любой гражданско-правовой договор, содержание которого не соответствует правилам участия в гражданско-правовых отношениях, закрепленным в ГК, что следует признать фактором, сдерживающим предпринимательскую инициативу, вынуждающим участников гражданско-правовых отношений подчинять содержание договора государственной воле, выраженной в гражданско-правовых нормах, а не экономической целесообразности и соответствующим ей собственным интересам, в которых субъекты гражданского права могут действовать в соответствии с нормами ст. 2 ГК. Исключение составляют диспозитивные нормы, которые допускают изменение своего содержания, но, как отмечалось выше, в пределах, определенных непосредственно диспозитивными нормами (диспозитивные нормы второго и третьего типов).

Изложенное позволяет сделать вывод, что содержание норм, ча-

стично закрепленных в ст. 2 ГК, а также норм ст. 7 и 169 ГК не соответствует диспозитивному методу гражданско-правового регулирования, а также предлагаемой нами концепции формирования системы норм гражданского права с нормативно установленной презумпцией их диспозитивности, о чем свидетельствуют выводы, сделанные в рамках проведенного и других наших исследований [17-А; 25-А; 31-А; 32-А; 34-А; 52-А; 54-А; 56-А; 70-А; 72-А; 75-А; 76-А; 77-А; 78-А].

В частности, нами установлено, что система гражданского права Беларуси, применяемые подходы к государственному регулированию экономических отношений не в полной мере соответствуют действительному предназначению гражданского права как основной отрасли частного права демократического государства, в определенной степени сдерживают частную предпринимательскую инициативу, что не может не отразиться на эффективности экономической деятельности, осуществляемой на государственной территории частными субъектами.

«…Сфера действия гражданского права, − отмечает Е. А. Флейшиц, − есть сфера проявления инициативы, поэтому никакое субъективное имущественное гражданское право ни за кем непосредственно не закреплено. Никакая соответствующая такому праву обязанность ни на кого законом непосредственно не возложена» [641, с. 13].

Следовательно, содержание анализируемых норм и, соответственно, применяемый в действующей системе гражданского права метод правового регулирования подлежат концептуальному изменению с целью приведения системы гражданского права в соответствие с требованиями гражданского оборота современного демократического государства посредством установления нормативно закрепленной презумпции диспозитивности норм гражданского права, что позволит по новому подойти к формированию всей совокупности гражданско-правовых норм, закрепленных в ГК.

6.3.3 Диспозитивность как характеристика метода гражданско-правового регулирования

В процессе формирования норм гражданского права, закрепленных в указанных статьях ГК, в соответствии с диспозитивным методом правового регулирования необходимо еще раз акцентировать внимание на том, что диспозитивный метод должен включать в свой состав такую совокупность правовых средств и в первую очередь норм граж-

данского права, которые способны нормативно обеспечить автономию субъектов гражданского права в процессе моделирования правил участия в гражданско-правовых отношениях, ограниченную императивными нормами, закрепленными в ст. 2 ГК и устанавливающими основы гражданско-правового регулирования.

В частности, описывая подходы к правовому регулированию в рамках диспозитивного метода, М. М. Агарков приводит известное утверждение И. А. Покровского, согласно которому «…государственная власть принципиально воздерживается от непосредственного и властного регулирования отношений; здесь она не ставит себя мысленно в положение единственного определяющего центра, а, напротив, предоставляет такое регулирование множеству иных мелких центров, которые мыслятся как некоторые самостоятельные социальные единицы, как субъекты права» [270, с. 32].

Приведенная цитата достаточно точно отражает основную роль государства в процессе государственного опосредования экономических отношений, очерчивает возможно допустимую степень вмешательства государства в частные дела и в совокупности с проведенным исследованием позволяет констатировать тот факт, что действующая система гражданского права Республики Беларусь в качестве основного определяющего центра рассматривает государство, которое, в свою очередь, в установленных им же пределах позволяет субъектам гражданского права некоторую вариативность поведения. Однако диспозитивный метод правового регулирования, составляющие его содержание правовые средства, в отличие от действующей системы гражданского права Беларуси, предполагают широкое свободное усмотрение субъектов, предоставляют им возможность отказа от реализации любых прав, в том числе предусмотренных императивными правовыми нормами, что обосновано нами выше, изменение императивов последних в соответствии с экономической целесообразностью конкретной гражданско-правовой связи и интересами ее участников, но в пределах, определенных основами гражданско-правового регулирования.

Исключение составляют императивные нормы первого типа, являющиеся нормами общего действия и служащие цели создания определенной модели поведения, обязательной для субъектов гражданского права, не содержащие запретов, не направленные непосредственно на защиту слабой стороны правоотношения, что обосновано выше.

Изложенное не позволяет согласиться с утверждением И. С. Лапшина, согласно которому «…отступление от правила, зафиксированного в императивной норме, противоправно…» [50, л. 64]. Приведенное утверждение противоречит сути диспозитивного метода правового

регулирования и основано исключительно на подходе к системе права и совокупности составляющих ее правовых норм, выработанном в советский период развития юридической науки.

Необходимо отметить, что в ходе проведения цивилистических исследований в постсоветский период развития юридической науки, исследования диспозитивного метода правового регулирования отдельные белорусские и российские ученые рассматривали принцип диспозитивности как основную составляющую диспозитивного метода и вносили предложения по его включению в ГК.

В частности, В. А. Витушко, рассматривая значение принципа диспозитивности, отмечает, что в соответствии с указанным принципом «…государство дозволяет субъектам гражданских правоотношений регулировать свои отношения по собственному усмотрению, даже иначе, чем это предусмотрено соответствующей диспозитивной нормой закона» [35, с. 126], что является абсолютно верным применительно к диспозитивному методу правового регулирования и основному императиву принципа диспозитивности «дозволено все, что прямо не запрещено правовыми нормами». В. Ф. Чигир относит принцип диспозитивности к иным принципам гражданского права и отмечает, что указанный принцип «проявляется в возможности выбора вариантов поведения. Участники гражданского правоотношения сами решают, вступать или не вступать в правоотношения, определяют свои права и обязанности, устанавливают пределы ответственности в случае невыполнения обязанностей по договору, решают вопрос, обращаться ли в суд за защитой своих прав, и т. п.» [642, с. 35].

О. А. Кузнецова определяет принцип диспозитивности как «…основное положение гражданского права, содержащее несколько юридических императивов, раскрывающих его содержание» [613, с. 87]. При этом «императивами принципа диспозитивности в гражданском праве, − согласно утверждению О. А. Кузнецовой, − являются:

1. Свобода субъектов гражданских прав в выборе вариантов правомерного поведения, в осуществлении наличных субъективных прав. <…>

2. Гражданское законодательство не должно принуждать к реализации субъективного гражданского права. <…>

3. Диспозитивность также предполагает юридическую свободу на стадии формирования конкретного гражданского правоотношения. <…>

4. Помимо воли управомоченного лица нельзя изменить содержание и объектно-субъектный состав гражданского правоотношения, в котором оно участвует» [613, с. 90−93].

А. Г. Плешанов подчеркивает, что «принцип диспозитивности… основополагающая идея, выражающая свободу субъективно заинтересованного лица определять формы и способы защиты нарушенного права…» [643, с. 8]; в соответствии с принципом диспозитивности «обладателю субъективного гражданского права принадлежит автономия распоряжения своим правом…» [644, с. 212], включая выбор между юрисдикционной формой защиты и самозащитой нарушенных прав, что применимо и к автономии его (права) реализации.

Особое проявление принцип диспозитивности получает в процессе применения субъектами гражданского права неюрисдикционной формы защиты, которая, согласно утверждению Е. В. Пронниковой, «включает в себя действия граждан и организаций, совершаемые ими самостоятельно и называемые самозащитой» [645, л. 29].

Р. Б. Брюхов внес предложение об изменении норм, закрепленных в п. 1 ст. 1 ГК Российской Федерации, включив в перечень принципов, на которых основывается гражданское законодательство, принцип диспозитивности гражданских прав [282, л. 49].

Однако следует отметить, что, по нашему мнению, внесение изменений только в нормы ст. 1 ГК, состоящих из фразы «диспозитивности гражданских прав» и без расшифровки императивов, составляющих принцип диспозитивности, не привнесет существенных изменений в процесс применения норм гражданского права, в процедуру моделирования участниками экономической деятельности своих гражданско-правовых отношений, в процедуру судебного разбирательства споров о праве гражданском в случае применения субъектами договорных конструкций, не предусмотренных нормами ГК.

Л. В. Щенникова предложила включить в ГК не принцип диспозитивности, а принцип «свободы усмотрения в реализации гражданских прав», который, по мнению ученого, указывает на диспозитивность в гражданско-правовом регулировании и поглощает принцип свободы договора [591, с. 51], что, по нашему мнению, также может иметь место.

Таким образом, с целью формирования совокупности гражданско-правовых норм соответствующей диспозитивной модели правового регулирования в первую очередь необходимо внести изменения в ст. 2 ГК, включая ее название, что обосновывалось выше. Цель внесения изменений состоит в том, чтобы закрепить в ГК юридически обеспеченную возможность участия субъектов экономической деятельности в любых общественных отношениях, подпадающих под определение предмета гражданско-правового регулирования, за исключением тех, участие в которых прямо запрещено нормами гражданского права, что следует признать квинтэссенцией диспозитивного метода правового регулиро-

вания, тем качеством гражданского права, которое определяет ее развитие, позволяет считать гражданское право непременным атрибутом гражданского общества и правового государства.

В ходе модернизации норм ст. 2 ГК необходимо учитывать, что в отличие от ГК Армении, Азербайджана, Казахстана, России, Украины в анализируемой статье ГК Беларуси (в ее действующей редакции) сделано указание на то, что гражданское законодательство основывается в том числе и на положениях Конституции, к которым, в частности, относятся закрепленные в ст. 2 ГК императивные нормы, устанавливающие верховенство права и социальную направленность регулирования экономической деятельности.

Встает логичный вопрос о том, имеет ли практическое регулятивное значение факт включения в ГК конституционных норм, если учесть, что Конституция наряду с другими системами возглавляет и систему гражданского законодательства, в Основном Законе закреплены нормы, определяющие общую направленность гражданско-правового регулирования общественных отношений, основы развития гражданского права. При этом Конституция обладает высшей юридической силой на территории Республики Беларусь, в том числе применительно к международным договорам, что подтверждается нормой п. 3 ст. 8 Конституции, согласно которой на территории Республики Беларусь не допускается заключение международных договоров, противоречащих Конституции.

К конституционным нормам, определяющим направления развития системы гражданского права, относятся следующие:

– норма, закрепленная в ст. 1 Конституции, послужившая основой закрепления в ст. 2 ГК императива социальной направленности регулирования экономической деятельности. Так, в ст. 1 Конституции закреплено правило, в соответствии с которым Республика Беларусь признает себя унитарным демократическим социальным правовым государством, а в ст. 2 ГК закреплена соответствующая императивная норма, согласно которой направление и координация государственной и частной экономической деятельности обеспечиваются государством в социальных целях;

– норма, закрепленная в ст. 7 Конституции, согласно которой в Республике Беларусь устанавливается верховенство права, в соответствии с которой в ст. 2 ГК закреплена императивная норма, устанавливающая верховенство права в качестве приоритета гражданско-правового регулирования. Это означает, что все участники гражданских отношений, в том числе государство, его органы и должностные лица, обязаны действовать в пределах Конституции и принятых в соответствии с ней нормативных правовых актов системы гражданского законодательства;

– норма ст. 13 Конституции, согласно которой государство предоставляет всем равные права для осуществления хозяйственной и иной деятельности, кроме запрещенной правовыми нормами, и гарантирует равную защиту и равные условия для развития государственной и частной форм собственности. Логическим продолжением приведенной конституционной нормы является закрепленная в ст. 2 ГК императивная норма, устанавливающая равенство участников гражданских отношений, в соответствии с чем субъекты гражданского права участвуют в гражданских отношениях на равных, равны перед законом, не могут пользоваться преимуществами и привилегиями, противоречащими правовым нормам, и имеют право без всякой дискриминации на равную защиту прав и законных интересов;

– нормы ст. 21 и 22 Конституции, согласно которым государство гарантирует права и свободы граждан Беларуси, закрепленные в Конституции, законах и предусмотренные международными обязательствами государства, констатирует равенство всех перед законом и предоставляет всем право без всякой дискриминации на равную защиту прав и законных интересов. На основе указанных конституционных норм в ГК закреплена норма, предоставляющая юридически обеспеченную возможность беспрепятственного осуществления гражданских прав, обеспечения восстановления нарушенных прав, их судебной защиты, в соответствии с чем граждане и организации имеют право осуществлять защиту гражданских прав в суде и иными способами, предусмотренными правовыми нормами, а также самозащиту гражданских прав с соблюдением пределов, определенных нормами гражданского права;

– нормы ст. 28–31 Конституции, которые гарантируют гражданам Республики Беларусь и иным физическим лицам определенный набор личных прав, основываясь на положениях которых в ГК закреплена недопустимость произвольного вмешательства в частные дела, в соответствии с чем вмешательство в частные дела не допускается, за исключением случаев, когда такое вмешательство осуществляется на основании правовых норм в интересах национальной безопасности, общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав и свобод других лиц;

– норма ст. 44 Конституции, гарантирующая каждому право собственности и ее неприкосновенность. В соответствии с приведенной конституционной нормой в ст. 2 ГК закреплена императивная норма, устанавливающая неприкосновенность собственности и гарантирующая защиту права собственности, приобретенной законным путем, от противоправных посягательств.

Учитывая изложенное, роль конституционных норм и, следовательно, Конституции как нормативного правового акта, обладающего на территории Республики Беларусь высшей юридической силой, в осуществлении правового регулирования экономических отношений трудно переоценить. Благодаря главенствующему положению Конституции в системе законодательства Республики Беларусь нормы, закрепленные в Основном Законе Республики Беларусь, обладают высшей юридической силой и, таким образом, оказывают определяющее воздействие на развитие системы гражданского права нашего государства.

В соответствии с конституционными нормами устанавливаются функции гражданского права, пределы его воздействия на участников регулируемых общественных отношений и пределы вмешательства государства в гражданско-правовые отношения, являющиеся в основе своей частными.

Указанное главенствующее положение Основного Закона закреплено в ст. 137 Конституции, ст. 2 Закона о НПА, а также в п. 2 ст. 3 ГК.

Согласно нормам указанных нормативных правовых актов в случае расхождения акта законодательства с Конституцией действует Конституция.

В заключение следует отметить тот факт, что Конституция, по нашему мнению, является нормативным правовым актом, стоящим над всей системой законодательства, определяющим направления развития отраслевых систем законодательства, таких как система гражданского, административного, финансового, трудового и иного законодательства, а также комплексных правовых образований, таких как система хозяйственного, банковского, инвестиционного и иного законодательства. Конституция, согласно утверждению Г. А. Василевича, «…является главным, основным законом государства… на ее основе формируется вся система текущего законодательства. <…> Конституцию нередко называют ядром правовой системы…» [646, с. 16].

На основании того, что Конституция имеет верховенство над любым нормативным правовым актом, входящим в любую отраслевую систему законодательства, в любое комплексное правовое образование, можно сделать вывод о необоснованности включения Конституции Республики Беларусь в систему как гражданского законодательства (ст. 3 ГК), которую, безусловно, должен возглавлять Гражданский кодекс Республики Беларусь, на что указывалось выше, а также конституционных норм в ст. 2 ГК, на что указывает Н. Л. Бондаренко [37, с. 60; 647, с. 5]. Исключение из ГК императивных норм, дублирующих положения Конституции, будет способствовать экономии нормативного материала, упростит и систематизирует процесс правоприменения.

При этом исключение конституционных норм ни в коем случае не снизит степень влияния Конституции на содержание и состав норм гражданского права. После исключения из ст. 2 ГК конституционных норм необходимо привести ее содержание в соответствие с нашей концепцией формирования системы норм гражданского права, основанной на презумпции их диспозитивности и в целом на диспозитивном методе правового регулирования, поддерживающем приоритет личности. С этой целью в первую очередь следует изменить закрепленные в ст. 2 ГК нормы, устанавливающие приоритет общественных интересов, что не свойственно развитым демократиям.

В частности:

– параграф 3 ГК Чехии очевидно устанавливает приоритет интересов личности, указывая в ч. 1, что *частное право защищает достоинство и свободу человека и его естественное право заботиться о собственном счастье и счастье его семьи…* При этом к основам гражданско-правового регулирования, закрепленным в ч. 2 § 3, относятся следующие:

а) каждый имеет право на защиту своей жизни, здоровья, свободы, чести и достоинства, неприкосновенность частной жизни;

б) семья, материнство и супружество находятся под специальной охраной;

в) вследствие недостатка возраста, интеллекта или зависимости своего положения никому не должен быть причинен необоснованный ущерб…

Из приведенных норм очевидно следует направленность гражданского права Чехии на всемерную охрану и защиту интересов личности, но не общественных интересов, на защите которых должны стоять нормы публично-правовых отраслей;

– пункт 1 ст. 1 ГК Украины указывает, что в первую очередь гражданским законодательством регулируются личные неимущественные, а уже потом имущественные отношения, а ст. 3 ГК Украины на первом месте закрепляет в качестве основ гражданско-правового регулирования недопустимость произвольного вмешательства в сферу личной жизни человека. Установленный ГК Украины подход очевидно указывает на приоритет интересов личности в сфере гражданско-правового регулирования экономических отношений;

– первый том ГК Франции называется «Лица», а его начальные статьи определяют, что каждый француз пользуется гражданскими правами (ст. 8), имеет право на уважение своей частной жизни (ст. 9) и на соблюдение презумпции невиновности (ст. 9^1).

Таким образом, первые статьи (как и первый том) ГК Франции в качестве приоритета гражданско-правового регулирования устанавли-

вают права личности, но не общества или государства, что присуще гражданскому праву как атрибуту демократического управления, ставящего основной целью построение гражданского общества и правового государства;

– гражданский кодекс Бразилии построен на «…концепциях материальной этики, которая видит главным благом человеческое достоинство…» [648, с. 238];

– модельные правила европейского частного права в ст. 1:102 «Толкование и применение» закрепляют правило, согласно которому «они должны пониматься в свете применимых актов, гарантирующих права и фундаментальные свободы человека…» [649, с. 106].

Приведенные примеры свидетельствуют, что в гражданских кодексах многих государств закреплен приоритет прав и интересов личности и нет норм, устанавливающих приоритет общественных интересов, что, как уже отмечалось, не свойственно гражданскому праву как системе, предназначенной для урегулирования экономических отношений, возникающих между отдельными субъектами.

Следует отметить, что в соответствии с нормами, закрепленными в Конституции, общество должно создавать условия для достойного развития человека, который является первичным и самым главным элементом социума как системного образования, а государство при осуществлении правового регулирования складывающихся на его территории общественных отношений в первую очередь обязано учитывать интересы отдельного члена общества, т. е. частные интересы, для чего, собственно, оно (государство) и создано. Однако исходя из действующего содержания анализируемых императивных норм, белорусское государство в своей деятельности в первую очередь ориентируется на общественные и, как следствие, государственные интересы, а не на интересы отдельных членов общества.

Необходимо отметить, что правовые нормы, закрепленные в ст. 2 ГК, по сути, устанавливают соотношение частных и публичных интересов, при очевидном предпочтении последних. При этом спор о том, чьим интересам в процессе осуществления государственного регулирования общественных отношений необходимо отдать приоритет, как соотнести интересы отдельной личности с интересами общества и государства, ведется еще со времен Древнего Рима. При разрешении поставленного вопроса необходимо учитывать, что гражданское право является классическим примером частного права и, следовательно, его нормы должны в первую очередь учитывать частные интересы, т. е. интересы отдельной личности [24-А, с. 75−76]. Кроме того, императивные нормы, закрепленные в абз. 3 ч. 2 ст. 2 ГК, предписывающие, что осуществление граждан-

ских прав не должно противоречить общественной пользе, в некоторой степени противопоставлены нормам ст. 2 Конституции, которые определяют человека, его права, свободы и гарантии их реализации как высшую ценность и цель общества и государства.

В Основном Законе Беларуси вообще отсутствует подтверждение закрепленного в ГК тезиса о приоритете общественных интересов, а в ст. 23 Конституции, согласно нормам которой «*ограничение прав и свобод личности допускается только в случаях, предусмотренных законом, в интересах национальной безопасности, общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав и свобод других лиц*», закреплен закрытый перечень случаев ограничения прав и свобод личности, на что обращает внимание Н. Л. Бондаренко [37, с. 62], предлагающая исключить принцип приоритета общественных интересов из системы принципов гражданского права [37, с. 63], что может иметь место при определенных условиях развития экономических отношений.

Предлагаемая нами модель гражданско-правового регулирования предполагает поддержание баланса между экономическими интересами государства, общества и частными интересами в процессе осуществления экономической деятельности, что, по нашему мнению, в современных условиях общественного развития является необходимым и обусловлено длительным, включая советский период, воздействием на наше правосознание гражданского права, поддерживающего презумпцию императивности гражданско-правовых норм, «нормативно ограниченную диспозитивность» правового регулирования и учитывающего в первоочередном порядке интересы государства, общества, но не отдельной личности.

На необходимость в современных условиях экономического развития учета общественных интересов в процессе осуществления экономической деятельности указывает Л. В. Щенникова [217, с. 213].

Следовательно, в ст. 2 ГК вместо императивных норм, устанавливающих приоритет общественных интересов и необходимость осуществления гражданских прав таким образом, чтобы это не противоречило общественной пользе, необходимо закрепить императивные нормы, устанавливающие в качестве основ гражданско-правового регулирования оптимальное соотношение частных и публичных интересов.

Необходимость сочетания частных и публичных интересов в процессе современного гражданско-правового регулирования констатирует Л. В. Щенникова [591, с. 57].

Аналогичную точку зрения высказывает Рут ванн дер Пол, согласно утверждению которого Гражданский кодекс должен «…обеспечить защиту необходимых свобод… без которых торговля не может суще-

ствовать, но он должен также ограничить эти свободы, чтобы… защитить интересы более слабой стороны. <…> Одной из главных задач законодательства является достижение баланса в этих вопросах» [650].

В соответствии с указанными нормами субъекты гражданского права, приобретая и осуществляя свои гражданские права и обязанности, обязаны учитывать публичные интересы (интересы общественной безопасности, охраны окружающей среды, историко-культурных ценностей, другие общественно значимые интересы), не должны ущемлять права и защищаемые законом интересы других лиц; государство в процессе реализации функций государственного управления экономикой обязано учитывать частные интересы.

На целесообразность исключения из ст. 2 ГК норм, устанавливающих приоритет общественных интересов над интересами отдельной личности, указывает В. А. Витушко [651, с. 51].

Предлагаемый нами подход к установлению основ гражданско-правового регулирования может служить переходным положением от гражданского права, устанавливающего приоритет интересов государства к гражданскому праву, поддерживающему приоритет интересов личности, что мы наблюдаем в гражданских кодексах стран с развитой системой демократического управления.

Далее в ст. 2 ГК (в новую редакцию) необходимо включить императивные нормы, закрепляющие диспозитивность гражданских прав, в соответствии с которой субъектам гражданского права будет предоставлена полная свобода в установлении и осуществлении любых гражданских прав и обязанностей, за исключением тех, установление и (или) осуществление которых прямо запрещено нормами гражданского права [54-А, с. 123], что позволит ограничить усмотрение участников экономической деятельности в процессе моделирования своих прав и обязанностей в рамках договорного правоотношения императивными нормами, закрепленными в ст. 2 ГК (в новой редакции) и устанавливающими основы гражданско-правового регулирования, но не включенными в ГК диспозитивными правовыми нормами.

Обоснованный нами подход в полной мере будет соответствовать диспозитивному методу правового регулирования, отражать нормативно установленную презумпцию диспозитивности гражданско-правовых норм и способствовать формированию системы гражданского права, из которой диспозитивные нормы в классическом их понимании могут быть исключены [55-А, с. 96].

Нормативно закрепленная в ГК диспозитивность поведения участников экономических отношений позволит им при заключении поименованных (включенных в ГК) договоров при необходимости изменять

содержание закрепленных в ГК норм о соответствующем типе или виде договора, что в корреляции с нормативно установленной свободой договора создаст оптимальные условия эффективного участия в экономических отношениях, направленные на учет индивидуальных экономических особенностей и предпочтений договаривающихся сторон.

В качестве следующей обязательной составляющей, направленной на формирование системы гражданского права в рамках диспозитивного метода с установленной презумпцией диспозитивности гражданско-правовых норм, следует назвать нормативно закрепленную инициативу субъектов гражданского права, в соответствии с которой участникам экономической деятельности будет предоставлено право приобретения и осуществления своих гражданских прав и исполнения обязанностей по собственной инициативе, на основании свободно сформированной воли и в своих интересах.

Такой подход в совокупности с императивными нормами, устанавливающими оптимальное соотношение частных и публичных интересов, свободу договора и запрет произвольного вмешательства в личную сферу человека предоставит участникам экономической деятельности юридически обеспеченную возможность реализации или отказа от реализации субъективных гражданских прав. Исключение должны составить случаи, когда гражданские обязанности возлагаются на субъекта на основании решения суда [56-А, с. 96].

Наряду с предложенными изменениями необходимо императивные нормы, закрепляющие презумпцию добросовестности и разумности участников гражданско-правовых отношений, скорректировать таким образом, чтобы в ГК была закреплена обязанность субъектов гражданского права придерживаться добрых нравов в ходе осуществления экономической деятельности и подчинять условия заключаемых гражданско-правовых договоров требованиям разумности, что присуще современным системам гражданского права.

«…Привычной для практики применения ЕТК США, – отмечает Л. В. Щенникова, – является аргументации, основанная на “доброй совести”, “коммерческой разумности”… и действительной цели» [591, с. 47]. На необходимость корректировки норм ст. 2 ГК в указанной части обращает внимание Н. Л. Бондаренко, согласно предложению которой «закрепленный в ст. 2 ГК принцип добросовестности и разумности участников гражданских правоотношений должен приобрести значение, созвучное конституционному принципу: “При осуществлении своих прав и обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно и разумно, их поведение не должно ущемлять права и защищаемые законом интересы других лиц”» [37, с. 104].

Действующая редакция анализируемой нормы не содержит императива, возлагающего на субъекты гражданского права обязанность действовать добросовестно и разумно в процессе моделирования своих правоотношений, и одновременно устанавливает презумпцию добросовестности и разумности участников экономической деятельности.

Вместе с тем следует отметить, что «признание субъекта добросовестным либо недобросовестным, – согласно верному утверждению А. В. Волкова, – означает по факту признание его поведения правомерным либо неправомерным» [652, с. 49], а согласно выводам, полученным А. Я. Рыженковым, добросовестным следует считать поведение, при котором отсутствует намеренное причинение вреда интересам других субъектов гражданского права, соблюдается баланс интересов участников гражданско-правового отношения, отсутствуют излишние обременения для кого-либо из них, поведение является правомерным, соблюдаются принятые деловые обыкновения [653, с. 71].

По нашему мнению, закрепление презумпции добросовестности и разумности субъекта без возложения соответствующей обязанности не создает правовых предпосылок добросовестного поведения участников экономических отношений, лишает суд в процессе разрешения спора о праве гражданском эффективного правового инструментария, способствующего выявлению соответствия договорных условий, сформулированных сторонами правоотношения, основному смыслу гражданского права, на что указывается в юридической литературе.

Так, согласно утверждению Н. Л. Бондаренко, «…отсутствие возможности на законодательном уровне дать определение терминам “добросовестность” и “разумность” свидетельствуют о необходимости доктринальной разработки указанных понятий» [37, с. 104].

При этом В. С. Каменков указывает, что «было бы правильным, если бы законодатель предусмотрел общее правило о принципе добросовестности при заключении договора в тексте закона…» [40, с. 66].

Следует отметить, что в ст. 1 ГК Российской Федерации Федеральным законом от 30 декабря 2012 г. № 302-ФЗ была включена норма, в соответствии с которой «при установлении, осуществлении и защите и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно». «Таким образом, – отмечает В. В. Витрянский, – принцип добросовестности введен в ранг принципов гражданского законодательства и должен служить ориентиром поведения всех участников имущественного оборота» [654, с. 57], что, согласно утверждению Р. А. Мерзликиной, соответствует современной доктрине гражданского права и присуще гражданскому законодательству большинства зарубежных стран [655, с. 51].

6.3.4 Практико-ориентированные меры, направленные на модернизацию гражданско-правовых норм, закрепленных в ГК

Проведенное исследование, внесенные в его рамках предложения и сделанные выводы позволяют нам в целях формирования системы норм гражданского права, соответствующей диспозитивному методу правового регулирования с закрепленной в ГК презумпцией диспозитивности гражданско-правовых норм, обеспечивающих инициативное поведение субъектов гражданского права в рамках свободы договора, предложить новую редакцию ст. 2 ГК, включая ее название.

Статья 2. Основы гражданско-правового регулирования

1. Гражданско-правовое регулирование основывается на признании:

достоинства и свободы человека, его фундаментальных прав, недопустимости их нарушения;

недопустимости произвольного вмешательства в личную сферу человека;

диспозитивности гражданских прав;

инициативы субъектов гражданских прав;

юридического равенства участников гражданских отношений;

свободы договора;

свободы осуществления предпринимательской деятельности, движения финансов, товаров, работ и услуг;

необходимости осуществления гражданских прав и исполнения обязанностей в соответствии с добрыми нравами, требованиями разумности, справедливости и здравым смыслом в условиях делового сотрудничества;

необходимости оптимального соотношения частных и публичных интересов;

возможности беспрепятственного осуществления гражданских прав;

возможности восстановления нарушенных гражданских прав, их судебной защиты;

неприкосновенности имущества, вещные права на которое приобретены законным путем.

2. В соответствии с основами гражданско-правового регулирования участники гражданско-правовых отношений:

вправе рассчитывать на то, что их фундаментальные права и свободы будут соблюдаться всеми участниками гражданско-правовых отношений, включая государство и его органы;

гарантированы от произвольного вмешательства в их личную сфе-

ру, за исключением случаев, когда такое вмешательство осуществляется на основании решения суда, принятого в интересах национальной безопасности, общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав и свобод других лиц;

свободны в установлении и осуществлении любых гражданских прав и обязанностей, в том числе на основе договора и в определении любых не противоречащих основам гражданско-правового регулирования (пункт 1 статьи 2) условий договора. Исключение составляют права и обязанности, установление и (или) осуществление которых противоречит добрым нравам, морали и нравственности либо прямо запрещено нормами гражданского права;

приобретают и осуществляют свои гражданские права и обязанности по собственной инициативе, на основании свободно сформированной воли и в своих интересах (за исключением случаев, когда гражданские обязанности возлагаются на участника гражданско-правовых отношений решением суда), по собственной инициативе принимают решение об отказе от реализации принадлежащих им гражданских прав при условии соблюдения прав и законных интересов других лиц;

участвуют в гражданских отношениях на равных, равны перед законодательством, не могут пользоваться преимуществами и привилегиями, противоречащими законодательству, имеют право без всякой дискриминации на равную защиту прав и законных интересов;

свободны в заключении договора; понуждение к заключению договора не допускается за исключением случаев, когда обязанность заключить договор предусмотрена нормами законодательства или добровольно принятым обязательством;

свободны в осуществлении предпринимательской деятельности, вправе рассчитывать на свободное перемещение финансов, товаров, работ и услуг без всякой дискриминации; обязаны сотрудничать друг с другом с целью надлежащего исполнения взятых на себя обязательств;

устанавливая и реализуя свои гражданские права, исполняя обязанности, должны действовать в соответствии с требованиями разумности, справедливости и здравым смыслом; добросовестность и разумность участников гражданских правоотношений предполагается, поскольку не установлено иное;

приобретая и осуществляя свои гражданские права и обязанности, должны учитывать публичные интересы (интересы общественной безопасности, охраны окружающей среды, историко-культурных ценностей, другие общественно значимые интересы), не могут совершать действия, направленные на ущемление прав и защищаемых зако-

ном интересов других лиц; государство в процессе реализации функций государственного управления экономикой обязано учитывать не противоречащие интересам общества частные интересы;

вправе осуществлять защиту гражданских прав в суде и иными способами, предусмотренными законодательством, а также самозащиту гражданских прав с соблюдением пределов, определенных гражданско-правовыми нормами, могут рассчитывать на то, что спор о праве гражданском будет разрешен судом в соответствии с нормами гражданского права и законными ожиданиями сторон;

имеют право на охрану и защиту государством имущества, вещные права на которое приобретены законным путем; неприкосновенность имущества гарантируется, а принудительное отчуждение допускается лишь по мотивам общественной необходимости при соблюдении условий и порядка, определенных законом, со своевременным и полным компенсированием стоимости отчужденного имущества либо согласно постановлению суда.

3. Нормы, устанавливающие основы гражданско-правового регулирования, изменению по соглашению участников гражданско-правовых отношений не подлежат.

Императивные нормы, закрепленные в измененной редакции ст. 2 ГК, устанавливают приоритет личности в процессе гражданско-правового регулирования, направлены на создание оптимальных условий участия в экономических и опосредующих их гражданско-правовых отношениях, возникающих на территории Республики Беларусь, на основе диспозитивного метода правового регулирования, предоставленной субъектам гражданского права широкой свободе собственного усмотрения, в условиях оптимального сочетания частных и публичных интересов, в соответствии с добрыми нравами, требованиями разумности, справедливости и здравым смыслом.

Замена в императивных нормах, устанавливающих неприкосновенность собственности (ст. 2 действующей редакции), оборота «неприкосновенность собственности» на оборот «неприкосновенность имущества» (ст. 2 новой редакции) расширяет границы применения анализируемых норм, позволяет распространить их действие на имущество, приобретенное как на праве собственности, так и на ином вещном праве (например, праве хозяйственного ведения, оперативного управления), и также по основаниям, вытекающим из гражданско-правовых обязательств (например, из договора аренды, ссуды, договора о совместной деятельности).

Предложенный подход, наряду с корректировкой отдельных норм ГК, позволит сформировать совокупность норм гражданского права,

соответствующую системам гражданского права современных развитых демократий, ставящую во главу гражданско-правового регулирования человека, его права и свободы, поддерживающую развитие экономических отношений в рамках разумного и справедливого партнерства как частных лиц между собой, так и с государством, основанного на существующих в обществе добрых нравах.

Кроме того, предложенный нами подход к содержанию императивных норм, закрепленных в ст. 2 ГК, во-первых, снимет существующую в цивилистике полемику относительно понятия и предназначения в гражданском праве как отрасли частного права такой категории, как «принципы права», которая займет соответствующее ей место в цивилистической доктрине в качестве научно обоснованного направления формирования системы гражданского права, во-вторых, с учетом измененного названия ст. 2 ГК отменит необходимость сопоставления в рамках научных исследований таких категорий цивилистической науки, как «основные начала гражданского права» и «принципы гражданского права».

Наряду с указанным измененная редакции ст. 2 ГК является правовой основой дальнейшего процесса формирования совокупности норм гражданского права в определенном нами направлении, для дальнейшей реализации которого необходимо в соответствии с обоснованными нами изменениями содержания и состава императивных правовых норм, устанавливающих основы гражданско-правового регулирования, закрепленных в ст. 2 ГК, внести изменения в ряд правовых норм ГК, признанных наряду с нормами ст. 2 ГК системообразующими, оказывающими непосредственное влияние на объем правовых возможностей участников экономической деятельности, процедуру применения норм гражданского права, что в совокупности с нормами ст. 2 ГК позволит сформировать систему гражданско-правовых норм, необходимую в современных экономических условиях.

Так, в первую очередь, на что указывалось выше, изменения следует внести в нормы, закрепленные в п. 2 ст. 5, абз. 1 ч. 2 п. 1 ст. 7, ст. 169, 391, 392 ГК.

Непосредственно при помощи норм указанных статей в действующей редакции ГК установлена и поддерживается презумпция императивности норм гражданского права, приоритет государственной воли и общественных интересов над волей и интересами отдельного частного лица, отдельного хозяйства.

Нормы ст. 5 ГК[114] необходимо скорректировать с учетом изменений норм п. 1 ст. 5, предложенных нами выше.

Статья 5. Применение норм гражданского законодательства по аналогии

1. В случаях, когда предусмотренные статьей 1 настоящего Кодекса отношения прямо не урегулированы правовыми нормами, соглашением сторон или правовым обычаем, к таким отношениям, поскольку это не противоречит их существу, применяется норма гражданского права, регулирующая сходные отношения (аналогия закона).

2. Спор о праве гражданском, возникший между субъектами на основе заключенного между ними договора либо односторонней сделки, не предусмотренными ГК при отсутствии нормы, регулирующей сходные отношения, разрешается судом в соответствии с основами гражданско-правового регулирования (статья 2), добрыми нравами, требованиями разумности, справедливости и здравым смыслом (аналогия права) [31-А, с. 64; 32-А, с. 53].

3. Не допускается применение по аналогии норм, ограничивающих гражданские права и устанавливающих ответственность, а также норм, устанавливающих исключения из общего правила (исключительных норм).

4. Нормы, закрепленные в пунктах 1–3 настоящей статьи, изменению по соглашению сторон не подлежат.

При этом под добрыми нравами следует понимать «…обычаи, имеющие нравственное значение, общественные привычки людей, подвергаемые моральной оценке…» [656, с. 153], а такие категории, как «добросовестность» и «разумность», следует рассматривать в качестве критериев реализации субъективных гражданских прав [657, с. 95].

Предлагаемые нами изменения ст. 5 ГК, во-первых, направлены на приведение указанных норм в соответствии с установившимся в теории цивилистики разделением двух систем: системы права и системы законодательства, во-вторых, позволяют в процессе разрешения спора о праве гражданском прибегать к правовым обычаям в случае отсут-

---

[114] *Действующая редакция*:

1. В случаях, когда предусмотренные статьей 1 настоящего Кодекса отношения прямо не урегулированы актами законодательства или соглашением сторон, к таким отношениям, поскольку это не противоречит их существу, применяется норма гражданского законодательства, регулирующая сходные отношения (аналогия закона).

2. При невозможности использования в указанных случаях аналогии закона права и обязанности сторон определяются исходя из основных начал и смысла гражданского законодательства (аналогия права).

3. Не допускается применение по аналогии норм, ограничивающих гражданские права и устанавливающих ответственность.

ствия правовых норм, в-третьих, приводят содержание норм ст. 5 ГК в соответствие с изменениями, внесенными нами в нормы ст. 2 ГК, в том числе устанавливают необходимость руководствоваться добрыми нравами, требованиями разумности, справедливости и здравым смыслом в процессе разрешения спора о праве гражданском по аналогии права.

Кроме того, нормы ст. 5 ГК в предлагаемой нами редакции наряду с нормами, ограничивающими гражданские права и устанавливающими ответственность, нормативно закрепляют запрет на применение по аналогии норм, устанавливающих исключения из общего правила, что, по нашему мнению, направлено на совершенствование процесса правоприменения и рассмотрения споров в суде.

Следует отметить, что необходимость внесения изменений в ст. 5 ГК обосновывается в юридической литературе. Так, Н. Л. Бондаренко предлагает «…изложить п. 2 ст. 5 ГК в следующей редакции: "При невозможности использования в предусмотренных случаях аналогии закона права и обязанности сторон определяются исходя из смысла гражданского законодательства (аналогия права)"» [37, с. 48–49], что свидетельствует о назревшей необходимости модификации указанных норм гражданского права.

Наряду с изменением содержания норм ст. 5 ГК, нами ранее было предложено включить в состав ГК статью 5^1, устанавливающую запрет на отказ в осуществлении гражданского правосудия, что было предметом обсуждения в юридической литературе. В частности, В. С. Каменков указывает, что согласно ст. 60 Конституции «…право на судебную защиту не ставится в зависимость от степени разработанности правового регулирования тех или иных правоотношений» [658, с. 7] и, следовательно, любой возникший и поступивший на рассмотрение суда спор о праве гражданском должен быть рассмотрен по существу, что нормативно отражено в предложенной нами редакции статьи.

Далее, согласно обоснованной нами концепции формирования совокупности норм гражданского права, с целью изменения применяемого метода правового регулирования и придания системе гражданского права качеств отрасли, регулирующей частные экономические отношения в условиях демократического политического управления, следует скорректировать отдельные нормы, закрепленные в ст. 7 ГК, определяющие наряду с нормами, закрепленными в ст. 2, 169, 391 и 392 ГК, пределы собственного усмотрения сторон, а по сути, пределы диспозитивности гражданско-правового регулирования.

В частности, в соответствии с необходимостью установления пределов собственного усмотрения участников гражданско-правовых от-

ношений, ограниченных основами гражданско-правового регулирования, выраженными императивными правовыми нормами, закрепленными в ст. 2 ГК, необходимо изложить в измененной редакции следующие нормы, закрепленные в ст. 7 ГК «Основания возникновения гражданских прав и обязанностей», в частности:

– часть 1 п. 1 ст. 7 ГК[115]:

1. Гражданские права и обязанности возникают из оснований, предусмотренных нормами гражданского права, а также из действий граждан и юридических лиц, которые хотя и не предусмотрены ими, но в силу основ гражданско-правового регулирования порождают гражданские права и обязанности;

– абзац 1 ч. 2 п. 1 ст. 7 ГК[116]:

1) из договоров и иных сделок, предусмотренных нормами гражданского права, а также из договоров и иных сделок, хотя и не предусмотренных нормами гражданского права, но не противоречащих основам гражданско-правового регулирования (статья 2), добрым нравам, требованиям разумности, справедливости и здравому смыслу [4-А].

Предложенные нами изменения направлены на унификацию норм ст. 7 с нормами, включенными нами в ст. 2 и 5 ГК в рамках единого подхода к формированию норм гражданского права, основанного на диспозитивном методе правового регулирования с установленной презумпцией диспозитивности норм гражданского права. В соответствии с предложенной редакцией:

– во-первых, устанавливается существующее в цивилистической доктрине соотношение понятий «система права» и «система законодательства»;

– во-вторых, участникам гражданско-правовых отношений предоставляется право заключения непоименованных договоров (не предусмотренных ГК), содержание которых обусловлено не рамками правовых норм, закрепленных в нормативных правовых актах обширной системы гражданского законодательства, а рамками основ гражданско-правового регулирования, т. е. императивными нормами, закрепленными в ст. 2 ГК;

---

[115] *Действующая редакция*:

1. Гражданские права и обязанности возникают из оснований, предусмотренных законодательством, а также из действий граждан и юридических лиц, которые хотя и не предусмотрены им, но в силу основных начал и смысла гражданского законодательства порождают гражданские права и обязанности.

[116] *Действующая редакция*:

1) из договоров и иных сделок, предусмотренных законодательством, а также из договоров и иных сделок, хотя и не предусмотренных законодательством, но не противоречащих ему;

– в-третьих, сделано указание на необходимость соответствия непоименованных договоров добрым нравам, требованиям разумности, справедливости и здравому смыслу, что является квинтэссенцией предлагаемой нами парадигмы гражданского права.

Последующее закрепление в ГК презумпции диспозитивности гражданско-правовых норм необходимо проводить в рамках изменения норм, закрепленных в ст. 169 ГК[117] и устанавливающих (в действующей редакции) презумпцию императивности норм гражданского права.

В частности, нами предлагается изложить нормы ст. 169 ГК, включая ее название, в следующей редакции.

Статья 169. Сделка и нормы гражданского законодательства

1. Юридически значимые действия сторон сделки признаются правомерными, если иное не установлено решением суда.

2. Сделка, не соответствующая обязательным требованиям, установленным правовыми нормами, оспорима, если законодательный акт не устанавливает иных последствий нарушения, а требованиям основ гражданско-правового регулирования (статья 2 настоящего Кодекса) – ничтожна.

3. Сделка, не соответствующая обязательным требованиям правовых норм, является ничтожной в случаях, прямо указанных правовыми нормами.

4. Нормы пунктов 1–3 настоящей статьи применяются к договорам.

В соответствии с предложенными изменениями:

– во-первых, закреплена презумпция правомерности действий сторон сделки, направленных на установление, изменение и прекращение гражданских прав и обязанностей, что корреспондирует с предусмотренной нормами ст. 2 ГК обязанностью субъектов действовать в соответствии с добрыми нравами, требованиями разумности, справедливости и здравым смыслом, а также закрепленной в ст. 2 ГК презумпцией добросовестности и разумности участников гражданско-правовых отношений;

– во-вторых, пересмотрен подход к признанию совершенных сделок абсолютно недействительными, что в соответствии с предлагаемыми нормами возможно только в случае их несоответствия основам гражданско-правового регулирования, закрепленным в ст. 2 ГК;

– в-третьих, в случае возникновения спора в суде относительно условия договора, не соответствующего обязательным требованиям, уста-

[117] *Действующая редакция*:

Сделка, не соответствующая требованиям законодательства, ничтожна, если законодательный акт не устанавливает, что такая сделка оспорима, или не предусматривает иных последствий нарушения.

новленным правовыми нормами, предлагаемая редакция ст. 169 ГК, совместно с предложенными нами выше правилами толкования правовых норм и условий договора, позволяет суду установить действительные намерения сторон, выяснить наличие или отсутствие факта причинения вреда интересам третьих лиц и государства включением в договор условия, не соответствующего обязательным требованиям правовых норм, и в случае отсутствия такового сохранить сделку, что будет способствовать стабилизации гражданского оборота;

– в-четвертых, законодатель получает возможность установления ничтожности сделки, не соответствующей требованиям правовых норм посредством принятия специальных норм о недействительности сделки. В частности, указанное относится к обязательной письменной форме договора, государственной регистрации договора либо перехода права собственности на имущество (см., например, ст. 521, 531, 545 ГК; п. 5 ст. 426, п. 2 ст. 429 ГК России).

Кроме того, в целом нормы предложенной нами редакции ст. 169 ГК нивелируют установленную в действующем ГК презумпцию императивности гражданско-правовых норм и наряду с нормами, закрепленными в ст. 2, 5, 7 ГК, направлены на нормативное закрепление презумпции их диспозитивности.

Следующей статьей, в которой закреплены нормы, устанавливающие пределы собственного усмотрения участников гражданско-правовых отношений, является ст. 391 ГК[118], содержание которой не соответствует предлагаемой нами концепции парадигмы гражданского права, в связи с чем подлежит корректировке. В частности, следует отметить, что нормы ч. 1 и 2 п. 1 ст. 391 ГК действующей редакции дуб-

[118] *Действующая редакция*:

1. Граждане и юридические лица свободны в заключении договора.

Понуждение к заключению договора не допускается, за исключением случаев, когда обязанность заключить договор предусмотрена законодательством или добровольно принятым обязательством.

2. Если иное не предусмотрено законодательными актами, стороны могут заключать договор, в котором содержатся элементы различных договоров, предусмотренных законодательством (смешанный договор). К отношениям сторон по смешанному договору применяются в соответствующих частях правила о договорах, элементы которых содержатся в смешанном договоре, если иное не вытекает из соглашения сторон или существа смешанного договора.

3. Условия договора определяются по усмотрению сторон в порядке и пределах, предусмотренных законодательством (статья 392).

В случаях, когда условия договора предусмотрены нормой, которая применяется постольку, поскольку соглашением сторон не установлено иное (диспозитивная норма), стороны могут своим соглашением установить условие, отличное от предусмотренного в ней, если это не противоречит законодательству. При отсутствии такого соглашения условие договора определяется диспозитивной нормой.

лируют нормы, закрепленные в ст. 2 ГК действующей редакции, в силу чего изначально не содержат какие-либо дополнительные правила участия в гражданско-правовых отношениях и, по нашему мнению, подлежат исключению из ГК как малоэффективные.

Нормы, аналогичные закрепленным в действующих ст. 2 и 391 ГК, сохранены нами и в измененной редакции ст. 2 ГК, определяющей основы гражданско-правового регулирования и распространяющей свое действие на все гражданско-правовые отношения, что указывает на отсутствие необходимости их включения в ст. 391 ГК после внесения в нее изменений.

Следует отметить, что нормы, аналогичные нормам ч. 1 и 2 п. 1 ст. 391 ГК, закреплены в ст. 437 ГК Армении, ст. 380 ГК Казахстана, ст. 421 ГК России.

Однако императивные нормы, закрепленные в ст. 3 ГК Армении, ст. 2 ГК Казахстана, ст. 1 ГК России, определяющие основы гражданско-правового регулирования, содержат лишь указание на свободу договора и не раскрывают ее содержание, как это сделано в ст. 2 ГК, что и обусловило необходимость закрепления анализируемых норм о свободе договора в соответствующих статьях «Свобода договора» кодексов указанных государств. Статья 319 «Свобода договора. Обязанность заключения договора» ГК Грузии вообще не содержит норм, аналогичных закрепленным в ст. 437 ГК Армении, ст. 391 ГК Беларуси, ст. 380 ГК Казахстана, ст. 421 ГК России, что, по всей вероятности, обусловлено общей направленностью гражданско-правового регулирования, вытекающей в том числе и из норм ст. 9 «Цель гражданских законов» ГК Грузии, согласно которым *гражданские законы обеспечивают свободу гражданского оборота на территории Грузии, если осуществление такой свободы не посягает на права третьих лиц.*

Пункт 1 ст. 390 «Свобода договора» ГК Азербайджана также содержит нормы несколько иного содержания: *физические и юридические лица могут свободно заключать договоры и определять их содержание. Они могут заключать и такие договоры, которые не предусмотрены настоящим Кодексом, но не противоречат ему*.

Также по-иному подошел к содержанию норм о свободе договора законодатель Украины. В частности, в соответствии с нормами ст. 627 «Свобода договора» ГК Украины *согласно статье 6 Гражданского кодекса Украины стороны являются свободными в заключении договора, выборе контрагента и определении условий договора с учетом требований Гражданского кодекса Украины, других актов гражданского законодательства, обычаев делового оборота, требований разумности и справедливости*.

Приведенные примеры норм, закрепленных в ГК Армении, Азербайджана, Грузии, Казахстана, России и Украины свидетельствуют о несколько неверной компоновке норм ст. 2 и 391 действующего ГК, по сути, дублирующих друг друга. Исходя из значимости влияния на гражданско-правовые отношения, предпочтение при этом следует отдать нормам ст. 2 ГК и, соответственно, удалить аналогичные нормы из ст. 391 ГК.

Кроме того, учитывая обоснованную нами концепцию модели гражданского права, основанную на презумпции диспозитивности гражданско-правовых норм и, как следствие, на необходимости отказа от их дихотомии посредством исключения из всех норм ГК окончания «если иное не предусмотрено соглашением сторон…», что отмечалось выше, из ст. 391 ГК необходимо исключить нормы ч. 2 п. 3, устанавливающие правила действия диспозитивных норм.

Изложенное позволяет нам предложить новую редакцию ст. 391 ГК, содержание норм которой в совокупности с изменениями норм ГК, обоснованными выше, направлено на установление и поддержание презумпции диспозитивности норм гражданского права при общем диспозитивном методе правового регулирования в условиях отсутствия в ГК норм, имеющих окончание «если иное не предусмотрено соглашением сторон…».

Статья 391. Свобода договора и ее пределы

1. Участники гражданско-правовых отношений в пределах, установленных основами гражданско-правового регулирования (статья 2), свободны в определении условий договора, за исключением условий, включение которых в договор запрещено правовыми нормами, могут по собственному усмотрению изменять условия договора, предусмотренные настоящим Кодексом и иными актами гражданского законодательства, а также заключать договоры, не предусмотренные актами гражданского законодательства (статья 7).

Правовыми нормами для отдельных договоров могут быть предусмотрены условия, включение которых в договор является обязательным (статья 392).

2. Участники гражданско-правовых отношений могут включать в договор условия, предусмотренные актами гражданского законодательства для разных договоров (смешанный договор). К отношениям сторон по смешанному договору применяются в его частях правила о соответствующих договорах, если иное не вытекает из соглашения сторон или существа смешанного договора.

Приведенная редакция ст. 391 ГК, наряду с измененными нормами ст. 2, 7, 169 ГК, нивелирует презумпцию императивности норм граж-

данского права и заменяет ее презумпцией диспозитивности, в рамках которой позволяет:

– участникам гражданско-правовых отношений заключать договоры, условия которых по общему правилу нормативно ограничены императивными нормами, составляющими основы гражданско-правового регулирования (ст. 2 ГК);

– изменять по собственному усмотрению правовые нормы, устанавливающие правила участия в поименованных договорах, что в условиях действующей презумпции императивности норм гражданского права зачастую приводит к признанию договора или его отдельных условий недействительными и дестабилизирует гражданский оборот;

– законодателю определять перечень условий, включение которых в договор определенного вида или в определенных случаях запрещено, что направлено на учет государственных интересов в рамках обязанности соблюдения баланса частных и публичных интересов в процессе гражданско-правового регулирования;

– возможность закрепления в ГК для отдельных видов договоров правовых норм, предусматривающих обязательные условия участия в них;

– участникам гражданско-правовых отношений заключать смешанные договоры, как это предусмотрено нормами действующей ст. 391 ГК.

Таким образом, нормы ст. 391 ГК в новой редакции:

– способствуют преодолению презумпции императивности гражданско-правовых норм;

– направлены на создание условий максимально свободного творчества субъектов гражданского права в процессе моделирования своих гражданско-правовых отношений;

– позволяют в максимальной степени учесть экономические и иные законные интересы сторон договора;

– в случае возникновения спора в суде, наряду с измененными нормами ст. 2, 5, 7, 169, а также § 2 главы 27 ГК, позволяют суду в максимальной степени сохранить договор, что, в свою очередь, стабилизирует гражданский и, как следствие экономический оборот, направлено на повышение его эффективности.

Статья 392 ГК[119] является последней в нашем перечне, оказываю-

[119] *Действующая редакция*:

1. Договор должен соответствовать обязательным для сторон правилам, установленным законодательством.

2. Если после заключения и до прекращения действия договора принят акт законодательства, устанавливающий обязательные для сторон правила, иные, чем те, которые действовали при заключении договора, условия заключенного договора должны быть приведены в соответствие с законодательством, если иное не предусмотрено законодательством.

щей непосредственное влияние на правовые возможности участников экономических отношений и поддерживающей установленную в ГК презумпцию императивности гражданско-правовых норм. В частности, нормами указанной статьи в совокупности с нормами, закрепленными в ч. 2 ст. 4 ГК, установлено требование приведения условий договора (по сути, принудительного, т. е. помимо воли сторон, их изменения) в соответствие с обязательными для сторон правилами, закрепленными в законодательстве, а с учетом установленной в ГК презумпции императивности гражданско-правовых норм – со всеми нормами о соответствующем виде договора, в структуре которых отсутствует фраза «если иное не предусмотрено соглашением сторон…», закрепленными в любом нормативном правовом акте гражданского законодательства из их обширной системы.

Такой подход однозначно свидетельствует об установленной в ГК «нормативно ограниченной диспозитивности», что отмечалось выше, препятствует развитию деловой инициативы, не стимулирует предпринимательскую активность. Кроме того, на что также указывалось выше, нормами, закрепленными в п. 2 ст. 392 ГК, всем нормативным правовым актам системы гражданского законодательства, нормы которых установят иные правила участия в соответствующем договорном отношении, чем те, которые действовали в момент заключения договора, и принятым после его заключения, придана обратная сила, что, как уже неоднократно отмечалось, противоречит нормам Конституции, направлено на дестабилизацию гражданского и, как следствие, экономического оборота и, соответственно, требует изменения.

Напомним, что в соответствии с нормами ч. 6 ст. 104[120] Конституции обратная сила на территории Республики Беларусь может быть придана только тем законам, которые отменяют или смягчают ответственность граждан.

Таким образом, в соответствии с нормами ч. 6 ст. 104 Конституции обратная сила нормативному правовому акту в области договорного права может быть придана только в том случае, если он содержит нормы, например, снижающие размер обязательной для применения сторонами договора законной неустойки или иным образом снижающие размер ответственности и т. п.

Однако на практике нормы ст. 392 ГК действующей редакции активно применяются и позволяют придавать обратную силу нормативным правовым актам, не только не смягчающим или отменяющим, а наоборот, устанавливающим либо усиливающим ответственность.

[120] Закон не имеет обратной силы, за исключением случаев, когда он смягчает или отменяет ответственность граждан.

Пример.

В соответствии с письмом Государственного комитета по имуществу Республики Беларусь *в случае если в договоре купли-продажи зданий, сооружений, помещений, незавершенных строений, приобретенных на аукционе с начальной ценой, равной одной базовой величине, предусмотрены их реконструкция, снос, модернизация, в нем должны быть определены сроки их начала и окончания, а также ответственность за нарушение этих сроков. В данном случае в Указе № 294 предусмотрены существенные условия договора купли-продажи зданий, сооружений, помещений, незавершенных строений, приобретенных на аукционе с начальной ценой, равной одной базовой величине. Поэтому если в заключенном до вступления в силу Указа № 294 договоре не закреплена ответственность за нарушение названных сроков, соответствующие дополнения в договор подлежат обязательному внесению, как этого требует пункт 2 статьи 392 ГК* [659].

Примененный подход, как уже отмечалось, не только противоречит нормам ч. 6 ст. 104 Конституции, но и нормам, закрепленным в ч. 2 ст. 67 Закона о НПА[121]. В частности, из приведенного примера очевидно следует, что нормами Указа Президента Республики Беларусь от 4 июля 2012 г. № 294, во-первых, вводятся дополнительные обязанности связанные с необходимостью осуществления реконструкции, модернизации или сноса соответствующего объекта в установленные сроки, что раньше для таких объектов не предусматривалось и существенно меняет экономическую составляющую договорного правоотношения, во-вторых, устанавливается дополнительная ответственность, не предусмотренная до введения Указа № 294 в действие.

Приведенный пример, а также анализ норм, закрепленных в п. 2 ст. 392 ГК, на предмет их соответствия нормам ст. 104 Конституции и ст. 67 Закона о НПА, указывают о назревшей необходимости внесения изменений в п. 2 ст. 392 ГК, что также подтверждается выводами, сделанными в юридической литературе.

---

[121] *Часть 2 ст. 67 Закона о НПА*:

Придание обратной силы нормативному правовому акту не допускается, если он предусматривает введение или усиление ответственности граждан, в том числе индивидуальных предпринимателей, и юридических лиц за действия, которые на момент их совершения не влекли указанную ответственность или влекли более мягкую ответственность. Нормативные правовые акты, иным образом ухудшающие положение граждан, в том числе индивидуальных предпринимателей, и юридических лиц (возлагающие дополнительные (увеличенные) по сравнению с ранее существовавшими обязанности или ограничивающие в правах либо лишающие имеющихся прав), не имеют обратной силы, если иное не предусмотрено законодательными актами Республики Беларусь.

Так, согласно утверждению Г. А. Василевича, «гражданин должен быть уверен, что он не подвергнется таким правовым последствиям, которые он не мог предвидеть в момент принятия своего решения» [660, с. 24], что не соответствует содержанию анализируемых норм и нарушает законные ожидания сторон (ст. 2 ГК в новой редакции), на которые стороны договорного обязательства были вправе рассчитывать при заключении договора. В приведенном примере, приобретая на аукционе за одну базовую величину объект незавершенного строительства, подлежащий модернизации, покупатель вправе бы рассчитывать на то, что произведет модернизацию по мере появления у него экономических возможностей, по сути, в неопределенный срок. После вступления в силу Указа № 294 существовавшие ранее законные ожидания сторон о сроках модернизации становятся неосуществимыми в силу установленной в Указе обязанности устанавливать сроки проведения соответствующих действий.

Однако при наличии такого условия в момент заключения договора субъект гражданского права мог бы и не решиться вступать в договорные отношения.

Следует отметить, что отдельные белорусские ученые уже вносили свои предложения по изменению анализируемой нормы, направленные на исправление существующей порочной практики, что также свидетельствует о необходимости приведения ее содержания в соответствие с требованиями экономического оборота современного демократического государства, стремящегося к интеграции в мировое экономическое пространство. В частности, Н. Л. Бондаренко предлагает следующую редакцию п. 2 ст. 392 ГК: «Если после заключения договора принят закон, устанавливающий обязательные для сторон правила, иные, чем действовавшие при заключении договора, условия заключенного договора сохраняют силу, кроме случаев, когда в законе установлено, что его действие распространяется на отношения, возникшие из ранее заключенных договоров» [647, с. 8].

Проведенный выше анализ норм ст. 392 ГК в совокупности с уже внесенными нами предложениями по изменению ключевых норм ГК, определяющих правовое положение субъектов гражданского права, и в рамках обоснованной нами концепции формирования совокупности норм гражданского права в соответствии с диспозитивным методом правого регулирования и нормативно установленной презумпцией диспозитивности гражданско-правовых норм позволяет нам предложить новую редакцию ст. 392 ГК, включая ее название.

Статья 392. Условия договора и законодательство

1. Договор, как предусмотренный, так и не предусмотренный настоящим Кодексом, в том числе смешанный договор, должен содержать условия, предусмотренные правовыми нормами в качестве обязательных для договоров данного вида.

2. Заключение договора с условиями, включение которых в договор запрещено правовыми нормами, влечет недействительность договора в целом или в отдельной его части, если договор может быть исполнен надлежащим образом без части, признанной недействительной (пункт 3 статьи 169).

3. Если после заключения и до прекращения действия договора принят законодательный акт, устанавливающий обязательные для сторон правила, иные, чем те, которые действовали при заключении договора, условия заключенного договора сохраняют силу, за исключением случаев, когда достижение правовых и (или) экономических целей, предусмотренных такими условиями, в соответствии с вновь принятым законодательным актом будет запрещено как угрожающее национальной безопасности, общественному порядку, здоровью населения, правам и свободам других лиц либо противоречащее добрым нравам, морали и (или) нравственности.

Предлагаемая редакция ст. 392 ГК сужает (конкретизирует) круг обязательных требований, которым должен соответствовать договор. В действующей редакции под такими требованиями (обязательными для сторон правилами) понимаются требования, установленные любой императивной нормой, т. е. нормой, не содержащей окончание «если иное не предусмотрено соглашением сторон…», закрепленной в любом нормативном правовом акте, содержащем нормы гражданского права, а в измененной редакции в договор должны быть включены в обязательном порядке только те условия, включение которых в договор соответствующего вида прямо предусмотрено правовыми нормами. Кроме того, п. 2 ст. 392 ГК новой редакции устанавливает последствия включения в договор условий, включение которых в договор запрещено правовыми нормами, чем конкретизирует правила, закрепленные в новой редакции ст. 169 ГК применительно к договорам.

Нормы, закрепленные в п. 3 измененной редакции ст. 392 ГК, в отличие от действующей позволяют сохранить договор в силе после изменения правовых условий его заключения и исполнения, за исключением случаев, установленных анализируемыми нормами. К таковым, в частности, относятся случаи, когда цели договора в соответствии с вновь принятым нормативным правовым актом признаются угрожающими национальной безопасности, общественному порядку, здоровью

населения, правам и свободам других лиц либо противоречащими добрым нравам, морали и (или) нравственности.

В целом совокупность предложенных нами изменений, внесенных в ст. 2, 5, 7, 169, 391, 392 ГК, а также изменения, внесенные в главу 27 ГК, направлены на замену закрепленной в ГК презумпции императивности гражданско-правовых норм на презумпцию их диспозитивности и создание совокупности гражданско-правовых норм, соответствующей содержанию диспозитивного метода гражданско-правового регулирования, имманентного гражданскому праву демократического государства, поддерживающего частные интересы и приоритет личности.

Наряду с установлением нормативно закрепленной презумпции диспозитивности норм гражданского права, внесение указанных изменений позволит отказаться в ГК от дихотомии норм гражданского права посредством исключения из содержания формально диспозитивных норм окончания «если иное не предусмотрено соглашением сторон…», что в совокупности с изменениями норм вышеуказанных статей ГК кардинально изменит модель гражданско-правового регулирования, предоставит участникам гражданско-правовых отношений возможность моделирования своих прав и обязанностей в рамках основ гражданско-правового регулирования, создаст правовые гарантии участия в гражданском и, как следствие, экономическом обороте в соответствии с формулой частного права демократического государства «разрешено все, кроме того, что прямо запрещено правовыми нормами».

По сути, предложенные изменения преобразуют систему гражданского права с нормативно закрепленной «ограниченной диспозитивностью», основанную на формуле «разрешено только то, что прямо предусмотрено правовыми нормами» и поддерживающую приоритет государственной воли и государственных интересов в систему гражданского права, поддерживающую приоритет интересов человека, его фундаментальные права и свободы.

В условиях отказа от дихотомии норм гражданского права и применения в ГК норм, являющихся в соответствии с действующей классификацией формально императивными при установленной презумпции их диспозитивности необходим механизм, устанавливающий запрет изменения соглашением сторон норм, составляющих основу гражданско-правового регулирования, в частности норм, закрепленных в ст. 2, 5, 7, 169, 391, 392 ГК, и других норм, определенных законодателем и поддерживающих необходимые качества модели гражданско-правового регулирования. В качестве одного из примеров решения поставленной задачи нами было продемонстрировано установление прямого запрета на изменение соответствующих норм непосредственно в статьях ГК,

закрепляющих такие нормы (ст. 2 и 5 ГК). Однако такой способ определения норм, не подлежащих изменению по соглашению сторон, является, во-первых, несколько трудоемким и, во-вторых, затратным с точки зрения экономии нормативного материала, т. е. предполагающим его увеличение за счет необходимости включения в статьи ГК специального пункта, содержащего указание о запрете изменения советующих норм соглашением сторон.

Более оптимальным и менее затратным следует признать включение в состав ГК ст. 3^1 «Императивные нормы» следующего содержания: «*Являются императивными и не подлежат изменению на основании волеизъявления участников гражданско-правовых отношений нормы, закрепленные в статьях 2, 5, 7, 169, 391, 392 ГК (*далее перечислить статьи, нормы которых не должны подлежать изменению на основании соглашения сторон*)*».

В рамках предложенного подхода отпадает необходимость маркировки всех норм, не подлежащих изменению по воле участников гражданско-правовых отношений, что ведет к экономии нормативного материала и позволяет сформировать гражданско-правовые нормы, закрепленные в ГК наиболее экономичным способом, сократив нормативный массив, что ведет к удобству использования ГК.

Сравнительный пример практического применения формально диспозитивных норм до и после внесения предложенных нами изменений.

Так, например, нормы, закрепленные в п. 1 и 2 ст. 428 ГК[122], являются формально диспозитивными, отнесены нами к первому типу (согласно предложенной выше классификации) и, соответственно, в рамках действующей модели гражданско-правового регулирования с уста-

---

[122] *Статья 428. Момент исполнения обязанности продавца передать товар*

1. *Если иное не предусмотрено договором* купли-продажи, обязанность продавца передать товар покупателю считается исполненной в момент:

1) вручения товара покупателю или указанному им лицу, если договором предусмотрена обязанность продавца по доставке товара;

2) предоставления товара в распоряжение покупателя, если товар должен быть передан покупателю или указанному им лицу в месте нахождения товара. Товар считается предоставленным в распоряжение покупателя, когда к сроку, предусмотренному договором, товар готов к передаче в надлежащем месте и покупатель в соответствии с условиями договора осведомлен о готовности товара к передаче. Товар не признается готовым к передаче, если он не идентифицирован для целей договора путем маркировки или иным образом.

2. В случаях, когда из договора не вытекает обязанность продавца по доставке товара или передаче товара в месте его нахождения покупателю, обязанность продавца передать товар покупателю считается исполненной в момент сдачи товара перевозчику или организации связи для доставки покупателю, *если договором не предусмотрено иное*.

новленной презумпцией императивности гражданско-правовых норм позволяют сторонам установить отличный от указанного в ст. 428 ГК момент, с которого покупатель считается исполнившим обязанность по передаче товара. В случае отсутствия специального соглашения сторон этот момент будет определяться в соответствии с нормами анализируемой статьи.

Согласно внесенным нами предложениям по преодолению презумпции императивности норм гражданского права и отказа от дихотомии гражданско-правовых норм из ст. 428 ГК необходимо исключить признак формально диспозитивной нормы, а именно окончание «если иное не предусмотрено договором»[123].

До внесения изменений в анализируемую статью в рамках действующей модели гражданско-правового регулирования стороны договора имеют юридически обеспеченную возможность изменения момента, с которого обязанность продавца по передаче товара считается исполненной, руководствуясь непосредственно закрепленными в ст. 428 ГК диспозитивными нормами. При этом отсутствие признака диспозитивности нормы, т. е. окончания «если иное не предусмотрено соглашением сторон», указывает на то, что нормы являются императивными и, соответственно, лишает стороны права на их изменение. Таковыми, в частности, являются нормы, закрепленные в п. 1 ст. 736 ГК, согласно которым *заказчик вправе отказаться от договора возмездного оказания услуг при условии оплаты исполнителю фактически понесенных им расходов*.

В рамках предлагаемой нами модели гражданского права с установленной презумпцией диспозитивности гражданско-правовых норм, при отсутствии их дихотомии и, соответственно, норм с окончанием

---

[123] *Статья 428. Момент исполнения обязанности продавца передать товар* (редакция согласно нашей концепции)

1. Обязанность продавца передать товар покупателю считается исполненной в момент:

1) вручения товара покупателю или указанному им лицу, если договором предусмотрена обязанность продавца по доставке товара;

2) предоставления товара в распоряжение покупателя, если товар должен быть передан покупателю или указанному им лицу в месте нахождения товара. Товар считается предоставленным в распоряжение покупателя, когда к сроку, предусмотренному договором, товар готов к передаче в надлежащем месте и покупатель в соответствии с условиями договора осведомлен о готовности товара к передаче. Товар не признается готовым к передаче, если он не идентифицирован для целей договора путем маркировки или иным образом.

2. В случаях, когда из договора не вытекает обязанность продавца по доставке товара или передаче товара в месте его нахождения покупателю, обязанность продавца передать товар покупателю считается исполненной в момент сдачи товара перевозчику или организации связи для доставки покупателю.

«если иное не предусмотрено соглашением сторон…» стороны договора имеют юридически обеспеченную возможность изменения норм, закрепленных в ст. 428 ГК, руководствуясь нормами, закрепленными в ст. 2 ГК и соответствующими им нормами, закрепленными в ст. 7, 169, 391 и 392 ГК, руководствуясь общей диспозитивностью гражданских прав и свободой договора как одним из критериев свободы усмотрения участников гражданско-правовых отношений.

При этом в рамках предлагаемой нами модели такую же юридически обеспеченную возможность по изменению условий участия в договорных отношениях, предусмотренных нормами ГК, имеют и стороны договора возмездного оказания услуг, в том числе и в части формально императивных норм, закрепленных в п. 1 ст. 736 ГК (косвенный запрет на изменение которых посредством придания анализируемым нормам статуса императивных в рамках действующей модели гражданского права, по нашему мнению, не обоснован).

При этом судебные инстанции Российской Федерации при разрешении соответствующих споров до вступления в силу постановления № 16 ВАС Российской Федерации принимали решения в соответствии с презумпцией императивности гражданско-правовых норм и императивным статусом анализируемой нормы.

Пример.

Суды исходили из того, что, отказавшись от договора возмездного оказания услуг, заказчик реализовал свое право, предоставленное ему пунктом 1 статьи 782 Гражданского кодекса Российской Федерации, которое не может быть ограничено никакими условиями договора, услуги во втором квартале 2012 года исполнителем не оказывались, компенсационная выплата в связи с расторжением договора не может быть взыскана, поскольку такое положение договора прямо противоречит пункту 1 статьи 782 Гражданского кодекса Российской Федерации, обязанность несения заказчиком остальных расходов ООО «СССР Медиа» также не доказана [661].

Иной подход к определению императивных и неимперативных норм закреплен в постановлении № 16. В частности, в ч. 3 п. 4 постановления № 16 закреплена норма, согласно которой *положения статьи 782 ГК Российской Федерации, дающие каждой из сторон договора возмездного оказания услуг право на немотивированный односторонний отказ от исполнения договора и предусматривающие неравное распределение между сторонами неблагоприятных последствий прекращения договора, не исключают возможность согласования сторонами договора иного режима определения последствий отказа от договора (например, полное возмещение убытков при отказе*

от договора как со стороны исполнителя, так и со стороны заказчика) либо установления соглашением сторон порядка осуществления права на отказ от исполнения договора возмездного оказания услуг (в частности, односторонний отказ стороны от договора, исполнение которого связано с осуществлением обеими его сторонами предпринимательской деятельности, может быть обусловлен необходимостью выплаты определенной денежной суммы другой стороне).

При этом в качестве императивных нормы ч. 1 п. 2 постановления № 16 предлагают рассматривать только те нормы, которые устанавливают явно выраженный запрет на установление сторонами условий договора.

Следует еще раз отметить, что воспринятый в постановлении подход следует признать неверным, противоречащим как положениям науки «теория права», так и теоретическим воззрениям цивилистической науки. Кроме того, указанный подход не соответствует закрепленной в ГК презумпции императивности гражданско-правовых норм, без преодоления которой изменение формально императивной нормы на диспозитивную и наоборот, следует признать недопустимым. Не случайно в постановлении № 16 рекомендованное судам поведение в отношении конкретных норм ничем не обосновано, а исполнение постановления № 16 ведет к возникновению большого количества спорных ситуаций как в момент заключения договора, так и в случае возникновения спора в суде. Несоответствие постановления № 16 действующей модели гражданско-правового регулирования подтверждается содержанием решений, принимаемых судами Российской Федерации после вступления постановления № 16 в силу и воспринимающих нормы ст. 782 ГК России исключительно как императивные[124].

Наряду с основными результатами в ходе системного исследования гражданско-правовых норм, закрепленных в ГК и иных нормативных правовых актах системы гражданского законодательства, были выявлены некоторые неточные формулировки норм гражданского права, способные дестабилизировать гражданско-правовые отношения в конкретных частных случаях.

Проведенное исследование позволяет внести некоторые дополнительные предложения по совершенствованию отдельных норм Общей

[124] См., например: Решение по делу 11-39/2017 (29.08.2017, Городской суд г. Лесного (Свердловская область)); Решение по делу 33-4705/2017 (28.08.2017, Архангельский областной суд (Архангельская область)); Решение по делу 11-295/2017 (16.08.2017, Первомайский районный суд г. Кирова (Кировская область)) и др. [ЭЛЕКТРОННЫЙ РЕСУРС] / РосПравосудие // Статья 782 ГК РФ. Односторонний отказ от исполнения договора возмездного оказания услуг. – Режим доступа: https://rospravosudie.com/law/. – Дата доступа: 10.09.2017 г.

части ГК, что наряду с изменениями, предложенными выше, будет способствовать устранению существующих противоречий и неточностей, допущенных в их формулировках, упростит процедуру толкования и, как следствие, применения уточненных норм, направлено на формирование целостной парадигмы гражданско-правового регулирования, соответствующей современным потребностям экономического развития Республики Беларусь в рамках демократического государственного управления. Так, в качестве факультативных результатов исследования, не влияющих непосредственно на содержание диспозитивного метода правового регулирования и качества обоснованной нами парадигмы гражданского права, мы предлагаем следующие корректировки отдельных норм, закрепленных в ГК.

В частности, необходимо внести изменения в нормы п. 2 ст. 27 ГК, ограничив возможности самостоятельного участия малолетних в гражданско-правовых отношениях исключительно рамками мелких бытовых сделок, законодательно уточнив их понятие.

Такое ограничение, по нашему мнению, в современных экономических условиях является необходимым в силу того, что в настоящее время в свободной продаже находится большое количество разнообразных вещей, имеющих высокую стоимость, в том числе предназначенных для малолетних.

При этом нормы, закрепленные в действующей п. 2 ст. 27 ГК[125], позволяют малолетним самостоятельно распоряжаться практически неограниченными денежными суммами в том случае, когда они предоставлены малолетнему третьим лицом с согласия законного представителя для свободного распоряжения.

Закрепленный в ГК подход легализует возможные неразумные траты малолетнего и лишает его законных представителей юридической возможности защиты от действий продавца по реализации малолетнему дорогостоящих товаров, таких, например, как велосипеды, радиоуправляемые модели, иные сложно-технические изделия, дорогостоящие рыболовные снасти и т. п.

По сути, действующая редакция норм, закрепленных в п. 2 ст. 27 ГК,

---

[125] *Действующая редакция*:

2. Несовершеннолетние в возрасте до четырнадцати лет вправе самостоятельно совершать:

1) мелкие бытовые сделки;

2) сделки, направленные на безвозмездное получение выгод, не требующие нотариального удостоверения или оформления либо государственной регистрации;

3) сделки по распоряжению средствами, предоставленными законным представителем или с согласия последнего третьим лицом для определенной цели или свободного распоряжения.

не соответствует уровню современного экономического развития, на что указывалось в наших исследованиях [54-А, с. 126].

С целью приведения анализируемых норм в соответствие с потребностями экономического оборота п. 2 ст. 27 ГК предлагается изложить в измененной редакции.

2. Несовершеннолетние в возрасте до четырнадцати лет вправе самостоятельно совершать сделки, направленные на удовлетворение своих первоочередных бытовых потребностей (мелкие бытовые сделки), в том числе:

1) сделки, направленные на безвозмездное получение выгод, не требующие нотариального удостоверения либо государственной регистрации;

2) сделки по распоряжению средствами, предоставленными законным представителем или с согласия последнего третьим лицом для определенной цели или свободного распоряжения [52-А, с. 132−133].

Предлагаемые изменения направлены на приведение норм, закрепленных в ГК, в соответствие с требованием времени, предоставляют законным представителям малолетних дополнительные правовые возможности контроля за их поведением, способствуют планомерному включению малолетних в экономические отношения.

Также следует признать целесообразным внесение изменений в нормы, закрепленные в ч. 1 ст. 31 ГК.

Согласно действующей редакции к предпринимательской деятельности отнесена деятельность физических лиц, связанная с учреждением и управлением организациями со статусом юридического лица, что противоречит определению предпринимательской деятельности, закрепленному в ч. 2 п. 1 ст. 1 ГК, а также ее признакам, следующим из указанных норм и проанализированных в наших исследованиях [98-А, с. 18–30]. По сути, такая деятельность предпринимательской не является. Предлагаемые изменения норм ч. 1 ст. 31 ГК[126] направлены на устранение имеющихся противоречий при том условии, что не сокращают возможности органов государственной власти в части применения установленных действующими нормами ограничительных мер к соответствующим категориям субъектов гражданских прав.

На основании проведенного исследования ч. 1 и абз. 1 ч. 2 ст. 31 ГК предлагается изложить в следующей редакции.

В случаях, предусмотренных законодательными актами, предприни-

---

[126] *Действующая редакция*:

В случаях, предусмотренных законодательными актами, предпринимательская деятельность гражданина (индивидуального предпринимателя, учредителя, участника, собственника имущества или руководителя юридического лица и др.) может быть ограничена в судебном порядке на срок до трех лет.

мательская деятельность гражданина (индивидуального предпринимателя), а также деятельность гражданина в качестве учредителя, участника, собственника имущества или руководителя юридического лица может быть ограничена в судебном порядке на срок до трех лет.

Гражданин, деятельность которого ограничена в соответствии с частью первой настоящей статьи, в течение всего срока действия ограничения не может… [4-А, с. 282−283].

Кроме того, на основании результатов настоящего и проведенных ранее исследований [10-А, с. 44−47; 11-А, с. 28−30] нами установлена необходимость внесения изменений в нормы п. 3 ст. 49 ГК[127], что обусловлено ошибочным применением к гражданско-правовым отношениям, в которых принимает участие юридическое лицо посредством действий своего единоличного органа управления, норм, закрепленных в главе 10 ГК «Представительство. Доверенность», в частности норм, закрепленных в п. 3 ст. 183 ГК[128)], что в случае возникновения спора в суде может привести к принятию неверного судебного решения. Изменения должны коснуться лишь термина «представляемого лица», который непосредственно служит основанием применения норм, закрепленных в п. 3 ст. 183 ГК, к отношениям, в которых участвует единоличный исполнительный орган юридического лица, что отмечалось выше.

Приведенную норму можно, например, изменить на:

Лицо, которое в силу акта законодательства или учредительных документов юридического лица участвует от имени юридического лица в гражданско-правовых отношениях, должно действовать в его интересах добросовестно и разумно.

Предложенные корректировки указанных норм без изменения их сути позволят избежать ненужной полемики, устранят лингвистические основания для принятия судебных решений, не соответствующих сущности теоретико-правовой конструкции «юридическое лицо», и в целом будут способствовать повышению эффективности экономической деятельности, осуществляемой частными субъектами в рамках диспозитивного метода правового регулирования.

В ходе проведения системного анализа гражданско-правовых норм,

---

[127] *Пункт 3 ст. 49 ГК*:

Лицо, которое в силу акта законодательства или учредительных документов юридического лица выступает от его имени, должно действовать в интересах представляемого им юридического лица добросовестно и разумно.

[128] Пункт 3 ст. 183 ГК:

Представитель не может совершать сделки от имени представляемого в отношении себя лично. Он не может также совершать сделки в отношении другого лица, представителем которого он одновременно является, за исключением случаев коммерческого представительства.

закрепленных в ГК, нами также установлено некоторое несоответствие логике экономического оборота норм, закрепленных в ст. 412 ГК[129], подтвержденное анализом аналогичных норм, закрепленных в ГК Армении, Казахстана, России, ряда европейских государств и описанное выше. Очевидным является то, что как в п. 1, так и в п. 2 анализируемой статьи предлог «не» следует удалить.

Проведенное исследование позволило сделать следующие обобщающие выводы.

1. В рамках проведенного исследования разработаны критерии, которым должно соответствовать современное гражданское право Республики Беларусь.

В частности, в процессе формирования новой совокупности гражданско-правовых норм необходимо учитывать, что современное гражданское право должно:

– соответствовать нормам, закрепленным в ст. 1 Конституции, согласно которым Республика Беларусь является государством демократическим и государством правовым (стремится стать правовым государством);

– основываться на нормах ст. 2 Конституции, в соответствии с которыми высшей ценностью белорусского общества и государства является человек, его права, свободы и гарантии их реализации;

– учитывать нормы, закрепленные в ст. 13 Конституции, предоставляющие всем равные права для осуществления хозяйственной и иной деятельности, кроме запрещенной правовыми нормами, и гарантирующие равную защиту и равные условия для развития государственной и частной форм собственности;

– базироваться на нормах, закрепленных в ст. 44 Конституции, которыми собственнику имущества предоставляется по сути неограниченное право реализации правомочий владения, пользования и распоряжения законно приобретенным имуществом как единолично, так и совместно с другими лицами;

– учитывать предписания Директивы № 3, Директивы № 4, Программы социально-экономического развития, согласно которым со стороны государства требуется принятие комплекса мер, которые могли бы существенно поднять роль предпринимательства, реально повы-

---

[129] *Статья 412 ГК*:

1. В случаях, когда своевременно направленное извещение об акцепте получено с опозданием, акцепт не считается опоздавшим, если сторона, направившая оферту, немедленно уведомит другую сторону о получении акцепта с опозданием.

2. Если сторона, направившая оферту, немедленно не сообщит другой стороне о принятии ее акцепта, полученного с опозданием, договор считается заключенным.

сить его вклад в формирование темпов экономического роста, обеспечение высокой эффективности функционирования белорусской экономики на основе максимального использования частной инициативы.

Исходя из предложенных критериев, сделан вывод, что совокупность гражданско-правовых норм, закрепленных в ГК, после их модернизации должна обеспечивать решение следующих задач гражданско-правового регулирования:

– создание благоприятных условий для развития и осуществления частной предпринимательской деятельности, что на законодательном уровне признано одним из основных стратегических факторов устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь (см. Директиву № 4);

– высокую эффективность функционирования белорусской экономики на основе максимального использования частной инициативы (см. Директиву № 4), что, в свою очередь, возможно в случае предоставления субъектам гражданского права максимальной свободы в процессе моделирования своих гражданско-правовых отношений;

– минимально необходимое вмешательство государства в частные дела, преимущественно с целью защиты общественных, а также индивидуальных экономических прав и законных интересов;

– обеспечение стабильности, как правило, длительных экономических связей, опосредованных нормами гражданского права;

– построение на государственной территории гражданского общества и правового государства, что предусмотрено нормами ст. 1 Конституции [32-А, с. 51; 72-А, с. 208–209].

2. На основе анализа норм гражданского права, закрепленных в ГК, а также научных выводов, полученных отдельными учеными, сделан вывод о том, что в действующем ГК закреплена презумпция императивности гражданско-правовых норм, в силу чего применяемый в гражданском праве Беларуси с советского периода и по настоящее время метод гражданско-правового регулирования не может быть классифицирован как диспозитивный, что отражается на возможности признания гражданско-правовых норм диспозитивными и, следовательно, их изменения по воле сторон, которая (возможность) допускается только при наличии у правовых норм окончания «если иное не предусмотрено соглашением сторон…».

Такой подход, являясь наследием советской цивилистики, нормативно ограничивает частную волю и предпринимательскую инициативу, по сути, устанавливает «нормативно ограниченную диспозитивность» поведения участников гражданско-правовых отношений, при которой имманентный частному праву принцип «разрешено все, что

прямо не запрещено законодательством» подменен принципом «дозволено только то, что прямо разрешено правовыми нормами», свойственным публично-правовому регулированию.

При этом *под нормативно ограниченной диспозитивностью следует понимать установленное нормами гражданского права положение участников гражданско-правовых отношений, в соответствии с которым их инициатива и собственное усмотрение ограничены формально диспозитивными нормами, а правовые возможности подчинены юридической формуле «дозволено только то, что прямо разрешено законодательством»*.

3. Анализ совокупности гражданско-правовых норм, закрепленных в ГК и их влияние на развитие экономических отношений, в том числе анализ содержания нормативных правовых актов о состоянии и развитии экономики Беларуси, принимаемых в последние годы, позволил сделать вывод, что модель гражданско-правового регулирования, основанная на дихотомии норм гражданского права с закрепленной презумпцией их императивности, не оправдала себя и требует изменения.

4. Проведенное исследование позволило сделать вывод, что наиболее приемлемым способом преодоления презумпции императивности норм гражданского права представляется модернизация гражданско-правовых норм, закрепленных в ГК, посредством формирования такой их совокупности, которая будет присуща диспозитивному методу правового регулирования, суть которого отражается в предусмотренном ГК правовом положении субъектов гражданского права, в их юридическом равенстве, в установленных нормами гражданского права приемах формирования субъективных прав и юридических обязанностей, в том числе в юридически обеспеченной возможности, позволяющей субъектам гражданского права:

– применять договорные конструкции, как предусмотренные, так и не предусмотренные ГК;

– самостоятельно определять свои субъективные права и принимать на себя юридические обязанности;

– по соглашению участников гражданского правоотношения изменять перечень установленных субъективных прав и юридических обязанностей;

– нивелировать по соглашению сторон установившуюся гражданско-правовую связь независимо от достижения желаемого результата;

– самостоятельно принимать решение о защите или об отказе от защиты нарушенных субъективных прав и законных интересов;

– по собственному усмотрению изменять закрепленные в ГК правила участия в договорных отношениях.

5. Проведенное исследование позволило выявить ряд норм, закрепленных в ГК и непосредственно определяющих правовые возможности субъектов гражданского права, устанавливающих пределы их собственного усмотрения, в том числе по изменению гражданско-правовых норм своим соглашением, и в целом поддерживающих презумпцию императивности гражданско-правовых норм с предопределенным приоритетом государственных и общественных интересов над интересами отдельной личности.

К таким нормам в действующем ГК нами отнесены нормы, закрепленные в ст. 2, 5, 7, 169, 391 и 392 ГК, проведен их критический анализ применительно к влиянию, оказываемому названными нормами на развитие экономических отношений, в том числе на стимулирование предпринимательской инициативы и деловой активности частных лиц.

На основании критического анализа указанных норм сделан вывод, что их содержание и, соответственно, применяемый в действующей системе гражданского права метод правового регулирования подлежат изменению с целью приведения системы гражданского права в соответствие с требованиями гражданского оборота современного демократического государства посредством установления нормативно закрепленной презумпции диспозитивности норм гражданского права, что позволит по новому подойти к формированию всей совокупности гражданско-правовых норм, закрепленных в ГК.

Наряду с выводом о необходимости совершенствования названных норм ГК на основе анализа норм гражданских кодексов отдельных европейских стран сделан вывод о том, что в ГК многих государств закреплен приоритет прав и интересов личности и нет норм, устанавливающих приоритет общественных интересов, что, как уже отмечалось, несвойственно гражданскому праву как системе, предназначенной для урегулирования экономических отношений, возникающих между отдельными субъектами, преследующими, как правило, частные интересы.

6. Проведенное исследование позволило предложить новую редакцию норм, закрепленных в ст. 2, 5, 7, 169, 391 и 392 ГК, включая названия отдельных статей.

Статья 2. Основы гражданско-правового регулирования

1. Гражданско-правовое регулирование основывается на признании:

достоинства и свободы человека, его фундаментальных прав, недопустимости их нарушения;

недопустимости произвольного вмешательства в личную сферу человека;

диспозитивности гражданских прав;

инициативы субъектов гражданских прав;

юридического равенства участников гражданских отношений;

свободы договора;

свободы осуществления предпринимательской деятельности, движения финансов, товаров, работ и услуг;

необходимости осуществления гражданских прав и исполнения обязанностей в соответствии с добрыми нравами, требованиями разумности, справедливости и здравым смыслом в условиях делового сотрудничества;

необходимости оптимального соотношения частных и публичных интересов;

возможности беспрепятственного осуществления гражданских прав;

возможности восстановления нарушенных гражданских прав, их судебной защиты;

неприкосновенности имущества, вещные права на которое приобретены законным путем.

2. В соответствии с основами гражданско-правового регулирования участники гражданско-правовых отношений:

вправе рассчитывать на то, что их фундаментальные права и свободы будут соблюдаться всеми участниками гражданско-правовых отношений, включая государство и его органы;

гарантированы от произвольного вмешательства в их личную сферу, за исключением случаев, когда такое вмешательство осуществляется на основании решения суда, принятого в интересах национальной безопасности, общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав и свобод других лиц;

свободны в установлении и осуществлении любых гражданских прав и обязанностей, в том числе на основе договора и в определении любых не противоречащих основам гражданско-правового регулирования (пункт 1 статьи 2) условий договора. Исключение составляют права и обязанности, установление и (или) осуществление которых противоречит добрым нравам, морали и нравственности либо прямо запрещено нормами гражданского права;

приобретают и осуществляют свои гражданские права и обязанности по собственной инициативе, на основании свободно сформированной воли и в своих интересах (за исключением случаев, когда гражданские обязанности возлагаются на участника гражданско-правовых отношений решением суда), по собственной инициативе принимают решение об отказе от реализации принадлежащих им гражданских прав при условии соблюдения прав и законных интересов других лиц;

участвуют в гражданских отношениях на равных, равны перед за-

конодательством, не могут пользоваться преимуществами и привилегиями, противоречащими законодательству, имеют право без всякой дискриминации на равную защиту прав и законных интересов;

свободны в заключении договора; понуждение к заключению договора не допускается, за исключением случаев, когда обязанность заключить договор предусмотрена нормами законодательства или добровольно принятым обязательством;

свободны в осуществлении предпринимательской деятельности, вправе рассчитывать на свободное перемещение финансов, товаров, работ и услуг без всякой дискриминации; обязаны сотрудничать друг с другом с целью надлежащего исполнения взятых на себя обязательств;

устанавливая и реализуя свои гражданские права, исполняя обязанности, должны действовать в соответствии с требованиями разумности, справедливости и здравым смыслом; добросовестность и разумность участников гражданских правоотношений предполагается, поскольку не установлено иное;

приобретая и осуществляя свои гражданские права и обязанности, должны учитывать публичные интересы (интересы общественной безопасности, охраны окружающей среды, историко-культурных ценностей, другие общественно значимые интересы), не могут совершать действия, направленные на ущемление прав и защищаемых законом интересов других лиц; государство в процессе реализации функций государственного управления экономикой обязано учитывать не противоречащие интересам общества частные интересы;

вправе осуществлять защиту гражданских прав в суде и иными способами, предусмотренными законодательством, а также самозащиту гражданских прав с соблюдением пределов, определенных гражданско-правовыми нормами, могут рассчитывать на то, что спор о праве гражданском будет разрешен судом в соответствии с нормами гражданского права и законными ожиданиями сторон;

имеют право на охрану и защиту государством имущества, вещные права на которое приобретены законным путем; неприкосновенность имущества гарантируется, а принудительное отчуждение допускается лишь по мотивам общественной необходимости при соблюдении условий и порядка, определенных законом, со своевременным и полным компенсированием стоимости отчужденного имущества либо согласно постановлению суда.

Статья 5. Применение норм гражданского законодательства по аналогии

1. В случаях, когда предусмотренные статьей 1 настоящего Ко-

декса отношения прямо не урегулированы правовыми нормами, соглашением сторон или правовым обычаем, к таким отношениям, поскольку это не противоречит их существу, применяется норма гражданского права, регулирующая сходные отношения (аналогия закона).

2. Спор о праве гражданском, возникший между субъектами на основе заключенного между ними договора либо односторонней сделки, не предусмотренными ГК, при отсутствии нормы, регулирующей сходные отношения, разрешается судом в соответствии с основами гражданско-правового регулирования (статья 2), добрыми нравами, требованиями разумности, справедливости и здравым смыслом (аналогия права).

3. Не допускается применение по аналогии норм, ограничивающих гражданские права и устанавливающих ответственность, а также норм, устанавливающих исключения из общего правила (исключительных норм).

Статья 7. Основания возникновения гражданских прав и обязанностей

– часть 1 п. 1:

1. Гражданские права и обязанности возникают из оснований, предусмотренных нормами гражданского права, а также из действий граждан и юридических лиц, которые хотя и не предусмотрены ими, но в силу основ гражданско-правового регулирования порождают гражданские права и обязанности.

– абзац 1 ч. 2 п. 1 ст. 7 ГК:

1) из договоров и иных сделок, предусмотренных нормами гражданского права, а также из договоров и иных сделок, хотя и не предусмотренных нормами гражданского права, но не противоречащих основам гражданско-правового регулирования (статья 2), добрым нравам, требованиям разумности, справедливости и здравому смыслу.

Статья 169. Сделка и нормы гражданского законодательства

1. Юридически значимые действия сторон сделки признаются правомерными, если иное не установлено решением суда.

2. Сделка, не соответствующая обязательным требованиям, установленным правовыми нормами, оспорима, если законодательный акт не устанавливает иных последствий нарушения, а требованиям основ гражданско-правового регулирования (статья 2) – ничтожна.

3. Сделка, не соответствующая обязательным требованиям правовых норм, является ничтожной в случаях, прямо указанных правовыми нормами.

4. Нормы пунктов 1–3 настоящей статьи применяются к договорам.

Статья 391. Свобода договора и ее пределы

1. Участники гражданско-правовых отношений в пределах, установленных основами гражданско-правового регулирования (статья 2), свободны в определении условий договора, за исключением условий, включение которых в договор запрещено правовыми нормами, могут по собственному усмотрению изменять условия договора, предусмотренные настоящим кодексом и иными актами гражданского законодательства, а также заключать договоры, не предусмотренные актами гражданского законодательства (статья 7).

Правовыми нормами для отдельных договоров могут быть предусмотрены условия, включение которых в договор является обязательным (статья 392).

2. Участники гражданско-правовых отношений могут включать в договор условия, предусмотренные актами гражданского законодательства для разных договоров (смешанный договор). К отношениям сторон по смешанному договору применяются в его частях правила о соответствующих договорах, если иное не вытекает из соглашения сторон или существа смешанного договора.

Статья 392. Условия договора и законодательство

1. Договор, как предусмотренный, так и не предусмотренный настоящим Кодексом, в том числе смешанный договор, должен содержать условия, предусмотренные правовыми нормами в качестве обязательных для договоров данного вида.

2. Заключение договора с условиями, включение которых в договор запрещено правовыми нормами, влечет недействительность договора в целом или в отдельной его части, если договор может быть исполнен надлежащим образом без части, признанной недействительной (пункт 3 статьи 169).

3. Если после заключения и до прекращения действия договора принят законодательный акт, устанавливающий обязательные для сторон правила, иные, чем те, которые действовали при заключении договора, условия заключенного договора сохраняют силу, за исключением случаев, когда достижение правовых и (или) экономических целей, предусмотренных такими условиями, в соответствии с вновь принятым законодательным актом будет запрещено как угрожающее национальной безопасности, общественному порядку, здоровью населения, правам и свободам других лиц либо противоречащее добрым нравам, морали и (или) нравственности.

7. Сделан вывод, что изменение перечисленных норм ГК в указанных пределах позволит исключить из содержания формально диспозитивных норм (в соответствии с действующей моделью) окончание «ес-

ли иное не предусмотрено соглашением сторон…», что в совокупности с изменениями норм вышеуказанных статей ГК кардинально изменит модель гражданско-правового регулирования, предоставит участникам гражданско-правовых отношений возможность моделирования своих прав и обязанностей в рамках основ гражданско-правового регулирования, создаст правовые гарантии участия в гражданском и, как следствие, экономическом обороте в соответствии с формулой частного права демократического государства «разрешено все, кроме того, что прямо запрещено правовыми нормами».

8. С целью маркировки норм, которые не могут быть изменены соглашением сторон в условиях презумпции их диспозитивности, предложено включить в состав ГК статью 3^1 «Императивные нормы» следующего содержания: *являются императивными и не подлежат изменению на основании волеизъявления участников гражданско-правовых отношений нормы, закрепленные в статьях 2, 5, 7, 169, 391, 392 ГК* (далее перечислить статьи, нормы которых не подлежат изменению на основании соглашения сторон).

9. Наряду с основными результатами исследования, направленными на формирование норм гражданского права, позволяющих трансформировать действующую модель гражданско-правового регулирования с целью придания гражданскому праву качеств отрасли частного права демократического государства, поддерживающего приоритет личности и ее фундаментальные права, в качестве факультативных результатов предложено внести корректировки в ряд статей ГК с целью приведения содержания их норм в соответчике с требованиями экономического оборота.

В частности, предложено внести изменения в следующие статьи ГК.

Предлагается изложить в измененной редакции нормы **п. 2 ст. 27 ГК**:

2. Несовершеннолетние в возрасте до четырнадцати лет вправе самостоятельно совершать сделки, направленные на удовлетворение своих первоочередных бытовых потребностей (мелкие бытовые сделки), в том числе:

1) сделки, направленные на безвозмездное получение выгод, не требующие нотариального удостоверения либо государственной регистрации;

2) сделки по распоряжению средствами, предоставленными законным представителем или с согласия последнего третьим лицом для определенной цели или свободного распоряжения.

Обоснована необходимость уточнения норм, закрепленных в ч. 1 и абз. 1 ч. 2 ст. 31 ГК, и норм, закрепленных в п. 3 ст. 49 ГК.

Часть 1 и абз. 1 ч. 2 ст. 31 ГК:

В случаях, предусмотренных законодательными актами, предпринимательская деятельность гражданина (индивидуального предпринимателя), а также деятельность гражданина в качестве учредителя, участника, собственника имущества или руководителя юридического лица может быть ограничена в судебном порядке на срок до трех лет.

Гражданин, деятельность которого ограничена в соответствии с частью первой настоящей статьи, в течение всего срока действия ограничения не может…

Пункт 3 ст. 49 ГК:

Лицо, которое в силу акта законодательства или учредительных документов юридического лица участвует от имени юридического лица в гражданско-правовых отношениях, должно действовать в его интересах добросовестно и разумно.

Предложенные корректировки указанных норм без изменения их сути позволят избежать ненужной полемики, устранят лингвистические основания для принятия судебных решений, не соответствующих сущности теоретико-правовой конструкции «юридическое лицо», и в целом будут способствовать повышению эффективности экономической деятельности, осуществляемой частными субъектами в рамках диспозитивного метода правового регулирования.

Также сделан вывод о необходимости удалить предлог «не» из норм, закрепленных в п. 1 и 2 ст. 412 ГК, что подтверждено анализом соответствующих норм, закрепленных в гражданских кодексах Армении, Казахстана, России, ряда европейских государств.

Предложенные изменения отдельных норм Общей части ГК направлены на создание единой парадигмы гражданско-правового регулирования, основанной на диспозитивном методе, применение которого позволит создать максимально комфортные условия для осуществления предпринимательской деятельности, что будет способствовать стимулированию деловой активности граждан, развитию творческой предпринимательской инициативы, повышению материальной заинтересованности в своем труде и, как следствие, увеличению его эффективности.

Кроме того, предложенные изменения направлены на установление гражданско-правового положения участников экономической деятельности, соответствующего демократическому управлению, поддерживающему общепризнанные мировым сообществом демократические идеи и ценности, свидетельствующего о направленности Беларуси на построение гражданского общества и правового государства, на поддержание и охрану общечеловеческих ценностей.

В соответствии с предложенными изменениями на концептуальном уровне будет закреплена возможность участников экономической деятельности в процессе создания договорных конструкций не ограничиваться только возможностями по изменению предложенных ГК моделей поведения рамками диспозитивных правовых норм, но моделировать свои договорные правоотношения в рамках императивных норм, устанавливающих основы гражданско-правового регулирования (ст. 2 ГК).

Внедрение предложенного подхода к содержанию системообразующих норм ГК будет способствовать развитию частной предпринимательской инициативы, расширит правовые возможности участников экономических отношений, что, в свою очередь, должно способствовать повышению эффективности экономической деятельности, осуществляемой отдельными субъектами, и интенсификации экономической деятельности в рамках государства [53-А, с. 121].

Развитие правового регулирования экономической деятельности в предложенном направлении неизменно повлечет за собой рост производительности каждого отдельного частного хозяйства и, соответственно, экономики государства в целом, будет способствовать созданию новых рабочих мест, увеличению оборота продукции и, как следствие, повышению объемов налоговых поступлений в государственный бюджет.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основные научные результаты, полученные в ходе исследования процессов формирования, толкования и применения норм гражданского права, позволили сделать некоторые теоретические выводы и внести практические рекомендации по развитию нового подхода к формированию норм гражданского права, процедуре их толкования, содержанию методики толкования и применения.

Полученные в ходе исследования выводы сводятся к следующему.

1. Разработаны специальные признаки норм гражданского права, позволяющие выделить их из всей совокупности правовых норм.

В качестве специальных признаков норм гражданского права предложены следующие:

– особая сфера применения – общественные отношения, возникающие между отдельными субъектами на основе их инициативы в сфере производства, обмена и потребления продукции (товаров, работ, услуг);

– условная определенность модели поведения, выраженной нормой-предписанием, возможность ее применения (неприменения) по воле заинтересованного субъекта;

– восполнительная направленность норм-предписаний, выраженная в возможности их использования по аналогии;

– общий дозволительный характер определенной совокупности норм гражданского права (субинститут, институт, подотрасль, отрасль в целом), направленных на минимизацию государственного вмешательства в частную экономическую сферу;

– направленность норм-предписаний на учет частных (индивидуальных) интересов, реализуемых в условиях справедливости, добросовестности и разумности субъектов при соблюдении баланса частных и публичных интересов;

– направленность норм-предписаний на опосредование, как правило, длительных правовых связей.

Предложенная совокупность признаков вносит вклад в развитие теории цивилистики и с практической точки зрения позволит уже на стадии формирования норм гражданского права, а также в процессе совершенствования действующей модели гражданско-правового регулирования, эффективно подбирать соответствующие правовые нормы, что будет способствовать наиболее рациональному и точному их формированию и адаптации в системе норм гражданского права после включения в Гражданский кодекс.

2. Сформулировано определение понятия «норма-предписание гражданского права».

В соответствии с разработанным определением *норма гражданского права (норма-предписание) представляет собой предлагаемую государством формально-определенную, нормативную, условно применимую, общедозволительную и логически завершенную единичную модель инициативного поведения в экономической сфере, направленную на формирование, как правило, длительных правовых состояний отдельных субъектов в условиях добросовестности и разумности их поведения при соблюдении баланса частных и публичных интересов, предназначенную для многократного применения.*

Установлено, что норма-предписание гражданского права представляет собой единичную логически завершенную модель поведения субъекта гражданского права, закрепленную в абзаце, части, пункте или статье нормативного правового акта системы гражданского законодательства, а также то, что из совокупности единичных моделей (норм-предписаний) в результате последовательно проведенных логических операций составляется одно сложное условное логическое суждение импликативного типа (норма-суждение) о поведенческих возможностях субъектов гражданского права.

Предложенное определение, являясь впервые сформулированным, вносит вклад в развитие теории гражданского права, позволяет на более высоком научном уровне подойти к восприятию гражданско-правовых норм, а с практической точки зрения предоставляет юридически значимую информацию о признаках норм-предписаний и отражает их рекомендательный характер. Из приведенного определения следует, что норма-предписание выступает в качестве рекомендуемой модели поведения участников гражданско-правовых отношений, а не общеобязательного правила поведения, поддерживаемого принудительной силой государства.

Предложенный подход соответствует обоснованным нами предложениям по формированию норм гражданского права в рамках диспозитивного метода правового регулирования с нормативно установленной презумпцией их диспозитивности.

3. Разработано определение понятия «норма-суждение» гражданского права, в соответствии с которым под гражданско-правовой нормой-суждением понимается *сложное условное логическое суждение импликативного типа, построенное по формуле «если… то», представляющее собой целостную модель поведения участников индивидуализированной правовой связи, возникающей в процессе участия в экономических отношениях, состоящее из ряда норм-предписаний, выстроенных в*

определенную логическую цепочку в процессе последовательного проведения совокупности логических операций.

Обосновано, что норма-суждение содержит юридически значимую информацию о поведенческих возможностях участников конкретной правовой связи, указывающую на пределы изменения их правового положения в результате реализации (отказа в реализации) предоставленных им прав и (или) возложенных на них обязанностей.

Предложенное определение наряду с тем, что вносит вклад в развитие теории гражданского права, предоставляет практическую информацию о процедуре формирования модели поведения участников конкретного гражданско-правового отношения и логической структуре гражданско-правовых норм, необходимую в процессе формирования норм гражданского права и включении их в ГК.

4. Обоснована новая классификация диспозитивных норм.

В ходе исследования установлено, что в ГК закреплены три типа диспозитивных норм, составляющих единую группу, отличающихся друг от друга как своими формулировками, так и пределами регулятивного воздействия на участников экономической деятельности, что позволяет государству в максимальной степени учесть потребности экономического оборота.

Диспозитивные нормы первого типа предоставляют субъектам гражданского права наибольшие возможности собственного моделирования правил участия в возникающем между ними правоотношении, т. е. обладают наибольшей степенью диспозитивности, ограниченной общими требованиями гражданского правопорядка.

Диспозитивные нормы второго типа, так же как и нормы первого типа, предусматривают возможность их изменения, но, во-первых, в отличие от последних ограничивают пределы собственного усмотрения сторон закреплением минимально необходимого требования к содержанию правоотношения и, во-вторых, обусловливают пределы изменения норм непосредственно их содержанием, т. е. обладают меньшим объемом диспозитивности, чем нормы первого типа, ограничивая собственное усмотрение сторон правоотношения закрепленными в норме минимальными или максимальными пределами, что служит цели предоставления правовых гарантий определенного развития соответствующего экономического отношения с учетом минимально закрепленных экономических интересов слабой стороны гражданско-правовой связи.

Диспозитивные нормы, включенные нами в третий тип, наряду с тем, что допускают собственное усмотрение сторон, в отличие от норм первого типа ограничивают свободу собственного усмотрения участ-

ников правоотношения содержанием диспозитивной нормы, но в отличие от норм второго типа не ограничивают пределы такого усмотрения, определяемые исключительно императивными нормами, закрепленными в ст. 2 и 9 ГК, а также общим требованием правомерности поведения субъектов гражданского права.

На основе проведенного анализа выявлено, что диспозитивные нормы:

– всех трех типов выполняют восполнительную функцию, выраженную в обязательности их применения в том случае, если стороны соответствующей правовой связи не согласуют иные условия участия в гражданском правоотношении и, следовательно, направлены на устранение правового вакуума в конкретном сегменте гражданско-правовых отношений;

– второго и третьего типов наряду с восполнительной функцией наделены функцией, позволяющей государству ограничить пределы изменения диспозитивной нормы ее содержанием (нормы второго и третьего типа), а также устанавливающие пределы собственного усмотрения сторон минимальными или максимальными пределами (нормы второго типа).

Таким образом, нормы анализируемых типов наряду с тем, что способствуют устранению правового вакуума в случае умолчания сторон правоотношения, гарантируют выполнение участниками экономических отношений минимально необходимых с позиции государства требований к содержанию правоотношения, т. е. наряду с восполнительной функцией в рамках применяемого, в целом диспозитивного метода правового регулирования выполняют гарантийную функцию.

Предложенная классификация диспозитивных норм предоставляет юридически значимую информацию о роли и функциях диспозитивных норм в рамках применяемой в действующей модели гражданского права нормативно ограниченной диспозитивности правового регулирования, а также может служить вкладом в развитие теории гражданского права.

5. Сформулировано определение понятия «диспозитивная норма», под которой следует понимать *разработанную государством, законодательно закрепленную, обязательную для применения единичную модель разрешенного поведения, применяемую по умолчанию в неизменном виде, допускающую ее изменение в пределах, установленных диспозитивной нормой, и гарантирующую минимально необходимый государству вариант поведения субъектов*.

Авторское определение понятия «диспозитивная норма» представляет интерес с точки зрения развития теории гражданского права, а

также выступает источником юридически значимой информации о признаках и функциях диспозитивных норм, необходимой в процессе формирования модели гражданского права и принятии решения о целесообразности их включения в ГК либо исключения из него.

6. Предложена новая классификация императивных норм.

В результате анализа совокупности норм, закрепленных в ГК, установлено, что в его состав включены три типа императивных правовых норм, составляющих единую группу, отличающихся друг от друга по порядку применения и направленности регулятивного воздействия. Общая дозволительная направленность регулирования экономических отношений, участники которых подпадают под воздействие норм гражданского права, предопределила используемую в гражданском праве конструкцию императивных норм, отличающуюся по порядку применения и цели регулятивного воздействия от императивных норм публично-правовых отраслей, допускающую правомерный отказ заинтересованного субъекта от применения императивных норм гражданского права, который возможен по решению лица, чье право нарушено.

Первый тип составляют нормы, применение которых является обязательным для всех участников гражданско-правовых отношений вне зависимости от их воли.

Отличительной чертой императивных норм первого типа является необходимость их применения и, соответственно, неукоснительного соблюдения всеми субъектами гражданского права во всех случаях участия в гражданско-правовых отношениях. Конструкция императивных норм первого типа, направленность регулятивного воздействия и цели принятия не допускают их правомерного игнорирования по воле участников соответствующего правоотношения, что соответствует цели создания и поддержания стабильного гражданского правопорядка.

Второй тип составляют императивные нормы, устанавливающие различного рода запреты и ограничения в гражданских правах и возлагающие определенные обязанности, вытекающие из противоправного поведения.

Нормы второго типа, в отличие от норм первого типа, подлежат применению не во всех случаях участия в гражданско-правовых отношениях и не всеми субъектами гражданского права, а только в случае нарушения непосредственно указанных или иных норм, но при обстоятельствах, предусмотренных анализируемыми нормами.

Следовательно, нормы второго типа отличаются от норм первого типа, во-первых, направленностью своего действия, во-вторых, процедурой применения и, в-третьих, возможностью их правомерного игнорирования субъектами правоприменения.

К третьему типу нами отнесены императивные нормы, направленные непосредственно на защиту прав и законных интересов слабой стороны гражданского, как правило договорного, правоотношения.

Императивные нормы третьего типа отличаются от императивных норм двух других типов в первую очередь целью воздействия на субъектов гражданского права, которая, по нашему мнению, состоит в том, чтобы предоставить участникам гражданско-правовых отношений, особенно их слабой стороне, максимальные правовые возможности защиты своих нарушенных прав и законных интересов, что указывает на необходимость квалификации анализируемых правовых норм как охранительные. Кроме того, императивные нормы третьего типа отличаются от норм первого типа необязательностью применения, а от норм второго типа – порядком и субъектами применения.

Предложенная трихотомия охватывает весь спектр императивных норм, закрепленных в действующем ГК, а процедура их применения и степень регулятивного воздействия на участников гражданско-правовых отношений соответствуют общей, в целом диспозитивной направленности гражданско-правового регулирования, предоставляющей участникам гражданско-правовых отношений максимально допустимую с позиции государства свободу выбора вариантов своего поведения, в том числе и в случае нарушения их субъективных гражданских прав и законных интересов.

В процессе исследования императивных норм опровергнут имеющий место в цивилистической литературе вывод о том, что система гражданского права основана на применении одновременно двух методов правового регулирования – императивном и диспозитивном. Определено, что императивные нормы системы гражданского права используются в рамках общего «правонаделительного регулирования». Установлено, что императивные гражданско-правовые нормы включаются в действующую систему гражданского права в случаях, когда необходимо направить поведение субъектов гражданского права в нужном государству и обществу русле, создать правовые условия участия в экономической деятельности, гарантирующие желаемый правовой и фактический (экономический) результат.

Разработанная классификация наряду с вкладом в развитие теории гражданского права предоставляет юридически значимую информацию о признаках и функциях императивных норм каждого типа, необходимую в процессе формирования норм гражданского права и включения их в ГК.

7. Сформулировано определение понятия «императивная норма» гражданского права, под которой следует понимать *разработан-*

ную государством единичную модель поведения, направленную на создание правовой основы необходимого государству гражданского правопорядка, гарантирующую приемлемый с точки зрения государства вариант поведения субъектов, предоставляющую гарантии правовой защищенности слабой стороне правоотношения, не предусматривающую возможность изменения ее содержания соглашением сторон, но допускающую ее правомерное игнорирование заинтересованным в применении субъектом [34-А, с. 97].

Авторское определение понятия «императивная норма» вносит вклад в развитие теории гражданского права и является источником юридически значимой информации о признаках и функциях императивных норм, необходимой в процессе формирования норм гражданского права, составляющих модель гражданско-правового регулирования и принятии решения о целесообразности применения императивных норм каждого из трех типов в соответствующих статьях ГК.

8. Обосновано место и предназначение санкции в системе гражданско-правовых средств.

Предложено считать, что *санкция не является элементом логической структуры гражданско-правовой нормы и представляет собой юридическое средство, используемое для психологического понуждения субъектов к поведению, предлагаемому государством, не являющееся самостоятельным элементом логической структуры правовой нормы, размещенное в ее диспозиции и содержащее указание на правовые последствия поведения субъекта, на то, каким образом изменится правовое положение лица, совершившего деяние, предусмотренное гипотезой нормы гражданского права*.

Исследование действующей системы гражданского права, изучение строения, предназначения и способов применения сложного условного логического суждения импликативного типа, построенного по модели «если − то», предлагаемого наукой «логика», позволили сделать вывод, что все правовые нормы представляют собой логические конструкции, выраженные при помощи символов русского языка. Умозаключения о правах и обязанностях субъектов гражданского права представляют собой логические суждения, вытекающие одно из другого и логически взаимосвязанные между собой, что является основанием для приложения логической модели к системе гражданско-правовых норм и утверждения, что все нормы гражданского права имеют двухэлементную логическую структуру, построенную по модели, разработанной в рамках науки «логика» по формуле «если − то», состоящую из гипотезы и диспозиции.

9. Разработана классификация диспозиций гражданско-правовой нормы. Исходя из понятия и места санкции в системе гражданско-правовых средств, *диспозицию нормы гражданского права следует классифицировать на имеющую положительное (позитивное) и отрицательное (негативное) содержание*.

Как позитивная, так и негативная диспозиции содержат юридически значимую информацию о правовом результате, которого достигнет субъект гражданского права в случае совершения (несовершения) деяния, указанного в гипотезе гражданско-правовой нормы. Причем гипотезы могут содержать как модели разрешенного (рекомендуемого), так и модели запрещенного, не рекомендуемого государством поведения.

Предложенная классификация наряду с тем, что имеет значение для развития теории цивилистики, предоставляет информацию о структуре гражданско-правовой нормы и возможных видах диспозиций, необходимую в процессе формирования норм гражданского права и включении их в ГК.

10. Обоснована методика толкования норм гражданского права и условий гражданско-правового договора, состоящая в том, что процесс интерпретации норм гражданского права связан с необходимостью применения в неразрывном единстве и в обоснованной определенной логической последовательности таких методов толкования, как грамматический, систематический, логический и телеологический (применяемый с учетом исторического метода), чем предопределено четыре этапа толкования.

На первом этапе применяется грамматический метод толкования, что обусловлено необходимостью уяснения смысла правовой нормы, графически выраженной при помощи символов русского языка и способствует дальнейшему уяснению ее действительного значения посредством последовательного применения других методов, входящих в методику толкования.

Второй этап состоит в использовании систематического метода толкования, позволяющего провести анализ интерпретируемой нормы в системе норм гражданского права, определить наличие других норм, связанных с интерпретируемой нормой логикой правового регулирования, дополняющих и уточняющих ее.

На третьем этапе уяснения действительного смысла применяемой правовой нормы применению подлежит логический метод толкования, позволяющий соотнести смысл гражданско-правовой нормы с логикой экономического оборота, что способствует получению наиболее достоверного вывода в процессе уяснения ее действительного смысла.

Четвертым, завершающим, этапом интерпретации следует признать

применение телеологического метода толкования правовых норм, используемого с учетом приемов исторического метода, что в совокупности позволит удостовериться в точности предварительных выводов толкования, полученных на основании использования трех вышеназванных методов, сопоставить полученные выводы с целью разработки конкретных правовых норм применительно к конкретным историческим условиям их введения в действие, а также с основами гражданско-правового регулирования и смыслом гражданского права как основной отрасли частного права.

Предложено включить в структуру ГК ст. 5^1 «Толкование норм гражданского законодательства», что направлено на совершенствование процедуры толкования норм гражданского права и условий договора, а также нормативного закрепления разработанной методики толкования.

Статья 5^1. Толкование норм гражданского законодательства

1. Толкование норм должно осуществляться в соответствии с Конституцией Республики Беларусь, основами гражданско-правового регулирования (статья 2) и целями принятия нормативного правого акта, отдельной правовой нормы либо их логически объединенной совокупности.

2. Разрешая спор о праве гражданском, суду необходимо исследовать слова и выражения применяемой нормы в значении, которое они имеют в русском (белорусском) языке, определить место применяемой нормы в системе гражданского права и ее взаимосвязь с другими нормами системы, соотнести текст нормы с логикой экономического оборота и установить цель принятия нормы применительно к конкретным историческим условиям.

3. Не допускается отказ в осуществлении правосудия по мотивам неясности или отсутствия применимых норм, наличия неразрешимых сомнений в отношении фактических обстоятельств, выступающих предметом спора, безнравственности или несправедливости нормативного правового акта, подлежащего применению.

4. Правила, закрепленные в п. 1, 2 и 3 настоящей статьи, применяются при толковании условий договора.

Включение в структуру ГК ст. 5^1 с предложенным содержанием позволяет:

– установить обязанность интерпретатора в процессе толкования норм гражданского права опираться на нормы Конституции, учитывать основы гражданско-правового регулирования, закрепленные в ст. 2 ГК (в новой редакции) и цель принятия как отдельного нормативного правового акта, так и входящих в его состав конкретной правовой

нормы либо их совокупности, объединенной в рамках субинститута, института и т. п.;

– нормативно закрепить при разрешении спора о праве гражданском обязанность и необходимость в процессе интерпретации применяемых норм последовательно использовать обоснованную методику толкования, что послужит гарантией наиболее полного и всестороннего подхода интерпретатора к уяснению действительно смысла применяемой нормы, вложенного в нее законодателем с учетом места нормы в системе гражданско-правовых норм, ее взаимодействия с другими нормами и целей принятия нормы с учетом существующих исторических условий развития государства и общества;

– установить запрет на отказ в осуществлении правосудия, что имманентно гражданским правопорядкам развитых европейских государств.

11. На основании полученных выводов предложены некоторые изменения главы 27 ГК, включая ее название: «*Понятие, условия и толкование договора*», что в полной мере будет отражать содержание закрепленных в ней норм и упростит практическое использование непосредственно ГК.

Нормы, закрепленные в главе 27 ГК, предлагается разделить на 2 параграфа:

– § 1 «Понятие и условия договора»;

– § 2 «Толкование условий договора».

В § 1 необходимо закрепить ст. 392–400 действующей редакции ГК.

В § 2 необходимо закрепить ст. 401 ГК в новой редакции и дополнительно включить ряд статей с номером 401 и индексом (^{1}, ^{2}, ^{3}…).

Статья 401. Общие правила толкования условий договора

1. Условия договора необходимо толковать в соответствии с требованиями добросовестности, разумности, справедливости, честной деловой практики, в контексте договора в целом, с учетом цели его заключения.

2. Словам договора необходимо придавать общеупотребимое значение русского (белорусского) языка, за исключением случаев, когда слову законодательством или соглашением сторон придано специальное значение.

Статья 401^1. Приоритет волеизъявления сторон

1. Договор толкуется сторонами в соответствии с их общим волеизъявлением либо судом по ходатайству одной или обеих сторон договора.

2. При судебном толковании общее намерение сторон договора имеет приоритет над буквальным значением слов и выражений, в

том числе и в случае расхождения с буквальным смыслом условий договора.

3. Общее намерение сторон выясняется судом посредством оценки их поведения как в процессе заключения договора, так и после вступления его в силу, с учетом обстоятельств заключения договора.

4. При выявлении намерения одной из сторон придать договору определенное значение, о котором в момент заключения договора знала или должна была знать вторая сторона, договор толкуется в соответствии с намерением первой стороны.

5. В случае разногласия сторон договора относительно специально не согласованного условия, значение которого трудно установить, такому условию придается значение, противоположное интересам предложившей его стороны, но в интересах стороны, принявшей на себя обязательство по такому условию.

Статья 401[2]. Правомерность условий договора

В случае двусмысленности какого-либо условия (слова, выражения) договора, ему необходимо придавать смысл, в соответствии с которым такое условие (слово, выражение) можно признать действительным, правомерным и порождающим юридические последствия, максимально соответствующие существу договора.

Статья 401[3]. Дополнение договора

Если в ходе толкования договора будут выявлены не включенные в договор условия, которые подразумеваются исходя из существа договора и цели его заключения, такие условия подлежат включению в договор.

Статья 401[4]. Толкование в пользу потребителя

В случае разногласия сторон договора, заключенного между профессиональным участником экономического оборота (юридическим лицом, индивидуальным предпринимателем) и гражданином-потребителем относительно условия договора, спорное условие толкуется в пользу гражданина-потребителя.

Статья 401[5]. Толкование условия договора о сроке его действия

Если в договоре срок его действия определен календарной датой с использованием предлогов «до» или «по», то условие о сроке действия договора с использованием предлога «до» толкуется как срок, в который не включается календарная дата, определяющая предел действия договора, а условие о сроке действия договора с использованием предлога «по» толкуется как срок, в который включается календарная дата, определяющая предел действия договора.

Предложенные изменения ГК позволят повысить эффективность судебного разрешения споров, вытекающих из гражданско-правовых

договоров, что в целом положительно скажется на стабильности гражданского оборота и динамике экономического развития.

12. Разработаны критерии, которым должно соответствовать современное гражданское право Республики Беларусь.

В частности, в процессе формирования новой совокупности гражданско-правовых норм необходимо учитывать, что современное гражданское право должно:

– соответствовать нормам, закрепленным в ст. 1 Конституции, согласно которым Республика Беларусь является государством демократическим и государством правовым (стремится стать правовым государством);

– основываться на нормах ст. 2 Конституции, в соответствии с которыми высшей ценностью белорусского общества и государства является человек, его права, свободы и гарантии их реализации;

– учитывать нормы, закрепленные в ст. 13 Конституции, предоставляющие всем равные права для осуществления хозяйственной и иной деятельности, кроме запрещенной правовыми нормами, и гарантирующие равную защиту и равные условия для развития государственной и частной форм собственности;

– базироваться на нормах, закрепленных в ст. 44 Конституции, которыми собственнику имущества предоставляется по сути неограниченное право реализации правомочий владения, пользования и распоряжения законно приобретенным имуществом как единолично, так и совместно с другими лицами;

– учитывать предписания Директив № 3 и № 4, Программы социально-экономического развития, согласно которым со стороны государства требуется принятие комплекса мер, которые могли бы существенно поднять роль предпринимательства, реально повысить его вклад в формирование темпов экономического роста, обеспечение высокой эффективности функционирования белорусской экономики на основе максимального использования частной инициативы.

Исходя из предложенных критериев, обоснован вывод, что совокупность гражданско-правовых норм, закрепленных в ГК, после их модернизации должна обеспечивать решение следующих задач гражданско-правового регулирования:

– создание благоприятных условий для развития и осуществления частной предпринимательской деятельности, что на законодательном уровне признано одним из основных стратегических факторов устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь;

– высокую эффективность функционирования белорусской экономики на основе максимального использования частной инициативы,

что, в свою очередь, возможно в случае предоставления субъектам гражданского права максимальной свободы в процессе моделирования своих гражданско-правовых отношений;

– минимально необходимое вмешательство государства в частные дела, преимущественно с целью защиты общественных, а также индивидуальных экономических прав и законных интересов;

– стабильность, как правило, длительных экономических связей, опосредованных нормами гражданского права;

– построение на государственной территории гражданского общества и правового государства, что предусмотрено нормами ст. 1 Конституции [32-А, с. 51; 72-А, с. 208–209].

13. На основании разработанных критериев и определенных в соответствии с ними задач обоснован вывод, что модель гражданско-правового регулирования, основанная на дихотомии норм гражданского права с закрепленной презумпцией их императивности, не оправдала себя и требует изменения, на основании чего **введено понятие «нормативно ограниченная диспозитивность»,** в соответствии с которым *под нормативно ограниченной диспозитивностью следует понимать предусмотренное нормами гражданского права положение участников гражданско-правовых отношений, в соответствии с которым их инициатива и собственное усмотрение ограничены формально диспозитивными нормами, а правовые возможности подчинены юридической формуле «дозволено только то, что прямо разрешено законодательством».*

14. Выявлена совокупность норм гражданского права, закрепленных в ГК и непосредственно определяющих правовые возможности субъектов гражданского права, устанавливающих пределы их собственного усмотрения, в том числе по изменению гражданско-правовых норм своим соглашением, и поддерживающих презумпцию императивности гражданско-правовых норм с нормативно установленным приоритетом государственных и общественных интересов над интересами отдельной личности и нормативно ограниченную диспозитивность гражданско-правового регулирования в целом.

К указанным отнесены нормы, закрепленные в ст. 2, 5, 7, 169, 391 и 392 ГК, проведен их критический анализ применительно к влиянию, оказываемому названными нормами на развитие экономических отношений, в том числе на стимулирование предпринимательской инициативы и деловой активности частных лиц.

На основании проведенного анализа сделан вывод, что их содержание и, соответственно, применяемый в действующей системе гражданского права метод правового регулирования подлежат корректировке.

Внесены **предложения по изменению норм, закрепленных** в ст. 2, 5, 7, 169, 391 и 392 ГК, направленные на приведение системы гражданского права в соответствие с требованиями гражданского оборота современного демократического государства посредством установления нормативно закрепленной презумпции диспозитивности норм гражданского права, что позволит по-новому подойти к формированию совокупности гражданско-правовых норм, закрепленных в ГК и преодолеть имманентную ему нормативно ограниченную диспозитивность.

Статья 2. Основы гражданско-правового регулирования

1. Гражданско-правовое регулирование основывается на признании:

достоинства и свободы человека, его фундаментальных прав, недопустимости их нарушения;

недопустимости произвольного вмешательства в личную сферу человека;

диспозитивности гражданских прав;

инициативы субъектов гражданских прав;

юридического равенства участников гражданских отношений;

свободы договора;

свободы осуществления предпринимательской деятельности, движения финансов, товаров, работ и услуг;

необходимости осуществления гражданских прав и исполнения обязанностей в соответствии с добрыми нравами, требованиями разумности, справедливости и здравым смыслом в условиях делового сотрудничества;

необходимости оптимального соотношения частных и публичных интересов;

возможности беспрепятственного осуществления гражданских прав;

возможности восстановления нарушенных гражданских прав, их судебной защиты;

неприкосновенности имущества, вещные права на которое приобретены законным путем.

2. В соответствии с основами гражданско-правового регулирования участники гражданско-правовых отношений:

вправе рассчитывать на то, что их фундаментальные права и свободы будут соблюдаться всеми участниками гражданско-правовых отношений, включая государство и его органы;

гарантированы от произвольного вмешательства в их личную сферу, за исключением случаев, когда такое вмешательство осуществляется на основании решения суда, принятого в интересах национальной

безопасности, общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав и свобод других лиц;

свободны в установлении и осуществлении любых гражданских прав и обязанностей, в том числе на основе договора и в определении любых не противоречащих основам гражданско-правового регулирования (пункт 1 статьи 2) условий договора. Исключение составляют права и обязанности, установление и (или) осуществление которых противоречит добрым нравам, морали и нравственности либо прямо запрещено нормами гражданского права;

приобретают и осуществляют свои гражданские права и обязанности по собственной инициативе, на основании свободно сформированной воли и в своих интересах (за исключением случаев, когда гражданские обязанности возлагаются на участника гражданско-правовых отношений решением суда), по собственной инициативе принимают решение об отказе от реализации принадлежащих им гражданских прав при условии соблюдения прав и законных интересов других лиц;

участвуют в гражданских отношениях на равных, равны перед законодательством, не могут пользоваться преимуществами и привилегиями, противоречащими законодательству, имеют право без всякой дискриминации на равную защиту прав и законных интересов;

свободны в заключении договора; понуждение к заключению договора не допускается, за исключением случаев, когда обязанность заключить договор предусмотрена нормами законодательства или добровольно принятым обязательством;

свободны в осуществлении предпринимательской деятельности, вправе рассчитывать на свободное перемещение финансов, товаров, работ и услуг без всякой дискриминации; обязаны сотрудничать друг с другом с целью надлежащего исполнения взятых на себя обязательств;

устанавливая и реализуя свои гражданские права, исполняя обязанности, должны действовать в соответствии с требованиями разумности, справедливости и здравым смыслом; добросовестность и разумность участников гражданских правоотношений предполагается, поскольку не установлено иное;

приобретая и осуществляя свои гражданские права и обязанности, должны учитывать публичные интересы (интересы общественной безопасности, охраны окружающей среды, историко-культурных ценностей, другие общественно значимые интересы), не могут совершать действия, направленные на ущемление прав и защищаемых законом интересов других лиц; государство в процессе реализации функ-

ций государственного управления экономикой обязано учитывать не противоречащие интересам общества частные интересы;

вправе осуществлять защиту гражданских прав в суде и иными способами, предусмотренными законодательством, а также самозащиту гражданских прав с соблюдением пределов, определенных гражданско-правовыми нормами, могут рассчитывать на то, что спор о праве гражданском будет разрешен судом в соответствии с нормами гражданского права и законными ожиданиями сторон;

имеют право на охрану и защиту государством имущества, вещные права на которое приобретены законным путем; неприкосновенность имущества гарантируется, а принудительное отчуждение допускается лишь по мотивам общественной необходимости при соблюдении условий и порядка, определенных законом, со своевременным и полным компенсированием стоимости отчужденного имущества либо согласно постановлению суда.

Статья 5. Применение норм гражданского законодательства по аналогии

1. В случаях, когда предусмотренные статьей 1 настоящего Кодекса отношения прямо не урегулированы правовыми нормами, соглашением сторон или правовым обычаем, к таким отношениям, поскольку это не противоречит их существу, применяется норма гражданского права, регулирующая сходные отношения (аналогия закона).

2. Спор о праве гражданском, возникший между субъектами на основе заключенного между ними договора либо односторонней сделки, не предусмотренными ГК, при отсутствии нормы, регулирующей сходные отношения, разрешается судом в соответствии с основами гражданско-правового регулирования (статья 2), добрыми нравами, требованиями разумности, справедливости и здравым смыслом (аналогия права).

3. Не допускается применение по аналогии норм, ограничивающих гражданские права и устанавливающих ответственность, а также норм, устанавливающих исключения из общего правила (исключительных норм).

Статья 7. Основания возникновения гражданских прав и обязанностей

– часть 1 п. 1:

1. Гражданские права и обязанности возникают из оснований, предусмотренных нормами гражданского права, а также из действий граждан и юридических лиц, которые хотя и не предусмотрены ими, но в силу основ гражданско-правового регулирования (статья 2) порождают гражданские права и обязанности.

– абзац 1 ч. 2 п. 1 ст. 7 ГК:

1) из договоров и иных сделок, предусмотренных нормами гражданского права, а также из договоров и иных сделок, хотя и не предусмотренных нормами гражданского права, но не противоречащих основам гражданско-правового регулирования (статья 2), добрым нравам, требованиям разумности, справедливости и здравому смыслу.

Статья 169. Сделка и нормы гражданского законодательства

1. Юридически значимые действия сторон сделки признаются правомерными, если иное не установлено решением суда.

2. Сделка, не соответствующая обязательным требованиям, установленным правовыми нормами, оспорима, если законодательный акт не устанавливает иных последствий нарушения, а требованиям основ гражданско-правового регулирования (статья 2) – ничтожна.

3. Сделка, не соответствующая обязательным требованиям правовых норм, является ничтожной в случаях, прямо указанных правовыми нормами.

4. Нормы пунктов 1–3 настоящей статьи применяются к договорам.

Статья 391. Свобода договора и ее пределы

1. Участники гражданско-правовых отношений в пределах, установленных основами гражданско-правового регулирования (статья 2), свободны в определении условий договора, за исключением условий, включение которых в договор запрещено правовыми нормами, могут по собственному усмотрению изменять условия договора, предусмотренные настоящим Кодексом и иными актами гражданского законодательства, а также заключать договоры, не предусмотренные актами гражданского законодательства (статья 7).

Правовыми нормами для отдельных договоров могут быть предусмотрены условия, включение которых в договор является обязательным (статья 392).

2. Участники гражданско-правовых отношений могут включать в договор условия, предусмотренные актами гражданского законодательства для разных договоров (смешанный договор). К отношениям сторон по смешанному договору применяются в его частях правила о соответствующих договорах, если иное не вытекает из соглашения сторон или существа смешанного договора.

Статья 392. Условия договора и законодательство

1. Договор, как предусмотренный, так и не предусмотренный настоящим Кодексом, в том числе смешанный договор, должен содержать условия, предусмотренные правовыми нормами в качестве обязательных для договоров данного вида.

2. Заключение договора с условиями, включение которых в договор запрещено правовыми нормами, влечет недействительность договора в целом или в отдельной его части, если договор может быть исполнен надлежащим образом без части, признанной недействительной (пункт 3 статьи 169).

3. Если после заключения и до прекращения действия договора принят законодательный акт, устанавливающий обязательные для сторон правила, иные, чем те, которые действовали при заключении договора, условия заключенного договора сохраняют силу, за исключением случаев, когда достижение правовых и (или) экономических целей, предусмотренных такими условиями, в соответствии с вновь принятым законодательным актом будет запрещено как угрожающее национальной безопасности, общественному порядку, здоровью населения, правам и свободам других лиц либо противоречащее добрым нравам, морали и (или) нравственности.

15. На основании проведенного исследования и внесенных предложений по совершенствованию системы гражданского права **обосновано предложение об исключении из содержания формально диспозитивных норм** (в соответствии с действующей моделью) **окончания «если иное не предусмотрено соглашением сторон…»**, что в совокупности с модернизацией норм вышеуказанных статей ГК изменит модель гражданского права, предоставит участникам гражданско-правовых отношений возможность моделирования своих прав и обязанностей в рамках основ гражданско-правового регулирования, создаст правовые гарантии участия в гражданском и, как следствие, экономическом обороте в соответствии с формулой частного права демократического государства «разрешено все, кроме того, что прямо запрещено правовыми нормами».

С целью маркировки норм, которые не могут быть изменены соглашением сторон в условиях презумпции их диспозитивности **предложено включить в состав ГК ст. 3^1 «Императивные нормы»** следующего содержания: *являются императивными и не подлежат изменению на основании волеизъявления участников гражданско-правовых отношений нормы, закрепленные в статьях 2, 5, 7, 169, 391, 392 ГК* (далее необходимо перечислить статьи, нормы которых в соответствии с направлением дальнейшей модернизации ГК в рамках внесенных нами предложении не должны подлежать изменению по соглашению сторон, т. е. поддерживать предусмотренный законодателем гражданский правопорядок).

Необходимость включения в состав ГК указанной статьи обусловлена нашим предложением об исключении из Кодекса диспозитивных

норм и нормативным закреплением в ГК презумпции диспозитивности норм гражданского права, предоставляющей участникам гражданско-правовых отношений возможность изменения содержания любой нормы, за исключением тех, изменение которых прямо запрещено. При этом установлено, что исключительно с использованием правовых норм, подлежащих изменению по воле сторон, будет невозможно выстроить необходимую модель гражданско-правового регулирования, достичь разумного баланса частных и публичных интересов, создать правовые условия равного участия в гражданско-правовых отношениях всех субъектов независимо от их социального и экономического положения, законодательно предотвратить возможность ущемления прав и законных интересов слабой стороны гражданско-правового отношения.

16. Наряду с основными результатами исследования, направленными на формирование норм гражданского права, позволяющими трансформировать действующую модель гражданско-правового регулирования с целью придания гражданскому праву качеств отрасли частного права демократического государства, поддерживающего приоритет личности и ее фундаментальные права, в качестве факультативных результатов предложено внести корректировки в ряд статей ГК с целью приведения содержания их норм в соответчике с требованиями экономического оборота.

В качестве дополнительных (факультативных) результатов исследования предложено внести изменения в следующие статьи ГК.

Пункт 2 ст. 27 ГК:

2. Несовершеннолетние в возрасте до четырнадцати лет вправе самостоятельно совершать сделки, направленные на удовлетворение своих первоочередных бытовых потребностей (мелкие бытовые сделки), в том числе:

1) сделки, направленные на безвозмездное получение выгод, не требующие нотариального удостоверения либо государственной регистрации;

2) сделки по распоряжению средствами, предоставленными законным представителем или с согласия последнего третьим лицом для определенной цели или свободного распоряжения.

Часть 1 и абз. 1 ч. 2 ст. 31 ГК:

В случаях, предусмотренных законодательными актами, предпринимательская деятельность гражданина (индивидуального предпринимателя), а также деятельность гражданина в качестве учредителя, участника, собственника имущества или руководителя юридического лица может быть ограничена в судебном порядке на срок до трех лет.

Гражданин, деятельность которого ограничена в соответствии с частью первой настоящей статьи, в течение всего срока действия ограничения не может…

Пункт 3 ст. 49 ГК:

Лицо, которое в силу акта законодательства или учредительных документов юридического лица участвует от имени юридического лица в гражданско-правовых отношениях, должно действовать в его интересах добросовестно и разумно.

Предложенные корректировки указанных норм без изменения направления их регулятивного воздействия позволят избежать ненужной полемики и в целом будут способствовать повышению эффективности экономической деятельности, осуществляемой частными субъектами в рамках диспозитивного метода правового регулирования.

Также сделан вывод о необходимости удалить предлог «не» из норм, закрепленных в ***п. 1 и 2 ст. 412 ГК***, что подтверждено анализом аналогичных норм, закрепленных в гражданских кодексах Армении, Казахстана, России и ряда европейских государств.

Предложенные изменения отдельных норм Общей части ГК направлены на создание единой парадигмы гражданского права, основанной на диспозитивном методе гражданско-правового регулирования, применение которого позволит создать максимально комфортные условия для осуществления предпринимательской деятельности, что будет способствовать стимулированию деловой активности граждан, развитию творческой предпринимательской инициативы, повышению материальной заинтересованности в своем труде и, как следствие, эффективному осуществлению экономической деятельности.

Кроме того, предложенные изменения направлены на установление гражданско-правового положения участников экономической деятельности, соответствующего демократическому государственному управлению, поддерживающему общепризнанные мировым сообществом идеи и ценности, свидетельствующему о направленности Беларуси на построение гражданского общества и правового государства, на поддержание и охрану фундаментальных прав человека.

В соответствии с предложенными изменениями на новом уровне будет закреплена возможность участников экономической деятельности в процессе создания договорных конструкций не ограничиваться только рамками диспозитивных правовых норм в ходе изменения предложенных ГК моделей поведения, но моделировать свои договорные правоотношения в пределах, определенных императивными нормами, устанавливающими основы гражданско-правового регулирования (ст. 2 ГК).

Внедрение предложенного подхода к содержанию системообразующих норм ГК будет способствовать развитию частной предпринимательской инициативы, расширит правовые возможности участников экономических отношений, что, в свою очередь, должно способствовать повышению эффективности экономической деятельности, осуществляемой отдельными субъектами, и ее интенсификации в рамках государства [53-А, с. 121].

Развитие правового регулирования экономической деятельности в предложенном направлении неизменно повлечет за собой рост производительности каждого отдельного частного хозяйства и, соответственно, экономики государства в целом, будет способствовать созданию новых рабочих мест, увеличению оборота продукции и, как следствие, повышению объемов налоговых поступлений в государственный бюджет.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Список использованных источников

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – 10-е изд., стер. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2014. – 62 с.

2. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г., № 218-З : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 05.01.2016 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

3. О развитии предпринимательской инициативы и стимулировании деловой активности в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : Директива Президента Респ. Беларусь, 31 дек. 2010 г., № 4 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

4. МВФ об экономике Беларуси: повышенная уязвимость, проблемы у банков, несколько завышенный курс [Электронный ресурс] // Доклад миссии Международного валютного фонда. – Режим доступа: http://news.tut.by/economics/ 512981.html. – Дата доступа: 22.09.2016.

5. Лукашенко, А. Г. Послание Президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко к белорусскому народу и Национальному собранию Республики Беларусь [Электронный ресурс] / А. Г. Лукашенко // Официальный интернет портал Президента Республики Беларусь. – Режим доступа: http://president.gov. by/ru/news_ru/ view/aleksandr-lukashenko-21-aprelja-obratitsja-s-ezhegodnym-poslani-em-k-belorussko-mu-narodu-i-natsio-nalnomu-13517. – Дата доступа: 20.07.2016.

6. О мерах по повышению эффективности социально-экономического комплекса Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 23 фев. 2016 г., № 78 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

7. Путин, В. В. России надо быть сильной и конкурентоспособной. Послание Президента Российской Федерации В. В. Путина Федеральному собранию Российской Федерации / В. В. Путин // Рос. газ. – 2002. – 19 апр.

8. Дозорцев, В. А. Проблемы совершенствования гражданского права Российской Федерации / В. А. Дозорцев // Государство и право. – 1994. – № 1. – С. 26–36.

9. Васьковский, Е. В. Цивилистическая методология: учение о толковании и применении гражданских законов / Е. В. Васьковский. − М. : Центр ЮрИнфоР, 2001. − 508 с.

10. Васьковский, Е. В. Руководство к толкованию и применению законов / Е. В. Васьковский. − М. : Городец, 1997. − 128 с.

11. Оршанский, И. Частный закон и общее правило: материалы для русской юридической герменевтики / И. Оршанский // Журн. гражданского и уголовного права. − 1874. − Кн. 4. − С. 1−46.

12. Градовский, А. Д. О судебном толковании законов по русскому праву / А. Д. Градовский // Журн. гражданского и уголовного права. − 1874. − Кн. 1. − С. 1−62.

13. Пуцилло, П. П. Теория судебного толкования законов / П. П. Пуцилло // Журн. гражданского и уголовного права. − 1882. − Кн. 9. − С. 157−182.

14. Шершеневич, Г. Ф. Применение норм прав / Г. Ф. Шершеневич // Журн. М-ва юстиции. − 1903. − № 1. − 34−82.

15. Лазаревский, Н. И. Законодательство под видом толкования законов / Н. И. Лазаревский // Вестн. гражданского права. − 1916. − № 1. − С. 39−63.

16. Томашевский, Н. П. О структуре правовой нормы и классификации ее элементов / Н. П. Томашевский // Вопросы общей теории советского права : сб. ст. / Л. С. Галесник [и др.] ; под ред. С. Н. Братуся. − М. : Госюриздат, 1960. − 408 с.

17. Жицинский, Ю. С. Санкция нормы советского гражданского права / Ю. С. Жицинский. − Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1968. − 124 с.

18. Калмыков, Ю. Х. Вопросы применения гражданско-правовых норм / Ю. Х. Калмыков. − Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1976. − 268 с.

19. Хецуриани, Д. Г. Значение моральных норм в советском гражданском праве / Д. Г. Хецуриани. − Тбилиси : Мецниереба, 1980. − 112 с.

20. Акимов, В. И. Аналогия в советском гражданском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.712 / В. И. Акимов ; Ленингр. ун-т. − Л., 1970. − 14 с.

21. Шейндлин, Б. В. Сущность советского права / Б. В. Шейндлин. − Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1959. − 140 с.

22. Недбайло, П. Е. Советские социалистические правовые нормы / П. Е. Недбайло. − Львов : Изд-во Львов. ун-та, 1959. − 172 с.

23. Пиголкин, А. С. Толкование нормативных актов в СССР / А. С. Пиголкин. − М. : Госюриздат, 1962. − 166 с.

24. Основин, В. С. Нормы советского государственного права / В. С. Основин. − М. : Госюриздат, 1963. − 112 с.

25. Черданцев, А. Ф. Вопросы толкования советского права / А. Ф. Черданцев. − Свердловск : Изд-во Свердл. юрид. ин-та, 1972. − 192 с.

26. Лазарев, В. В. Применение советского права / В. В. Лазарев. − Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1972. − 200 с.

27. Дюрягин, И. Я. Применение норм советского права / И. Я. Дюрягин. − Свердловск : Среднеуральское кн. изд-во, 1973. − 248 с.

28. Лазарев, В. В. Пробелы в праве и пути их устранения / В. В. Лазарев. − М. : Юрид. лит., 1974. − 184 с.

29. Вопленко, Н. Н. Официальное толкование норм права / Н. Н. Вопленко. − М. : Юрид. лит., 1976. − 120 с.

30. Карташов, В. Н. Институт аналогии в советском праве / В. Н. Карташов. − Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1976. − 64 с.

31. Лейст, О. Э. Санкции и ответственность по советскому праву (теоретические проблемы) / О. Э. Лейст. − М. : Изд-во Моск. ун-та, 1981. − 240 с.

32. Сенякин, И. Н. Специальные нормы советского права / И. Н. Сенякин. − Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1987. − 96 с.

33. Насырова, Т. Я. Телеологическое (целевое) толкование советского закона / Т. Я. Насырова. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1998. – 144 с.

34. Каравай, А. В. Действие гражданско-правовых норм во времени / А. В. Каравай. − Минск : Тесей, 1999. − 224 с.

35. Витушко, В. А. Курс гражданского права. Общая часть : в 5 т. / В. А. Витушко. − Минск : БГЭУ, 2001. − Т. 1. − 414 с.

36. Витушко, В. А. Теория механизма правового регулирования экономических отношений : дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.01 / В. А. Витушко. − Минск, 2001. − 189 л.

37. Бондаренко, Н. Л. Принципы гражданского права Республики Беларусь / Н. Л. Бондаренко. − Минск : БГЭУ, 2007. − 179 с.

38. Бондаренко, Н. Л. Принципы гражданского права Республики Беларусь, их реализация в нормотворческой и правоприменительной деятельности : дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.03 / Н. Л. Бондаренко. − Минск, 2009. − 259 л.

39. Годунов, В. Н. Правовые средства обеспечения государственных нужд в товарах, работах и услугах : автореф. дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.03 / В. Н. Годунов ; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 2004. – 42 с.

40. Каменков В. С. Принцип добросовестности в договорном праве Беларуси, Европы, России / В. С. Каменков // Труд. Профсоюзы. Общество. – 2012. – № 3. – С. 63–70.

41. Подгруша, В. В. Теория и практика применения аналогии закона и аналогии права в гражданском обороте / В. В. Подгруша // Право Беларуси. – 2006. – № 2. – С. 100–104.

42. Подгруша, В. В. Теория и практика применения аналогии закона и аналогии права в гражданском обороте / В. В. Подгруша // Право Беларуси. – 2006. – № 3. – С. 92–94.

43. Салей, Е. А. Императивные нормы в международном частном праве Республики Беларусь: проблемы доктринального толкования и правоприменения / Е. А. Салей // Право и демократия : сб. науч. тр. – Вып. 20 / редкол.: В. Н. Бибило (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2009. – С. 199–211.

44. Функ, Я. И. Совершенствование правовых средств производственной кооперации (кооперирования) путем введения нового типа договора : дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.03 / Я. И. Функ. − Минск, 2008. − 239 л.

45. Чигир, В. Ф. Избранные труды / В. Ф. Чигир. – Минск : Редакция журн. «Промышленно-торговое право», 2014. – 554 с.

46. Василевич, Г. А. Пробелы и иные дефекты в законодательстве и пути их устранения / Г. А. Василевич // Право в современном белорусском обществе : сб. науч. тр. – Вып. 4 / редкол.: В. И. Семенков (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Право и экономика, 2009. – С. 4–14.

47. Дробязко, С. Г. Общая теория права : учеб. пособие / С. Г. Дробязко, В. С. Козлов. – Минск : Амалфея, 2013. – 496 с.

48. Кучинский, В. А. Современное учение о правовых отношениях / В. А. Кучинский. – Минск : Интегралполиграф, 2008. – 320 с.

49. Сильченко, Н. В. Теория верховенства закона / Н. В. Сильченко. – Минск : Беларуская навука, 2015. – 286 с.

50. Лапшин, И. С. Диспозитивные нормы российского права : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.01 / И. С. Лапшин. − Н. Новгород, 1999. − 165 л.

51. Ващенко, Ю. С. Филологическое толкование норм права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Ю. С. Ващенко ; Волжск. ун-т им. В. Н. Татищева. − Тольятти, 2002. − 18 с.

52. Горшунов, Д. Н. Нормы частного права и их реализация : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Д. Н. Горшунов ; Казан. гос. ун-т им. В. И. Ульянова-Ленина. − Казань, 2003. − 24 с.

53. Астанин, А. В. Гипотеза как элемент правовой нормы : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.01 / А. В. Астанин ; Сарат. гос. акад. права. − Саратов, 2004. − 189 л.

54. Надеждин, Г. Н. Доктринальное толкование норм права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Г. Н. Надеждин ; Нижегород. акад. МВД Рос. − Н. Новгород, 2005. − 26 с.

55. Занина, М. А. Коллизии норм права равной юридической силы (понятие, причины, виды) : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.01 / М. А. Занина. − М., 2008. − 161 л.

56. Михайлов, А. В. Роль императивных норм в правовом регулировании отношений между лицами, осуществляющими предпринимательскую деятельность, или с их участием : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / А. В. Михайлов ; Казан. гос. ун-т. − Казань, 2001. − 26 с.

57. Бородянский, В. И. Механизм взаимодействия принципов и норм гражданского права современной России : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / В. И. Бородянский. − М., 2002. − 155 л.

58. Чаусская, О. А. Применение норм гражданского права: вопросы теории и практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / О. А. Чаусская ; Сарат. гос. акад. права. − Саратов, 2002. − 22 с.

59. Слесарев, А. В. Специально-юридическое толкование норм гражданского права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / А. В. Слесарев ; Ом. гос. ун-т. − Омск, 2003. − 28 с.

60. Карпова, С. И. Нормы гражданского права : юридико-технический аспект : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / С. И. Карпова ; Моск. акад. экономики и права. − М., 2005. − 26 с.

61. Орешкин, С. И. Компенсационные нормы российского гражданского права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / С. И. Орешкин ; Волгоград. гос. ун-т. − Волгоград, 2006. − 26 с.

62. Брюхов, Р. Б. Диспозитивность в гражданском праве России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Р. Б. Брюхов ; Урал. гос. юрид. акад. − Екатеринбург, 2006. − 26 с.

63. Кузнецова, О. А. Специализированные нормы российского гражданского права: теоретические проблемы : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03 / О. А. Кузнецова ; Урал. гос. юрид. акад. − Екатеринбург, 2007. − 44 с.

64. Пронникова, Е. В. Юрисдикционное обеспечение реализации норм гражданского права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Е. В. Пронникова ; Моск. акад. экономики и права. − М., 2007. − 26 с.

65. Степанюк, Н. В. Толкование гражданско-правового договора : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Н. В. Степанюк ; Моск. гос. юрид. акад. − М., 2008. − 28 с.

66. Муратова, Д. А. Признание норм гражданского права не соответствующими нормативным правовым актам, имеющим большую юридическую силу : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Д. А. Муратова ; Рос. акад. правосуд. − М., 2009. − 26 с.

67. Прохорко, Т. Н. Диспозитивность как принцип российского гражданского права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Т. Н. Прохорко ; Перм. гос. ун-т. − Пермь, 2010. − 28 с.

68. Грушевская, Ю. В. Императивность в российском гражданском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Ю. В. Грушевская ; Кубан. гос. аграр. ун-т. − Краснодар, 2010. − 24 с.

69. Ковалева, Ю. В. Императивность в договорном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Ю. В. Ковалева ; Кубан. гос. аграр. ун-т.. − Краснодар, 2011. − 25 с.

70. Вагацума, С. Гражданское право Японии : в 2 кн. / С. Вагацума, Т. Ариидзуми ; пер. с яп. В. В. Батуренко. – М. : ПРОГРЕСС, 1983. – Кн. 1. – 352 с.

71. Джэнкс, Э. Английское право / Э. Джэнкс ; пер. А. А. Лунца. – М. : Юрид. изд-во Мин-ва юстиции СССР, 1947. – 378 с.

72. Романов, А. К. Правовая система Англии : учеб. пособие / А. К. Романов. – М. : Дело, 2002. – 342 с.

73. Эннекцерус, Л. Курс германского гражданского права : в 2 полутомах / Л. Эннекцерус ; пер. с 13-го нем. изд. К. А. Граве. – М. : Изд-во иностр. лит., 1949. – Полутом 1. – 436 с.

74. Правовая система Нидерландов / В. В. Бойцова [и др.]. – М. : Зерцало, 1998. – 421 с.

75. Шумилов, В. М. Правовая система США : учеб. пособие / В. М. Шумилов. – М. : ДеКА, 2003. – 395 с.

76. Бернам, У. Правовая система США : пер. с англ. / У. Бернам. – М. : Новая юстиция, 2007. – 1211 с.

77. Ласк, Г. Гражданское право США (право торгового оборота) / Г. Ласк ; пер. с англ. Ю. Э. Милитаревой, В. А. Дозорцева ; под ред. Е. А. Флейшиц. – М. : Изд-во иностр. лит., 1961. – 774 с.

78. Джиффорд, Д. Д. Правовая система Австралии : пер. с англ. / Д. Д. Джиффорд ; под общ. ред. [и с предисл.] Ф. М. Решетникова. – М. : Юрид. лит., 1988. – 340 с.

79. Жюллио де ла Морандьер, Л. Гражданское право Франции : в 3 т. / Л. Жюллио де ла Морандьер ; пер. с фр. Е. А. Флейшиц. – М. : Изд-во иностр. лит., 1958. – Т. 1. – 742 с.

80. Аюпова, З. К. Правовая система Республики Казахстан: теоретико-правовые аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / З. К. Аюпова. − Алматы, 2008. − 40 с.

81. Гражданское право. Общая часть : учебник : в 2 т. / Ю. Г. Басин [и др.] ; под ред. М. К. Сулейменова. – Алматы : Тамыр, 2013. – Т. 1. – 776 с.

82. Чантурия, Л. Л. Введение в общую часть гражданского права (сравнительно-правовое исследование с учетом некоторых особенностей постсоветского права) / Л. Л. Чантурия. – М. : Статут, 2006. – 349 с.

83. Быдлински, Ф. Основные положения учения о юридическом методе / Ф. Быдлински // Вестн. гражданского права. − 2006. − № 1. − С. 190−241.

84. Гражданский кодекс Российской Федерации. Части первая, вторая, третья и четвертая / в ред. по состоянию на 10 октября 2015 г. – М. : Проспект, 2015. – 640 с.

85. Гражданский кодекс Республики Казахстан / науч. ред. и предисловие Н. Э. Лившиц ; вступ. ст. И. П. Грешникова. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2002. – 1029 с.

86. Гражданский кодекс Грузии / науч. ред. З. К. Бигвава ; вступ. ст. Л. Чантурия ; предисл. И. В. Елисеева, А. В. Коновалова ; пер. с груз. И. Мериджанашвили, И. Чиковани. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2002. – 748 с.

87. Савельев, В. А. Гражданский кодекс Германии: история, система, институты : учеб. пособие / В. А. Савельев. – 2-е изд. перераб. и доп. – М. : Юрист, 1994. – 96 с.

88. Гражданский кодекс Франции (Кодекс Наполеона) / пер. с фр., предисл., коммент., приложения В. Н. Захватаева. – М. : Инфотроник Медиа, 2012. – 624 с.

89. Гражданский кодекс Украины [Электронный ресурс] : 16 янв. 2003 г., № 435=IV – с изм. от 05.04.2017 г. – Режим доступа: http:// meget.kiev.ua/kodeks/ grazdanskiy-kodeks. – Дата доступа: 30.08.2017.

90. Гражданский кодекс Республики Узбекистан [Электронный ресурс] : введен в действие 1 марта 1997 г. Постановлением Олий Мажлиса Респ. Узбекистан, 29 авг. 1996 г., № 257-I. – Режим доступа: http://www.fmc.uz/legisl.php?id= k_grajd. – Дата доступа: 11.09.2016.

91. О нормативных правовых актах Республики Беларусь : [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 10 янв. 2000 г., № 361-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

92. Шиенок, В. П. Очерки гуманистической методологии национальной юриспруденции / В. П. Шиенок. – Минск : Междунар. ун-т «МИТСО», 2016. – 158 с.

93. РИА Новости [Электронный ресурс] / Россия сегодня. – Режим доступа: https://ria.ru/society. – Дата доступа: 08.10.2016.

94. Якушев, В. С. Гражданский кодекс Российской Федерации и гражданское законодательство / В. С. Якушев // Цивилистические записки : межвузовский сб. науч. тр. – М. : Статут, 2001. – С. 21–30.

95. Российское гражданское право : учебник : в 2 т. / В. С. Ем [и др.] ; под ред. Е. А. Суханова. – М. : Статут, 2010. – Т. 1. – 958 с.

96. Белов, В. А. Гражданское право. Общая часть : учебник / В. А. Белов. – М. : Юрайт, 2011. – Т. 1 : Введение в гражданское право.– 521 с.

97. О Президенте Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 21 февр. 1995 г., № 3602-XII // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

98. Василевич, Г. А. Иерархия одноуровневых нормативных правовых актов / Г. А. Василевич // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

99. О предоставлении юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям во временное пользование торговых площадей в пунктах продаж [Электронный ресурс] : Декрет Президента Респ. Беларусь, 25 марта 2003 г., № 10 (утр. силу) // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

100. Об очередности погашения требований по денежному обязательству [Электронный ресурс] : Декрет Президента Респ. Беларусь, 20 окт. 2004 г., № 10 (утр. силу) // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

101. О некоторых вопросах аренды капитальных строений (зданий, сооружений), изолированных помещений, машино-мест [Электронный ресурс] : Декрет Президента Респ. Беларусь, 19 дек 2008 г., № 24 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

102. О государственной регистрации и ликвидации (прекращении деятельности) субъектов хозяйствования [Электронный ресурс] : Декрет Президента Респ. Беларусь, 16 янв. 2009 г., № 1 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

103. О некоторых вопросах залога имущества [Электронный ресурс] : Декрет Президента Респ. Беларусь, 1 марта 2010 г., № 3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

104. О некоторых мерах по упорядочению посреднической деятельности при продаже товаров [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 7 марта 2000 г., № 117 (утр. силу) // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

105. О некоторых вопросах организационно-правового обеспечения деятельности колхозов [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 2 фев. 2001 г., № 49 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

106. О некоторых мерах по регулированию предпринимательской деятельности [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 18 июня 2005 г., № 285 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

107. О некоторых мерах по защите прав граждан, выполняющих работу по гражданско-правовым и трудовым договорам [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 6 июля 2005 г., № 314 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

108. О страховой деятельности [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 25 авг. 2006 г., № 530 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

109. О некоторых мерах по упорядочению сделок по отчуждению транспортных средств [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 15 окт. 2007 г., № 504 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

110. О мерах по совершенствованию учета и сокращению количества пустующих и ветхих домов в сельской местности [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 23 фев. 2012 г., № 100 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

111. Минюст хочет ограничить количество нормативных актов президента [Электронный ресурс] // Ежедневник. by. – Режим доступа: https://eg.by/. – Дата доступа: 04.02.2017.

112. О совершенствовании судебной системы Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Декрет Президента Респ. Беларусь, 29 нояб. 2013 г., № 6 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

113. Василевич, Г. А. Конституционное право Республики Беларусь / Г. А. Василевич. – Минск : Книжный Дом, 2010. – 768 с.

114. Кодекс Республики Беларусь о судоустройстве и статусе судей [Электронный ресурс] : 29 июня 2006 г., № 139-З : принят Палатой представителей 31 мая 2006 г. : одобр. Советом Респ. 16 июня 2006 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 22.12.2016 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

115. О порядке возврата паевых взносов гражданам, выбывшим из жилищно-строительных кооперативов, осуществляющих строительство жилых домов [Электронный ресурс] : Решение Конституционного Суда Респ. Беларусь, 12 июля 2001 г., № Р-124/2001 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

116. Об определении понятия «доход» для целей квалификации незаконной предпринимательской деятельности при привлечении к уголовной ответственности [Электронный ресурс] : Решение Конституционного Суда Респ. Беларусь, 12 нояб. 2002 г., № Р-151/2002 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

117. 150. Мейер, Д. И. Русское гражданское право : учебник / Д. И. Мейер (по испр. и доп. 8-му изд. 1902 г.) − 2-е изд., испр. − М. : Статут, 2000. − 831 с.

118. Калинин, В. Н. судебная практика как источник гражданского права / В. Н. Калинин // Современные проблемы права и управления : сб. докл. 6-й Междунар. науч. конф., Тула / Ин-т законоведения и управления ВПА. – Тула : Папирус, 2016. – С. 123–128.

119. Реут, В. И. Нормотворчество главы государства: отечественный опыт и зарубежная практика / В. И. Реут. – Минск : ИСПИ, 2004. – 187 с.

120. Попондопуло, В. Ф. Частное и публичное право как отрасли права / В. Ф. Попондопуло // Цивилистические записки : межвузовский сб. науч. тр. – Вып. 2. – М. : Статут ; Екатеринбург : Ин-т частного права, 2002. – С. 17–40.

121. Пашков, А. С. Эффективность правового регулирования и методы ее выявления / А. С. Пашков, Д. М. Чечот // Советское государство и право. – 1965. – № 8. – С. 3–11.

122. Жинкин, С. А. Некоторые проблемы видов эффективности норм права / С. А. Жинкин // Журн. рос. права. – 2004. – № 2. – С. 30–33.

123. Поленина, С. В. Взаимодействие системы права и системы законодательства в современной России / С. В. Поленина // Государство и право. – 1999. – № 9. – С. 5–12.

124. Садиков, О. Н. О системе норм Гражданского кодекса / О. Н. Садиков // Журн. рос. права. − 1998. − № 1. − С. 13−22.

125. Спиридонов, Л. И. Теория государства и права / Л. И. Спиридонов. − М. : Статус ЛТД +, 1996. − 304 с.

126. Голунский, С. А. К вопросу о понятии правовой нормы в теории социалистического права / С. А. Голунский // Советское государство и право. − 1961. − № 4. − С. 21−36.

127. Иоффе, О. С. Вопросы теории права / О. С. Иоффе, М. Д. Шаргородский. – М. : Юрид. лит., 1961. – 381 с.

128. Вишневский, А. Ф. Общая теория государства и права : курс лекций / А. Ф. Вишневский. – Минск : Тесей, 2012. – 370 с.

129. Теория государства и права : учебник / В. К. Бабаев [и др.] ; под ред. В. К. Бабаева. – М. : Юристъ, 2002. – 592 с.

130. Проблемы теории государства и права : учеб. пособие / А. Г. Бережнов [и др.] ; под ред. М. Н. Марченко. – М. : Юристь, 2001. – 656 с.

131. Сільчанка, М. У. Агульная тэорыя права : навуч. дапаможнік : у 4 ч. / М. У. Сільчанка. – Гродна : ГрДУ, 1997. – Ч. 1 : Паходжанне, сутнасць, нормы і крыніцы права. – 95 с.

132. Байтин, М. И. Сущность права: современное нормативное правопонимание на грани двух веков / М. И. Байтин. − Саратов : СГАП, 2001. − 416 с.

133. Нерсесянц, В. С. Общая теория права и государства : учебник / В. С. Нерсесянц. – М. : НОРМА; Инфра-М, 2010. – 552 с.

134. Поляков, А. В. Общая теория права / А. В. Поляков. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2001. – 642 с.

135. Сырых, В. М. Теория государства и права : учебник / В. М. Сырых. − М. : Юстицинформ, 2004. – 704 с.

136. Протасов, В. Н. Теория права и государства. Проблемы теории права и государства / В. Н. Протасов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрайт-М, 2001. – 346 с.

137. Черданцев, А. Ф. Теория государства и права : учебник / А. Ф. Черданцев. – М. : Юрайт-М., 2001. – 432 с.

138. Венгеров, А. Б. Теория государства и права : учебник / А. Б. Венгеров. – М. : Юриспруденция, 2000. – 528 с.

139. Калинычев, Ф. И. Некоторые вопросы теории советского государства и права в связи с дальнейшим развитием социалистической демократии / Ф. И. Калинычев // Советское государство и право. − 1960. − № 2. − С. 31−45.

140. Алексеев, С. С. Теория права / С. С. Алексеев. – М. : БЕК, 1994. – 223 с.

141. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеол. выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова ; Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – М. : Азбуковник, 1999. − 944 с.

142. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 1998. – 1456 с.

143. Большой энциклопедический словарь / под ред. А. М. Прохорова. – М. : Большая рос. энцикл. ; СПб. : НОРИНТ, 1997. – 1536 с.

144. Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / А. Б. Бабаев [и др.] ; под ред. В. А. Белова. – М. : Юрайт-Издат, 2007. – 993 с.

145. Черданцев, А. Ф. Толкование права и договора / А. Ф. Черданцев. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2003. – 381 с.

146. Ващенко, Ю. С. Филологическое толкование норм права : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.01 / Ю. С. Ващенко. − Тольятти, 2002. − 182 л.

147. Галесник, Л. С. Нормы права и практика коммунистического строительства / Л. С. Галесник // Вопросы общей теории советского права : сб. ст. / Л. С. Галесник [и др.] ; под ред. С. Н. Братуся. − М. : Госюриздат, 1960. − 408 с.

148. Нормы советского права: проблемы теории / В. К. Бабаев [и др.] ; под ред. М. И. Байтина, В. К. Бабаева. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1987. – 248 с.

149. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 15.07.2015 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

150. Маркс, К. Избранные произведения : в 2 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М., 1948. – Т. 2. – С. 376.

151. Трахименок, С. А. Проблемы эффективности действия правовых норм с позиции правовой психологии и социологии права / С. А. Трахименок // Актуальные проблемы развития современного белорусского государства и права : материалы респ. науч.-практ. конф., 16–17 апр. 2010 г., ГрГУ им. Я. Купалы ; ред. кол.: Н. В. Мисаревич (отв. ред.) [и др.]. – Гродно : ГрГУ, 2010. – С. 23–29.

152. Баранов, В. М. Поощрительные нормы советского социалистического права / В. М. Баранов ; под ред. М. И. Байтина. − Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1978. − 146 с.

153. Кудрявцев, Ю. В. Нормы права как социальная информация / Ю. В. Кудрявцев. − М. : Юрид. лит., 1981. − 144 с.

154. Российский энциклопедический словарь : в 2 кн. / под ред. А. М. Прохорова. – М. : Большая рос. энцикл., 2000. – Кн. 2 : Н–Я. – 1023 с.

155. Байков, А. М. Объект и предмет цивилистического исследования / А. М. Бойков // Проблемы правового обеспечения безопасности личности, общества и государства : сб. ст. по материалам ежегодной междунар. науч.-практ. конф., Новосибирск, 21–25 окт. 2016 г. : в 3 т. / Новосиб. гос. технич. ун-т. – Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2016. – Т. 2. – С. 27–35.

156. Витушко, В. А. Основы теории юридических понятий : моногр. / В. А. Витушко. − Минск : Междунар. ун-т «МИТСО», 2014. − 260 с.

157. Богустов, А. А. Теоретические проблемы реализации неимущественных прав автора: сравнительно-правовой анализ / А. А. Богустов // Проблемы гражданского права и процесса : сб. науч. ст. / ГрГУ им. Я. Купалы ; редкол.: И. Э. Мартыненко (гл. ред.) [и др.]. – Гродно : ГрГУ, 2016. – С. 190–202.

158. Козыревская, Л. А. Реорганизация акционерного общества и способы обеспечения прав акционеров в процессе реорганизации (на материале России, Беларуси и Казахстана) / Л. А. Козыревская // Проблемы правопонимания и правоприменения в прошлом, настоящем и будущем цивилизации : сб. ст. междунар. науч.-практ. конф., Минск, 27 апр. 2016 г. : в 2 ч. / Междунар. ун-т «МИТСО». − Минск : Междунар. ун-т «МИТСО», 2016. − Ч. 1. – С. 129–133.

159. Дубицкий, В. М. К вопросу о реализации принципа свободы договора в сфере заключения публичных договоров / В. М. Дубицкий // Конституционные права и свободы: проблемы интеграции и реализации в национальных правовых системах : сб. ст. междунар. науч.-практ. конф., Новополоцк, 28–29 окт. 2016 г. : в 3 т. / Полоцк. гос. ун-т. – Новополоцк : ПГУ, 2016. – Т. 3. – С. 100–105.

160. Громоздина, М. В. К вопросу о совершенствовании законодательства о предпринимательской деятельности / М. В. Громоздина // Проблемы правового обеспечения безопасности личности, общества и государства : сб. ст. по материалам ежегодной междунар. науч.-практ. конф., Новосибирск, 21–25 окт. 2016 г. : в 3 т. / Новосиб. гос. технич. ун-т. – Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2016. – Т. 2. – С. 58–62.

161. Гаймалеева, А. Т. Некоторые проблемы охраны интересов гражданина – должника при его несостоятельности (банкротстве) / А. Т. Гаймалеева // Проблемы правового обеспечения безопасности личности, общества и государства : сб. ст. по материалам ежегодной междунар. науч.-практ. конф., Новосибирск, 21–25 окт. 2016 г. : в 3 т. / Новосиб. гос. технич. ун-т. – Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2016. – Т. 2. – С. 53–57.

162. Саракун, И. Б. Усовершенствование нормативного урегулирования права на участие в управлении делами общества / И. Б. Саракун // Проблемы гражданского права и процесса : сб. науч. ст. / ГрГУ им. Я. Купалы; редкол.: И. Э. Мартыненко (гл. ред.) [и др.]. – Гродно : ГрГУ, 2016. – С. 286–295.

163. Чориев, М. Ш. Понятие и содержание договора по гражданскому законодательству Республики Узбекистан / М. Ш. Чориев // Проблемы гражданского права и процесса : сб. науч. ст. / ГрГУ им. Я. Купалы ; редкол.: И. Э. Мартыненко (гл. ред.) [и др.]. – Гродно : ГрГУ, 2016. – С. 346–352.

164. Тагаева, С. Н. Ответственность сторон при применении вспомогательных репродуктивных технологий: проблемы выбора права / С. Н. Тагаева // 20 лет Гражданскому кодексу Российской Федерации: итоги, тенденции и перспективы развития : материалы междунар. науч.-практ. конф., Ульяновск, 12 дек. 2014 г. / Ульяновский гос. ун-т. – М. : ПРОСПЕКТ, 2015. – С. 46–54.

165. Степанов, Д. И. Вопросы методологии цивилистической доктрины / Д. И. Степанов // Актуальные проблемы гражданского права : сб. ст. / под ред. О. Ю. Шилохвоста. − М. : НОРМА, 2003. − Вып. 6. − С. 1−32.

166. Бондаренко, Н. Л. Некоторые проблемы современной белорусской цивилистики / Н. Л. Бондаренко // Вестн. Перм. ун-та. Сер. Юрид. науки. – 2014. – № 4. – С. 94–101.

167. Покровский, И. А. Основные проблемы гражданского права / И. А. Покровский. – М. : Статут, 2001. – 354 с.

168. Разуваев, Н. В. Три парадигмы правового познании: к юбилею профессора А. В. Полякова / Н. В. Разуваев // Управленческое консультирование. – 2015. – № 3. – С. 60–67.

169. Хужин, А. М. Реформа гражданского законодательства как предпосылка развития общей теории цивилистики / А. М. Хужин // Гражданское право. – 2016. – № 4. – С. 37–39.

170. Лунева, Е. В. Тенденции развития методологии научного познания гражданско-правовой действительности / Е. В. Лунева // Вестн. Перм. ун-та. Сер. Юрид. науки. – 2015. – № 3. – С. 117–124.

171. О реорганизации колхозов (сельскохозяйственных производственных кооперативов) [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 17 июля 2014 г., № 349 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 27.12.2016 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

172. Об утверждении антиинфляционной программы [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 31 авг. 2015 г., № 733/17 : в ред. постановления Совета Министров Респ. Беларусь от 30.12.2016 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

173. О некоторых мерах по реализации товаров, произведенных в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 24 сент. 2009 г. № 466: в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 25.07.2016 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

174. О создании и деятельности открытого акционерного общества «Агентство по управлению активами» [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 14 июля 2016 г., № 268 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

175. Об органах антимонопольного регулирования и торговли [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 3 июня 2016 г., № 188 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

176. О мерах по финансовому оздоровлению сельскохозяйственных организаций [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 4 июля 2016 г., № 253 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

177. О задачах социально-экономического развития Республики Беларусь на 2017 год [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 3 окт. 2016 г., № 358 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

178. Об утверждении программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2016–2020 годы [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 15 дек. 2016 г., № 466 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

179. Боруленков, Ю. П. О концепте «юридическое познание» / Ю. П. Боруленков // Пробелы в рос. законодательстве. – 2012. – № 5. – С. 188–192.

180. Гонгало, Б. М. Мысли и речи о науке гражданского права / Б. М. Гонгало // Цивилистические записки : межвуз. сб. науч. тр. − Вып. 2. − М. : Статут ; Екатеринбург : Ин-т частного права, 2002. − С. 3–16.

181. Васильев, В. В. Гражданско-правовая норма как фундаментальный элемент системной структуры гражданского права / В. В. Васильев // Пробелы в рос. законодательстве. – 2012. – № 2. – С. 52–55.

182. Васильев, В. В. Детерминизм в системе гражданского права Российской Федерации : дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.03 / В. В. Васильев. – Тверь, 2014. – 477 л.

183. Гражданское право : учебник / С. С. Алексеев [и др.] ; под общ. ред. С. С. Алексеева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Проспект; Екатеринбург; Ин-т частного права, 2009. – 528 с.

184. Гражданское право : учебник : в 2 т. / С. С. Алексеев [и др.] ; под ред. С. А. Степанова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Проспект, 2016. – Т. 1. – 704 с.

185. Карпова, С. И. Нормы гражданского права: юридико-технический аспект : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / С. И. Карпова. − М., 2005. − 161 л.

186. Челышев, М. Ю. Гражданско-правовые системные связи: внутриотраслевые и межотраслевые характеристики / М. Ю. Челышев // Вестн. экономики, права и социологии. – 2007. – № 1. – С. 114–120.

187. Васьковский, Е. В. Учебник гражданского права [Электронный ресурс] / Е. В. Васьковский. – Режим доступа: http://www.civil.consultant.ru/elib/books/24. – Дата доступа: 15.01.2017.

188. Мамаев, А. М. Социальные функции российского гражданского права [Электронный ресурс] / А. М. Мамаев // Вопросы управления. – 2010. № 2. – Режим доступа: http://www.vestnik.uapa.ru. – Дата доступа: 12.12.2016.

189. Рыженков, А. Я. Функции гражданского права: вопросы теории / А. Я. Рыженков // Пробелы в рос. законодательстве. – 2012. – № 4. – С. 44–49.

190. Рыбаков, В. А. О функция гражданско-правового регулирования / В. А. Рыбаков // Гражданское право. – 2009. – № 1. – С. 17–20.

191. Мартынов, В. Ф. К вопросу о месте норм права в системе социальных норм / В. Ф. Мартынов // Вестн. С.-Петерб. ун-та МВД России. – 2005. – № 3. – С. 35–39.

192. Щенникова, Л. В. Должно ли гражданское право служить утверждению публичного порядка и нравственности / Л. В. Щенникова // Законодательство. – 2008. – № 1. – С. 22–27.

193. Каменков, В. С. Принцип добросовестности в договорном праве / В. С. Каменков // Юрид. мир. – 2009. – № 1. – С. 73–77.

194. Хецуриани, Д. Г. Функции советского гражданского права: теоретические проблемы понятия и системы / Д. Г. Хецуриани. – Тбилиси : Мецниераба, 1990. – 152 с.

195. Золотухин, А. В. Теория деятельности правовых средств: взгляд на проблему / А. В. Золотухин // Вестн. Таджикского национального ун-та. Сер. Гуманитарные науки. – 2015. – № 3. – С. 51–58.

196. Еременко, А. С. Методологические вопросы структуры нормы гражданского права / А. С. Еременко // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2011. – № 2. – С. 39–48.

197. Мальцев, В. А. О государственном регулировании гражданско-правовых отношений / В. А. Мальцев // Фундаментальные исследования. – 2005. – № 3. – С. 74–76.

198. Рузанова, В. Д. Место гражданско-правового кодификационного акта в системе гражданского законодательства / В. Д. Рузанова // Юрид. аналитический журн. – 2006. – № 1 (15). – С. 65–73.

199. Лукьяненко, М. Ф. Особенности применения гражданско-правовых норм, содержащих оценочные понятия / М. Ф. Лукьяненко // Государство и право. – 2008. – № 8. – С. 26–35.

200. Крашенинников, Е. А. Гражданско-правовые нормы / Е. А. Крашенинников // Вестн. Высш. Арбитраж. Суда Рос. Федерации. – 2011. – № 2. – С. 6–13.

201. Родионова, О. М. Гражданско-правовая деятельность по созданию нормы гражданского права / О. М. Родионова // Вестн. мордовского ун-та. – 2009. – № 4. – С. 218–222.

202. Курылев, С. В. Санкция как элемент правовой нормы / С. В. Курылев // Советское государство и право. − 1964. − № 8. − С. 47−55.

203. Южанин, Н. В. Самозащита в гражданском праве / Н. В. Южанин // Человек: преступление и наказание. – 2015. – № 3. – С. 121–125.

204. Яковлев, В. Ф. Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений : учеб. пособие / В. Ф. Яковлев. − Свердловск : Сверд. юрид. ин-т, 1972. − 210 с.

205. Яковлев, В. Ф. Избранные труды : в 3 т. / В. Ф. Яковлев. – М. : Статут, 2012. – Т. 2 : Гражданское право: история и современность : в 2 кн. – Кн. 1. – 976 с.

206. Батайкин, П. А. О сущности юридической конструкции гражданского права и ее отраслевой специфики / П. А. Батайкин // Актуальные проблемы экономики и права. – 2013. – № 4. – С. 198–201.

207. Алексеев, С. С. Общая теория социалистического права / С. С. Алексеев. – Свердловск : Сверд. юрид. ин-т, 1964. – 228 с.

208. Годэмэ, Е. Общая теория обязательств : уч. труды / Е. Годэмэ. – Вып. XIII ; пер. с фр. И. Б. Новицкого. – М. : Юрид. изд-во Мин-ва юстиц. СССР, 1948. – 512 с.

209. Гражданский кодекс РСФСР [Электронный ресурс] : 31 окт. 1922 г. : утв. постановлением ВЦИК 31 окт. 1922 г. – Режим доступа: http://docs.cntd.ru/ document/901808921. – Дата доступа: 02.12.2016.

210. Вышинский, А. Я. XVIII съезд ВКП(б) и задачи науки социалистического права / А. Я. Вышинский // Советское государство и право. – 1939. – № 3. – С. 1–25.

211. Гражданский кодекс РСФСР [Электронный ресурс] : 10 июня 1964 г. : утв. Верховным Советом РСФСР 11 июня 1964 г. – Режим доступа: http://www. consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=LAW&n=1838&req=doc#0. – Дата доступа: 02.12.2016.

212. Левушкин, А. Н. К вопросу об источниках гражданского права в государствах постсоветского пространства / А. Н. Левушкин // Вестн. Перм. ун-та. Сер. Юрид. науки. – 2014. – № 4. – С. 136–141.

213. Левушкин, А. Н. Гражданский кодекс Российской Федерации как источник гражданского права на постсоветском пространстве / А. Н. Левушкин // Вестн. Сарат. гос. юрид. акад. – 2015. – № 3. – С. 26–29.

214. Егорова, М. А. Основания государственного вмешательства в регулирование экономических отношений / М. А. Егорова // Юрист. – 2015. – № 20. – С. 17–21.

215. Романец, Ю. В. Этические основы права и правоприменения / Ю. В. Романец. – М. : Зерцало-М, 2012. – 399 с.

216. Воробьева, О. А. Принципы гражданского права / О. А. Воробьева // Вектор науки ТГУ. Сер. Юрид. науки. – 2016. – № 4. – С. 37–38.

217. Щенникова, Л. В. Основные идеи гражданского законодательства и их отражение в процессах его модернизации / Л. В. Щенникова // Актуальные проблемы гражданского права. – 2015. – № 2. – С. 208–214.

218. Киракосян, С. А. О недопустимости произвольного вмешательства в частные дела в сфере договорных правоотношений / С. А. Киракосян // Юрист. – 2015. – № 6. – С. 21–26.

219. Реальные доходы белорусов показали самое сильное падение за последние 10 лет [Электронный ресурс] // FINANCE.TUT.BY. – Режим доступа: https://finance.tut.by/news531900.html. – Дата доступа: 17.02.2017.

220. Роста нет. ВВП Беларуси в январе упал на 0,5 % [Электронный ресурс] // НОВОСТИ TUT. – Режим доступа: https://news.tut.by/economics/532059.htm. – Дата доступа: 18.02.2017.

221. Давыдова, М. Л. Правовая норма, нормативное предписание, законодательное исключение – разнопорядковые категории / М. Л. Давыдова // Юрид. исследования. – 2016. – № 4. – С. 37–44.

222. Запорожец, Т. С. Нормативно-правовое предписание и правовая норма: постановка проблемы соотношения / Т. С. Запорожец // Отечественная юриспруденция. – 2016. – № 6. – С. 10–12.

223. Давыдова, М. Л. Правовая норма и нормативное предписание: проблемы соотношения / М. Л. Давыдова // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 5. Юриспруд. – 2006. – № 8. – С. 52–57.

224. Пузырева, Е. В. Правовая норма: современные теоретические аспекты / Е. В. Пузырева, Н. Д. Гомонов // Вестн. Мурман. гос. технич. ун-та. – 2003. – № 2. – С. 340–343.

225. Чернышев, С. В. Нормативность права и правовая норма: проблемы соотношения понятий / С. В. Чернышев // Вестн. ЮУрГУ. – 2006. – № 13. – С. 191–192.

226. Рузанова, В. Д. Проблемы состава гражданско-правовой законодательной системы / В. Д. Рузанова // Вестн. СамГУ. – 2014. – № 11. – С. 173–179.

227. Староверова, О. В. О соотношении терминов «гражданское право» и «гражданское законодательство» в Российской Федерации / О. В. Староверова // Вестн. Моск. ун-та МВД России. – 2014. – № 12. – С. 217–218.

228. Валиев, Р. Г. О гносеологическом статусе категорий норма права и нормативно-правовое предписание / Р. Г. Валиев // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Юрид. науки. – 2015. – № 6. – С. 13–20.

229. Рузанова, В. Д. Особенности проявления признака отграниченности гражданского законодательства как системы / В. Д. Рузанова // Вестн. Сев.-Осетин. гос. ун-та им. К. Л. Хетагурова. – 2012. – № 3. – С. 108–112.

230. Голунский, С. А. Теория государства и права / С. А. Голунский, М. С. Строгович. − М. : Юриздат, 1940. − 304 с.

231. Малько, А. В. Теория государства и права : учебник / А. В. Малько. − М. : Юристъ, 2001. − 304 с.

232. Рузанова, В. Д. Гражданско-правовая законодательная система и гражданское законодательство: соотношение понятий через призму системного подхода / В. Д. Рузанова // Власть закона. – 2012. – № 4. – С. 90–96.

233. Рузанова, В. Д. Гражданское право и гражданское законодательство как взаимодействующие системы / В. Д. Рузанова // Вестн. СамГУ. – 2013. – № 5. – С. 216–223.

234. Диденко, А. А. Понятие гражданского законодательства с позиции системного метода исследования / А. А. Диденко // Власть Закона. – 2014. – № 1. – С. 84–95.

235. Ткаченко, А. А. Закон как источник гражданского права / А. А. Ткаченко // Власть Закона. – 2010. – № 2. – С. 120–133.

236. Рузанова, В. Д. Теоретические основы иерархической зависимости гражданско-правовых законодательных актов / В. Д. Рузанова // Власть Закона. – 2012. – № 1. – С. 154–163.

237. Рузанова, В. Д. Место гражданско-правового кодифицированного акта в системе гражданского законодательства / В. Д. Рузанова // Юрид. аналит. журн. – 2006. – № 1. – С. 65–73.

238. Фролова, Е. А. Нормы права / Е. А. Фролова // Право и государство: теория и практика. – 2012. – № 6. – С. 6–18.

239. Гражданское право : учебник : в 3 т. / В. В. Байбак [и др.] ; под ред. Ю. К. Толстого. – 7-е изд., перераб. и доп. – М. : Проспект, 2011. – Т. 1. – 784 с.

240. Гражданское право : учебник : в 3 т. / А. В. Каравай [и др.] ; под ред. В. Ф. Чигира. – Минск : Амалфея, 2008. – Т. 1. – 864 с.

241. Самигулин, В. К. О норме права / В. К. Самигулин // Вестн. ВЭГУ. – 2012. – № 3. – С. 66–73.

242. Шамаров, В. М. Норма права: понятие, содержание, классификация / В. М. Шамаров // Вестн. Екатерининского ин-та. – 2014. – № 4. – С. 97–105.

243. Нерсесянц, В. С. Общая теория права и государства / В. С. Нерсесянц. – М. : НОРМА, 2001. – 552 с.

244. Горшенев, В. М. Нетипичные нормативные предписания в праве / В. М. Горшенев // Советское государство и право. – 1978. – № 3. – С. 113–118.

245. Шакаров, А. О. Нормы права как внешняя форма выражения правовой надстройки / А. О. Шакаров // Право и государство: теория и практика. – 2012. – № 11. – С. 20–23.

246. Скорик, А. П. Относительно определенные нормы права: понятие и виды / А. П. Скорик, С. Е. Чуб // Сб. ст. / Юж.-Рос. гос. политехн. ун-т (НПИ) им. М. И. Платова. – Новочеркасск : Юж.-Рос. гос. политех. ун-т (НПИ) им. М. И. Платова, 2016. – С. 17–22.

247. Азми, Д. М. Норма права: структура, форма, разновидности / Д. М. Азми // Академич. юрид. журн. – 2010. – № 3. – С. 4–11.

248. Вершинина, С. И. О соотношении охранительных норм и норм принуждения / С. И. Вершинина // Рос. юрид. журн. – 2011. – № 4. – С. 52–62.

249. Шабаева, О. А. Поощрительные нормы в системе норм права / О. А. Шабаева // Сиб. юрид. вестн. – 2010. – № 1. – С. 3–9.

250. Сальникова, М. А. Общие и специальные нормы как объект содержательных коллизий норм права / М. А. Сальникова // Проблемы современной науки и образования. – 2016. – № 10. – С. 130–131.

251. Кузнецова, О. А. Специализация правовых норм как результат системности гражданского права / О. А. Кузнецова // Вестн. Перм. ун-та. Сер. Юрид. науки. – 2007. – № 8. – С. 76–85.

252. Кожевников, В. В. Специализированные норм современного российского права: юридическая природа, классификации и место в системе права / В. В. Кожевников, М. В. Мартыненко // Современное право. – 2014. – № 4. – С. 4–9.

253. Баранов, А. В. Системоопределяющие специализированные нормы права в механизме правового регулирования / А. В. Баранов // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2011. – № 2. – С. 5–11.

254. Садиков, О. Н. Общие и специальные нормы в гражданском законодательстве / О. Н. Садиков // Советское государство и право. – 1971. – № 1. – С. 38–45.

255. Васильев, В. В. Общие и специальные гражданско-правовые нормы в отраслевой системе права / В. В. Васильев // Бизнес в законе. – 2012. – № 2. – С. 62–65.

256. Васильев, В. В. Единство и дифференциация гражданско-правовых норм / В. В. Васильев // Вестн. Твер. гос. ун-та. Сер. Право. – 2013. – № 36. – С. 27–36.

257. Еременко, А. С. Конкуренция норм гражданского права в механизме юридической квалификации гражданских отношений / А. С. Еременко // Вестн. Удмуртского ун-та. – 2011. – № 3. – С. 109–114.

258. Михайлов, А. В. Роль императивных норм в правовом регулировании отношений между лицами, осуществляющими предпринимательскую деятельность или с их участием : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.03 / А. В. Михайлов. − Казань, 2001. − 180 л.

259. Терентьева, Л. В. Правовые проблемы определения круга «сверхимперативных» норм в правоприменительной практике / Л. В. Терентьева // Рос. правосудие. – 2009. – № 11. – С. 41–45.

260. Засемкова, О. Ф. К вопросу о применении сверхимперативных норм международного частного права судами / О. Ф. Засемкова // Актуальные проблемы рос. права. – 2014. – № 10. – С. 2341–2345.

261. Засемкова, О. Ф. К вопросу о некоторых проблемах, связанных с применением сверхимперативных норм третьих стран / О. Ф. Засемкова // Проблемы экономики и юрид. практики. – 2014. – № 2. – С. 156–159.

262. Засемкова, О. Ф. Сверхимперативные нормы международного частного права: проблемы теории и современные тенденции / О. Ф. Засемкова // Вестн. ун-та им. О. Е. Кутафина. – 2015. – № 2. – С. 61–65.

263. Подшивалов, Т. П. Обход закона в международном частном праве / Т. П. Подшивалов // Журн. рос. права. – 2016. – № 8. – С. 145–153.

264. Григорьева, М. А. О предметном и и функциональном критериях разделения гражданско-правовых норм и отношений на регулятивные и охранительные / М. А. Григорьева // Вестн. Краснояр. гос. аграр. ун-та. – 2010. – № 3. – С. 183–189.

265. Котлова, С. И. Правовые нормы как нормы разграничения интересов / С. И. Котлова // Право и государство: теория и практика. – 2012. – № 3. – С. 30–34.

266. Черепахин, Б. Б. К вопросу о частном и публичном праве / Б. Б. Черепахин // Труды по гражданскому праву ; науч. ред. С. С. Алексеев. − М. : Статут, 2001. − 476 с.

267. Пиголкин, А. С. Нормы советского права и их структура / А. С. Пиголкин // Вопросы общей теории советского права : сб. ст. / Л. С. Галесник [и др.] ; под ред. С. Н. Братуся. − М. : Госюриздат, 1960. − 408 с.

268. Лебедев, К. К. Инициатива субъектов как принцип советского гражданского права / К. К. Лебедев // Правоведение. − 1970. − № 4. − С. 32−40.

269. Барков, А. В. Гражданско-правовые средства в механизме правового регулирования: вопросы методологии / А. В. Барков // Право и государство: теория и практика. – 2008. – № 5. – С. 56–59.

270. Агарков, М. М. Ценность частного права / М. М. Агарков // Правоведение. − 1992. − № 1. − С. 25−41.

271. Сільчанка, М. У. Агульная тэорыя права : навуч. дапаможнік / М. У. Сільчанка [і др.] ; пад рэд. М. У. Сільчанка. – Гродна : ГрДУ, 2004. – 345 с.

272. Бондаренко, Н. Л. Проблема формирования эффективно действующей системы принципов гражданского права Республики Беларусь / Н. Л. Бондаренко // Вестн. Перм. ун-та. Сер. Юрид. науки. – 2012. – № 4. – С. 56–63.

273. Бондаренко, Н. Л. Конституирующие признаки принципов гражданского права и проблема выработки их дефиниции / Н. Л. Бондаренко // Сиб. юрид. вестн. – 2013. – № 4. – С. 40–45.

274. Кузнецова, О. А. Принципы гражданского права: современное состояние вопроса / О. А. Кузнецова // Власть Закона. – 2011. – № 4. – С. 87–94.

275. Васильев, В. В. Системообразующее значение отраслевых принципов гражданского права / В. В. Васильев // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение: вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2011. – № 7 : в 3 ч. – Ч. 2. – С. 44–46.

276. Александрова, А. С. Принцип добросовестности в гражданском праве: от идеи к норме / А. С. Александрова // Акад. вестн. – 2010. – № 3. – С. 63–68.

277. Кузнецова, О. А. Фикции в гражданском праве / О. А. Кузнецова // Цивилистические записки : межвуз. сб. науч. трудов. − Вып. 4. − М. : Статут ; Екатеринбург : Ин-т частного права, 2005. − С. 311–333.

278. Енилеева, А. Э. Деление норм права на правила и принципы в учении Р. Алексии / А. Э. Енилеева // Учен. зап. Крымского федер. ун-та им. В. И. Вернадского. Сер. Юрид. науки. – 2015. – № 1. – С. 26–33.

279. Бошно, С. В. Норма права: понятие, свойства, классификация и структура / С. В. Бошно // Право и современные государства. – 2014. – № 4. – С. 51–60.

280. Кришалович, Е. Г. Принципы гражданского права как вид позитивных норм гражданского права / Е. Г. Кришалович // Современные научные исследования и инновации. – 2015. – № 2–4. – С. 19–20.

281. Красавчиков, О. А. Категории науки гражданского права. Избранные труды : в 2 т. / О. А. Красавчиков. − М. : Статут, 2005. − Т. 1. − 490 с.

282. Брюхов, Р. Б. Диспозитивность в гражданском праве России : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.03 / Р. Б. Брюхов. − Екатеринбург, 2006. − 200 л.

283. Краснослободцева, Н. К. Диспозитивность как инструмент закрепления свободы личности в законодательстве / Н. К. Краснослободцева // Юрид. наука. – 2011. – № 2. – С. 7–11.

284. Грушевская, Ю. В. Императивность в российском гражданском праве : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.03 / Ю. В. Грушевская. − Краснодар, 2010. − 235 л.

285. Разуваев, Н. В. Правовая система и критерии отраслевой дифференциации права / Н. В. Разуваев // Правоведение. − 2002. − № 3. − С. 31−55.

286. Александрова, Н. В. О методах регулирования гражданско-правовых отношений: научные подходы / Н. В. Александрова // Вестн. Чуваш. ун-та. – 2014. – № 1. – С. 288–292.

287. Артеменков, С. В. О соотношении частных и публичных начал в современном гражданском законодательстве / С. В. Артеменков // LEX RUSSICA (Научные труды МГЮА). – 2005. – № 4. – С. 618–638.

288. Демиева, А. Г. Соотношение императивного и диспозитивного начала в правовом регулировании отношений с участием предпринимателей / А. Г. Демиева // Учен. зап. Казан. ун-та. – 2016. – Т. 158. – С. 391–398.

289. Прохорко, Т. Н. Диспозитивность как принцип российского гражданского права : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.03 / Т. Н. Прохорко. − Пермь, 2010. − 186 л.

290. Толстой, Ю. К. Принципы гражданского права / Ю. К. Толстой // Правоведение. − 1992. − № 2. − С. 49−53.

291. Брагинский, М. И. Договорное право : в 5 кн. / М. И. Брагинский, В. В. Витрянский. – 2-е изд., испр. – М. : Статут, 1999. – Кн. 1 : Общие положения. – 848 с.

292. Ковалева, Ю. В. Императивность в договорном праве : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.03 / Ю. В. Ковалева. − Краснодар, 2011. − 231 л.

293. Гражданский кодекс РСФСР: науч. комментарий с учетом гражд. код. союзных респ. / И. С. Перетерский [и др.] ; под ред. С. М. Прушицкого, С. И. Раевича. – Вып. 5 : Сделки, договоры. – М. : Юрид. изд-во НКЮ РСФСР, 1929. – 84 с.

294. Яковлев, В. Ф. Общая часть гражданского права в современном законодательстве и юридической практике : учеб. пособие / В. Ф. Яковлев. − Свердловск : Сверд. юрид. ин-т, 1979. − 80 с.

295. Садиков, О. Н. Императивные и диспозитивные нормы в гражданском праве / О. Н. Садиков // Юрид. мир. − 2001. − № 7. − С. 4−9.

296. Дудина, А. Н. Императивность в диспозитивной норме права / А. Н. Дудина // Проблемы современного российского законодательства : сб. тр. конф., Иркутск, 18 окт. 2012 г. / Иркут. юрид. ин-т (ф-ал) Рос. правовой акад. М-ва юстиции Рос. Федерации. – М. : Всерос. гос. ун-т юстиции, 2012. – С. 18–20.

297. Тужилова-Орданская, Е. М. Соотношение публично-правовых и частноправовых начал в регулировании императивных и диспозитивных норм гражданского права / Е. М. Тужилова-Орданская // Право и бизнес: конвергенция частного и публичного права в регулировании предпринимательской деятельности : сб. ст. участников IV Ежегодной междунар. науч.-практ. конф., посвященной памяти засл. юриста Рос. Федерации, д. юрид. наук, проф. Н. М. Коршунова, Москва, 4 июня 2015 г. / Моск. акад. экономики и права. – М. : Моск. акад. экономики и права, 2015. – С. 155–162.

298. О свободе договора и ее пределах [Электронный ресурс] : постановление Пленума Высш. Арбитраж. Суда Рос. Федерации, 14 марта 2014 г., № 16 // Информационно-правовой портал «Гарант РУ». – Режим доступа: http://www. garant.ru/hotlaw/federal/535011/. – Дата доступа: 10.04.2017.

299. Алимгафарова, А. Р. К вопросу об императивных и диспозитивных началах в российском договорном праве / А. Р. Алимгафарова // Juvenis scientia. – 2017. – № 1. – С. 30–32.

300. Поротикова, О. А. Об императивности и диспозитивности гражданско-правовых норм / О. А. Поротикова // Правовое регулирование: проблемы эффективности, легитимности, справедливости : сб. тр. междунар. науч.-практ. конф., Воронеж, 2–4 июня 2016 г. / Воронеж. гос. ун-т. – Воронеж : НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2016. – С. 460–468.

301. Булгаков, В. В. Диспозитивные и императивные нормы в жилищном праве: вопросы теории и практики применения / В. В. Булгаков, Е. В. Куницына // Современные тенденции развития науки и технологий. – 2016. – № 9. – С. 9–11.

302. Ким, Н. В. Императивные и диспозитивные нормы в сфере аудита / Н. В. Ким // Бухгалтер и закон. – 2007. – № 6. – С. 36–38.

303. Демин, А. В. Диспозитивные нормы налогового права (общие подходы и отраслевая специфика) / А. В. Демин // Современное право. – 2009. – № 8. – С. 46–51.

304. Свиридова, А. Д. Дуализм восприятия норм договорного права / А. Д. Свиридова // Таврический научный обозреватель. – 2016. – № 4–5. – С. 177–188.

305. Гражданское право БССР. Том 1 / К. А. Борзова [и др.] ; под ред. В. Ф. Чигира. – Минск : Изд-во БГУ, 1975. – 384 с.

306. Дудина, А Н. Понятие и признаки императивных норм права (теоретико-правовой анализ) / А. Н. Дудина // Изв. Иркут. гос. экон. акад. (электрон. науч. журн.). – 2015. – Т. 6. – № 2.

307. Алексеев, С. С. Общая теория права : в 2 т. / С. С. Алексеев. − М. : Юрид. лит., 1982. − Т. 3. − 360 с.

308. Иоффе, О. С. Советское гражданское право / О. С. Иоффе. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1958 г. – 512 с.

309. Советское гражданское право. Часть первая / К. К. Лебедев [и др.] ; под ред. В. Т. Смирнова, Ю. К. Толстого, А. К. Юрченко. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1982. – 416 с.

310. Советское гражданское право / С. Н. Братусь [и др.] ; под ред. С. Н. Братуся. – 4-е изд., испр. и доп. – М. : Юрид. лит., 1950. – 676 с.

311. Советское гражданское право / М. В. Земелева [и др.] ; под ред. Я. Ф. Михаленко. – М. : Юрид изд-во НКЮ СССР, 1940. – 320 с.

312. Советское гражданское право. Часть первая / В. Г. Вердников [и др.] ; под ред. В. А. Рясенцева. – М. : МГЭИ, 1960. – 528 с.

313. Дудина, А. Н. Сущность императивных норм в частном праве / А. Н. Дудина // Сиб. юрид. вестн. – 2014. – № 3. – С. 3–8.

314. Гражданское право : учебник / О. В. Бойков [и др.] ; под ред. В. Ф. Яковлева. – М. : РАГС, 2003. – 503 с.

315. Гражданское право : учебник. Том I / О. В. Гутников [и др.] ; под ред. О. Н. Садикова. – М. : КОНТРАКТ; ИНФРА-М, 2009. – 494 с.

316. Малышев, К. Курс общего гражданского права России. Том 1 / К. Малышев. – СПб. : Тип. М. Стасюлевича, 1878. – 356 с.

317. Гамбаров, Ю. С. Гражданское право / Ю. С. Гамбаров ; под ред. и с предисловием В. А. Томсинова. – М. : Зерцало, 2003. – 816 с.

318. Захарова, Г. С. К вопросу об императивности и диспозитивности норм Гражданского кодекса Российской Федерации / Г. С. Захарова // Актуальные проблемы современной науки. – 2014. – № 3. – С. 84–86.

319. Гражданский кодекс Республики Армения [Электронный ресурс] : 28 июля 1998 г., № ЗР-239 : в ред. Закона от 30.12.2015 г. // Нац. собрание Респ. Армения. Официальный сайт. – Режим доступа: http://base.spinform.ru/ show_doc. fwx?rgn=2998. – Дата доступа: 03.04.2017.

320. Герасимова, О. А. Императивные и диспозитивные нормы в договорном праве / О. А. Герасимова // Наука и образование: опыт, проблемы, перспективы развития : материалы XIV междунар. науч.-практ. конф., Красноярск, 22−23 апр. 2015 г. / Краснояр. гос. аграр. ун-т. − Красноярск : Изд-во Краснояр. гос. аграр. ун-та, 2015. − С. 359–361.

321. Свиридова, А. Д. Дуализм восприятия норм договорного права / А. Д. Свиридова // Таврический научный обозреватель. – 2016. – № 6. – С. 177–180.

322. Пиголкин, А. С. Нормы советского права и их толкование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.712 / А. С. Пиголкин ; Ленингр. ун-т. − Л., 1962. − 18 с.

323. Красавчиков, О. А. Диспозитивность в гражданско-правовом регулировании / О. А. Красавчиков // Советское государство и право. − 1970. − № 1. − С. 41−49.

324. Евстигнеев, Э. А. Императивные и диспозитивные нормы в договорном праве : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.03 / Э. А. Евстигнеев. – М., 2015. – 227 л.

325. Обзор практики разрешения споров, связанных с арендой [Электронный ресурс] : информационное письмо ВАС Рос. Федерации, 11 января 2002 г., № 66 // Официальный сайт компании «КонсультантПлюс». – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_35129/. – Дата доступа: 20.04.2017.

326. Карапетов, А. Г. Принятие постановления Пленума ВАС Российской Федерации о свободе договора – поворотная точка в развитии российского договорного права / А. Г. Карапетов // Вестн. Арбитраж. суда Моск. округа. – 2014. – № 1. – С. 6–19.

327. Карапетов, А. Г. Практика применения арбитражными судами постановления Пленума ВАС Российской Федерации от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и ее пределах» / А. Г. Карапетов, Е. М. Фетисова // Вестн. экономич. правосудия Рос. Федерации. – 2015. – № 12. – С. 145–196.

328. Карапетов, А. Г. Комментарий к нормам Гражданского кодекса России об отдельных видах договоров (в контексте постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации «О свободе договора и ее пределах») / А. Г. Карапетов, Р. С. Бевзенко // Вестн. экономич. правосудия Рос. Федерации. – 2014. – № 8. – С. 4–97 ; № 9. – С. 6–107.

329. Евстигнеев, Э. А. Императивные и диспозитивные нормы в договорном праве / Э. А. Евстигнеев. – М. : Инфотропик Медиа, 2017. – 412 с.

330. Рыженков, А. Я. Вопросы свободы договора в свете постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации № 16 / А. Я. Рыженков // Юристъ – Правовед. – 2015. – № 1. – С. 67–71.

331. Ахмедов, А. Я. Непоименованные договоры в гражданском праве России : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.03 / А. Я. Ахмедов. – Саратов, 2014. – 199 л.

332. Ожегова, Г. А. Принцип свободы договора и ее пределы / Г. А. Ожегова // Вектор науки ТГУ. Сер. Юрид. науки. – 2014. – № 4. – С. 74–75.

333. Диспозитивная норма права [Электронный ресурс] / Правотека – портал правовой помощи. – Режим доступа: www.pravoteka.ru/. – Дата доступа: 20.04.2017.

334. Манджиев, А. Д. Ограничения при реализации свободы договора : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.03 / А. Д. Манджиев. – М., 2015. – 230 л.

335. Илларионова, Т. И. Начала диспозитивности и императивности в гражданско-правовом договоре : избр. Тр. / Т. И. Илларионова. − Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2005. − 298 с.

336. 124. Скловский, К. И. Вопрос о пределах вмешательства государства в частную собственность в судебной практике / К. И. Скловский // Хозяйство и право. − 2002. − № 6. − С. 34−41.

337. Романовский, С. В. Терминологический аспект исследования юридической сущности принципа сочетания частных и публичных интересов в гражданском праве / С. В. Романовский // Вестн. Моск. ун-та МВД России. – 2008. – № 6. – С. 98–99.

338. Яценко, Т. С. Защита публичных интересов в гражданском праве / Т. С. Яценко // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2010. – № 4. – С. 62–69.

339. Томилина, Е. Е. Соотношение категории частного и публичного интереса в гражданском праве: теоретические и практические аспекты / Е. Е. Томилина, А. Б. Опокин, А. А. Голик // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2015. – № 7–2. – С. 34–36.

340. Трофименко, А. В. Гражданское право: соотношение частных и публичных интересов / А. В. Трофименко // Наука и общество. – 2012. – № 6. – С. 109–115.

341. Финогентова, О. Е. Проблемы реализации публичного интереса в нормах гражданского права / О. Е. Финогентова, А. Ю. Ломаев // Вестн. Самар. юрид. ин-та. – 2015. – № 2. – С. 65–70.

342. Алексеев, С. С. Общая теория права : в 2 т. / С. С. Алексеев. − М. : Юрид. лит., 1981. − Т. 1. − 359 с.

343. Аржанов, М. А. Предмет и метод правового регулирования в связи с вопросом о системе советского права / М. А. Аржанов // Советское государство и право. – 1940 – № 8–9. – С. 12–28.

344. Карева, М. П. К вопросу о делении права на публичное и частное / М. П. Карева // Советское государство и право. – 1939. – № 4. – С. 14–27.

345. Генкин, Д. М. Предмет советского гражданского права / Д. М. Генкин // Советское государство и право. – 1939. – № 4. – С. 28–40.

346. Братусь, С. Н. О предмете советского гражданского права / С. Н. Братусь // Советское государство и право. – 1940. – № 4. – С. 36–52.

347. Агарков, М. М. Предмет и система советского гражданского права / М. М. Агарков // Советское государство и право. – 1940. – № 8–9. – С. 52–72.

348. Амфитеатров Г. Н. К вопросу о понятии советского гражданского права / Г. Н. Амфитеатров // Советское государство и право. – 1940. – № 11. – С. 85–102.

349. Маврин, С. П. О роли метода правового регулирования в структурировании и развитии позитивного права / С. П. Маврин // Правоведение. − 2003. − № 1. − С. 205−216.

350. Яковлев, В. Ф. Избранные труды : в 3 т. / В. Ф. Яковлев. – М. : Статут, 2012. – Т. 2 : Гражданское право: история и современность : в 2 кн. – Кн. 2. – 351 с.

351. Илларионова, Т. И. О содержании метода гражданско-правового регулирования / Т. И. Илларионова // Актуальные проблемы гражданского права : межвуз. сб. науч. ст. ; редкол. В. Ф Яковлев (отв. ред.) [и др.]. – Свердловск : СЮИ, 1986. – С. 33–41.

352. Обиход, И. О. Особенности метода гражданско-правового регулирования / И. О. Обиход // Поколение будущего: взгляд молодых ученых – 2014 : сб. науч. ст. 3-й междунар. молодеж. науч. конф., Курск, 13–15 нояб. 2014 г. / Юго-Западный гос. ун-т. – Курск : Университетская книга, 2014. – С. 385–388.

353. Бошно, С. В. Способы и методы правового регулирования / С. В. Бошно // Право и современные государства. – 2014. – № 3. – С. 52–60.

354. Белова, Н. Н. Правовая сила и порядок применения норм гражданского законодательства / Н. Н. Белова // Экономика и управление: анализ тенденций и перспектив развития. – 2014. – № 13. – С. 340–343.

355. Минникес, И. А. Императивные ограничения в праве / И. А. Минникес, И. Д. Ягофарова // BAIKAL RESEARCH JOURNAL. – 2017. – № 1. – с. 20.

356. Грушевская, Е. В. Дефиниция «императивность» в современной цивилистической науке / Е. В. Грушевская // Власть закона. – 2010. – № 2. – С. 156–160.

357. Ковалева, Ю. В. Методологические основы исследования императивности в договорном праве / Ю. В. Ковалева // Общество и право. – 2010. – № 4. – С. 94–99.

358. Лившиц, Р. З. Теория права / Р. З. Лившиц. – М. : БЕК, 1994. – 224 с.

359. Пашков, А. С. Эффективность действия правовой нормы / А. С. Пашков // Советское государство и право. – 1970. – № 3. – С. 40–48.

360. Глушаченко, С. Б. К вопросу о логической структуре российской правовой нормы / С. Б. Глушаченко, Е. В. Пузырева // История государства и права. – 2005. – № 1. – С. 10–11.

361. Илалутдинов, А. И. Структура нормы права и первичные правовые средств: вопросы соотношения / А. И. Илалутдинов // Актуальные проблемы экономики и права. – 2012. – № 1. – С. 207–211.

362. Воронин, М. В. Структура норм права как проявление системности права / М. В. Воронин // Вестн. Перм. ун-та. Сер. Юрид. науки. – 2012. – № 4. – С. 14–23.

363. Ельчанинова, Н. Б. Логический анализ структуры норм-предписаний / Н. Б. Ельчанинова // Изв. ЮФУ. Технические науки. – 1998. – № 1. – С. 295–297.

364. Филимонова, О. Г. Понятие, логическая структура, классификация правовых норм / О. Г. Филимонова // Наука и образование: сохраняя прошлое создаем будущее : сб. ст. VII междунар. науч.-практ. конф. ; под общ. ред. Г. Ю. Гуляева, Пенза, 9 января 2017 г. / Междунар. центр науч. сотрудничества. – Пенза : МЦНС «Наука и просвещение», 2017. – С. 149–151.

365. Рассолова, Т. М. Нормы страхового права: понятие и структура / Т. М. Рассолова // Вестн. Моск. ун-та МВД России. – 2008. – № 7. – С. 101–102.

366. Леушин, В. И. Структура логической нормы и ее проявление в регулятивных (обязывающих) и охранительных нормах права / В. И. Леушин // Рос. юрид. журн. – 2005. – № 2. – С. 7–11.

367. Петрова, Е. А. Основные подходы к структуре нормы права в различных правовых традициях / Е. А. Петрова // Lex Russica. – 2015. – № 1. – С. 84–95.

368. Черданцев, А. Ф. Специализация и структура норм права / А. Ф. Черданцев // Правоведение. − 1970. − № 1. − С. 41−49.

369. Явич, Л. С. Право и общественные отношения / Л. С. Явич. − М. : Юрид. лит., 1971. − 152 с.

370. Гримм, Д. Д. Энциклопедия права : лекции / Д. Д. Гримм. – СПб., 1895. – 238 с.

371. Коркунов, Н. М. Лекции по общей теории права : в 4 кн. / Н. М. Коркунов (по изд. 1914 г.) – М. : Статут, 2003. – Кн. 2 : Объективная и субъективная сторона права. – 428 с.

372. Шевченко, Е. В. К вопросу о структуре уголовно-правовой нормы / Е. В. Шевченко // Проблемы законности. – 2012. – № 118. – С. 136–145.

373. Алексеев, С. С. Структура советского права / С. С. Алексеев. − М. : Юрид. лит., 1975. − 264 с.

374. Илалутдинов, А. И. Норма права как основной регулятор экономических отношений: понятие, структура, значение / А. И. Илалутдинов // Актуальные проблемы экономики и права. – 2010. – № 1. – С. 96–101.

375. Гуменюк, Я. В. Структура нормы права / Я. В. Гуменюк // Вектор науки ТГУ. Сер. Юрид. науки. – 2016. – № 4. – С. 44–46.

376. Лейст, О. Э. Санкции в советском праве / О. Э. Лейст. − М. : Госюриздат, 1962. − 238 с.

377. Саак, А. Э. К вопросу о логической структуре нормы права / А. Э. Саак, И. Г. Иванов, Н. Б. Ельчанинова // Изв. ЮФУ. Технические науки. – 1998. – № 1. – 291–295.

378. Берг, О. В. Некоторые вопросы теории нормы права / О. В. Берг // Государство и право. – 2003. – № 4. – С. 19–25.

379. Ткаченко, Ю. Г. Нормы социалистического права : лекции по курсу теории государства и права / Ю. Г. Ткаченко ; под ред. К. А. Мокичева. − М. : Всесоюз. юрид. заоч. ин-т, 1960. − 26 с.

380. Шапп, Я. Система германского гражданского права : учебник / Я. Шапп ; пер. с нем. С. В. Королева. – М. : Междунар. отношения, 2006. – 360 с.

381. Александров, Н. Г. Сущность социалистического государства и права : учеб. пособие / Н. Г. Александров. − М. : Знание, 1969. − 128 с.

382. Чернобель, Г. Т. Структура норм права и механизм их действия (логические аспекты) / Г. Т. Чернобель // Изв. высш. учебных заведений. Правоведение. – 1983. – № 6. – С. 40–47.

383. Дьяченко, Е. В. Поощрительные санкции как особая разновидность правовых санкций / Е. В. Дьяченко // Современное право. – 2009. – № 12. – С. 64–66.

384. Матанцев, Д. А. Ограничение дееспособности как личная санкция в гражданском праве / Д. А. Матанцев // Nauka-Rastudent.ru. – 2015. – № 11. – С. 44.

385. Братусь, С. Н. Юридическая ответственность и законность: очерк теории / С. Н. Братусь. − М. : Юрид. лит., 1976. − 216 с.

386. Генкин, Д. М. Советское гражданское право : в 2 т. / Д. М. Генкин. − М. : Госюриздат, 1950. − Т. 1. − 354 с.

387. Шмигельский, Г. А. Основы советского морского права / Г. А. Шмигельский, В. А. Ясиновский. − М. : Морской транспорт, 1959. − 234 с.

388. Федькин, Г. И. К вопросу об определении советского социалистического права / Г. И. Федькин // Советское государство и право. − 1951. − № 5. − С. 17−23.

389. Базылев, Б. Т. Об институте юридической ответственности / Б. Т. Базылев // Советское государство и право. − 1975. − № 1. − С. 110−115.

390. Василевич, Г. А. Конституционное право Республики Беларусь / Г. А. Василевич. − Минск : Право и экономика, 2002. − 686 с.

391. Рыбушкин, Н. Н. Запрет и санкция нормы права в контексте предмета и метода правового регулирования / Н. Н. Рыбушкин, А. В. Краснов // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. – 2010. – № 4. – С. 36–43.

392. Рыбушкин, Н. Н. Механизм реализации диспозиции и санкции запрещающей нормы права: единство и взаимодействие / Н. Н. Рыбушкин // Актуальные проблемы экономики и права. – 2012. – № 2. – С. 161–167.

393. Карманова, Е. В. Компенсационная функция гражданско-правовой ответственности в соотношении с компенсацией морального вреда / Е. В. Карманова // Современное право. – 2014. – № 5. – С. 73–78.

394. Саханова, Д. А. Восстановительная и компенсационная функции гражданско-правовой ответственности / Д. А. Саханова // Алтайский юрид. вестн. – 2015. – № 12. – С. 118–121.

395. Кожин, С. П. Понятие и функции гражданско-правовой ответственности / С. П. Кожин // Актуальные проблемы современности: наука и общество. – 2016. – № 2. – С. 27–31.

396. Кабанова, И. Е. Реализация компенсационной функции гражданского права при привлечении публичных субъектов к гражданско-правовой ответственности / И. Е. Кабанова // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 5, Юриспруд. – 2014. – № 4. – С. 131–136.

397. Попов, В. В. К вопросу о структуре правовой нормы / В. В. Попов // Вестн. Волгоград. акад. МВД России. – 2016. – № 1. – С. 10–15.

398. Смирнов, Д. А. К вопросу о структуре нормы права (на примере норм трудового права) / Д. А. Смирнов // Проблемы современной науки. – 2011. – № 1. – С. 267–272.

399. Рузаева, Д. В. Проблема логической структуры нормы права в современном обществе / Д. В. Рузаева, Ю. М. Морозова // XII Державинские чтения в Республике Мордовия : материалы Всерос. научн.-практ. конф., Саранск, 22 апр. 2016 г. / [редкол.: Г.П. Кулешова и др.] ; Средне-Волжский ин-т (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России). – Саранск : ЮрЭкс-Практик, 2016. – С. 287–288.

400. Логика : учеб. пособие / В. И. Бартон [и др.] ; под ред. В. Ф. Беркова. – Минск : Выш. шк., 1994. – 296 с.

401. Бартон, В. И. Логика : учеб. пособие / В. И. Бартон. – Минск : Новое знание, 2001. – 333 с.

402. Кириллов, В. И. Логика : учебник / В. И. Кириллов, А. А. Старченко. – 5-е изд., перераб. и доп. – М. : Юристъ, 1998. – 254 с.

403. Гурова, Т. В. Логические формы и модальность правовых суждений и умозаключений: основы логического анализа / Т. В. Гурова // Вектор науки Тольят. гос. ун-та. Сер. Юрид. науки. – 2010. – № 2. – С. 52–56.

404. О защите прав потребителей [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 9 янв. 2002 г., № 90-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 29.10.2015 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

405. О некоторых вопросах защиты прав потребителей [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 14 янв. 2009 г., № 26 : в ред. постановления Совета Министров Респ. Беларусь от 12.01.2017 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

406. Краснов, А. В. Содержание санкций норм права в свете информационно-психологического подхода к исследованию правовых явлений / А. В. Краснов // Актуальные проблемы экономики и права. – 2013. – № 4. – С. 226–232.

407. Образцова, В. И. Особенности гражданско-правовой ответственности при нарушении договоров с участием потребителей / В. И. Образцова // Политика, экономика и социальная сфера: проблемы взаимодействия. – 2016. – № 7. – С. 47–53.

408. Панова, А. С. Значение правовой категории «санкция» / А. С. Панова // Актуальные проблемы экономики и права. – 2015. – № 3. – С. 33–37.

409. Краснов, А. В. К вопросу о соотношении санкций норм права и законного интереса / А. В. Краснов // Современное право. – 2012. – № 5. – С. 3–6.

410. Общая теория права : учебник / Ю. А. Дмитриев [и др.] ; под ред. А. С. Пиголкина. − 2-е изд., испр. и доп. – М. : МГТУ им. Н. Э. Баумана, 1995. – 383 с.

411. Хилюта, В. В. Толкование гражданского законодательства при установлении юридического признака предмета хищения / В. В. Хилюта // Вектор науки Тольят. гос. ун-та. Сер. Юрид. науки. – 2010. – № 2. – С. 175–178.

412. Аметов, Э. М. К проблеме однозначного понимания текста при толковании нормативно-правовых актов / Э. М. Аметов // Вектор науки Тольят. гос. ун-та. Сер. Юрид. науки. – 2010. – № 2. – С. 14–15.

413. Семенов, А. В. Некоторые вопросы толкования норм права / А. В. Семенов // Вестн. ТИСБИ. – 2013. – № 4. – С. 171–176.

414. Недбайло, П. Е. Вопросы обоснованности и целесообразности применения норм советского права / П. Е. Недбайло // Вопросы общей теории советского права : сб. ст. / Л. С. Галесник [и др.] ; под ред. С. Н. Братуся. − М. : Госюриздат, 1960. − 408 с.

415. Губайдуллина, Э. Х. Аутентичное толкование: нужно ли его относить к официальному виду толкования норм права в Российской Федерации / Э. Х. Губайдуллина // Вектор науки Тольят. гос. ун-та. Сер. Юрид. науки. – 2010. – № 2. – С. 51–52.

416. Шокиров, Т. С. Юрислингвистическое толкование текста, ее проблемы (в Таджикском языкознании) / Т. С. Шокиров // Междунар. журн. прикладных и фундаментальных исследований. – 2013. – № 3. – С. 130–132.

417. Акашкин, А. Ю. Использование оценочных категорий в гражданском законодательстве / А. Ю. Акашкин // Актуальные проблемы рос. права. – 2009. – № 3. – С. 228–240.

418. Казанина, Т. В. Об оценочных понятиях в гражданском законодательстве / Т. В. Казанина // Учен. зап. С.-Петерб. им. В. Б. Бобкова филиала Рос. тамож. акад. – 2007. – № 3. – С. 116–121.

419. Богданович, С. П. Понятие и признаки оценочных понятий в вещном и обязательственном праве / С. П. Богданович // Власть закона. – 2011. – № 4. – С. 166–171.

420. Лукьяненко, М. Ф. Теоретические основы процесса познания содержания гражданско-правовых норм с оценочными понятиями / М. Ф. Лукьяненко // Академич. вестн. – 2008. – № 2. – С. 102–115.

421. Лукьяненко, М. Ф. Законодательство об оценочных понятиях, включающих признак «обычного», и практика их толкования / М. Ф. Лукьяненко // Хозяйство и право. – 2010. – № 2. – С. 38–58.

422. Шмагин, А. Основы немецкой методики толкования права / А. Шмагин // Вестн. гражданского права. − 2012. − № 4. − С. 243−277.

423. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 мая 2003 г., № 9-П «По делу о проверке конституционности положения ст. 199 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан П. Н. Белецкого, Г. А. Никовой, Р. В. Рукавишникова, В. Л. Соколовского и Н. И. Таланова» // Рос. газ. – 2003. – № 105. – 3 июня.

424. Вершинина, С. И. К вопросу о толковании норм права / С. И. Вершинина // Вектор науки Тольят. гос-го ун-та. Сер. Юрид. науки. – 2010. – № 2. – С. 36–39.

425. Блажевич, И. Н. Толкование права / И. Н. Блажевич // Академич. вестн. – 2009. – № 2. – С. 98–103.

426. Березина, Е. А. Толкование договора как вид юридического толкования : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.01 / Е. А. Березина. − Екатеринбург, 2001. − 226 с.

427. Иванников, И. А. Теория государства и права : учебник / И. А. Иванников. − М. : Юрлитинформ, 2011. − 392 с.

428. Абжапаров, Н. А. Понятие и сущность толкования права в контексте специфики нормы гражданского права как предмета толкования / Н. А. Абжапаров // Известия ВУЗов Кыргызстана. – 2010. – № 5. – С. 224–229.

429. Гермашев, А. Н. Юридическая герменевтика как наука о способах изложения воли в юридическом тексте и способах ее толкования / А. Н. Гермашев // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2010. – № 1. – С. 82–86.

430. Тонков, Е. Н. Подходы к толкованию закона в Англии / Е. Н. Тонков // Юрид. мысль. – 2013. – № 4. – С. 94–99.

431. Элькинд, П. С. Толкование и применение норм уголовно-процессуального права / П. С. Элькинд. − М. : Юрид. лит., 1967. − 192 с.

432. Насырова, Т. Я. Телеологическое толкование советского закона и правотворчество / Т. Я. Насырова, В. В. Лазарев // Изв. высш. учеб. заведений. Правоведение. – 1988. – № 2. – С. 27–33.

433. Артемьева, Ю. А. К вопросу о способах толкования налоговых норм / Ю. А. Артемьева // Глобальный научный потенциал. – 2013. – № 8. – С. 128–132.

434. Тишкович, К. С. Отдельные проблемы применения способов толкования норм трудового права / К. С. Тишкович // Вестн. Ом. ун-та. Сер. Право. – 2015. – № 1. – С. 203–208.

435. Недилько, Ю. В. Телеологический способ толкования и аргументация его применения в исследованиях британских правоведов / Ю. В. Недилько // Вестн. Волгоград. акад. МВД России. – 2015. – № 2. – С. 10–15.

436. Недилько, Ю. В. Телеологический и смысловой аспекты толкования намерений законодателя / Ю. В. Недилько // Юрид. наука. – 2016. – № 1. – С. 23–28.

437. Волосюк, Е. А. Грамматическое толкование уголовного закона и его компоненты / Е. А. Волосюк // Общество и право. – 2012. – № 3. – С. 154–157.

438. Волосюк, Е. А. Грамматическое толкование и понимание норм уголовного закона / Е. А. Волосюк // Общество и право. – 2012. – № 4. – С. 137–139.

439. Об авторском праве и смежных правах [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 17 мая 2011 г., № 262-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

440. Карвальу, М. Х. П. Д. Проблемы тезиса о единственно правильном толковании в области конституционного права / М. Х. П. Д. Карвальу // Журн. рос. права. – 2015. – № 9. – С. 141–149.

441. Обзор практики разрешения споров, связанных с арендой [Электронный ресурс] : информационное письмо ВАС Рос. Федерации, 11 янв. 2002 г., № 66 // Некоммерческая интернет-версия КонсультантПлюс. – Режим доступа: http:// www.consultant.ru/. – Дата доступа: 16.06.2017.

442. Гохлернер, Д. Коварные предлоги «до» и «по» [Электронный ресурс] / Д. Гохлернер // Палата адвокатов Нижегородской области. – Режим доступа: http://apno.ru/content/view/258/39/. – Дата доступа: 16.06.2017.

443. Постановление Президиума ВАС Российской Федерации от 14.01.2003 № 9523/02 [Электронный ресурс] // Zakonbase.ru. Законодательная база Российской Федерации. – Режим доступа: http:// zakonbase.ru/content/base/57430/. – Дата доступа: 16.06.2017.

444. Пронина, М. П. Особенности грамматического толкования уголовного закона / М. П. Пронина // Вестн. Владимир. юрид. ин-та. – 2015. – № 4. – С. 184–188.

445. Маршава, Л. А. Некоторые проблемы неофициального систематического толкования норм Конституции Российской Федерации / Л. А. Маршава // Вестн. Челяб. гос. ун-та. Сер. Право. – 2012. – № 1. – С. 25–27.

446. Булаев, А. Н. Систематическое толкование как способ устранения противоречий в законодательстве России / А. Н. Булаев // Вестн. Сарат. гос. юрид. акад. – 2007. – № 6. – С. 23–27.

447. О разъяснении положений нормативных правовых актов [Электронный ресурс] : разъяснение Высш. Хозяйственного Суда Респ. Беларусь, 2 мая 2005 г., № 03-24/850 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

448. Об утверждении Положения о поставках товаров в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 8 июля 1996 г., № 444 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

449. О некоторых мерах по защите прав граждан, выполняющих работу по гражданско-правовым и трудовым договорам [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 6 июля 2005 г., № 314 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

450. О страховой деятельности [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 25 авг. 2006 г., № 530 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

451. Пишина, С. Г. О методологической основе способов юридической интерпретации / С. Г. Пишина // Вестн. Нижегород. акад. МВД России. – 2011. – № 2-15. – С. 65–68.

452. Мордовцев, А. Ю. Особенности и техника социально-политического толкования конституционных норм в условиях государства переходного типа / А. Ю. Мордовцев // Философия права. – 2014. – № 5. – С. 76–81.

453. О государственном суверенитете Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Декларация Верховного Совета Респ. Беларусь, 27 июля 1999 г., № 193-XII // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

454. Гражданский кодекс Швейцарии [Электронный ресурс] : 10 дек. 1907 г. // Википедия. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/. – Дата доступа: 25.06.2017.

455. Гражданский кодекс Японии [Электронный ресурс] // DOCME. Гражданское право Японии. – Режим доступа: http://www.docme.ru/doc/59621/grazhdans- koe-pravo-yaponii. – Дата доступа: 25.06.2017.

456. Хомяк, Н. Г. Толкование как правовой институт / Н. Г. Хомяк // Вестн. Костром. гос. технол. ун-та. Государство и право: вопросы теории и практики. Сер. Юрид. науки. – 2011. – № 1. – С. 37–39.

457. Гражданское уложение Германии. Вводный закон к Гражданскому уложению : пер. с нем. / науч. ред. А. Л. Маковский [и др.]. – М. : Волтерс Клувер, 2004. – 816 с.

458. Фарбер, И. Е. Вопросы толкования советского закона / И. Е. Файбер // Учен. зап. Сарат. юрид. ин-та. − 1956. − Вып. 4. − 201 с.

459. Колесник, И. В. Языковой и логический способы толкования правовых норм в технологии правоприменительной деятельности арбитражного суда / И. В. Колесник // Юрист-Правовед. – 2010. – № 3. – С. 8–12.

460. Маркин, А. В. Логическое толкование права / А. В. Маркин // Вектор науки Тольят. гос. ун-та. Сер. Юрид. науки. – 2010. – № 2. – С. 105–107.

461. Германское гражданское уложение [Электронный ресурс] : [текст] // TWIRPX. – Режим доступа: http://www.twirpx.com/. – Дата доступа: 26.06.2017.

462. Гражданский кодекс Чешской Республики [Электронный ресурс] : [текст] // TWIRPX. – Режим доступа: http://www.twirpx.com/. – Дата доступа: 26.06.2017.

463. Принципы Европейского договорного права [Электронный ресурс] : Комиссия по европейскому договорному праву Европейского Союза / СТА Логистик. – Режим доступа: wwta-logistic.ru/infw.socentre/legal/mezhdunarodnoe_zakonodatel_stvo/mezhdunarodnaja_torgovlja/principi_evropejskogo_dogovorn/. – Дата доступа: 27.06.2017.

464. Андреева, Л. В. Толкование принципа свободы договора судебными органами: новый подход / Л. В. Андреева // Юрист. – 2015. – № 4. – С. 6–9.

465. Карапетов, А. Г. Комментарий к нормам Гражданского кодекса России об отдельных видах договоров в контексте постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации «О свободе договора и ее пределах» / А. Г. Карапетов, Р. С. Бевзенко // Вестн. Высш. Арбитраж. Суда Рос. Федерации. – 2008. – № 8. – С. 4–97.

466. Сулейманова, К. М. Толкование норм как механизм обеспечения вынесения справедливых решений по гражданским делам / К. М. Сулейманова // Вестн. Костром. гос. ун-та. – 2016. – Т. 22. – № 6. – С. 185–189.

467. О ратификации Договора о Таможенном кодексе таможенного союза [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 2 июля 2010 г., № 160 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

468. Голубенко, К. А. Проблемы толкования правовых норм по объему / К. А. Голубенко, А. П. Савельева // Фундаментальные и прикладные исследования в современном мире. – 2014. – № 6. – С. 130–133.

469. Тихонравов, Е. Ю. Понятие расширительного и ограничительного толкования права / Е. Ю. Тихонравов // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер. Право. – 2016. – № 1. – С. 78–90.

470. Примарев, Е. В. Виды судебного толкования / Е. В. Примарев // Baikal Research Journal. – 2016. – № 5. – С. 19.

471. Тихонравов, Е. Ю. Соотношение распространительного толкования права и аналогии закона / Е. Ю. Тихонравов // Академич. юрид. журн. – 2016. – № 2. – С. 4–10.

472. Калмыков, Ю. Х. Вопросы толкования и применения гражданско-правовых норм / Ю. Х. Калмыков // Гражданское право. – 2008. – № 3. – С. 5–8.

473. О хозяйственных обществах [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 9 дек. 1992 г., № 2020-XII ; в ред. Закона Респ. Беларусь от 15.07.2015 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

474. Дробышевский, С. А. Ограничительное толкование правовых норм и создание умышленно «мертвых» юридических правил как способы неприменения действующего права / С. А. Дробышевский, Е. Ю. Тихонравов // Тр. Ин-та государства и права Рос. акад. наук. – 2016. – № 6. – 24–34.

475. Обзор практики рассмотрения арбитражными судами споров о преимущественном праве приобретения акций закрытых акционерных обществ [Электронный ресурс] : информационное письмо Президиума ВАС Рос. Федерации, 25 июня 2009 г., № 131 // Федеральные Арбитражные Суды Российской Федерации. – Режим доступа: http://www.arbitr.ru/as/pract/vas_info_letter/ 24286.html. – Дата доступа: 02.07.2017.

476. О некоторых вопросах применения Федерального закона «Об акционерных обществах» [Электронный ресурс] : постановление Пленума Высш. Арбитраж. Суда Рос. Федерации, 18 нояб. 2003 г., № 19 // КонсультантПлюс – надежная правовая поддержка. – Режим доступа: http://www. consultant.ru. – Дата доступа: 02.07.2017.

477. Недилько, Ю. В. Теоретические разработки доктрины толкования права в Великобритании в период нового времени и на современном этапе / Ю. В. Недилько // Науч. ведомости. – 2015. – № 14. – С. 113–119.

478. Малинова, И. П. Герменевтический круг в толковании договора / И. П. Малинова // Рос. юрид. журн. – 2006. – № 1. – С. 119–121.

479. Гаврилова, Ю. А. Конкретизация правовых норм и толкование права по объему / Ю. А. Гаврилова // Вестн. ВолГУ. Сер. Юриспруденция. – 2009. – № 9. – С. 40–48.

480. Гражданский кодекс Португалии [Электронный ресурс] : [текст] (извлечения) // Obiter Dictum электронный юридический журнал. – Режим доступа: http://constitutions.ru/?p=1534/. – Дата доступа: 28.06.2017.

481. Гражданский кодекс Италии [Электронный ресурс] : [текст] // Российский правовой портал: библиотека Пашкова. – Режим доступа: http://www.jus. unitn.it/cardozo/Obiter_Dictum/codciv/. – Дата доступа: 28.06.2017.

482. Швейцарский обязательственный закон : Федеральный закон о дополнении Швейцарского гражданского кодекса. Часть пятая: Обязательственный закон ; пер. с нем., фр. Н. И. Гайдаенко-Шер, М. Шер. – М. : Инфотропик Медиа, 2012. – 576 с.

483. Гражданское законодательство Израиля / сост., предисл., пер. с иврита М. С. Хейфец ; науч. ред. Н. Э. Лившиц. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2003. – 633 с.

484. Илюшина, М. Н. Системное толкование и проблемы горизонтальной иерархии норм права / М. Н. Ильюшина // Современное право. – 2012. – № 3. – С. 15–20.

485. Витушко, В. А. Теория механизма правового регулирования экономических отношений : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / В. А. Витушко. − Минск, 2001. − 44 с.

486. Николайчук, Е. С. Понятие и признаки системного толкования норм гражданского права / Е. С. Николайчук // Власть закона. – 2011. – № 1. – С. 135–145.

487. Кузнецова, О. А. Проблемы формирования терминологического аппарата гражданского законодательства / О. А. Кузнецова // 20 лет Гражданскому кодексу Российской Федерации: итоги, тенденции и перспективы развития : материалы междунар. науч.-практ. конф., Ульяновск, 12 дек. 2014 г. / Ульяновский гос. ун-т. – М. : ПРОСПЕКТ, 2015. – С. 86–91.

488. Трущенко, Е. Как продать предприятие: пошаговая схема действий / Е. Трущенко // Бюл. нормативно-правовой информ. Юрид. мир. − 2006. − № 6. − С. 32.

489. Шапошников, В. Заключение предварительного договора при продаже предприятия как имущественного комплекса / В. Шапошников // Бюл. нормативно-правовой информ. Юрид. мир. − 2005. − № 24. − С. 55−60.

490. Коротаев, С. Л. Некоторые аспекты учета и налогообложения при продаже предприятия [Электронный ресурс] / С. Л. Коротаев (по состоянию на 1 октября 2014 г.) // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

491. Половинко, А. Особенности совершения сделок между УП и индивидуальным предпринимателем / А. Половинко // Бюл. нормативно-правовой информ. Юрид. мир. – 2006. – № 9. − С. 29.

492. О применении норм Гражданского кодекса Республики Беларусь, регулирующих заключение, изменение и расторжение договоров [Электронный ресурс] : постановление Пленума Высш. Хозяйственного Суда Респ. Беларусь, 16 дек. 1999 г., № 16 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

493. О некоторых вопросах применения хозяйственными судами законодательства, регулирующего недействительность сделок [Электронный ресурс] : постановление Пленума Высш. Хозяйственного Суда Респ. Беларусь, 28 окт. 2005 г., № 26 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

494. Александров, Д. Аналитический материал / Д. Александров, С. Лазовский // Бюл. нормативно-правовой информ. – 2002. – № 6. − С. 46−48.

495. Александров, Д. Аналитический материал / Д. Александров // Бюл. нормативно-правовой информ. Юрид. мир. – 2006. – № 4. − С. 72−78.

496. Разъяснение Высш. Хозяйственного Суда Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 23 мая 2007 г., № 03-29/887 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

497. Новицкая, Н. Ф. Судебная практика с участием налоговых органов / Н. Ф. Новицкая // Налоги Беларуси. – 2015. – № 32. – 25 авг.

498. Климкин, С. И. Реализация правоспособности юридического лица через его органы / С. И. Климкин // Цивилистические записки : межвуз. сб. науч. тр. – М. : Статут, 2001. – С. 158–176.

499. Витушко, В. А. Гражданское право : учеб. пособие : в 2 ч. / В. А. Витушко. − Минск : Белорус. наука, 2007. − Ч. 1. − 566 с.

500. Функ, Я. И. Органы управления коммерческих организаций и их представители / Я. И. Функ // Бюл. нормативно-правовой информ. Юрид. мир. – 2005. – № 17. − С. 32−36.

501. Гражданское право : учебник / В. А. Витушко [и др.] ; под ред. В. В. Залесского, М. М. Рассолова. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2002. – 703 с.

502. Белов, В. А. Гражданское право. Общая часть : учебник / В. А. Белов. − М. : Юрайт, 2011. − Т. II: Лица, блага, факты. − 1093 с.

503. Гражданский кодекс Российской Федерации. Части первая, вторая, третья и четвертая. – М. : Проспект, КноРус, 2014. – 608 с.

504. Гражданский кодекс Российской Федерации. Юридические лица : постатейный комментарий к главе 4 / Е. В. Бадулина [и др.] ; под ред. П. В. Крашенинникова. – М. : Статут, 2014. – 524 с.

505. Гражданский кодекс Российской Федерации. Части первая, вторая, третья и четвертая. – М. : Проспект, 2015. – 640 с.

506. Вишневский, А. Ф. Общая теория государства и права : учебник / А. Ф. Вишневский, Н. А. Горбаток, В. А. Кучинский ; под ред. В. А. Кучинского. – Минск : Акад. МВД, 2017. – 478 с.

507. Мельникова, Т. В. Некоторые вопросы правосубъектности юридического лица / Т. В. Мельникова // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2008. – № 7. – С. 105–108.

508. Лисецкий, С. К. Некоторые вопросы структуры правосубъектности юридического лица / С. К. Лисецкий // Вестн. Самар. ун-та. История, педагогика, филология. – 2013. – № 8-1. – С. 56–60.

509. Бураева, А. Е. Элементы правосубъектности юридического лица / А. Е. Бураева, К. А. Москвина // Фундаментальные и прикладные исследования: проблемы и результаты. – 2016. – № 26-2. – С. 131–135.

510. Грешников, И. П. Субъекты гражданского права: юридическое лицо в праве и законодательстве / И. П. Грешников. − СПб. : Юрид. центр Пресс, 2002. − 331 с.

511. Гришина, М. В. К вопросу о гражданско-правовых договорах, оформляющих коммерческое представительство / М. В. Гришина // Наука и практика. – 2014. – № 1. – С. 202–205.

512. Цепов, Г. В. Понятие органа юридического лица по российскому законодательству / Г. В. Цепов // Правоведение. – 1998. – № 3. – С. 89–93.

513. Тернова, О. А. Правовой статус органов управления акционерных обществ во Франции и в России / О. А. Тернова // Журн. зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2015. – № 5. – С. 884–889.

514. Ордынский, В. В. Понятие органов управления юридического лица / В. В. Ордынский // Альманах мировой науки. – 2015. – № 2. – С. 157–165.

515. Братусь, С.Н. Субъекты гражданского права / С.Н. Братусь. – М. : Юрид. лит., 1950. – 368 с.

516. Волков, А. В. Приемы злоупотребительного толкования норм права: методологические вопросы / А. В. Волков // Методологические проблемы цивилистических исследовании : сб. науч. ст. / Перм. гос. нац. исслед. ун-т ; отв. ред. А. В. Габов, В. Г. Голубцов, О. А. Кузнецова. − М. : Статут, 2016. – 192 с.

517. Бондаренко, Н. Л. Устранение пробелов в гражданском законодательстве в целях защиты прав физических лиц и реализации принципов гражданского права / Н. Л. Бондаренко // Актуальные проблемы гражданского права. – 2016. – № 1 (7). – С. 6–18.

518. Яковлева, Т. В. О пробелах в объективном праве и способах их восполнения при решении вопроса о реализации субъективного права / Т. В. Яковлева // Вопросы рос. и междунар. права. – 2011. – № 3. – С. 8–22.

519. Тычинин, С. В. Правовая природа пробела в гражданском праве / С. В. Тычинин, Д. И. Романенко // Науч. ведомости Белгород. гос. ун-та. Сер. Философия. Социология. Право. – 2014. – № 27 (173). – С. 136–143.

520. Саркисова, М. А. Проблемы применения права по аналогии / М. А. Саркисова // Философия социальных коммуникаций. – 2013. – № 3. – С. 37–44.

521. Волков, А. В. Теория концепции «Злоупотребление гражданскими правами» / А. В. Волков. – Волгоград : Станица-2, 2007. – 375 с.

522. Микрюков, В. А. Некоторые вопросы применения гражданского законодательства по аналогии / В. А. Микрюков, Г. А. Микрюкова // Вестн. Перм. ун-та. Сер. Юрид. науки. – 2014. – № 1. – С. 133–144.

523. Романенко, Д. И. Аналогия в системе российского гражданского права / Д. И. Романенко // Актуальные проблемы рос. права. – 2016. – № 9. – С. 76–80.

524. Пиголкин, А. С. Обнаружение и преодоление пробелов в праве / А. С. Пиголкин // Советское государство и право. − 1970. − № 3. − С. 49−57.

525. Комаров, С. А. Общая теория государства и права / С. А. Комаров. − 2-е изд., испр. и доп. − М. : Манускрипт, 1996. − 312 с.

526. Слесарев, А. В. Специально-юридическое толкование норм гражданского права : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.03 / А. В. Слесарев. − Омск, 2003. − 198 л.

527. Лазарев, В. В. Понятие пробелов в праве / В. В. Лазарев // Советское государство и право. − 1967. − № 4. − С. 92−96.

528. Акимов, В. И. Понятие пробела в праве / В. И. Акимов // Правоведение. − 1969. − № 3. − С. 110−113.

529. Кожокарь, И. П. Пробел законодательства как дефект механизма гражданско-правового регулирования / И. П. Кожокарь // Власть Закона. – 2016. – № 2. – 85–95.

530. Гражданское право : учебник : в 3 т. / Е. Н. Абрамова [и др.] ; под ред. А. П. Сергеева. – М. : ТК Велби, 2008. – Т. 1. − 1008 с.

531. Хачатуров, Р. Л. Аналогия в праве / Р. Л. Хачатуров // Вектор науки Тольят. гос. ун-та. – 2009. – № 5. – С. 129–132.

532. Явич, Л. С. Общая теория права / Л. С. Явич. − Л. : Изд-во ЛГУ им. А. А. Жданова, 1976. − 288 с.

533. Мартыненко, И. Э. Не применить ли аналогию закона / И. Э. Мартыненко // Судовы веснік. – 1994. – № 4. – С. 45–47.

534. Василевич, Г. А. Толкование (разъяснение) нормативных правовых актов (теория и практика) [Электронный ресурс] / Г. А. Василевич // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017

535. О внесении изменений и дополнений в Директиву Президента Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 26 янв. 2016 г., № 26 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

536. Об утверждении Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2016–2020 годы [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 15 дек. 2016 г., № 466 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

537. Васильев, В. В. К вопросу о понятии гражданского права / В. В. Васильев // Вестн. ТвГУ. Сер. Право. – 2013. – № 33. – С. 12–20.

538. В Беларуси по-прежнему сокращается число индивидуальных предпринимателей [Электронный ресурс] / ЧЕСНОК. – Режим доступа: http:// 4esnok.by/novosti/v-belarusi-po-prezhnemu-sokrashhaetsya-chislo-individualnyx-pred-prinimatelej/. – Дата доступа: 30.07.2017.

539. Уходят из строительства, но идут в образование. В Беларуси второй год подряд снижается число ИП [Электронный ресурс] / ФИНАНСЫ TUT.BY. – Режим доступа: https://finance.tut.by/ news551800.html/. – Дата доступа: 31.07.2017.

540. Локомотивы больше не в состоянии гарантировать развитие [Электронный ресурс] / ФИНАНСЫ TUT.BY. – Режим доступа: https://finance.tut.by/ news552954/. – Дата доступа: 01.08.2017.

541. О совершенствовании контрольной (надзорной) деятельности в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 16 окт. 2009 г., № 510 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

542. О лицензировании отдельных видов деятельности [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 1 сент. 2010 г., № 450 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

543. Об отдельных вопросах налогообложения [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 9 марта 2010 г., № 143 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

544. О некоторых мерах по совершенствованию контрольной (надзорной) деятельности в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 26 июля 2012 г., № 332 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

545. Василевич, Г. А. Проблемы нормотворчества и правоприменения [Электронный ресурс] / Г. А. Василевич // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

546. Об упорядочении государственно регистрации и ликвидации (прекращения деятельности) субъектов хозяйствования [Электронный ресурс] : Декрет Президента Респ. Беларусь, 16 марта 1999 г., № 11 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

547. О дополнительных мерах по регулированию экономических отношений [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 16 янв. 2002 г., № 40 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

548. О лицензировании отдельных видов деятельности [Электронный ресурс] : Декрет Президента Респ. Беларусь, 14 июля 2003 г., № 17 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

549. Алексеев, С. С. Частное право : научно-публицистический очерк / С. С. Алексеев. − М. : Статут, 1999. − 160 с.

550. Егоров, Н. Д. Гражданско-правовое регулирование общественных отношений: единство и дифференциация / Н. Д. Егоров. − Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1988. − 176 с.

551. Алексеев, С. С. Гражданское право в современную эпоху / С. С. Алексеев. − М. : Юрайт, 1999. − 40 с.

552. Микрюков, В. А. О методе гражданского права / В. А. Микрюков, Г. А. Микрюкова // Вестн. Перм. ун-та. Сер. Юрид. науки. – 2013. – № 1. – С. 161–166.

553. Фаткуллин, Ф. Н. Социальная ценность и эффективность правовой нормы / Ф. Н. Фаткуллин. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1977. – 120 с.

554. Петров, Д. Е. Разграничение понятий «метод правового регулирования» и «правовой режим» при исследовании дифференциации системы права / Д. Е. Петров // Вестн. Сарат. гос. юрид. акад. – 2015. – № 4. – С. 147–152.

555. Бондаренко, Н. Л. Эффективное гражданское законодательство как фактор, снижающий трансакционные издержки / Н. Л. Бондаренко // Вестн. Перм. ун-та. Сер. Юрид. науки. – 2016. – № 1. – С. 35–40.

556. Пунченко, С. И. О юридической, социальной и иных видах эффективности норм права / С. И. Пунченко // Юрид. вестн. Кубан. гос. ун-та. – 2010. – № 5. – С. 64–66.

557. Малько, А. В. Стимулы и ограничения в праве: теоретико-информационный аспект / А. В. Малько. − М. : Юристъ, 2003. − 256 с.

558. Барков, А. В. О некоторых актуальных направлениях цивилистических исследований с учетом тенденций социализации экономики и права / А. В. Барков // Методологические проблемы цивилистических исследований : сб. науч. ст. ; отв. ред. А. В. Габов, В. Г. Голубцов, О А. Кузнецова. – М. : Статут, 2016. – С. 6–18.

559. Макарчук, Е. С. Императивные и диспозитивные нормы в договорном праве / Е. С. Макарчук, Н. А. Седова // Актуальные проблемы гражданского и предпринимательского права : сб. ст. всерос. науч.-практ. конф. молодых ученых, Краснодар, 31 окт. 2016 г. / Научно-исследовательский ин-т актуальных проблем современного права ; под ред. В. П. Камышанского [и др.]. – Краснодар : АНО «НИИ АПСП», 2016. – С. 57–60.

560. Евдеева, Н. В. Роль и значение императивного метода в тоталитарном политическом режиме // Н. В. Евдеева, Е. А. Клюкина, П. А. Петров // Мир политики и социологии. – 2015. – № 10. – С. 116–124.

561. Гражданский кодекс Республики Казахстан : практ. пособие. – Алматы : Норма-К, 2017. – 368 с.

562. Гражданский кодекс Азербайджанской Республики [Электронный ресурс] : 28 дек. 1999 г., № 779-IQ : в ред. Закона от 11.11.2016 г. // Параграф. Информационные системы. – Режим доступа: http://online.zakon.kz/Document/ ?doc_id=30420111#pos=3;-252. – Дата доступа: 23.07.2017.

563. Гражданский кодекс Кыргызской Республики. Часть I [Электронный ресурс] : 8 мая 1996 г., № 15 : в ред. Закона от 16.12.2016 г. // Параграф. Информационные системы. – Режим доступа: http://online.adviser.kg/Document/ ?doc_id= 30212538. – Дата доступа: 23.07.2017.

564. Гражданский кодекс Республики Молдова [Электронный ресурс] : 6 июня 2002 г., № 1107 : в ред. Закона от 29.07.2016 г. // CC1107/2002. – Режим доступа: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=3244. – Дата доступа: 03.04.2017.

565. Гражданский кодекс Грузии [Электронный ресурс] : 26 июня 1997 г., №786-IIс // Юридическая Россия. – Режим доступа: http://www.law.edu.ru/ norm/ norm.asp? normID=1259884&subID=100122131,100122132#text. – Дата доступа: 23.07.2017.

566. Витушко, В. А. Правовые основы социального рынка / В. А. Витушко. – Минск : Междунар. ун-т «МИТСО», 2017. – 320 с.

567. Бернгефт, Ф. Гражданское право Германии / Ф. Бернгефт, И. Колер ; пер. с нем. Б. М. Брамсона [и др.] ; под ред. В. Н. Нечаева. – СПб. : Сенатская типография, 1910. – 410 с.

568. Об утверждении гражданского кодекса РСФСР (вместе с гражданским кодексом) [Электронный ресурс] : Закон РСФСР, 11 июня 1964 г. // Некоммерческая интернет-версия КонсультантПлюс. – Режим доступа: http://www. consultant.ru/ cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=1829#0. – Дата доступа: 01.09.2017.

569. Гражданский кодекс Белорусской ССР; Гражданский процессуальный кодекс Белорусской ССР / Офиц. текст с изм. и доп. на 1 мая 1985 г. – Минск : Беларусь, 1985. – 320 с.

570. Статья 168 ГК Российской Федерации. Недействительность сделки, нарушающей требования закона или иного правового акта [Электронный ресурс] : Гражданский кодекс Российской Федерации 2017. Актуальная редакция с Комментариями по состоянию на 20.07.2017. – Режим доступа: http://gkodeksrf.ru. – Дата доступа: 05.08.2017.

571. Григонис, Э. П. Теория государства и права / Э. П. Григонис. − СПб. : Питер, 2002. − 320 с.

572. Власов, В. И. Теория государства и права : учебник / В. И. Власов. − Ростов н/Д : Феникс, 2002. − 512 с.

573. Оксамытный, В. В. Теория государства и права : учебник / В. В. Оксамытный. − М. : ИМПЭ-ПАБЛИШ, 2004. − 563 с.

574. Иванников, И. А. Общая теория государства и права / И. А. Иванников. − М. : Дашков и К^0 ; Ростов н/Д : Наука-Пресс, 2008. − 368 с.

575. Протасов, В. Н. Теория государства и права : учебник / В. Н. Протасов. − М. : Юрайт, 2014. − 495 с.

576. Горшунов, Д. Н. Нормы частного права и их реализация : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.01 / Д. Н. Горшунов. − Казань, 2003. − 219 л.

577. Ларин, А. Ю. Теория государства и права / А. Ю. Ларин. − М. : Кн. мир, 2005. − 355 с.

578. Морозова, Л. А. Теория государства и права : учебник / Л. А. Морозова. − 5-е изд., перераб. и доп. − М. : Норма ; ИНФРА-М, 2013. − 464 с.

579. Витченко, А. М. Метод правового регулирования социалистических общественных отношений / А. М. Витченко. − Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1974. − 160 с.

580. Гражданское право : учебник в 2 т. / О. В. Голованова [и др.] ; под общ. ред. М. В. Карпычева, А. М. Хужина. – М. : ФОРУМ : ИНФРА-М, 2016. – 400 с.

581. Говзич, В. Г. Гражданское право : учеб. метод. пособие / В. Г. Говзич, К. К. Уржинский. – Минск : БГЭУ, 2011. – 145 с.

582. Гражданское право : учебник / С. С. Алексеев [и др.] ; под ред. С. С. Алексеева, С. А. Степанова. – М. : Проспект ; Екатеринбург : Ин-т частного права, 2015. – 440 с.

583. Колбасин, Д. А. Гражданское право : учебник : в 2 ч. / Д. А. Колбасин. – Минск : Акад. МВД, 2016. – 492 с.

584. Гражданское право. Часть первая : учебник / М. В. Антокольская [и др.] ; под ред. А. Г. Калпина, А. И Масляева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Юристъ, 2002. – 536 с.

585. Харитонов, Е. О. Гражданское право : учеб. пособие / Е. О. Харитонов, Н. А. Саниахметова. – К. : А.С.К., 2002. – 832 с.

586. Васильева, Л. П. Гражданское право : курс лекций / Л. П. Васильева. – 2-е изд., доп. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2009. – 201 с.

587. Кратенко, М. В. Злоупотребление свободой договора: частноправовые и публично-правовые аспекты / М. В. Кратенко. – М. : Волтерс Клувер, 2010. – 208 с.

588. Богоненко, В. А. Гражданское право : учеб. метод. комплекс / В. А. Богоненко. – Новополоцк : ПГУ, 2009. – 312 с.

589. Горшунов, Д. Н. К вопросу о методе регулирования частноправовых отношений / Д. Н. Горшунов // Учен. зап. Казан. гос. ун-та. – 2007. – Т. 149. – Кн. 6. – С. 31–38.

590. На белорусских рынках пустует около 30 % торговых мест и объектов [Электронный ресурс] // Новости Mail.Ru. – Режим доступа: https://news.mail.ru/ economics/30648926/?frommail=1. – Дата доступа: 11.08.2017.

591. Щенникова, Л. В. Принципы гражданского права: достижения цивилистики и законодательный эффект / Л. В. Щенникова // Цивилистические записки : межвуз. сб. науч. тр. − Вып. 2. − М. : Статут ; Екатеринбург : Ин-т частного права, 2002. − С. 41−59.

592. Анисимов, А. П. Гражданское право России. Общая часть : учебник / А. П. Анисимов, А. Я. Рыженков, С. А. Чаркин ; под ред. А. Я. Рыженкова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрайт, 2015. – 504 с.

593. Степанов, Д. И. Диспозитивность норм договорного права. К концепции реформы общих положений Гражданского кодекса о договорах [Электронный ресурс] / Д. И. Степанов // Zakon.ru: первая социальная сеть для юристов. – Режим доступа: http://Zakon.ru>Tools/ DownloadFileRecord/586. – Дата доступа: 10.08.2017.

594. Гражданское право : учебник в трех частях. Часть первая / А. В. Барков [и др.] ; под ред. В. П. Камышанского, Н. М. Коршунова, В. И. Иванова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Эксмо, 2010. – 704 с.

595. Дудина, А. Н. Проблемы толкования императивных норм / А. Н. Дудина // Проблемы современного российского законодательства : сб. тр. конф., Иркутск, 24 окт., 2013 г. / Иркут. юрид. ин-т (филиал) ФГБОУ ВПО Рос. правовая акад. М-ва юстиции Рос. Федерации. – М. : Российская правовая акад. М-ва юстиции Рос. Федерации, 2013. – С. 156–161.

596. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть 2 : текст, комментарии, алфавитно-предметный указатель / С. С. Алексеев [и др.] ; отв. ред. О. М. Козырь, А. Л. Маковский, С. А. Хохлов. – М. : Междунар. центр финансово-экономического развития, 1996. – 704 с.

597. Степанян, В. Г. К вопросу об императивных и диспозитивных началах в российском договорном праве / В. Г. Степанян // Актуальные проблемы экономики, социологии и права. – 2017. – № 2. – С. 86–89.

598. Либанова, С. Э. Зависимость эффективности норм гражданского права от единообразия применения / С. Э. Либанова // Вестн. Ом. ун-та. Сер. Право. – 2009. – № 4. – С. 126–131.

599. Щенникова, Л. В. Проблемы эффективности гражданско-правового регулирования в процессах модернизации гражданского законодательства / Л. В. Щенникова // Проблемы эффективности права в современной России : материалы междунар. науч.-практ. конф., Краснодар, 7 окт. 2016 г. : в 2 т. / Кубан. гос. ун-т. – Краснодар : КубГУ, 2016. – Т. 2. – С. 341–346.

600. Карапетов, А. Г. Свобода договора и ее пределы : в 2 т. / А. Г. Карапетов, А. И. Савельев. – М. : Статут, 2012. – Т. 2 : Пределы свободы определения условий договора в зарубежном и российском праве. – 453 с.

601. Розенберг, М. Г. Некоторые актуальные вопросы практики разрешения споров в МКАС при ТПП РФ / М. Г. Розенберг // Хозяйство и право. – 2011. – № 4. – С. 52–64.

602. Концепция совершенствования общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс] // Совет при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства. – Режим доступа: www. privlaw.ru. – Дата доступа: 15.08.2017.

603. Ульбашев, А. Х. Проблемы кодификации гражданского права в государстве Израиль : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.03 / А. Х. Ульбашев. – М., 2016. – 219 л.

604. О передаче жалобы в Судебную коллегию Верховного Суда Российской Федерации [Электронный ресурс] : Определение Верховного Суда Рос. Федерации, 17 февр. 2016 г., № 306-ЭС15-16624. – Режим доступа: http://base. garant.ru/71334410/#friends#ixzz4q11N2k2s. – Дата доступа: 15.08.2017.

605. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 29 янв. 2015 г. № Ф05-15350/14 по делу № А40-38065/14 [Электронный ресурс] : Обзор документа. – Режим доступа: http://www.garant.ru/ products/ipo/prime/doc/41649324. – Дата доступа: 15.08.2017.

606. Кирпикова, Ю. Как применять постановление Пленума ВАС РФ «О свободе договора и его пределах» в свою пользу. Анализ судебной практики [Электронный ресурс] / Ю. Кирпикова, Е. Васин. – Режим доступа: http:// www.kiaplaw.ru/ press-centr/public/964.html. – Дата доступа: 15.08.2017.

607. Бондаренко, Н. Л. Принцип свободы договора: сущность, содержание, основания и пределы ограничения / Н. Л. Бондаренко // Актуальные проблемы гражданского права. – 2016. – № 2 (8). – С. 6–19.

608. Серова, О. А. Ограничения как элементы механизма гражданско-правового регулирования / О. А. Серова, Г. А. Писарев // Вестн. Самар. гуманитарной акад. Сер. Право. – 2012. – № 1. – С. 43–48.

609. Бондаренко, Н. Л. Современный методологический подход к исследованию принципов гражданского права / Н. Л. Бондаренко // Вестн. Перм. ун-та. Сер. Право. – 2013. – № 4. – С. 305–309.

610. Басин, Ю. Г. Избранные труды по гражданскому праву / Ю. Г. Басин. − СПб. : Юрид. центр Пресс, 2003. − 589 с.

611. Комиссарова, Е. Г. Об основных началах гражданского законодательства / Е. Г. Комисарова // Журн. рос. права. − 2001. − № 5. − С. 13−20.

612. Кузнецова, О. А. Специализированные нормы российского гражданского права: теоретические проблемы : дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.03 / О. А. Кузнецова. − Екатеринбург, 2007. − 480 с.

613. Кузнецова, О. А. Нормы-принципы российского гражданского права / О. А. Кузнецова. − М. : Статут, 2006. − 269 с.

614. Годунов, В. Н. Принцип свободы договора и его реализация в законодательстве Республики Беларусь / В. Н. Годунов // Право и демократия : сб. науч. тр. Вып. 23 / редкол.: В. Н. Бибило (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2012. – 351 с.

615. Садиков, О. Н. Принципы нового гражданского законодательства / О. Н. Садиков // Советское государство и право. − 1991. − № 10. − 20−29.

616. Свердлык, Г. А. Принципы советского гражданского права / Г. А. Свердлык. − Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1985. − 200 с.

617. Щенникова, Л. В. О добросовестности как принципе гражданского права / Л. В. Щенникова, М. О. Быкова // Власть Закона. – 2013. – № 4. – С. 47–51.

618. Щенникова, Л. В. Принцип свободы завещательных распоряжений и его развитие в нормах гражданского законодательства / Л. В. Щенникова // Наследственное право. – 2016. – № 1. – С. 10–13.

619. Коршунов, Н. М. Проблемы восполнения пробелов законодательного закрепления принципов гражданского права / Н. М. Коршунов // Пробелы в российском законодательстве. – 2008. – № 2. – С. 105–106.

620. Александров, Н. Г. Социалистические принципы советского права / Н. Г. Александров // Советское государство и право. − 1957. − № 11. − С. 16−30.

621. Васильев, А. М. О правовых идеях-принципах / А. М. Васильев // Советское государство и право. − 1957. − № 3. − С. 11−19.

622. Уржинский, К. П. К вопросу о принципах правового регулирования общественных отношений / К. П. Уржинский // Правоведение. − 1968. − № 3. − С. 123−126.

623. Матузов, Н. И. О принципе «все, не запрещенное законом, дозволено» / Н. И. Матузов // Советское государство и право. − 1989. − № 8. − С. 3−9.

624. Хахулин, В. В. Принцип равенства сторон и пробелы в гражданском праве / В. В. Хахулин, А. Н. Новошицкий // Правоведение. − 1990. − № 5. − С. 77−80.

625. Зажицкий, В. И. Правовые принципы в законодательстве Российской Федерации / В. И. Зажицкий // Государство и право. − 1996. − № 11. − С. 92−98.

626. Матузов, Н. И. Еще раз о принципе «не запрещенное законом дозволено» / Н. И. Матузов // Правоведение. − 1999. − № 3. − С. 14−32.

627. Байтин, М. И. О принципах и функциях права / М. И. Байтин // Правоведение. − 2000. − № 3. − С. 4−16.

628. Асланян, Н. П. Основные начала российского частного права / Н. П. Асланян. − Иркутск : Изд-во ИГЭА, 2001. − 270 с.

629. Завидов, Б. Д. Отдельные пробелы и противоречия основных начал (принципов) гражданского законодательства России / Б. Д. Завидов, М. И. Слюсаренко // Юрист. − 2001. − № 1. − С. 2−8.

630. Комисарова, Е. Г. Принципы в праве и основные начала гражданского законодательства / Е. Г. Комисарова. − Тюмень : Тюм. гос. ин-т мировой экономики, управления и права, 2001. − 128 с.

631. Бородянский, В. И. Гносеологический аспект исследования механизма взаимодействия принципов и норм гражданского права / В. И. Бородянский // Государство и право. − 2002. − № 5. − С. 108−110.

632. Потапова, О. А. Принципы гражданского права : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.03 / О. А. Потапова. − Ульяновск, 2002. − 21 с.

633. Воронов, А. Ф. О понятии, значении и нормативном закреплении гражданского и арбитражного процессуального права / А. Ф. Воронов // Законодательство. − 2003. − № 12. − С. 47−58.

634. Климова, А. Н. К вопросу о соотношении принципов гражданского права с предметом и методом гражданско-правового регулирования / А. Н. Климова // Приоритетные научные направления: от теории к практике : сб. матер. Междунар. науч.-практ. конф., 16 мая 2015 г. ; под ред. А. И. Вострецова. – Нефтекамс : Наука и образование, 2015. – С. 191–193.

635. Сільчанка, М. У. Тэорыя крыніц Беларускага права : манагр. / М. У. Сільчанка. – Гродна : ГрДУ, 2012. – 253 с.

636. Новицкий, И. Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права / И. Б. Новицкий / Вестн. гражданского права. – 2006. – № 1. – С. 124–181 (*отпечатано по: Вестник гражданского права. – 1916. – № 6, 7, 8*).

637. Хавкин, В. И. Публично-правовые начала гражданского законодательства современной России : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.03 / В. И. Хавкин. − М., 2007. − 180 л.

638. О перечне видов деятельности, на осуществление которых требуется специальное разрешение (лицензия), и органов, выдающих эти разрешения (лицензии) [Электронный ресурс] : постановление Кабинета Министров Респ. Беларусь, 21 авг. 1995 г., № 456 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

639. О некоторых вопросах применения хозяйственными судами законодательства, регулирующего недействительность сделок [Электронный ресурс] : постановление Пленума Высш. Хозяйственного Суда Респ. Беларусь, 28 окт. 2005 г., № 26 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

640. Мечетин, Д. В. Пределы правового регулирования договорных отношений / Д. В. Мечетин // Юрид. наука. – 2015. – № 4. – С. 57–62.

641. Флейшиц, Е. А. Новые гражданские кодексы союзных республик / Е. А. Флейшиц // Новые гражданские и гражданские процессуальные кодексы союзных республик : тез. докл. к науч. конф. ВНИИСЗ, 14−15 окт. 1964 г. − М. : ВНИИСЗ, 1964. − 30 с.

642. Комментарий к Гражданскому кодексу Республики Беларусь : в 3 т. / Т. В. Авдеева [и др.] ; под ред. В. Ф. Чигира. − Минск : Ред. журн. «Торгово-промышленное право»; Харвест, 2003. − Т. 1. − 776 с.

643. Плешанов, А. Г. Диспозитивное начало в сфере гражданской юрисдикции: проблемы теории и практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.15 / А. Г. Плешанов. − Екатеринбург, 2001. − 30 с.

644. Плешанов, А. Г. Диспозитивное начало в сфере гражданской юрисдикции: проблемы теории и практики / А. Г. Плешанов. − М. : Норма, 2002. − 351 с.

645. Пронникова, Е. В. Юрисдикционное обеспечение норм гражданского права : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Е. В. Пронникова. − М., 2007. − 177 л.

646. Василевич, Г. А. Комментарий к Закону «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» / Г. А. Василевич. – Минск : Интерпрессервис, 2003. – 256 с.

647. Бондаренко, Н. Л. Принципы гражданского права Республики Беларусь, их реализация в нормотворческой и правоприменительной деятельности : автореф. дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.03 / Н. Л. Бондаренко ; Белорус. гос. ун-т. − Минск, 2009. − 46 с.

648. Коста Лазота, Л. А. Гражданский кодекс в XXI в.: бразильский взгляд / Л. А. Коста Лазота // Вестн. РУДН. Сер. Юрид. науки. – 2014. – № 2. – С. 230–242.

649. Модельные правила европейского договорного права / пер. с англ. ; науч. ред. Н. Ю. Рассказова. – М. : Статут, 2013. – 989 с.

650. Рут, ванн дер Пол ГК РФ: взгляд из Нидерландов [Электронный ресурс] / П. Рут // Новая адвокатская газета. – Режим доступа: www.advgazeta. livejournal.com/27295.html. – Дата доступа: 30.08.2017.

651. Витушко, В. А. Социальный функционализм личности, ее частных прав и свобод / В. А. Витушко // Актуальные проблемы гражданского права. – 2016. – № 1. – С. 28–52.

652. Волков, А. В. Соотношение принципа добросовестности и принципа недопустимости злоупотребления правом в современном гражданском праве / А. В. Волков // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 5. Юриспруд. – 2013. – № 3. – С. 44–50.

653. Рыженков, А. Я. Принцип добросовестности в обновленном гражданском законодательстве / А. Я. Рыженков // Пробелы в рос. законодательстве. – 2013. – № 3. – С. 68–71.

654. Витрянский, В. В. Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги / В. В. Витрянский. – М. : Статут, 2016. – 431 с.

655. Мерзликина, Р. А. Принцип «добросовестность» в гражданском законодательстве / Р. А. Мерзликина // Юрид. исследования. – 2013. – № 3. – С. 50–53.

656. Щенникова, Л. В. Категория «добрые нравы» в гражданском законодательстве и цивилистической доктрине зарубежных стран / Л. В. Щенникова, М. О. Быкова // Вестн. Перм. ун-та. Сер. Юрид. науки. – 2011. – № 2. – С. 153–160.

657. Василенко, Е. В. Некоторые доктринальные подходы к проблемам разумности и добросовестности в гражданском законодательстве России / Е. В. Василенко // Общество и право. – 2011. – № 5. – С. 93–95.

658. Каменков, В. С. Основные принципы хозяйственного судопроизводства в новом Хозяйственном процессуальном кодексе Республики Беларусь / В. С. Каменков // Вест. Высш. Хозяйственного Суда Респ. Беларусь. – 2004. – № 24. – С. 5–38.

659. О некоторых вопросах привлечения к ответственности в соответствии с нормами Указа Президента Республики Беларусь от 4 июля 2012 г. № 294 [Электронный ресурс] : письмо государственного комитета по имуществу Респ. Беларусь, 15 февр. 2013 г., № 12-6-2-6/1032/вн // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

660. Василевич, Г. А. Источники белорусского права: принципы, нормативные акты, обычаи, прецеденты, доктрина / Г. А. Василевич. – Минск : Тесей, 2005. – 136 с.

661. Об отказе в передаче дела в Президиум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации [Электронный ресурс] : определение Высшего Арбитражного Суда Рос. Федерации, 3 апр. 2013 г., № ВАС-4080/13. – Режим доступа http://www.zakonrf.info/suddoc/9a86db25f/. – Дата доступа: 05.09.2017.

Список публикаций соискателя ученой степени

Монографии

1-А. Маньковский, И. А. Юридические лица и налоговые правоотношения : моногр. / И. А. Маньковский. − Минск : Полибиг, 1999. − 220 с.

2-А. Маньковский, И. А. Теория юридического лица : моногр. / И. А. Маньковский. − Минск : Молодежное, 2002. − 170 с.

3-А. Маньковский, И. А. Нормы и источники гражданского права: теоретические основы формирования и применения : моногр. / И. А. Маньковский. − Минск : Междунар. ун-т «МИТСО», 2013. − 288 с.

4-А. Маньковский, И. А. Теоретико-прикладные проблемы формирования, толкования и применения норм гражданского права : моногр. / И. А. Маньковский. − Минск : Междунар. ун-т «МИТСО», 2015. − 312 с.

Статьи в изданиях, включенных ВАК Беларуси в перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований

5-А. Маньковский, И. А. Система гражданского законодательства: теоретико-прикладные аспекты / И. А. Маньковский // Вестн. молодеж. науч. об-ва. – 2004. – № 3. – С. 12−19.

6-А. Маньковский, И. А. Научно-практическая характеристика системы гражданского законодательства / И. А. Маньковский // Вестн. молодеж. науч. об-ва. – 2004. – № 4. – С. 31–39.

7-А. Маньковский, И. А. Республика Беларусь как субъект гражданского права: теоретико-прикладной аспект / И. А. Маньковский // Труд. Профсоюзы. Общество. – 2009. – № 2. – С. 41–45.

8-А. Маньковский, И. А. Теории сущности юридического лица и тенденции развития гражданского законодательства / И. А. Маньковский // Право by. – 2009. – № 4. – С. 115–121.

9-А. Маньковский, И. А. Представительство в системе гражданско-правовых отношений: научно-практическая характеристика / И. А. Маньковский // Право by. – 2011. – № 2. – С. 102–107.

10-А. Маньковский, И. А. Способы участия организации со статусом юридического лица в гражданско-правовых отношениях: проблемные вопросы теории и практики / И. А. Маньковский // Юстиция Беларуси. – 2011. – № 3. – С. 44–47.

11-А. Маньковский, И. А Юридическая личность в системе гражданско-правовых отношений / И. А. Маньковский // Юстиция Беларуси. – 2011. – № 11. – С. 28–30.

12-А. Маньковский, И. А. Юридические факты как основания возникновения гражданских прав и обязанностей: научно-практическая характеристика / И. А. Маньковский // Труд. Профсоюзы. Общество. – 2012. – № 2. – С. 70–75.

13-А. Маньковский, И. А. Предмет гражданско-правового регулирования в контексте современного правопонимания / И. А. Маньковский // Юстиция Беларуси. – 2012. – № 6. – С. 18–21.

14-А. Маньковский, И. А. Декреты и указы Президента Республики Беларусь как правовое средство оперативного регулирования имущественных отношений / И. А. Маньковский // Юстиция Беларуси. – 2012. – № 9. – С. 61–64.

15-А. Маньковский, И. А. Императивные нормы в системе гражданского права / И. А. Маньковский // Труд. Профсоюзы. Общество. – 2012. – № 4. – С. 74–78.

16-А. Маньковский, И. А. Гражданский кодекс Республики Беларусь в системе источников гражданского права / И. А. Маньковский // Труд. Профсоюзы. Общество. – 2013. – № 1. – С. 69–73.

17-А. Маньковский, И. А. Система гражданского права: современная научная интерпретация / И. А. Маньковский // Юстиция Беларуси. – 2013. – № 2. – С. 40–43.

18-А. Маньковский, И. А. Нормы права в механизме правового регулирования / И. А. Маньковский // Юстиция Беларуси. − 2013. − № 4. − С. 59−62.

19-А. Маньковский, И. А. Толкование норм гражданского права: общий взгляд на проблему / И. А. Маньковский // Труд. Профсоюзы. Общество. − 2013. − № 3. − С. 58−61.

20-А. Маньковский, И. А. Аналогия как способ преодоления пробелов в гражданско-правовом регулировании / И. А. Маньковский // Право by. − 2013. − № 5. − С. 51−54.

21-А. Маньковский, И. А. Санкция в логической структуре правовой нормы: современный взгляд на проблему / И. А. Маньковский // Юстиция Беларуси. − 2013. − № 10. − С. 46−49.

22-А. Маньковский, И. А. Методы толкования как средство уяснения действительного смысла гражданско-правовой нормы: научно-практическая характеристика / И. А. Маньковский // Труд. Профсоюзы. Общество. − 2013. − № 4. − С. 51−58.

23-А. Маньковский, И. А. Логическая основа структуры правовой нормы: современный взгляд на проблему / И. А. Маньковский // Юстиция Беларуси. − 2013. − № 12. − С. 13−16.

24-А. Маньковский, И. А. Нормы-принципы как гаранты стабильности гражданско-правового регулирования / И. А. Маньковский // Труд. Профсоюзы. Общество. − 2014. − № 1. − С. 74−79.

25-А. Маньковский, И. А. Метод гражданско-правового регулирования: ретроспективный анализ и современное состояние / И. А. Маньковский // Право by. − 2014. − № 2. − С. 47−52.

26-А. Маньковский, И. А. Понятие, предназначение и признаки норм гражданского права: современная научная интерпретация / И. А. Маньковский // Юстиция Беларуси. − 2014. − № 3. − С. 32−35.

27-А. Маньковский, И. А. Проблемы формирования, толкования и применения норм гражданского права в трудах советских ученых / И. А. Маньковский // Труд. Профсоюзы. Общество. − 2014. − № 2. − С. 69−77.

28-А. Маньковский, И. А. Проблемы формирования, толкования и применения норм гражданского права в трудах современных ученых / И. А. Маньковский // Труд. Профсоюзы. Общество. − 2014. − № 3. − С. 67−72.

29-А. Маньковский, И. А. Предметно-методологическая концепция как основа формирования гражданско-правовых норм / И. А. Маньковский // Юстиция Беларуси. − 2014. − № 6. − С. 37−40.

30-А. Маньковский, И. А. Научно-практическая классификация гражданско-правовых норм как основа формирования системы гражданского права / И. А. Маньковский // Юстиция Беларуси. − 2014. − № 11. − С. 20−23.

31-А. Маньковский, И. А. Система гражданского права в современных условиях развития государства и общества / И. А. Маньковский // Труд. Профсоюзы. Общество. − 2014. − № 4. − С. 58−65.

32-А. Маньковский, И. А. Парадигма гражданского права в свете предписаний Директивы Президента Республики Беларусь от 31 декабря 2010 г. № 4 «О развитии предпринимательской инициативы и стимулировании деловой активности в Республике Беларусь» / И. А. Маньковский // Юстиция Беларуси. − 2015. − № 2. − С. 49−53.

33-А. Маньковский, И. А. Брачный договор как правовое средство регулирования имущественных отношений между супругами: проблемные вопросы заключения и исполнения / И. А. Маньковский // Труд. Профсоюзы. Общество. – 2015. – № 1. – С. 58–62.

34-А. Маньковский, И. А. Гражданское право – правовая основа эффективного экономического развития государства / И. А. Маньковский // Труд. Профсоюзы. Общество. – 2015. – № 3. – С. 93–97.

35-А. Маньковский, И. А. Логическая структура правовой нормы как предмет научного познания / И. А. Маньковский // Труд. Профсоюзы. Общество. – 2015. – № 4. – С. 61–64.

36-А. Маньковский И. А. Теоретико-прикладные проблемы соотношения статей Гражданского кодекса Республики Беларусь, норм-предписаний и норм-суждений гражданского права / И. А. Маньковский // Труд. Профсоюзы. Общество. – 2016. – № 3. – С. 51–55.

37-А. Маньковский, И. А. Системообразующая роль Гражданского кодекса как ключевой фактор изменения парадигмы гражданского права / И. А. Маньковский // Актуальные проблемы гражданского права. − 2016. − № 1 (7). − С. 69–86.

38-А. Маньковский, И. А. О необходимости и путях реформирования модели гражданско-правового регулирования / И. А. Маньковский // Труд. Профсоюзы. Общество. – 2016. – № 4. – С. 68–72.

39-А. Маньковский, И. А. Нормы гражданского права: современный доктринальный подход к определению понятия / И. А. Маньковский // Актуальные проблемы гражданского права. − 2016. − № 2 (8). − С. 98–126.

40-А. Маньковский, И. А. Доктринальная классификация гражданско-правовых норм как необходимая предпосылка формирования эффективной системы гражданского права / И. А. Маньковский // Труд. Профсоюзы. Общество. – 2017. – № 2. – С. 58–62.

41-А. Маньковский, И. А. Диспозитивные нормы в системе норм гражданского права: функции и пределы применения / И. А. Маньковский // Актуальные проблемы гражданского права. − 2017. − № 1 (9). − С. 116–128.

42-А. Маньковский, И. А. Толкование по объему как вспомогательный прием уяснения действительного смысла норм гражданского права / И. А. Маньковский // Труд. Профсоюзы. Общество. – 2017. – № 3. – С. 82–86.

Статьи в зарубежных научных изданиях

43-А. Маньковский, И. А. Собственность и право собственности как категории цивилистики / И. А. Маньковский // Рос. юстиция. − 2013. − № 4. − С. 2−4.

44-А. Маньковский, И. А. Пробелы в гражданском праве и способы их устранения / И. А. Маньковский // Вісник Південного регіонального центру Нац. акад. правовых наук України. − 2014. − № 1. − С. 78−84.

45-А. Маньковский, И. А. Интерпретация норм гражданского права: вопросы практического применения / И. А. Маньковский // Вестн. Ом. ун-та. − 2014. − № 3. − С. 73−77.

46-А. Маньковский, И. А. Концепции логической структуры правовой нормы: ретроспективный анализ и современное состояние / И. А. Маньковский // История государства и права. – 2015. – № 1. – С. 13–18.

Статьи в иных научных изданиях

47-А. Маньковский, И. А. Функции гражданского права как правового средства регулирования экономической деятельности / И. А. Маньковский // Проблемы правового регулирования экономической деятельности в Республике Беларусь : сб. науч. ст. / Междунар. ун-т «МИТСО» ; редкол.: И. А. Маньковский (гл. ред.) [и др.]. − Минск : Междунар. ун-т «МИТСО», 2012. − С. 11−14.

48-А. Маньковский, И. А. Нормы права в механизме гражданско-правового регулирования / И. А. Маньковский // Актуальные проблемы гражданского права : сб. науч. тр. / Междунар. ун-т «МИТСО» ; редкол.: И. А. Маньковский (гл. ред.) [и др.]. − Минск : Междунар. ун-т «МИТСО», 2012. − Вып. 1. − С. 24−51.

49-А. Маньковский, И. А. Логическая структура правовой нормы: ретроспективный анализ и современное состояние проблемы / И. А. Маньковский // Актуальные проблемы гражданского права : сб. науч. тр. / Междунар. ун-т «МИТСО» ; редкол.: И. А. Маньковский (гл. ред.) [и др.]. − Минск : Междунар. ун-т «МИТСО», 2013. − Вып. 2 − С. 130−154.

50-А. Маньковский, И. А. Диспозитивные нормы в механизме гражданско-правового регулирования: сущностно-содержательная характеристика / И. А. Маньковский // Гражданско-правовое регулирование инновационного развития национальной экономики и повышение эффективности защиты субъектов гражданского права : сб. науч. ст. / ГрГУ им. Я. Купалы ; редкол.: И. Э. Мартыненко (гл. ред.) [и др.]. − Гродно : ГрГУ им. Я. Купалы, 2014. − С. 202−207.

51-А. Маньковский, И. А. Интерпретация норм гражданского права: современные научные подходы / И. А. Маньковский // Актуальные проблемы гражданского права : сб. науч. тр. / Междунар. ун-т «МИТСО» ; редкол.: И. А. Маньковский (гл. ред.) [и др.]. − Минск : Междунар. ун-т. «МИТСО», 2014. − Вып. 3. − С. 108−133.

52-А. Маньковский, И. А. Отдельные аспекты формирования системы гражданского права в современных условиях экономического развития / И. А. Маньковский // Актуальные проблемы гражданского права. − 2014. − № 1 (4). − С. 109−140.

53-А. Маньковский, И. А. Действие гражданских законов Республики Беларусь во времени: догматическое закрепление и практическое применение / И. А. Маньковский // Научный диалог. − 2014. − № 7 (31): Экономика. Право. − С. 106−122.

54-А. Маньковский, И. А. Гражданское право как отрасль права: современное состояние и перспективы развития / И. А. Маньковский // Актуальные проблемы гражданского права. − 2015. − № 1 (5). − С. 103–134.

55-А. Маньковский, И. А. Теоретико-прикладные проблемы формирования, толкования и применения норм гражданского права на современном этапе развития цивилистической науки / И. А. Маньковский // Актуальные проблемы гражданского права. − 2015. − № 2 (6). − С. 72–108.

56-А. Маньковский, И. А. Нормы гражданского права как правовое средство регулирования экономики: реальность и перспективы / И. А. Маньковский // Проблемы гражданского права и процесса : сб. науч. ст. / ГрГУ им. Я. Купалы; редкол.: И. Э. Мартыненко (гл. ред.) [и др.]. – Гродно : ГрГУ, 2016. – С. 190–202.

57-А. Маньковский, И. А. Теоретико-прикладные проблемы формирования модели гражданско-правового регулирования в новых экономических условиях / И. А. Маньковский // Государство и право в XXI веке. – 2016. – № 2. – С. 39–47.

58-А. Маньковский, И.А. Понятие и признаки нормы права на современном этапе развития цивилистической доктрины / И. А. Маньковский // Государство и право в XXI веке. – 2017. – № 1. – С. 15–25.

59-А. Маньковский, И.А. Норма права как основная категория правоведения: правовой этатизм и современный научный подход / И. А. Маньковский // Право и глобальный социум. – 2017. – № 1. – С. 16–36.

60-А. Маньковский, И. А. Модернизация действующей модели гражданского права как ключевой фактор устойчивого экономического роста / И. А. Маньковский // Вестн. Казах. Акад. труда и социальных отношений. – 2017. – № 1. – С. 55–66.

61-А. Маньковский, И. А. Методология толкования норм гражданского права в современной цивилистической науке / И. А. Маньковский // Методологические проблемы цивилистических исследований : сб. науч. ст. – Вып. 2. 2017 ; отв. ред. А. В. Габов, В. Г. Голубцов, О. А. Кузнецова. – М. : Статут, 2017. – С. 200–217.

62-А. Маньковский, И. А. Основания и пути реформирования гражданского права: научно-практический подход / И. А. Маньковский // Вестн. Казах. Акад. труда и социальных отношений. – 2017. – № 3. – С. 55–65.

Материалы конференций

63-А. Маньковский, И. А. Гражданский кодекс Республики Беларусь – правовая основа предпринимательской деятельности / И. А. Маньковский // Теория и практика развития экономики региона : материалы VIII междунар. науч.-практ. конф., Калуга, 2009 / Всерос. заочный финансово-экономический ин-т, филиал в г. Калуга. – Калуга : Эйдос, 2009. – С. 327–331.

64-А. Маньковский, И. А. Система источников гражданского права: общая характеристика / И. А. Маньковский // Правовая основа взаимодействия субъектов права Республики Беларусь: научно-практический анализ : материалы заоч. респ. науч.-практ. конф., Минск, 10−15 янв. 2013 г. / Междунар. ун-т «МИТСО». − Минск : Междунар. ун-т «МИТСО», 2013. − С. 19−28.

65-А. Маньковский, И. А. Императивные нормы в системе гражданско-правовых норм / И. А. Маньковский // Четвертый Пермский международный конгресс ученых-юристов : материалы междунар. науч.-практ. конф., Пермь, 18−19 окт. 2013 г. / Перм. гос. нац. исслед. ун-т ; отв. ред. О. А. Кузнецова. − Пермь : Перм. гос. нац. исслед. ун-т, 2013. − С. 136−137.

66-А. Маньковский, И. А. Императивные нормы в системе гражданско-правовых норм / И. А. Маньковский // 20 лет Конституции Российской Федерации: актуальные проблемы юридической науки и правоприменения в условиях совершенствования российского законодательства : Четвертый Пермский международный конгресс ученых-юристов : избранные материалы междунар. науч.-практ. конф., Пермь, 18−19 окт. 2013 г. / Перм. гос. нац. исслед. ун-т / Перм. гос. нац. исслед. ун-т ; отв. ред. В. Г. Голубцов, О. А. Кузнецова. − М. : Статут, 2014. − С. 195−198.

67-А. Маньковский, И. А. Понятие, предназначение и признаки норм гражданского права: современная научная интерпретация / И. А. Маньковский // Направления совершенствования нормотворческой деятельности : материалы междунар. науч.-практ. конф., Минск, 11 дек. 2013 г. / М-во юстиции Респ. Беларусь ; редкол.: А. Н. Бодак (гл. ред.) [и др.]. − Минск : Ред. журн. «Юстиция Беларуси», 2014. − С. 48−53.

68-А. Маньковский, И. А. Императивные нормы как правовое средство регулирования транспортной деятельности / И. А. Маньковский // Актуальные проблемы современного развития гражданского, международного морского и транспортного права : материалы IV междунар. науч.-практ. конф., Киев, 10−11 апр. 2014 г. / Киев. гос. акад. водного транспорта. − Киев : Киев. гос. акад. водного транспорта, 2014. − С. 70−73.

69-А. Маньковский, И. А. Юридическая герменевтика как способ уяснения действительного смысла норм гражданского права / И. А. Маньковский // Пятый Пермский международный конгресс ученых-юристов : материалы междунар. науч.-практ. конф., Пермь, 24−25 окт. 2014 г. / Перм. гос. нац. исслед. ун-т ; отв. ред. О. А. Кузнецова. − Пермь : Перм. гос. нац. исслед. ун-т, 2014. − С. 108−109.

70-А. Маньковский, И. А. Современная парадигма гражданского права Республики Беларусь: проблемы формирования / И. А. Маньковский // Актуальные проблемы правового регулирования в Украине и странах ближнего зарубежья (в контексте сотрудничества с Европейским союзом) : материалы IV междунар. науч.-практ. интернет-конф., Львов, 24 нояб. 2014 г. : тез. докл. / Львов. коммерч. акад. ; отв. ред. П. О. Куцик. − Львов : Львов. коммерч. акад., 2014. − С. 223−226.

71-А. Маньковский, И. А. Концепции логической структуры правовой нормы: ретроспективный анализ и современное состояние / И. А. Маньковский // Общество, право, личность: вопросы взаимодействия в современном мире : сб. ст. междунар. науч.-практ. заочн. конф., Минск, 10−15 янв. 2015 г. / Междунар. ун-т «МИТСО». − Минск : Междунар. ун-т «МИТСО», 2015. − С. 32−35.

72-А. Маньковский, И. А. Роль гражданского права в современных условиях государственного развития / И. А. Маньковский / Актуальные проблемы современного развития гражданского, международного морского и транспортного права : материалы V междунар. науч.-практ. заочн. конф., Киев, 16–17 апр. 2015 г. / Киев. гос. акад. водного транспорта. – Киев : Принт-Сервис, 2015. – С. 203–210.

73-А. Маньковский, И. А. Императивные нормы как правовое средство регулирования гражданских отношений в современных условия развития доктрины и догмы гражданского права / И. А. Маньковский // Общество, право, личность: вопросы взаимодействия в современном мире : сб. ст. междунар. науч.-практ. заочн. конф., Минск, 6−10 апр. 2015 г. / Междунар. ун-т «МИТСО». − Минск : Междунар. ун-т «МИТСО», 2015. − С. 19–22.

74-А. Маньковский, И. А. Понятие, классификация и процедура применения императивных норм гражданского права / И. А. Маньковский // Проблемы современного российского законодательства : материалы IV Всерос. науч.-практ. конф., Иркутск, 11 сент. 2015 г. / Иркут. ин-т (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России). – Иркутск : Иркут. ин-т (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2015. – С. 210–214.

75-А. Маньковский, И. А. Принцип диспозитивности в системе принципов гражданского права / И. А. Маньковский // Современные проблемы права и управления : сб. докл. 5 междунар. науч. конф., Тула, 18–19 сент. 2015 г. / Ин-т законоведения и управления Всерос. полицейской ассоциации. – Тула : Папирус, 2015. – С. 88–91.

76-А. Маньковский, И. А. Отдельные вопросы формирования системы гражданского права в современных экономических условиях / И. А. Маньковский // Развитие юридической науки в новых условия: единство теории и практики : материалы междунар. науч.-практ конф., посвящ. столетию со дня основания Южного федер. ун-та., Ростов на Дону, 17 окт. 2015 г. : в 2 т. / Южн. федер. ун-т. – Ростов н/Д : Изд-во Юж. федер. ун-та, 2015. – Т. 1. – С. 474–476.

77-А. Маньковский, И. А. Тенденции развития гражданского права как базовой отрасли частного права / И. А. Маньковский // Шестой Пермский международный конгресс ученых-юристов : материалы междунар. науч.-практ. конф., Пермь, 16−17 окт. 2015 г. / Перм. гос. нац. исслед. ун-т. − Пермь : Перм. гос. нац. исслед. ун-т, 2015. − С. 102–104.

78-А. Маньковский, И. А. Основной смысл системы гражданского права в контексте современного правопонимания / И. А. Маньковский // Пятый Пермский международный конгресс ученых-юристов : избр. материалы междунар. науч.-практ. конф., Пермь, 24−25 окт. 2014 г. / Перм. гос. нац. исслед. ун-т. − М. : Статут, 2015. − С. 207−212.

79-А. Маньковский, И. А. Гражданский кодекс Республики Беларусь как основной источник гражданско-правовых норм / И. А. Маньковский // 20 лет Гражданскому кодексу Российской Федерации: итоги, тенденции и перспективы развития : материалы междунар. науч.-практ. конф., Ульяновск, 12 дек. 2014 г. / Ульянов. гос. ун-т. – М. : ПРОСПЕКТ, 2015. – С. 8–14.

80-А. Маньковский, И. А. Императивные нормы гражданского права – правовая основа государственного регулирования экономики / И. А. Маньковский // Актуальные проблемы правового регулирования в Украине и странах ближнего зарубежья (в контексте евроинтеграционных процессов) : материалы V междунар. науч.-практ. интернет-конф., Львов, 24 нояб. 2015 г. / Львов. коммерч. акад. – Львов : Львов. коммерч. акад., 2015. – С. 258–261.

81-А. Маньковский, И. А. Ретроспективный анализ гражданского права как базовой отрасли частного права / И. А. Маньковский // Общество, право, личность: вопросы взаимодействия в современном мире : сб. ст. междунар. науч.-практ. заочн. конф., Минск, 10–15 февр. 2016 г. / Междунар. ун-т «МИТСО» ; редкол.: И. А. Маньковский (гл. ред.) [и др.]. − Минск : Междунар. ун-т «МИТСО», 2016. − С. 15–19.

82-А. Маньковский, И. А. Нормы-принципы в системе средств гражданско-правового регулирования / И. А. Маньковский // Инновационное предпринимательство и защита интеллектуальной собственности в Евразийском экономическом союзе : сб. материалов Междунар. науч.-практ. интернет конф., Архангельск, 24–25 марта 2016 г. : в 2-х ч. / Ин-т управления. – Архангельск : Институт управления, 20016. – Ч. 2. – С. 222–235.

83-А. Маньковский, И. А. Нормы гражданского права: проблемы правопонимания и правоприменения в рамках диспозитивного метода правового регулирования / И. А. Маньковский // Проблемы правопонимания и правоприменения в прошлом, настоящем и будущем цивилизации : сб. ст. междунар. науч.-практ. конф., Минск, 27 апреля 2016 г. : в 2 ч. / Междунар. ун-т «МИТСО». − Минск : Междунар. ун-т «МИТСО», 2016. − Ч. 1. – С. 142–145.

84-А. Маньковский, И. А. Научно-практическая характеристика диспозитивных норм гражданского права / И. А. Маньковский // Проблемы современного законодательства России и зарубежных стран : матер. V Междунар. науч.-практ. конф., Иркутск, 16–17 сент. 2016 г. : в 2 т. / Иркут. ин-т (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России). – Иркутск : Иркут. ин-т (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2016. – Т. 1. – С. 234–238.

85-А. Маньковский, И. А. Научно-практическая характеристика императивных норм гражданского права / И. А. Маньковский // Проблемы правового обеспечения безопасности личности, общества и государства : сб. ст. по материалам ежегодной междунар. науч.-практ. конф., Новосибирск, 21–25 окт. 2016 : в 3 т. / Новосиб. гос. технич. ун-т. – Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2016. – Т. 2. – С. 148–153.

86-А. Маньковский, И. А. Нормы-принципы – гаранты реализации конституционных прав в экономической сфере / И.А. Маньковский // Конституционные права и свободы: проблемы интеграции и реализации в национальных правовых системах : сб. ст. междунар. науч.-практ. конф., Новополоцк, 28–29 окт. 2016 г. : в 3-т. / Полоцк. гос. ун-т. – Новополоцк : ПГУ, 2016. – Т. 3. – С. 166–172.

87-А. Маньковский, И. А. Гражданский кодекс как основа правового регулирования экономических отношений в XXI веке / И.А. Маньковский // Современные проблемы права и управления : сб. докладов 6-й междунар. науч. конф., Тула / Ин-т законоведения и управления ВПА. – Тула : Папирус, 2016. – С. 163–169.

88-А. Маньковский, И. А. Императивные нормы как правовое средство регулирования экономических отношений / И. А. Маньковский // Седьмой Пермский международный конгресс ученых-юристов : материалы междунар. науч.-практ. конф., Пермь, 18–19 нояб. 2016 г. / Перм. гос. нац. иссл. ун-т ; отв. ред. О. А. Кузнецова. – Пермь : Перм. гос. нац. исслед. ун-т, 2016. – С. 275–278.

89-А. Маньковский, И. А. Нормы права в механизме правового регулирования: современный взгляд на проблему / И. А. Маньковский // Общество, право, личность: вопросы взаимодействия в современном мире : сб. ст. междунар. науч.-практ. заочн. конф., Минск, 10–15 дек. 2016 г. / Междунар. ун-т «МИТСО» ; редкол.: И. А. Маньковский (гл. ред.) [и др.]. − Минск : Междунар. ун-т «МИТСО», 2016. − С. 14–17.

90-А. Маньковский, И. А. Норма права – общетеоретический подход к определению понятия / И. А. Маньковский // Актуальные проблемы правового регулирования в Украине и странах Ближнего зарубежья (Правовые подходы к геополитическим реалиям) : материалы VI междунар. науч.-практ. интернет конф., Львов, 23 дек. 2016 / Львов. торгово-экономический ун-т. – Львов : Львов торгово-экономический ун-т, 2016. – С. 378–382.

91-А. Маньковский, И. А. Юридическая герменевтика как средство разрешения противоречий в процессе судебного разрешения спора о праве гражданском / И. А. Маньковский // Актуальные проблемы современных форм защиты прав и свобод человека и гражданина : сб. ст. междунар. науч.-практ. конф., В. Новгород, 23–24 марта 2017 г. / Новгород. гос. ун-т им. Ярослава Мудрого. – В. Новгород : Новгород. технопарк, 2017. – С. 323–329.

92-А. Маньковский, И. А. Гражданский кодекс Республики Беларусь в системе источников гражданского права: правовые проблемы иерархии / И. А. Маньковский // Инновационная практика в Евразийском экономическом союзе: власть, бизнес, наука : сб. материал. междунар. науч.-практ. конф., Архангельск, 23–24 марта 2017 г. : в 2 ч. / Ин-т управления. – Архангельск : Ин-т управления, 2017. – Ч. 2. – С. 141–145.

93-А. Маньковский, И. А. Понятие нормы гражданского права в условиях реформирования модели гражданско-правового регулирования / И. А. Маньковский // Актуальные вопросы развития юридической науки и практики в современных условиях : сб. ст. междунар. науч.-практ. конф., Новосибирск, 5–7 апр. 2017 г. / Новосиб. гос. технич. ун-т. – Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2017. – С. 182–188.

94-А. Маньковский, И. А. Нормы гражданского права: современный доктринальный подход к определению признаков / И. А. Маньковский // Актуальные проблемы современного развития гражданского, международного морского, хозяйственного и транспортного права : материалы VII междунар. науч.-практ. конф., Киев, 6–7 апреля 2017 г. / Киев. гос. акад. водного транспорта. – Киев : КДАВТ, 2017. – С. 124–128.

95-А. Маньковский, И. А. Модернизация действующей модели гражданского права как ключевой фактор устойчивого экономического роста / И. А. Маньковский // Приоритетные направления модернизации интеграционных процессов Евразийского экономического союза : сб. материалов междунар. науч.-практ. конф «Бесбаевские чтения», Алматы, 20 апр. 2017 г. / Казах. акад. труда и социальных отношений. – Алматы : КазАТиСО, 2017. – С. 226–233.

96-А. Маньковский, И. А. Актуальные направления модернизации гражданского права в современных условиях экономического развития / И. А. Маньковский // Общество, право, личность: вопросы взаимодействия в современном мире : сб. ст. междунар. науч.-практ. заочн. конф., Минск, 10–15 апр. 2017 г. / Междунар. ун-т «МИТСО». − Минск : Междунар. ун-т «МИТСО», 2017. − С. 32–34.

97-А. Маньковский, И. А. Договор в гражданском праве Республики Беларусь: теоретико-прикладные проблемы заключения и исполнения / И. А. Маньковский // Непоименованные и смешанные договоры в гражданском праве России и других государств : сб. материалов междунар. науч.-практ. конф., Ульяновск, 21 окт. 2016 г. / под науч. ред. С. Ю. Морозова / Ульянов. гос. ун-т. – Ульяновск : УлГУ, 2017. – С. 38–51.

Учебные издания

98-А. Маньковский, И. А. Курс гражданского права. Общая часть : в 3 т. / И. А. Маньковский. − Минск : Молодежное, 2006. − Т. 1. − 580 с.

99-А. Маньковский, И. А. Курс гражданского права. Особенная часть : в 3 т. / И. А. Маньковский. − Минск : Молодежное, 2008. − Т. 1. − 512 с.

100-А. Маньковский, И. А. Курс гражданского права. Особенная часть : в 3 т. / И. А. Маньковский. − Минск : Молодежное, 2010. − Т. 2. − 568 с.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 3

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ, ТОЛКОВАНИЯ И ПРИМЕНЕНИЯ НОРМ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА 9

1.1 Досоветский период исследования процессов формирования, толкования и применения норм гражданского права 9
1.2 Проблемы формирования, толкования и применения гражданско-правовых норм в советской юридической науке 11
1.3 Проблемы формирования, толкования и применения норм гражданского права в трудах современных ученых 30

ГЛАВА 2. ФОРМАЛЬНО-СОДЕРЖАТЕЛЬНАЯ ОСНОВА ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА: НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДЕЙСТВУЮЩЕЙ МОДЕЛИ 46

2.1 Системообразующая роль гражданского кодекса как ключевой фактор эффективности норм гражданского права 46
2.2 Понятие и признаки нормы права: общетеоретический подход 61
2.3 Нормы гражданского права: современный доктринальный подход к определению понятия 76
2.4 Статьи нормативного правового акта, нормы-предписания и нормы-суждения: теоретико-прикладные проблемы соотношения 94

ГЛАВА 3. НОРМЫ-ПРЕДПИСАНИЯ КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ ПАРАДИГМЫ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ 105

3.1 Классификация гражданско-правовых норм как необходимая предпосылка формирования эффективной модели гражданско-правового регулирования 105
3.2 Диспозитивные гражданско-правовые нормы: научно-практическая классификация, предназначение и проблемы применения 125
3.3 Научно-практическая классификация, предназначение и проблемы применения императивных норм 143

ГЛАВА 4. ЛОГИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ НОРМЫ: СОВРЕМЕННЫЙ НАУЧНЫЙ ПОДХОД 166

4.1 Концепции логической структуры нормы гражданского права: ретроспективный анализ и современное состояние..... 166
4.2 Элементы логической структуры нормы гражданского права..... 174
4.3 Логическое суждение импликативного типа как основа логической структуры гражданско-правовой нормы 190

ГЛАВА 5. ТОЛКОВАНИЕ И ПРИМЕНЕНИЕ НОРМ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ..... 201

5.1 Понятие, предназначение и методы толкования норм гражданского права: доктринальная характеристика 201
5.1.1 Догматические предпосылки применения юридической герменевтики в процессе уяснения смысла гражданско-правовых норм 201
5.1.2 Отдельные способы толкования норм гражданского права: научно-практическая характеристика 212
5.1.3 Толкование по объему как вспомогательное средство уяснения действительного смысла норм гражданского права 234
5.2 Некоторые особенности практического применения методов толкования норм гражданского права на современном этапе развития цивилистики..... 246
5.3 Нормы-предписания как основа построения категорического силлогизма и практического применения норм гражданского права..... 272

ГЛАВА 6. КОНЦЕПЦИЯ ФОРМИРОВАНИЯ НОРМ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА В СОВРЕМЕННЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ..... 306

6.1 Доктринальные и догматические предпосылки применения новых подходов к формированию норм гражданского права . 306
6.2 Отказ от дихотомии норм как необходимая предпосылка модернизации модели гражданского права 315
6.3 Новый догматический подход к формированию норм гражданского права 332
6.3.1 Теоретико-прикладные аспекты модернизации гражданско-правовых норм 332
6.3.2. Нормативная основа «ограниченной диспозитивности» гражданско-правового регулирования: критический анализ 342

6.3.3 Диспозитивность как характеристика метода гражданско-правового регулирования 348
6.3.4. Практико-ориентированные меры, направленные на модернизацию гражданско-правовых норм, закрепленных в ГК... 361

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 396

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК 417

Научное издание

Маньковский Игорь Александрович

НОРМАТИВНАЯ МОДЕЛЬ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ: ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ, ТОЛКОВАНИЯ И ПРИМЕНЕНИЯ

Монография

Ответственный за выпуск *Е. А. Полторжицкая*
Дизайн обложки *Е. А. Полторжицкая*

Подписано в печать 29.09.2017.
Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 28,15. Уч.-изд. л. 28,85.
Тираж 105 экз. Заказ № 2183

Учреждение образования Федерации профсоюзов Беларуси
«Международный университет «МИТСО».
Ул. Казинца, 21-3, 220099, Минск.
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий № 1/423 от 02.09.2014.

Отпечатано в Производственном дочернем унитарном предприятии
«Типография Федерации профсоюзов Беларуси».
Свидетельство о государственной регистрации издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 2/18 от 26.11.2013.
ЛП № 02330/54 от 12.08.2013.
Пл. Свободы, 23/103, г. Минск.